

Е.С.СЕНЯВСКАЯ

ПСИХОЛОГИЯ ВОЙНЫ В XX ВЕКЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РОССИИ

Е.С. СЕНЯВСКАЯ

ПСИХОЛОГИЯ ВОЙНЫ В XX ВЕКЕ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РОССИИ

Елена Спартаковна Сеньавская (1967 г. р.) – молодой, но уже признанный исследователь военной истории XX века. Работает в Институте российской истории РАН. Доктор исторических наук, автор более 50 научных трудов, в том числе двух книг, получивших широкий отклик в отечественной и зарубежной печати.

Ее первая монография «1941-1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование» (М., 1995) удостоена Государственной премии Российской Федерации 1998 г. для молодых ученых за выдающиеся достижения в области науки и техники. Эта работа открыла новую область в изучении военной истории России – через мысли, чувства, поведение и судьбы редких участников боевых действий. Вторая книга «Человек на войне. Историко-психологические очерки» (М., 1997) положила начало другому направлению в историографии – ориентально-историческому научному поколению российских войн.

Предлагаемая читателю новая книга Е.С. Сеньавской продолжает исследование «человеческого измерения» вооруженных конфликтов и охватывает все внешние войны нашей страны в XX столетии – русско-японскую, Первую мировую, советско-финляндскую, Великую Отечественную, Афганскую, а также военные кампании против японской армии на Хоккайдо и в ходе Второй мировой войны.

Общественная острота и значимость проблемы, новый взгляд на военную историю России, опирающийся на уникальные архивные документы и свидетельства современников, научная глубина исследования в сочетании с отточенным литературным стилем автора, – все это, несомненно, привлечет внимание не только специалистов-историков, психологов, социологов, военных, но и самого широкого круга читателей, всех, кому небезразлична история и судьба Отечества.

серия
«СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ XX ВЕКА»

Российская академия наук
Институт российской истории

Е.С.Сенявская

**ПСИХОЛОГИЯ ВОЙНЫ
В XX ВЕКЕ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ
РОССИИ**

Москва
РОССПЭН
1999

Сенявская Е.С.

С 31

Психология войны в XX веке: исторический опыт России. –

М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 383 с., илл.

В своей истории Россия пережила немало вооруженных конфликтов, но именно в XX столетии возникает массовый социально-психологический феномен «человека воюющего». О том, как это явление отразилось в народном сознании и повлияло на судьбу нескольких поколений наших соотечественников, рассказывает эта книга. Главная ее тема – человек в экстремальных условиях войны, его мысли, чувства, поведение. Психология боя и солдатский фатализм; героический порыв и паника; особенности фронтового быта; взаимоотношения рядового и офицерского состава; взаимодействие и соперничество родов войск; роль идеологии и пропаганды; символы и мифы войны; солдатские суеверия; формирование и эволюция образа врага; феномен участия женщин в боевых действиях, – вот далеко не полный перечень проблем, которые впервые в исторической литературе раскрываются на примере всех внешних войн нашей страны в XX веке – от русско-японской до Афганской.

Книга основана на редких архивных документах, письмах, дневниках, воспоминаниях участников войн и материалах «устной истории». Она будет интересна не только специалистам, но и всем, кому небезразлична история Отечества.

© «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999.

© Институт российской истории РАН, 1999.

© Сенявская Е.С., 1999.

© Серия «Социальная история России XX века» – «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999.

ISBN 5-8243-0084-4

Эта книга – возвращение долга нашим предкам, солдатам и офицерам Русской Армии, незаслуженно забытым героям давних войн.

Это – дань уважения и памяти фронтовому поколению Великой Отечественной, моему отцу и его боевым товарищам.

Это – дань уважения участникам «малых войн», моим ровесникам и друзьям, воевавшим в Афганистане.

Это – боль за тех мальчиков, что проливают сегодня кровь в «горячих точках», и за тех, кому только предстоит пройти через войну...

ВВЕДЕНИЕ

Вся человеческая история может быть поделена на две части – войну и мир. Это два полярных состояния, в которых находится любое общество в своем развитии и отношении с внешним окружением. Несмотря на все упования лучших умов, на надежды и прогнозы гуманистов, что с прогрессом цивилизации крайние конфликтные, разрушительные формы взаимоотношений в человеческом обществе, в том числе и войны, постепенно сойдут на нет, не оправдались. Более того, в последние столетия проявилась тенденция не только учащения войн, но и многократного роста масштаба охваченных ими территорий и людских масс, числа вовлекаемых в них стран и народов, степени ожесточенности, количества жертв и величины ущерба. XX век фактически стал апогеем человеческой воинственности и эволюции войны как особого общественно-политического явления. «Война относится к историческим явлениям, развивающимся наиболее быстро», – считает социолог В.В.Серебрянников, отмечая, что в рамках этого века она «претерпела самые глубокие изменения по социально-политическому содержанию, военно-техническому облику, характеру применяемого оружия, масштабам, разрушительности и истребительности, воздействию на жизнь общества. В XX веке войны в своем развитии достигли ступени мировых войн, охватывая большинство государств и населения мира, огромные сухопутные, морские и воздушные пространства»¹.

В отношении тенденций войны и мира Россия развивалась в русле общемировых закономерностей. На протяжении всей своей истории она пережила немало войн, и XX век не стал в этом смысле исключением. Напротив, самыми тяжелыми и кровопролитными оказались схватки именно новейшего времени – две мировых войны (1914-1918 и 1939-1945 гг.), причем обе были названы современниками Великими и Отечественными, хотя потом, в силу исторически сложившихся обстоятельств, Первая мировая утратила эти патристические имена. Но и «довоенный», и особенно «межвоенный» (до 1941 г.) периоды, выпавшие на долю нашей страны, были насыщены огромным количеством больших и малых вооруженных конфликтов (русско-японская война 1904-1905 гг., Гражданская война 1918-1922 гг., борьба с басмачеством в Туркестане в 1923-1931 гг., советско-китайский конфликт 1929 г., оказание военной помощи Испанской республике в 1936-

1939 гг. и Китаю в 1937-1939 гг., конфликты с Японией в районе озера Хасан в 1938 г. и у реки Халхин-Гол в 1939 г., поход в Западную Украину и Западную Белоруссию в 1939 г., советско-финляндская «зимняя» война 1939-1940 гг.). Характерное для тех лет состояние «взведенного курка» неизбежно сказалось на всех сферах общественной жизни, но наиболее сильно отразилось в народном сознании, наложив отпечаток на судьбу нескольких поколений. Внутренняя готовность к войне, ожидание новой войны как скорой и неизбежной воспитывались и в подрастающих поколениях, родившихся в межвоенный период. А участие армии в ряде локальных конфликтов еще сильнее подпитывало этот общий настрой. Так психология всего общества постепенно превращалась в психологию комбатанта – как реального, так и потенциального.

Великая Отечественная война 1941-1945 гг., действительно ставшая всенародной, пропустившая через свои армии и фронты многомиллионные массы людей, довела этот процесс до логического завершения, перенеся психологический тип личности, сформированный в экстремальной фронтовой обстановке, в гражданское общество, и на многие годы превратив его в доминирующий. Этому способствовала и нагнетавшаяся в послевоенном мире ситуация «Ихотж страной войной» постепенно перешла на «мирные рельсы», для Советской Армии период после окончания Второй мировой войны оказался не таким уж «мирным». Отдельные ее подразделения и части, не говоря уже о военных советниках и специалистах, принимали участие в войне в Корею 1950-1953 гг., в целом ряде локальных войн и военных конфликтов в странах Азии, Ближнего Востока и Африки (Алжир, Египет, Йемен, Вьетнам, Сирия, Ангола, Мозамбик, Эфиопия и др.), в событиях в Венгрии 1956 г. и Чехословакии 1968 г., пограничных конфликтах на Дальнем Востоке и в Казахстане в 1969 г. Наконец, 25 декабря 1979 г. Правительство СССР приняло решение о вводе войск в Афганистан: мы ввязались в затяжную девятилетнюю войну на чужой территории. Эта печальная страница истории закончилась в феврале 1989 г. полным выводом в Союз «ограниченного контингента».

В конце «перестройки и особенно после распада СССР вспыхнули десятки вооруженных конфликтов на территории бывших союзных республик, – конфликтов, в которые оказались вовлечены различные формирования и структуры некогда единой армии единого государства. Война во всех своих проявлениях стала образом жизни сотен тысяч людей, называвшихся ранее советским народом, множество «горячих точек» все еще полыхают или тлеют на постсоветском пространстве. Мы снова вступили в войну (причем в самую страшную – гражданскую), и никто не знает, как из нее выйти. Потому что война, ставшая привычкой, вошедшая в плоть и кровь поколений, продолжает существовать – в психологии, в сознании, в душе – и после того, как она формально закончена.

В течение всего XX века в России происходила поэтапная милитаризация общественного сознания, когда в ходе больших и малых вооруженных конфликтов в гражданскую среду проникали характерные черты психологии комбатанта. Этот процесс был длительным и многоплановым, несущим в себе и негативные, и некоторые положительные черты, которые нельзя рассматривать и невозможно понять в отрыве от исторического контекста эпохи. Но для того, чтобы выяснить, каким образом, под воздействием каких факторов закладывались основы данного процесса, необходимо обратиться непосредственно к войне, в условиях которой и возникает этот социально-психологический и нравственный феномен – комбатант, «человек воюющий».

Тема нашего исследования избрана, исходя из огромной роли духовных явлений в войнах текущего столетия, включая современную ситуацию на территории бывшего СССР, а также влияния психологии участников этих событий на послевоенную жизнь гражданского общества. В России, для которой весь XX век явился

чередой больших и малых вооруженных конфликтов, психология «человека с ружьем» оказалась преобладающей и в мирной жизни, решающим образом повлияла на весь ход ее истории. Таким образом, актуальность целого комплекса проблем, связанных с психологией российских участников войн XX века имеет далеко не только академический интерес, но и насущную практическую значимость, особенно учитывая современную ситуацию и вхождение в мирную жизнь целых поколений, участвовавших в «малых» войнах – начиная с Афганской и включая Чеченскую.

К истории изучения проблемы

«Человек воюющий» – это особое явление, не только социальное, но и психологическое. Однако, в отличие от человека «гражданского», человека в мирной жизни, изучался он явно недостаточно. Военное искусство, техника, другие «прикладные» дисциплины – развивались весьма активно. В гуманитарном ракурсе военных дисциплин изучались преимущественно проблемы агитации и пропаганды, методы усиления их эффективности, тесно связанные с идеологией и политико-воспитательной работой в войсках. Но реальная личность на войне почти не нашла отражения в трудах психологов, социологов, представителей других наук, коим, казалось бы, в первую очередь следовало изучать личность в экстремальных ситуациях, выявляющих ее обычно скрытые качества. Обошла сей предмет своим вниманием и отечественная историография, которая в области исторической психологии, несмотря на отдельные относительно давние попытки, все еще делает первые робкие шаги. Между тем, определенный опыт исследования подобных явлений имеется и в отечественной, и в зарубежной науке.

Проблема носит междисциплинарный характер, поэтому исследования, в той или иной степени ее затрагивавшие, принадлежат к нескольким наукам: истории, психологии и социологии, в частности, к военным их отраслям. Однако собственно исторических исследований, непосредственно посвященных данной тематике или хотя бы крупным ее разделам, нет. Огромное число военно-исторических работ в основном обходило историко-психологическую проблематику, либо сводило ее к военно-политическому аспекту в рамках советской идеологии. В результате исследованием психологии личности на войне занимаются в основном такие отрасли военных наук, как военная психология, военная социология и военная медицина.

Главное на войне – человек. Это всегда понимали талантливые полководцы русской армии, которые, начиная еще с петровских времен, закладывали основы изучения «душевных явлений с военной точки зрения». А с середины XIX века **военная психология** приобрела характер целостной системы и выделилась в самостоятельную отрасль военной науки. Наиболее яркими представителями этого нового направления стали такие военные деятели и мыслители конца прошлого – начала нынешнего столетия, как адмирал С.О.Макаров, генералы М.И.Драгомиров, Г.А.Леер, И.П.Маслов, А.А.Бильдерлинг и др.²

Своего расцвета в дореволюционный период военная психология достигла после окончания русско-японской войны, органично сочетая теоретические изыскания и возможности применения их на практике³. Именно в это время появляются разделы по военной психологии в журналах «Военный сборник», «Педагогический сборник», газетах «Русский инвалид», «Разведчик», публикуются посвященные ей статьи в «Военно-медицинском журнале» и «Психиатрической газете»,⁴ а в Обществе ревнителей военных знаний (общественно-научной организации офицеров Санкт-Петербургского гарнизона) в 1908 г. был создан отдел военной психологии, целью которого была разработка «военной психологии как отрас-

ли общих и военных наук, исследующей духовную сторону явлений войны и наилучшую подготовку и использование психической стороны – сил, средств и способов вооруженной борьбы»⁵. Председателем отдела стал доктор медицины Г.Е.Шумков.

Военный врач, психиатр и психолог, он внес наиболее заметный вклад в развитие военной психологии начала века. В работах Г.Е.Шумкова, опубликованных в военной печати в 1905-1916 гг. дается определение военной психологии, намечаются ее задачи и области исследований, анализируется психика и поведение воинов в различных условиях боя⁶. В период русско-японской войны он положил начало возникновению практической военной психиатрии. Во время работы в Харбинском военном госпитале им был собран уникальный материал о поведении военнослужащих в различных ситуациях боевой обстановки, о физиологических изменениях в организме людей, происходящих под воздействием угрожающей в бою опасности, на основании чего он сделал вывод о тесной зависимости между внешними проявлениями действий и поступков бойца и «волнующими его чувствами и течением мыслей».

По инициативе Г.Е.Шумкова была предпринята попытка изучить боевой опыт, накопленный в ходе войны, для совершенствования морально-психологической подготовки личного состава русской армии. В 1908 г. совместно с другими сотрудниками отдела военной психологии он разработал и разослал офицерам – участникам русско-японской войны специальную анкету, которая даже с позиций сегодняшнего дня представляет из себя вполне профессиональный образец социологического инструментария⁷.

Только за период с 1900 по 1917 г. в печати появилось более 100 публикаций, посвященных психологии боевой деятельности. Одним из основоположников в изучении этого направления считается ординарный профессор Генерального штаба полковник Н.Н.Головин, считавший, что главным в изучении боя должно стать изучение деятельности и свойств человека как бойца⁸. В более поздних работах он высказывал идею о том, что изучение духовной стороны войны может вестись в двух направлениях. Первое из них, которое он определяет как *индивидуальную военную психологию*, исследует изменения в деятельности и свойствах человека, происходящие в нем под влиянием военной обстановки. Второе направление изучает сами явления войны, взятые как нечто органически целое, и представляет собой *коллективную военную психологию*. Однако такое деление Н.Головин считал в значительной мере условным, подчеркивая тесную взаимосвязь и взаимозависимость как между духовной и материальной стороной каждого из явлений войны, так и между индивидуальной и коллективной военной психологией⁹. На этих его положениях основываются и современные исследования в этой области.

Особенно богатый материал для исследований военных психологов дала Первая мировая война. В этот период плодотворно изучали различные состояния воинов в бою А.М.Дмитриевский, В.Н.Полянский, А.С.Резанов, П.И.Изместьев и др. Так, одним из важных объектов изучения А.С.Резанова и П.И.Изместьева стало такое массовое психологическое явление как паника¹⁰.

После революции и в годы Гражданской войны изучением военной психологии в Красной Армии продолжали заниматься военные специалисты Г.Ф.Гирс, П.И.Изместьев, А.Е.Снесарев, А.Н.Суворов и др., сохранявшие традиции и методы старой научной школы. Значительная часть русских военных психологов, в том числе Н.Н.Головин, Р.Дрейлинг, А.Керсновский, А.Баиов, П.Краснов и др. оказались в эмиграции, где продолжали свои исследования. Помимо собственно психологических сюжетов, в работах обоих направлений представлен критический анализ дореволюционной отечественной военной системы и попытки моделирования «будущей русской армии».

К сожалению, в советское время эта важная и неотъемлемая часть российского военно-культурного наследия была в значительной степени утрачена или искажена. Для советской военно-психологической науки оказались характерными две крайности: первая – уклон в медицину (физиологию и психиатрию), и вторая – смешение психологии с идеологией, подмена анализа духовных явлений пропагандистскими лозунгами и декларациями. При этом нередко терялось главное – мысли, чувства человека на войне, реальные психологические механизмы его поведения.

Разработкой военно-психологических проблем в Красной Армии в 1920-е годы занимался М.В.Фрунзе, который дал указание и способствовал созданию в Вооруженных Силах широкой сети психофизиологических лабораторий по исследованию психологии воинской деятельности. В авиации в этот период проводили свои исследования врачи и психологи С.Е.Минц, А.П.Нечаев, Н.М.Добротворский и др., которые во многом заложили основы инженерной военной психологии. Опыт работы врачей и психологов в полевых условиях был обобщен в книгах и на страницах журналов¹¹, а в 1933 г. вышли в свет 10 выпусков Военно-медицинской академии под общим названием «Материалы по психофизиологии труда в РККА». Однако в 1937 г. все психофизиологические лаборатории были ликвидированы, попав под действие постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов»¹². Продолжались лишь научно-исследовательские работы в русле авиационной психологии.

Отсутствие в должной мере разработанной военно-психологической теории вместе с последствиями репрессий командного состава очень скоро стало сказываться на качестве войск, и в январе 1941 г. Нарком обороны СССР вынужден был поставить вопрос о необходимости развития военной психологии для создания психологических основ боевой и политической подготовки в армии¹³.

В период Великой Отечественной войны советская военная психология занималась изучением в первую очередь таких проблем, как анализ боевой деятельности, формирование волевых качеств и выносливости у бойцов, обучение и воспитание личного состава, в том числе на боевых традициях русской и Красной Армии. Так, известный психолог Б.М.Теплов опубликовал исследование «Ум полководца», над вопросами мотивации поведения воинов работал С.Л.Рубинштейн, психологи Б.Г.Ананьев, А.Н.Леонтьев, А.Р.Лурия, А.В.Запорожец и др. занимались проблемами восстановления боеспособности раненых воинов, то есть, практически, реабилитацией боевых стрессовых состояний¹⁴.

За годы войны военные психологи накопили богатый фактический материал о деятельности воинов в боевых условиях, о психологической подготовке личного состава к боевым действиям, и во многом именно на этой основе строили свои исследования в послевоенный период. В 1946-1947 гг. в ряде военных учебных заведений были созданы кафедры военной психологии и педагогики, введен специальный курс для слушателей. В последующие годы продолжалась исследовательская работа, проводились научные конференции, дискуссии, было выпущено учебное пособие Т.Г.Егорова по курсу военной психологии¹⁵. Среди наиболее заметных изданий 1960-х годов следует отметить монографии психолога Г.Д.Лукова, где обосновывается ряд задач военной психологии, раскрывается влияние боевой обстановки на психику и поведение воинов, дается психологическая характеристика процесса обучения и воспитания войск¹⁶. В это же время выходят работы К.К.Платонова, М.П.Коробейникова, Н.Ф.Феденко, В.В.Шеляг и др., рассматривающие вопросы коллективной военной психологии, психологию современного боя, вопросы профессиональной и инженерной психологии в армии¹⁷.

В период «оттепели» в СССР начинают появляться отдельные публикации зарубежных военных психологов, сопровождаемые критикой их «буржуазных взглядов с марксистско-ленинских позиций». Так, в 1960 г. вышла книга англичанина Н.Коупленда «Психология и солдат», а в 1964 г. – сборник переводных статей

«Современная буржуазная военная психология»¹⁸. Долгое время это были едва ли не единственные труды западных исследователей, на которые ссылались в отечественной военно-психологической литературе.

В начале 1970-х годов возобновляются исследования в области военно-социальной психологии и психологическом отборе воинов-специалистов, то есть по тем направлениям, разработка которых прекратилась в конце 1930-х гг.; особое внимание начинает уделяться методологическим и общетеоретическим вопросам¹⁹. В 1970-е – 1980-е годы продолжается изучение проблем морально-психологического воспитания и подготовки войск, однако при этом военно-психологические сюжеты часто подменяются вопросами идейно-политического характера²⁰. В этой связи в особую группу можно выделить труды по *военной философии*, посвященные роли морального фактора в войне, как общетеоретического характера, так и более конкретные, в частности, рассматривающие значение морального фактора в период Великой Отечественной войны²¹. У всех них есть общая особенность: акцентируя внимание на политической стороне морального фактора, авторы упускают из поля зрения морально-психологические величины, считая их менее существенными. Это характерная черта, присущая работам большинства советских исследователей, критиковавших своих западных коллег за чрезмерный «психологизм» и впадавших в другую крайность – абсолютизацию «классового подхода». Особенно показательны в этом отношении ранние труды генерала Д.В.Волкогорова, которые сильно отличаются от его последних, более известных работ иной идеологической направленности²².

В целом, при всем обилии публикаций на военно-психологические темы, изучение собственно личности в экстремальных ситуациях войны явно отставало от разработок по инженерной и коллективной военной психологии. Сегодня, когда так много «горячих точек» на территории бывшего Союза, и люди, обожженные войной, по возвращении оттуда вливаются во все слои общества, этот «пробел» ощущается особенно сильно. Общество чувствует, что они не такие, как все, – другие, особенные, часто непредсказуемые, – и не знает, что с ними делать. Как поведут они себя в мирной обстановке, чего следует от них ожидать в той или иной ситуации, какое требуется к ним отношение? Ответы на эти и другие вопросы пытаются дать современные исследователи. И хотя сама проблема стара, как мир, для нас она оказалась столь болезненной именно в последние годы. Не случайно, в начале 1990-х гг. заметно активизировался интерес к военно-психологической проблематике. Так, в Гуманитарной Академии Вооруженных Сил в 1992-1993 гг. вышло несколько новых учебных пособий, в том числе «Курс военной психологии», и монография Феденко Н.Ф. и Раздueva В.А. «Русская военная психология. (Середина XIX – начало XX века)»²³. К сожалению, и в них все еще присутствует характерный для советской военной психологии уклон в две крайности: с одной стороны, в медицину (физиологию и психиатрию), а с другой, – в идеологию. Новые подходы обозначены лишь в недавно опубликованном учебном пособии «Военная психология и педагогика», где главное внимание уделяется морально-психологическому обеспечению жизнедеятельности войск, в том числе в боевых условиях²⁴.

Что касается *военной социологии*, то в период своего становления она развивалась параллельно с военной психологией, тесно переплетаясь с ней, поэтому среди основоположников обоих направлений мы встречаем одни и те же фамилии – Н.А.Корфа, Н.П.Михневича, Г.Е.Шумкова, Н.Н.Головина и др. Сам термин «военная социология» был введен в оборот в 1897 г. Генерального штаба капитаном бароном Н.А.Корфом, который понимал ее как «науку о военно-социальных явлениях»²⁵. Об эмпирическом этапе становления этой новой науки можно говорить применительно к началу XX века, когда в дореволюционной русской армии наряду с психологиче-

скими и статистическими успешно использовались и социологические методы сбора информации, например, анкетные опросы²⁶.

Вплоть до 1917 г. отечественная военная социология развивалась в русле мировой науки²⁷, однако многое из наследия русских ученых в последующие годы оказалось утраченным или невостребованным.

Широкомасштабные эмпирические социально-статистические исследования проводились и в Красной Армии в 1920-е годы, но уже с ярко выраженным «классовым» подтекстом²⁸. Формально социология войны определилась как самостоятельная отрасль социологической науки в 1930-х гг., однако уже в начале десятилетия проведение исследований было ограничено, а к его концу полностью прекращено. Наступил период институционального запрета, который продолжался тридцать лет. По мнению специалистов, эти потерянные годы, отделяющие нас от успешно развивавшейся западной военной социологии, в полной мере не удалось преодолеть до сих пор²⁹.

Возрождение отечественной военной социологии можно отнести к началу 1960-х гг., когда в бывшем Главном политическом управлении Советской Армии и Военно-Морского Флота был создан отдел военно-социологических исследований, а затем и другие подобные образования в рамках военных структур. Появились публикации, относящиеся к данному научному направлению³⁰.

Однако военное руководство всячески препятствовало проведению социологических исследований в армии. Результаты исследований по целому ряду актуальных вопросов, включая негативные явления в армейской среде, социальные причины аварийности в военно-воздушных силах, пределы морально-боевой стойкости личного состава в современной войне и т.п., согласно «Положению об отделе военно-социологических исследований», под грифом «секретно» и «совершенно секретно» докладывались только начальнику Главного политического управления СА и ВМФ. Таким образом, «ценнейшие материалы, научные выводы и рекомендации обрекались на безвестность»³¹, никаких мер на основании полученных данных не предпринималось. До 1991 г. в нашей стране военная социология даже не упоминалась ни в одном социологическом справочнике³², что свидетельствовало об отношении государства и армейского руководства к этой отрасли военного знания.

Определенные сдвиги наметились в начале 1990-х гг. Так, с сентября 1990 г. в Военно-политической академии им. В.И.Ленина (в 1991-1994 гг. – Гуманитарной академии ВС РФ, с 1995 г. – Военном университете) функционирует кафедра военной социологии. В 1992 г. создан Центр военно-социологических, психологических и правовых исследований Вооруженных Сил Российской Федерации. № 12 журнала «СОЦИС» («Социологические исследования») за 1993 г. целиком посвящен проблемам военной социологии – преимущественно современной армии, хотя содержит и ряд теоретических материалов, в том числе весьма содержательную статью И.В.Образцова «Военная социология: проблемы исторического пути и методологии»³³. В 1996 г. фонд «ВОИН» («Военно-историческое наследие») в серии «Библиотека российского офицера» выпустил книгу С.С.Соловьева «Основы практической военной социологии», где не только определяются направления прикладных военно-социологических исследований, но и дается методика их проведения, а в приложении помещены образцы анкет и другие практические разработки.

В последние годы все больше внимания уделяется публикациям трудов русских военных мыслителей послеоктябрьской эмиграции, которые были изданы в 1920-е – 1930-е гг. за рубежом и долгое время находились в спецхране, недоступные советскому читателю. Так, в 1995 г. в уже упомянутой серии «Библиотека российского офицера» вышел сборник «Философия войны», куда вошли работы А.Керсновского, А.Мариюшкина, Н.Головина, П.Залесского и А.Баиова³⁴. В 1997 г. в серии «Российский военный сборник» (Вып. 13) была выпущена книга

«Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы», подготовленная военно-научным центром «Отечество и воин». В ней опубликованы работы П.Краснова, Р.Дрейлинга, А.Керсновского, Н.Головина, А.Попова, А.Баиова, Н.Краинского, П.Ольховского, Е.Месснера, В.Доманевского, Е.Новицкого, Н.Колесникова, Б.Штейфона и Е.Шелль³⁵. По целому ряду вопросов их теоретическое наследие может служить методологической основой современных исследований по военной социологии и психологии.

Наконец, в 1997 г. вышла в свет фундаментальная монография В.В.Серебрянникова «Социология войны»³⁶, где среди других проблем рассматривается «внутренняя сторона войны, проявляющаяся в действиях, поведении, морально-психологических состояниях человека и воинских масс в ходе вооруженной борьбы». Одна из ее глав называется «Общество и война», в ней автор рассматривает вопросы методологии исследования воздействия войны на общество, основные направления этого воздействия, отношение общества к войне на разных этапах исторического развития, выделяет типологию обществ по различным аспектам отношений к вооруженным конфликтам, разрабатывает методику выявления отношений к войне различных социальных субъектов.

Отдельная глава книги под названием «Человек и война» посвящена вопросам влияния вооруженных конфликтов на эволюцию человека. Здесь автор рассматривает роль войны в социальном отборе; ее воздействие на физиологию человека и демографию; влияние на укрепление социальной солидарности, подвижности-мобильности и общения людей; значение в социализации человека, формировании его гражданских качеств; взаимосвязь войны и развития интеллекта, сознания и поведения человека, его эстетических чувств и переживаний и т.д. По определению автора, социологическое исследование воздействия войны на человека имеет целью «выявить изменения, которые она порождает в различных социальных качествах человека, а также в различных сторонах его жизни, деятельности и поведения»³⁷. Другой вопрос, который исследуется в данной главе, это поведение человека в ходе вооруженной борьбы, роль личности командира и рядового в достижении победы, изучение эволюции боевой активности людей. Автор особо останавливает свое внимание на методах определения цены войны и победы, анализируя количественные социологические измерения явлений вооруженной борьбы, возможности применения статистики для выявления законов динамики морального духа сражающихся масс и людей³⁸. И наконец, в общем ряду проблем рассматривается отношение к войне личностей, социальных групп, общества в целом и факторы, его определяющие; приводится типология людей по их отношению к войне; особо выделяется проблема военного приказа, включая ответственность военнослужащих за отказ ему подчиниться, с одной стороны, и за выполнение преступного приказа, с другой.

На сегодняшний день работа В.В.Серебрянникова – это, пожалуй, единственный обобщающий труд в области военной социологии, где исследовательские проблемы решаются в методологическом и практическом ключе, на материалах вооруженных конфликтов XX века.

Другая категория работ, соприкасающихся с темой нашего исследования, относится к слабо разработанной в отечественной науке области *исторической психологии*. Здесь, к сожалению, можно упомянуть лишь работы Б.Ф.Поршнева и его учеников³⁹, так как исследования в этом направлении, начиная с конца 1970-х гг. надолго заглохли. Лишь недавно вновь возродился интерес к психологическому направлению в исторической науке, о чем свидетельствуют проведенные в Институте российской истории РАН конференции «Российская история: проблемы менталитета» (1994) и «Менталитет и политическая история России» (1996), постоянно действующий с 1994 г. «круглый стол» «Россия и мир: проблемы взаи-

мовосприятия», появившиеся диссертации и публикации в журналах⁴⁰. Среди них есть и отдельные работы по массовой психологии в условиях войн XX века⁴¹. Примерно в это же время были возвращены из спецхрана и недоступные ранее массовому читателю труды зарубежных специалистов, в том числе эмигрантов. В их ряду особо следует отметить работу В.М.Зензинова «Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную Армию. 1939-1940»⁴².

Из монографий, в той или иной степени затрагивающих «околовоенные» сюжеты, можно отметить работу Е.Ю.Зубковой «Общество и реформы. 1945-1964» (1993), где уделено внимание психологии «своеобразного нового социума» – вернувшихся с войны к мирной жизни фронтовиков. И хотя, по признанию автора, война как таковая не является предметом ее изучения, в книге она определяется как рубеж, точка отсчета, начальная хронологическая (и социально-психологическая) веха тех общественных процессов, которые получили развитие в стране в послевоенные годы. «Без уяснения феномена войны, вошедшей в плоть и кровь поколений, не понять хода последующей истории, механизмов общественного поведения, смены чувств и настроений людей»⁴³, – утверждает исследователь и посвящает ряд страниц своей монографии социально-психологическим аспектам войны, оказавшим огромное влияние на формирование послевоенной атмосферы.

Что касается трудов других историков, работающих в данном направлении, то две книги автора – «1941-1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование» (1995) и «Человек на войне. Историко-психологические очерки» (1997) – на сегодняшний день являются единственными монографическими исследованиями, посвященными непосредственно психологии участников вооруженных конфликтов, причем вторая из них – в сравнительно-историческом аспекте⁴⁴.

Совершенно иной была ситуация в аналогичных отраслях зарубежной науки, – как военной, так и гражданской. Начиная с классической школы «Анналов», историческая психология активно развивалась по целому ряду направлений⁴⁵. Что касается собственно военной ее отрасли, то появился даже специальный термин «war mentality», обозначающий состояние умов в военное время, психологию военного времени. Одним из методологических образцов такого рода исследований может служить труд английского историка Макса Хастингса «Операция “Оверлорд”»: как был открыт Второй фронт», где автор на материалах «устной истории» воссоздает психологическую атмосферу высадки союзных войск в Нормандии. Работы его соотечественников Джона Кигана и Ричарда Холмса посвящены месту рядового солдата в современной войне: его подготовке, побудительным мотивам, поведению в боевой обстановке, надеждам и ожиданиям, ощущениям раненых и контуженных, и т.д. Есть и другие подобные исследования⁴⁶.

В целом состояние историографии позволяет сделать вывод, что хотя и существуют отдельные методические и узкоприкладные разработки в смежных областях знания, собственно историко-психологических исследований, посвященных теме монографии, практически нет. Однако, без использования исторической науки в изучении военно-психологических проблем картина не может быть полной и точной. В силу своей специфики, историческая наука одна способна восполнить целый ряд пробелов, которые образуются при разработке этих проблем другими научными дисциплинами. Во-первых, она позволяет изучать эти явления в исторической динамике, сопоставлять психологические феномены в различные периоды истории. Во-вторых, только эта наука дает возможность изучать военную психологию в наиболее полном общественном контексте – событийном, духовно-идеологическом, материально-техническом и т.д. В-третьих, именно историческая наука располагает таким специфическим исследовательским инструментарием, как источниковедение – особая ее отрасль, ориентированная на отработку методик анализа исторических источников, то есть всех видов информации, относящихся к

прошлому. Наконец, историческая наука не связана с жесткими предметными рамками узконаучных дисциплин и способна синтезировать приемы и методы других наук, включая, в частности, военную психологию и военную социологию. Есть также ряд других преимуществ исторического изучения «психологии войны», которые позволяют рассматривать результаты исследования не только в узконаучном значении, а ориентируясь на практику, в том числе вырабатывать практические рекомендации, опираясь на результаты сопоставления различных войн, определения основных тенденций в эволюции психологических факторов с развитием материально-технических средств ведения войны, с изменением общественных условий и т.д.

Поэтому становление такого направления в исторической науке как «Психология войны в XX веке», несомненно, может как расширить горизонты военного знания, качественно дополнив его психологический и социологический ракурсы, так и раздвинуть границы знания собственно исторического. Изучение психологии российских участников вооруженных конфликтов в этом контексте приобретает особое значение, потому что человеческий фактор как раз и составляет ядро, суть социально-психологических и духовных явлений.

Цели и задачи исследования

Очевидно, что без учета психологического фактора невозможно адекватное научное осмысление новейшей отечественной истории, причем не только «военной», но и гражданской, а также современности. Понимание этого определило основные направления нашего исследования.

В данной монографии впервые в исторической науке рассматривается психологическая составляющая основных вооруженных конфликтов XX века; дается ее сравнительно-исторический анализ в больших и малых войнах, которые вела Россия (СССР) в этот период; используются в основном впервые вводимые в научный оборот источники; обосновывается и применяется разработанная автором методика сравнительно-исторического исследования психологических феноменов вооруженных конфликтов.

В качестве *объекта изучения* выступают *российские участники полномасштабных внешних (межгосударственных) войн России и СССР в XX веке (русско-японская 1904-1905 гг., Первая мировая 1914-1918 гг., советско-финляндская 1939-1940 гг., Великая Отечественная война 1941-1945 гг. и Дальневосточная кампания 1945 г., Афганская война 1979-1989 гг.)*. Сравнительно-исторический характер исследования предопределил необходимость сопоставления событий по целому ряду параметров, в различных исторических и геополитических условиях, причем сравниваются друг с другом не только примерно равномасштабные конфликты, но и имеющие другие сходные черты (мировые войны, локальные войны на отдельных участках границы, войны на своей или чужой территории, и т.д.). В каждом случае учитывается и комплекс других факторов – социально-политических, идеологических, национальных и других.

Локальные вооруженные конфликты (как официальные, так и неофициальные) в монографии не рассматриваются, поскольку они являлись, как правило, кратковременными, в них был задействован весьма ограниченный контингент войск и не могли в полной мере проявиться психологические закономерности, характерные для полномасштабных и продолжительных боевых действий. Поскольку исследование носит в значительной мере сравнительно-исторический характер, мы делаем исключение только для *событий на озере Хасан в 1938 г. и у реки Халхин-Гол в 1939 г.*, так как они дают материал для компаративного анализа

одного и того же исторического противника России – Японии – в целом ряде вооруженных конфликтов XX века, позволяя рассмотреть в динамике один из важных для нашего исследования аспектов проблемы – формирование и эволюцию образа врага.

При рассмотрении Первой мировой войны мы ограничиваемся дореволюционным временем, так как революция привнесла и в ход войны, и в сознание людей много специфических моментов, выйдя за рамки сугубо внешнего вооруженного конфликта. Мы сознательно не включаем Гражданскую войну 1918-1922 гг. (как и другие внутренние конфликты) в объект нашего исследования, так как она относится к радикальным формам противостояния внутри самого общества. Если в межгосударственных войнах достаточно ясно прослеживаются субъекты конфликта, состав участников, их интересы и цели, то гражданская война, помимо своей крайней жесточечности, отличается еще и неопределенностью этих параметров. Крайней противоречивостью, «размытостью» характеризуются не только разделительные фронтовые линии, эти противоречия проходят и через души людей. Так, одно из ключевых для понимания психологии войны и ее участников понятий «свой-чужой», оказывается трагически разорванным и одновременно переплетенным, – ведь в гражданской войне друг против друга идут бывшие граждане одного государства, представители одной нации, земляки, недавние друзья, а нередко и члены одной семьи. Поэтому психология гражданских войн – особый объект для историко-психологического исследования и требует специального самостоятельного изучения с использованием принципиально иной методологии, исследовательских подходов и даже инструментария.

Особое место в системе вооруженных конфликтов занимает партизанская война или повстанческое движение, то есть действие иррегулярных формирований, которые могут приобретать как самостоятельное значение (борьба «моджахедов» против советских войск в Афганистане), так и подчиненное общей стратегии и тактике регулярной армии (партизанское движение в СССР в годы Великой Отечественной войны), или даже вспомогательное значение (действие диверсионных отрядов и групп, и т.п.). Мы также исключаем эту категорию участников боевых действий из нашего исследования как крайне специфическую, действующую не в открытом бою, а в тылу противника, вследствие чего ее весьма сложно определить как военно-правовой субъект, провести четкую грань между комбатантами, признающимися международным правом, и диверсантами, лазутчиками, шпионами и террористами, которые в случае захвата не считаются военнопленными и могут быть казнены как обычные преступники. Особые условия действий партизанских и повстанческих отрядов порождают и крайне специфическую психологию «партизанской вольницы», иные, нежели у регулярной армии, формы борьбы и вследствие этого – нормы отношения к противнику, законам и обычаям войны и т.д. Таким образом, даже советское партизанское движение в период Великой Отечественной войны и психологию его участников следует рассматривать как особый предмет исследования, также, как и изучение гражданской войны, требующий своих подходов и методов.

Хронологические рамки исследования охватывают XX век, точнее календарные границы перечисленных выше войн и вооруженных конфликтов, определенных нами в качестве объекта изучения. Вместе с тем, по мере необходимости, мы затрагиваем и отдельные процессы межвоенных периодов.

Монография посвящена одной из ключевых и практически неизученных проблем российской истории на ее переломных этапах – роли психологического фактора в мировых и локальных войнах XX века. **Предметом изучения** в ней является *психология комбатантов (непосредственных участников боевых действий в составе регулярной армии)* в основных военных конфликтах, в которых участвовала отечественная армия в текущем столетии.

Российские участники вооруженных конфликтов могут являться объектами различных типов исследования, в зависимости от того, в рамках какой науки они проводятся, и какой ракурс рассмотрения проблемы избран. Поскольку наше исследование принадлежит собственно исторической науке, предметом его является психология комбатантов, а основными ракурсами – конкретно-историческое и сравнительно-историческое ее изучение, то нас интересует определенный круг характеристик, тесно связанных с психологическими параметрами участников войн, причем как с массовой, коллективной, так и с индивидуальной, личностной психологией.

Основная *цель исследования* заключается в том, чтобы *проследить эволюцию психологических факторов войны на основе анализа опыта участия русской и советской армий в главных вооруженных конфликтах XX века*. При этом автор не стремится охватить всю огромную область историко-психологических явлений, которую представляет собой человек на войне, так как исследование носит прежде всего постановочный характер, подразумевающий обозначение и определение основных контуров, границ этой области, ключевых проблем, встающих перед ее исследователями-историками. Следствием этого является комплексность исследования, которое не ограничивается только методологическими, методическими или источниковедческими аспектами: все они разрабатываются в монографии в едином ряду с конкретно-историческим анализом ключевых историко-психологических проблем. Наряду с конкретно-историческим, проблема человека на войне носит также историко-теоретический и междисциплинарный характер, вследствие чего необходим выход и на теоретический уровень ее осмысления.

В комплекс *задач исследования* входит разработка следующих проблем:

- определение историко-теоретических подходов к изучению психологии войны: разработка типологии войн в «человеческом измерении»; выявление специфики больших и малых войн с точки зрения исторической психологии; характеристика мировых войн как феномена XX века;

- апробирование на материале мировых и локальных войн возможностей ряда методик и комплексов различных источников для изучения психологии войны в XX веке;

- определение того общего во всех войнах, что влияет на психологию армии, и особенного, в зависимости от специфики конкретной войны с присущими ей параметрами (масштабы войны, ее оборонительный или наступательный характер, значение для государства, идеологическое обоснование целей, социально-политический контекст, включая общественное мнение и отношение к данному конфликту внутри страны, и т.д.);

- реконструкция совокупности факторов, влияющих на формирование и эволюцию психологии комбатантов, на их поведение в экстремальных ситуациях;

- изучение психологических явлений и феноменов на войне: психологии боя и солдатского фатализма; особенностей самоощущения человека в боевой обстановке; героического порыва и паники; психологии фронтового быта;

- выявление особенностей психологии рядового и командного состава армии, а также военнослужащих отдельных родов войск и военных профессий в зависимости от форм их участия в боевых действиях;

- изучение влияния вневойсковых социальных и социально-демографических факторов и параметров на психологию военнослужащих: возрастных характеристик, социального происхождения и жизненного опыта, образовательного уровня и др.;

- рассмотрение ряда социально-психологических и социально-демографических феноменов, в частности фронтового поколения в Великой Отечественной войне и массового участия женщин в войнах XX столетия;

- изучение взаимовлияния идеологии и психологии вооруженных конфликтов, в том числе идеологического оформления войны, механизмов формирования героических символов, их роли и места в мифологизации массового сознания;
- изучение диалектики соотношения образа войны в массовом общественном сознании и сознании ее непосредственных участников;
- анализ проявлений религиозности и атеизма в боевой обстановке, включая солдатские суеверия как одну из форм бытовой религиозности;
- изучение эволюции понятий «свой-чужой» и формирования образа врага в различных вооруженных конфликтах, в том числе в сравнительно-историческом анализе мировых и локальных войн;
- определение того, как условия конкретной войны влияют на дальнейшее существование комбатантов (включая проявление посттравматического, прежде всего «афганского синдрома», проблемы выхода из войны, механизмы и способы адаптации к послевоенной мирной жизни).

В соответствии с этими задачами и построена монография – по проблемно-хронологическому принципу. При этом каждый вопрос рассматривается в исторической динамике, на примере главных войн России в XX веке.

Источниковая база исследования

Источниковой базой исследования является широкий круг разнообразных видов и категорий источников, преимущественно впервые вводимых в научный оборот. Прежде всего, это архивные материалы из РГВИА, ЦАМО РФ, РГВА, ЦХДМО, ЦДНА при МГИАИ, ЦМ ВС, БГМИ ВОВ, МБС ИФ МГУ и др., опубликованные в дореволюционное и советское время в отечественных и зарубежных изданиях мемуарные и эпистолярные источники, а также данные историко-социологических обследований – в форме анкетирования и интервьюирования непосредственных участников ряда исследуемых событий (Великой Отечественной и Афганской войн), проведенных автором по специально разработанной им программе.

Изучение субъективной реальности, какой являются психологические явления и феномены, возможно главным образом на основе субъективных источников. Поэтому в основу исследования нами положены прежде всего *источники личного происхождения*, освещающие психологию личности «изнутри» (*письма, дневники, воспоминания*), как наиболее адекватные предмету и задачам исследования, поскольку основной спектр историко-психологических проблем вооруженных конфликтов XX века рассматривается на индивидуально-личностном уровне их участников. Поставив себе цель – показать войну «из окопа», глазами непосредственных участников боевых действий, мы привлекаем свидетельства не столько известных полководцев, сколько рядовых солдат и офицеров младшего и среднего звена, представителей всех родов войск со свойственными им особенностями психологии и восприятия военной действительности. Активно используются также *материалы «устной истории»*, особенно собранные автором воспоминания-интервью участников Афганской войны.

С другой стороны, в монографии используются *официальные источники* трех видов.

Первый из них носит в основном пропагандистский характер: это *листовки, военная печать (фронтовая, армейская, дивизионная) и публицистика*, не столько отражающие реальную атмосферу в обществе и среди военнослужащих, с разной степенью объективности фиксирующие деятельность и поступки людей, через которые проявляется их характер, мировоззрение и мировосприятие, сколь-

ко выполняющие задачу формирования стереотипов массового сознания, которые выгодны в данный момент государственной власти. Так, этой категории источников принадлежит ведущая роль в создании героических символов как феномена общественного сознания в определенный исторический период.

Второй источник, дополняющий картину пропагандистских представлений конкретной эпохи более объективными данными, также имеет немаловажное значение при исследовании героических символов. Это **наградные материалы** (представления к наградам, в том числе в форме наградных листов, переписка различных инстанций по вопросу о награждениях и т.п.), которые содержат описание подвигов и помогают проследить эволюцию представлений о том, что в разных войнах считалось героическими поступками и каким из них отдавалось предпочтение для поощрения наградами, каковы были критерии присвоения наград разного статуса.

Третий вид документов имеет скорее характер аналитический. В первую очередь, к нему относятся **материалы военной цензуры**, анализирующие настроения в собственной армии, причем для Великой Отечественной и советско-афганской войн ту же функцию выполняли еще и **политсводки и политдонесения**. Если цензура строит свои выводы в основном на анализе перлюстрированных писем военнослужащих, то донесения политических органов опираются как на официальные отчеты о проведенных в войсках мероприятиях «партийно-политической работы», так и на доносы информаторов о разговорах и настроениях в армейской среде. Близкий к данной категории тип источников представляют собой **боевые донесения и доклады**, содержащие информацию о настроениях в войсках неприятеля, основанные на данных разведки и показаниях военнопленных, что особенно важно при изучении формирования и эволюции «образа врага».

Для исследования духовной сферы имеют значение не только источники, фиксирующие те или иные события, явления или их оценки конкретными лицами, но и источники, заключающие в себе обобщенную, часто художественную оценку, и приобретающие особую ценность вследствие независимого от создателя источника широкого социального бытования. В этом случае содержащиеся в них мысли и оценки приобретают характер знака, символа, определенного среза духовной реальности. Поэтому, кроме перечисленных выше, в монографии также используются источники, в обобщенной форме отражающие универсалии и стереотипы массового сознания, – например, **поэтические и фольклорные произведения**.

Наряду с источниками, отражающими явления духовной сферы, характеризующими массовое сознание и индивидуальную психологию, то есть область «субъективного», ментального, в исследовании нельзя было обойтись и без других, освещающих «объективную» (фактическую, событийную) сторону объекта изучения, выступающую в качестве исторического фона. Особое место среди этой категории источников занимают **данные статистики** – демографической, социальной, военной и др. Например, для раскрытия психологических явлений в армии в период ведения боевых действий важна вся совокупность объективных параметров, характеризующих как конкретную войну (условия ее возникновения, масштабы, длительность и проч.), так и саму армию (ее численность, виды и рода войск, вооружение, статистику боевых потерь и т.д.).

Сравнительный анализ историко-психологических явлений, характерных для разных войн XX века, основывается преимущественно на сопоставлении однотипных источников, относящихся ко всем изучаемым периодам, однако сочетание основных источников для освещения особенностей каждой из войн не всегда одинаково. Так, при рассмотрении событий начала века мы используем лишь письменные источники, в том числе эпистолярные и мемуарные, а для Афганской войны в общем ряду мемуарно-эпистолярных источников в нашей работе доминируют материалы глубокого интервью. (Образцы использованного нами историко-социологического инструментария включены в приложение к монографии.)

В наши задачи не входит детальная характеристика каждой из перечисленных категорий источников, однако некоторые из них, а именно – *источники личного происхождения*, в силу своей специфики заслуживают более подробного анализа в качестве основы историко-психологических исследований. Рассмотрим их особенности, в первую очередь, применительно к периодам Первой мировой и Великой Отечественной войн.

Наиболее важный массив материалов по нашей теме – письма, дневники, воспоминания участников войн XX века. Именно они являются основными источниками для изучения психологических особенностей современников или людей сравнительно недавнего прошлого. При анализе этих документов необходимо учитывать социальную обусловленность мышления их создателей и различать три уровня отражения духовных процессов: общие представления эпохи, идеи и представления той социальной общности, к которой принадлежит автор, и, наконец, его собственное, индивидуальное отношение к действительности. К мемуарам примыкает и совершенно особая категория источников – устные воспоминания, которые существуют до тех пор, пока жив человек – носитель памяти об исторических событиях. В последнее время, с широким распространением звукозаписывающих устройств, появилась возможность фиксации свидетельств и документов «устной истории», перевода их на магнитные носители с последующей расшифровкой и созданием еще одной разновидности письменных источников – записи «воспоминаний-интервью».

Главная особенность мемуаров и переписки – их субъективность. В описании фактов проявляются индивидуальные качества автора, его мировоззрение и политические взгляды. Связанная с этим специфика в изложении событий, в характеристике людей иногда определяется как субъективность, то есть личное мнение автора⁴⁷. Однако, на наш взгляд, это слишком узкое ее понимание, не включающее ни индивидуальной формы отражения действительности автором документа, ни многообразного спектра его переживаний. Значение мемуарных и эпистолярных источников очень велико, и дело даже не в том, что по целому ряду вопросов они служат единственным свидетельством. Источники личного происхождения играют первостепенную роль в воссоздании «живого образа человека» в его неповторимой индивидуальности, дают возможность восстановить атмосферу эпохи, психологический фон событий, без которых немислимо и само их понимание. Именно эти источники позволяют приоткрыть внутренний мир своих создателей, сделать изучение событий прошлого живым, эмоциональным.

Основным источником переписки и мемуаров является память, аккумулирующая человеческий опыт, сохраняющая традиции. При этом по памяти в первую очередь воспроизводится необходимое в человеческой деятельности, что связано с процессами мышления⁴⁸. Однако запоминается подчас не все существенное; на первый план могут выступать разрозненные и даже случайные факты, а события более значительные – упущены, что-то может быть привнесено автором позднее, на основании других впечатлений, или просто придумано, но тем самым эти источники являются характерным отображением духовной деятельности людей, свидетельством особенностей все той же человеческой психики. Исследования психологов показывают, что наиболее значительные и важные для себя события человек запоминает в первую очередь, наиболее правильно и точно; то, что произвело на него наибольшее впечатление и было связано с более или менее сильными чувствами, сохраняется в памяти в течение продолжительного времени⁴⁹. То есть процесс запоминания связан, прежде всего, с эмоциональным восприятием событий. Сами мемуаристы нередко подчеркивают сложности, с которыми сталкиваются, когда вспоминают прошлое. «Странная это вещь, память, избирательная, – размышляет ветеран Великой Отечественной Мансур Абдулин. – Картинку, например, помнишь до подробностей, звуки помнишь, запахи и, что

интересно, мысли, которые в тот миг думались, помнишь... А название места забыл! Или неправильно его произносишь. Или дата не та!.. Но вот что тяжелей: ведь все, о чем я пишу, мне надо пережить заново, и у меня от этого «заново» стало побаливать сердце. Я могу записать «солдатский дневник», как он есть во мне, только через *свои собственные ощущения*. Может быть, мои товарищи гвардейцы и фронтовики узнают в этом описании и себя самих, и свои чувства в те дни...»⁵⁰

В той же связи особое место занимают так называемые «лирические отступления», время от времени прерывающие изложение событий, – это размышления, описания мыслей, чувств, впечатлений, личные оценки автора по поводу происходящего в окружающей его действительности. Что может быть субъективнее, чем этот своего рода «источник в источнике», весьма своеобразный элемент в и без того сложной структуре мемуарной и эпистолярной литературы? И тем не менее, именно эта часть источника является наиболее значимой в раскрытии и освещении психологии отдельного человека, а совокупность такого рода материалов дает возможность широкого обобщения, создания образа целого поколения, жизнь и деятельность которого пала на определенный отрезок времени.

В этом смысле особо выделяются источники периода Великой Отечественной войны, и не только потому, что своеобразие исторических условий, в которых они создавались, наложило отпечаток как на форму, так и на содержание этих документов (это закономерное явление, так как любой исторический источник является носителем социальной информации, продуктом своего времени), но и потому, что влияние событий Великой Отечественной войны определило целый исторический период в развитии духовной атмосферы советского общества, необычайно сильно отразилось в индивидуальном и массовом сознании всего населения нашей страны, а источники личного происхождения, как самый интимный, и потому отличающийся высокой степенью психологической достоверности вид документов, наиболее ярко воплотили в себе черты этого сознания во всей его многогранности, сложности и противоречивости. Обратимся к словам К.Симонова, подчеркивавшего огромную важность записи и сохранения воспоминаний о войне – «живой» памяти и «живой» истории: «Для того, чтобы выработать какой-то взгляд на войну, надо ее знать. Для того, чтобы сказать о ней правду, надо знать взгляды разных людей, которые участвовали в ее событиях... Мы окажемся тем ближе к правде, чем больше будем разговаривать с людьми, которые участвовали в войне, докапываясь до их индивидуальной правды, точки зрения на войну, то есть до собственного рассказа человека о том, что он видел, чувствовал, переживал, как он смотрел на вещи, как он считал тогда, – это особенно важно постараться восстановить – как он считал *тогда!*.. Мне кажется, что нужно как можно больше знать о войне и искать правду на скрещении разных точек зрения»⁵¹.

В своем исследовании мы еще неоднократно будем обращаться к свидетельствам писателей и поэтов – ветеранов Великой Отечественной, чьи размышления о своем времени в публицистических статьях и литературных произведениях носят характер «обобщенной мемуаристики», – ибо, художественно переосмыслив личный жизненный опыт, они выражают настроения большинства своих сверстников, соратников и друзей, фронтового поколения в целом.

Говоря о таком источнике, как письма с фронта, следует отметить, что, хотя он и является массовым, при работе с ним, как правило, приходится иметь дело с единичными письмами многих авторов, в то время как комплексы писем одного лица встречаются сравнительно редко. В тех случаях, когда такие письма принадлежат перу известных людей или адресованы им, они могут отложиться в именных фондах архивов и музеев. Что касается писем рядовых граждан, то они обычно хранятся в семейных и личных архивах участников войны или их родственников, недоступные исследователям, а по прошествии времени часто оказываются утраченными. Но и получив доступ к частным архивам, не всегда можно обнаружить

полную подборку документов за интересующий нас период: даже если солдат или офицер оставался жив и не выбывал надолго из строя по ранению, в сложных условиях военного времени далеко не все письма доходили по назначению. Лишь в отдельных случаях письма с фронта позволяют проследить боевой путь автора от начала и до конца войны (или до его гибели), – но это редкая удача для историка. Поэтому в данной книге мы активно используем обнаруженные нами три комплекса писем участников мировых войн (А.Н.Жиглинского, И.И.Чернецова и Ю.И.Каминского), относящиеся к числу именно таких уникальных находок. Полностью они были опубликованы в приложении к монографии автора «Человек на войне. Историко-психологические очерки».

Все письма с фронта проходили через руки военной цензуры, которая особую роль сыграла в период двух мировых войн. Именно в этих войнах участвовали многомиллионные массы людей, и поток писем из армии в тыл и обратно был огромен и по масштабу, и по значимости своего воздействия на общественное сознание. Но была и существенная специфика в работе этого органа. В Первую мировую в его задачи входили не только просмотр писем и составление сводок о настроениях армейских масс, но и снабжение газетами и литературой, естественно, прошедшими строгий отбор, войсковых частей. В Великую Отечественную войну часть функций цензуры перешла к политорганам, а за ней сохранились преимущественно перлюстрация писем и составление обзоров о морально-психологическом состоянии и настроении войск, причем информация поступала в основном в контрразведку и карательные органы, а политотделы получали ее по специальному запросу. Безусловно, в обеих войнах за цензурой сохранялась функция пресечения утечки через переписку информации, составляющей военную тайну. Поэтому при использовании писем военных лет в качестве источника, при оценке полноты и достоверности их содержания всегда следует учитывать, что появились они в условиях военной цензуры, о деятельности которой было хорошо известно их авторам, понимавшим, что за любую неосторожную фразу можно жестоко поплатиться.

В отличие от достаточно распространенных дневниковых записей участников российских войн начала XX века, фронтовые дневники периода Великой Отечественной – явление довольно редкое. В действующей советской армии запрещалось ведение подобного рода записей. Вот как этот факт отмечается в воспоминаниях поэта-фронтовика Давида Самойлова: «Вести дневник или записывать что-либо для памяти на войне не полагалось. Информбюро постоянно цитировало дневники немецких солдат и офицеров. Я не помню публикаций наших солдатских и офицерских дневников. Даже генеральских не помню. Есть журналистские дневники – Симонова и Полевого, но это другое дело. Солдат практически и не мог вести постоянные записи. Это внушило бы подозрения, да и при очередной бесцеремонной проверке вещмешка старшина приказал бы уничтожить тетрадку или записную книжку, поскольку они не входили в список необходимого и достаточного солдатского скарба»⁵². Однако, вопреки всем уставным запретам, записи такого рода все же велись и до нас дошли некоторые дневники, созданные на передовой и в партизанских отрядах. Авторами большинства опубликованных дневников являются фронтовые корреспонденты, писатели, поэты. Основная же масса этих документов хранится в семьях фронтовиков или в музейных фондах. Написанные «для себя», они отличаются большей свободой и раскованностью суждений, чем даже письма, которые обычно предназначаются для прочтения узким кругом людей, – разумеется, с поправкой на военную цензуру. Но и в дневниках, как в любом другом документе, сохраняется, – хотя и значительно слабее, – элемент самоцензуры.

Мемуары, в отличие от писем и дневников написанные по прошествии часто довольно длительного срока и рассматривающие события прошлого «через приз-

му времени», подчас с изменившихся позиций, что ведет к определенным искажениям ввиду невозможности всецело восстановить подлинные мысли и ощущения давно минувшего, сохраняют, тем не менее, яркую эмоциональную окраску в повествовании и оценках и позволяют воссоздать образ одного человека в разные периоды его жизни – в тот, о котором идет речь в воспоминаниях, и тот, когда эти воспоминания создавались. С этой точки зрения, особый интерес представляют мемуары, автор которых, с одной стороны, пытается с максимальной полнотой и точностью восстановить свои мысли, чувства и поведение в описываемый им период, а затем выражает свое к ним отношение, сформировавшееся на протяжении ряда лет, иногда – целой жизни. Вопрос о том, «как бы я поступил сейчас, попав в подобную ситуацию», и ответ на него, содержащий иной канон поведения, ясно показывают эволюцию мировоззрения на основе сложного жизненного опыта и некоторые особенности возрастной психологии. Но и ответ, предусматривающий повторение поступка, совершенного в прошлом, вовсе не означает, что личность мемуариста и его представления о мире не претерпели никаких изменений. Это говорит, скорее, об устойчивости базисных элементов структуры данной личности и об их эволюции в пределах одной поведенческой установки, а не в переходе от одной установки к другой.

Особый интерес для нас представляют не только мемуары в собственном смысле слова, как их принято понимать, но и отрывочные воспоминания об отдельных боевых эпизодах, включая воспоминания-размышления в форме писем участников войны в редакции газет и журналов. Избирательность памяти почти всегда выносит на поверхность то, что вызвало когда-то наиболее глубокое потрясение. И, на наш взгляд, именно эта разновидность мемуаристики выявляет наиболее яркие впечатления и события человеческой жизни, дает больше возможностей для понимания психологии, чем воспоминания, охватывающие иногда довольно значительный период времени, а потому «смазывающие» значение отдельных эпизодов и вызываемых ими мыслей и чувств.

Подводя итоги этого краткого источниковедческого анализа, можно сделать вывод, что источники для изучения психологии массового социального субъекта (в том числе личного состава вооруженных сил) имеют двойственный характер: с одной стороны, – объективно фиксируют социальную практику, а именно, – действия и поступки, в которых проявляются интересы, ценности, взгляды и убеждения людей; а с другой, – непосредственно отражают эту, субъективную сторону их бытия.

Субъективность отдельных видов источников (прежде всего, личного происхождения) при разработке тем, связанных с воссозданием атмосферы исторической эпохи, ее психологического фона, менталитета больших и малых социальных групп, является необходимым, а порой и единственным их свойством, позволяющим успешно решать указанные задачи. Внутренний мир человека – не что иное, как субъективная реальность, а *изучение субъективной реальности возможно преимущественно на основе субъективных источников*. Они имеют подчас не меньшее, а даже большее значение, чем источники, безличностно, чисто фактологически отражающие социальное бытие, потому что, в отличие от последних, позволяют непосредственно проникать в духовный мир человека, выявлять побудительные мотивы его поведения. При этом источники, относящиеся к продуктам индивидуальной духовной деятельности, часто становятся выразителями типичных взглядов и настроений.

В целом, разнородный характер источников, привлекаемых для решения поставленных в исследовании задач, потребовал дифференцированного подхода к их изучению и использованию, в ряде случаев углубленного источниковедческого анализа и отработки некоторых специальных методик. В своей совокупности используемые источники составляют комплекс взаимосвязанных и взаимодополняющих документов, позволяющий разносторонне осветить психологию российских участников войн XX века.

Методология и методика исследования

Психология войны в широком смысле является предметом изучения такой научной дисциплины как военная психология, которая имеет целью решение собственно прикладных задач военной науки и практики и находится на стыке психологической, социологической и военной наук. Историко-психологические исследования войны также являются междисциплинарными. Однако они относятся к отрасли исторической науки и имеют не прикладные, а собственно научные и гуманитарные цели. Соответственно и опираются они прежде всего на конкретно-научную историческую методологию и методику исследования, используют преимущественно исторические источники, хотя это не исключает применение методов других научных дисциплин, а также использование их информационно-фактической базы.

Определяя методологию исследования избранной нами проблемы, следует иметь в виду несколько моментов. Во-первых, – общий – конкретно-исторический характер нашего исследования. Во-вторых, – междисциплинарность проблемы по самой ее сути, требующей не только заимствования и использования методов смежных научных дисциплин (различных отраслей психологии, социологии и др.), но и их синтеза при главенстве собственно исторических методов. В третьих, сравнительно-исторический, компаративистский тип нашего исследования, определяющий специфику ракурса рассмотрения проблемы и некоторых подходов в ее изучении. При этом следует отметить, что отсутствие аналога подобных исследований, особенно бедность историографии даже по примыкающей проблематике, предопределило необходимость для автора уделить специальное внимание как теоретическому осмыслению основ избранной тематики, так и методологических подходов к ее изучению, а также выбору, апробированию и отработке конкретных научных методов, использованных, в частности, в данном исследовании.

Отмечая сложность изучения военной психологии, один из основоположников данного научного направления Н.Головин подчеркивал, что первые исследователи не имеют испытанной методики, наработанного опытом многочисленных предшественников научного инструментария, а потому, как бы талантливы они ни были, «их работы всегда будут носить характер односторонности и печать субъективности». «Для того, чтобы создалось объективное и всестороннее исследование, нужно, чтобы много лиц повторило попытки первых исследователей. Но это вопрос будущего; это счастливый удел будущих поколений»⁵³, – писал он в 1927 г. Нужно отметить, что в силу исторических обстоятельств, отмеченных нами выше, в анализе научной психологической, социологической и исторической литературы, – положение с тех пор, по крайней мере в том, что касается собственно историографии, мало изменилось. Вследствие этого и в вопросах историко-психологической теории, методологии и методики автору многое пришлось начинать с нуля.

Данная книга – продолжение работы, начатой автором еще в 1986 г., и нашедшей отражение в цикле статей и двух монографиях («1941-1945. Фронтное поколение. Историко-психологическое исследование» и «Человек на войне. Историко-психологические очерки»), которые явились первым опытом психологического моделирования и реконструкции основных параметров воздействия на сознание участников вооруженных конфликтов условий военного времени. В них отработывался ряд методик и была создана модель комплексного историко-психологического анализа мотивации, поведения и самоощущения человека в боевой обстановке. При этом автор опирался на ряд методологических принципов, синтезировав идеи трех основных научных направлений – *исторической школы «Анналов», философской герменевтики и экзистенциализма*. Как оказалось,

такая модель при ее доработке и конкретизации применима в качестве исследовательского инструментария к анализу всех больших и малых войн XX века.

Раскроем подробнее некоторые из близких нам конкретных методологических принципов, провозглашенных перечисленными выше научными школами, которые нашли отражение в выработанном нами «синтетическом» подходе к изучению психологии войн.

Основополагающим принципом исторической психологии, выдвинутым французскими историками школы «Анналов», является *осознание и понимание эпохи, исходя из нее самой, без оценок и мерок чуждого ей по духу времени*⁵⁴. Бросается в глаза близость этого принципа одному из положений ранней философской герменевтики, в особенности, «психологической герменевтики» В. Дильтея, тесно связанной с традициями немецкой романтической философии. Это идея непосредственного проникновения в историческое прошлое, согласно которой «понимание» как метод познания духовных явлений характеризуется способностью исследователя «вживаться» в изучаемую эпоху, поставить себя на место создателя источника и таким образом понять смысл исторического явления⁵⁵. На основе данной идеи строится метод психологического реконструирования (переживания), то есть интерпретация исторических текстов путем воссоздания внутреннего мира их автора, проникновения в ту историческую атмосферу, в которой они возникали, с максимальным приближением к конкретной психологической ситуации. Позднее под методом психологической реконструкции стали понимать восстановление определенных исторических типов поведения, мышления, восприятия и т.д., основанное на интерпретации памятников духовной и материальной культуры; своего рода «психологическую палеонтологию»⁵⁶, и признали этот метод как основной для психолого-исторического исследования.

Во многом этот научный метод близок методу художественному, характерному для многих писателей, пишущих на исторические темы. В основе его лежит убеждение в том, что для понимания истории главное – проникнуть в субъективный мир исторических персонажей. В значительной степени это проявление их творческой интуиции: художественное освоение области исторической психологии вообще началось гораздо раньше, чем научное. Так, норвежская писательница Вера Хенриксен говорит о своем творчестве следующее: «Что такое исторический роман? Это попытка вжиться в определенный период, понять людей, живших в то время, и таким образом совершить психологическое путешествие в прошлое. Однако это не будет абсолютной правдой о том времени и тех людях. Это, скорее, то, что исследователи называют “моделью” – картина общества и человека, какими они, по-видимому, были. Порой с помощью этой модели можно намеренно пробить брешь в общепринятых понятиях и помочь людям поставить определенные вопросы...»⁵⁷ Последнее особенно важно. Интересно, что принцип «взгляда на прошлое из прошлого» действует и там, где речь идет о событиях, пережитых самим автором и описываемых им какое-то время спустя. «Я стараюсь писать “из того времени”, – признавался Вячеслав Кондратьев, – и мой герой не должен знать то, что знаю я сегодня, как автор. Иначе будет неправда»⁵⁸. Такого же понимания историзма придерживался и Константин Симонов, когда работал над собиранием и записью «солдатских мемуаров»⁵⁹.

Для историков такой подход к прошлому – явление сравнительно редкое. Тем любопытнее пример английского исследователя Макса Хастингса, который в своем труде «Оверлорд», посвященном открытию второго фронта во Второй мировой войне и основанном на воспоминаниях участников событий, прямо признается в том, что «пытался мысленно совершить прыжок в то далекое время», что, по его мнению, очень важно для написания книг подобного рода⁶⁰. Он даже намеренно смоделировал сходную ситуацию, приняв участие в учениях английского военно-морского флота, и считает, что полученный при этом опыт раскрыл ему «нечто новое о природе сражения и о том, как ведут себя солдаты в бою»⁶¹. Не менее интересной является попытка автора мысленно поставить себя на место противни-

ка и взглянуть на войну с «чужой стороны». «Я пытался беспристрастно описать переживания немецкого солдата, не касаясь всей одиозности того дела, за которое он сражался»⁶², – пишет М.Хастингс. И это классический пример «психологического вживания» исследователя во внутренний мир исторического субъекта.

Однако в современной герменевтике получила распространение другая позиция, наиболее четко выраженная Х.-Г.Гадамером, который считает, что понимание требует *постоянного учета исторической дистанции между интерпретатором и текстом*, всех исторических обстоятельств, непосредственно или опосредованно связывающих их, взаимодействия прошлой и сегодняшней духовной атмосферы⁶³. По его мнению, это не только не затрудняет, а, напротив, способствует пониманию истории. На наш взгляд, эта точка зрения несколько не противоречит первой, а лишь дополняет ее некоторыми принципиальными положениями. Исследователь должен сначала восстановить первоначальный смысл, который вкладывал в источник его создатель, а затем выразить собственное к нему отношение – с позиций своего времени и соответствующей ему системы знаний и представлений об изучаемом явлении. Здесь проходит разграничение двух понятий – *понимания* как познания внутренней сути предмета из него самого и *объяснения* как толкования этого предмета на основе индивидуально-личностных представлений исследователя и представлений, закрепленных в обществе на данном этапе развития.

Важным методологическим принципом, необходимым при историко-психологическом изучении войны, является использование такой категории, разработанной в экзистенциальной философии М.Хайдеггера и К.Ясперса, как *пограничная ситуация*⁶⁴, применимой к анализу мотивов, поведения и самоощущения человека в экстремальных условиях, совокупность которых и представляет из себя боевая обстановка.

Еще одно научное направление, близкое к теме монографии, – это *социальная история*, проблематика и методы которой в последнее десятилетие являются наиболее популярными в мировой исторической науке. «Объектом внимания социальной истории могут стать совершенно незнакомые для отечественной историографии сюжеты, которым раньше не придавалось особого значения... В центре внимания социальной истории оказывается человек, причем не сам по себе, а как элементарная клеточка живого и развивающегося общественного организма»⁶⁵. В сферу интересов социальной истории входят такие вопросы как «человек и его положение в обществе, проблемы духовной жизни в широком плане, человек в различных взаимосвязях и ситуациях, в социальной среде и в системе разнородных групп, в семье и в повседневной жизни»⁶⁶. Социальной истории свойственны междисциплинарный характер, комплексные подходы и весьма широкая проблематика, включающая в том числе области психоистории, устной истории, истории этносоциальных конфликтов и др. Ряд методов и подходов социальной истории могут быть успешно применены при изучении историко-психологических явлений. В частности, близок нашей проблеме свойственный ей подход, применимый и в раскрытии психологии комбатантов, – изучение общественных процессов не «сверху», через «официальный дискурс», который воплощает язык власти и идеологии, а как бы «снизу» и «изнутри»⁶⁷, – то есть взгляд на войну «из окопа». Вместе с тем, безусловно, необходимо видеть исторические явления объемно, «голографически»: сопрягать историю «снизу», «изнутри» и «сверху», видеть взаимосвязь собственно психологических и идеологических процессов, духовных и властных, политических механизмов.

Ключевым для задач нашего исследования является историко-сравнительный метод, который позволяет наиболее продуктивно изучить психологию человека на войне, раскрыть общее и особенное в проявлении массовых психологических явлений, проследить их историческую эволюцию. При этом следует отметить, что участники разных войн России в XX веке в неодинаковой степени поддаются сравнению. Конечно, «формальные» основания для сопоставления (численность, состав и т.д.) являются общими для всех войн. Но как только мы переходим в область психологических измерений, оказывается, что в наибольшей степени со-

поставимы друг с другом участники двух мировых войн, и соответственно, участники «малых» войн: психология мировой войны в целом оказывается существенно отличной от психологии локальных войн. С другой стороны, много общего в психологическом плане имели войны с одним и тем же историческим противником, причем, как на одном и том же театре военных действий, так и на разных. Такие войны (с общим противником) особенно интересны для сравнения не только потому, что на их примере можно проследить эволюцию образа конкретного врага, но и потому, что их сопоставление оказывается более «концентрированным», ограниченным по числу основных параметров. При этом историческая эволюция сопоставляемых психологических качеств российских участников проявляется наиболее определенно, поскольку близкими оказываются влияющие на них «внешние» факторы со стороны неприятеля.

Наряду с историко-сравнительным в исследовании применяется целый комплекс других общеисторических методов: историко-генетический, историко-типологический, историко-системный и др. В связи со сложностью, многоуровневостью и малой степенью изученности проблемы важно не только ее четкое структурирование, теоретическое осмысление взаимосвязей ее элементов, но и адекватный выбор и интерпретация источников. Поэтому такое большое значение для нашей темы имеет весь арсенал собственно источниковедческих методов, которые используются при проверке достоверности и репрезентативности источников. При этом сравнительный анализ явлений основывается на сопоставлении однотипных источников, относящихся к разным периодам, в сочетании с проверкой этих данных на основе комплексного метода.

Метанаучные для истории подходы в исследовании историко-психологической проблематики целесообразно дополнить методологическими принципами и инструментарием, разработанным в смежных гуманитарных дисциплинах, прежде всего в психологической и социологической науках.

Из психологических концепций для наших целей имеют значение некоторые идеи бихевиаризма (подход, положивший в основу изучения психологии анализ человеческого поведения); в определенной мере примыкающей к нему теории «установки» (Д.Н.Узнадзе); течений и школ, занимавшихся изучением мотивации, а также психологии «бессознательного» в русле психоаналитического направления (К.Юнг, К.Хорни, Э.Фромм) и связанной с ним теории фрустрации (Э.Мак-Нейл, Л.Берковитц); теории ролевого поведения (Э.Дюркгейм, П.Жане, Д.Мид); экзистенциальной психологии и теории личности (У.Джемс, во многом предвосхитивший философские идеи М.Хайдеггера, К.Ясперса, Ж.-П.Сартра; К.Роджерс, А.Маслоу, В.Франкл и др.)⁶⁸. Особое значение для нашей проблематики имеет такая прикладная область психологической науки, как психология выживания в экстремальных ситуациях.⁶⁹

Что касается *социологической науки*, то для нас она интересна прежде всего разработкой богатого инструментария, прикладных методов исследования, поскольку наряду с собственно историческими источниками автор имел возможность использовать и социологические. Как уже отмечалось выше, изучение историко-психологических явлений основано, прежде всего, на источниках личного происхождения, которые можно разделить на две основные категории. К первой относятся те из них, которые создаются непосредственно в ходе событий (письма и дневники); ко второй – источники, возникающие пост-фактум, часто спустя много лет, и содержащие ретроспективное описание и оценку событий, а также связанных с ними мыслей, чувств, настроений их участников (воспоминания). Как правило, эти документы возникают независимо от исследователя. Но если участники и современники изучаемых событий еще живы, историк имеет уникальную возможность использовать самих людей в качестве непосредственного источника информации. Преимущество в этом случае состоит в том, что исследователь может управлять процессом создания нового источника в соответствии с потребностями исследования, конкретизировать и уточнять получаемые данные. При этом

как бы сочетается изучение такого традиционного источника как мемуары с методикой социологических исследований, прежде всего с интервьюированием. Данный вид исторических исследований в последние десятилетия широко применяется на Западе, где носит название «oral history», или «устная история».

Названный метод наиболее эффективен, когда сам респондент (опрашиваемый) хорошо помнит о происходивших событиях, охотно идет на контакт и готов давать правдивую, объективную информацию. В нашем случае к такой категории респондентов можно отнести в первую очередь воинов-«афганцев», потому что это достаточно молодые люди, и события недавней войны еще свежи в их памяти. Их опрос проводился нами в октябре-декабре 1993 года, через несколько лет после окончания войны в Афганистане, когда уже наблюдалось некоторое смягчение посттравматического синдрома. Поэтому респонденты могли описывать и оценивать происшедшее с ними достаточно спокойно и трезво.

Разработанная нами программа, включая вопросник, была рассчитана на участников не только одной конкретной войны, но и всех вооруженных конфликтов XX века. На ее основе ранее уже было проведено интервьюирование ветеранов Великой Отечественной и американских участников войны во Вьетнаме, давшее интересные результаты. Тем не менее, именно для изучения Афганской войны воспоминания-интервью имеют особое значение, поскольку другие виды источников личного происхождения по этому периоду, во-первых, менее доступны (не успели отложиться в архивах), а во-вторых, не столь информативны и объективны, так как с самого начала эта война была «необъявленной», «тайной», и действовавшая на ней военная цензура оказалась более жесткой, чем даже в период Великой Отечественной.

По афганской войне было проведено два вида историко-социологических исследований: глубокое интервью (14) и анкетирование (более 150 респондентов). Согласно этой программе, целью нашего исследования являлось создание историко-социологического источника, содержащего информацию по широкому кругу проблем фронтовой жизни, быта и психологии участников Афганской войны. Объектом первого исследования стали бывшие воины-«афганцы», в период боевых действий, кроме двух респондентов, имевшие офицерские звания от лейтенанта до полковника, представлявшие почти все рода войск. Все они отличались достаточно высоким уровнем интеллекта, образования и развитой рефлексией. Из 14 человек, согласившихся на глубокое интервью, восемь на момент опроса были слушателями или преподавателями Гуманитарной Академии, трое продолжали служить в воинских частях, двое стали военными журналистами, а один являлся студентом МГУ. Избранный круг респондентов нельзя считать полностью соответствующим «классическим» требованиям социологического исследования. Но перед нами и не стояло такой задачи. Она была скромнее и в то же время более соответствовала именно историческому исследованию: целенаправленно создать совокупность источников личного происхождения (воспоминаний), особым образом организованных для раскрытия конкретных, прежде всего, психологических проблем, интересовавших автора программы. Вместе с тем, выборочная совокупность респондентов вполне типична по основным показателям (пол, возраст, образование, семейное положение) для офицерского корпуса периода военных действий в Афганистане, представляет весь спектр офицерских званий с преобладанием младших и средних офицеров, а также почти все рода войск (мотострелковые, воздушно-десантные войска, артиллерию, горных стрелков, инженерно-саперные, автомобильные войска, авиацию, пограничников).

Что касается анкетирования, то объектом его явились ветераны Афганской войны, участвующие в работе различных ветеранских организаций или сотрудничающие с ними, а также слушатели и преподаватели Гуманитарной Академии, сотрудники журнала «Пограничнику», офицеры Московского военного округа.

Здесь, вероятно, стоит упомянуть, что в 1906 г. специальной комиссией при Генеральном штабе был проведен опрос офицеров и генералов – участников русско-японской войны с целью узнать их мнение о выявленных в ходе этой войны недочетах в специальной подготовке и практических навыках офицеров и о том, какие следует про-

известии изменения в военном образовании с учетом опыта боевых действий. Вопросы были разосланы по 300 адресатам, от которых было получено 20% ответов (около 60). Академическая комиссия признала количество полученных писем вполне достаточным для того, чтобы сделать выводы, «которые являлись бы выражением общего взгляда» на поставленные вопросы⁷⁰. Сравнительно с данным обследованием, наше является существенно более полным, поскольку, во-первых, охватывает гораздо более широкий круг респондентов; во-вторых, учитывает требования социологии к представительности выборки; в-третьих, является «многоуровневым» исследованием, включающим как значительный массив ответов на формализованные вопросы в ходе анкетирования, так и развернутую проработку наиболее важных проблем в процессе глубокого интервью. Преимущество такого обследования заключалось также в том, что автор имел возможность непосредственного живого контакта с «первоисточником», не ограничиваясь «наличной» информацией, что характерно для письменных источников, а «вычерпывая» ее по тому кругу проблем, которые значимы для исследования. Этим обеспечивалось и возможность сопоставления, уточнения информации, и высокая степень ее полноты и достоверности.

Задачи нашего исследования состояли в том, чтобы получить индивидуально пережитые и осмысленные сведения по кругу вопросов, относящихся не только к объективным анкетным данным о самом респонденте, но и к обстоятельствам его участия в боевых действиях, особенностям фронтовой жизни и быта, к широкому спектру ценностных характеристик респондента (его отношение к войне и некоторым ее конкретным проявлениям, к врагу, товарищам по оружию). Интерес для автора программы представляли не только восстанавливаемые в памяти события военного времени и возникшие в тот период мысли и чувства, но и проблемы, связанные с выходом респондентов из войны, ее влиянием на их судьбу и личность, включая мировоззрение, ретроспективное отношение (на момент опроса) к тому, что происходило с ними в Афганистане.

Методика исследования заключалась в свободном интервью по заранее составленному опроснику, но с полным правом для респондентов отвечать лишь на те вопросы, на которые они сочтут для себя возможным. С согласия опрашиваемых беседа записывалась на диктофон. В случае выхода за рамки конкретного вопроса опрашиваемые не прерывались, поскольку такое отклонение от темы часто свидетельствовало об индивидуальной значимости для респондентов затронутых ими сюжетов и несло дополнительную информацию как об их личных психологических качествах, так и об особенностях восприятия ими обстоятельств войны.

В отличие от «классического» интервью, в используемом опроснике, как правило, задавался не один вопрос, а целый блок взаимосвязанных вопросов, который ориентировал респондента на свободные и развернутые воспоминания в том порядке, в каком он считал необходимым. В зависимости от интереса интервьюируемых к опросу беседа продолжалась от получаса до трех-четырёх часов. Соответственно и ответы были получены в широком диапазоне от очень конкретных и лаконичных до пространных, с большим количеством фактических и психологических деталей.

Составленные автором вопросник для глубокого интервью и анкета, использованные в исследовательском проекте по изучению психологии участников Афганской войны, приводятся в Приложении.

* * *

«Война сложна, темна и густа, как непроходимый лес. Она не похожа на ее описание, она и проще, и сложнее. Ее чувствуют, но не всегда понимают ее участники. Ее понимают, но не чувствуют позднейшие исследователи»⁷¹, – писал в 1943 г. Илья Эренбург.

Много лет назад, выбирая военную тему, автор дал себе слово научиться не только «понимать», но и «чувствовать» войну. Насколько это удалось – пусть судят те, кому посвящается эта книга, о ком и для кого она написана, – российские участники войн XX столетия.

ЧАСТЬ I

**ВОЙНЫ РОССИИ
В XX СТОЛЕТИИ
И ПСИХОЛОГИЯ
ИХ УЧАСТНИКОВ**

Глава I

РОССИЯ В ВОЙНАХ XX ВЕКА: СОЦИАЛЬНЫЙ И ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС

Война как общественное явление. Краткая характеристика российских войн в XX веке

Война – это социальное явление. Она порождена человеческим обществом и существует с незапамятных первобытных времен вплоть до современности. Она эволюционирует вместе с развитием общества, приобретая новые формы, более развитые средства, иные масштабы. Но суть войны в основном остается прежней. При всем многообразии определений войны, пожалуй, наиболее четко ее выразил известный военный теоретик прошлого века К.Клаузевиц: «Война есть не что иное, как расширенное единоборство... Его ближайшая цель – сокрушить противника и тем самым сделать его неспособным ко всякому дальнейшему сопротивлению... Война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю»¹. Клаузевиц является автором определения войны как продолжения политики насильственными средствами. «...Политическая цель, – писал он, – являющаяся первоначальным мотивом войны, служит мерилем как для цели, которая должна быть достигнута при помощи военных действий, так и для определения объема необходимых усилий»². Характерно, что политический аспект остается доминирующим в понимании современных военных теоретиков. Ведущий американский социолог войны Куинси Райт определяет войну как «конфликт между политическими группами, особенно между суверенными государствами, ведущийся с помощью вооруженных сил значительной величины в течение значительного периода времени»³.

Итак, война теснейшим образом связана с политикой и является одним из ее инструментов. Поэтому для понимания сущности войны, ее социальной природы важна и расшифровка самого понятия «политика». Оно имеет, по крайней мере, несколько толкований. Традиционно классическое понимание политики восходит еще к учению Аристотеля о государстве как общественном, властном институте, обеспечивающем самоорганизацию общества и управления им. Но сущность государства определяется конкретно-исторической сущностью общества. В зависимости от исторических эпох происходила смена общественного устройства, а вместе с ней менялись сущность, содержание и формы государства, политики, а значит, и войны как одного из их инструментов. Вместе с тем, при всем разнообразии современных толкований политики, сохраняет свое значение ее подразделение на внутреннюю и внешнюю. Внутренняя включает отношения взаимодействия, господства, конфликта и борьбы между социальными категориями (классы, группы людей и т.д.), внешняя – между государствами. Война, как правило, есть крайняя

форма конфликта между государствами, то есть стремление радикальными насильственными средствами решить задачи внешней политики. Именно эта область исторических явлений и лежит в сфере наших исследовательских интересов. Ее следует весьма четко разграничить с другими радикальными конфликтными формами – внутри самого общества, которые воплощаются в крайних своих проявлениях, в гражданской войне, то есть в сфере, относящейся к внутренней политике. В межгосударственных войнах достаточно ясно прослеживаются субъекты конфликта, состав участников, их интересы и цели. Гражданская война, помимо своей крайней жесточечности, отличается еще и «размытостью» перечисленных выше параметров. И здесь можно обратиться к мнению такого компетентного эксперта по гражданской войне, каким был В.И. Ленин. «...Гражданская война, – писал он, – отличается от обыкновенной войны неизмеримо большей сложностью, неопределенностью и неопределимостью состава борющихся – в силу переходов из одного лагеря в другой, ... в силу невозможности провести грань между “комбатантами” и “некомбатантами”, т.е. между числящимися в рядах воюющих и нечислящимися»⁴. В силу этих и ряда других факторов в Гражданской войне действуют существенно, а часто и принципиально иные социально-политические и психологические закономерности, нежели во внешних войнах.

Война имеет не только политическое, но и множество других измерений: материально-техническое, собственно военное, или стратегическое и тактическое, а также социальное, человеческое, включающее в себя и психологическое измерение. Все они взаимосвязаны и переплетены друг с другом. Каждая война – это своеобразный комплекс качественных и количественных проявлений этих измерений в специфической форме их соотношения и взаимодействия.

Существует множество классификаций войны по разным основаниям. Например, в зависимости от характера ведения войны американский социолог К. Райт выделяет пять типов войн: 1) животную, 2) примитивную, 3) цивилизованную, 4) современную и 5) новейшую⁵. Это, по сути, смешанная классификация, включающая в себя как содержательные элементы (цели, обоснование войны), так и технологические, меняющие также стратегию и тактику войн. Нас интересуют только последние две категории – современные и новейшие войны, хотя сами критерии для их выделения достаточно спорны. Так, к современным К. Райт относит войны с использованием пороховой артиллерии, появившейся еще в XV в., а новейшие связывает с появлением ядерного оружия, реактивной авиации и баллистических ракет. Для наших целей такая универсальная градация имеет слишком общий и малосодержательный характер. Дело в том, что войны, в которых участвовала Россия в XX веке, по этой классификации все относятся к современным или новейшим (хотя Россия, обладая ядерным оружием во второй половине столетия, ни разу его не применяла, а реактивная авиация использовалась только в одной – «полуофициальной» Афганской войне). С технологической точки зрения, возможны и более детальные классификации войн, – например, деление вооруженных конфликтов на эпоху до огнестрельного оружия, эпоху распространения ружейно-артиллерийских средств ведения войны, применения химического оружия, авиации и бронетехники, реактивного, бактериологического, ядерного и других видов вооружения. Но в разных войнах набор и комбинации этих средств существенно отличались, и практически каждая война относится не к абстрактной «чистой» категории в соответствии с такой классификацией, а обычно к разнообразным смешанным типам.

И русско-японская война, и Первая мировая, и локальные конфликты с Японией в конце 1930-х гг., и советско-финляндская «зимняя» война, и Великая Отечественная, и Афганская – глубоко специфические явления, характеризующиеся широким набором разнообразных параметров, причем отличающихся друг от друга не только по отдельности, но и своими сложными сочетаниями. Среди таких

параметров могут быть выделены: характер войны по масштабу (локальные, региональные, мировые); по мотиву (оборонительные и агрессивные войны); по юридическому оформлению (официальные и «скрытые», «необъявленные»); по составу участников (двусторонние и многосторонние); по составу союзников (односторонние и коалиционные); по составу противников (односторонние и коалиционные); по типу ведения боевых действий (наступательные, оборонительные, смешанные – оборонительно-наступательные, наступательно-оборонительные); по характеру ведения боевых действий (позиционные, мобильные, смешанные); по месту ведения боевых действий (на своей, чужой территории, смешанные); по использованию техники и технологий (в частности, по средствам уничтожения и средствам передвижения); по задействованным видам вооруженных сил; по стратегии и тактике; по итогам войны (победа, поражение, соотношение потерь и приобретений). Даже из этого, далеко не полного перечисления «измерений» войны видно, насколько разнообразны их цели, характер, масштабы, средства, результаты и последствия, и насколько каждая из войн имеет свое «индивидуальное лицо».

Рассмотрим основные «внешние» войны, в которых участвовала Россия в XX веке, по перечисленным выше основаниям классификации.

Первая из этих войн – русско-японская 1904-1905 гг., продолжавшаяся 19 месяцев, по своему масштабу и охваченному театру военных действий являлась региональной, дальневосточной. Она велась в основном на чужой территории (Маньчжурия, Корея, Северный Китай), лишь частично затронув собственно российские земли. Вместе с тем, это подразделение достаточно условно, потому что, во-первых, одним из важнейших событий войны являлась оборона крепости Порт-Артур на арендованном Россией у Китая Квантунском полуострове, а во-вторых, боевые действия велись и на собственно российских островах Сахалин и Камчатке, где Япония высадила морской десант⁶.

Достаточно сложно определить и характер войны по мотиву. Если брать за основу инициативу Японии в развязывании войны, для России она носила оборонительный характер. Однако, следует учитывать экспансионистскую политику на Дальнем Востоке не только Страны Восходящего Солнца, но и Российской Империи, результатом чего и стал антагонизм их интересов, вылившийся в военное противостояние. Данная война получила официальное правовое оформление, то есть была объявлена и завершена подписанием мирного договора. По составу участников война была двусторонней. В ней были задействованы преимущественно японские и российские регулярные войска (армия и флот), хотя имели место и партизанские действия на острове Сахалин. У воюющих сторон фактически не было официальных союзников, хотя они стремились использовать в своих интересах местное население (как правило, в роли лазутчиков)⁷.

Тип ведения боевых действий был достаточно разнообразен и переменчив: стратегически Россия в основном оборонялась, хотя на ряде участков переходила в наступление. По характеру ведения боевых действий это была достаточно мобильная война, с применением многочисленных сухопутных и морских маневров, но отдельные операции (например, «Шахэйдское сидение») носили явно позиционный характер. Эти новые особенности войны, а именно – сочетание мобильности с позиционным характером, отметил целый ряд офицеров русской армии в ходе специального опроса в 1906 г. Так, командир корпуса генерал А.А.Бильдерлинг полагал, что «укрепление позиций сделалось обязательным даже для наступающего», а полковник В.И.Геништа из штаба Куропаткина, исходя из опыта войны, отметил следующие присущие ей особенности боевых действий: «1) длительность стояния противников друг против друга в непосредственной близости в выжидательном положении; 2) как следствие этого укрепление позиций (закапывание в землю) с применением в широких размерах искусственных препятствий; 3) возможность употребления поэтому образцов артиллерии (осадной), ранее счи-

тавшихся в полевой войне неприемлемыми; 4) трудности решения дела при подобных условиях с фронта ведут к применению обходов; 5) весьма частое применение ночных действий (поход, бой); 6) действия в зимнее время; 7) самые сражения, несмотря на силу современного огня (особенно пехотного и пулеметного), очень продолжительны»⁸.

По использованию средств вооруженной борьбы эта война явилась новым словом в развитии военной техники: в ней впервые нашли широкое применение скорострельные 76 мм пушки, пулеметы, минометы, ручные гранаты и др. Были задействованы оба из существовавших на тот момент вида вооруженных сил – сухопутные и морские, и все три рода войск – пехота, кавалерия и артиллерия. За время войны в боевых действиях с российской стороны приняло участие более 800 тыс. чел., общие людские потери составили около 270 тыс., в том числе более 50 тыс. убитыми⁹. Результатом неудачных для России военных действий на суше и на море и в не меньшей степени внутривосточной нестабильности и непопулярности войны в русском обществе явилось фактическое поражение. Главным стратегическим выигрышем Японии был ее своевременный выход из войны в момент, когда она уже исчерпала свои ресурсы (при сохранении таковых у России), а также заключение выгодного для нее Портсмутского мира.

Следующая война России в XX столетии носила принципиально иной характер и во многих своих проявлениях на тот момент была уникальной. Она явилась первой в истории мировой войной, в которую прямо или косвенно оказались вовлечены десятки государств, а театры боевых действий охватили не только Центральную, Восточную, Западную и Южную Европу, но и Кавказский регион, Ближний Восток и даже Африку, а морские сражения развернулись в Северном, Средиземном, Балтийском и Черном морях и даже на просторах Атлантического, Тихого и Индийского океанов. Это была многосторонняя схватка за передел мира между двумя мощными коалициями, в одной из которых участвовала и Россия. Формально для России Первая мировая война 1914-1918 гг. была оборонительной, поскольку Германия первой объявила ей войну. Поводом для этого послужила начатая в России мобилизация в ответ на агрессивные действия Австро-Венгрии против российского союзника – Сербии.

По типу ведения боевых действий это была «смешанная» наступательно-оборонительная война, в которой мобильные боевые действия сменялись долгими периодами позиционной войны. Война велась Россией сначала на чужой, а затем преимущественно на своей территории. Основными противниками России были Германия, Австро-Венгрия и Турция. Наряду с традиционными на тот момент видами вооруженных сил и родами войск (пехотой, кавалерией, артиллерией и флотом) впервые нашла широкое применение авиация. Появились такие средства ведения войны, как бронетехника, подводные лодки, химическое оружие и др., положившие начало формированию новых родов войск.

Только за период с начала войны до 1 марта 1917 г. число мобилизованных в русскую армию достигло 15,1 млн. чел., а общие потери личного состава к 31 декабря 1917 г. составили 7,4 млн. чел., из них безвозвратные – около 1,7 млн. чел., не считая свыше 3,4 млн. пленных¹⁰. И в этой войне Россия потерпела поражение не только из-за неудач на полях сражений, но в значительной степени из-за революционных потрясений в тылу, распада общества и в результате – разложения армии. Заключив сепаратный мир с Германией, она оказалась проигравшей стороной, несмотря на то, что коалиция, в которой она участвовала, вышла из войны победителем. Но для России война не окончилась подписанием сепаратного мира: война внешняя переросла в войну внутреннюю, гражданскую, сопровождаемую интервенцией не только со стороны бывших противников в мировой войне, но и недавних союзников по Антанте.

Очередным вооруженным конфликтом России, взятым нами для рассмотрения, является отражение японской агрессии у озера Хасан в 1938 г. Эти события ни по своей продолжительности (с 29 июля по 11 августа), ни по размеру театра военных действий (на узком участке, глубиной до 4 км), ни по количеству участвующих в них войск (около 23 тыс. чел. с советской стороны, при общих потерях личного состава в 4,3 тыс. чел., из них безвозвратных – 989 чел.)¹¹ не могут считаться войной, являясь, по существу, локальным пограничным конфликтом. Вместе с тем, в нем были задействованы не только подразделения пехоты, но и артиллерия, бронетехника, авиация, и даже приведен в состояние боевой готовности советский Тихоокеанский флот. Таким образом, по своему политическому значению этот конфликт приближался к статусу войны, в которую при определенных неблагоприятных условиях мог перерасти. Фактически он сыграл роль пробы и демонстрации сил, результатом чего явилось предотвращение полномасштабной войны с Японией, которая замышляла агрессию на советский Дальний Восток.

По составу участников это был двусторонний конфликт, по мотиву – оборонительный с советской стороны, по характеру ведения боевых действий – мобильный, по тактическому типу – смешанный оборонительно-наступательный. Местом ведения боевых действий была советская территория, на которую вторглись японские войска. Правовым основанием для конфликта явился фактический ультиматум Японии о передаче ей части советской территории, а правовым его завершением – соглашение о заключении перемирия по просьбе японской стороны в результате успешных действий советских войск и восстановление прежней линии границы.

Следующая проба сил Советского Союза и Японии была осуществлена в районе реки Халхин-Гол в Монголии в мае-сентябре 1939 г. По масштабу и театру военных действий это также был локальный конфликт, мотивом которого для советской стороны явилась помощь официальному монгольскому союзнику, против которого японской стороной были совершены агрессивные действия. Среднемесячная численность советских войск, участвовавших в боевых действиях в период конфликта, составила 69,1 тыс. чел., общие потери личного состава – 24,8 тыс. чел., из них безвозвратные – более 8,9 тыс. чел. (Следует отметить, что потери японцев убитыми более чем в три раза превышали потери советской стороны. Поэтому не случайно, что события на Халхин-Голе, оцениваемые у нас как локальный конфликт, японцы считают второй японско-русской войной.) Несмотря на то, что официальным союзником СССР являлась Монголия и в конфликте участвовало три стороны, фактическое участие в боевых действиях войск Монгольской Народной Республики было скорее символическим – 2260 чел., или около 3% в составе объединенных советско-монгольских войск¹².

Боевые действия советскими войсками велись на чужой территории (союзного государства), носили мобильный характер, и характеризуются чередованием оборонительно-наступательных действий. В них, как и на Хасане, участвовали все рода сухопутных войск, включая бронетехнику, а также авиация, но в существенно больших масштабах. Конфликт начала японская сторона, без объявления войны вторгшаяся на территорию МНР, а правовым итогом его явилось подписание 15 сентября 1939 г. в Москве советско-японского соглашения о прекращении военных действий и полное восстановление государственной границы Монголии в июне 1940 г.¹³

Боевые действия на Халхин-Голе завершались в тот момент, когда в Европе уже разгоралась Вторая мировая война. Фактически в ее историческом контексте следует рассматривать и советско-финляндскую «зимнюю» войну 1939-1940 гг. Реальным мотивом для нее послужили именно военно-стратегические соображения: непосредственная близость государственной советско-финляндской границы к Ленинграду – второму из крупнейших городов СССР, важнейшему военно-промышленному центру и морскому порту, а также «колыбели революции».

Стремление советского правительства отодвинуть границу с Финляндией находилось в общеевропейском русле взаимоотношений трех сложившихся к тому моменту крупных субъектов мировой политики – фашистской Германии и ее сателлитов – с одной стороны; стран «западной демократии» – с другой; и СССР – с третьей. Война с Финляндией оказалась лишь одним из событий в общем ряду мер, осуществленных СССР для продвижения на запад (поход в Западную Украину и Белоруссию, присоединение Бессарабии, Буковины и стран Прибалтики). Естественную обеспокоенность советского правительства вызывали активные военные приготовления Финляндии, наталкивавшие на мысль о формировании на ее территории мощного военного плацдарма против СССР (строительство к началу 1939 г. с помощью немецких специалистов серии военных аэродромов, создание мощной системы долговременных укреплений – «линии Маннергейма» и др.). Начатые по инициативе СССР советско-финляндские переговоры по вопросам взаимной безопасности в 1939 г. к успехам не привели. Советско-германский пакт о ненападении 23 августа 1939 г. создал принципиально иную ситуацию в Европе, в том числе и в отношении Финляндии: в секретном приложении к этому договору она была отнесена к сфере советского влияния¹⁴. Ситуацию, при которой основной потенциальный противник СССР – фашистская Германия, с одной стороны, был связан только что заключенным пактом о ненападении, а с другой, – вовлечен в реальные боевые действия против держав Запада, советское правительство сочло благоприятным моментом для развязывания старых внешнеполитических узлов и повышения уровня безопасности страны путем перенесения западной границы почти по всей линии с юга на север, от Черного моря до Балтики. Южный участок советско-финляндской границы и замыкал северную часть этой линии. Хотя официально война носила оборонительный характер, фактически со стороны СССР она была агрессивной, поскольку была направлена на отторжение части чужой территории, хотя однозначная ее оценка, в силу международной ситуации и роли в ней Финляндии, невозможна.

По масштабу и театру военных действий это была локальная война, велась она на финской территории. По составу участников война была двусторонней, по характеру ведения боевых действий – мобильной, включавшей с советской стороны как наступательные, так и оборонительные действия. В ней были задействованы все рода сухопутных сил, а также авиация и флот. Среднемесячная численность советской группировки с 30 ноября 1939 г. по 13 марта 1940 г. составила около 850 тыс. чел., причем общие потери личного состава за 105 дней войны достигли 391,8 тыс. чел., из них безвозвратные – около 127 тыс.¹⁵ (Есть и другие подсчеты, согласно которым советские потери превышают эту официальную цифру более чем в 1,2 раза, причем на каждого убитого финна приходилось пятеро погибших советских военнослужащих)¹⁶. Таким образом, победа СССР была достигнута высокой ценой. В правовом отношении война носила официальный характер, была объявлена и завершилась подписанием мирного договора, причем на гораздо более выгодных для СССР условиях, чем те, которые выдвигались им до начала боевых действий.

Главной для России в XX веке и по масштабу, и по значимости, и по количеству жертв оказалась Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Она явилась также важнейшей частью Второй мировой войны, охватив самый широкий сухопутный театр военных действий с наибольшим количеством войск и военной техники. Для СССР это была, безусловно, оборонительная и справедливая война. По составу участников это была многосторонняя война двух мощных коалиций, хотя на собственном советском участке фронта СССР в одиночку противостоял не только войскам Германии, но и целого ряда ее сателлитов. Длительность этой войны, составившая почти четыре календарных года, обусловила широкое разнообразие в ведении боевых действий от высокой мобильности до длительной позиционности на

разных этапах войны и на разных фронтах, чередование оборонительных и наступательных действий, изменение характера войны от преимущественно оборонительного на первых ее этапах к активно наступательному на завершающих, от ведения войны на своей территории – к переносу ее на чужую к концу войны, причем как на земли оккупированных противником стран, так и на собственно вражескую территорию Германии и ее союзников. В этой войне были задействованы все существовавшие на тот момент виды вооруженных сил и рода войск, а также впервые использована реактивная артиллерия. В этот период резко снизилась роль ранее значимой кавалерии и приобрели особую важность бронетанковые и механизированные войска, разные рода авиации и морского флота.

Всенародный характер Великой Отечественной войны отражает тот факт, что через армию за эти годы прошло 34,5 млн. человек, то есть подавляющая часть взрослого дееспособного мужского населения страны¹⁷. До сих пор существуют большие расхождения в подсчетах и оценках потерь Советской Армии в этот период. Так, в окончательной официальной оценке приводится цифра безвозвратных потерь почти в 8,7 млн. чел., хотя в другом месте тот же источник приводит иную цифру – в 11,3 млн. чел., при этом цифра общих потерь личного состава армии (включая санитарные) на советско-германском фронте колеблется от 29,6 до 31 млн. чел.¹⁸ Объяснение этому можно найти в публикации газеты «Известия» за 25 июля 1998 г., где автор ссылается на существование секретного ведомственного статистического сборника, подготовленного комиссией Генерального штаба, где приводятся более полные данные безвозвратных потерь нашей армии – в 11,9 млн. чел. (включая погибших, умерших от ран и пропавших без вести)¹⁹. Точный статистический подсчет выходит за рамки наших исследовательских задач, однако и «минимальное», и «максимальное» значение этих цифр огромно. Что касается всей страны, то она потеряла 26,6 млн. советских граждан²⁰. Цена победы в Великой Отечественной колоссальна, что отражает трагическое место этой войны в российской истории.

Особое место в истории российских войн занимает Дальневосточная кампания, которую вели советские войска против Японии в августе 1945 г. Эта кампания также являлась частью Второй мировой войны, причем стала ее завершающим этапом. Ее официальным мотивом стало выполнение союзнических обязательств СССР перед другими членами антигитлеровской коалиции. В ответ на отказ Японии выполнить выдвинутое 26 июля 1945 г. в Потсдамской декларации требование США, Великобритании и Китая о безоговорочной капитуляции японских вооруженных сил, Советский Союз 8 августа 1945 г. заявил о своем присоединении к декларации и о том, что с 9 августа будет считать себя в состоянии войны с Японией.

По масштабу и театру военных действий Дальневосточная кампания являлась региональной войной в рамках мировой войны. По составу участников она была многосторонней, хотя на сухопутном театре военных действий разгром японской Квантунской армии был осуществлен собственно советскими войсками. Для СССР это была исключительно наступательная, высококомобильная война на чужой территории, с задействованием всех видов вооруженных сил и родов войск. Следует отметить, что в этой войне японцы были готовы, но не успели применить против советских войск разработанное ими (и уже использованное против китайцев) бактериологическое оружие, а Соединенные Штаты впервые применили на территории Японии ядерное оружие.

Победа в войне была достигнута в короткие сроки и относительно масштабов боевых действий – не слишком высокой ценой. Так, при участии в них более 1,7 млн. советских военнослужащих, за 25 суток боев на Дальнем Востоке выбыло из строя 36,4 тыс. чел., из них безвозвратные потери составили 12 тыс.²¹ Например, в сопоставлении с локальной советско-финляндской войной эти цифры минималь-

ны: относительно общей численности задействованных войск, на Дальнем Востоке безвозвратные потери составили около 0,7%, тогда как в «зимней» войне, даже по самым минимальным оценкам, – более 15%.

2 сентября 1945 г. на борту американского линкора «Миссури» Япония подписала акт о безоговорочной капитуляции, явившийся завершающим актом Второй мировой войны. Однако правовое оформление итогов собственно Дальневосточной кампании нельзя считать завершённым, поскольку мирный договор Японии ни с Советским Союзом, ни с его правопреемником – Российской Федерацией, так и не был подписан: камнем преткновения остаются спорные, так называемые «северные территории» – российские Южно-Курильские острова.

Здесь необходимо отметить, что две мировые войны (1914-1918 и 1939-1945 гг.) имеют не только исключительную значимость для российской истории, но и немало сходных черт: они сопоставимы как по своим масштабам, так и по другим параметрам, включая целый комплекс факторов – геополитических, социально-экономических, национальных, идеологических и психологических, – все это, разумеется, с учетом исторической специфики. Именно в мировых войнах, во многом из-за их роли не только в судьбах страны, но и каждого отдельного гражданина, наиболее ярко проявились основные социально-психологические феномены.

Наконец, последняя в советской истории полуофициальная Афганская война 1979-1989 гг. относится к категории локальных войн, хотя и самых длительных для России (СССР) в XX веке. Официальным мотивом ее была помощь союзнику – революционному афганскому правительству против внутреннего контрреволюционного сопротивления. Она велась на чужой, афганской территории, но не имела ни четко очерченного театра военных действий, ни строго определенного противника. Это была партизанская война многочисленных, часто не связанных друг с другом вооруженных повстанческих формирований, поддерживаемых из-за рубежа (Пакистаном, Ираном, США и другими странами). Союзником советских войск было лишь официальное афганское правительство в Кабуле и его войска. По характеру ведения боевых действий это была мобильная война с опорой на военные базы и пункты постоянной дислокации, размещенные в разных районах страны. В боевых действиях принимали участие все рода сухопутных вооруженных сил и авиации. Всего за 9 лет войны в составе советских войск на территории Афганистана находилось 620 тыс. военнослужащих, общие потери личного состава за этот период достигли 484 тыс., из них безвозвратные – около 14,5 тыс. чел.²²

Несмотря на то, что в ходе боевых действий СССР вовсе не понес поражения, он не мог и выиграть в широкомасштабной повстанческой войне, победа в которой регулярных войск в принципе невозможна. Итоги этой войны можно рассматривать не как военное, а как политическое поражение, учитывая то, что советское руководство не только вынуждено было по политическим мотивам вывести свои войска из Афганистана, но и допустило грубую стратегическую ошибку, полностью бросив на произвол судьбы своего недавнего союзника – революционное правительство Наджибуллы, имевшего достаточно прочные позиции и нуждавшегося для удержания власти преимущественно в финансовой и материально-технической поддержке. Результатом стало его свержение, развязывание еще более кровавой гражданской войны в Афганистане и рост влияния исламских фундаменталистских сил. Неблагоприятный для СССР исход Афганской войны во многом стал стимулом или косвенной угрозой для разжигания внутренних племенных, межэтнических и религиозных конфликтов в пограничных с Афганистаном среднеазиатских республиках, особенно в Таджикистане.

Для исследователя советско-афганский конфликт интересен прежде всего тем, что в отечественной истории XX века занимает особое место как война, которая велась исключительно на чужой территории, силами армейского «ограниченного контингента», но несмотря на то, что относится к категории «малых войн», оказа-

лась самой продолжительной, а по своим последствиям для страны – просто катастрофической. Важно и то, что в отличие от войн с европейским противником, она велась с представителями качественно иной – мусульманской – культуры, что во многом обусловило ее психологическую специфику.

Даже такая краткая характеристика основных российских войн XX века дает представление о специфическом комплексе их причин, мотивов, условий возникновения и хода, территориальных и количественных масштабов, итогов и последствий. Если же сложить то календарное время, которое заняли эти войны, то окажется, что мирные периоды сопоставимы по своей продолжительности с периодами военных действий. И фактически мир для России и ее армии в XX веке можно рассматривать только как череду межвоенных передышек. Однако полномасштабными войнами «конфликтная история» нашей страны в текущем столетии вовсе не ограничивается.

Россия в XX веке участвовала во многих конфликтах, которые либо по своим масштабам не могут претендовать на статус войны, либо ее участие в них носило ограниченный характер (в виде помощи другим государствам вооружением, направлением военных советников и специалистов, добровольцев и т.п.). В этой связи следует провести разграничение между понятиями войны и военного конфликта. На наш взгляд, можно в основном согласиться со следующим их определением: «Военный конфликт – вооруженное столкновение, характеризующееся в отличие от локальной войны значительно меньшими масштабами и меньшим количеством сил, вовлеченных в действия... Коренное же отличие локальной войны от военного конфликта заключается в том, что война обычно характеризует определенное состояние страны, в то время как конфликт в большинстве случаев – состояние вооруженных сил и даже какой-то отдельной их части»²³.

Так в какие же менее масштабные конфликты была вовлечена наша страна на протяжении столетия?

В период между двумя мировыми войнами, помимо рассмотренных выше событий на озере Хасан, у реки Халхин-Гол и советско-финляндской войны, Россия имела еще ряд вооруженных столкновений. Первое из них – советско-китайский военный конфликт 1929 г., возникший в связи с захватом Китайско-Восточной железной дороги маньчжурскими войсками. С советской стороны в нем участвовал контингент в 18,5 тыс. чел., носивший название Особой дальневосточной армии. Помимо стрелковых частей, в конфликте принимали участие кавалеристы, моряки Дальневосточной флотилии и несколько авиаотрядов. Боевые действия велись на территории Маньчжурии, продолжались чуть больше месяца (с 12 октября по 20 ноября) и были удачны для наших войск. Общие их потери составили 603 чел., из них безвозвратные – 121 чел.²⁴ 1 декабря 1929 г. начались переговоры о мире, а после подписания 22 декабря в г.Хабаровске советско-китайского соглашения о восстановлении совместного управления КВЖД советские войска были отведены с маньчжурской территории.

Особое место занимает поход советских войск в Западную Украину и Западную Белоруссию 17-25 сентября 1939 г., в рамках уже начавшейся в Европе Второй мировой войны. Несмотря на исключительную непродолжительность, в нем был задействован немалый контингент войск (466,5 тыс. чел.) и имелись довольно значительные потери (более 3,5 тыс. чел., из них безвозвратные – более 1,1 тыс. чел.)²⁵, ввиду преимущественно очагового сопротивления польских армейских формирований и жандармерии, этнически инородных для основной массы восточно-славянского населения, которым они не были поддержаны. Однако несмотря на число участников, основные параметры этого конфликта также не дают оснований отнести его к категории полномасштабной войны.

В период после окончания Второй мировой войны к этому же ряду событий можно отнести участие советских войск в подавлении вооруженного выступления

в Венгрии в ноябре 1956 г. (общие потери составили 2,3 тыс. чел., из них безвозвратные – 720 чел.); ввод войск в Чехословакию в 1968 г. (боевые действия не велись, но в результате враждебных действий отдельных граждан ЧССР погибло 11 советских военнослужащих, было ранено и травмировано 87 чел.); пограничные военные конфликты с Китаем на Дальнем Востоке у острова Даманский 2-21 марта 1969 г. (потери пограничников и личного состава войск Дальневосточного военного округа составили 152 чел., из них безвозвратные – 58 чел.) и в Казахстане 13 августа 1969 г. (погибло 2 и ранено 5 пограничников)²⁶.

Отдельную категорию составляют войны и военные конфликты на территории других государств, в которых Россия (СССР) официально не участвовала, но поддерживала одну из воюющих сторон. До революции русские добровольцы сражались на стороне буров в англо-бурской войне (1899-1900 гг.) и на стороне славян против Турции в 1-й Балканской войне (1912-1913 гг.), но делали это как частные лица. В советский период отправку «бойцов-интернационалистов» в «горячие точки» организовывало само государство. Так, в оказании военной помощи Испанской республике (1936-1939 гг.) участвовало около 3 тыс. советских добровольцев – военных советников, летчиков, танкистов, моряков, различных специалистов, при этом 158 чел. погибло²⁷. В национально-освободительной войне Китая с японской агрессией (1937-1939 гг.) участвовало около 3,7 тыс. советских военных специалистов и советников, 195 чел. из них погибло²⁸. Во время войны в Корее (1950-1953 гг.) участвовали советские военные советники и авиационные соединения, безвозвратные потери наших частей составили 299 чел., из них 120 чел. – летчики²⁹. Наконец, при оказании военной помощи ряду стран Ближнего Востока, Азии и Африки (Алжиру, Египту, Йемену, Вьетнаму, Сирии, Анголе, Мозамбику, Эфиопии) за период с 1962 по 1979 гг. погибло в боевых действиях 145 советских военнослужащих³⁰.

Таким образом, после Второй мировой войны Советский Союз прямо или косвенно участвовал во множестве вооруженных конфликтов, лишь один из которых (в Афганистане) для нашей армии можно рассматривать как полномасштабную локальную войну. Разложение и распад СССР привели к возникновению на бывшей советской территории множества «горячих точек», очаговых конфликтов, весьма сложных по своей природе и непростых для научной классификации. Практически все они имеют в своем генезисе этнический компонент (межэтнический конфликт), в ряде случаев перерастающий в межгосударственные столкновения (между Арменией и Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха, между Грузией и Абхазией, Грузией и Южной Осетией, Молдавией и Приднестровьем, межплеменная война в Таджикистане и др.). На территории России наиболее острыми были осетино-ингушский конфликт и, наконец, кровавая Чеченская война, которая велась с использованием регулярной Российской Армии. Все эти конфликты, помимо других характеристик, имеют также признак гражданской войны.

Таким образом, подводя итоги краткого рассмотрения войн, в которых участвовала Россия в XX веке, можно сделать вывод, что каждая из них отличается высокой степенью своеобразия по большинству параметров, являющихся основой для их сравнения. Это своеобразие не могло не наложить существенного отпечатка на психологию участвовавших в них войсковых контингентов.

Война как историко-психологическое явление. Мировые войны – феномен XX века

Война – явление многомерное. Так или иначе в ней находят отражение почти все стороны жизни общества, спроецированные, однако, на экстремальную ситуацию конфликта с внешним миром, с другими социумами. Общество в войнах,

особенно крупных, вынуждено мобилизовывать весь свой ресурсный потенциал – экономический, социальный, оборонный и т.д. Но в ряду этих ресурсов ключевым практически всегда оказывается собственно человеческий потенциал в различных его проявлениях. Здесь и демографические характеристики населения страны, определяющие ее мобилизационные возможности, и «качество» населения, включающее его культурный, образовательный уровень. Здесь и целая совокупность явлений, относящаяся к духовно-психологической сфере, – от ценностных ориентаций членов общества до его психологической устойчивости, определяющейся рядом социо-культурных и историко-ситуационных факторов. Среди них имеют значение и отношение населения к войне (воинственность или миролюбивость), и отношение к собственной стране (патриотизм или космополитизм), и устойчивость представителей данной культуры перед лицом смерти, во многом зависящая от религиозных установок, этно-культурных традиций и др. Свою роль играет и степень внешней угрозы в конкретной войне, которая может колебаться от относительно малозначимых для основной массы населения страны территориальных, экономических и т.п. претензий до тотального разрушения данного государства, народа, его культуры, всех основ национального бытия, вплоть до физического уничтожения населения. Естественно, степень решительности и ожесточенности сопротивления повышается по мере увеличения угрозы, масштабности и значимости потенциальных потерь в случае поражения. Эти и другие факторы формируют моральный дух не только общества, но и армии в ходе войны. Таким образом, психологическая составляющая войны – в ряду ключевых явлений, определяющих в конечном счете ее исход, победу или поражение. Еще Наполеон считал, что во всяком военном предприятии успех на три четверти зависит от данных морального (духовного) порядка и только на одну четверть от материальных сил³¹.

Спектр историко-психологических проблем войны чрезвычайно широк и охватывает психологию непосредственных участников боевых действий (комбатантов); психологию общества, включая тыл; психологию политического, а также военного руководства; принятия военно-политических, стратегических и тактических решений; психологию развития войны как военно-политического конфликта, а значит, и психологию противника при тех же самых составляющих (т.е. психологию субъектов массового действия, политического и военного руководства и т.п.). Важными историко-психологическими измерениями войны являются массовая и индивидуальная психология, психология экстремальных ситуаций и фронтового быта, психология больших и малых войн, проблема психологического «вхождения» в войну и выхода из нее, взаимосвязей идеологических и психологических факторов, и многое другое. Однако центральным, связующим звеном всех этих измерений и аспектов является «человек на войне».

Войны XX века отличаются от предшествующих несколькими очень важными характеристиками. Во-первых, еще во второй половине XIX века изменился характер комплектования армий, рядовой состав которых в результате «приблизился» к гражданскому населению. В России это стало следствием перехода от рекрутского набора к воинской повинности с соответствующим сокращением сроков военной службы. Позитивным результатом этих перемен стало увеличение мобилизационного потенциала страны, так как военным обучением оказалась охвачена значительно большая часть мужского населения. Негативными их сторонами, особенно в условиях низкого образовательного уровня большей части новобранцев в начале века, оказывались низкая мотивация к службе, сложность в подготовке за короткий срок настоящего бойца, а особенно унтер-офицерских кадров, что на протяжении десятилетий вылилось в хроническую проблему русской армии. Поскольку переход к воинской повинности, нередко всеобщей, распространился на многие страны мира, то и войны XX века, особенно крупные и, тем более, мировые, оказались, по существу, столкновениями гражданского населения,

одетого в военные шинели. Несомненно, у таких армий была существенно иная психология, нежели у армий профессиональных, будь то наемных или формируемых на основе рекрутской повинности, так как и у тех, и у других военная служба являлась делом и образом жизни. В еще большей степени эти процессы отразились на гражданском населении, приобретающем связанные с военной службой и собственно ведением боевых действий навыки, а также опыт, противоположный ценностям, установкам, нравственным и правовым нормам гражданского общества – опыт «профессионально убивать».

Второй принципиально важной особенностью войн XX века стало рождение такого невиданного ранее в истории явления, как мировые войны. По сути, это было вовлечение в орбиту войны не только большинства государств и их армий, но и их народов. Страна, вступавшая в такую войну, подвергалась тотальному включению в нее всех сторон общественной жизни, потенциала и ресурсов. И вопрос стоял уже не о частичных уступках противнику, а нередко о самом существовании государства и даже жизни его народа. Именно в мировых войнах в наибольшей степени проявилась та негативная сторона размывания принципиальных граней между армией и гражданским обществом, которая явилась следствием перехода ко всеобщей воинской повинности. В результате войны и сражения армий превратились в сражения народов. Психологически это была принципиально иная, нежели в прежние времена, ситуация, со всеми вытекающими отсюда последствиями. «Прежние войны вели профессиональные армии, сохранявшие что-то от рыцарских правил игры. Народы в целом не воевали. Возвращаясь к родным очагам, солдаты всасывались мирной средой, растворялись в ней... Мировая война все это переменяла. Она загнала в окопы слишком много мужчин – добрую половину во всех цивилизованных странах. И цивилизация начала расползаться, как старая кожа змеи, и вылезла жестокость. Жестокость вошла в искусство, даже в религию... Жестокость надула паруса идеологий классово-расовой борьбы... Война развязала вкус к жестокости, и он окрасил XX век»³². Именно мировым войнам многие народы в наибольшей степени обязаны формированием такого феномена XX века, как массовое «милитаризированное сознание».

Третьей особенностью войн XX века стал ускоренный технический прогресс, захвативший и военное дело, в результате чего техническое превосходство стало постепенно доминирующим, а в конечном счете и решающим в исходе вооруженного противостояния. Данный фактор не мог не повлиять и на социальную, и на духовную сферы. Развитие техники (вооружения, средств связи, транспорта и т.п.) в XX веке привело к радикальному изменению как внешней формы боя, так и его психологии. При этом существовавшие еще в XIX в. войны с преобладающей ролью «толпы», в XX в. сменились качественно новым типом сражений, масштабы и продолжительность которых неизмеримо возросли, приобретая при этом разрозненный очаговый характер, а на смену «толпе» пришли расплывчатые «во времени и пространстве» войсковые массы. Особенно наглядно это продемонстрировала Первая мировая война. Большинство военных писателей начала столетия представляли ее, исходя из опыта прежней эпохи. Они предсказывали будущую войну по-наполеоновски «сокрушительной» и быстротечной, не учитывая при этом новых экономических и «психических условий». Однако, по словам Н.Головина, «минувшая Европейская война обманула всеобщие ожидания»: «...Возросшее влияние в социальной жизни передовых народов Европы “психологических законов общества” привело к возрастанию упорства воюющих сторон, к уменьшению импульсивности воспринимания событий, к увеличению сознательности участия масс и т.п., а все это вместе взятое привело к значительному увеличению психологических возможностей более длительного напряжения. В свою очередь это должно было в связи с факторами экономического характера привести к коренному изменению самого характера войны, война могла сделаться значи-

тельно более длительной, а “стратегия сокрушения” наполеоновского типа должна была замениться “стратегией истощения”³³. Таким образом, именно техническому прогрессу XX век обязан превращением войн в явление, глубоко затрагивающее все общество, включая его тыл, приведшее к размыванию грани между фронтом и тылом. В результате война в течение века не раз и надолго становилась образом жизни десятков стран и народов, так что милитаризационные процессы инерционно сохранялись и в послевоенное время в течение многих лет.

Наряду с этими, главными особенностями, войны XX века, конечно, имели и другие, во многом радикально изменившими их психологическую составляющую по сравнению с конфликтами предшествующих эпох. Не случайно Первая мировая война буквально потрясла мировое общественное сознание, явилась психологическим стрессом для всей современной цивилизации, показав, что весь достигнутый людьми научный, технический, культурный и якобы нравственный прогресс не способен предотвратить мгновенное скатывание человечества к состоянию кровавого варварства и дикости. 1914 год открыл дорогу войнам новой эпохи, в которой проявилась «невиданная до тех пор массовая и изощренная жестокость и гекатомбы жертв» после «относительно благонаправленных» войн XVIII и XIX столетий, когда все еще сохраняли свою силу «традиции рыцарского благородства и воинского великодушия»... «В кровавой бойне отныне были попорчены все законы морали и нравственности, в том числе воинской. Людей травил газом, втихомолку подкрались, топили суда и корабли из-под воды, топили и сами подводные лодки, а их экипажи, закупоренные в отсеках, живыми проваливались в морские бездны, людей убивали с воздуха и в воздухе, появились бронированные машины – танки, и тысячи людей были раздавлены их стальными гусеницами, словно люди эти и сами были не людьми, а гусеницами. Такого, да еще в массовом масштабе, не происходило в любых прежних войнах, даже самых истребительных»³⁴. Еще более разрушительной, кровавой, жестокой оказалась Вторая мировая война, в которой именно Россия понесла наибольшие человеческие и материальные потери, причем потери гражданского населения намного превысили собственно военные.

Но наряду с мировыми войнами в XX в. не только сохранилась, но стала еще более распространенной категория локальных войн. Их отличие от мировых заключалось в ограниченности политических целей, масштабов военных действий, средств вооруженной борьбы, в специфической стратегии и тактике. Кроме локальных войн не меньшее распространение получили локальные военные конфликты, отличающиеся от войн меньшими масштабами и вовлеченностью в боевые действия лишь незначительной части вооруженных сил, что мало влияет на внутреннее состояние самой страны. Синонимом локальных войн являются так называемые «малые» войны, хотя нередко это оказывается всего лишь пропагандистским клише. Так, в «малой» Афганской войне за девять лет общая численность советского «ограниченного контингента» превысила 620 тыс. чел.

В психологическом плане локальные войны, безусловно, отличаются от мировых, прежде всего, ввиду отличия их объективных параметров, среди которых ограниченность числа участников, театра военных действий и др. Для локальных войн характерно многообразие типов. Их можно разделить на коалиционные и некоалиционные, войны в рамках противостоявших друг другу общественных систем и внутри них, войны государств одного географического региона и разных регионов, с участием только регулярных вооруженных сил и с участием нерегулярных формирований, и т.д.³⁵ Все эти особенности определяют не только специфику хода войны, но и многие ее психологические параметры. Война из-за дележа территории или за установление контроля над каким-либо регионом по мотивации риторики отличается от национально-освободительной борьбы, а столкновения между регулярными формированиями – от партизанской войны, и т.д.

Локальные войны России в XX в. также были достаточно разнообразны. За исключением Афганской войны, это были войны между регулярными войсками как с нашей стороны, так и со стороны противника. В некоторых из них психологическая мотивация для российских участников оказывалась крайне низкой и неопределенной (например, в русско-японской войне). В других – ложной и идеологически надуманной (в «зимней» войне – ответ на «финскую провокацию», а также «помощь финскому пролетариату»; в Афганской войне – выполнение «интернационального долга»). Не случайно, все эти локальные войны оказались для России весьма неудачными, приведя либо к прямому поражению, либо к «пирровой победе» – ценой непомерных жертв. Хотя к пониманию того, что «армией можно успешно управлять лишь тогда, когда она знает политические мотивы войны», еще в начале века пришли многие русские офицеры – участники русско-японской войны, в результате осмысления ее неудачного опыта³⁶. Известно, как нечеткость официальной мотивации этой войны и ее непопулярность в обществе негативно сказалась и на ходе боевых действий, и на моральном духе войск, и на ее итогах.

Мотивационный аспект войны, безусловно, влиял на большинство других психологических параметров, преломляясь и в психологии боя, когда солдаты не всегда понимали, за что, собственно, они идут умирать; и в психологии «выхода из войны», когда к посттравматическому синдрому примешивался и нравственно-психологический надлом, «кризис ценностей», который, например, был характерен (вне России) для многих участников Первой мировой войны (так называемое «потерянное поколение»).

Проблема мотивации войны тесно связана с другой – формирования представлений о ней в сознании как ее участников, так и общества в целом. Обе характеристики не остаются постоянными, они могут меняться как после окончания войны, так и даже в ее процессе. Особенно тяжелые психологические последствия для участников войны имеет смена социальных ее оценок с позитивных на негативные, что наиболее ярко проявилось в ходе и после окончания войны в Афганистане, а также внутреннего конфликта в Чечне. «Сегодня ни один военнослужащий в Чечне не знает, как к нему будут относиться после войны, – отмечал в апреле 1995 г. военный психиатр С.В.Литвинцев. – Как к мародеру, убийце? Реакцию на такое отношение, судя по “афганцам”, предугадать несложно. Недаром же появились такие понятия, как “вьетнамский” и “афганский” синдромы»³⁷.

Политические игры «властей предрержащих», как принимающих безответственные решения, так и использующих интерпретацию исторических событий в своих конъюнктурных интересах, оборачиваются для сотен тысяч людей жизненной трагедией и психологической драмой. В результате официальная мотивация войны весьма тесно, хотя и крайне противоречиво, взаимодействует с таким процессом, относящимся к сфере массовой психологии, как формирование образа войны в общественном сознании.

Образ войны как феномен общественного сознания

Одним из важнейших элементов военной психологии является *образ войны*, то есть комплекс представлений о ней. Он включает в себя как интеллектуальные, так и эмоциональные компоненты. Интеллектуальные – это попытки рационально, логически осмыслить явление. Эмоциональные представляют собой совокупность чувств, эмоциональных отношений к данной войне.

Субъект восприятия, формирования этого образа может быть весьма дифференцированным: это и массовое общественное сознание, это и высшее политическое, а также военное руководство, и наконец, это армейская масса, включающая низшее и среднее командное звено. Можно и более детально дифференцировать

эти субъекты, однако именно для обозначенных категорий существуют свои специфические закономерности формирования образа войны, хотя, разумеется, эти субъекты не отделены друг от друга непроходимыми барьерами, и потому существуют еще более обобщенные, даже универсальные психологические механизмы, характерные для всех. Естественно, чем ближе субъект к высшим звеньям управления, то есть к точкам пересечения информационных потоков и структурам, принимающим решение, тем выше доля интеллектуальных, рациональных компонентов как в формировании образа войны, так и в его структуре. Соответственно, массовое общественное сознание ориентируется прежде всего на эмоциональные компоненты, во многом определяемые так называемой «психологией толпы», а также формируемые под воздействием пропаганды.

Каково содержание категории «образ войны»?

Образ войны в широком смысле включает в себя и собственный образ, и образ врага. Здесь же и представления о ее характере и масштабах, и о соотношении сил, и, безусловно, о перспективах, которые, как правило, видятся благоприятными для себя и неблагоприятными для противника (в противном случае, если не надеяться на победу, то войну бессмысленно и начинать). Но на то же рассчитывает и противник!..

Образ войны никогда не бывает статичным. Более того, его можно весьма четко подразделить на три типа: 1) прогностический; 2) синхронный; 3) ретроспективный.

Прогностический образ, независимо от того, доминирует ли в нем интеллектуальный, характерный для военно-политического руководства, или эмоциональный, свойственный массовому сознанию, компонент, как правило, не бывает адекватен. Обычно выдержанный в оптимистических тонах, а потому ложный образ, он и делает войну в принципе возможной. «На Рождество мы будем дома!» – таково было широко распространенное мнение накануне Первой мировой. «Страна ждала обещанного быстрого победного марша армии, – вспоминал российский современник начало войны. – Хлеставший из ротационных машин поток газет кричал о скорых решающих сражениях»³⁸. Но реальность оказалась совершенно иной. «Войны, которая на самом деле произошла, никто не хотел, потому что никто ее не предвидел»³⁹. Причем, это было свойственно всем противоборствующим сторонам. Аналогичное состояние умов характерно и для Второй мировой войны.

С эмоциями все понятно: «патриотический угар», или своего рода социальная истерия не могут быть адекватны реальности. Но возникает вопрос: почему люди, профессионально занимающиеся принятием политических и военно-стратегических решений, как правило, допускают грубейшие просчеты в прогностической оценке важнейших параметров войны (времени начала, масштабов и характера боевых действий, величины потерь, исхода войны и др., причем обычно не только отдельных из перечисленных моментов, но их частичного или даже полного комплекса)? Ведь XX век показал, что практически ни в одной из крупных войн стратегическое прогнозирование не было адекватным реальному ходу событий – либо по большинству, либо по всем компонентам.

Дело здесь, вероятно, в универсальном и древнем мыслительном механизме, который используется человеком для прогнозирования будущего. Он может быть определен как процесс структурной экстраполяции. В соответствии с ним, новое, ранее неизвестное, «будущее» представляют таким же, как уже существующее, известное. Сложные процессы структурируются в соответствии с уже имеющимся опытом, причем считается, что компоненты этого будущего вступают в те же взаимосвязи, как и в прошлом⁴⁰.

Неадекватность прогнозирования проявляется, прежде всего, в недооценке противника. Так, перед русско-японской войной все высшее русское общество, включая императора, и даже Генеральный Штаб относились к японцам как к ди-

ким недоразвитым азиатам, «макакам», перенося ранее оправданный опыт европейского высокомерия к отставшим в индустриальном, техническом и военном отношении странам на совершенно незнакомую еще ситуацию, в которой Япония первой из азиатских стран совершила модернизационный рывок. При этом явно переоценивался и противопоставлялся неприятельскому морально-психологический потенциал собственных войск. Характерный пример такого отношения приводит русский военный психолог Н.Н.Головин: «В 1905 г., когда посылались на Восток эскадра адмирала Рожественского, был сделан подсчет боевой силы флотов, которым суждено было встретиться у берегов Японии. Выяснилось, что материальные коэффициенты для русских и японцев относились как 1:1,8. Морской министр адмирал Бирилев написал в ответ на этот подсчет, что подобные коэффициенты хороши для иностранцев; у нас-де, русских, есть свой собственный коэффициент, которым является решимость и отвага. Цусима доказала, насколько адмирал Бирилев был прав в своих методах стратегического подсчета...»⁴¹

Просчет в прогнозировании потенциала противника и его воли к сопротивлению был допущен даже в такой локальной войне, с абсолютно несопоставимыми силами сторон, как советско-финляндская «зимняя» война 1939-1940 гг., победа в которой досталась СССР непомерно высокой ценой. Достаточно сравнить безвозвратные потери побежденных и победителей в этом вооруженном конфликте: немногим более 48 тыс. человек потеряли проигравшие войну финны, тогда как потери советских войск составили почти 127 тыс. человек убитыми, умершими от ран и пропавшими без вести⁴².

Эти же закономерности неудачного прогнозирования с особой очевидностью проявились в мировых войнах. Причем, в Первую мировую такой стратегический просчет был допущен обеими противоборствующими сторонами: Россия не успела перевооружиться и модернизировать свою армию, а Германия, опередившая в этом отношении и Францию, и Россию, не учла ни масштабов антигерманской коалиции, ни ее ресурсных и мобилизационных возможностей, ни перспектив затяжного, изнуряющего характера войны (расчет был на блицкриг). Того же порядка стратегический просчет, заключавшийся в переоценке собственных сил и недооценке противника, вылился в лозунг «малой кровью на чужой территории», с которым СССР подошел ко Второй мировой войне, а Германия повторила свою прежнюю ошибку, рассчитывая на молниеносный разгром всех основных противников.

Наконец, еще один пример неадекватного прогноза – Афганская война 1979-1989 гг. А ведь в арсенале советских стратегов должен был присутствовать опыт аналогичной войны США во Вьетнаме и еще более непосредственный, хотя и отдаленный опыт британского проникновения в Афганистан, который продемонстрировал невозможность навязывания народам этой страны чужой воли, социальных образцов и ценностей даже такими изощренными колонизаторами, которые покорили половину мира. Несмотря на все это, было принято ошибочное решение о непосредственном вооруженном вмешательстве во внутренние дела этой соседней страны. Афганская война оказалась не только затяжной и неперспективной с точки зрения военного способа решения проблем, но и подорвала политические позиции СССР в мире, отягощающе сказалась на и без того стагнировавшей экономике, усугубила кризис ценностей в советском обществе, а в конечном счете стала одним из факторов краха социализма, распада СССР, провоцирования многих «горячих точек» уже на постсоветском пространстве.

Ошибки структурного экстраполирования допускались на всех уровнях прогнозирования, а значит и формирования «прогностического» образа войны. Так, в XX веке постоянно и быстро осуществлялся технический прогресс, в том числе в сфере вооружений, средств передвижения, связи и т.д., а вместе с ним каждая война приобретала качественно новые характеристики, изменявшие стратегию и тактику. Но на-

чинались многие войны с прямого и непосредственного перенесения опыта предыдущих, расчета на старые, апробированные стратегические и тактические схемы.

Подробнее эти просчеты можно рассмотреть на примере Первой мировой войны. Причем, в русской армии они оказались по ряду параметров большими, чем в германской, особенно на начальном этапе. Сказались не только меньшая мобилизационная и техническая готовность, но и определенная инертность мышления, и элементарная неорганизованность. «Гвардия и армия шли на войну, – так описывает переброску русских войск в 1914 году писатель Всеволод Вишневский, четырнадцатилетним мальчишкой сбежавший на фронт. – Когда армия приняла запасных, она была поднята и поставлена на колеса. Армия оторвалась от своих казарм. Пять тысяч пятисот эшелонов уносили армию к границам. Верная заветам старых лет, она двинулась в поход, утяжеленная громоздким и сложным имуществом. Она тащила его за собой, уподобляясь армиям прошлых веков, за которыми следовали тяжелые обозы со скарбом, живностью и прочими запасами. Каждая дивизия шла в шестидесяти эшелонах, в то время как каждая, молниеносно брошенная, германская дивизия шла лишь в тридцати эшелонах»⁴³.

Другой пример: в 1914 году блестящие кавалерийские полки идут в лобовую атаку против пулеметов и скорострельной артиллерии, а офицеры с обнаженными шашками шагают на врага, как на плацу, ведя за собой плотные массы пехоты. Этому анахронизму (сродни своеобразному самоубийству) была масса примеров с обеих воюющих сторон. Так полегли некоторые лучшие гвардейские части русской армии, та же участь постигла Первый королевский баварский уланский полк кайзера Вильгельма, атаковавший французские части в Лотарингии. Это запаздывание с изменением тактики, отставание ее от военно-технического прогресса явилось одной из причин почти поголовного «выбивания» русского кадрового офицерства уже в течение 1914–1915 гг. В начале войны никто не представлял ее действительных масштабов и характера, а командование с трудом осознавало реалии новой «окопной» войны.

Синхронный образ войны формируется непосредственно в ходе событий, по мере приобретения реального опыта. Это не означает, что соотношение интеллектуальных и эмоциональных компонентов радикально меняется в пользу рационального подхода. Но степень адекватности, как правило, увеличивается именно в силу приобретенного нового знания. Эмоциональный компонент тоже становится более адекватным, «оптимальным» в том смысле, что исчезает эйфория начала войны, ломаются пропагандистские стереотипы. «В окопах, – по словам участника Первой мировой В.Арамилева, – меняются радикально или частично представления о многом»⁴⁴. Представления о войне конкретизируются непосредственно пережитым и увиденным, а их основой становятся ежедневные тяготы войны, фронтовой быт, жертвы, участие в схватках с противником. Абстрактные патриотические идеи, хотя и сохраняются, все больше отодвигаются на второй план, особенно если не вполне ясен смысл войны.

И снова наиболее характерна в этом отношении Первая мировая война, в которой ни цели сторон, ни интересы огромных масс воюющих не были вполне определенными. «Ряд за рядом направлялись мужественные, печальные, равнодушные лица в сторону запада, к неведомым боям за непонятное дело»⁴⁵, – такими, например, увидел идущие на фронт русские войска летом 1915 г. американский корреспондент Джон Рид. Именно поэтому армии противоположных сторон оказались столь уязвимы для революционной пропаганды и разложения. Именно поэтому стало возможным появление практически неизвестного ранее и не наблюдавшегося позднее, в других войнах, феномена «братания» с неприятелем. На русско-германском фронте первые, единичные случаи «братания» имели место уже весной 1915 г., а после февральской революции приобрели массовое распространение⁴⁶.

Иная ситуация сложилась во Второй мировой войне: там вопрос стоял однозначно и жестко – победа или смерть. Порабощение и уничтожение целых народов являлись единственной альтернативой полному разгрому фашистской Германии. Всем был ясен

смысл этой войны, а потому, при гораздо больших лишениях и жертвах, проявлены массовые стойкость и героизм, ожесточенность сопротивления агрессору.

Синхронный образ войны также формируется разными субъектами и, соответственно, становится фактом как массового сознания, так и профессионального осмысления политиками и военными специалистами. В первом случае существенное влияние оказывается на морально-психологическое состояние общества и армии, во втором – на принятие конкретных политических и стратегических решений, на развитии тактики в текущей войне.

Наконец, *ретроспективный образ* войны становится, с одной стороны, фактом исторической памяти народа, с другой, – предметом профессионального анализа разными специалистами (историками, военными, идеологами и политиками). Если рассматривать войну в целом как элемент исторической памяти народа, то ее событийная насыщенность, эмоциональная составляющая и общественная значимость постепенно со временем угасают. Но в профессиональном отношении этот образ становится более дифференцированным в зависимости от того, на какой его аспект направлено основное внимание. По прошествии времени становится более доступной информация, раскрываются архивные документы, и историки получают возможность более детального, полного и спокойного осмысления хода событий, их исторического значения. Военные специалисты анализируют прошедшую войну с точки зрения извлечения необходимого опыта для будущих войн, тем самым выполняя весьма противоречивую работу: позитивную и негативную одновременно. Полезным оказывается осмысление всего нового, что принесла конкретная война в стратегию и тактику, в военное искусство в целом. Негативным становится почти неизбежная абсолютизация этого опыта, тогда как последующая война всегда оказывается весьма отличной от предыдущей. Идеологи, как правило, борются за соответствующее отражение конкретной войны в исторической памяти народа, так что ретроспективный образ войны становится одним из инструментов в решении текущих политических и идеологических задач. Наконец, ретроспективный образ войны становится одним из инструментов международной политики и дипломатии.

Особенно сильно на историческую память народа влияет ретроспективная пропаганда. Так, Первая мировая война, называвшаяся современниками Великой, Отечественной, Народной, при большевиках оказалась радикально переосмысленной и переоцененной, получила ярлык «империалистической» и «захватнической» с обеих сторон, и было приложено максимум усилий, чтобы вытеснить все позитивные патриотические оценки войны, образцы проявленного на фронтах героизма, да и саму эту войну из народной памяти. Причем, в качестве противопоставляемого образца поведения, возводимого в ранг героизма, средства пропаганды преподносили действия большевистских агитаторов по разложению русской армии и даже дезертирство. Главными пропагандируемыми событиями в советское время оказались Октябрьская революция и Гражданская война, причем средствами массовой информации, произведениями литературы и искусства (особенно кино) в сознание внедрялись героические символы-образцы новой эпохи: красные командиры, комиссары и партизаны (Чапаев, Котовский, Буденный, Лазо и др.).

Ретроспективный образ, как правило, частично вбирает в себя и прогностический, и синхронный образы войны, естественно, с очень большой и содержательной, и ценностной корректировкой. В нем же заложены основы прогностических образов будущих войн, содержащие как элементы адекватного предвидения, так и заведомые искажения в силу особенностей человеческого мышления, недостатка информации и объективной неопределенности будущего.

Глава II

ЧЕЛОВЕК В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ

Война как «пограничная ситуация»

Психологи знают, как мгновенно преобразается человек, получивший в руки оружие: меняется все мироощущение, самооценка, отношение к окружающим. Оружие – это сила и власть. Оно дает уверенность в себе и диктует стиль поведения, создает иллюзию собственной значимости. Так происходит в мирное время. Что же тогда должно происходить на войне, в особенности на фронте, где оружие есть у каждого, а его применение из возможности становится обязанностью? Существует ли особый психологический тип «человека с ружьем»? Да, без сомнения. Война формирует особый тип личности, особый тип психологии, который можно определить как психологию комбатанта.

Прежде всего необходимо прояснить само понятие *комбатант*, что в переводе с французского означает *воин, боец, сражающийся*. Это термин международного права, обозначающий лиц, которые входят в состав регулярных вооруженных сил воюющих сторон и непосредственно участвуют в боевых действиях, а также тех, кто принадлежит к личному составу ополчений, добровольческих и партизанских отрядов, – при условии, что их возглавляет командир, что они имеют ясно видимый отличительный знак, открыто носят оружие и соблюдают законы, соблюдаемые комбатантов – это психология человека на войне, вооруженного человека, принимающего непосредственное участие в боевых действиях. «...Перенесение всевозможных лишений, переживание различных видов опасности или ожидание ее наступления, потеря личной свободы и принудительный характер поведения – все эти факторы войны и боя влияют на психику бойца, – писал в 1935 г. в эмиграции русский военный психолог, в Первую мировую – полковник Генерального Штаба Р.К.Дрейлинг. – Действуя постоянно и непрерывно, они постепенно видоизменяют характер реакции бойца на окружающий мир, вызывают новые реакции, создают ряд условных рефлексов, словом, производят ряд изменений, которые в конечном счете дают картину видоизмененной психики, присущей бойцу по сравнению с обывателем»².

Формируясь и наиболее ярко проявляясь в ходе войны, эта психология продолжает свое существование и после ее окончания, накладывая характерный отпечаток на жизнь общества в целом. Послевоенное общество всегда и неизбежно отравлено войной, и главный симптом этой болезни – привычка к насилию – в разной степени сказывается во всех сферах общественной жизни и, как правило, довольно длительное время.

Обращение к такому специфическому явлению как война требует рассмотрения важного методологического принципа, имеющего первостепенное значение

при изучении личности в экстремальных обстоятельствах. Это сформулированное в философии немецкого экзистенциализма понятие *пограничной ситуации*. Согласно теории М.Хайдеггера, единственное средство вырваться из сферы обыденности и обратиться к самому себе – это посмотреть в глаза смерти, тому крайнему пределу, который поставлен всякому человеческому существованию³. Под существованием имеется в виду прежде всего духовное бытие личности, ее сознание. По К.Ясперсу, с точки зрения выявления экзистенции (то есть способности осознать себя как нечто существующее) особенно важны так называемые пограничные ситуации: смерть, страдание, борьба, вина. Наиболее яркий случай пограничной ситуации – бытие перед лицом смерти. Тогда мир оказывается «интимно близким». В пограничной ситуации становится несущественным все то, что заполняет человеческую жизнь в ее повседневности, индивид непосредственно открывает свою сущность, начинает по-иному смотреть на себя и на окружающую действительность, для него раскрывается смысл его «подлинного» существования.⁴ Эти выводы экзистенциалистов не абсолютны и не бесспорны, но в то же время нельзя не отметить, что чувства и поведение человека в минуту опасности обладают значительными особенностями по сравнению с эмоциями и действиями в обыденной ситуации и могут раскрыть свойства его личности с совершенно неожиданной стороны. «Деятельность человека-бойца во время войны носит особый характер, – отмечал Р.К.Дрейлинг. – Она протекает в условиях хронической опасности, то есть постоянной опасности потерять здоровье или жизнь, а с другой стороны, в условиях не только безнаказанного уничтожения себе подобных, коль скоро они являются врагами, но и в прямой необходимости и в поощряемом желании делать это как во имя конечных целей общего благополучия для своего народа, так и в целях собственного самосохранения в условиях вооруженной борьбы»⁵.

В сущности, все основные, базисные элементы психологии человека, оказавшегося в роли комбатанта, формируются еще в мирный период, а война лишь выявляет их с наибольшей определенностью, акцентирует те или иные качества, связанные с условиями военного времени. Вместе с тем, специфика этих условий вызывает к жизни новые качества, которые не могут возникнуть в мирной обстановке, а в военный период формируются в максимально короткий срок. Однако, эти черты и свойства очень сложно разделить по времени и условиям формирования, и речь, скорее, может идти о превращении качеств, единичных по своим проявлениям в условиях мирной жизни, в массовые, получающие самое широкое распространение в условиях войны. «Только в бою испытываются все качества человека, – говорил в одном из своих выступлений легендарный комбат Великой Отечественной Б.Момыш-улы. – Если в мирное время отдельные черты человека не проявляются, то в бою они раскрываются. Психология боя многогранна: нет ничего незадеваемого войной в человеческих качествах, в личной и общественной жизни. В бою не скрыть уходящую в пятки душу. Бой срывает маску, напускную храбрость. Фальшь не держится под огнем. Мужество или совсем покидает человека или проявляется во всей полноте только в бою... В бою находят свое предельное выражение все присущие человеку качества»⁶. Высшие проявления человеческого духа, довольно редкие в обычных обстоятельствах, становятся поистине массовым явлением в обстоятельствах чрезвычайных.

В то же время, в чрезвычайных условиях выявляются не только лучшие, но и худшие человеческие качества, которые могут приобретать в них принципиально иное значение: например, слабость характера, несмелость, вызывающая незначительную уступку в обычной жизненной ситуации, может обернуться трусостью и предательством во время войны. В периоды «бедствий народных» как положительные, так и отрицательные качества людей проявляются в гипертрофированном виде, ввиду того, что поступки оцениваются по иному, завышенному нравственному критерию, который диктуется особыми условиями жизни.

Одновременно боевая обстановка является катализатором многих психопатологических реакций, являющихся следствием того, что «пограничные ситуации» зачастую предъявляют к психике человека непомерные требования. «Условия опасной ситуации, будучи сверхсильными психологическими раздражителями, могут вызвать резкие патологические изменения в психике и поведении воинов»⁷, – отмечал советский военный психолог М.П.Коробейников. Анализ поведения солдат и офицеров в экстремальных условиях войны, в том числе в Афганистане и Чечне, обращает внимание на то, что «наряду с реальным героизмом, взаимовырочкой, боевым братством и другой относительно позитивной атрибутикой войны, грабежи и убийства, средневековые пытки и жестокость по отношению к пленным, извращенное сексуальное насилие в отношении населения (особенно на чужой территории), вооруженный разбой и мародерство составляют неотъемлемую часть любой войны и относятся не к единичным, а к типичным явлениям для любой из воюющих армий, как только она ступает на чужую землю противника»⁸. Не случайно во время вооруженных конфликтов в массовом бытовом сознании широко распространение имеет формула «война все спишет», которая используется для оправдания безнравственных поступков и перекладывает всю ответственность с индивида на объективные условия действительности. Впрочем, наряду с этим аморальным жизненным кредо существует и осуждающий его «противовес»: «кому война, а кому мать родна», выражающий презрение к тем, кто наживается на народном горе.

В ходе боев могут проявиться прямо противоположные качества их участников – трусость и героизм, шкурничество и самопожертвование. Это зависит от индивидуальных особенностей личности, сформировавшихся в предшествующий период, от качества боевой готовности и умения владеть оружием, от успешного или отрицательного поворота событий для одной из воюющих сторон, от продолжительности боевых действий и многих других факторов. При этом катализатором поведения человека становится именно экстремальная ситуация. «Психология бойца – это изучение деятельности человека под угрозой опасности»⁹, – отмечал русский военный психолог Н.Головин.

Особую роль играет массовая психология, которая в ходе вооруженного конфликта может резко колебаться – от всплеска патриотических чувств к апатии и безразличию, вплоть до резкого неприятия войны, пацифистских и антиправительственных настроений в обществе. Примером патриотического подъема в начале Первой мировой служит поведение молодых офицеров, самовольно покидавших тыловые части, чтобы попасть на фронт¹⁰. В отечественной историографии гораздо лучше освещена ситуация конца этой войны, отмеченной разложением армии, революционным брожением и массовым дезертирством.

Жизнь человека на войне насыщена пограничными ситуациями, сменяющимися друг друга и постепенно приобретающими значение постоянного фактора. «Война – область опасности»¹¹, – подчеркивал Клаузевиц. И эта особенность вооруженных конфликтов оказывает воздействие на всю жизнь общества в данный период, решительным образом влияет на психологию людей. Личность ярче всего проявляется в опасной ситуации. Но, проявляясь, она не остается неизменной. «Включение воина в реальные боевые условия, в опасную ситуацию приводит к резкой перестройке его основных жизненных отношений. Он как бы заново переосмысливает окружающий его мир... Очевидно, чем более необычными будут условия, тем большие сдвиги произойдут в психике воина...»¹²

Экстремальные ситуации обостряют до предела человеческие чувства, вызывают необходимость принятия немедленных решений, предельной четкости и слаженности действий. Таким образом, военная обстановка выявляет те свойства личности, которые в мирное время оказываются в какой-то мере второстепенными или не требуют крайних своих проявлений.

Существует также несколько стереотипов поведения людей в сходных ситуациях (в зависимости от характера, воли, темперамента и т.п.), их оценок и восприятия действительности. И именно это позволяет делать обобщения и строить психологическую модель, основываясь на сопоставлении свидетельств участников различных вооруженных конфликтов. Ведь, как не без основания утверждает английский военный психолог Норман Коупленд, «из поколения в поколение оружие меняется, а человеческая природа остается неизменной»¹³.

Поведение человека в экстремальных обстоятельствах боя в значительной мере обусловлено его изначальной психологической установкой на отношение к войне в целом. С точки зрения социолога В.В.Серебрянникова, среди людей можно выделить следующие типы по отношению их к войне: «воины по призванию», «воины по долгу», «воины по обязанности», «вооруженные миротворцы», «профессионально работающие на обеспечение армии и войны», «пацифисты», «антивоенный человек» и др.¹⁴

На наш взгляд, такая классификация может быть принята за основу в качестве одного из вариантов систематизации категорий участников вооруженных конфликтов по «отношению к войне».

Оставим в стороне работников военно-промышленного комплекса, а также активистов и членов антивоенных организаций, и обратимся к различным типам собственно «воинов».

К первой категории – «воинов по призванию» – относятся те, кто желает посвятить жизнь военному делу, сознательно ищет возможности «повоевать». Война для них – именно та стихия, где, по их представлениям, открывается возможность для наиболее полной реализации своих сил и способностей, самоутверждения в глазах других людей, удовлетворения материальных и духовных потребностей. Именно из этой, сравнительно немногочисленной категории (по мнению экспертов, она составляет около 3-5% дееспособного населения, а в специфической военной среде – до 60-70% кадровых офицеров и 70-90% отставников)¹⁵, набираются добровольцы для участия в локальных войнах и конфликтах, боевики различных военизированных формирований, бойцы особых отрядов по борьбе с вооруженной преступностью и т.п. При том, что за категорией «воина по призванию» в действительности скрываются очень разные типы личностей и по психическому складу, и по системе ценностей, большинство из них, по существу, представляют собой особый тип милитаризованного человека, всегда готового к насилию.

По нашему мнению, следует отметить, что в отдельных случаях данный тип «человека-воина» формируется как результат посттравматического синдрома, когда человек, побывавший на войне, уже не представляет свое существование вне подобной экстремальной обстановки и всеми возможными способами стремится воссоздать ее вокруг себя. Здесь в качестве примера можно привести мировоззрение ветерана Первой мировой, известного немецкого писателя Эрнста Юнгера, чьи книги, в отличие от произведений его современника и соотечественника Э.-М.Ремарка, никогда не издавались на русском языке. Юнгер – певец войны, стиль и дух его фронтовой прозы диаметрально противоположен по смыслу роману Ремарка «На Западном фронте без перемен». Его книги воспевают романтику войны, героического начала, чудовищного напряжения моральных сил человека и преодоления трудностей. Они убеждают читателей в том, что война – самое естественное проявление человеческой жизни, что только она может принести народу обновление, а без нее начинают преобладать застой и вырождение. Именно в военных условиях человек проявляет свою истинную сущность, являя себя миру во время «танца на острие клинка», в момент пребывания между бытием и небытием. Многообразие жизненных форм упрощается до одного-единственного смысла: борьба, постоянный риск, балансирование на грани гибели, – все остальное становится незначительным и ничтожным. При этом чужая жизнь лишается какой-либо ценности,

утрачивает всяческое значение: на войне управляет не разум, а глубинные «первородные» инстинкты, – желание ощутить запах и вкус крови, принять участие в охоте на себе подобных. «Наша работа – убивать, – пишет Юнгер, – и наш долг – делать эту работу хорошо». Война со всеми ее ужасами, страданиями и преступлениями интерпретируется им как приключение, высшее испытание человеческих качеств. Причем, по мнению Юнгера, война сама по себе есть оправдание любых действий¹⁶. Эти взгляды великолепно характеризуют психологию «диких гусей», наемников, любителей острых ощущений, то есть самую крайнюю категорию из числа «воинов по призванию».

Другая категория – «воины по долгу». Это люди, которые независимо от своего субъективного отношения к войне, часто весьма негативного, оказавшись перед необходимостью защищать свою страну и семейный очаг от захватчиков, сами добровольно идут на войну. В данном случае даже ненависть к войне не мешает их готовности взяться за оружие, чтобы отстоять свободу и независимость Родины и собственное право на жизнь. В мирных условиях к данному типу людей относится около 20-30% призывников, зато все они являются добровольцами в случае нападения агрессора. По отношению ко всему военнообязанному населению, по данным некоторых социологов, они составляют 8-12%¹⁷. Однако, с нашей точки зрения, нельзя выделять данную категорию вне зависимости от типа и характера войны. Численность и удельный вес «воинов по долгу» напрямую зависит от того, насколько вооруженный конфликт глубоко затрагивает коренные, жизненные интересы населения конкретной страны в конкретное время.

Так, в двух разных войнах, но в одном и том же государстве, в одно «историческое» время, когда у основной массы населения сформирована и сохраняется все та же система ценностей, основные качества социальной психологии, традиции и т.п., масштабы патриотического порыва бывают качественно различными. Особенно наглядно это можно представить на примере вооруженных конфликтов, временной промежуток между которыми по историческим меркам ничтожно мал (год-два). Но здесь становится очевидной значимость различий между самими войнами – их масштабом, оборонительным или наступательным характером, справедливой или несправедливой сутью, и т.п. Особенно различаются в этом отношении локальные и мировые войны. Например, в СССР, несмотря на активную патриотическую пропаганду, в «зимней» советско-финляндской войне процент добровольцев не выходил за рамки традиционного, тогда как в период Великой Отечественной он был значительно выше, и именно «воины по долгу» составляли большинство фронтового поколения.

И наконец третья, как правило, самая многочисленная категория, – «воины по обязанности», избравшие мирные профессии и в целом негативно относящиеся к службе в армии, не рвущиеся на фронт в случае войны, но становящиеся в строй по закону о мобилизации. Они составляют почти 60-70% годных к военной службе призывников и отслуживших в армии воинов запаса, а в соотношении со всем военнообязанным населением – около 40-50%.¹⁸

Однако независимо от своего отношения к войне и к участию в ней, в результате мобилизации все эти категории оказываются в боевых условиях и (за редким исключением) в одинаковой роли комбатанта. С этого момента на эмоционально-волевую сферу и поведенческие мотивы человека начинает оказывать воздействие целая система специфических факторов.

Героический порыв и паника на войне

Каждый бой представляет собой неповторимую обстановку для его непосредственных участников, потому что одинаковых и тем более стандартных условий в

боевой обстановке не бывает. Динамика боя проявляется во всех видах боевых действий: в обороне и наступлении, в авиационных и танковых ударах, в артиллерийском и ружейно-пулеметном огне, во введении резервов, в неожиданных и внезапных маневрах, в применении нового оружия и т.д. При этом на нее влияют характер местности, время года и суток, климат и даже погода, приводя к бесконечному многообразию ее форм. «Характеризуя условия боя, нельзя упустить из виду и такую их особенность, как чрезвычайно ощутимые жизненные неудобства», – подчеркивает военный психолог Г.Д.Луков и перечисляет некоторые особенности военного быта, неизбежно влияющие на внутреннее состояние воина, которое сказывается на его поведении в условиях боя: «Зимой – это стужа, когда застывает смазка даже на тщательно протертом оружии, когда кусок хлеба становится тверже льда, а сырые валенки, замерзнув, ломаются на ходу, как будто они сделаны из очень хрупкого материала. Бывает и летом, когда бойцы изнывают от жары, от недостатка воды, от жгучего песка и удушливой пыли, ослепляющих бойца и затрудняющих ему дыхание. Нередки случаи в боевой обстановке, когда человек недосыпает, недоедает, живет и действует в неудовлетворительных санитарно-гигиенических условиях, не имеет нормального жилья и уюта, физически и нравственно устает, переутомляется и т.д.»¹⁹

Таковы основные особенности фронтового быта, на который накладывает дополнительный и весьма существенный отпечаток обстановка постоянной опасности, в которой живут и действуют люди. Обстановка боя, с точки зрения ее воздействия на человеческий организм и психику, представляет собой совокупность раздражителей чрезвычайно большой силы²⁰. Обе эти стороны военной действительности – опасность боя и повседневность быта – непосредственно формируют психологию комбатантов.

Какие же мотивы руководят воином в бою? По мнению советского военного психолога, участника русско-японской и Первой мировой войн П.И.Измествева, их несколько: «Прежде всего *ненависть к врагу*, угрожающему родным очагам, *чувство любви к отечеству, чувство долга*. Чем устойчивее в нем [воине] все идеи об этом, тем сильнее волевой мотив. С другой стороны, его может двигать вперед *привычка к повиновению начальникам*, т.е. *дисциплина, желание отличиться перед товарищами* своей отвагой и мужеством, *опасение прослыть трусом* или же *боязнь наказания* при проявлении трусости, наконец, *пример начальника*» [выделено мной – Е.С.]²¹.

Как видно из этого перечня, мотивы поведения комбатанта в экстремальной ситуации делятся на идейные и волевые, хотя по отдельности, «в чистом виде» они встречаются довольно редко. Обычно в боевой обстановке человек руководствуется смешанными идейно-волевыми мотивами, и понимание долга в его сознании неразрывно связано с подчинением воинской дисциплине, а любовь к родине – с проявлением личного мужества.

При этом смелость в бою представляет собой достаточно сложный психологический феномен и при всем сходстве внешних форм проявления имеет, как правило, весьма различное происхождение и основу. «Как трусость, так и храбрость бывают разнообразны и многогранны, – отмечал генерал П.Н.Краснов. – Бывает храбрость разумная и храбрость безумная. Храбрость экстаза атаки, боя, влечения, пьяная храбрость и храбрость, основанная на точном расчете и напряжении всех умственных и физических сил... Бывает храбрость отчаяния, храбрость, вызванная страхом смерти или ранения, или страхом испытать позор неисполненного долга»²². В этой связи интересно мнение Клаузевица, который считал, что «мужество никоим образом не есть акт рассудка, а представляет собой такое же чувство, как страх; последний направлен на физическое самосохранение, а мужество – на моральное»²³.

Но среди всего многообразия видов храбрости и трусости по их происхождению и проявлению можно выделить две основных формы обоих качеств – индивидуальную и групповую. На последней, характеризующей некоторые

дуальную и групповую. На последней, характеризующей некоторые особенности коллективной психологии, следует остановиться отдельно и рассмотреть такие сложные и противоречивые явления, как *героический порыв и паника* на войне.

В военной психологии существует особое понятие «коллективные (групповые) настроения». Это наиболее подвижный элемент психологии, который способен к быстрому распространению: возникая у одного или немногих людей, настроения часто перекидываются на большую человеческую массу, «психически заражая» ее. Особенно часто это происходит при непосредственном контакте и общении людей в условиях жизни бок о бок. Именно тогда вступает в силу и активно действует социально-психологический закон подражания. При этом с одинаковой быстротой могут распространяться и «заражать» окружающих как положительные, так и отрицательные настроения и примеры поведения.

Важнейшее качество групповых настроений – их динамизм. Они способны легко переходить из одной формы в другую, из неосознанной в отчетливо сознаваемую, из скрытой в открытую. Столь же быстро настроения перерастают в активные действия. И, наконец, они часто подвержены колебаниям и могут почти мгновенно перестраиваться самым коренным образом²⁴.

В экстремальных условиях войны, под влиянием опасности, трудностей, постоянного физического и нервного напряжения, действие эмоционального фактора приобретает особенно интенсивный характер. При этом в боевой обстановке с одинаковой вероятностью могут проявиться прямо противоположные коллективные настроения: с одной стороны, чувство боевого возбуждения, наступательный порыв, экстаз атаки, а с другой, – групповой страх, уныние, обреченность, способные в определенной ситуации привести к возникновению паники. Таким образом, и паника, и массовый героический порыв – часто явления одного порядка, отражающие психологию толпы.

Этим во многом объясняется и феномен коллективного героизма, и сила героического примера. Так, подвиг одного человека (или воинского коллектива) в боевых условиях является мощным психологическим импульсом для окружающих, побуждающим их к активному действию, а вместе с тем являющимся и готовым образцом, своеобразной моделью поведения в опасной ситуации. В повторении этой модели реализуется эффект подражания и массового «психического заражения» – в их позитивной форме. В какой-то мере данное явление отразилось и в народных пословицах «На миру и смерть красна», «Один в поле не воин» и др., подчеркивающих социальную природу человека и приоритет во многих случаях социально-психологического над индивидуально-психологическим.

Наиболее ярким примером негативного воздействия «психического заражения» в боевой обстановке является паника. «На войне, под влиянием опасности и страха, рассудок и воля отказываются действовать, – писал П.Н.Краснов. – На войне, особенно в конце боя, когда части перемешаны, строй и порядок потеряны, когда в одну кашу собьются люди разных полков, войско превращается в *психологическую толпу*. Чувства и мысли солдат в эти минуты боя одинаковы. Они восприимчивы ко внушению, и их можно толкнуть на величайший подвиг и одинаково можно обратить в паническое бегство. Крикнет один трус: “Обошли!” – и атакующая колонна повернет назад»²⁵.

Часто активное воздействие на сознание специфики боя вызывает у человека игру воображения. В результате он начинает неадекватно оценивать обстановку, преувеличивать реальную опасность, что мешает ему успешно действовать в сложной ситуации. Такое «непроизвольное воображение», превращаясь в определенный момент в доминирующий психический процесс, пытается диктовать человеку те или иные поступки и может послужить причиной страха и паники²⁶. «Как ни велика в бою действительная опасность, опытный солдат с нею справится. Гораздо страшнее, гораздо больше влияет на него опасность воображаемая, опас-

ность ему внушенная. Когда части перемешались, когда они обратились в толпу, они становятся импульсивны, податливы ко внушению, к навязчивой идее, податливы до галлюцинаций. Глупый крик “наших бьют...”, или еще хуже – “обошли”, и части, еще державшиеся, еще шедшие вперед, поворачивают и бегут назад. Начинается паника»²⁷. В начальный период Великой Отечественной таким импульсом, заставлявшим целые части срывать с позиций и устремляться от мнимой опасности, обычно становился крик «самолеты», «танки» или «окружают». Вызвано это было и общим состоянием духа войск, успевших «привыкнуть» к ударам превосходящих сил противника, собственным неудачам и поражениям, к длительному отступлению, а потому сравнительно легко поддающихся малодушию, панике и бегству в тыл.

Паника случалась во всех армиях мира во все исторические эпохи. И боролись с нею весьма похожими методами, с одной стороны, беспощадно расправляясь с паникерами, а с другой – стараясь предотвратить ее возникновение. Так во время русско-японской войны командующий 2 Маньчжурской армией генерал Гриппенберг 22 декабря 1904 г. издал приказ, в котором среди других указаний о действиях пехоты в бою подчеркивал: «необходимо также принять меры против паник ночью, в особенности после боя, когда люди настроены нервно и когда достаточно иногда крика во сне кого-нибудь “неприятель” или “японец”, чтобы все люди вскакивали, бросались к ружьям и начинали стрелять, не разбирая куда и в кого. С этими явлениями нужно ознакомить войска, внушая им в подобных случаях оставаться и не поддаваться крику нервных людей, разясняя им печальные последствия преждевременных криков “ура” и паники»²⁸.

Но гораздо чаще, чем «разьяснения», армейское руководство использовало жесткие репрессивные меры, исходя из принципа: «солдат должен бояться собственного начальства больше, чем врага». Так, отмечая случаи массовой сдачи в плен нижних чинов русской армии в Первую мировую войну (не только после нескольких лет сидения в окопах, что можно объяснить усталостью от затянувшейся войны и общим разложением армии, но уже осенью 1914 г.!), командование издавало многочисленные приказы, в которых говорилось, что все добровольно сдавшиеся в плен по окончании войны будут преданы суду и расстреляны как «подлые трусы», «низкие тунеядцы», «безбожные изменники», «недостойные наши братья», «позорные сыны России», дошедшие до предательства родины, которых, «во славу той же родины надлежит уничтожить». Остальным же, «честным солдатам», приказывалось стрелять в спину убегающим с поля боя или пытающимся сдать в плен: «Пусть твердо помнят, что испугаешься вражеской пули, получишь свою!» Особенно подчеркивалось, что о сдавшихся врагу будет немедленно сообщено по месту жительства, «чтобы знали родные о позорном их поступке и чтобы выдача пособия семействам сдавшихся была бы немедленно прекращена»²⁹. Среди причин массовой сдачи в плен в ноябре 1914 г., когда за две недели боев сдалась почти третья часть личного состава 13-й и 14-й Сибирских дивизий, в частном письме одного офицера приводится следующая: «Идет усиленный обстрел пулеметами, много убитых. Вдруг какой-то подлец кричит: “Что же, ребята, нас на убой сюда привели, что ли? Сдадимся в плен!” И моментально чуть ли ни целый батальон насадил на штыки платки и выставил их вверх из-за бруствера»³⁰. Как в приведенном здесь, так и в других подобных случаях, имела место типичная ситуация «психического заражения».

Классическим примером борьбы с паникой в период Великой Отечественной войны стали приказы Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии № 270 от 16 августа 1941 г. и Наркома обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 г. В первом из них каждый военнослужащий, оказавшись в окружении, обязан был «драться до последней возможности» и, независимо от своего служебного положения, уничтожать трусов и дезертиров, сдающихся в плен врагу, «всеми средствами, как наземными, так и воздушными». Особо изощренным видом

ми, как наземными, так и воздушными». Особо изощренным видом давления на сознание отступающей армии явился пункт приказа, гласивший, что семьи нарушителей присяги будут подвергнуты аресту³¹.

Причиной принятия приказа «Ни шагу назад!» явилась объективная, весьма угрожающая ситуация, сложившаяся летом 1942 г. на Юго-Западном фронте, когда за неполный месяц, с 28 июня по 24 июля, наши войска в большой излучине Дона отошли на восток почти на 400 км со средним суточным темпом отхода около 15 км, и нужны были резкие, неординарные меры, чтобы остановить отступление, которое грозило гибелью стране³². Приказ № 227 призывал установить в армии «строжайший порядок и железную дисциплину», для чего создавались *штрафные батальоны*, в которых «провинившиеся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости» командиры и политработники могли «искупить кровью свои преступления против Родины». В том же приказе говорилось о формировании *заградительных отрядов*, которые следовало поставить «в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизии выполнить свой долг перед Родиной»³³. Главный способ борьбы с паническими настроениями в советской армии был очень прост: «Паникеры и трусы должны истребляться на месте». Можно по разному относиться к его жестокости, но при этом нельзя отрицать его действенности. Ведь в конечном счете цель была достигнута: приказ № 227 сумел переломить настроение войск. Не исключено, что без такого весьма своевременного приказа не удалось бы победить под Сталинградом, да и в войне в целом.

Что же представляет собой паника как феномен массовой психологии? По мнению ряда авторов, это одно из проявлений инстинкта самосохранения, результат заражающего влияния толпы на индивида. Другие считают, что паника возникает в условиях мнимой опасности в результате психологического влияния одного паникера на массу других воинов. Третьи утверждают, что она возникает главным образом в обстановке реальной опасности, а ее причиной является не слепое подражание, а понижение уровня мотивации, притупление самоконтроля, что в экстремальной ситуации создает предрасположенность к исключительно защитному поведению, повышенной внушаемости и т.п. В то же время активизация высоких мотивов и нравственных чувств способствует приглушению простых эмоций и преодолению страха и паники³⁴.

Каковы же условия, провоцирующие возникновение паники? Как влияет на боевой дух войск ход и характер боевых действий, их конкретный этап, время суток и погодно-климатические условия? Вот что писал по этому поводу П.Н.Краснов: «Паника возникает в войсках или в самом начале боя, когда все чувства бойцов приподняты и страх неизвестности владеет ими, а в обстановке недостаточно разобрались и неприятель чудится везде, или в конце очень тяжелого, кровопролитного, порою многодневного сражения, когда части вырвались из рук начальников, перемешались и обратились в психологическую толпу. Особенно часто возникает паника в непогоду и ненастье... Паника рождается от пустяков и создает иногда надолго тяжелую нравственную потрясенность войск, так называемое “паническое настроение”»³⁵. Впрочем, далеко не всегда основанием для него служат пустяки. Например, многочисленные случаи паники в начале Великой Отечественной войны, в период массового отступления советских войск, в значительной степени были вызваны общим состоянием глубокого психологического шока, который испытала армия в столкновении в реальной мощью противника, что решительно противоречило внушенным ей довоенной пропагандой лозунгам и стереотипам.

Очень часто паника возникает, когда солдат сталкивается на поле боя с чем-то непонятым, например, с применением противником нового вида оружия. Так, в

Первую мировую войну ее вызывали первые применения танков, отравляющих боевых веществ, авиации, подводных лодок; во Вторую мировую – сирен на немецких пикирующих бомбардировщиках, радиовзрывателей, советских реактивных минометов «Катюш» и т.д. Кстати, этот психологический фактор был учтен и использован Г.К.Жуковым в начале Берлинской операции, когда вслед за мощной артиллерийской подготовкой последовала ночная атака танков и пехоты с применением 140 прожекторов, свет которых не только ослепил неприятеля, но и вызвал у него паническую реакцию: немцы решили, что против них пущено в ход неизвестное оружие.

Итак, причины возникновения паники крайне разнообразны: неожиданная или воображаемая опасность, крик, шум и т.п. Чаще всего паника возникает: 1) при ночных операциях, когда темнота обостряет чувство страха; 2) после поражения или нерешительного боя с большими потерями, подрывающими боевой дух личного состава; 3) при вступлении войск в бой, в момент его завязки, когда всякая опасность преувеличивается воображением. При этом «во время боя панику может вызвать всякая неожиданность: атака с тыла, с флангов, неожиданное, а иногда и мнимое превосходство противника. В этом случае довольно поддаться ужасу одному человеку, чтобы он передался массе. Последнее особенно часто случается в обозах, в тыловых частях армии, где дисциплина слабее»³⁶. Однако нервозность присуща людям не только в бою, но и после него, во время отдыха, когда во сне на уровне подсознания переживаются впечатления тяжелого дня. При этом крик спящего или случайный выстрел на передних позициях могут привести к массовой перестрелке, так называемой «огневой панике», а то и к беспорядочному бегству.

«Паника, – по определению П.И.Измestьева, – это явление коллективного страха в высшей, в смысле эмоции, форме, т.е. ужаса, иногда совершенно необъяснимого, охватывающего войска. Этот безумный ужас, распространяясь с стихийной быстротой, превращает самое дисциплинированное войско в толпу жалких беглецов»³⁷. Однако, как уже отмечалось выше, групповым настроениям – и панике в том числе – присущ динамизм, необычайная подвижность, изменчивость, способность перестраиваться самым решительным образом. В состоянии особой податливости группы людей к внушению один вид «психического заражения» вполне может смениться другим, положительный отрицательным и наоборот, – главное, чтобы импульс к смене коллективного настроения оказался на данный момент сильнее предыдущего. Один из примеров такого рода мы находим в воспоминаниях о русско-японской войне.

В феврале 1905 г., во время Мукденского сражения некоторые русские части были окружены японцами. Масса людей и обозов сбилась в овраге, выходы из которого были перекрыты врагом. Разрозненные попытки вырваться из этой ловушки успеха не имели. «Люди совершенно пали духом и лежали безучастно, укрываясь скатами оврага от пуль». Никакие убеждения и команды офицеров не действовали. Но вот какой-то унтер-офицер выскочил быстро наверх, в руках его мелькал большой крест. «Откуда взялся этот крест, трудно сказать. Вероятно, он принадлежал походной церкви. Унтер-офицер этот кричал: “Братцы, пойдем за крестом! За знаменем!” Кто-то крикнул: “Знамя! Выручай! Знамя пропадает!” И случилось что-то необычное: множество людей сняли папахи и, перекрестясь, быстро ринулись наверх, увлекая всех за собою. Без криков ура, молча, масса кинулась на заборы и валы, занятые японцами. Слышен был лишь топот бегущей толпы да ее тяжелое дыхание. Японцы оторопели и, прекратив стрельбу, бросились назад. Говорили, что наши в иступлении изломали пулеметы голыми руками. Через минуту огромная колонна беспрепятственно ползла из рокового оврага»³⁸.

В данном случае особо следует подчеркнуть, что вся эта большая человеческая масса явно находилась в состоянии аффекта, когда, забыв об имевшемся у них оружии, люди дрались голыми руками и крушили ими вражеское железо. Психологи определяют аффект как «сильное и относительно кратковременное нервно-психическое возбуждение – эмоциональное состояние, связанное с резким изменением важных для субъекта жизненных обстоятельств». Он развивается в критических условиях при неспособности человека найти адекватный выход из опасных, чаще всего неожиданных ситуаций. Формами проявления аффекта как крайнего душевного волнения могут быть ужас, оцепенение, бегство, агрессия, ярость, гнев. При этом для данного состояния характерно сужение сознания, при котором внимание целиком поглощается породившими аффект обстоятельствами и навязанными им действиями³⁹.

Таким образом, многие формы и героического порыва, и паники в экстремальных условиях войны носят в себе ярко выраженные симптомы состояния аффекта. Его механизмы в целом универсальны для человеческой психологии, особенно в групповых, коллективных, массовых проявлениях в боевой обстановке. Однако конкретные побудительные мотивы, запускающие этот механизм, могли быть весьма специфическими в конкретных войнах и зависеть не только от конкретно-исторической, но и от социо-культурной ситуации. Например, если боевое знамя на протяжении всего XX века (и много ранее) оставалось общепризнанной символической ценностью, утрата которой покрывала несмываемым позором воинскую часть и та в результате подлежала расформированию, то икона – религиозный символ-ценность – являлась таковой только в период высокой социальной значимости религиозных институтов, поддерживаемых государством. Соответственно утрата или необходимость защиты в бою этих символов-ценностей могла стать мощнейшим побудителем позитивных массовых аффектов – героического порыва, экстаза атаки и т.п.

Роль аффектов вообще весьма велика в любых вооруженных конфликтах. Даже за, казалось бы, одним и тем же явлением, оцениваемым обществом как безусловно позитивное действие, в экстремальных условиях войны могут стоять различные механизмы. Например, подвиг может стать результатом как сознательного волевого выбора человека, трезво оценивающего ситуацию, возможные последствия своих действий, готовности к самопожертвованию, так и аффективного, бессознательного порыва, импульсивного действия под влиянием очень различных обстоятельств. Здесь может иметь место и аффект массового «психического заражения» в момент атаки, и вспышка отчаяния в безвыходной ситуации, и даже страх. Поэтому стоит четко различать собственно психологические механизмы деятельности людей в боевой обстановке и их результаты, которым общество придает тот или иной социально-ценностный смысл. При этом, конечно же, в управлении войсками, а следовательно, и в их воспитании, прежде всего морально-психологической подготовке, приоритет обоснованно отдается сознательно-волевым качествам воинов. Это позволяет свести к минимуму негативные виды аффектов (страх, паника и т.п.): устойчивость к вовлечению в состояние аффекта зависит от уровня развития моральной мотивации личности и ее способности к сознательной саморегуляции.

Психология боя и солдатский фатализм

Предыдущий раздел был посвящен преимущественно групповой и массовой психологии, тогда как «атомарный» уровень, из которого складываются социально-психологические процессы и феномены, лежит в области психологии личност-

ной. Здесь мы и рассмотрим некоторые аспекты индивидуальной психологии в контексте экстремальных боевых условий. Уже приведенная выше позиция английского военного психолога Нормана Коупленда о неизменности человеческой природы при постоянном усовершенствовании методов и средств ведения войны, прежде всего вооружения, дает пищу для размышлений и в этом случае. Как и всякая афористически выраженная мысль, она страдает некоторой односторонностью и упрощением: разумеется, человек существенно менялся в ходе социальной эволюции и исторического развития, причем постоянные и переменные величины в этом процессе лежат в разных плоскостях. Меняется смысловое, ценностное, информационное наполнение человеческой психики, тогда как психо-биологическая ее составляющая остается чрезвычайно стабильной. Так, инстинкт самосохранения универсален и детерминирован биологической природой человека, однако механизмы защиты индивидуума в ситуациях, угрожающих здоровью и жизни, определение линии поведения и даже психологического реагирования, «переживания» ситуации решающим образом зависят от социокультурных параметров личности: этно-культурной, религиозной и т.п. среды, определившей ее воспитание, ценности, установки, нормы поведения. Страх европейца-атеиста, христианина, мусульманина, буддиста и т.д. – это разные «страхи». И решения, принимаемые ими в схожих обстоятельствах, которые, казалось бы, должны рождать в людях одинаковые эмоции, и поведение могут оказываться не только различными, но даже противоположными. Конечно, в одной и той же этно- и социокультурной среде в течение XX века эти качества также подвергались изменениям, но они не были столь очевидны: весьма широкий комплекс психологических качеств российских участников разных вооруженных конфликтов начала, середины или второй половины нашего столетия оставался относительно устойчивым. Отсюда – большое сходство мыслей, чувств, переживаний, оценок, прослеживаемых в документах личного происхождения военнослужащих, созданных в боевой обстановке.

Для проверки данного тезиса проведем сравнительный анализ однотипных источников периодов двух мировых и советско-афганской войн: писем, дневников, воспоминаний российских и советских солдат и офицеров, участников этих событий.

Начнем с психологической оценки русского солдата, которую дает в своем дневнике поэт-фронтовик Д.Самойлов: «Российский солдат выносил, неприхотлив, беспечен и убежденный фаталист. Эти черты делают его непобедимым». Но, читая эти записи, начинаешь понимать, что фатализм – основная черта солдатской психологии, свойственная не только российским, но всем без исключения комбатантам как особой категории людей: «Первый бой оформляет *солдатский фатализм* в мироощущение. Вернее, закрепляется одно из двух противоположных ощущений, являющихся базой солдатского поведения. Первое состоит в уверенности, что ты не будешь убит, что теория вероятности именно тебя оградила пуленепробиваемым колпаком; второе – напротив, основано на уверенности, что не в этом, так в другом бою ты обязательно погибнешь. Формулируется все это просто: живы будем – не помрем... Только с одним из двух этих ощущений можно быть фронтовым солдатом»⁴⁰.

Первый тип ощущений ярко выражен в письме артиллерийского прапорщика А.Н.Жиглинского от 14.07.1916 г.: «Война – это совсем не то, что вы себе представляете с мамой, – пишет он с Западного фронта своей тете. – Снаряды, верно, летают, но не так уж густо, и не так-то уж много людей погибает. Война сейчас вовсе не ужас, да и вообще, – есть ли на свете ужасы? В конце концов, можно себе и из самых пустяков составить ужасное, – дико ужасное! Летит, например, снаряд. Если думать, как он тебя убьет, как ты будешь стонать, ползать, как будешь медленно уходить из жизни, – в самом деле становится страшно. Если же спокойно, умозрительно глядеть на вещи, то рассуждаешь так: он может убить, верно, но что

же делать? – ведь страхом делу не поможешь, – чего же волноваться? Кипеть в собственном страхе, мучиться без мученья? Пока жив – дыши, наслаждайся, чем и как можешь, если только это тебе не противно. К чему отравлять жизнь страхом без пользы и без нужды, жизнь, такую короткую и такую непостоянную?.. Да потому, если думать: «тут смерть, да тут смерть», – так и совсем страшно будет. Смерть везде, и нигде от нее не спрячешься, ведь и в конце концов все мы должны умереть. И я сейчас думаю: “Я не умру, вот не умру, да и только, как тут не будь, что тут не делайся”, и не верю почти, что вообще умру, – я сейчас живу, я себя чувствую, – чего же мне думать о смерти!»⁴¹ Спустя двадцать семь лет с другой великой войны боец Петр Куковеров напишет своей сестре: «Скоро новый 1943-й год! Я верю, он будет для нас счастливым. Как же я хочу теперь жить! Я люблю жизнь и должен выжить. Я точно знаю: меня никогда не убьют!»⁴² – и погибнет в том же 1943-м году.

Участник Афганской войны, артиллерист полковник С.М.Букварев на вопрос «Были ли вы суеверны?» ответил: «Да, был и, наверное, остаюсь суеверным. Мне, когда я уезжал [в Афганистан], отец говорил: “Сергей, ты там это самое... смотри!...” А я ему говорю: “Чего там – смотри?! Вот ты четыре года с первого до последнего дня провоевал, и так повезло, что жив остался. А другим и одного дня хватило, чтобы погибнуть...” И тогда он мне сказал слова, которые я всегда повторяю: “Это как кому на роду написано”. Вот поэтому я суеверный. Верил в то, что все обойдется. И поэтому, наверное, так и получилось»⁴³.

Другой тип ощущений находим в воспоминаниях полковника Г.Н.Чемоданова, командовавшего в Первую мировую пехотным батальоном. Он описывает марш-бросок на передовую 22 декабря 1916 г. на Рижском участке Северного фронта: «Я хорошо знал эти минуты перед боем, когда при автоматической ходьбе у тебя нет возможности отвлечься, обмануть себя какой-нибудь, хотя бы ненужной работой, когда нервы еще не перегорели от ужасов непосредственно в лицо смотрящей смерти. Быстро циркулирующая кровь еще не затуманила мозги. А кажущаяся неизбежной смерть стоит все так же близко. Кто знал и видел бои, когда потери доходят до восьмидесяти процентов, у того не может быть даже искры надежды пережить грядущий бой. Все существо, весь здоровый организм протестует против насилия, против своего уничтожения»⁴⁴.

В минуты смертельной опасности (а боевая обстановка и есть такая опасность) в человеке пробуждается инстинкт самосохранения, вызывая естественное *чувство страха*, но вместе с тем и сознание необходимости этот страх преодолеть, не выдать его окружающим, сохраняя внешнее спокойствие, ибо внутренний трепет в той или иной мере все равно остается. В том-то и дело, что бой предъявляет к человеку требования, противоречащие инстинкту самосохранения, побуждает его совершать действия вопреки естественным чувствам. «...Война как постоянная и серьезная угроза жизни, конечно, есть натуральнейший импульс к страху»⁴⁵, – отмечал И.П.Павлов. Страх становится фактором, препятствующим совершению эффективной индивидуальной и коллективной деятельности, и это обстоятельство проявляется в очень широком диапазоне последствий: от массовой паники и бегства больших войсковых масс до индивидуальной психологической подавленности, утраты способности ясно мыслить, адекватно оценивать обстановку, вплоть до безынициативности и полной пассивности. Так, в период Второй мировой войны военные психологи США получили статистически значимые результаты исследования личного состава подразделений своей армии, действовавшей в Западной Европе в 1942-1945 гг., согласно которым лишь четверть солдат была реальными участниками боя, а 75% уклонялись от непосредственного участия в боевых действиях. При этом лишь 15% из всех, обязанных в соответствии с обстановкой пускать в ход личное оружие, вели огонь по неприятельским позициям, а проявивших хоть какую-то инициативу было всего лишь 10%. Причинами этой пассивности, по мнению американских

сти, по мнению американских исследователей, являлись сугубо психологические факторы, особенно различные формы и степень тревоги и страха⁴⁶.

«Главное чувство, которое царит над всеми помыслами на войне, в предвидении боя и в бою, – ибо война и есть бой, без боя войны не может быть, – это *чувство страха*. К нему примыкают, усугубляя его, а иногда парализуя его, *чувство физической и душевной усталости*, ибо нигде не напрягаются так все силы человеческие, как на войне – в походе и в бою»⁴⁷, – писал в 1927 г. в эмиграции участник трех войн казачий генерал П.Н.Краснов.

Не случайно в условиях сильнейшего стресса, каким является бой, во всех армиях используются те или иные способы смягчения нервного напряжения перед лицом возможной насильственной смерти (и своей, и своих товарищей, и неприятеля, которого солдат вынужден убивать). Это и различные химические стимуляторы (от алкоголя до наркотических веществ), и комплекс собственно психологических средств (обращение командира к личному составу, беседы священников и политработников, молитвы и молебны в религиозных формированиях и др.), и звуковые способы воздействия на психику (барабанный бой, звуки горна, волынки и т.п.; призывы, лозунги и воодушевляющие крики в момент атаки: «Ура», «Аллах акбар», «Банзай» и проч.). Они, как правило, одновременно выполняют целый ряд функций: и вытеснения из сознания воинов чувства страха в минуту повышенной опасности, всегда сопутствующей бою; и мобилизации решимости наступающих; и обострения чувства общности воинского коллектива («На миру и смерть красна»); и устрашения противника, на которого надвигается в едином, грозном порыве атакующая масса.

В русской армии таким боевым кличем издавна было «Ура». Вот как описывает момент штыковой атаки участник Первой мировой войны В.Арамилев: «Кто-то обезумевшим голосом громко и залиvisto завопил: “У-рра-а-аа!!!” И все, казалось, только этого и ждали. Разом все заорали, заглушая ружейную стрельбу... На параде “ура” звучит искусственно, в бою это же “ура” – дикий хаос звуков, звериный вопль. “Ура” – татарское слово. Это значит – бей! Его занесли к нам, вероятно, полчища Батыея. В этом истерическом вопле сливается и ненависть к “врагу”, и боязнь расстаться с собственной жизнью. “Ура” при атаке так же необходимо, как хлороформ при сложной операции над телом человека»⁴⁸.

Страх является одной из форм эмоциональной реакции на опасность. Не существует страха абстрактного, страха вообще. Страх бывает перед чем-то, в определенной конкретной ситуации. При этом для человека в экстремальной обстановке характерно чувство доминирующей опасности, обусловленное оценкой создавшегося положения, и часто то, что казалось опасным минуту назад, уступает место другой опасности, а следовательно, и другому страху. Например, страх за себя сменяется страхом за товарищей, страх перед смертью – страхом показаться трусом, не выполнить приказ и т.п. От того, какой из видов страха окажется доминирующим в сознании воина, во многом зависит его поведение в бою⁴⁹.

Иногда страх вызывает у человека состояние оцепенения, лишает его самообладания, провоцирует неадекватное поведение; в других случаях, напротив, заставляет мобилизовать волю, напрячь усилия, активизировать боевую деятельность. «Есть страх, который у человека парализует волю полностью, а есть страх иного рода: он раскрывает в тебе такие силы и возможности, о которых ты раньше не предполагал»⁵⁰. Впрочем, с точки зрения психолога Б.М.Теплова, высказанной в 1945 г., «страх вовсе не является единственно возможной реакцией на опасность»⁵¹, далеко не у всех участников боя возникает чувство страха и, следовательно, не все они оказываются перед необходимостью его преодоления. «Вопрос не в том, переживает человек в бою эмоцию страха или не переживает никакой эмоции, а в том, переживает ли он *отрицательную эмоцию страха* или *положительную эмоцию боевого возбуждения*. Последняя является необходимым спутни-

ком военного призвания и военного таланта. Бывают люди, для которых опасность является жизненной потребностью, которые стремятся к ней и в борьбе с ней находят величайшую радость жизни», – утверждает он в своей работе «Ум полководца». Таким образом, Б.М.Теплов выделяет две категории воинов: к первой относятся те, кто переживают в бою страх и вынуждены преодолевать его, боевая обстановка их не увлекает; воины второй категории, напротив, стремятся к бою, испытывают «наслаждение в бою», их психическое состояние характеризуется отсутствием страха и наличием боевого возбуждения⁵².

Однако обладатели последней из названных эмоций оказываются все-таки в меньшинстве. Согласно данным, опубликованным в США во время войны во Вьетнаме, «выраженный страх испытывает 80-90% участников боя... Часто чувство страха мешает солдату применять оружие... Лишь около 25% применяют оружие в бою... Притом эта цифра практически неизменна со второй мировой войны», в которой, по данным тех же американцев, пострадало от боевых стрессов около 1 млн. человек, причем 450 тыс. из них были уволены с психическими заболеваниями, что составило 40% от общего числа уволенных по болезням и из-за травм⁵³.

Разумеется, наряду со страхом существует и явление, ему противоположное. Это бесстрашие, которое также проявляется в разнообразных эмоциональных формах. Существуют два основных его вида – как черта характера и как временное, ситуативное состояние. Иногда человек не испытывает страха «по незнанию», не осознавая до конца опасности, не понимая специфических условий боя. Такое «бесстрашие» характерно для необстрелянных, неопытных бойцов. «У меня в боевой обстановке отношение вначале такое было: интересно, – вспоминает «афганец» майор С.Н.Токарев. – В первый раз стрелять начали, – я на дерево залез посмотреть, откуда стреляют. А когда сучки рядом затрещали, дошло, что нельзя, оказывается, на дерево лазить. Ну, а потом, когда уже мудрым воином вроде бы становишься, на втором году, – то уже совсем другое отношение. Тут уже пытаешься просчитать обстановку: что, как, где, чего... Сначала интересно, какой-то рейнджерский дух, желание себя показать, некоторая бравада; а потом уже, после года [службы], – большой рационализм в поведении, – чтобы лишних движений не делать, лишний раз не подставиться нигде, ну и, как положено, саму задачу выполнить...»⁵⁴

Порою страх «притупляется» от чрезмерной усталости, истощения сил, моральной подавленности, когда человек становится безразличен к опасности. Такое состояние вызвано длительным пребыванием военнослужащих в экстремальных боевых условиях без отдыха, замены, отпусков. Бывает, что опасность вызывает не страх, а чувство боевого возбуждения, которое связано со своеобразным состоянием чрезвычайной активности. В некоторых случаях осознание опасности вызывает особое состояние, сходное с любопытством или азартом борьбы. И, наконец, участие в боях способно до неузнаваемости изменить характер человека, робкого и скромного в мирной жизни, превращая бесстрашие в одно из свойств его личности. При этом необходимо отметить, что бесстрашие заключается все же не в полном отсутствии страха, а в его активном преодолении⁵⁵.

Страх – всеобщее, но достаточно сложное, индивидуально окрашенное чувство. «Для меня, участника нескольких войн, не существует людей ни храбрых, ни трусливых, а есть лишь люди, умеющие в большей или меньшей степени владеть своими нервами, – утверждает Г.Н.Чемоданов. – Я знал людей, распускавшихся от небольшой опасности и хладнокровных в минуту смертельных ужасов. Настроенные, самолюбие, чувство долга – вот главные факторы, руководящие человеком в боевой обстановке»⁵⁶. Будто откликом на эти слова звучат воспоминания ветерана Великой Отечественной, бывшего командира пулеметного взвода, лейтенанта в отставке В.Плетнева: «Страх за собственную жизнь, а порой, не скрою, и обреченность чувствовал, наверное, чуть ли не каждый из пехотинцев, наиболее из всех родов войск выбиваемых фронтом. Но все-таки выше, сильнее чувств каждого из

нас как индивидуума было наше общее солдатское чувство и сознание, что без всех нас, без тяжелых потерь, без фронтового братства, взаимовыручки победы не добыть, и мы говорили: «Если не мы, то кто? Лишь бы хватило нас на победу! Скорей бы!» Наверное, такое чувство и есть чувство долга»⁵⁷.

Майор-«афганец» В.А.Сокирко в ответе на вопрос «Какие чувства вы испытывали в боевой обстановке?» признался: «Первый раз я испытал страх, когда колонна, выдвигающаяся на боевые действия, попала в засаду, причем, засаду очень мощную, хорошо подготовленную, спланированную. У нас были подоженные в ущелье первые машины, колонна встала, и ее пытались расстрелять. Отбивались мы в общем-то неплохо, но когда я впервые увидел стреляющих в меня, с расстояния в 25-50 метров, а это, видимо, были обкуренные фанатики, потому что шли они без прикрытия в психическую атаку, – вот тогда страх был, и дрожь меня била, постоянно какая-то дрожь неприятная, потому что ее никак нельзя было унять. А успокоило то, что рядом со мной возле машины залегли два солдатика-связиста, у них был один автомат на двоих, и когда я посмотрел, как они по очереди стреляли из этого автомата, причем, когда один стрелял, второй давал ему целеуказания – показывал, откуда выскакивают “духи”, – и вот так они менялись, и такое у них было спокойствие, какой-то детский азарт, как при игре в войну, что меня это успокоило. А потом уже во всяких ситуациях я старался держать себя в руках, и это получалось. Но, естественно, при звуке выстрелов в душе что-то всегда сжимается»⁵⁸.

Как бы ни определяли психологи те чувства, которые испытывают в экстремальной ситуации комбатанты, можно с полным основанием утверждать, что абсолютно спокойного состояния в боевой обстановке не бывает. «...Спокойных нет, это одна рыцарская болтовня, будто есть совершенно спокойные в бою, под огнем, – таких пней в роду человеческом не имеется. Можно привыкнуть казаться спокойным, можно держаться с достоинством, можно сдерживать себя и не поддаваться быстро воздействию внешних обстоятельств, – это вопрос иной. Но спокойных в бою и за минуты перед боем нет, не бывает и не может быть»⁵⁹, – писал участник Первой мировой и Гражданской войн Д.А.Фурманов.

Само *отношение к смерти* на войне иное, чем в мирное время. Для того, кто ежечасно стоит перед возможностью собственной гибели и несет гибель другим по принципу «Если не выстрелишь первым, убьют тебя», кто каждый день одного за другим теряет и хоронит товарищей, – смерть волей-неволей становится привычным элементом повседневного быта, а ценность человеческой жизни как таковой нивелируется. «Вид мертвеца в обстановке мирной жизни вызывает у очень многих некоторое чувство страха, которое обуславливается таинственностью акта самой смерти, – отмечает в 1923 г. участник двух войн П.И.Измestьев. – В военной обстановке отношение к трупам убитых совершенно другое. Первые дни пребывания на войне трупы убитых внушают какой-то страх, а затем к ним относятся безразлично. Весьма характерно, что труп одного убитого вначале производит большее впечатление, чем десятки или даже сотни таковых впоследствии. Причина смерти на поле боя каждому ясна, она не представляет ничего загадочного, хотя, в сущности, факт самой смерти должен быть так же таинственен, как и при мирной обстановке. Несомненно, что в данном случае играет большую роль некоторое притупление способности нервной системы реагировать на впечатления»⁶⁰. Добавим от себя, что такое «притупление чувств» является защитной реакцией нервной системы, которая на войне и без того напряжена до предела. Подобное наблюдение делает в своих мемуарах и Г.Н.Чемоданов: «Печальное поле проходили мы. Везде смерть в самых ужасных формах. Но нет отвращения, жути, нет чувства обычного уважения к смерти. Крышка гроба, выставленная в окне специального магазина, помнится, оставляла большее впечатление, чем этот ряд изуродованных, окровавленных трупов. Притупленные нервы отказывались совершенно

реагировать на эту картину, и все существо было полно эгоистичной мыслью: “а ты жив”»⁶¹.

Бывший военврач Г.Д.Гудкова описывает те же самые ощущения, испытанные ею во время Второй мировой: «Чудовище войны многолико. На фронте, как это ни ужасно, человеческую смерть, даже если человек молод, со временем начинаешь воспринимать как обыденное явление. Чувство отчаяния, чувство невосполнимости потери если и не исчезает полностью, то притупляется. А если обострится – его подавляешь, чтоб не мешало»⁶². Впрочем, в данном случае накладывается свой отпечаток и специфика профессии: у медиков и в мирной жизни вырабатывается «защитный барьер» при виде человеческих страданий и смерти, с которыми они сталкиваются ежедневно по роду своей деятельности. При этом у них формируется даже своеобразный «черный юмор», производящий на других людей шокирующее впечатление.

Особенности восприятия человеком ужасов войны зависят также от устойчивости его психики. Кто-то умеет сдерживать эмоции и сравнительно быстро привыкает к увиденному, у других процесс адаптации к подобным явлениям протекает более болезненно, порой присутствуют неадекватные реакции. Свидетельства такого рода встречаются в воспоминаниях участников советско-афганской войны. «Один солдатик, – рассказывал разведчик-десантник майор С.Н.Токарев, – молодой, только что из Союза приехал, позанимались с ним там, курс молодого бойца прошел, – и вот впервые увидел подрыв. Выбросило из БРДМа водителя, он еще жив был, но ... [изувечен] безобразно... Большой фугас под левым колесом оказался. Только что ехал – и... Даже вот сейчас с ужасом вспоминаю... А он впервые такое увидел, – ну и неадекватное поведение... В принципе, нормальная реакция психики на ненормальную обстановку. Остальные уже притерлись... Не хочу сказать, что это какой-то эффект привыкания к таким картинам, но тем не менее...» По его же словам, чувство страха, когда человек в первый раз видел погибшим другого человека, носило довольно своеобразный оттенок: не столько перед самим фактом смерти, сколько перед ее безобразным видом. Страшило не то, что сам умрешь, а то, что «вот будешь ты лежать такой раздувшийся, синий, некрасивый, и, может быть, какая-то брезгливость будет у тех, кто на тебя смотрит»⁶³. Такие чувства высказывались довольно часто, но постепенно и они уходили на второй план.

Впрочем, на войне возникает проблема психологического привыкания не только к виду чужой, но и к мысли о возможности своей смерти, результатом чего становится притупление чувства самосохранения. Об этом 29 июня 1986 г. записал в своем афганском дневнике командир батальона М.М.Пашкевич: «Основная проблема – потери... Люди гибнут – это не может быть нормой. Люди устают, устают физически и морально. Притупляется чувство опасности, и гибнут. Нужен постоянный психологический допинг. Стиль работы [командира] должен быть таким, чтобы любым способом заставить чувствовать опасность... Самое страшное, что к мысли о возможной смерти как-то привыкаешь. И это расхолаживает»⁶⁴.

«Нормальное» отношение к смерти возвращается к бывшим комбатантам, как правило, уже в мирной обстановке, после войны, но далеко не сразу. А на самой войне особое восприятие смерти оформляется у них в одну из сторон мировоззрения.

*«Кто-то поднимется, кто-то не встанет,
Сердце разбив о гранитную твердь:
В Афганистане, в Афганистане
Цены иные на жизнь и на смерть»⁶⁵, –*

написал в 1980-х гг. участник Афганской войны, офицер и поэт Игорь Морозов.

Таким образом, на основе вышеизложенного можно сделать вывод, что в экстремальных обстоятельствах войны и особенно в ситуациях, представляющих

собой квинтэссенцию всех ее опасностей, крайнего напряжения физических и моральных сил ее участников, наиболее отчетливо реализуются и проявляются сложные механизмы рационального и иррационального в человеческой психологии. В этих обстоятельствах иррациональное выступает в качестве механизма психологической защиты, способствующей самосохранению психики человека в, по сути, нечеловеческих условиях. Иррациональная вера, которая выступает в форме «солдатского» фатализма, смягчает действие острейших стрессов, притупляет страх за собственную жизнь, отдавая ее в руки неких сверхъестественных сил (рока, судьбы, Бога и т.д.), как бы «разгружает» психику, освобождая ее от избыточных эмоций для рациональных решений и действий. Поэтому, даже с сугубо прагматической точки зрения, можно считать, что подобные «суеверия» в целом выполняют позитивную функцию, за исключением тех ситуаций, когда фатализм несет в себе негативные установки (например, человек «предчувствует», а чаще всего внушает себе, что непременно погибнет, и подсознательно действует в соответствии с этой деструктивной программой, доводя ее до реализации).

Глава III

ПСИХОЛОГИЯ ВОЕННОГО БЫТА

Понятие и структура фронтового быта

На войне существуют две основных ипостаси бытия, две стороны военной действительности: опасность, бой, экстремальная ситуация и повседневность быта. При этом одно перетекает в другое, и опасность становится частью быта, а мелкие бытовые детали неотделимы от функционирования человека в обстановке постоянной опасности. Как отмечал К.Симонов: «Война не есть сплошная опасность, ожидание смерти и мысли о ней. Если бы это было так, то ни один человек не выдержал бы тяжести ее ... даже месяц. Война есть совокупность смертельной опасности, постоянной возможности быть убитым, случайности и всех особенностей и деталей повседневного быта, которые всегда присутствуют в нашей жизни... Человек на фронте занят бесконечным количеством дел, о которых ему постоянно нужно думать и из-за которых он часто совершенно не успевает думать о своей безопасности. Именно поэтому чувство страха притупляется на фронте, а вовсе не потому, что люди вдруг становятся бесстрашными»¹.

Именно в этой повседневности солдатского быта наиболее ярко проявляются закономерности, общие черты человеческой психологии, – независимо от того, на какой войне, в какой армии, на чьей стороне человек воюет.

Что же представляет собой фронтовой быт, какое место занимает он на войне и какова его структура?

Русский военный психолог Р.К.Дрейлинг среди важнейших факторов войны, влияющих на психику бойца, называет «особые условия военного быта, вне привычных общественных и экономических отношений, тяжелый труд», отмечая при этом, что «труд, производимый, например, пехотинцем в полном вооружении и снаряжении, превосходит по количеству расходуемой энергии самые тяжелые формы не только профессионального, но и каторжного труда»². Человек на фронте не только воевал – ни одно сражение не могло продолжаться бесконечно. Наступало затишье – и в эти часы он был занят работой, множеством больших и малых дел, выполнение которых входило в его обязанности и от которых во многом зависел его успех в новом бою. Солдатская служба включала в себя, прежде всего, тяжелый, изнурительный труд на грани человеческих сил.

В понятие **фронтового быта**, или *уклада повседневной жизни в боевой обстановке*, входит «заполнение» времени служебными обязанностями (несение караульной службы, обслуживание боевой техники, забота о личном оружии, выполнение других работ, свойственных родам войск и военных профессий, и т.д.), а также *часы отдыха и досуга*, в том числе и организованного, то есть все то, что составляет *распорядок дня*.

Естественно, именно служба занимала основную часть солдатского времени, особенно в период активных боевых действий (наступления, обороны, отступления), или в период подготовки к ним. Но нередко были и особые периоды позиционного этапа войны, когда заполнить время было очень сложно. Есть немало свидетельств того, что в Первую мировую, большей частью – «окопную» войну, одной из главных проблем становилась элементарная скука, однообразие, невозможность найти достаточно целесообразных занятий для солдатской массы³.

Но все же война всегда оставалась не только опасным, но и тяжелым, нередко изнуряющим физическими силами и психику человека трудом. Минуты затишья могли сменяться внезапными периодами напряженных боев. Поэтому отдых, и прежде всего, элементарный сон так ценились на фронте. «Война выработала привычку спать при всяком шуме, вплоть до грохота ближайших батарей, и в то же время научила моментально вскакивать от самого тихого непосредственного обращения к себе», – вспоминал участник Первой мировой, полковник Г.Н.Чемоданов⁴. Ему вторят ветераны Великой Отечественной: «В каких условиях и сколько приходилось спать? Да по-разному. Это зависит от человека. Были люди, которые могли спать в любых условиях. Выделится время свободное – он ложится и спит... Многие спали впрок, потому что знали, что будут такие условия, когда спать нельзя будет»⁵. И действительно, иногда в боевой или походной обстановке отдыхать не приходилось по несколько суток, и усталость людей была столь велика, что многие бойцы приучались спать на ходу, прямо на марше. Такое явление характерно для всех войн.

Основными составляющими фронтового быта являются также *боевое снабжение и техническое обеспечение войск* (оружием, боеприпасами, средствами защиты, передвижения, связи и т.п.), *жилье, бытовое снабжение* (продуктами питания и обмундированием), *санитарно-гигиенические условия и медицинское обслуживание, денежное довольствие*, а также *связь с тылом* (переписка с родными, посылки, шефская помощь, отпуска).

От качества быта, его организации во многом зависят моральный дух войск и их боеспособность. Причем, в специфических условиях конкретных войн недостаточный учет отдельных факторов быта (например, теплой одежды в условиях суровой зимы или водоснабжения в условиях передвижения по пустыне) могли чрезвычайно негативно сказываться на ходе боевых действий или приводили к неоправданно большим потерям и тяготам личного состава. В сущности, солдатский быт можно отнести к важным слагаемым победы и причинам поражения.

Источниками для изучения фронтового быта могут служить как официальные документы (интендантские сводки по снабжению войск, приказы командования, политсводки и политдонесения и т.п.), так и материалы личного происхождения (письма, дневники, мемуары). Автором использовался также вопросник, специально составленный для интервью с участниками вооруженных конфликтов XX века. В нем есть несколько блоков вопросов, имеющих непосредственное отношение к фронтовому быту. Среди них такие:

«– Как снабжалась армия (ваше формирование) на войне? Были ли аналоги «наркомовским 100 граммам», офицерским допайкам и т.п.?

– Солдатский быт. Трудности. Забавные случаи.

– Минуты отдыха на войне. В каких условиях и сколько приходилось спать? Какие были развлечения? Какие песни пели?

– Ранения, контузии, болезни. Кто и где оказывал вам медицинскую помощь? Что запомнилось из госпитальной жизни?

– Климатические условия: какие трудности были с ними связаны, как их переносили?»

Следует отметить, что интервью как вид историко-социологического источника в нашем случае использовался для получения не столько собственно фактической, сколько психологической информации. Метод свободного интервью по-

зволлил определить круг вопросов, личносно значимых для респондентов, выявить их отношение к проблемам быта на войне, а значит и высветить психологические аспекты фронтового быта.

Нередко как документы личного происхождения, так и полученные нами историко-социологические материалы (результаты интервьюирования и анкетирования) не просто корректируют данные официальных источников, но и содержат прямо противоположную информацию и оценки. Это еще один важный феномен войны: взгляд на нее «с командных высот» и «снизу», из окопа.

Важно подчеркнуть, что существует множество факторов, влияющих на специфику фронтового быта, причем их комплекс (совокупность и взаимосвязь) в конкретной войне и в конкретных боевых условиях всегда индивидуален, хотя типология их и состав в целом универсальны.

Конкретные бытовые условия участников боевых действий определяются *общими, социальными и ситуационными факторами*. К первым относятся тип и масштаб войны (мировая или локальная), ее длительность, мобильный или позиционный, наступательный или оборонительный характер. Немалое значение имеет также театр военных действий с точки зрения климатических условий и времени года. При этом на первое место по значению для нормальных бытовых условий и боеспособности войск могут выступать либо обеспеченность соответствующим климату обмундированием (в суровых зимних условиях), либо снабжение водой и соблюдение санитарно-гигиенических норм (в жарком климате и горно-пустынной местности), и т.п. К социальным факторам относятся принадлежность к роду войск и военной специальности (в том числе к «элитным» или «обычным» частям), а также к рядовому или командному составу. В ряду ситуационных факторов – ход военных действий (наступление, оборона, отступление); расположение на основном или второстепенном участках фронта; расстояние от переднего края (передовые позиции, ближние и дальние тылы и т.п.).

С точки зрения совокупности факторов, влияющих на специфику быта, каждая из изучаемых здесь войн очень индивидуальна, – прежде всего, из-за различий в историческом времени, масштабе и длительности конфликта, в используемых технике и вооружении, степени мобильности и т.д., – хотя при их сравнении можно найти и немало совпадений.

Например, много общего было в бытовых условиях участников таких столь разных войн, как русско-японская война начала XX века, конфликт на Халхин-Голе в 1939 г. и дальневосточная кампания Советской Армии в конце Второй мировой войны, что объясняется сопоставимым театром военных действий, общими климатическими условиями, одним и тем же противником и рядом других факторов.

Так, если в период русско-японской войны водное снабжение на большинстве участков боевых действий не являлось острой проблемой (бои велись преимущественно в прибрежных и относительно влажных районах), то на Халхин-Голе водоснабжение (да и снабжение вообще) приобрело чрезвычайное значение. Не случайно, военные действия начинались весьма удачно для японской стороны, заранее подготовившей позиции, обеспечившей систему коммуникаций, вовремя доставившей к театру военных действий значительные запасы вооружения, боеприпасов, топлива, снаряжения, продовольствия и т.д., тогда как ближайшая советская железнодорожная станция Борзя находилась в 750 км от места боев. Советским войскам даже дрова приходилось возить за 500 км по полному бездорожью, тогда как у японцев, помимо двух грунтовых дорог, в 60 км была железная дорога, а в 125 – еще одна. Не было в районе Халхин-Гола и питьевой воды, за исключением самой реки, которая оказалась в тылу противника. К тому же местность для наших войск была абсолютно незнакомой, в отличие от японцев, которые досконально ее

изучили, нанеся на топографические карты, а накануне нападения даже провели тактические игры⁶.

С подобными непривычными климатическими условиями советским солдатам пришлось столкнуться и в августе 1945 г., во время маньчжурской наступательной операции, при переходе через пустыню Гоби, где одной из главных проблем оказалась нехватка воды. К сожалению, ранее приобретенный на Халхин-Голе опыт не был в достаточной мере учтен в аналогичной природно-климатической ситуации, с которой пришлось столкнуться советским войскам на ряде участков боевых действий в Дальневосточной кампании конца Второй мировой войны. При этом организация водоснабжения наших войск по-разному оценивается в мемуарах военачальников и в воспоминаниях рядовых участников событий.

Первые утверждают, что к началу наступления наши войска имели все необходимое для организации бесперебойного обеспечения водой, и «хотя затруднения в водоснабжении в ходе операции и имелись, они не повлияли на развитие наступления», поскольку части и соединения ударной группировки фронта в основном снабжались водой своевременно. При этом были установлены следующие суточные нормы расхода воды: на человека – 5 литров, на автомашину – 25 литров, на танк – 100 литров, и т.д. «Исходя из этих норм и производились расчеты необходимого количества водисточников»⁷.

Однако участник операции бывший артиллерист А.М.Кривель утверждает, что «о снабжении наступающих войск в немыслимой августовской жаре никто толком не подумал»: «Вероятно, эта проблема вообще была упущена из виду. В ходе подготовки к наступлению о ней и не упоминалось. Даже предупредить солдат, чтобы они набрали с собой максимальное количество воды из той же Аргуни, никто не удосужился. Бурильных установок в боевых порядках никто из солдат, а я многих спрашивал об этом, не видел...»⁸ Результатом явился резкий рост людских потерь в пехотных частях, наступавших через пустынные участки территории Маньчжурии, особенно через Гоби. По некоторым свидетельствам участников этого перехода, в иных частях число потерявших боеспособность от солнечного удара достигало двух третей списочного состава. А воды на человека приходилось лишь по 200 граммов в день, то есть по граненому стакану, что вряд ли можно поставить в заслугу снабженцам и командирам.

Далее ветеран рассказывает о своих ощущениях во время маршевого броска 9-11 августа 1945 г. под палящим солнцем Маньчжурии, по солончаковой степи, а затем – песчаной пустыне. «Тот, кто догадался в предутренней суматохе набрать во фляжки воды, считал себя счастливым. Жажда мучила все сильнее. Ни речек, ни озер, ни колодцев не было на нашем пути. Впрочем, в полдень встретился один колодец, но на нем висела табличка: “Отравлено”. Танки по-прежнему обгоняли нас. Канонада впереди затихла. Пехота, идущая по степи, изнемогала от жары. Вот кто-то зашатался от теплового удара, упал, за ним другой, третий... Старшина бережно, как хрупкую вазу, принес канистру. На дне ее заманчиво булькал дневной запас батареей. Делили как величайшую драгоценность. Досталось каждому по полстакана.

Степь казалась раскаленной сковородкой. Солнце садилось все ниже, но желанной прохлады вечер не приносил. Встретился еще один колодец. Его вычерпали до дна за пятнадцать минут. Машины и лошади поднимали тучи пыли. Она забивала горло, глаза, садилась на оружие. Только тогда я понял по-настоящему, что такое пустыня. Жажда перебивала все остальное. Не хотелось ни есть, ни спать, только одна неотвязная мысль билась в голове: “Пить, пить, пить...” Разведчики пытались найти источники воды. Мотоциклисты взбирались на сопки, чтобы разглядеть издалека колодец или озеро. Но видели только миражи... Впереди было еще два безводных дня»⁹.

Немало параллелей можно провести между двумя мировыми войнами на европейском театре военных действий, где основным противником и Российской Империи, и СССР выступала Германия, хотя, конечно, и масштабы, и степень ожесточенности войны, и ее характер (Первая – преимущественно позиционная, Вторая – мобильная), и существенная разница в вооружении и техническом обеспечении, – все это порождало весьма существенные различия в бытовых условиях их участников. Здесь в отношении природно-климатических условий главным фактором, влиявшим на ход боевых действий, была весенняя и осенняя распутица, а на фронтовой быт – зимние морозы. Причем, несмотря на опыт русских войск в Первой мировой, Красной Армии пришлось в полную меру испытать на себе природный фактор в «зимней» советско-финляндской войне 1939-1940 гг., когда замерзли и теряли боеспособность по причине обморожения целые части. И лишь этот опыт был оперативно и в достаточной степени учтен советским командованием: к Великой Отечественной войне армия пришла с отличным зимним обмундированием.

«Выдавалось нам обмундирование – высший класс, – вспоминает бывший артиллерист, командир батареи С.В.Засухин. – Кальсоны, рубашка, теплое вязаное белье, гимнастерки суконные, ватники (на грудь и штаны-ватники), валенки с теплыми портянками, шапка-ушанка, варежки на меху. На ватники надевали полушубки. Через рукава полушубка пропускались меховые варежки – глубокие, с одним пальцем. Под ушанку надевались шерстяные подшлемники – только глаза были видны, и для рта маленькое отверстие. Все имели белые маскхалаты»¹⁰. В таком обмундировании не страшно было жить даже в снегу, а именно так пришлось зимовать однополчанам Засухина в декабре 1941 – январе 1942 годов: «Выкапывали лопаткой лунки метровой глубины. Туда наложишь еловых лапок, залезали вдвоем в берлогу, укрывались плащ-палаткой, дышали, и хоть бы хны». Причем, сравнение нашего и немецкого обмундирования во Второй мировой войне оказалось не в пользу противника: «Немецкие солдаты и офицеры в сравнении с нами были одеты крайне легко, – рассказывает комбат. – На ногах эрзац-сапоги, шинельки, пилотки. Когда брали пленных, они укутывались в шерстяные платки, обматывали ноги всевозможными тряпками, газетами, чтобы как-то уберечь себя от мороза. Немцы вызвали чувство сострадания»¹¹. Такая неподготовленность неприятеля к встрече с «генералом Морозом» объясняется гитлеровскими планами «молниеносной войны»: немцы рассчитывали расправиться с нами за две недели и справлять Рождество дома, потому и встретили русскую зиму в летнем обмундировании. Впрочем, и позднее, зимой 1942-43 гг. под Сталинградом одеты они были не многим лучше и так же, как в сорок первом, укутывались в тряпки и женские платки, так и не сумев приспособиться к русскому климату.

Вполне сопоставимы бытовые условия участников двух мировых войн и на южном театре военных действий. Вот как характеризует в своих военных записках одну из деталей жизни солдат на Кавказском фронте осенью 1942 г. писатель В.Закруткин: «Кусок хлеба, спрятанный в вещевом мешке, превращается в липкий клейстер. Затвор и ствол винтовки ржавеют. От мокрой шинели идет пар. Сапоги покрываются зеленью. Везде тебя настигает проклятый дождь, и всюду слышится смертельно надоевший звук чавкающей, хлюпающей, брызгающей грязи. На дне окопа – вода; в землянках – вода; куда ни прислонишься – мокро; к чему ни прикоснешься – грязь»¹². В тех же природно-климатических условиях приходилось воевать русской армии на Кавказском фронте и в Первую мировую войну, испытывая те же самые «жизненные неудобства», хотя противник на этом участке был тогда другой – не немцы, а турки.

Весьма удобным объектом для сопоставления является фронтовой быт участников советско-финляндской «зимней» войны 1939-1940 гг. и тех участников Великой Отечественной, которым приходилось сражаться в той же местности с тем же противником-финнами на некоторых участках Карельского фронта, хотя и

продолжительность этих войн (а значит, и ведение боевых действий в разные времена года с особыми погодными условиями), и их масштабы, и общий военно-политический контекст были принципиально различными. Именно здесь было учтено множество факторов и боевого, и бытового порядка, вызвавших неудачный ход и неоправданно большие потери в «зимней войне», так что Карельский фронт оказался наиболее стабильным в Великой Отечественной.

По многим параметрам особняком стоит Афганская война 1979-1989 гг. Она, хотя и была локальной, но оказалась самой длительной в российской истории XX века. Весьма специфичен ее театр военных действий: это Центральная Азия с горно-пустынной местностью, с абсолютно непривычными для европейцев климатическими условиями (в разных частях страны – от резко континентального с высоким перепадом суточных температур и острой нехваткой воды до субтропического с повышенной влажностью). Самыми главными в этих климатических условиях были проблемы акклиматизации, водоснабжения и соблюдения санитарно-гигиенических норм. Этот специфический комплекс проблем в совокупности вызвал массовые заболевания тифом, гепатитом, малярией и другими острыми инфекционными заболеваниями. Так, в некоторых частях «ограниченного контингента» советских войск «желтухой» переболело до 70% личного состава, а в общем числе санитарных потерь (469,7 тыс. чел. за 110 месяцев пребывания советских войск в Афганистане) 89% занимали именно заболевшие¹³.

Как же воспринимались природно-климатические особенности чужой страны нашими воинами? «Сам я вырос в России, – вспоминает участник Афганской войны майор П.А.Попов. – Я не представлял, что такое горы, я видел их в телевизоре. Я не представлял, что такое пустыня, я не представлял, что такое 65 градусов на солнце. Я не представлял, что такое пыль. В Поли-Хумри у нас даже поговорка была: “Если хочешь жить в пыли, поезжай в Пыли-Хумри”. Там, когда с техники прыгиваешь – на 60 сантиметров погружаешься в пыль. Как мука... Одна броня прошла, – и дальше уже ничего не видно, идешь, как в тумане... Потом, первый раз, когда я попал в Джелалабад, – это для меня вообще был шок. Трудно себе представить: 70 градусов на солнце и 96% влажности. Бамбук растет, лимоны, бананы. Обезьяны прыгают... Первая моя мысль была: “А как же там живут люди?” В Джелалабаде я и подцепил малярию... Там [в Афганистане] была вторая война – это болезни...»¹⁴

Длительность войны сказалась на изменении бытовых условий советских войск на разных этапах их пребывания в Афганистане. Если в начале войны вся бытовая инфраструктура еще только формировалась, а люди с огромными трудностями проходили адаптацию к непривычным природно-климатическим, этнокультурным и другим факторам, то впоследствии, по мере накопления опыта, снабжение и обеспечение войск постепенно наладилось, а неоднократно сменявшийся личный состав «ограниченного контингента» получал в наследство от своих предшественников хорошо обустроенный быт. Однако, в отличие от постоянно улучшавшихся бытовых условий, изменения морально-психологической обстановки носили прямо противоположный характер: в этом плане воевать на начальном этапе было легче, чем на заключительном, когда в Советском Союзе война была названа политической ошибкой, что, безусловно, не могло не сказаться на настроениях и боевом духе войск, которые стали чувствовать себя брошенными, никому не нужными¹⁵.

Если в Афганистане (а частично и во всех военных кампаниях против Японии, особенно 1939 и 1945 гг.) проблемы санитарно-гигиенического характера были связаны, в первую очередь, с нехваткой воды и ее плохим качеством, вызывавшим различные инфекционные, желудочно-кишечные заболевания, то для других, более ранних войн, которые велись на европейском театре военных действий, главной была проблема педикулеза, или вшивости.

Проблемы, связанные с санитарно-гигиеническими условиями и вытекающей из них опасностью вспышек инфекционных заболеваний, особенно остры для массовых войн, затрагивающих не только собственно армейский контингент, но и массы гражданского населения. Гигантская миграция крупнейших людских масс (передвижения воинских частей, эвакуация раненых в тыл и возвращение выздоравливающих в действующую армию, перемещение гражданского населения из прифронтовых районов в глубь страны, из городов в деревни и обратно) в сочетании с резкой перенаселенностью, нехваткой жилья, катастрофическим ухудшением условий жизни и голодом, – все эти факторы являются пусковым механизмом для развития эпидемических болезней. На протяжении многих столетий действовал неотвратимый закон: войны всегда сопровождались эпидемиями.

В Первую мировую войну эта проблема стояла особенно остро, постоянно угрожая массовыми вспышками эпидемий, прежде всего, сыпного тифа. В самой армии она была связана в первую очередь с позиционным характером войны: войска долгими месяцами пребывали в одних и тех же окопах и землянках, которые вместе с людьми «обживали» сопутствующие им бытовые насекомые-паразиты. «Все помешались на неожиданной атаке. Ее ждут с часу на час. И поэтому неделями нельзя ни раздеваться, ни разуваться, – вспоминал о жизни в окопах участник Первой мировой В.Арамулов. – В геометрической прогрессии размножаются вши. Это настоящий бич окопной войны. Нет от них спасения. Некоторые стрелки не обращают на вшей внимания. Вши безмятежно пасутся в них на поверхности шинели и гимнастерки, в бороде, в бровях. Другие – я в том числе – ежедневно устраивают ловлю и избиение вшей. Но это не помогает. Чем больше их бьешь – тем больше они плодятся и неистовствуют. Я расчесал все тело... Охота на вшей, нытье и разговоры – все это повторяется ежедневно и утомляет своим однообразием»¹⁶. Таким образом, бытовая проблема не только имела самостоятельное значение, через санитарные потери снижая боеспособность войск, но и перерастала в проблему психологическую, угнетая личный состав армии, подрывая его моральный и боевой дух.

Впрочем, не менее грозными в той войне были желудочные инфекции, особенно брюшной тиф, холера и дизентерия, преследовавшие русскую армию на протяжении всей войны, но особенно на заключительной ее стадии, когда происходил развал армии, систем управления и снабжения, а также медицинской службы. И, наконец, эпидемии приобрели просто катастрофический характер в годы Гражданской войны, перерастая в пандемии (всеобщие эпидемии), которые только по сыпному тифу поразили, по разным подсчетам, от 10 до 25 млн. человек¹⁷.

Что касается Великой Отечественной войны, то для нее было характерно особое внимание к санитарно-гигиеническому обеспечению в действующей армии, в чем проявился учет жестокого опыта Первой мировой и особенно Гражданской войн. Так, 2 февраля 1942 г. Государственный Комитет Обороны принял специальное постановление «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной Армии»¹⁸. В целях профилактики в тылу и на фронте регулярно осуществлялись мероприятия по санитарной обработке и дезинфекции, в армии активно действовала разветвленная военная противоэпидемическая служба. Причем, на разных этапах Великой Отечественной перед ней стояли различные задачи: в начале войны – не допустить проникновения инфекционных заболеваний из тыла в армию, а затем, после перехода наших войск в наступление и контактов с жителями освобожденных от оккупации районов, где свирепствовали эпидемии сыпного тифа и других опасных болезней, – от проникновения заразы с фронта в тыл и распространения ее среди гражданского населения. И хотя случаи заболеваний в наступавших советских войсках, безусловно, имели место, эпидемий, благодаря усилиям медиков, удалось избежать.

В то же время немецкая армия в течение всей войны была огромным «резервуаром» сыпного тифа и других инфекций. Так, в одном из секретных приказов по 9-й гитлеровской армии (группы армий «Центр») от 15 декабря 1942 г. констатировалось: «В последнее время в районе армии количество заболевших сыпным тифом почти достигло количества раненых»¹⁹. И это не случайно: основными переносчиками сыпняка являются вши, а жилые помещения противника буквально кишели этими паразитами, о чем оставлено немало свидетельств. «Во время наступательного марша мы изредка в ночные часы использовали немецкие блиндажи, – вспоминал С.В.Засухин. – Надо сказать, немцы строили хорошие блиндажи. Стенки обкладывали березой. Красиво внутри было, как дома. На нары стелили солому. В этих-то блиндажах, на нашу беду, мы и заразились вшами. Видимо, блиндажный климат создавал благоприятные условия для размножения насекомых. Буквально в несколько дней каждый из нас ощутил на себе весь ужас наличия бесчисленных тварей на теле. В ночное время, когда представлялась возможность, разводили в 40-градусный мороз костры, снимали с себя буквально все и над огнем пытались стряхнуть вшей. Но через день-два насекомые снова размножились в том же количестве. Мучились так почти два месяца. Уже когда подошли к городу Белому, нам подвезли новую смену белья, мы полностью сожгли все вшивое обмундирование, выпарились в еще уцелевших крестьянских банях и потом вспоминали пережитое, как страшный сон»²⁰.

Целесообразно отдельно рассмотреть еще один вопрос, касающийся бытовых условий на фронте и связанные с этим психологические явления. Особое место во фронтовом быту занимало **употребление алкоголя** личным составом. Не случайно уже в русской дореволюционной военной психологии этому вопросу уделялось специальное внимание. Так, в одном из первых военно-социологических опросников, составленных сразу после русско-японской войны, фигурировал вопрос о влиянии алкоголя на душевное состояние в бою, до и после него²¹. Это, конечно, не случайно. Дело в том, что алкоголь, как и некоторые другие вещества, оказывает разностороннее действие на организм и психику человека в сильнейшей стрессовой ситуации боевой обстановки. Поэтому во многих армиях использовали и используют различные химические стимуляторы (от алкоголя до наркотических веществ и различных медицинских психотропных препаратов), причем последние могут применяться как перед боевыми действиями, так и после них для снятия или смягчения психических травм. Использование таких стимуляторов может носить целенаправленный (официально одобряемый и даже внедряемый командованием) или просто легальный добровольный характер, но также и нелегальный, – в зависимости от конкретной армии, этно-религиозно-культурных традиций, исторической ситуации и т.д. В некоторых культурах при религиозном запрете алкоголя (например, в исламе) психо-химическая стимуляция отнюдь не отвергается вообще, просто происходит замена алкогольных напитков на наркотические средства, которые часто оказывают гораздо более сильное воздействие на психику, вплоть до галлюцинаций.

«Выдача алкоголя перед боем практиковалась в некоторых армиях, – писал в 1923 г. русский военный психолог, участник нескольких войн П.И.Измествев. – Упомянув об этом, я далек от мысли заниматься проповедью спаивания, я хочу только подчеркнуть органическое происхождение смелости, ибо алкоголь способствует возбуждению всего нашего организма и имеет результатом проявление большей смелости»²².

Что касается употребления спиртного в русской и советской армиях, то, например, в документах о русско-японской, Первой мировой и советско-финляндской войнах неоднократно встречаются упоминания горячительных напитков, которые солдаты и офицеры «доставали по случаю», чтобы отметить какие-то праздники или просто расслабиться на отдыхе, иногда – «для сугреву», «в

сугубо медицинских целях»²³, однако на официальном уровне никаких мер для организованного снабжения армии алкоголем не принималось, за исключением поставок спирта в госпитали и другие военно-медицинские учреждения. Так, в Первую мировую в России был даже введен сухой закон, только после революции отмененный большевиками. Зато тогда же, при отсутствии достаточного количества спиртного в условиях боевых стрессов, появились морфинисты и кокаиинисты: сравнительно доступный в то время наркотик заполнил образовавшуюся пустоту.

Первый и, пожалуй, единственный опыт узаконенной выдачи алкоголя в отечественной армии в XX веке относится ко Второй мировой войне. Примечательно, что почти сразу после начала Великой Отечественной войны спиртное было официально узаконено на высшем военном и государственном уровне и введено в ежедневное снабжение личного состава на передовой. В подписанном И.В.Сталиным Постановлении ГКО СССР «О введении водки на снабжение в действующей Красной Армии» от 22 августа 1941 г. говорилось: «Установить начиная с 1 сентября 1941 г. выдачу 40° водки в количестве 100 граммов в день на человека красноармейцам и начальствующему составу первой линии действующей армии»²⁴.

Эта тема присутствует во многих воспоминаниях участников войны. Вот достаточно типичное свидетельство бывшего комбата С.В.Засухина, который рассматривает спиртное не только как средство психологической разрядки в боевой обстановке, но и как незаменимое «лекарство» в условиях русских морозов: «Каждый день положены были сто наркомовских граммов водки. Но на самом деле выпадало больше. В пехоте ведь числится 800-1000 человек. Вечером после боя на 100-300 бойцов оставалось меньше. Поэтому наши интенданты имели всегда запас. И мы в батареях хранили “энзэ” в термосах. Водка сопровождала все 24 часа. Без нее невозможно было, особенно зимой. Бомбежки, артобстрелы, танковые атаки так на психику действовали, что водкой и спасались. И еще куревом»²⁵. Отмечает С.В.Засухин и тот факт, что немцы тоже широко пользовались спиртным, и вспоминает, как под Витебском, когда разбили противника, были захвачены трофеи, и он «был поражен обилием всяких французских прекрасных вин, не говоря о шнапсе»: «Они [немцы – Е.С.] в этом смысле богато жили»²⁶. Также, согласно свидетельствам участников Второй мировой на другом театре военных действий, обязательным атрибутом японских солдат-смертников была бутылка с рисовой водкой – сакэ²⁷.

А вот в период Афганской войны 1979-1989 гг. ситуация со спиртным в армии складывалась по-другому: официально его употребление не только не внедрялось в войска, но и не поощрялось. По воспоминаниям воинов-«афганцев», ничего подобного «наркомовским ста граммам» личному составу частей, дислоцированных в Афганистане, не выдавалось, хотя на праздники и в других особых случаях (помянуть погибших, проводить отпускников, снять стресс) всегда «находилась возможность отметить». Однако стоило спиртное очень дорого: все оно было контрабандным, и на его продаже иногда «делались состояния». А вот на боевые операции водку с собой не брали: это считалось плохой приметой²⁸.

Вместе с тем, – и это, пожалуй, отличительная специфика войны на Востоке, где употребление наркотических веществ составляет давнюю, едва ли не культурную традицию, – среди рядового состава ОКСВ было распространено снятие стрессов другим, экзотическим в то время для европейской России, но вполне привычным для представителей среднеазиатских республик образом. По данным медиков, если каждый четвертый офицер в 40-й армии употреблял алкоголь, то каждый четвертый солдат пользовался наркотиками, в основном препаратами индийской конопли и опиумного мака, которые в Афганистане буквально росли под ногами, а у местных детишек легко можно было выменять пачку галет или упаковку пенициллина на наркотик. Однако это еще не значит, что все, кто курил «травку», стали наркоманами: в большинстве случаев это была условная наркома-

ния, не перешедшая в физическую зависимость от препарата, и вернувшись домой, многие «афганцы» забывали, что это такое, хотя, конечно, забывали не все²⁹.

Интересно отметить, что неприятель нередко использовал тягу к спиртному как средство нанесения урона личному составу противоборствующей стороны. Так, в Первую мировую войну упоминаются факты, когда немецкие и австрийские войска специально оставляли при отступлении или подбрасывали к русским позициям бутылки с отравленным спиртным³⁰. В годы Второй мировой войны единственными видами объектов, которые немцы сознательно не уничтожали при отступлении, были винные склады и спирто-водочные заводы: противник рассчитывал на массовое спаивание наступающих советских войск, а иногда применял и отравление вино-водочных запасов. Наконец, в Афганскую войну советские военнослужащие, наученные горьким опытом своих неосторожных товарищей, купивших отравленную водку в местных лавках-дуканах, в дальнейшем употребляли либо контрабандное спиртное, привезенное из Союза, либо изготовляемый на месте самогон.

Фронтной быт глазами участников войн XX века

Мы рассмотрели ряд ключевых вопросов фронтной быта в психологическом ракурсе. Как следует из проведенного выше анализа, большинство этих проблем универсальны для всех войн, хотя и могут выступать в специфической форме, в зависимости от особенностей конкретной войны и конкретной боевой обстановки на том или ином участке фронта, в разных условиях боевых действий, определяться особенностями местности, природно-климатическими условиями, временем года и т.д. Но чтобы понять и прочувствовать психологию фронтной быта, узнать, какие его проблемы наиболее значимы для комбатантов, что в первую очередь волновало участников разных войн и как перекликаются мысли и чувства людей различных поколений и эпох, стоит специально сопоставить документы личного происхождения, живые свидетельства и голоса непосредственных участников сравнимых событий. С этой целью проведем сравнительный анализ однотипных источников – комплексов писем периодов двух мировых и афганской войн.

Анализ фронтных писем унтер-офицера И.И.Чернецова (1914-1915 г.), прапорщика А.Н.Жиглинского (1916 г.), заместителя политрука Ю.И.Каминского (1942 г.), младшего сержанта П.А.Буравцева (1985 г.) и др. показывает, что этих людей волновали одни и те же вопросы, изложение которых составляет основное содержание их переписки с родными. Во всех письмах преобладает описание деталей фронтной быта: устройство жилого помещения (будь то землянка, блиндаж, «халупа», палатка или «модуль»), распорядок дня, рацион питания, денежное довольствие, состояние обуви, досуг, нехитрые солдатские развлечения. Затем следуют характеристики боевых товарищей и командиров, взаимоотношений между ними. Нередки воспоминания о доме, родных и близких, о довоенной жизни, мечты о мирном будущем. Определенное место занимают также рассуждения о патриотизме, воинском долге, об отношении к службе и должности, но этот «идеологический мотив» явно вторичен, возникая там и тогда, когда «больше писать не о чем», хотя это вовсе не отрицает искренности самих патриотических чувств. И, наконец, в письмах даются описания погодных условий, местности, где приходится воевать, и собственно боевых действий. Имеется несколько высказываний в адрес противника, преимущественно в ругательном или ироническом духе.

Конечно, авторы этих писем – люди не только разных поколений и даже эпох, но и весьма отличающиеся по индивидуальному жизненному опыту, взглядам, складу характера, психологии. Каждый из них – неповторимая личность. Но тем и

интересны данные письма, что при всем несходстве их авторов и конкретных обстоятельств, в которых они были написаны, сами письма необычайно похожи и дают богатую пищу для сравнительно-исторического анализа. Интересно также и то, что объединяет авторов использованных здесь писем, особенно по двум мировым войнам. Все трое – из интеллигентных семей, москвичи, часто вспоминающие родной дом и близких; двое из них – прапорщик Жиглинский и замполитрука Каминский – ушли на фронт добровольцами со студенческой скамьи, были примерно одного возраста, оба служили в артиллерии. Различались они по социальному происхождению, значение чего не стоит преувеличивать: и разночинец Чернецов, и обедневший дворянин Жиглинский, и внук революционера Каминский принадлежали к образованной, но небогатой, живущей собственным трудом части общества (как сказали бы сегодня – к среднему классу). Однако интересен тот факт, что Каминский как бы соединил в себе психологические характеристики двух своих предшественников – участников Первой мировой войны: бытовую приземленность и практическую сметку унтер-офицера Чернецова и романтическую натуру, юношескую эмоциональность прапорщика Жиглинского. Все это можно увидеть в их письмах. С одной стороны, Каминский, как и Чернецов, сообщает домой множество подробностей, деталей фронтового быта, высказывает разные практические суждения; с другой, – его описания боевых действий и прифронтовой обстановки содержат элемент поэтизации, свидетельствующий об эстетическом взгляде на мир. Как и Жиглинский, он находит время полюбоваться природой, увидеть в трассирующих пулях «падающие звезды», почувствовать «грозное веселие» в артиллерийской канонаде. Близки и характеристики адресатов двух молодых людей: они пишут матерям и братьям. Если в письмах к последним они более откровенны в описаниях войны, то матерей оба стараются успокоить и убедить в том, что «на фронте ничего страшного нет». Унтер-офицер Чернецов пишет своей сестре и ее семье, также стараясь по возможности смягчить описание тягот войны и акцентировать внимание на «положительных моментах».

Что же нам известно о создателях этих писем? Для того, чтобы полнее почувствовать историческую атмосферу, в которой они жили, и неповторимую индивидуальность этих людей, приведем их биографические данные.

Меньше всего мы знаем об Иване Ивановиче Чернецове: все сведения о нем почерпнуты из его переписки с родными, отложившейся в Центре Документации «Народный Архив» при Московском Государственном Историко-Архивном Институте. Сначала он был вольноопределяющимся, затем пехотным унтер-офицером, командиром взвода, полуроты, затем опять взвода. Участвовал в Восточно-Прусской операции 1914 г. Попал в плен – первая весточка оттуда датирована 15 июня 1915 г., последняя – от 30 июня 1918 года. Вернулся ли он домой или пропал на чужбине, выяснить нам не удалось. Судьба его канула в Лету среди тысяч других судеб простых русских людей.

Фронтовые письма И.И.Чернецова достаточно подробны и содержат немало бытовых описаний, отражая нехитрые солдатские мечты в минуты отдыха, в промерзших окопах, в перерыве между боями: подспела бы вовремя кухня, да теплые вещи прислали из дома, да не подвели бы служивого сапоги... А еще в канун Рождества он вспоминает о мирной жизни, о родной Москве и звоне колоколов, мечтает сходить к Всенощной.

Совсем иной содержательный характер имеют письма из плена, вернее, открытки на стандартном бланке Красного Креста, которые разрешалось посылать 6 раз в месяц. Содержание большинства этих открыток в 10 строк стандартное: «Жив, здоров, спасибо за посылку...» А далее обычно следует перечисление ее содержимого, – вероятно, для того, чтобы убедиться, что по дороге ничего не пропало. Исключение в их ряду составляет трогательное поздравление к Пасхе от 19 февраля (4 марта) 1917 г., где И.И.Чернецов пишет о «невидимых духовных ни-

тях», соединяющих его с родными, о том, что мысленно он всегда с ними, и пусть хоть это сознание будет ему и им «утешением в этот великий день». На всех открытках указан обратный адрес лагеря для военнопленных: «Для военнопленного. Унтер.Оф. Чернецов Иван. Бат.Ш, рота 15, № 1007. Германия, город Вормс (Worms)».

Все письма и открытки И.И.Чернецова адресованы сестре Елизавете Ивановне Огневой. Любопытен и сам адрес: Москва, Кремль, Дворцовая улица, Офицерский корпус, квартира 19. Известно, что Е.И.Огнева состояла в переписке не только с ним, но и с другими военнопленными, посылала им посылки и получала через них известия о брате. Среди ее адресатов – упоминавшийся в письмах Ивана его однополчанин А.Н.Ехлаков.

Значительно больше сведений мы имеем об А.Н.Жиглинском, так как нам удалось выйти непосредственно на его дочь – Евгению Александровну Жиглинскую, которая пронесла через всю жизнь, сберегла документы отца, а в 1990 г. передала их копии на хранение в «Народный Архив».

Александр Николаевич Жиглинский родился в октябре 1893 года в Москве, в обедневшей дворянской семье. Рано начал писать стихи, играл в студии Художественного театра. Закончив гимназию, поступил на юридический факультет Московского университета. Началась война. В 1915 году он оставил учебу и уехал в Петроград – поступать в Михайловское артиллерийское училище. И вот вчерашнему юнкеру присвоено офицерское звание, и в феврале 1916 г. прапорщик Жиглинский отправляется на Западный фронт. Март 1916-го – Нарочская наступательная операция. Июнь-июль – печально знаменитые Барановичи... А в Москву, на Среднюю Пресню, дом 20, квартира 2, идут удивительные письма (иногда по несколько в день, иногда в стихах) – маме, тете, деду, кузенам. И в каждом – любовь к Родине, оптимизм и вера в победу: «Я – русский, и всякий русский должен думать подобно... Я горд тем, что могу быть полезен России... Поймите меня!» Последним пришло с фронта стихотворное послание к деду, откровенно пророческое – о трагических судьбах Отечества и своей собственной: «Не мир идет, но призрак грозной плахи, кровавую разинув пасть...»

Спустя несколько дней, в начале декабря 1916-го, во время газовой атаки неприятеля одному из солдат не хватило противогаза и подпоручик Жиглинский отдал ему свой. В воспоминаниях А.Д.Сахарова описан похожий случай, который произошел на том же участке русско-германского фронта: «Я помню рассказ отца с чьих-то слов об офицере, который отказался надеть свой единственный во взводе противогаз и погиб вместе с солдатами»³¹. Не исключено, что речь здесь идет именно об Александре Жиглинском, хотя возникшая легенда, как всегда, приукрасила события. В действительности отравление было тяжелым, но герой остался жив. После госпиталя его послали в санаторий в г. Мисхор, «к южным звездам и теплому морю», на берегах которого он прожил четыре года, – в стороне от двух революций и Гражданской войны. Зарабатывал на жизнь репетиторством, играл в театре-кабаре, женился, придумал имя для будущего малыша... Когда большевики заняли почти весь Крым, двоюродный брат Евгений Гибшман, волей судьбы офицер армии Врангеля, разыскал его в Симеизе и уговаривал вместе бежать в Европу. Александр отказался. Он был далек от политики и не чувствовал за собой вины перед «народной властью». Да и молодая жена ждала ребенка...

Александр Жиглинский был расстрелян в начале декабря 1920 г. в Крыму в период массовых казней офицеров, явившихся для регистрации по требованию Советской власти. Спустя две недели после его гибели появилась на свет дочь Евгения.

Наконец, еще один автор писем - участник Великой Отечественной войны, заместитель политрука Юрий Ильич Каминский. Он родился в 1919 году в Москве. В сорок первом ушел на фронт добровольцем – со студенческой скамьи, с чет-

вертого курса Исторического факультета МГУ. Был артиллеристом. Погиб 15 августа 1942 года при прорыве немецкой обороны у деревни Хопилово Износкинского района Смоленской области. Дошедшие до нас письма адресованы его матери Лидии Феликсовне Кон и младшему брату Евгению Цыкину. Их подлинники находятся у вдовы его друга Г.И.Левинсона, а рукописные копии, сделанные Т.В.Равдиной, близкой подругой жены Юрия Тамары Полонской, переданы в Музей боевой славы Исторического факультета МГУ и хранятся в личном фонде Ю.И.Каминского.

Что касается участника Афганской войны младшего сержанта Павла Анатольевича Буравцева, чьи письма были опубликованы в 1990 г. его матерью в отдельном сборнике, то о нем можно сообщить следующее. Родился он в городе Ставрополе, после окончания школы служил на границе, в 1985 г. в числе добровольцев-пограничников был направлен в Афганистан. 22 ноября 1985 г. погиб в возрасте 19 лет в бою с душманами, спасая раненых товарищей. Награжден посмертно орденом Красной звезды. Адресат цитируемых ниже писем – любимая девушка. Это письма еще очень юного человека с присущими этому возрасту романтическими представлениями о мире. Однако в описаниях военного быта Павел Буравцев весьма конкретен и точен.

Итак, используемые здесь комплексы писем содержат информацию по широкому кругу вопросов, касающихся как фактических данных, так и психологии восприятия фронтового быта и войны в целом.

Из бытовых сюжетов приведем несколько. Первый – описание жилья, повседневной фронтовой обстановки. И по отдельным деталям, и по спокойной тональности они очень похожи друг на друга. «В халупе у меня довольно уютно, – сообщал 9.02.1916 г. матери прапорщик А.Н.Жиглинский. – Глиняный пол я устлал здешними “фабрянными” холстами, кровать огородил полотнищами палаток. На стенах – картинки Борзова “Времена года”, портреты Государя, кривое зеркальце, полукатолические бумажные иконы, оружие, платье, гитара, окна завешены холстом. В углу глинобитная, выбеленная печь. На столе горит свеча в самодельном подсвечнике из банки из-под какао, лежат газеты, бумаги и рапорты, книги и карандаши и т.д. На улице холодно, сыпется сухой снег и повеваает метелица. В печке весело потрескивают дрова и золотят блеском огня пол, скамьи вдоль стены. За дверью, на кухне слышны голоса мирно беседующих хозяев и денщика»³². Только иконы, портреты Государя и упоминание о денщике выдают в этой зарисовке приметы времени. Остальные элементы быта вполне можно представить на Второй мировой войне.

«Мы, артиллеристы, народ хлопотливый, как приехали на место, сразу зарываемся в землю, – писал 29.04.1942 г. брату Ю.И.Каминский. – Вот сейчас мы построили хороший блиндаж. Устроен он так: снаружи ничего не видно – только труба торчит, вроде самоварной, и под землю ведет дырка – ступеньки земляные, на дверях плащ-палатка. Внутри он выглядит так: проход, а по обеим сторонам нары, покрытые соломой и льдом, а поверх постланы плащ-палатки. В головах вещмешки. Над головой на возде котелок, каска, противогаз. Шинель по солдатскому обычаю обычно служит всем. Крыша состоит из трех рядов бревен, положенных друг на друга и пересыпанных землей. Такую крышу “в три наката” пробьет только тяжелый снаряд, да и то при прямом попадании. В блиндаже печурка – тепло. Лампа, сделанная из бутылки, дает свет и копоть. Спим рядышком, понятно – не раздеваясь, так как в любую минуту может прозвучать любимая команда “Расчет, к оружию!” В нашем блиндаже живет мой командир взвода, молоденький лейтенант, Мишин ровесник. Он хороший парень и большой любитель пения, голос у него хороший, и мы часто поем наши добрые старые песни...»³³ Как пригодились бы здесь гитара прапорщика Жиглинского! Только песни пели уже другие, хотя, наверное, вспоминали и старинные русские романсы...

А вот письмо из Афганистана. Не упомяни автор спальный мешок, – и чем не картинка с фронта Великой Отечественной, а то и Первой мировой?! Да и сам он проводит параллель с 1942 годом, подтверждая тот факт, что солдатский быт в сходных условиях меняется мало.

«У меня все еще окопная жизнь, – писал невесте 18.11.1985 г. Павел Буравцев. – Мы все еще находимся в окопах. Вот чуть-чуть стало холодать, и поэтому пришлось делать блиндажи из камней, как в Кавказских горах в 1942 году. Складываем их из камней, а сверху настилаем ветки и сучья и накрываем сверху “пододеяльниками”, или, как их еще называют, вкладышами из спальных мешков. Получается небольшой домик, вот в таких домиках мы и живем...»³⁴

Второй сюжет – солдатский рацион. Эта проблема волнует всегда и всех: голодный много не навоюет. Унтер-офицер И.И.Чернецов сообщает домой 18.11.1916 г., что казенная кухня, бывает, задерживается, когда полк куда-нибудь передвигается. «В остальное время, – пишет он, – обед и ужин нам выдают регулярно каждый день. Мяса получаем всего 1 и 1/4 фунта в день на человека, сахару по три куса в день и чаю достаточное вполне количество, изредка только бывает нехватка его. Это если происходит какая-нибудь задержка в доставке. Ведь муку, да и самый готовый хлеб приходится доставлять из России, а с этим надо считаться. Вообще кормят хорошо: варят лапшу (с большими макаронами), горох, суп с сушеными корнями, суп с картофелем, щи со свежей капустой и суп с гречневой кашей, иногда с рисом или перловой крупой. Вечером и утром получаем обед и ужин по одному первому, как и в Японскую войну. Этого вполне достаточно и солдаты все довольны продовольствием»³⁵.

Так же подробно 29.04.1942 г. описывает матери свое ежедневное «меню» Ю.И.Каминский: «Как меня кормят? Получаем утром завтрак – суп с мясом, крупой (или макаронами, или галушками), картошкой. Супу много, почти полный котелок. По утрам же привозят хлеб – 800-900 грамм в день, сахар, махорку или табак (я привык к махорке и курю ее охотнее, чем табак) и водку – сто грамм ежедневно. В обед снова появляется суп, бывает и каша. Ужин обычно состоит из хлеба, поджаренного на печке и посыпанного сахаром. Иногда к этому прибавляется колбаса – 100 грамм в обед и 30 утром. В годовщину Красной Армии у нас была и замечательная селедка, и колбаса, и пряники, и т.д. Теперь ждем Первого мая»³⁶.

А вот как пишет о жизни своего подразделения 19.10.1985 г. П.А.Буравцев: «Питаемся мы сухим пайком. Но мы стали потихонечку собирать дрова и на скудном огоньке делаем себе чай в “цинке” (это вроде большой консервной банки, в которой раньше хранились патроны). Ну вот, делаем чай и греем консервированную кашу. Спим прямо в окопе или рядом с ним»³⁷. В другом письме, от 18.11.1985 г., он сообщает: «Ноябрь месяц, но здесь довольно-таки тепло, несмотря на дожди и снег. Правда, с куревом совсем туго, вообще нет, и вертолет не летит, но еды хватает, нормально... Мы тут заросли, как партизаны, у меня опять борода. Вот никогда не думал, что в армии отращу себе бороду»³⁸.

Третий сюжет – сравнительное описание денежного довольствия на двух мировых войнах. «Милая Лиза! – пишет сестре 17.01.1915 г. И.И.Чернецов. – На днях я послал домой 150 рублей, которые скопились из жалованья, да еще оставшиеся, которые были присланы из дома. Оставил себе 30 рублей на расходы, которых теперь почти нет, только иногда расходуешь на ситный. Больше решительно не на что их тратить... Жалованья я получаю теперь 38 рублей 75 копеек и еще 1 рубль 50 копеек...»³⁹ В письме от 7.04.1942 г. Ю.И.Каминский приводит аналогичную ситуацию (с поправкой на цены и покупательную способность рубля в 1915 и 1942 г., что, однако, не меняет существа дела): «Мамочка, ты меня прости, но я очень долго смеялся, когда прочел начтет денег. Во-первых, я их получаю (жалованье – 150 рублей), во-вторых, делать здесь с ними абсолютно нечего, поскольку все, что здесь есть, либо дается даром, либо не дается вообще, и ни за

какие деньги этого не получишь. В-третьих, я сам недавно послал домой деньги, ты их, наверное, скоро получишь. Все это вместе очень смешно»⁴⁰. В Афганистане – ситуация немного другая: все-таки чужая страна. Вместо рублей там «чеки» и местная валюта «афгани», палатки Военторга на территории части, где покупать нечего, а за ее пределами – дуканы, где «можно достать все», – только ходить в них не рекомендуется, если не хочешь попасть в плен. Но в письмах об этом не пишут. И лишь вернувшись домой, рассказывают о тех, кто делал «большие деньги», пока другие воевали, о продажной стороне этой войны. Впрочем, интендантские службы наживаются на любой войне, и именно их презрительно называют «тыловыми крысами» настоящие фронтовики.

Единый дух, общий психологический настрой, те же мысли, чувства, желания. Оружие совершенствуется, человеческая природа остается без изменений. Такого рода параллели можно проводить бесконечно, из чего следует вывод: доминирующие психологические характеристики комбатанта универсальны, они мало меняются со сменой эпох, стран, народов, армий, так как определяются в первую очередь самим явлением войны и местом в нем человека. Хотя, безусловно, в этой психологии есть и историческая, и национальная специфика. И все-таки можно утверждать, что однотипные ситуации вызывают соответствующие реакции на них, в чем, собственно, и проявляется единство законов психологии. Время и место действия вносит свои коррективы, накладывает характерный отпечаток на форму освещения вопросов, которые волнуют солдат на передовой, но сами эти вопросы (их «основной перечень») сохраняются, лишь изредка меняясь местами по своей значимости в зависимости от конкретных условий каждой из войн.

Подтверждением этому могут служить и передаваемые из поколения в поколение солдатские пословицы и поговорки, закрепляющие в массовом сознании определенные стереотипы поведения на военной службе: «Сам не напрашивайся, прикажут – не отпрашивайся», «Двум смертям не бывать, а одной не миновать», «Лучше грудь в крестах, чем голова в кустах», «Сам погибай, а товарища выручай», «Подальше от начальства, поближе к кухне», «Солдат спит – служба идет» и т.д. При этом «героический» аспект явно уступает по значимости «ироническому», житейскому, цель которого – приспособиться, выжить, уцелеть в неблагоприятных условиях, но все же не любой ценой: желательнее при этом не осрамиться, сохранить свое лицо, не подвести товарищей.

Глава IV

ПРОБЛЕМА ВЫХОДА ИЗ ВОЙНЫ

Психология комбатантов и посттравматический синдром

Проблема «выхода из войны» не менее, а быть может, и более сложна, чем проблема «вхождения» в нее. Даже если иметь в виду одни психологические последствия и только для личного состава действующей армии, диапазон воздействия факторов войны на человеческую психику оказывается чрезвычайно широк. Он охватывает многообразный спектр психологических явлений, в которых изменения человеческой психики колеблются от ярко выраженных, явных патологических форм до внешне малозаметных, скрытых, пролонгированных, как бы «отложенных» во времени реакций.

Эти последствия войны изучались русскими военными психологами еще в начале XX века. «...Острые впечатления или длительное пребывание в условиях интенсивной опасности, – отмечал Р.К.Дрейлинг, – так прочно деформируют психику у некоторых бойцов, что их психическая сопротивляемость не выдерживает, и они становятся не бойцами, а пациентами психиатрических лечебных заведений... Так, например, за время русско-японской войны 1904-1905 гг. психически ненормальных, не имевших травматических повреждений, прошедших через Харбинский психиатрический госпиталь, было около 3000 человек»¹. При этом средние потери в связи с психическими расстройствами в период русско-японской войны составили 2-3 случая на 1000 человек, а уже в Первую мировую войну показатель «психических боевых потерь» составлял 6-10 случаев на 1000 человек².

Разумеется, в процентном соотношении к численному составу армий, участвующих в боевых действиях, такие случаи не очень велики. Однако на всем протяжении XX века прослеживалась тенденция к нарастанию психогенных расстройств военнослужащих в каждом новом вооруженном конфликте. Так, по данным американских ученых, в период Второй мировой войны количество психических расстройств у солдат выросло по сравнению с Первой мировой войной на 300%. Причем общее количество освобождаемых от службы в связи с психическими расстройствами превышало количество прибывающего пополнения. Согласно подсчетам зарубежных специалистов, из всех солдат, непосредственно участвовавших в боевых действиях, 38% имели различные психические расстройства. Только в американской армии по этой причине были выведены из строя 504 тыс. военнослужащих, а около 1 млн. 400 тыс. имели различные психические нарушения, не позволяющие им некоторое время участвовать в боевых действиях. А во время локальных войн в Корее и Вьетнаме психогенные потери в армии США составляли 24-28% от численности личного состава, непосредственно участвовавшего в боевых действиях³.

К сожалению, аналогичных данных по психогенным потерям отечественной армии в период двух мировых войн в открытых источниках нам обнаружить не удалось: даже в узкоспециальных публикациях по военной психологии и психиатрии ссылаются только на расчеты зарубежных коллег по армиям других государств. Причин этому несколько. Во-первых, после 1917 г. все вопросы, связанные с морально-психологической сферой, были предельно идеологизированы. При этом опыт русской армии в Первой мировой войне практически игнорировался, а все проблемы, касающиеся морально-психологического состояния Красной, а затем и Советской армий, оказались в ведении не военных специалистов, а представителей партийно-политических структур. С другой стороны, исходя из реальной клинической практики, советские военные медики продолжали вести наблюдения в этой области, но собранные ими данные, как правило, оказывались засекречены, к ним допускался только очень узкий круг специалистов. А для «гражданских» исследователей они и сегодня продолжают оставаться недоступными.

Впрочем, мировой опыт в области изучения военной психопатологии свидетельствует о том, что интерес к ней за рубежом долгое время также был незначительным и вырос лишь в середине XX века. Это связано, в первую очередь, с масштабным проявлением данной проблемы именно в современных войнах, где чрезвычайно возросший техногенный фактор предъявляет к психике человека непомерные требования. Так, в армии США данная проблема стала активно изучаться лишь в ходе и особенно после окончания вьетнамской войны, когда впервые были описаны посттравматические стрессовые расстройства (ПТСР). Кроме того, сказался, вероятно, уровень самих наук, исследующих человеческую психику: наиболее интенсивное развитие они получили во второй половине нашего столетия.

Что касается тенденции психогенных расстройств в отечественной армии, то по экспертным оценкам военных медиков, полученных автором в ходе консультаций с ведущими специалистами Министерства обороны РФ в области клинической психиатрии, в целом она аналогична общемировой. Кроме того, на нее накладывает отпечаток современная специфика, связанная с тяжелой общественно-политической и экономической ситуацией в нашей стране: распад СССР, кризис социальных ценностей, тяжелое положение армии как отражение общей кризисной ситуации, падение материального уровня жизни и бытовая неустроенность, в том числе офицерского состава, неуверенность в завтрашнем дне, криминогенная ситуация, в том числе и в войсках, как следствие ряда факторов – падение престижа военной службы, наличие многочисленных «горячих точек» на постсоветском пространстве, и т.д. Все эти психотравмирующие воздействия неизбежно ведут к увеличению числа психических расстройств среди военнослужащих, что особенно сказывается в боевой обстановке. Так, по данным ведущих отечественных военных психиатров, специально изучавших частоту и структуру санитарных потерь при вооруженных конфликтах и локальных войнах, «в последнее время существенно изменились потери психиатрического профиля в сторону увеличения числа расстройств пограничного уровня»⁴.

Однако гораздо более масштабны смягченные и «отсроченные» последствия войны, влияющие не только на психо-физическое здоровье военнослужащих, но и на их психологическую уравновешенность, мировоззрение, стабильность ценностных ориентаций и т.д. Как правило, практически не имеющее исключений, все это подвергается существенной деформации. В настоящее время военные медики все чаще используют такие нетрадиционные терминологические обозначения, отражающие, тем не менее, клиническую реальность, как «боевая психическая травма», «боевое утомление», психологические стрессовые реакции, а также «вьетнамский», «афганский», «чеченский» синдромы и другие. По их данным, в структуре психической патологии среди военнослужащих срочной службы, принимавших участие в боевых действиях во время локальных войн в Афганистане, Карабахе,

Абхазии, Таджикистане, Чечне, психогенные расстройства достигают 70%, у офицеров и прапорщиков они несколько меньше. У 15-20% военнослужащих, прошедших через эти вооруженные конфликты, по данным главного психиатра Министерства Обороны РФ В.В.Нечипоренко (1995), имеются «хронические посттравматические состояния», вызванные стрессом⁵.

Война и участие в ней оказывают безусловное воздействие на сознание, подвергая его серьезным качественным изменениям. На данное обстоятельство обращали внимание не только специалисты (военные, медики, психологи и др.), но и писатели, обостренно, образно, эмоционально воспринимающие действительность, в том числе и имевшие непосредственный боевой опыт. К ним относились Лев Толстой, Эрих Мария Ремарк, Эрнст Хемингуэй, Антуан де Сент-Экзюпери и др. В нашей стране после Великой Отечественной сложилась целая плеяда писателей-фронтовиков, главной темой творчества которых стала пережитая ими война. «Иногда человеку кажется, что война не оставляет на нем неизгладимых следов, – со знанием дела говорил Константин Симонов, – но если он действительно человек, то это ему только кажется».

Не случайно, возвращаясь в мирную жизнь, бывшие солдаты задаются невольным вопросом:

*«Когда мы на землю опустимся с гор,
Когда замолчат автоматы,
Когда отпылет последний костер,
Какими мы станем, ребята?»⁶*

Если армейская жизнь как таковая требует подчинения воинской дисциплине, беспрекословного выполнения приказов, что, безусловно, является подавлением воли солдата, то условия войны, сохраняя дисциплину как необходимую основу армии, в то же время вырабатывают такие качества, как инициативность, находчивость, смекалка, способность принимать самостоятельные решения в сложной ситуации (на своем, «окопном» уровне), – без этого просто не выжить в экстремальных обстоятельствах. Таким образом, с одной стороны, воспитывается исполнитель, привыкший к подчинению и четкому распорядку, к казенному обеспечению всем необходимым, при отсутствии которых он чувствует себя растерянным и в какой-то степени беспомощным. Например, при массовых послевоенных демобилизациях, проходящих обычно в тяжелых условиях разрухи, оказавшись выброшен в непривычную «гражданскую» среду. С другой стороны, формируется сильный, независимый характер, волевая личность, способная принимать решения, независимые от авторитетов, руководствуясь реальной обстановкой и собственным боевым опытом, привыкнув исходить из своего индивидуального выбора и осознав свою особенность и значимость. Такие люди оказываются «неудобными» для любого начальства в мирной обстановке. Например, весьма наглядно проявилась эта закономерность после окончания Великой Отечественной, в условиях сталинской системы. «Как это ни парадоксально, – отмечает фронтовик Ю.П.Шарапов, – но война была временем свободы мысли и поступков, высочайшей ответственности и инициативы. Недаром Сталин и его пропагандистская машина так обрушились на послевоенное поколение – поколение победителей»⁷.

Противоречивость воздействия специфических условий войны на психологию ее участников сказывается в течение длительного периода после ее окончания. Не будет преувеличением сказать, что война накладывает отпечаток на сознание и, соответственно, поведение людей, принимавших непосредственное участие в вооруженной борьбе, на всю их последующую жизнь – более или менее явно, но несомненно. Жизненный опыт тех, кто прошел войну, сложен, противоречив, жесток. Как правило, послевоенное общество относится к своим недавним защитникам с непониманием и опаской. В этом заключается одна из важнейших причин такого явления, как посттравматический синдром, и как следствие – разного рода

конфликтов с «новой средой» (психологических, социальных и даже политических), когда вернувшиеся с войны люди не могут стать «такими, как все», принять другие «правила игры», от которых уже отвыкли или после всего пережитого считают их нелепыми и неприемлемыми. В таких обстоятельствах наиболее заметными проявлениями специфического воздействия войны на психологию ее участников являются «фронтный максимализм», синдром силовых методов и попыток их применения (особенно на первых порах) в конфликтных ситуациях мирного времени.

На первый план встает вопрос адаптации к новым условиям, перестройки психики «на мирный лад». На войне и, прежде всего, на фронте все четче и определеннее: ясно, кто враг и что с ним нужно делать. Быстрая реакция оказывается залогом собственного спасения: если не выстрелишь первым, убьют тебя. После такой фронтной «ясности» конфликты мирного времени, когда «противник» формально таковым не является и применение к нему привычных методов борьбы запрещено законом, бывают сложны для психологического восприятия тех, у кого выработалась мгновенная, обостренная реакция на любую опасность, а в сознании утвердились переосмысленные жизненные ценности и иное, чем у людей «гражданских», отношение к действительности. Им трудно сдержаться, проявить гибкость, отказаться от привычки чуть что – «хвататься за оружие», будь то в прямом или в переносном смысле. Возвращаясь с войны, бывшие солдаты подходят к мирной жизни с фронтными мерками, часто перенося военный способ поведения на мирную почву, хотя в глубине души понимают, что это не допустимо. Некоторые начинают «приспосабливаться», стараясь не выделяться из общей массы. Другим это не удается, и они остаются «бойцами» на всю жизнь. Душевные надломы, срывы, ожесточение, непримиримость, повышенная конфликтность, – с одной стороны; и усталость, апатия, – с другой, – как естественная реакция организма на последствия длительного физического и нервного напряжения, испытанного в боевой обстановке, становятся характерными признаками «фронтного» или «потерянного поколения».

По мнению В.Кондратьева, «потерянное поколение» – это явление не столько социального, сколько психологического и даже физиологического свойства, и в этом смысле оно характерно для любой войны, особенно масштабной и длительной. «Четыре года нечеловеческого напряжения всех физических и духовных сил, жизнь, когда «до смерти четыре шага». Естественная, обычная реакция организма – усталость, апатия, надрыв, слом... Это бывает у людей и не в экстремальных ситуациях, а в обыкновенной жизни – после напряженной работы наступает спад, а здесь – война...»⁸ – писал он, отмечая тот факт, что фронтовики и живут меньше, и умирают чаще других – от старых ран, от болезней: война настигает их, даже если когда-то дала отсрочку. Рано или поздно она настигает всех...

После любой войны необычайно остро психологическую драму испытывают инвалиды, а также те, кто потерял близких и лишился крыши над головой. После Великой Отечественной это проявилось особенно сильно еще потому, что государство не слишком заботилось о своих защитниках, пожертвовавших ради него всем и ставших теперь «бесполезными». «Бывших пленных из гитлеровских лагерей перегоняли в сталинские. Инвалиды выстаивали в долгих очередях за протезами, наподобие деревяшек, на которых ковыляли потерявшие ногу под Бородино. Самых изувеченных собирали в колониях, размещенных в глухих, дальних углах. Дабы не портили картину общего процветания»⁹, – с горечью вспоминает В.Кардин.

В этот же период особые трудности возвращения к мирной жизни испытали те, кто до войны не имели никакой гражданской профессии и, вернувшись с фронта, почувствовали себя «лишними», никому не нужными, чужими. Пройдя суровую школу жизни, имея боевые заслуги, вдруг оказаться ни на что не годным, учиться заново с теми, кто значительно младше по возрасту, а главное – жизнен-

ному опыту, – болезненный удар по самолюбию. Еще обиднее было обнаружить, что твое место занято «тыловой крысой», отлично устроившейся в жизни, пока солдат на фронте проливал свою кровь.

*«Когда мы вернулись в войны,
я понял, что мы не нужны.
Захлебываясь от ностальгии,
от несовершенной вины,
я понял: иные, другие,
совсем не такие нужны.
Господствовала прямота,
и вскользь сообщалось людям,
что заняты ваши места
и освободить их не будем»¹⁰, –*

с армейской прямоотой выразил свои ощущения поэт Борис Слуцкий. Далеко не каждый это понял, но почувствовали многие.

Другая трудность – это возвращение заслуженного человека к будничной, серенькой действительности при осознании им своей роли и значимости во время войны. Не случайно ветераны Великой Отечественной, которые в войну мечтали о мирном будущем, вспоминают ее теперь как то главное, что им суждено было совершить, независимо от того, кем они стали «на гражданке», каких высот достигли. «Мы гордимся теми годами, и фронтовая ностальгия томит каждого из нас, и не потому, что это были годы юности, которая всегда вспоминается хорошо, а потому, что мы ощущали себя тогда *гражданами* в подлинном и самом высоком значении этого слова. Такого больше мы никогда не испытывали»¹¹, – говорил В.Кондратьев. Чем сильнее была житейская неустроенность, чиновное безразличие к тем, кто донашивал кителя и гимнастерки, тем с большей теплотой вспоминались фронтовые годы – годы духовного взлета, братского единения, общих страданий и общей ответственности, когда каждый чувствовал: я нужен стране, народу, без меня не обойтись. «Больно и горько говорить о поколении, для которого самым светлым, чистым и ярким в биографии оказалась страшная война, пусть и названная Великой Отечественной»¹².

«Там было все гораздо проще, честнее, искреннее», – сравнивая «военную» и «гражданскую» жизнь, утверждают фронтовики¹³. Процесс реабилитации, «привыкания» к мирной жизни протекает довольно сложно, вызывая иногда приступы «фронтальной ностальгии» – желание вернуться в прошлое, в боевую обстановку или воссоздать некое ее подобие, хотя бы отдельные черты в рамках иного бытия, что заставляет ветеранов искать друг друга, группироваться в замкнутые организации и объединения, отправляться в «горячие точки» или пытаться реализовать себя в силовых структурах самых разных ориентаций.

Осознание своей принадлежности к особой «касте» надолго сохраняет между бывшими комбатантами теплые, доверительные отношения, смягченный вариант «фронтального братства», когда не только однополчане, сослуживцы, но просто фронтовики стараются помогать и поддерживать друг друга в окружающем мире, где к ним часто относятся без должного понимания, подозрительно и настороженно. Особенно этот психологический феномен проявился во взаимоотношениях ветеранов Великой Отечественной. «Помню, как мучила долго тоска, тоска по тем людям, с которыми войну прошла, – вспоминает бывшая радистка-разведчица Н.А.Мельниченко. – Как будто из семьи вырвалась, родных людей бросила. Смею утверждать, что тот, кто прошел войну, другой человек, чем все. Эти люди понимают жизнь, понимают других. Они боятся потерять друга, особенно у разведчиков это чувство развито, они знают, что такое потерять друга. Ты где-то бываешь и сразу чувствуешь, что это фронтовик. Я узнаю сразу»¹⁴.

Однако после Первой мировой войны, которая стала прелюдией к войне Гражданской, когда многие из бывших товарищей по оружию оказались по разные стороны баррикад, такое единение было менее характерно и охватывало довольно узкие группы людей.

Весьма показательными, на наш взгляд, являются и взаимоотношения участников разных войн.

*«Едва ли сумеют другие,
Не знавшие лика войны,
Понять, что теперь ностальгией
И вы безнадежно больны», –*

с такими словами обратилась к ветеранам Афганистана фронтовичка Юлия Друнина, почувствовав родство судеб и душ у солдат двух поколений.

*«Мне мальчики эти, как братья,
Хотя и годятся в сыны...»¹⁵ –*

утверждала она в своем стихотворении «Афганцы». А по признанию самих «мальчиков», если до армии многие из них равнодушно относились к ветеранам Великой Отечественной, то после возвращения из Афганистана стали лучше понимать фронтовиков и оказались духовно ближе к своим дедам, чем к неволевавшим отцам.

* * *

Из каждой войны общество выходит по-разному. Это зависит и от отношения общества к самой войне, которое, как правило, переносится на ее участников, и от приобретенного фронтовиками опыта, определяемого спецификой вооруженного конфликта.

В определенных условиях «фронтная вольница» может перерасти в «партизанщину», в неуправляемую стихию толпы, как это случилось в 1905 г., когда позорные поражения русской армии в непопулярной войне с Японией стали одним из катализаторов социальной напряженности в стране, которая переросла в первую русскую революцию, причем волнение затронуло не только гражданских лиц, но коснулось также армии и флота.

Подобная ситуация повторилась и в 1917-м году, когда усталость и недовольство затянувшейся войной, неудачи и поражения на фронтах привели к революционному брожению в войсках, массовому дезертирству и полному разложению армии. Особенностью Первой мировой войны было именно то, что она непосредственно переросла из внешнего во внутренний конфликт, а значит, общество из состояния войны выйти так и не сумело. Переход к мирной жизни после войны гражданской определялся уже иными факторами, сохраняя при этом основные черты психологии, присущей военному времени.

После Великой Отечественной ситуация складывалась по-другому. Во-первых, эта война имела принципиально иное значение: речь шла не о каких-то относительно узких стратегических, экономических и геополитических интересах, а о самом выживании российского (советского) государства и населявших его народов. Во-вторых, она завершилась победоносно. С нее возвращались солдаты-победители, в полном смысле слова спасшие Отечество. Поэтому фронтовики не стали «потерянным поколением» подобно ветеранам Первой мировой, так и не сумевшим понять, ради чего они оказались на мировой бойне. (Последний феномен нашел широкое отражение в западной литературе – в произведениях Э.М.Ремарка, Р.Олдингтона и др.)

Сейчас в публицистике, да и в новейшей историографии встречается мнение, что общество недооценило фронтовиков Великой Отечественной. Здесь нужно

внести поправку: недооценивало их бюрократическое государство, тогда как в народе они пользовались искренним уважением и любовью. Конечно, и их адаптация к мирной жизни была совсем не простой, причем не только в бытовом, но и в психологическом плане. Однако, в данном случае неизбежный посттравматический синдром не усугублялся кризисом духовных ценностей, как это не раз бывало в истории после несправедливых или бессмысленных войн. А именно к такого рода примерам относится афганская война, в ряду других негативных последствий породившая «афганский синдром».

Большие проблемы «малой» войны: «афганский синдром»

Афганский синдром... Это словосочетание вызывает в памяти другое – «вьетнамский синдром». И хотя связано оно с другой войной, невольно напрашиваются прямые аналогии. Обе войны велись сверхдержавами на территории небольших стран «третьего мира». За обеими войнами стояли определенные идеологии и геополитические интересы, в обеих использовались «высокие» лозунги: «защиты демократических ценностей» – Соединенными Штатами, «интернациональной помощи» народу, совершившему социальную революцию, – Советским Союзом. Обе страны, где велись боевые действия, стали ареной демонстрации боевой мощи сверхдержав, включая испытание новейших видов оружия, стратегии и тактики малых войн. Весьма близким оказался и их итог: сверхдержавы не смогли навязать свою волю двум относительно небольшим азиатским народам, понесли огромные боевые, экономические, политические и моральные потери.

Бесславное ведение обеих войн имело немалое влияние не только на международную обстановку, обострив в свое время взаимоотношения между основными военно-политическими блоками и социальными системами, но и существенным образом сказалось на внутренней ситуации в США и в СССР. В первом случае было порождено мощное антивоенное движение, произошло радикальное, хотя и временное изменение менталитета американской нации, которое, собственно, и можно назвать «вьетнамским синдромом» – в широком смысле этого понятия. Ведя войну в течение многих лет, неся огромные людские и материальные потери, США так и не смогли реализовать поставленные перед собой во Вьетнаме цели. Итогом стало осознание нацией, в которой во многом доминировали шовинистические и великодержавные настроения, того факта, что далеко не все в мире решается тугим кошельком и военной силой. Во многом под влиянием поражения во Вьетнаме Соединенные Штаты оказались более сговорчивыми и во взаимоотношениях с основным идеологическим и военно-политическим оппонентом – СССР, пойдя на разрядку международной напряженности, тем более что в 1970-е гг. Советским Союзом был достигнут военно-стратегический паритет. «Вьетнамский синдром», во многом потрясший основы американского общества, привел к определенной корректировке внешнеполитического курса США, ценностных ориентаций «средних американцев» и даже внутренней социальной политики. Отреагировав на настроения в обществе, американская государственная машина в целом сумела справиться с этим кризисом, прагматично учтя ошибки и осуществив ряд преобразований, в том числе реформы в армии. Таким образом, общественно-политическая система США смогла выдержать серьезные потрясения, связанные с «грязной» войной во Вьетнаме и позорным в ней поражением.

Иной оказалась ситуация в СССР в связи с Афганской войной. Сегодня существуют разные точки зрения о целесообразности или нецелесообразности принятого в декабре 1979 г. решения с позиций собственно национально-государственных интересов СССР. С одной стороны, ввод советских войск в Афганистан, помимо официальных идеологических мотивов, обосновывался необходимостью защиты

южных границ СССР, недопущения американского проникновения в соседнюю страну, для чего имелись некоторые обоснованные опасения. С другой стороны, результатом явилась не только нерешенность военными методами в течение почти десятилетия и идеологических, и геополитических целей, поставленных в 1979 г., но и резкое ухудшение международных позиций СССР, перенапряжение и без того стагнировавшей советской экономики, а в конечном счете крушение всей советской системы, в котором Афганская война сыграла далеко не последнюю роль. С распадом СССР геополитический аспект последствий Афганской войны не только не был нейтрализован, но получил весьма мощное негативное продолжение, приобрел особую остроту в южных регионах бывшего Союза. Если в 1979 г. речь хотя бы гипотетически шла об угрозе превращения дружественного нейтрального государства в плацдарм враждебного политического влияния, то сегодня речь идет о распространении утверждающейся в Афганистане воинствующей фундаменталистской идеологии не только на республики Средней Азии и Закавказья, но и на ряд собственно российских территорий с большой долей исламского населения.

Последствия Афганской войны для внутренней жизни в СССР также оказались в чем-то схожи с последствиями Вьетнамской войны для США, хотя и проявились в иных формах, в качественно иных условиях. Вместе с тем, были и принципиальные различия. Главное из них заключалось в разном уровне информированности населения: если американцы на всех этапах Вьетнамской войны получали достаточно полную информацию о ее ходе, в том числе и о бесчеловечных средствах ее ведения, массовой гибели мирного населения и собственных немалых потерях американской армии, то советским людям вплоть до 1984 г. информация о событиях в Афганистане преподносилась бодрими сообщениями, суть которых отражена в ироничной песне Виктора Верстакова: «А мы все пляшем гопака и чиним трактор местный»¹⁶. Вплоть до 1987 г. цинковые гробы с телами погибших хоронили в полутайне, а на памятниках запрещалось указывать, что солдат погиб в Афганистане. Лишь постепенно общество стало получать хоть какую-то реальную информацию, – круг ее расширился. Но еще несколько лет – до 1989 г. – доминировала героизация образа воинов-интернационалистов и уже явно несостоятельная попытка представить саму войну в позитивном свете. Однако уже тогда намечается поворот в общественном сознании: взгляд на эту войну переходит в общее критическое русло перестроечной публицистики. На несколько лет растянулось осознание горбачевским руководством того факта, что введение войск в Афганистан было «политической ошибкой», и лишь в мае 1988 – феврале 1989 гг. был осуществлен их полный вывод. Существенное влияние на отношение к войне оказало эмоциональное выступление академика А.Д.Сахарова на Первом съезде народных депутатов СССР о том, что будто бы в Афганистане советские летчики расстреливали своих солдат, попавших в окружение, чтобы они не могли сдаться в плен, вызвавшее сначала бурную реакцию зала, а затем резкое неприятие не только самих «афганцев», но и значительной части общества¹⁷. Однако именно с этого времени – и особенно после Второго съезда народных депутатов, когда было принято Постановление о политической оценке решения о вводе советских войск в Афганистан¹⁸, – произошло изменение акцентов в средствах массовой информации в освещении Афганской войны: от героизации они перешли не только к реалистическому анализу, но и к явным перехлестам, когда негативное отношение к самой войне стало переноситься и на ее участников.

Глобальные общественные проблемы, вызванные ходом «перестройки», особенно распад СССР, экономический кризис, смена социальной системы, кровавые междоусобицы на окраинах бывшего Союза привели к угасанию интереса к уже закончившейся Афганской войне, а сами воины-«афганцы», вернувшиеся с нее, оказались вроде бы лишними, ненужными не только властям, но и обществу в целом,

у которого появилось слишком много других насущных дел. Проблемы же такой немалой его части, как участники войны в Афганистане и семьи погибших, решались только на бумаге. Ведь если общество хочет поскорее забыть об Афганской войне, открититься от нее, одновременно опасаясь тех, кто является живым и болезненным ее напоминанием, – в чем собственно и заключается смысл «афганского синдрома» в широком его понимании, – то это значит, что и самих участников непопулярной войны оно всячески отторгает, – будь то открытая враждебность, равнодушие или просто непонимание.

Не случайно восприятие Афганской войны самими ее участниками и теми, кто там не был, оказалось почти противоположным. Так, по данным социологического опроса, проведенного в декабре 1989 г., на который откликнулись около 15 тыс. человек, причем половина из них прошла Афганистан, участие наших военнослужащих в афганских событиях оценили как «интернациональный долг» 35% опрошенных «афганцев» и лишь 10% невоевавших респондентов. В то же время как «дискредитацию понятия “интернациональный долг”» их оценили 19% «афганцев» и 30% остальных опрошенных. Еще более показательны крайние оценки этих событий: как «наш позор» их определили лишь 17% «афганцев» и 46% других респондентов, и также 17% «афганцев» заявили: «Горжусь этим!», тогда как из прочих аналогичную оценку дали только 6%. И что особенно знаменательно, оценка участия наших войск в Афганской войне как «тяжелого, но вынужденного шага» была представлена одинаковым процентом как участников этих событий, так и остальных опрошенных – 19%¹⁹.

*«Кто-то нас объявит жертвами ошибки,
Кто-то памятник при жизни возведет,
Кто-то в спину нам пролетит – «недобитки»,
А кто-то руку понимающе пожмет!»²⁰ –*

с горечью отмечает офицер и поэт Игорь Морозов, четко определив существующие в настоящее время полярные взгляды на Афганскую войну и роль в ней «ограниченного контингента».

Вместе с тем, различные политические силы пытались и пытаются использовать эту, причем весьма социально активную категорию населения, в своих интересах. К ним апеллировали лидеры «перестройки», стараясь представить «афганцев» своими сторонниками, их перетягивали в свой лагерь как либералы и «демократы», так и национал-патриоты разных мастей. Виды на них имели и криминальные структуры. Конфликтующие стороны во всех «горячих точках» вербовали их в ряды боевиков. Однако участники войны в Афганистане, объединенные этим общим для них фактом биографии, в остальном являются весьма неоднородной социальной категорией.

Тем не менее, эта объединяющая их основа позволяет говорить об «афганцах» не только как об особой социальной, но и социально-психологической группе населения. Ведь для самих «афганцев» война была гораздо большим психологическим шоком, чем опосредованное ее восприятие всем обществом. И в понимании социально-психологического состояния «афганцев» особое значение имеет категория «афганского синдрома» в узком его смысле. Это то, что на языке медиков называется посттравматический стрессовый синдром, а на языке самих ветеранов звучит так: «Еще не вышел из штопора войны».

«Афганский синдром» в узком его смысле также является выражением, производным от «вьетнамского синдрома». Последний в США является медицинским термином, объединяющим различные нервные и психические заболевания, жертвами которых стали американские солдаты и офицеры, прошедшие войну во Вьетнаме. По наблюдениям американских ученых, большинство солдат, вернувшихся из Вьетнама, не могли найти свое место в жизни. И причины этого были в основ-

ном не материального плана, а именно социально-психологического: то, что общество сознательно или неосознанно отторгло от себя «вьетнамцев», которые вернулись в него «другими», не похожими на всех остальных. Они вели себя независимо в отношениях с вышестоящими и очень требовательно в отношении с подчиненными, в общении с равными не терпели фальши и лицемерия, были чересчур прямолинейны. Таким образом, американские «вьетнамцы» оказались в положении «неудобных людей» для всех, кто их окружал, и вынуждены были «уйти в леса», – то есть замыкались в себе, становились алкоголиками и наркоманами, часто кончали жизнь самоубийством. По официальным данным, во время боевых действий во Вьетнаме погибло около шестидесяти тысяч американцев, а количество самоубийц из числа ветеранов войны еще в 1988 г. перевалило за сто тысяч²¹. Причем «вьетнамский синдром» развивался постепенно, время лишь обостряло его признаки и «трагический пик болезни наступал почему-то на восьмом году».

Каковы же основные признаки этой болезни? (А то, что это болезнь, уже не вызывает сомнения.) Это прежде всего неустойчивость психики, при которой даже самые незначительные потери, трудности толкают человека на самоубийство; особые виды агрессии; боязнь нападения сзади; вина за то, что остался жив; идентификация себя с убитыми. У большинства больных – резко негативное отношение к социальным институтам, к правительству. Днем и ночью тоска, боль, кошмары... По свидетельству американского психолога Джека Смита, – кстати, сам он тоже прошел войну во Вьетнаме, – «синдром, разрушающий личность “вьетнамца”, совершенно не знаком ветерану Второй мировой войны. Его возбуждают лишь те обстоятельства, которые характерны для войн на чужих территориях, подобных вьетнамской. Например: трудности с опознанием настоящего противника; война в гуще народа; необходимость сражаться в то время, как твоя страна, твои сверстники живут мирной жизнью; отчужденность при возвращении с непонятных фронтов; болезненное развенчание целей войны»²². То есть синдром привел к пониманию резкой разницы между справедливой и несправедливой войнами: первые вызывают лишь отсроченные реакции, связанные с длительным нервным и физическим напряжением, вторые помимо этого обостряют комплекс вины.

Директор Всеамериканской администрации ветеранов бывший психиатр армии во Вьетнаме Артур Бланк убежден, что и сегодня одна половина «вьетнамцев» считает эту войну нужным делом, а другая – ужасом. Но и те, и другие остро недовольны. Первые – тем, что проиграли, вторые – что влезли. «Думаю, – замечает доктор Бланк, – в той или иной форме это происходит и среди “афганцев”. Мы поэтому решительно разделяем понятие войны и ветеранов. Мы работаем на миссию выживания. Наши усилия – элемент лечения»²³.

Другой американский ветеран войны во Вьетнаме, магистр философии и теологии Уильям П. Мэхиди также подчеркивал общность военной трагедии «вьетнамцев» и «афганцев», утверждая, что «цинизм, нигилизм и утрата смысла жизни – столь же широко распространенное последствие войны, сколь и смерть, разрушения и увечья». Он перечисляет такие симптомы недуга, называемого теперь «посттравматический стрессовый синдром» или «отложенный стресс», как депрессия, гнев, злость, чувство вины, расстройство сна, омертвление души, навязчивые воспоминания, тенденции к самоубийству и убийству, отчуждение и многое другое. При этом к американским психиатрам далеко не сразу пришло понимание того, что это именно болезнь, вызванная тем, «что во время боев все чувства солдата подавляются ради того, чтобы выжить, но позже чувства эти выходят наружу и на них надо реагировать»²⁴. Теперь опыт ее лечения есть, но получен он дорогой ценой: Америка не сразу занялась проблемами своих ветеранов – и потеряла многих. «Мы хотим, чтобы вы избежали нашей трагедии», – от имени своих товарищей заявляет Мэхиди.

«Афганский синдром» имеет с «вьетнамским» и сходное происхождение, и сходные признаки. Однако начальный толчок к развитию «вьетнамского синдрома» был гораздо сильнее: афганская война в СССР была просто непопулярна, а вьетнамская вызывала в США массовые протесты. «Американское командование даже не рисковало отправлять солдат домой крупными партиями, а старалось делать это незаметно, поскольку “вьетнамцев”, в отличие от “афганцев”, не встречали на границе с цветами»²⁵. Но и «встреченные цветами» очень скоро натыкались на шипы. Их характер, взгляды, ценностные ориентации формировались в экстремальных условиях, они пережили то, с чем не сталкивалось большинство окружающих, и вернулись намного взрослее своих невоювавших сверстников. Они стали «другими» – чужими, непонятными, неудобными для общества, которое отгородилось от них циничной бюрократической фразой: «Я вас туда не посылал!». И тогда они тоже стали замыкаться в себе, «уходить в лес» или искать друг друга, спланиваться в группы, создавать свой собственный мир.

«Дома меня встретили настороженные взгляды, пустые вопросы, сочувствующие лица, – вспоминает «афганец» Владимир Бугров. – Короче, рухнул в пустоту, словно с разбега в незапертую дверь. Солдатская форма “афганка” легла в дальний угол шкафа вместе с медалями. Вот только воспоминания не хотели отправляться туда же. Я стал просыпаться от звенящей тишины – не хватало привычной стрельбы по ночам. Так началось мое возвращение на войну. На этой войне не было бомбежек и засад, убитых и раненых – она шла внутри меня. Каждую минуту я сравнивал “здесь” и “там”. Раздражало равнодушие окружавших меня “здесь” и вспоминалась последняя сигарета, которую пустили по кругу на восьмерых “там”. Я стал замкнут, не говорил об Афгане в кругу старых знакомых, постепенно от них отдаляясь. Наверное, это и есть “адреналиновая тоска”. И тогда я начал пить. В одиночку. Под хорошую закуску, чтобы утром не страдать от похмелья. Но каждый день.

И вот однажды я споткнулся о взгляд человека. Он просто стоял и курил. В кулак. Днем. Шагнул мне навстречу:

– Откуда?

– Шинданд, – ответил я.

– Хост, – сказал он.

Мы стояли и вспоминали годы, проведенные на войне. Я больше не был одинок.

На “гражданке” нас воспринимали по-разному: и как героев, и как подлецов по локоть в крови. Общания катастрофически не хватало, а встречаться хотелось со своими, кто понимал все без лишних слов»²⁶.

Сначала еще была надежда «привыкнуть», вписаться в обычную жизнь, хотя никто так остро не чувствовал свою «необычность», неприспособленность к ней, как сами «афганцы»:

*«Мы еще не вернулись,
хоть привыкли уже
находиться среди улиц
и среди этажей.
Отойдем, отопьемся,
бросьте бабий скулеж.
Мы теперь уж вернемся,
пусть другими – но все ж...» –*

написал старший лейтенант Михаил Михайлов, а затем добавил с изрядной долей сомнения:

*«Вы пока нас простите
за растрепанный вид.
Вы слегка подождите,
может быть, отболит...»²⁷*

Вот только отболит ли? Если даже Родина, пославшая солдат на «чужую» войну, стыдится не себя, а их, до конца исполнивших воинский долг...

Знакомый с десятками случаев самоубийств среди молодых ветеранов, «афганец» Виктор Носатов возмущается тем, что в то время как в Америке существует многолетний опыт «врачевания такой страшной болезни, как адаптация к мирной жизни», у нас в стране не спешат его перенимать: официальным структурам нет дела до участников вооруженных конфликтов и их наболевших проблем. А между тем, «вирус афганского синдрома живет в каждом из нас и в любой момент может проснуться, – с горечью пишет он, – и не говорите, что мы молоды, здоровы и прекрасны. Все мы, «афганцы», на протяжении всей своей жизни останемся заложниками афганской войны, но наши семьи не должны от этого страдать»²⁸.

По данным на ноябрь 1989 г., 3700 ветеранов афганской войны находились в тюрьмах, количество разводов и острых семейных конфликтов составляло в семьях «афганцев» 75%, более 2/3 ветеранов не были удовлетворены работой и часто меняли ее из-за возникающих конфликтов, 90% имели задолженность в вузах или плохую успеваемость по предметам, 60% страдали от алкоголизма и наркомании, наблюдались случаи самоубийств или попыток к ним²⁹. Причем со временем проблемы не смягчались. Так, по утверждению журналиста В.Бугрова, опирающегося на сведения созданного в 1998 г. Московского объединения организаций ветеранов локальных войн и военных конфликтов, в конце 1990-х гг. ежегодно до 3% «афганцев» кончали жизнь самоубийством³⁰.

Однако, как и в случае с «вьетнамским синдромом», пик «афганского» еще впереди. Пока болезнь загнана внутрь, в среду самих «афганцев». Складывается впечатление, что происходит скрытое противостояние, что общество, отвернувшись от проблем ветеранов войны, ставит их в такие условия, когда они вынуждены искать применение своим силам, энергии и весьма специфическому опыту там, где, как им кажется, они нужны, где их понимают и принимают такими, какие они есть: в «горячих точках», в силовых структурах, в мафиозных группировках. Должно быть, кому-то выгодно, чтобы они оказались именно там. Одним нужны «боевики», с чьей помощью можно прийти к власти (не случайно в октябре 1993-го «афганцев» активно пытались втянуть в политику и те, кто штурмовал Белый дом, и те, кто в нем забаррикадировался), другим – «пугало», на которое легко переложить ответственность за пролитую кровь, переключив внимание общественности с реальных виновников, развязавших очередную бойню. А сами «афганцы» идут на войну, потому что так и не сумели с нее «вернуться». И виноваты в этом не они, а общество, ясно показавшее, что ему на них наплевать. Так, еще в 1989 г. среди «афганцев» было широко распространено настроение, наиболее ярко выраженное в письме одного из них в «Комсомольскую правду»: «Знаете, если бы сейчас кинули по Союзу клич: “Добровольцы! Назад, в Афган!” – я бы ушел... Чем жить и видеть все это дерьмо, эти закрывшиеся рожи кабинетных крыс, эту людскую злобу и дикую ненависть ко всему, эти дубовые, никому не нужные лозунги, лучше туда! Там все проще»³¹. В тот период, по данным психологической службы Союза ветеранов Афганистана, около 50% (а по некоторым сведениям, до 70%) готовы были в любой момент вернуться в Афганистан³².

Сегодня и эти настроения, и приобретенные «афганцами» навыки есть где применить уже в самом бывшем Союзе – в многочисленных «горячих точках». Еще не прошедший «афганский синдром» успел дополниться карабахским, приднестровским, абхазским, таджикским и др. А теперь еще и чеченским, который, как считают специалисты, куда страшнее афганского³³.

Так, по имеющимся данным на 1995 год, до 12% бывших участников боевых действий в локальных вооруженных конфликтах последних лет хотели бы посвятить свою жизнь военной службе по контракту в любой воюющей армии. «У этих людей выработались свои извращенные взгляды на запрет убийства, грабеж, насилие, – отмечает руководитель Федерального научно-методического центра погра-

ничной психиатрии Ю.А.Александровский. – Они пополняют не только ряды воинов в разных странах мира, но и криминальные структуры»³⁴.

* * *

Итак, в ряду других последствий (экономических, политических, социальных), которые любая война имеет для общества, существуют не менее важные психологические последствия, когда воюющая армия пропускает через себя многомиллионные массы людей и после демобилизации выплескивает их обратно в гражданское общество, внося в него при этом все особенности милитаризованного сознания, оказывая тем самым существенное влияние на его (общества) дальнейшее развитие. «Психология комбатанта» получает широкое распространение, выходя за узкие рамки профессиональных военных структур, и сохраняет свое значение не только в первые послевоенные годы, когда роль фронтовиков в обществе особенно велика, но и на протяжении всей жизни военного поколения, хотя с течением времени это влияние постепенно ослабевает.

Для общества в целом психологический потенциал участников войны имеет противоречивое значение, соединяя две основных тенденции – созидательную и разрушительную, и то, какая из сторон этого потенциала – позитивная или негативная – окажется преобладающей в мирной жизни, зависит от состояния самого общества и его отношения к фронтовикам. Вся наша история – и современная ситуация в том числе – яркое тому подтверждение.

ЧАСТЬ II

**РОССИЙСКАЯ АРМИЯ
В ВОЙНАХ XX ВЕКА
ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ПОРТРЕТ**

Глава I

РЯДОВОЙ И КОМАНДНЫЙ СОСТАВ АРМИИ: ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИИ

Военная иерархия и социально-групповая психология

Восприятие окружающего мира индивидуально для каждого человека, в этом уникальность личности, неповторимость любого человеческого «я». Но существуют группы людей, которым свойственны те или иные общие черты психологии. Это специфика национальных, социальных и половозрастных категорий, которая имеет место в любых исторических условиях. Помимо влияния социально-демографических факторов, существуют внешние факторы, воздействующие на сознание многих людей, оказавшихся в сходных жизненных ситуациях, они также вырабатывают у них характерные особенности психологии. Во время войны главные различия такого рода имеются у тех, кто живет и работает в тылу, и тех, кто непосредственно воюет с врагом, то есть комбатантов. Среди последних, в свою очередь, можно выделить несколько значительных категорий с присущими им особенностями. Разный отпечаток на сознание накладывает жизнь на фронте (в армии, на флоте) и во вражеском окружении (в партизанском отряде, в подполье, в разведке). Влияние на психологические процессы воюющих людей оказывает ход и характер военных действий (отступление, оборона, наступление; успехи и поражения), а также само место ведения боев (на своей или чужой территории). При этом на разных фронтах в один и тот же момент может складываться разная боевая обстановка, и воздействие «местных» условий по своему значению ничуть не меньше, чем общих итогов военного положения всей армии на данный момент. Напротив, гораздо больше, так как солдат рискует жизнью на своем конкретном участке переднего края и степень этого риска мало зависит от того, что происходит на других. Хотя известие об успехах или неудачах одной из частей неизбежно влияет на моральный дух армии в целом, – разумеется, в зависимости от масштабов событий. Естественно, определенными особенностями отличается психология представителей различных родов войск, рядового и командного состава. Все это составные элементы *групповой военной психологии*.

Ставя перед собой задачу изучить психологию комбатантов, мы намеренно ограничиваемся рассмотрением психологии собственно фронтовиков, то есть тех, кто непосредственно принимал участие в вооруженной борьбе с врагом на переднем крае. Ведь «для окопника глубоким тылом считалось все, что находилось дальше медсанбата, а там жизнь текла совсем другая, «кому война, кому мать родна»¹, – отмечал ветеран Великой Отечественной, писатель-фронтовик В.Кондратьев. Психология людей из «второго эшелона» во все времена и войны была совершенно иной. Не случайно на фронте так не жаловали «штабных крыс», приписывая им все смертные грехи, часто вполне заслуженно, исходя из своих, «окопных» критериев нравственной оценки человека: «Пошел бы я с ним в разведку или нет». То высокое и не очень начальство, которое появлялось на передо-

ку или нет». То высокое и не очень начальство, которое появлялось на передовой только в часы затишья и старалось долго там не задерживаться, не могло рассчитывать на авторитет у людей, рисковавших жизнью постоянно, изо дня в день, и не считавших это чем-то особенным. Поэтому, говоря о различном восприятии войны и особенностях *психологии рядового и командного состава*, мы имеем в виду прежде всего фронтовых солдат и офицеров.

Но, подразделяя всю армейскую среду на различные социальные категории, часто находящиеся в весьма несходных обстоятельствах, следует прежде всего сказать о том общем, что объединяло русскую армию и отличало ее от всех прочих. Тому есть немало свидетельств и наблюдений из различных эпох, что наталкивает на вывод о существенном влиянии на армейскую психологию национального характера, российской социокультурной специфики.

Вот какую психологическую оценку русской армии дает в своих воспоминаниях полковник Первой мировой войны Г.Н.Чемоданов: «Армия всегда была отражением, точным слепком своего народа, часть которого она составляет... Заставьте петь армии западных народов. В них вы не услышите пения, а русская армия поет и пела и с горя, и с радости, в часы отдыха и во время самых тяжелых переходов. Она ищет развлечения, утешения и бодрости в пении, это ее особенность, особенность породившего ее народа: рабочий поет за станком, пахарь – за сохой, бурлак тянет свою унылую песню на Волге...»²

Другое интересное наблюдение мы находим в дневнике поэта-фронтовика Давида Самойлова, читая который, с одинаковой ясностью представляешь себе и солдата Первой мировой, и бойца Великой Отечественной, и воина-«афганца». Вот как описывает он «три главных состояния» русского солдата: «Первое. Без начальства. Тогда он брюзга и ругатель. Грозится и хвастает. Готов что-нибудь слямить и схватиться за грудки из-за пустяков. В этой раздражительности видно, что солдатское житье его тяготит. Второе. Солдат при начальстве. Смирен, косноязычен. Легко соглашается, легко поддается на обещания и посулы. Расцветает от похвалы и готов восхищаться даже строгостью начальства, перед которым за глаза куражится. В этих двух состояниях солдат не воспринимает патетики. Третье состояние – артельная работа или бой. Тут он – герой. Он умирает спокойно и сосредоточенно. Без рисовки. В беде он не оставит товарища. Он умирает деловито и мужественно, как привык делать артельное дело»³. В сущности, это собирательный образ народа-крестьянина на войне, образ солдатской массы в одинаковых серых шинелях, внутренне протестующей против этой «одинаковости», «обезлички» и, тем не менее, выступающей как единое целое, подчиняясь долгу и приказу. Такое обобщение ничуть не противоречит тому, что народный характер, то есть черты, сходные у многих, порожденные единством языка, культуры и судьбы, не являются чем-то застывшим и неизменным, но развиваются и изменяются постоянно вместе с изменением обстоятельств, потому что на деле «народ – это неисчерпаемое множество характеров»⁴. И все же главные черты «народного характера», его основа, сохранялась у армии и была узнаваема во всех войнах.

Вот на этом, общеармейском фоне только и можно рассматривать специфику конкретных социальных категорий, командного и рядового состава, которая, безусловно, очень значительна. «Конечно, точка зрения солдата на войну – одна точка зрения, командира полка – другая, даже на один и тот же бой. Потому что они ведь и смотрят на него с разных точек и имеют в нем, в этом бою, различные задачи, – писал К.Симонов. – Я говорю не о политической задаче – общей, нравственной, патриотической, – а о военной задаче в бою»⁵. Впрочем, наиболее существенные психологические различия обуславливались в первую очередь характером и степенью ответственности, возложенной на каждого в зависимости от служебного положения. Рядовой отвечает только за себя, выполняя приказы всех вышестоящих начальников. Его инициатива предельно ограничена рамками этих приказов.

Командир любого ранга несет ответственность не только за себя, но и за своих людей, званием и должностью ему дано право посылать их на смерть, и в этом самое трудное его испытание – испытание властью. Чем выше должность, тем большее число людей зависит от его воли, деловых и человеческих качеств. Но над каждым командиром есть другой командир, чья власть еще больше. И его инициатива тоже ограничена рамками приказов, хотя возможность ее проявить шире, чем у простого солдата. Случалось, что страх перед начальством оказывался сильнее, чем перед врагом. И самой отвратительной трусостью была не боязнь смерти, а боязнь доложить правду о сложившейся ситуации на позиции: за такой трусостью на войне всегда стоят чьи-то жизни⁶.

Что касается младшего командного состава (унтер-офицеров в дореволюционной армии, сержантов и старшин в советской), то по своему положению он мало отличался от рядовых. Являясь промежуточным звеном между ними и офицерами, психологически он был гораздо ближе к первым. Положение среднего и старшего звена командного состава армии, особенности его функций, безусловно, выделяли эту категорию по большинству психологических характеристик.

Говоря о том, насколько сложнее психические условия деятельности командиров по сравнению с рядовыми бойцами, русский военный психолог Н. Головин отмечает, что чем выше поднимаешься вверх по иерархической лестнице военного командования, тем сильнее уменьшается личная опасность и физическая усталость, но зато многократно увеличивается моральная ответственность, которая лежит на плечах начальника⁷. О том же свидетельствует в своей книге «Душа армии» и генерал П. Н. Краснов: «Чувство страха рядового бойца отличается от чувства страха начальника, руководящего боем. И страх начальника, лично руководящего в непосредственной близости от неприятеля боем, отличается от страха начальника, издали, часто вне сферы физической опасности управляющего боем. Разная у них и усталость. Если солдат ... устает до полного изнеможения физически, то начальник, ... не испытывая такой физической усталости, устает морально от страшного напряжения внимания»⁸.

Далее он подробно анализирует различия в переживаниях старших и младших начальников в армии. «У младших, там, впереди, эти переживания перебиваются явной телесной опасностью». Враг видим. Младший командир сам находится под огнем, под пулями, его обязанность – идти вперед самому и заставить идти вперед подчиненных, «победить или умереть». «Внизу, “на фронте” – душевные переживания притуплены усталостью тела, голодом, плохими ночлегами, непогодой, видом раненых и убитых. Человек работает в неполном сознании, часто не отдавая себе отчета в том, что он делает. Наверху, “в штабах” – известный комфорт домов, наблюдательных пунктов с блиндажами, налаженная жизнь, сытная, вовремя еда, постель и крыша, – но все это не только не ослабляет, но усиливает по сравнению с войсками душевные переживания начальника»⁹.

Что же это за переживания? Ведь «непосредственная опасность для жизни далеко», неприятеля не видно. Едва слышна, да и то не всегда, канонада – отдаленная «музыка боя», а в самом штабе – тишина, «суетливое перебирание бумаг». Но зато куда больше информации о характере и ходе боевых действий, иная, более высокая «точка обзора», понимание обстановки, ответственность за огромные массы людей, за ход операции в целом. «Снизу» докладывают о потерях, о гибели офицеров, о нехватке боеприпасов, об усталости войск, о невозможности продвигаться вперед. «Сверху» присылают приказы с требованием наступать во что бы то ни стало, часто сопровождая их напоминанием об ответственности и долге, упреками, угрозами и даже оскорблениями... «На душу грозной тяжестью ложится смерть многих людей, часто близких, дорогих, с которыми связан долгою совместною службою, которых полюбил. И та же душа трепещет за исход боя. Неудача, поражение, отход, крушение лягут тягчайшим позором на все прошлое, смоят

труды, старания и подвиги долгих лет. Драма старшего начальника с душой чуткой, не эгоистичною – необычайно глубока»¹⁰, – делает вывод П.Н.Краснов. И особо подчеркивает, что высокая должность в армии требует понимания «души строя», чтобы «сытый понял голодного», чтобы распоряжения и приказы войскам не требовали от них невозможного, делая поправку на человеческую усталость.

Давно и хорошо известно, что авторитет в войсках командира высокого ранга во многом зависит от личных посещений им фронта, от его способностей на глазах подчиненных переживать личный риск и личные лишения, что всегда поднимает дух войск, да и самого начальника. А «чем ближе начальник к войскам, тем больше он их понимает (потому что сам это переживал на маневрах и в боях), тем легче ему отличить действительно серьезное положение, угрожающее успеху, от так называемого “панического настроения”»¹¹.

Во все времена рядовые ценят командиров не только за их способность умело управлять войсками и одерживать победы, но и за способность хотя бы ненадолго войти в роль самих рядовых, «примерить» на себя опасность, переживаемую солдатами ежечасно, прочувствовать то, что чувствуют в бою они, и показать себя достойными их доверия, выраженного в готовности выполнить любой, даже смертельный приказ. В этой связи уместно привести слова героя русско-турецкой войны, обожаемого войсками за храбрость генерала М.Д.Скобелева. В беседе с одним из своих друзей он сказал: «Нет людей, которые не боялись бы смерти; а если тебе кто скажет, что не боится, плюнь тому в глаза: он лжет. И я точно так же не меньше других боюсь смерти. Но есть люди, кои имеют достаточно силы воли этого не показать, тогда как другие не могут удержаться и бегут пред страхом смерти. Я имею силу воли не показывать, что я боюсь; но зато внутренняя борьба страшная, и она ежеминутно отражается на сердце»¹². Такой командир, исходя из личного опыта, понимал чувства своих солдат, а солдаты понимали и любили его.

Те же психологические закономерности во взаимоотношениях армии и ее полководцев действовали и в русско-японскую, и в Первую мировую войну, и в вооруженных конфликтах советской эпохи. На фронтах Великой Отечественной солдаты уважали лишь тех генералов, которые, оказавшись на передовой, не кланялись пулям, не спешили в укрытие, доказав этим свое моральное право посылать на смерть других. И авторитет командующего 40-й армией Б.В.Громова, по свидетельствам ветеранов Афганистана, во многом был также основан на его личной храбрости. «У Громова была специфика такая, очень уважали его за это, – вспоминает гвардии майор П.А.Попов. – Он не был трусом. Все время 01-й, 02-й БТР, где бы ни было каких операций, он все время выезжал туда один. Фактически выезжал командующий армии, – и у него в прикрытии один БТР был!»¹³

Корпоративность офицерского корпуса. Судьба комсостава в межвоенный период

Следует отметить, что офицерская среда всегда отличалась определенной кастовостью, корпоративностью. В царской России подавляющее большинство офицеров принадлежало к высшему сословию – дворянству, потомственному либо личному, если не по происхождению, то за службу. Таким образом, само государство противопоставляло офицерство солдатской массе, утверждая его кастовость, придавая офицерскому корпусу сословный характер.

В 1906 г., отвечая на вопросы анкеты комиссии Генерального штаба о причинах неудач армии в русско-японской войне, участник обороны Порт-Артура подполковник Ф.В.Степанов отмечал, что война вскрыла оторванность офицерского состава от солдат, указала на необходимость знания психологии бойца, его морального духа для успешного ведения боевых действий. «Корпус офицеров, –

писал он, – мало знает ту силу, с которой механически (чисто формально) связан в мирное время и во главе которой офицеры должны идти в бой... В мирное время пропасть, разделяющая офицера от солдата, мало заметна, в военное же время ... отсутствие духовной связи резко обнаруживается. Эта язва ... имеет глубокие корни и культивируется постоянно...»¹⁴ По свидетельству другого участника опроса, полковника К.П.Линды, офицеры не знали «психологии подчиненных им бойцов, ... состояние духа войск не понимали и им не интересовались... В части войск видели только боевую единицу, “шахматную пешку”, а в солдате – слепое орудие, вовсе не считаясь с его сложной духовной конструкцией, не учитывая личности ни начальника, ни бойца»¹⁵. Не случайно эти мнения были учтены при проведении военных реформ в 1906-1912 гг., а военная психология после проигранной войны стала оформляться в особую отрасль науки. Но существование социальной и психологической дистанции между рядовыми и офицерством, а также особая психологическая среда внутри офицерской касты продолжали сохраняться.

Принадлежность к командному составу обуславливала и некоторые особенности военного быта (в обеспечении жильем, питанием, денежным довольствием), создавала особый круг внеслужебного общения, досуга. Так, в Первую мировую существовали полковые собрания, где в периоды затишья офицеры могли отдохнуть. Вот как описывает царившую в них атмосферу прапорщик А.Н.Жиглинский в письме к матери от 9 февраля 1916 г.: «Побывайте в собрании любого из полков, любой бригады! – Узкая, длинная землянка, стены обшиты досками и изукрашены национальными лентами, вензелями и гирляндами из елок. Душно, накурено. Офицерство попивает чай, играет в карты, в разные игры, вроде скачек, “триктрак” и т.д. Шахматы, шашки... В одном углу взрывы смеха – там молодой артиллерист тешит компанию сочными анекдотами. Веселый, тучный полковник с Георгием, прислушивается, крутит головой, улыбаясь, между ходом партнера и своим. Вот он же затягивает своим симпатичным, бархатным баритоном “Вниз по Волге-реке” и тотчас десяток-другой голосов подхватывает: “...выплывали стружки...” Поет и седой генерал, и молодой прапор... За длинным, самодельным, белым столом сидит не случайная компания, а милая, хорошая семья. Главное – дружная... Соединила всех не попойка, не общее горе, – всех соединил долг и общее дело...»¹⁶

Подобное общение в «своем» кругу, отражающее элементы корпоративности, существовало и в советское время. Исключением, нарушившим корпоративно-кастовую атмосферу командной среды, причем на сравнительно короткий период времени, стали первые послереволюционные годы, когда, начиная с Февральской революции, в армии были провозглашены демократические принципы. Была широко распространена митинговщина, отменялись многие традиционные элементы субординации (отдание чести, прежних форм обращения к старшему по званию и др.), что в конечном счете ускорило разложение старой армии. А после Октября этот процесс завершила выборность командиров и их подчиненность солдатским комитетам (согласно Декрету СНК от 16 (29) декабря 1917 г.).

Октябрьская революция усилила размывание основных социальных барьеров, в том числе и в армейской среде. Были упразднены не только сословия, но и офицерские чины и звания, отменялось ношение погон, орденов и знаков отличия. Армия состояла теперь «из свободных и равных друг другу граждан, носящих почетное звание солдат революционной армии»¹⁷, в которой особо ценилось происхождение из социальных «низов». Командные кадры из числа старого офицерства («военспецы»), рекрутировавшиеся Советской властью для организации Красной Армии, ставились под жесткий контроль комиссаров и «пролетарской массы». Другая значительная часть красных командиров происходила из рабочих и крестьян, то есть из той же социальной среды, что и их подчиненные. «Демократизм» отношений в революционной армии подчеркивался даже формой обраще-

ния «товарищ». В старой армии действовал незыблемый принцип: «Офицер никогда не товарищ солдату, но всегда его начальник... Он может быть *братом* солдату... Он должен, как *отец*, заботиться о подчиненном, ... но он никогда не может и не должен становиться с ним в панибратские отношения»¹⁸. Напротив, в Красной Армии считалось, что командир является товарищем бойцу вне службы, и в отношениях между ними было широко распространено не только равенство, но и панибратство, что негативно отражалось на руководстве войсками, сказывалось на общем состоянии дисциплины.

Однако очень скоро корпоративность командного состава стала восстанавливаться, хотя и на существенно иной основе, нежели до революции. Речь, конечно, уже не шла о сословности. Однако из самой сущности армии как социального института, организованного по жесткому иерархическому принципу, и из характера профессиональной деятельности командного состава неизбежно вытекало объективное неравенство военных начальников и их подчиненных. «Панибратство» довольно скоро было вытеснено относительно строгой субординацией, хотя сохранялись и основные внешние атрибуты равенства: обращение «товарищ», демократизированная форма без погон, и т.п. Но окончательное возрождение офицерской корпоративности произошло в период Великой Отечественной войны, причем этот процесс активно стимулировался «сверху», и логичным его завершением стало возвращение целого ряда элементов старой воинской атрибутики.

Определенная привилегированность в положении командного состава имела и свою обратную сторону. Так, боевые потери среди офицеров (пропорционально численности) всегда были выше, чем среди рядового состава. И хотя с началом XX века, в связи с изменением способов ведения войны (использованием пулеметов, увеличением роли артиллерии, позиционным характером боевых действий), степень «личностного» соприкосновения враждующих сторон уменьшилась по сравнению с войнами прошлых столетий, риск смерти для офицера все равно был больше и офицерские потери оставались выше солдатских. Так, в русско-японскую войну общие потери убитыми, ранеными и пропавшими без вести среди солдат составили 20%, а среди офицеров – 30%. Всего было убито 1300 офицеров и 36 тыс. нижних чинов, ранено – 4 тыс. офицеров и 119 тыс. нижних чинов. Особенно велика была разница в числе убитых: на каждую тысячу офицеров их было более 78 чел., а на каждую тысячу солдат – более 45 чел.¹⁹. В годы Первой мировой войны эти цифры увеличились соответственно до 82,9 чел. на 1000 среди офицерского состава и до 59,5 чел. – среди рядового²⁰.

Следует отметить, что в подсчетах потерь в Первую мировую войну существуют значительные расхождения в цифрах, хотя соотношение потерь рядового и командного состава по разным источникам остается достаточно близким. Обычно приводятся цифры общих потерь офицерского состава от 71,3 до 73 тыс. чел., из них безвозвратных – от 30,5 до 32 тыс.²¹ По другим данным, общие потери офицерского состава в Первую мировую войну (включая административно-хозяйственный персонал войск, медиков, чиновников, священнослужителей и др.) составили около 131 тыс. человек, из них безвозвратные – около 36,5 тыс.²² К концу войны в пехоте оставалось по 1-2 кадровых офицера на полк. Причем, из всех офицерских потерь более половины приходилось на прапорщиков, а потери всех младших офицеров, включая прапорщиков, подпоручиков и поручиков, составили почти 4/5 от общих потерь офицерского корпуса²³.

Мировая война фактически уничтожила довоенный офицерский корпус, на смену которому пришли выпускники ускоренных курсов военных училищ и специально открытых школ прапорщиков, образованные разночинцы, произведенные в офицерский чин за боевые отличия унтер-офицеры и солдаты. К октябрю 1917 г. из 250-тысячного офицерского корпуса 220 тыс. составляли офицеры собственно военного времени, причем это пополнение было в 4,5 раза больше, чем число кад-

ровых офицеров накануне войны²⁴. И это была уже совсем другая армия, с другой психологией. По словам современников, офицеры, вступившие в войну, были весьма далеки от политики, читали преимущественно специальную литературу, военные журналы и газеты, и потому революционные настроения, «зловещие крики “буревестников” их мало коснулись», но «когда кадровые офицеры и солдаты были в большинстве выбиты или ранены покинули армию, традиции частей стали исчезать, в армию вошли новые люди, – армия стала все больше приобретать психологию толпы и заражаться теми идеями, которые владели обществом»²⁵.

Безусловно, состояние офицерского корпуса, его объективные социальные параметры, социальное происхождение и положение, уровень образования и культуры, индивидуальный жизненный путь и среда воспитания, а также вытекающие из них мировоззрение, психология и связанные с ситуацией умонастроения, – все это в значительной, а во многом и в решающей степени предопределило и состояние всей армии к началу 1917 г., и исход Первой мировой войны для России, и, в конечном счете, нестабильность в обществе и судьбу страны. Так, общеобразовательный ценз офицеров военного времени оказался весьма невысок, в целом выше 50% не имели даже общего среднего образования. По социальному происхождению основная их масса принадлежала теперь к мелкой и средней буржуазии, интеллигенции и служащим, то есть демократическим слоям русского общества, тогда как накануне войны около половины офицерского корпуса составляли потомственные дворяне (как по происхождению, так и за службу, при производстве в чин полковника), а среди остальных, особенно в чине от подпоручика до подполковника, значительный процент принадлежал к категории личного дворянства²⁶. В этой связи следует особо подчеркнуть, что к осени 1917 г. 80% прапорщиков происходили из крестьян и только 4% – из дворян. Таким образом, русский офицерский корпус за годы войны претерпел весьма серьезные изменения как по своему социальному составу, так и по политическим взглядам, которые значительно «полевели». Это проявилось прежде всего в том, что из 250 тыс. офицеров против Октябрьской революции с оружием в руках сразу же выступили лишь около 5,5 тыс. чел., т.е. менее 3%²⁷.

В первые годы Советской власти в России, как и в любой стране, пережившей революцию, произошла радикальная смена командного состава армии, также во многом прервались старые офицерские традиции, рассматривавшиеся как проявления старого дореволюционного враждебного мира, как традиции «классового врага». Офицерский корпус являлся не только костяком белогвардейских армий в Гражданской войне, но и главным объектом революционного красного террора. Однако, ситуация была гораздо сложнее. Ведь и командные кадры Красной Армии, помимо революционных выдвиженцев, во многом (по подсчетам А.Г.Кавтарадзе, на 56%)²⁸ также состояли из бывших офицеров царской армии, прошедших Первую мировую. В подавляющем большинстве это были «военные специалисты», мобилизованные новой властью в Красную Армию. Именно их знания, боевой опыт, способности стали решающим фактором создания Красной Армии и ее победы на фронтах Гражданской войны. Общая численность военных специалистов на службе в Красной Армии в 1918-1920 гг. доходила до 75 тыс. человек, из них основную массу (свыше 65 тыс.) составляли бывшие офицеры военного времени. К концу Гражданской войны количество военных специалистов составляло до 30% от всего офицерского корпуса старой армии. В это же время в «белых» армиях служило около 100 тыс. офицеров, или 40% старого офицерского корпуса. (Кстати, среди офицеров и генералов, служивших Советской власти, оказались не только 8 тыс. добровольцев и 48,4 тыс. мобилизованных, но и 12 тыс. бывших белых офицеров, которые были захвачены в плен и привлечены на службу в Красную Армию или перешли на ее сторону сами)²⁹.

Не следует сбрасывать со счетов и тот факт, что значительная часть крупнейших военачальников Красной Армии также вышла из рядов офицерства, как правило, среднего или даже младшего. Что касается собственно военных специалистов, то их личные политические взгляды (служба «за страх» или «за совесть») в условиях Гражданской войны не имели принципиального значения, так как все они были поставлены под жесткий контроль революционных комиссаров. Вместе с тем, значительная часть военспецов стала основой формирования кадровой Красной Армии уже в период после Гражданской войны.

Судьба советского командного корпуса в 1920-е – 1930-е годы была очень сложной. Происходила не только постепенная замена кадров, унаследованных с дореволюционных времен или сформировавшихся в ходе Гражданской войны. Происходило также истребление этих кадров, причем не только в известный период массовых репрессий в армии в 1937-1938 гг., но и на протяжении двух межвоенных десятилетий. К концу 1920-х – началу 1930-х гг. в несколько волн (как их называли, «офицерских призывов») были расстреляны несколько десятков тысяч бывших офицеров, в том числе и «военных специалистов». Сотни, пользовавшиеся доверием властей, дожили до конца 1930-х, но после очередных чисток от них остались десятки³⁰. Эта репрессивная политика не могла не сказаться на качестве командного состава, в котором не только были радикально истреблены носители старых офицерских традиций, аккумулирующих достижения русской военной мысли и культуры, но и не успевали устояться, «укорениться» новые, наработывавшиеся навыки, опыт, традиции новой, постреволюционной армии.

Конечно, самый мощный, сокрушительный удар по командному составу Красной Армии был нанесен в конце 1930-х годов, в ходе неоднократных массовых «чисток». Так, из общего числа 733 высших командиров и политработников (начиная с комбрига и бригадного комиссара и до Маршала Советского Союза) было репрессировано 579 и осталось в армии только 154 чел. По другим данным, с мая 1937 г. по сентябрь 1938 г. подверглись репрессиям около половины командиров полков, почти все командиры дивизий и бригад, все командиры корпусов и командующие войсками военных округов, большинство политработников корпусов, дивизий и бригад, около трети комиссаров полков³¹. Всего же менее чем за полтора года было репрессировано около 40 тыс. командиров Красной Армии и Военно-Морского флота³². Продолжались репрессии и в самый канун войны, в 1940-1941 гг., особенно сильно ударив по Военно-Воздушным Силам. К 1941 г. только в сухопутных войсках не хватало по штатам 66900 командиров, а в летно-техническом составе ВВС комплект достиг 32,3%³³. Вместе с тем, столь большая нехватка командных кадров объясняется также процессом ускоренного формирования новых частей и соединений.

Темп ротации высшего, среднего и даже младшего офицерского состава Красной Армии незадолго до Второй мировой войны оказался настолько высоким, что его можно считать катастрофическим, поскольку вновь назначаемые кадры не имели ни соответствующих знаний, ни опыта. Был нарушен веками складывавшийся принцип постепенности в военной карьере, позволявший назначать на соответствующую должность людей, уже прошедших боевую выучку. В результате к началу Великой Отечественной войны только 7% командиров имели высшее военное образование, а 37% не прошли полного курса обучения даже в средних военно-учебных заведениях³⁴. Массовые репрессии наряду с форсированным развертыванием вооруженных сил резко понизили уровень профессионализма и компетентности новых командных кадров, что сказалось уже в ходе «зимней» советско-финляндской войны.

Но, безусловно, в наибольшей степени катастрофические последствия массовых репрессий в армейской среде проявились в начале Великой Отечественной. Положение особенно усугублялось тем, что большинство репрессированных вое-

начальников хорошо знали немецкую военную организацию и военное искусство, а заменившие их кадры такими знаниями не обладали. А будущий противник хорошо видел слабые места Красной Армии. Так, в мае 1941 г. начальник генерального штаба сухопутных сил Германии генерал Ф. Гальдер записал в своем дневнике: «Русский офицерский корпус исключительно плох. Он производит худшее впечатление, чем в 1933 г. России потребуется 20 лет, пока она достигнет прежней высоты»³⁵. Разрыв традиций, опыта, преемственности в подготовке и воспитании кадров был оплачен потерей управляемости многих дивизий и целых армий в начале военных действий фашистской Германии против СССР, несколькими миллионами пленных и погибших в одном только 1941 году.

Следует отметить, что и командиры, пополнившие кадровый состав Красной Армии перед войной, в большинстве своем были «выбиты» уже в начале войны. И советский офицерский корпус фактически был воссоздан уже в ходе самой Великой Отечественной. Так, к 1945 г. в Советской Армии командовали полками 126 офицеров, начавших войну рядовыми и сержантами³⁶. Новый боевой опыт, наработка навыков военной культуры, традиций в итоге были оплачены непомерной кровью рядовых и офицерских кадров и гражданского населения.

Взаимоотношения рядового и командного состава в боевой обстановке

Говоря о весьма противоречивом в психологическом плане межвоенном периоде, следует подробнее остановиться на сформировавшемся в народном сознании образе русского офицера. В 20-30-е годы он был однозначно негативным, сложившимся под влиянием коммунистической пропаганды, и оказался прочно связан с оскорбительными кличками «контра», «золотопогонник», «белогвардеец», «офицерье». В стране закрывались военные музеи, уничтожались воинские кладбища и памятники русским полководцам. В литературе и фильмах тех лет офицеры представлялись карикатурными злодеями и идиотами – в противоположность лихим красным комиссарам Гражданской войны.

Только с началом Великой Отечественной положение стало меняться, но «потребовались еще поражения 1941-1942 гг., чтобы окончательно осознать необходимость обращения к хотя бы внешним атрибутам русских воинских традиций»³⁷. Эти внешние атрибуты (в первую очередь, возвращение золотых погон вместе с самим словом «офицер», которое официально не употреблялось до 1943 г.) копировались сознательно и последовательно, одновременно провозглашался и принцип наследования традиций, появилось словосочетание «традиции русского офицерства», а состав советских войск был объявлен носителем лучших из них. Под «традициями» понималось образцовое исполнение воинского долга, проявление мужества и героизма, то есть то, что должно быть свойственно военнослужащему любой армии. В остальном же, по мнению военного историка С.В. Волкова, «едва ли можно было говорить о какой-то реальной преемственности между русским офицерством и советским комсоставом, в течение многих лет воспитывавшимся во вражде к нему», особенно если вспомнить «полярную разницу в самоощущении, идеологии, социально-психологическом типе, месте и роли в гражданском обществе и т.д.»³⁸

И все же в период Великой Отечественной войны принадлежность к офицерскому составу не только давала некоторые бытовые преимущества, но, что гораздо важнее, формировала у людей особый психологический склад. И возрождение ряда традиций, заимствованных у старого офицерского корпуса, безжалостно истребленного во время революции, Гражданской войны и массовых репрессий, не

было пустой декларацией. В первую очередь, это отражало изменения в политике государства по отношению к армии: «признание, хоть и негласное, у народа – защитника Отечества – определенных прав; создание кадровой армии (гвардия – как в старые времена, офицерский устав, столовая, клуб, укрепление вообще статуса офицерского состава); ликвидация «двуначалия» – института военных комиссаров»³⁹, и как итог, отражающий качественные перемены войска, – введение формы с погонами, встреченное «с интересом и удовольствием»⁴⁰. Многие советские офицеры действительно почувствовали себя наследниками и продолжателями славных побед русского оружия. Ведь возвращение прежней воинской атрибутики совпало с переломом в ходе войны и начавшимся наступлением Советской Армии.

Но было в укреплении офицерского статуса и то, что вольно или невольно способствовало «отчуждению» от рядового состава, формировало идею «касты». «Еще на фронте мы недоуменно рассуждали об офицерских дополнительных пайках, – вспоминает В.Кардин. – Почему младший лейтенант получает на банку консервов, на кусок масла, на пакетик сахара или табака больше, чем рядовой? Они вместе живут, вместе идут на смерть и ложатся в братские могилы. Но одному положено столько-то калорий, другому – поменьше. После того, как наша армия перешла государственную границу, приказом разрешили посылки на родину. (Содействовал ли вообще этот приказ моральному здоровью войска?) Но и здесь офицеру дали преимущество. Он мог отправлять больше посылок, чем рядовой или сержант. А ведь семьям рядовых и сержантов приходилось особенно туго – они не получали денег по аттестату»⁴¹.

Впрочем, на фронте были свои, особые законы, вносившие существенные поправки в отношения людей, независимо от их воинского звания. Без крепкой фронтовой спайки выжить было просто невозможно. И вот какое наблюдение сделал В.Кондратьев по вопросу о тех же офицерских привилегиях: «Все, наверное, знают, что на фронте офицерам выдавался так называемый доппайк – легкий табак или папиросы вместо махры, галеты и немного сливочного масла, в общем-то ерунда. Но вот те командиры, которые делились с солдатами своим доппайком, держались на передке дольше и убивало их реже. Чем объяснить, не знаю, но факт такой имел место»⁴². Видимо, играл свою роль и чисто психологический момент: офицер, пользовавшийся любовью и уважением солдат, чувствовал себя в бою увереннее и надежнее, а на фронте это обстоятельство немаловажное. «Дурные предчувствия» на войне имели несчастье сбываться не только потому, что в экстремальных обстоятельствах обострялась человеческая интуиция, но прежде всего потому, что они являлись отражением усталости и определенного психологического настроя, когда постоянное физическое и нервное напряжение переходит допустимый барьер и превращается в свою противоположность – чувство апатии и безразличия к собственной судьбе, и как следствие этого – ослабление внимания и самоконтроля, замедление реакции организма на опасность, что значительно уменьшает возможности ее избежать. В то же время любой фактор, повышающий настроение людей, способствовал, в свою очередь, и их «сопротивляемости» в бою, активизации резервных сил организма в целях самозащиты, формирования внутреннего убеждения в том, что «меня не убьют». В этом смысле взаимное доверие командира и подчиненного являлось именно таким фактором. «Отношения между собой у фронтовых солдат, как правило, были дружеские, – вспоминал Д.Самойлов. – Средние офицеры редко обижали и унижали рядовых. Вспоминая тыловые запасные полки, солдаты охотно ругали тамошнее начальство, считая, что вся сволочь окопалась в тылу и по собственной злой воле, да еще и стараясь особо выслужиться, заедает солдатскую жизнь драконовскими строгостями и бессмысленными трудами... Наши командиры проявляли о нас заботу, были просты в обращении, ничего не заставляли делать зря, да и жили примерно так, как жили мы, одинаково разделяя с нами все опасности и превратности фронтовой жизни.

Но на фронте не специально подбирались добрые, заботливые, смысленные и смелые командиры – на фронте была необходимость смелой и взаимной выручки, справедливости и заботы. Командиру, не обладающему подобными качествами, не поверят в бою, а не то еще похуже – оставят раненого на поле боя или помогут отправиться на тот свет. Но, конечно, не расчет подобного рода формировал среднего фронтового командира. Вся обстановка опасности, смерти, единения, ответственности, долга, вся непосредственность и жизненность этих категорий, абстрактных в иное время и в иных обстоятельствах, определяли поведение большинства фронтовых офицеров»⁴³.

Еще одно интересное наблюдение, может быть, не совсем бесспорное. Средние командиры, пришедшие из запаса, – инженеры, учителя и люди других интеллигентных профессий, больше жалели солдат, чем кадровые командиры, «быстрее и квалифицированнее оценивали обстановку и принимали более верные решения», пользовались особым уважением солдат⁴⁴. Впрочем, следует учитывать, что кадровые военные приняли на себя первый удар в начале войны, большинство их погибло еще в 1941 г., а на смену им пришли как раз командиры запаса, люди, по своему сознанию и основному роду занятий, глубоко гражданские, но именно они довели войну до победного конца. Да еще мальчишки-лейтенанты, вчерашние курсанты ускоренного военного выпуска. Это они заслужили в народе ласковое прозвище «Ваня-взводный». Это среди них, самой многочисленной и близкой к солдатской массе категории офицеров, были и самые большие потери. Если за Великую Отечественную среди командиров Советской Армии безвозвратные потери составили более 1 млн. человек или 35% общего числа офицеров, состоявших на службе в Вооруженных Силах в период войны, то более 800 тыс. из них приходилось на младших лейтенантов, лейтенантов и старших лейтенантов⁴⁵. «Младшие офицеры войны ... испытали войну на своей шкуре, в одном окопе с рядовыми, – вспоминает бывший лейтенант Т.Жданович. – В этом вся тяжесть: ты и рядовой, ты и как командир рядовых подними, да и сам в бой. И сам не дрогни, и других сдержи...»⁴⁶

Психологически особенно трудно командовать людьми было именно молодым офицерам, они должны были прежде всего завоевать у солдат авторитет, подтверждающий их право (не уставное, но моральное) распоряжаться чужими жизнями, несмотря на собственную молодость. А авторитет в бою можно было завоевать только личным примером, подвергая свою жизнь той же степени риска, которую собираешься требовать от других. Иногда это принимало форму демонстративной, «на показ» храбрости, граничившей с безрассудством, но бывали ситуации, когда без этого невозможно обойтись. Впоследствии приобретенный таким образом авторитет служил юному офицеру надежной гарантией, что его возраст больше не будет восприниматься как недостаток, особенно по мере того, как неопытность новичка уступает место его зрелости как командира. Но это становление и «взросление» вчерашних школьников, попавших на войну в непривычном качестве человека, наделенного властью, давалось им нелегко. «Не по возрасту тяжкая и страшная ответственность легла на их плечи, – говорит писатель-фронтовик Григорий Бакланов. – И вот им, восемнадцати-девятнадцатилетним, нередко приходилось вести в бой людей, которые были вдвое старше их, и строго требовать, и даже посылать на смерть. А это для молодых и совестливых гораздо трудней, чем самому пойти»⁴⁷. У многих солдат, оказавшихся под началом безусых лейтенантов, были уже взрослые дети, ровесники их командира, и характер взаимоотношений между такими бойцами и командирами был особенно сложен, причудливо сочетая солдатское повиновение и отцовскую заботу и снисходительность у одних, подчеркнутую суровость и уважение к чужому жизненному опыту – у других. Для офицеров постарше эта проблема была не такой острой: собственный опыт уравнивал их с подчиненными, лишая, таким образом, ситуацию психологической двойственности.

В этом смысле Афганская война 1979-1989 гг. имела особую специфику. Ведь в ней, в отличие от Первой мировой и Великой Отечественной, участвовала только регулярная армия – солдаты срочной службы и кадровые офицеры, в большинстве своем очень молодые люди с присущей этому возрасту психологией. И 18-20-тилетними солдатами командовали такие же юные лейтенанты-взводные, всего на год-два постарше, их ротные командиры были в возрасте от 23 до 25 лет, а комбаты – тридцатилетними. В сущности, большинство – совсем еще мальчишки, без опыта и житейской мудрости. И становление их личности пришлось именно на этот период армейской службы. «Мне проще было, – рассказывал разведчик-десантник майор С.Н.Токарев, – потому что у нас солдаты двадцатилетние, и нам по двадцати одному – по двадцать два года, все ротные-взводные были, лейтенанты все. И здесь, кроме того, что возрастной барьер маленький, мы всегда рядом с ними были, и жили рядом с солдатами. С бедами со своими они всегда [к нам] приходили. Ели из одной миски, одна ложка была. На операции – так вообще все вместе. Мы чаще по имени называли солдат, а они по званию: «Товарищ лейтенант, товарищ лейтенант». То есть панибратства не было, но взаимное уважение такое, что до сих пор и переписываемся, и знаем, где кто находится из солдат. Ну, и сейчас уже говорить нельзя о возрастном барьере: два-три года, что это за разница...»⁴⁸

Характерно, что и методы воспитания личного состава в Афганистане сильно отличались от тех, которые практиковались в мирных условиях. Так, самым суровым наказанием считалось, когда кого-то не брали на боевую операцию. «...Если ротный скажет: “Солдат, ты не мужчина. Тебе один невыезд или один невылет”, – это было самое страшное наказание. Солдат готов плакать, говорит: “Лучше на губу [*зауптвахту* – Е.С.] посадите. Лучше избежите меня, лучше ударьте! Все, что угодно, только не это!”»⁴⁹ То есть особое психологическое воздействие имело временное вычеркивание провинившегося из сложившейся в боевом подразделении своеобразной корпоративности. И чтобы не оказаться в такого рода изоляции солдаты сами старались выполнять свои обязанности как следует, невзирая на все трудности и тяжелые физические нагрузки. «У меня был один знакомый пулеметчик из разведроты, – вспоминает майор В.А.Сокирко. – Он всегда ходил последним, в замыкании, на всех операциях, и прикрывал роту с тыла с пулеметом. И вот когда мы с ним разговаривали, он говорит: “Первый раз, когда пошел на боевые, было так тяжело, что казалось – сейчас дух вон вылетит. Но мысль о том, что если я сейчас спасую, если покажу, что я ослаб, меня в следующий раз не возьмут на боевые, этого я, – говорит, – не мог перенести, поэтому до конца ташил и пулемет, и весь тот груз, который на меня взвалили”»⁵⁰.

Одной из острых проблем современной российской армии является так называемая «дедовщина», то есть неуставные взаимоотношения между солдатами срочной службы старшего и младшего призывов. Существовала она и в Афганистане, но преимущественно в пунктах постоянной дислокации, в гарнизонах, когда люди не ходили на боевые операции. «На выездах» все понимали, где находятся: там и взаимовыручка, и дисциплина были на высоте. Но когда подолгу оставались на базе, – «там, конечно, мирная жизнь несколько посложнее была и похожа больше на внутренние округа»⁵¹. В этот период нагрузка на «молодых» оказывалась сильнее, их чаще ставили в наряд, отправляли на более тяжелые работы. Но на операциях ситуация менялась: основную, самую сложную задачу выполняли более опытные «старослужащие» солдаты, причем нередко они принимали на себя дополнительную нагрузку, помогая выбившимся из сил молодым, а в минуту опасности часто прикрывали собой, заталкивая их в укрытие⁵².

Интересно, как оценивают такое положение сами солдаты срочной службы. «Между рядовым и младшим комсоставом деление было не по знакам отличия, а по периодам службы. Рядовой “дедушка” мог “молодого” сержанта из учебки

запросто гонять», – рассказывал младший сержант Е.В.Горбунов. По его словам, нормальные приятельские отношения были в основном у ребят из одного призыва. «К старшим мы не совались, а до младших не снисходили. Дедовщина была умеренная, зверств не было. Я сначала думал, что [неуставные] – это плохо. А потом уже понял, что иначе там было нельзя. Люди с “гражданки” приходят все разные, со своими заскоками, амбициями. Особенно из крупных городов – с ними вообще никакого засаду. Ну, и пока молодняк подготовишь к боевым, – приходилось дрессировать»⁵³.

Что касается взаимоотношений между солдатами и офицерами, то, по мнению рядовых, все зависело от тех условий, в которых находилось конкретное воинское подразделение. Там, где часть была большая, отношения были «обычные, деловые, как между начальником и подчиненным», в данном случае «иначе и быть не могло». «А там, где один взвод стоит в боевом охранении, а кругом на сотни верст – никого, из всего начальства один взводный, были, конечно, другие отношения, более теплые. Встречались и отцы-командиры...»⁵⁴

Говоря о психологии командного состава советского «ограниченного контингента», нельзя не отметить особенности комплектования офицерских кадров для прохождения службы в Афганистане на разных этапах войны. 40-я армия входила в состав Туркестанского военного округа. Изначально, то есть сразу после ввода войск в конце декабря 1979 г., она формировалась «естественным путем», на основе направленных туда дивизий из Термеза, Кушки и Германии, а также отдельных батальонов, полков и бригад, то есть частей, которые входили там в состав округов. Но потом, по прошествии полутора-двух лет, когда начался процесс замены кадров, ситуация в корне изменилась. С одной стороны, существовала общая установка, согласно которой как можно больше офицеров Советской Армии должны были какое-то время пройти службу в «особых» условиях – для приобретения боевого опыта. Кого-то отправляли в служебную командировку на месяц-другой, кого-то на более длительный срок. Отказаться было невозможно – сразу партбилет на стол и увольнение из армии. Но здесь вступал в силу реальный механизм служебных и человеческих взаимоотношений в армейских частях, который оказался весьма мощным регулятором отбора кадров для службы в составе ОКСВ.

Так, по признанию подполковника В.А.Бадикова, при известии о вводе войск в Афганистан он, «видимо, как каждый из молодых, патристически настроенных офицеров», сразу же написал рапорт об отправке туда, причем делал это неоднократно, но ему долго отказывали, поскольку «в то время ходила такая практика: если человек имеет определенные недостатки и к нему предъявляются серьезные претензии, то от него старались любыми путями избавиться, в том числе и отправив его для ведения операций на ту сторону. Ну, а тех, кто, как говорится, тащил на себе воз служебной деятельности, – их держали у себя. То есть хороший начальник никогда не отпустит хорошего подчиненного, которому он доверяет... А вот пьяницу, дебошира, неумеху, у которого постоянные ЧП, которого увольнять надо, – того пошлет. Выбирай, мол, – либо увольнение (а если откажется интернациональный долг выполнять, – его в 24 часа из армии уволят), либо иди служить в Афганистан. Он и идет. И там они все героями становились! В экстремальных ситуациях те качества, которые им здесь на службе только мешали, там-то как раз и пригодились. “К службе в мирное время непригоден, а в военное – незаменим...” А возвращаются обратно в Союз – опять у них ЧП за ЧП. А попробуй теперь уволить, – он “афганец”, герой! Либо по второму разу в Афган посылай, либо придумывай здесь специальную должность, – что-то вроде “свадебного генерала”, чтобы сидел в президиуме на торжественных собраниях»⁵⁵.

Другой офицер-«афганец», гвардии подполковник В.Д.Баженов оказался в составе «ограниченного контингента» 20-летним лейтенантом, в самом начале войны, «а потому – добровольно, так и в документах писали». В числе первых, в 1982

г. заменился по сроку («два года офицеру положено было») и продолжал служить в Союзе, где имел возможность наблюдать дальнейший процесс, то есть «какой контингент офицеров поставлялся туда для замены». «Я не хочу никого обидеть, – говорит он, – потому что многие добровольно туда ехали, но ведь и такая вот вещь была: допустим, надо, – разрядка пришла, – на замену столько-то офицеров. Кого отправляют? “Передовиков” в кавычках... Что-то здесь не так, что-то у него не получается, или негоден начальству: раз – свободен, туда. То есть офицеры-воспитатели, отцы-командиры какие туда потом пошли, вы понимаете? Вот в чем вопрос...»⁵⁶

Но сама обстановка и условия войны вносили в эту своеобразную «кадровую политику» свои коррективы, изменяя, порой весьма существенно, и отношение людей к службе, и их характер. «Пришел по замене новый командир батареи, отсюда, из Союза, – вспоминает гвардии прапорщик С.В.Фигуркин, проходивший службу в Афганистане в 1981-1982 гг. рядовым и младшим сержантом. – И вот где-то в течение буквально трех недель на наших глазах, на глазах солдат, произошло превращение офицера, который служил в парадном десантном полку, в Каунасском, так называемом “отмазном”, в офицера, который будет служить в Афганистане. Вот первоначальное его отношение к солдатам, в первый день, во второй, в третий... А потом куда это все делось, вся его напыщенность?.. И он стал человеком в конце концов – по отношению к солдатам»⁵⁷.

Эти отношения между командирами и рядовыми строились во многом иначе, чем на армейской службе в мирных условиях, на территории СССР. В боевой обстановке «до каждого последнего солдата, до каждого рядового доходило, что он тоже за что-то отвечает». И отношение офицеров к солдатам было основано «не только на приказе, но и на доверии»⁵⁸. Каждый делал то, что ему положено. И если подчиненный со всей ответственностью выполнял свои служебные обязанности, то и командир обычно шел ему навстречу, не отказывал в какой-нибудь личной просьбе. Основа этих отношений была менее формальной и более человеческой, потому что от них, в конечном счете, зависел не только успех какой-либо операции, но и сама жизнь. «Пуля, ей все равно, кто ты – полковник или рядовой. Если бы ты был трусом, если бы ты плохо относился к солдатам, к тем людям, с которыми ты выполнял боевые задачи, – ты мог просто-напросто не вернуться оттуда. Все строилось на чисто человеческом отношении. Приказные нотки или личный деспотизм, он там был просто неприемлем. Потому что фактически все были равны. Ну, естественно, ты отвечал за них, на тебе был груз ответственности, потому что ты отвечал за их жизни»⁵⁹, – вспоминает о взаимоотношениях солдат и офицеров в Афганистане майор П.А.Попов.

Предъявляя особые требования к поведению людей, война изменяла их психологию, ломала многие стереотипы. То, что казалось вполне естественным во время службы «дома», в обычных частях, в Афганистане часто вызывало недоумение и раздражение. Больше всего и солдат, и офицеров возмущало, когда с инспекторской проверкой прибывало начальство «из Союза» и начинало их учить, как и что нужно делать. Люди, приехавшие на несколько дней в командировку из мирной жизни, с иной логикой, с иной психологией, не имеющие боевого опыта, не понимающие местной специфики, навязывали боевым офицерам свое представление о том, как те должны воевать⁶⁰. Или заставляли вернувшихся с операции солдат сдавать физическую подготовку, стрелять по мишеням, придирались к внешнему виду и т.п.

«Приехал какой-то генерал, – вспоминает майор П.А.Попов. – Мы идем с боевых, все заросшие, грязные, борода такая вот... Нас построили – полк, около трех тысяч человек, – и он говорит: “Так, ребята, завтра начинаем сдавать проверку”. Все бойцы на меня вот такими глазами смотрят: “Какую проверку?!” Значит, будем сдавать физическую подготовку, будем сдавать стрельбу, будем сдавать

строевую подготовку... Я к командиру подхожу, говорю: “Батя, слушай, или я чего-то не понимаю... Чего я буду сдавать физическую подготовку, если мы полтора года пропрыгали по горам, суточные переходы такие делали... Или чего, – говорю, – меня или ребят моих заставлять стрелять по мишеням, когда они принимают официальное участие в войне! Они умеют воевать!”⁶¹

Но образ мыслей кабинетных начальников сильно отличался от логики боевых командиров. Одних интересовали отчеты и бумажные показатели, других – реальные жизненные проблемы. И каждый подходил к вопросам службы со своими собственными мерками. «Приезжает, допустим, инспектор Политуправления Туркестанского Военного Округа и начинает у меня проверять протоколы комсомольских собраний и другую разную муть, – описывает типичный случай такого несовпадения взглядов В.Д.Баженов. – И вот сидишь, а про себя думаешь: “Ну какие, какие протоколы?!” Здесь бы солдата накормить нормально, да чтобы он отдохнул, какой-то досуг ему организовать или концерт. Ну, и еще что-то такое, для души... А здесь вот такая ситуация. И вот сидишь и думаешь: “Кто здесь не прав?” И хочется иной раз такое слово резкое вслух сказать...”⁶² Невольно напрашивается старое фронтовое определение – «тыловые крысы». Поэтому и отношение к этим высокостоящим начальникам было совсем другим, чем к тем офицерам, с которыми вместе служили и «тянули солдатскую лямку».

Впрочем, и в самом Афганистане существовали разные категории военнослужащих: одни воевали, другие занимались материальным обеспечением, снабжением и другими вполне мирными делами. И, «конечно, после участия в нескольких боях отношение к тем, кто не принимал участия в боевых действиях, могло выражаться и таким понятием, как “тыловая крыса” и “штабная крыса”, “писарюга”, “чмур” и прочее... Было такое понятие “боевик”-“небоевик”»⁶³, – рассказал в интервью полковник И.Ф.Ванин. В значительной мере этот своеобразный антагонизм боевых офицеров к «не нюхавшим пороха» объяснялся тем, что участие в военных действиях и связанный с этим постоянный риск в материальном плане ничем не компенсировались: никаких надбавок к зарплате им не полагалось и не предусматривалось, и выслуга была та же самая, что и у остальных. И это не могло не вызывать у них справедливого возмущения, постоянных обсуждений «в своем кругу» данной темы, учитывая то, что в Великую Отечественную один год на фронте засчитывался за три года обычной службы⁶⁴. «Платили там мизер, – вспоминает полковник И.А.Гайдадин. – старший офицерский состав [получал] 350 чеков, младший офицерский – 250. И у младших офицеров, начиная с капитана, у всех одинаковые оклады – и у прапорщика, и у посудомойки, и у повара, и у кочегара. И в наземных войсках, и в авиации. Хочешь – подставляй лоб, иди туда [на боевые], там те же 250 чеков платили; хочешь – сиди, печку топи или складом заведуй. То есть все расценки у нас, как при коммунизме: уравниловка. А летный состав, нелетный состав – это безразлично. Всем установили такие оклады – и все...»⁶⁵

Но не слишком уважительное отношение к представителям тыловых служб основывалось, прежде всего, на их типичном поведении, включая занятия разного рода незаконным бизнесом, а также попытках примазаться к чужой славе и чужим заслугам. «Были такие люди, которые, скажем, отсиживались на складах, и они почему-то все уезжали из Афганистана с боевыми наградами. Не знаю, каким образом: или покупали, или подкармливали тех начальников, которые раздавали награды»⁶⁶, – вспоминает майор В.А.Сокирко.

Особенно много «примазавшихся» к Афганистану, включая тех, кто раньше под разными предлогами (болезней, семейных обстоятельств и т.п.) «откручивались и отмазывались» от этой службы, появилось на последнем этапе войны, когда стало известно о льготах ветеранам. И отношение действительно боевых офицеров к людям, которые приезжали для того, «чтобы отметку сделать в командировочной, и находились, например, на участке одну, две, три минуты, пока вертолет

крутит винтами, а потом оказывались участниками войны», было не самым теплым. «Все делалось для того, чтобы человек попал, сделал отметку и получил все льготы...» – с горечью вспоминают таких визитеров «афганцы», большинство из которых, отправляясь на войну «и знать не знали, что какие-то льготы будут, что ими можно как-то пользоваться...» Для них это была «боевая стажировка и больше ничего»⁶⁷.

* * *

Таким образом, психология рядового и командного состава российской армии в XX веке определялась, во-первых, как общими закономерностями групповой (коллективной) психологии в организационно оформленных иерархических системах (психология «начальник – подчиненный»), со всеми особенностями применительно к армейским структурам, так и, во-вторых, всем комплексом специфических исторических условий конкретной войны, которые были связаны не только с ее собственно военным содержанием (характер войны, масштабы, место и способы ведения боевых действий, стратегия и тактика и т.д.), но и содержанием морально-политическим, идеологическим и т.д. То есть армейская психология во многом вытекает из проблемы «армия – общество», хотя и имеет свои универсальные «институционально-профессиональные» особенности. Сложный синтез всех этих многообразных взаимосвязей и определял тот характерный рисунок взаимоотношений между командирами и подчиненными по всей армейской иерархической вертикали (от командующего армией до рядового), который был характерен для каждой из войн с участием России. Так, в дореволюционной армии существенный отпечаток на эти отношения накладывала институционализирующаяся в обществе сословность, постепенно утратившая свое значение в армии лишь к концу Первой мировой войны, особенно после Февральской революции, которая нанесла удар самим основам армии как общественного института, подорвав строгую субординацию и дисциплину.

«Демократизация» армии, включая введение выборности командиров, продолжилась уже после Октябрьской революции, однако фактором победы большевиков в Гражданской войне стало скорое возвращение к универсальным принципам строительства вооруженных сил (на основе строгой иерархии и дисциплины), хотя бы и в новом идеологическом оформлении. На протяжении десятилетий Советской власти эти тенденции упорядочивания взаимоотношений командира и подчиненного завершились попытками возвращения к опыту дореволюционной русской армии, хотя бы, в значительной мере, и на уровне внешнего копирования (введение погон в Великой Отечественной войне, возрождение гвардии, возвращение института денщиков-ординарцев и т.п.). Конечно, особенности каждой войны накладывали очень сильный отпечаток на эту сферу армейских взаимоотношений, поскольку даже состав армии был принципиально отличным в мировых и локальных войнах, на своей и чужой территории. Локальные войны велись преимущественно кадровой армией, тогда как в мировых она состояла в основном из гражданских лиц (призванных по мобилизации и добровольцев), одетых в армейские шинели. Вследствие этого, например, в Великой Отечественной войне обычной была ситуация, когда безусые мальчики, только что со школьной скамьи, командовали пожилыми солдатами, которые годились им в отцы, а в Афганистане возрастная дистанция между младшими офицерами и солдатами была всего в два-три года. Таких особенностей, влиявших на взаимоотношения командира и подчиненного, было очень много, и все они вписываются в общую палитру, из которой складывалась психологическая картина каждой из войн.

Глава II

ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ НА ВОЙНЕ

Профессиональная военная психология и ее особенности

Другим важным элементом *групповой военной психологии* является психология *профессиональная*. Армия подразделяется на *виды вооруженных сил* и *рода войск*, условия деятельности которых существенно различаются, обуславливая тем самым наличие разных представлений, точек зрения на войну через призму конкретных боевых задач и способов их выполнения. Вот как понимает групповую военную психологию П.И.Изместьев: «В армии... могут быть группы, деятельность которых основана на отличных одна от других базисах, имеющих дело с отличными одна от других машинами, военное бытие которых создает далеко не однородное сознание... Под групповой военной психологией я мыслю психологию разных родов войск»¹. И далее продолжает: «Если проследить каждый род войск, то мы должны прийти к заключению, что на дух его влияет вся особенность, специфичность всех тех условий, в которых ему приходится исполнять свою работу»².

Учитывая, что вид вооруженных сил – это их часть, предназначенная для ведения военных действий в определенной среде – на суше, на море и в воздушном пространстве, можно говорить о существенных особенностях психологии представителей сухопутных войск (армии), военно-воздушных сил (авиации) и военно-морских сил (флота). Все эти виды вооруженных сил имеют присущие только им оружие и боевую технику, свою организацию, обучение, снабжение, особенности комплектования и несения службы, а также способы ведения военных действий³. Но каждый вид, в свою очередь, состоит из родов войск, обладающих особыми боевыми свойствами, применяющих собственную тактику, оружие и военную технику.

До XX в. существовали два вида вооруженных сил, сухопутные и морские, и три рода войск: пехота, кавалерия и артиллерия. С созданием нового оружия и военной техники, а также с изменением способов ведения боевых действий, уже в начале столетия возникла авиация, появились новые рода войск, а кавалерия, хотя и постепенно, но к середине века полностью утратила свое значение. Со временем различия между родами войск возрастали, неизбежно формируя у каждого из них свой собственный взгляд на войну. При этом особенности восприятия военной действительности представителями разных родов войск и военных профессий определяются следующими наиболее существенными условиями:

- 1) конкретной обстановкой и задачей каждого бойца и командира в бою;
- 2) наиболее вероятным для него видом опасности;
- 3) характером физических и нервных нагрузок;

- 4) спецификой контактов с противником – ближний или дальний;
- 5) взаимодействием с техникой (видом оружия);
- 6) особенностями военного быта.

Все эти признаки получают окончательное оформление в период Второй мировой войны, но проявляются уже в начале века, хотя там они менее выражены.

Уже русско-японская война была войной совершенно нового типа, потому что велась новыми боевыми средствами. В ней впервые в русской армии были широко применены магазинные винтовки (системы капитана Мосина), пулеметы, скорострельные пушки, появились минометы, ручные пулеметы, ручные гранаты. Иным стал и размах военных действий, которые вышли за рамки боя и сражения. Фортификационные сооружения (люнетты, редуты) остались в прошлом: им на смену пришли оборонительные позиции, оборудованные окопами, блиндажами, проволочными заграждениями, протянувшиеся на многие десятки километров. Оборона стала глубокой и эшелонированной. Действия пехоты в сомкнутых строях и штыковой удар как ее основа потеряли свое значение, поскольку широко применялись новые средства борьбы, а сила огня резко возросла⁴. В дальнейшем влияние технических переворотов в средствах ведения войны на характер боевых действий, условия и способы вооруженной борьбы не только сохранялось, но стало перманентным, периоды между техническими «микро-революциями» в области вооружений сокращались.

Что же мы видим в Первую мировую войну? Военный флот существовал и ранее, со своими законами и традициями. Однако в этот период впервые широко применяются в боевых действиях подводные лодки. Уже существует авиация. Хотя она используется в основном для разведки и оперативной связи, но постепенно нарабатывается опыт бомбовых ударов и воздушных боев с неприятелем. Вместе с тем, внутри сухопутных сил такой важный фактор, как развитие техники, еще не дает резкого разделения, несмотря на то, что уже активно применяются бронемашинны, бронепоезда, появляются первые танки, то есть зарождаются механизированные части. При этом пехота, кавалерия и артиллерия продолжают оставаться в очень сходных условиях, определяющих многие общие черты психологии «сухопутных» солдат. Более того, по сравнению с войнами прошлого, они на этом этапе даже сближаются. «Если мы задумаемся в современную организацию вооруженных сил, особенно при тенденции к механизации армии, – писал в 1923 г. П.И.Измestьев, – то мы увидим, что каждому роду войск приходится иметь дело с различными машинами. Пехота пережила те же периоды земледельческой общины и мануфактуры и перешла в век машинного производства, т.е. от простого ударного оружия, лука, пращи, арбалета, перешли к автоматическому оружию. Конница, владевшая только холодным оружием, сблизилась постепенно с пехотой, сохраняя способность к сильному ударному действию и к подвижности, должна быть готова к действию машинами и т.д. Следовательно, без особой натяжки можно сказать, что служащие в различных родах войск стали ныне более близки друг к другу, чем прежде в своей работе»⁵.

Пожалуй, здесь с Измestьевым можно и поспорить. Если и происходило в тот краткий исторический период некоторое сближение между сухопутными родами войск в использовании технических средств, то лишь затем, чтобы в дальнейшем они резко и радикально размежевались: кавалерия постепенно сошла на нет, а ее подвижность сменила мобильность механизированных, прежде всего, танковых частей. Артиллерия также стала мобильной и дифференцированной по мощности и дальности стрельбы. А пехота так и осталась пехотой, хотя неуклонно нарастала ее механизация, огневая мощь и мобильность. Интересен и такой исторический казус: на перепутье технического перевооружения чуть не появился новый «род войск» – имели место случаи использования таких «мобильных» подразделений, как отряды велосипеди-

стов (например, в августе-сентябре 1914 г. в ходе Восточно-Прусской операции, со стороны немцев)⁶.

Несмотря на некоторые элементы сближения, у каждого из родов войск всегда существовали важные особенности как в условиях боевой деятельности, так и в деталях повседневного быта. «...Артиллерист, например, особенно тяжелой артиллерии, – отмечал вскоре после окончания Первой мировой войны А.Незнамов, – меньше подвергается утомлению, почти нормально питается и отдыхает, до него редко долетают пули винтовки, пулемета, но зато на него обращено особое внимание противника-артиллериста, и он должен спокойно переносить все, что связано с обстрелами и взрывами, часто очень сильными, фугасных снарядов. Он должен спокойно и точно работать (его машина много сложнее пехотного оружия), в самые критические периоды боя. От точности его работы зависит слишком многое, так как артиллерия очень сильно воздействует на течение боя»⁷.

А вот не теоретическая оценка, но непосредственные личные впечатления и опыт участника Первой мировой «из окопа». В 1916 г. прапорщик А.Н.Жиглинский отмечал различную степень опасности для разных родов войск: «Не хочу хватать, но мне уж не так страшно, как раньше, – да почти совсем не страшно. Если бы был в пехоте, – тоже, думаю, приучил бы себя к пехотным страхам, которых больше». И далее: «Единственное, что мог я уступить животному страху моей матери, – это то, что я пошел в артиллерию, а не в пехоту»⁸. Здесь уже ясно прослеживается специфика «страхов» и риска у профессиональных категорий на войне.

В середине и в конце века та же артиллерия и особенно авиация имели преимущественно «дальний» контакт с противником, принимающий характер стрельбы «по мишени». «Мы никогда не видим последствий своей работы, – записал 24.08.1941 г. в дневнике стрелок-радист Г.Т.Мироненко, – а те, кто находится вблизи от нашей цели, наблюдают ужасные картины бомбежек»⁹. О том же свидетельствует участник Афганской войны полковник авиации И.А.Гайдадин: «Крови мы не видели, – вспоминает он. – То есть мы наносили удар, а потом нам говорили, что, по данным разведки, такой-то объект уничтожен, столько-то народу побито. А кто они, что они... Эта особенность в какой-то мере вызывала даже безразличие: когда стреляешь на расстоянии и не видишь противника “глаза в глаза”»¹⁰.

Однако в Первую мировую практически для всех родов войск преобладал именно «ближний» контакт, что накладывало особый отпечаток на психологию людей, ясно видевших «последствия» своей боевой деятельности, которая заключается в необходимости убивать. В этот период штыковая и кавалерийская атака были весьма распространенными, обыденными видами боя, оставшимися от прошлых войн. Так же как и потом, в братоубийственной Гражданской.

Наиболее определенно дифференцированность родов войск проявилась в ходе Второй мировой войны. Соответственно и психологическая их «особость» здесь всего очевиднее: в отличие от предшествующих войн она достигла полного развития и проявилась наиболее ярко. Поэтому мы уделим Великой Отечественной войне максимум внимания.

Начнем с главного фактора, влияющего на психологию родов войск в условиях боевых действий – со специфики видов, форм и степени опасности, присущих каждому из них. «Чувство опасности присутствует у всех и всегда, – писал в 1942 г. К.Симонов. – Больше того. Продолжаясь в течение длительного времени, оно чудовищно утомляет человека. При этом надо помнить, что все на свете относительно... Человеку, который вернулся из атаки, деревня, до которой достают дальнобойные снаряды, кажется домом отдыха, санаторием, чем угодно, но только не тем, чем она кажется вам, только что приехавшим в нее из Москвы»¹¹.

При огромном количестве случайностей, неизбежных на войне, каждому роду войск соответствовал свой собственный, наиболее вероятный «вид смерти». Для летчика и танкиста самой реальной была опасность сгореть в подбитой машине,

для моряка – утонуть вместе с кораблем вдали от берега, для сапера – подорваться на mine, для пехотинца – погибнуть в атаке или под обстрелом, и т.д. и т.п. При этом, привыкая к «своему» виду опасности и со временем почти не реагируя на него, солдаты, оказавшись в непривычных условиях, иногда терялись, испытывая чувство страха там, где представители других родов войск чувствовали себя естественно и непринужденно, так как для них именно такая обстановка была повседневной реальностью.

Вот как описывает подобную ситуацию бывший танкист, полный кавалер ордена Славы И.Архипкин: «Воевать везде одинаково трудно, что в пехоте, что в танковых... Но, как бы сказать, пехотинцу, он окоп выкопал, лег, понимаете, – и отстреливайся. А если он в танк попадет? Вот у нас десантники были, танкоде-сантники... Ну, там по несколько человек – по шесть, по восемь на танке, когда сколько. И командир отделения у них, боевой такой парень, симпатичный, красивый, грудь в орденах вся. И вот, бывало, попросим его: давай, мол, в танк залезем – ну, когда по стопочке там есть, все такое. Так он залезет, стопку выпил, схватил кусочек колбасы там или сала – все, он выскакивает. Я, говорит, не могу в нем сидеть: понимае-те, вот какое-то ощущение – снаряд прилетит сейчас, попадет... А уж земля, гово-рит, она меня и укроет, и все тут»¹².

Если на пехотинца «давило» тесное, замкнутое пространство танка, казалось, что все пушки врага нацелены на этот «стальной гроб» и достаточно одного попа-дания, чтобы его уничтожить, то танкист, в свою очередь, очень неуютно чувство-вал себя в бою под открытым небом, когда не был защищен броней от пуль и ос-колков. Так же и летчик, по неблагоприятному стечению обстоятельств оказав-шийся в наземных войсках, с трудом адаптировался в новых условиях.

На войне каждый видел жизнь через то дело, которым занимался, имея свой собственный «радиус обзора»: пехотинец – окоп, танкист – смотровую щель танка, летчик – кабину самолета, артиллерист – прицел орудия, врач – операционный стол. Но разница в их восприятии войны была обусловлена также тем, что, выпол-няя, каждый по-своему, тяжелую солдатскую работу, связанную на войне с необ-ходимостью убивать, представители разных родов войск осуществляли ее по-разному: кто-то вблизи, встречаясь с противником лицом к лицу, успевая увидеть его глаза; а кто-то на расстоянии, посылая снаряд или бомбу в намеченную цель и не всегда представляя размеры разрушений и количество смертей, вызванных этим снарядом. Для последних противник не был «очеловечен», представляясь, скорее, безликой фигуркой на мишени. Убивать вблизи было труднее и страшнее. Вот как вспоминает рукопашный бой бывшая санинструктор О.Я.Омельченко: «Это ужас. Человек таким делается... Это не для человека... Бьют, колют штыком в живот, в глаз, душат за горло друг друга. Вой стоит, крик, стон... Для войны это и то страшно, это самое страшное. Я это все пережила, все знаю. Тяжело воевать и летчикам, и танкистам, и артиллеристам, – всем тяжело, но пехоту ни с чем нельзя сравнить»¹³.

Впрочем, в бою выбора не было, все сводилось к простой дилемме: либо ты успеешь убить первым, либо убьют тебя. Танкисты, не только стрелявшие из ба-шенного орудия и пулеметов своей машины, но и давившие гусеницами огневые точки врага вместе с прислужгой, «утюжившие» вражеские траншеи, подобно пехо-те входили в непосредственное соприкосновение с противником, то есть убивали вблизи, хотя и посредством техники. Психологически для них особенно тяжело было «ехать по живому». Но в других родах войск это происходило не так заметно и менее болезненно для человеческой психики. «Наш лагерь стоял в лесу, – вспо-минает бывшая летчица А.Г.Бондарева. – Я прилетела с полета и решила пойти в лес, это уже лето, земляника была. Прошла по тропинке и увидела: лежит немец, убитый... Знаете, мне так страшно стало. Я никогда до этого не видела убитого, а уже год воевала. Там, наверху, другое... Все горит, рушится... Когда летишь, у тебя

одна мысль: найти цель, отбомбиться и вернуться. Нам не приходилось видеть мертвых. Этого страха у нас не было...»¹⁴

XX век с бурно развивающимся техническим прогрессом predetermined возникновение системы «человек – машина». Военная техника объединяла такое количество людей, какое было необходимо для ее функционирования в бою, создавая тем самым особый вид коллектива с особыми внутренними связями: пулеметный и оружейный расчет, танковый и летный экипаж, команду корабля и подводной лодки, и т.д. Возник и такой феномен человеческих отношений, как «экипажное братство», наиболее ярко проявившееся у танкистов и летчиков. Несколько человек, заключенных в один стальной или летающий «гроб», в одинаковой степени рисковали жизнью, и жизнь всех членов экипажа в бою зависела от четкости и слаженности действий каждого, от глубины эмоционального контакта между ними, понимания друг друга не только с полуслова, но и с полувзгляда. Чем сильнее были подобные связи, тем больше была вероятность уцелеть. Поэтому вполне закономерным является тот факт, что командир танка всегда делился своим офицерским допайком со всем экипажем. Покидая горящую машину, уцелевшие танкисты вытаскивали из нее не только раненых, но и убитых. Боевая действительность определяла кодекс поведения и взаимоотношения людей.

Еще один аспект проблемы «человек и техника» – это превращение некоторых родов войск в элитарные – не по принципу подбора кадров, а по стратегическому значению в данной войне и формированию особой психологии личного состава. В Великую Отечественную таким особым сознанием своей значимости отличались бронетанковые войска, авиация и флот, причем, военно-воздушные и военно-морские силы – наиболее ярко. В психологическом плане у летчиков и моряков было много общего. В бою и для тех, и для других гибель боевой техники почти всегда означала собственную гибель – самолет, подбитый над территорией противника, оставлял экипажу, даже успевшему выпрыгнуть с парашютом, мало шансов на спасение; у моряков с потопленного корабля было также мало шансов доплыть до берега или быть подобранными другим судном. Поэтому у других родов войск те и другие слыли за отчаянных храбрецов. Впрочем, они и сами старались поддерживать подобную репутацию. Летный состав, состоявший преимущественно из офицеров, имел ряд льгот и особые традиции.

Традиции на флоте были более древними, так же, как и сам флот, и соблюдались с необыкновенной тщательностью, являясь для представителей других родов войск предметом зависти и восхищения. В воспоминаниях капитан-лейтенанта Л.Линдермана, командира БЧ-2 минного заградителя «Марти», есть такой эпизод. При эвакуации с полуострова Ханко в Ленинград сухопутных войск на борту корабля их размещали следующим образом: командный состав – в каюты комсостава, старшин – в старшинские, личный состав – по кубрикам. Командир стрелкового полка, оказавшись в роскошной офицерской каюте, где царили идеальные чистота и порядок, а затем в кают-компании за накрытым крахмальной скатертью, сервированным, как в хорошем ресторане, столом, не выдержал и воскликнул: «Ну, ребята, в раю живете, ей-богу! Даже лучше: там пианино нет и картин по стенкам... Да... Так воевать можно!» И только по окончании тяжелейшего похода, в котором экипажу пришлось вести напряженную борьбу с плавучими минами, авиацией и береговой артиллерией противника, признал, прощаясь: «Уж ты извини меня, моряк, за тот разговор о райской жизни. Скажу откровенно: лучше два года в окопах, чем две ночи такого похода»¹⁵. Незначительные преимущества в быту, которыми пользовались моряки и летчики, были ничтожной компенсацией за те труднейшие условия, в которых им приходилось сражаться.

И, наконец, в отношении человека к своей боевой машине, будь то танк, самолет, корабль или подводная лодка, было что-то от отношения кавалериста к лошади: техника воспринималась почти как живое существо и, если была хоть малейшая возможность ее спасти, даже рискуя собственной жизнью, люди это

шая возможность ее спасти, даже рискуя собственной жизнью, люди это делали. Впрочем, в этом проявлялась и воспитанная сталинской системой привычка ценить человека дешевле, чем самый простой механизм, тем более на войне.

Человек на фронте не только воевал – ни одно сражение не могло продолжаться бесконечно. Наступало затишье – и в эти часы он был занят работой, бесконечным количеством дел, больших и малых, выполнение которых входило в его обязанности и от которых во многом зависел его успех в новом бою. Солдатская служба включала в себя, прежде всего, тяжелый, изнурительный труд на грани человеческих сил. Бывший пехотинец А.Свиридов вспоминает: «Все рода войск несли тяготы военных лет, но ничего не сравнится с тяготами пехоты. Кончалось преследование противника, и солдат-пехотинец, если его не зацепила пуля и не задел осколок, переходил к обороне. И начиналась изнурительная физическая работа – окапывание. В подразделении после наступательных боев бойцов оставалось мало, а фронт обороны прежний – уставной. Вот и копал наш труженик за троих, а то и за четверых. Ночь копал до изнеможения, а перед рассветом всю выброшенную из окопа землю маскировал снегом. И день проходил в муках, потому что ни обсушиться, ни обогреться негде было. Разогреться, распрямиться нельзя: подстрелит враг. Заснуть тоже невозможно – замерзнешь. И так, шатаясь от усталости, дрожа от холода, он коротал день, а ночью – снова надо было копать. Весной и осенью в ячейках, ходах сообщения, да и в землянках воды набиралось почти по колени, день и ночь она хлопала в сапогах. Иной раз по команде в атаку подняться сразу не всегда удавалось: примерзала шинель к земле и не слушалось занемевшее тело. Ранение воспринималось как временное избавление от мук, как отдых»¹⁶.

Пехота, «царица полей», великая труженица войны, не была однородной. Она включала в себя множество боевых профессий с присущей им спецификой. Так, в наиболее сложных условиях приходилось действовать снайперу-«охотнику», в течение долгих часов выслеживая врага, чтобы поразить его с первого выстрела, а самому остаться незамеченным, не дать себя обнаружить. Здесь требовались огромная выдержка и хладнокровие, особенно во время снайперской дуэли, когда в смертельный поединок вступали равные по меткости и сноровке противники. Такие же качества требовались и для пехотной разведки, которая, по словам Владимира Карпова, всегда была «ближе других к смерти», отправляясь на задание в тыл врага – в поиск за «языком» или в разведку-боем, специально вызывая огонь противника на себя. «Я вскоре понял разницу между обыкновенной пехотой и разведкой, – писал в военных записках Д.Самойлов. – Назначение пехоты – вести бой. Разведки – все знать о противнике. Ввязывание в бой (если это не разведка боем), в сущности, для разведки – брак в работе. Пехоте легче в обороне, особенно в долгосрочной. Разведке легче в наступлении, когда для того, чтобы ворваться в расположение противника, не надо преодолевать минные поля и проволочные заграждения»¹⁷. Из всех многочисленных видов разведки (за исключением агентурной), пехотная разведка была самой опасной и напряженной.

Не меньшие, чем у пехотинцев, нагрузки приходились на долю артиллеристов, тащивших на себе тяжелые пушки по размытым и разбитым дорогам войны. Велико было и их психологическое напряжение в бою. Не случайно в наводчики орудия выбирали самых волевых и хладнокровных. «На тебя идет танк, – вспоминает фронтовик К.В.Подколзин. – Ты видишь его в прицел. Как бы ни было тебе страшно, надо подпустить его ближе. Осколки стучат, а ты должен точно наводить, не ошибиться, не дрогнуть. Ведь орудие само не стреляет»¹⁸. Другой бывший артиллерист В.Н.Сармакешев описывает свое состояние так: «В горячке боя взрывы никто не считает, и мысли только об одном: о своем месте в бою, не о себе, а о своем месте. Когда артиллерист тащит под огнем снаряд или, припав к прицелу, напряженно работает рулями горизонтального и вертикального поворота орудия,

ловя в перекрестие цель (да, именно цель, редко мелькает мысль: “танк”, “бронетранспортер”, “пулемет в окопе”), то ни о чем другом не думает, кроме того, что надо быстро сделать наводку на цель или быстро толкнуть снаряд в ствол орудия: от этого зависит твоя жизнь, жизнь товарищей, исход всего боя, судьба клочка земли, который сейчас обороняют или освобождают»¹⁹. А танкисты в бою задыхались от пороховых газов, скапливавшихся внутри танка, когда стреляло орудие, и глохли от производимого им грохота. Командир и башнер могли не только сгореть заживо вместе с танком, но и быть разорванными пополам, когда от прямого попадания отлетала башня. По горькому, но меткому определению одного из ветеранов, «судьба танкиста на войне – это обгорелые кисти рук на рычагах подбитой машины».

По разному влияли на представителей разных родов войск и особенности местности, где велись боевые действия, и природно-климатические условия. Характерным примером может служить переход наших войск через пустыню Гоби в ходе Дальневосточной кампании в августе 1945 г.: «Для нашего полка воды требовалось больше, чем для любого другого, – вспоминает участник этих событий бывший артиллерист А.М.Кривель, – нужно было напоить лошадей. Наши четвероногие друзья в эти дни научились не хуже человека пить из фляги. И солдаты делили с ними те скудные капли, которые получали из “централизованного” фонда. Еще труднее было танкистам. В металлической коробке танка жаркий, будто расплавленный воздух, руками не тронешь нагретое железо. У всех пересохло в горле, стали сухими губы. Танки передвигались на расстоянии ста метров друг от друга. Взметенный горячий песок набивался внутрь, слепил глаза, лез во все щели, как наждак, перетирал стальные детали гусениц»²⁰.

Впрочем, при всех различиях, присущих разным родам войск, те из них, которые относились к сухопутным войскам, имели между собой много общего, – именно потому, что сражались на земле. У летчиков восприятие боевой обстановки было качественно иным, как и сама эта обстановка. Они испытывали особый риск и особые нагрузки, причем, для каждого вида авиации свои, но эти различия не столь значительны и существенны, так как реальность воздушного боя была единой для всех. «Воздушный бой длится мгновения, – вспоминает бывший летчик-истребитель И.А.Леонов. – И бывали у нас в полку случаи, когда за эти несколько минут у молодых летчиков появлялась седина. Такое испытывали тяжелое нервное напряжение... Сначала видишь в небе крохотные точки. Не можешь даже определить – чьи летят самолеты: свои или чужие. Точки быстро растут. И по одному тому, как к тебе приближается вражеский летчик, идет ли в лобовую атаку – ты можешь определить, примерно, и опыт его, и норов. В бою, как говорится, приходится вертеть головой на 360 градусов. Отовсюду может достать враг. Бросаешь самолет в такие фигуры, которые в иное время, может быть, и не сделал бы. Ты заворачиваешь вираж, догоняя врага. Или на крутом вираже стараешься оторваться от него. Камнем направляешь машину вниз и круто выводишь из пике. В этот момент испытываешь большие перегрузки: веки сами закрываются, щеки обвисают от натуги, все тело будто налито свинцом. А самое главное в бою – ты должен в доли секунды принять единственно верное решение. От него зависит – выйдешь ли ты победителем или погибнешь. В те дни почти каждый вылет истребителей был сопряжен с воздушным боем. Мы искали врага в небе, чтобы победить. Приходилось вылетать по четыре-пять раз. Это было очень тяжело даже для молодых, тренированных летчиков. Случалось, кто-нибудь из ребят приведет самолет на аэродром и вдруг тяжело ткнется головой в приборы. Что такое? Ранен? Убит? Нет, потерял сознание от переутомления... Но молодость выручала нас. Пройдет два-три часа, и мы снова готовы к полету»²¹.

У моряков, особенно у подводников, были не менее чудовищные физические и нервные нагрузки. Вот описание только одного боевого эпизода, в котором уча-

ствовала гвардейская подводная лодка «Щ-303»: «Вражеские катера обнаруживают подводников и начинают бомбежку. Лодка оказалась в кольце противолодочных кораблей. Сорок пять часов она уже под водой. Тяжело дышать. У многих началось кислородное голодание. Чтобы меньше был расход кислорода, люди лежат – таков приказ командира. Слипаются глаза, клонит ко сну... Лодку сильно бомбят, и она ложится на грунт. Почти два часа продолжается бомбежка. “Два часа ада”... Чтобы уменьшить шумы на лодке, краснофлотцы сняли обувь, обмотали ветошью ноги и двигаются по палубе неслышно. Обстановка тяжелая. Люди задыхаются. Немеют пальцы, деревенеют подошвы ног, тело покалывает иголками. Уснул электрик Савельев. Дышит тяжело. На губах розовая пена... Мы не знаем, когда наступит смерть от удушья. По теоретическим расчетам, нам полагалось задохнуться после трех суток пребывания под водой...»²² – вспоминает командир лодки капитан 3-го ранга И.В.Травкин. Лодке удалось вырваться из блокады, пройдя под водой через минное поле. Выдержать подобное напряжение мог не каждый.

Но вот еще одна сторона войны – в восприятии тех, кто по роду своей службы спасал от смерти, облегчал страдания искалеченным, возвращал раненых в строй. «Мало кто задумывался и задумывается над тем, какие переживания выпали в годы войны на долю медицинского персонала наших войск, – пишет бывший военврач Г.Д.Гудкова. – А между тем война – даже в периоды успешных наступательных операций – оборачивалась к нам, медикам, исключительно тягостной, губительной стороной. Мы всегда и везде имели дело с муками, страданиями и смертью. Наблюдать это нелегко. Еще тяжелее хоронить тех, кого не сумел выводить, спасти. Тут не выручает никакой профессионализм... На войне мучения и страдания, даже гибель становится повседневным, рядовым уделом миллионов сильных, здоровых, как правило, именно молодых людей. Да и спасти жертвы войны приходится, не зная, избавишь ли их от новых мук или от неисправимой беды...»²³ По свидетельству многих, на фронте человеческая смерть со временем воспринималась как обыденное явление, чувство отчаяния и невосполнимости потери притуплялось. Психологическая разрядка наступала уже потом, и тогда случайные события из мирной послевоенной жизни вызвали в памяти болезненные ассоциации с тем, что пришлось пережить в войну. Многие медики были вынуждены бросить свою работу. «После войны в родильном отделении акушеркой работала – и не смогла долго, – вспоминает бывший командир санитарного взвода гвардии лейтенант М.Я.Ежова. – У меня аллергия к запаху крови, просто не принимал ее организм. Столько я этой крови на войне видела, что больше уже не могла. Больше организм ее не принимал... Ушла из “родилки”. Ушла на “Скорую помощь”. У меня крапивница была, задыхалась...»²⁴ С другой стороны, большинство фронтовиков, связавших впоследствии свою судьбу с медициной, сделали это в знак высшей благодарности к тем, кто спасал им жизнь на фронте, в медсанбатах и госпиталях. Именно там уставшие убивать солдаты давали себе клятву: «Если останусь жив, буду так же спасать людей». «Было в те первые послевоенные годы в нашем Медицинском институте, – вспоминает В.Н.Сармакешев, – стрелянных и покалеченных ребят около пятидесяти из двух тысяч студентов. Но самое удивительное то, что среди тех пятидесяти, пришедших с фронта, не было ни одного медика: пехотинцы, танкисты, артиллеристы, саперы, даже летчики, но ни одного фельдшера»²⁵. У каждого из них была «своя» война и забыть о ней каждый тоже стал по-своему.

Взаимоотношения родов войск: взаимодействие и соперничество

Особую проблему представляют взаимоотношения родов войск. В бою они применяются, как правило, в тесном взаимодействии друг с другом – для наиболее эффективного использования боевых свойств каждого из них. «Общая функция армии видоизменяется по родам войск... Каждый род войск должен быть проникнут сознанием своей специальной функции, но в то же время он должен сознавать, понимать, что эта специальная работа каждого в сумме должна составлять лишь слагаемую общей работы всей армии в целом. Отсюда ясно, что, допуская своего рода дух каждого рода войск, мы не можем допускать между ними розни»²⁶, – подчеркивал П.И.Изместьев и имел для подобного заявления все основания.

Разделение армии по родам войск существовало еще с древности, и исторически сложилось, что одни из них являлись привилегированными, элитарными, где служили представители правящих слоев общества (например, конница, колесницы, иногда тяжелая пехота), а другие (в основном легкая пехота) оставались уделом простолюдинов. Элитарность конницы и непривилегированное положение пехоты сохранялись на всем протяжении исторического развития, порождая между ними своего рода антагонизм, снисходительное, а порой и презрительное отношение друг к другу. Наличие «психологической розни» между родами войск, причем не только старыми, но и новыми, недавно появившимися, отмечалось и в начале XX века. «К сожалению, прежде между родами войск не было должной солидарности, а, наоборот, пышно процветал какой-то особый военный сепаратизм, который самым пагубным образом влиял на важнейший принцип, принцип “взаимной поддержки”, хотя и проповедывалось “сам погибай, а товарища выручай”»²⁷, – писал, основываясь на опыте русско-японской и Первой мировой войн, П.И.Изместьев.

О розни и отчужденности, которые в конце XIX – начале XX в. наблюдались не только между «родами оружия», но и между отдельными подразделениями внутри них, в том числе и среди офицерского состава, свидетельствует и А.А.Керсновский: «Гвардеец относился к армейцу с холодным высокомерием. Обиженный армеец завидовал гвардии и не питал к ней братских чувств. Кавалерист смотрел на пехотинца с высоты своего коня, да и в самой коннице наблюдался холодок между “регулярными” и казаками. Артиллеристы жили своим обособленным мирком, и то же можно сказать о саперах. Конная артиллерия при случае стремилась подчеркнуть, что она составляет совершенно особый род оружия... Все строевые, наконец, дружно ненавидели Генеральный штаб, который обвиняли решительно во всех грехах...»²⁸ Следует отметить, что неприязнь строевых офицеров к штабистам, фронтовиков к тыловикам характерна для всех без исключения войн. Что касается родов войск, то со временем отношения между ними становились более ровными, хотя отдельные элементы психологической «обособленности» продолжали сохраняться на всем протяжении XX столетия.

В период войны такая «отчужденность» во многом зависела от конкретных задач каждого рода войск в боевой обстановке, свойственных ему способов их выполнения, а следовательно, разного восприятия боевой действительности. «Артиллерист должен поддерживать пехоту; пехоте кажется, что он ее плохо поддерживает, а ему кажется, что она плохо идет. Танкисты говорят, что пехота не пошла за танками; а пехотинцы говорят, что танки от нее оторвались. А истина боя где-то на скрещении всех этих точек зрения»²⁹, – вспоминая Великую Отечественную, отмечал К.Симонов.

Впрочем, там, где взаимодействие было хорошо организовано и давало реальные результаты, «психологическая рознь» уступала место совершенно иным чувствам. Такого рода свидетельства встречаются, например, в записках военного корреспондента А.Н.Толстого за сентябрь 1914 г.: «Артиллерийская стрельба, как

ничто, требует спокойствия и выдержки, причем это последнее качество заменяется у русского солдата несокрушимым хладнокровием, отношением к бою, как к работе. Про артиллерию так и говорят, что она работала, а не она стреляла или она дралась. Теперь, после месяца боев, пехотинцы смотрят на наших артиллеристов как на высших существ, в армии началось их повальное обожание, о них говорят с удивлением и восторгом; при мне один увлекшийся офицер воскликнул: «Я видел сам, как у них целовали руки»³⁰. Однако в период Первой мировой, по мере превращения войны в позиционную, действия своей артиллерии все чаще вызывали у солдат-окопников раздражение, а то и враждебность, потому что обстрелы ими противника неизбежно вызывали его ответный огонь по позициям все той же пехоты, которая привыкла подолгу сидеть в окопах в достаточно спокойной обстановке. А на заключительном этапе войны отношение к артиллеристам иногда перерастало в открытую ненависть, так как во время «братания» русской пехоты с неприятельскими солдатами по ней нередко стреляли свои же пушки, то есть артиллерия в этих условиях, по сути, оказалась в роли «заградотрядов» Великой Отечественной войны, выполняя карательную функцию против собственных войск.

Кстати, во Второй мировой советские солдаты-пехотинцы очень не любили, когда во время обороны на их участок приезжали легендарные «катюши» и, отстрелявшись по врагу, немедленно уезжали прочь, а разъяренный противник обрушивал всю огневую мощь на то место, откуда недавно велся обстрел и где теперь оставалась на своих позициях только пехота. Зато в период наступления прибытие реактивных артиллерийских установок означало, что враг еще до вступления в бой основных наших войск понесет значительные потери, его оборона окажется ослаблена, а значит, наступать будет легче и многие пехотинцы останутся в живых именно из-за своевременного залпа «катюш». Разумеется, в такой обстановке их встречали радостно и с энтузиазмом.

Особые отношения складывались у сухопутных войск с авиацией. В начале XX века человек наконец сумел подняться в небо на аппаратах тяжелее воздуха – и практически сразу стал применять новое изобретение для уничтожения себе подобных. Боевой путь авиации начался в период итало-турецкой и двух балканских войн (1911-1913 гг.). Таким образом, еще до Первой мировой войны появился и стал быстро развиваться принципиально новый вид войск.

К 1 августа 1914 г. русская авиация имела 244 машины, причем на каждый самолет приходилось в среднем по два летчика. К 1 июля 1916 г. Россия располагала на фронте 383 самолетами, из них находились в строю 250 и 133 в ремонте³¹. За все время войны количество самолетов, одновременно находящихся в строю, в среднем не превышало пятисот. Роль авиации поначалу сводилась к воздушной разведке, фотографированию расположения вражеских частей. «От разведки произошла бомбардировка: отправляясь в полет, пилоты часто брали с собой бомбы, чтобы не только сфотографировать, но и разрушить объекты противника»³². Затем на первый план постепенно выдвинулась необходимость бороться с самолетами противника: так возникла истребительная авиация. В то время еще не было специального бортового оружия, поэтому в первых воздушных боях широко использовались тараны, долгое время называвшиеся «битье колесами сверху». Кстати, именно такой таран применил П.Нестеров. Также сверху на неприятельские машины сбрасывали различные «снаряды» (дротики, гири, бруски металла, связки гвоздей)³³, которыми старались повредить самолет или убить вражеского пилота. Затем летчиков стали вооружать пистолетами и карабинами, чтобы они могли застрелить врага в воздухе, а к 1916 г. авиация всех воюющих стран уже имела истребители, оснащенные встроенными пулеметами³⁴.

Однако с земли, из окопов казалось, что война в воздухе совершенно иная, чем внизу, свободная от крови и грязи. Не случайно в те годы летчиков называли «рыцари неба». Романтическое отношение к авиации и самих летчиков, и армии, и

общества в целом было следствием недавнего рывка технического прогресса, непривычности такого рода деятельности, которое еще несколько десятков лет назад было просто немислимым, фантастическим. Ассоциации с птицами, с Икаром, поэтизация летного дела имели и другую сторону: военное начальство достаточно долго относилось к этому виду войск весьма скептически, не давая ему возможности выйти за рамки второстепенного и вспомогательного. Даже в основной сфере, в которой в то время была задействована авиация, в разведке, предпочтение в начале войны отдавалось традиционному средству – армейской коннице. Так, в августе 1914 г. командующий 2-й армии в Восточной Пруссии генерал А.К.Самсонов пренебрег информацией своих летчиков, предупреждавших о движении неприятельского корпуса на правом фланге армии, за что, в частности, и поплатился, потерпев жестокое поражение. А вот в мае 1916 г., в знаменитом «Брусиловском прорыве» авиационная разведка сыграла одну из решающих ролей, обеспечив русское командование точной информацией о расположении всех австрийских частей, причем массового привлечения летчиков к разведке требовал сам А.А.Брусилов³⁵. Таким образом, в ходе Первой мировой войны произойти быстрая эволюция авиации, доказавшей, что она может быть действенной боевой силой, причем не только в разведке: начинали со сбрасывания гвоздей на «Цеппелины», а завершили войну массированным бомбометанием и значительной огневой мощью. Но в целом даже по количеству боевых самолетов в начале и в конце мировой войны можно сделать вывод, что в ее ходе значение авиации так и не выросло принципиально. Рывок произошел в период между двумя мировыми войнами, и в Великой Отечественной авиация уже представляла собой один из решающих видов вооруженных сил, когда господство в воздухе оказалось в ряду основных факторов победы или поражения.

Для советской авиации начало Великой Отечественной войны оказалось таким же трагичным, как и для всей армии. Только к полудню 22 июня она потеряла 1200 самолетов, причем 800 из них было уничтожено на земле, на приграничных аэродромах, даже не успев взлететь³⁶. В те дни, когда немецкое господство в воздухе было очевидным и почти не встречало противодействия, а бомбардировки германской авиации наводили ужас на гражданское население и наземные войска, отношение к летчикам было особым: все с нетерпением ждали появления немногочисленных «сталинских соколов», пытавшихся дать отпор превосходящим силам противника. Вот свидетельство участника тех событий. «Грозная облачность заставила нас сделать посадку вблизи станции Лоухи, – записал 24 августа 1941 г. в своем дневнике летчик Г.Д.Мироненко. – Как нас встречали! Нам не дали ничего делать самим. Все почему-то считали, что мы сильно устали... Пригласили на ужин. Видимо, все, что у них было лучшего, они выложили на стол... В Лоухи мы узнали, как наземники ценят авиацию. Мы ко всему привыкли, со всем сжились и в своей работе ничего не видели особенного. А со стороны, оказывается, видней...» «Нам нужно несколько дней, да и не без потерь, чтобы сделать то, что вы сегодня сделали», – говорили пехотинцы о результатах бомбежек и просили: «Вы только бейте авиацию!», утверждая при этом, что со «своим» врагом-пехотой и сами справятся³⁷.

Эти настроения показательны не только своим восторженным отношением к авиации, но и возлагавшимися на нее надеждами: в начале войны в массовом сознании преобладало убеждение, что главная задача советских летчиков бороться с самолетами противника. Однако к этому времени внутри самой авиации уже существовало четкое разделение на истребительную, штурмовую и бомбардировочную, причем каждый из этих видов выполнял специализированные задачи. При переходе советских войск в наступление радикально возростала роль именно штурмовой и бомбардировочной авиации как средств поддержки наземных вооруженных сил.

Через несколько десятилетий, в других исторических условиях, особую роль в малой войне стал играть новый тип авиации – вертолетная. В Афганистане от своевременного прибытия вертолетов зависели не только доставка грузов, огневая поддержка наземных войск, но, в первую очередь, эвакуация раненых и убитых, спасение людей из, казалось бы, безвыходных ситуаций. Действовала там и воздушная разведка. А вот истребителям в небе Афганистана делать было практически нечего ввиду отсутствия вражеских самолетов, хотя отдельные иногда залетали с территории Пакистана. Зато велика была роль штурмовой и бомбардировочной авиации: с количеством и качеством их ударов по вражеским объектам напрямую были связаны потери других родов войск.

«У нас была особенность та, что авиация – это офицерский вид войск, – вспоминает полковник Ю.Т.Бардинцев. – Трудности, они везде есть. Но что-то такое окопное – это уже не у нас». Внутри авиации, по его словам, какого-то психологического деления на летающую «элиту» и аэродромную «обслужу» не существовало. Напротив, у летчиков ощущение было такое, что огромное количество людей, подвозивших на аэродром горючее и средства поражения, разгрузивших колонны, готовивших технику к полету, «работало на тебя, чтобы ты выполнил боевую задачу, и если ты задачу не выполнил, появлялось чувство вины перед ними»³⁸.

При этом наиболее остро ощущалась вина перед теми, кто доставлял топливо, перевозил горюче-смазочные материалы. По свидетельству многих ветеранов Афганистана – десантников, разведчиков, то есть представителей самых уважаемых и героических военных профессий, – именно служба военных водителей была связана с наибольшей опасностью и риском для жизни. «Самое страшное было – это когда “наливников” сопровождали. Я, например, понимаю, что это такое, – вспоминает майор П.А.Попов. – Там, в Афганистане, их называли “смертники”. Одна пуля – и все... Там такой факел, что в радиусе 100 метров первые тридцать секунд воздуха нет, все выгорает, люди задыхаются... А в телевизоре показывают, что если горит бензовоз, подъезжает танк и спихивает его с дороги. Это такая лирика...»³⁹

Не было у авиации и какого-то психологического антагонизма с пехотой: были взаимопомощь и взаимозависимость, «чувство, что все мы едины и находимся в одной упряжке». Это объяснялось тем, что «авиация чаще всего работает в интересах наземных войск и совместно с наземными войсками». Для нанесения точного удара по цели требовалась грамотная работа авианаводчиков, специально обученных людей из самих наземных войск. «Иногда расстояние между нашими войсками и войсками противника было всего 100, 200, 300 или 500 метров. Оказание помощи нашим в таких условиях – большой риск и большая ответственность: можно было нанести удар не по противнику, а по своим войскам, – отмечает Ю.Т.Бардинцев. – Выполнение общей задачи зависело от того, как налажена взаимосвязь авиации с наземными войсками»⁴⁰.

Другой летчик полковник И.А.Гайдадин рассказывал, что они «не щадили ни сил, не средств, – только бы помочь наземным войскам», понимая, «что там, на земле, нашим солдатам тяжелее», и «особенно с удовольствием летали, когда на переднем крае шли бои». По его утверждению, с общевойсковыми командирами у авиации был «полный контакт». Но особо теплые отношения складывались у летчиков с десантниками: стоявший на том же аэродроме парашютно-десантный полк помогал своим соседям «и морально, и физически». А когда десантникам была поставлена задача уничтожить банду, на помощь им пришла авиация. «Окружили они банду, а там оказалось три или четыре дота, с пушками, с пулеметами. Потеряли там пять или шесть человек, пока обнаружили огневые точки, – вспоминает И.А.Гайдадин. – И они вызвали нас. И нашим звеном был нанесен такой удар, что ничего там не осталось. После этого приехали командиры, говорят: “Спасибо,

ребята, вы нас выручили. Мы не знали, что делать, как выкручиваться. Камни, – говорят, – не спрятаться нигде, а они бьют почти в упор”. И мы были с ними с начала и до конца, и до сих пор дружим»⁴¹.

Среди родов самих наземных войск, пожалуй, в значительно большей степени присутствовал дух соперничества, соревновательности, чем между разными видами вооруженных сил, которые были слишком далеки друг от друга, а потому и «делить им было нечего». Шутливые прозвища, которыми награждали друг друга представители разных военных профессий, отражают внешнюю сторону их отношений. Со временем этот профессиональный «сепаратизм» если и не исчезает полностью, то смягчается и принимает достаточно невинные формы, например, создание собственных традиций, специфических ритуалов и т.п. Так, участник Афганской войны майор С.Н.Токарев отмечал существование особого духа корпоративности и кодекса чести у разведчиков-десантников, что, безусловно, влияло на настроение людей, играя мобилизующую роль в сложных обстоятельствах. Каждый знал, что его не бросят, чувствовал свою принадлежность к особому «маленькому этносу», который в любом случае защитит. Взвод воспринимался как семья. «Даже когда на помощь высылали мотострелковую роту, чтобы они помогали трупы нам спускать, ответ был один: “Разведбат свои трупы несет сам!”» – вспоминает он. По его словам, в их подразделении присутствовал «дух гордости своеобразной за принадлежность именно к разведке»: разведчик-десантник мог «где-то свысока смотреть на пехоту», соревноваться по уровню подготовки с обычными десанниками или со спецназовцами, сравнивая результаты и с удовольствием делая вывод: «Да нет, мы вроде лучше!»⁴² Такой «особый дух» играл, несомненно, позитивную роль, ни в коей мере не перерастая во «вражду» с представителями других родов войск, но являясь мощным фактором сплоченности и боеспособности своего подразделения.

* * *

Таким образом, психологические особенности личного состава, связанные с его принадлежностью к конкретным видам вооруженных сил, родам войск и военным специальностям, представляют собой важный «срез» групповой военной психологии, накладывающей свой «отпечаток» не только на массовые категории военнослужащих, но и на каждого бойца и командира. Пожалуй, этот элемент психологии, наряду со спецификой, вытекающей из принадлежности к рядовому или командному составу, в наибольшей степени отражает собственно военно-психологические характеристики всех военнослужащих, приобретающих тем большую устойчивость и даже характерологические (индивидуально-личностные) свойства, чем дольше срок службы человека в армии. Это своего рода «профессиональная» психология, смыкающаяся с личностной. В боевых условиях подобный «профессионализм» впитывается человеком гораздо быстрее и приобретает более устойчивые формы.

На протяжении XX века, в том числе и от войны к войне, происходили определенные, весьма существенные изменения в структуре Российской (Русской, Красной, Советской) армий: происходила смена видов вооруженных сил, внутри которых, в свою очередь, менялся состав и приоритет тех или иных родов войск, происходило их слияние, размежевание, приход и уход с военно-исторической сцены, массовая смена – отмирание старых, зарождение и распространение новых военных профессий. Все это со временем – иногда постепенно, иногда скачкообразно, но в конце концов качественно, коренным образом изменяло профессиональный состав вооруженных сил, структуру деятельности большей части военно-

служащих. Распространение сложной техники вызывало глубокую специализацию не только между видами вооруженных сил, но и между родами войск в их составе, и в рамках самих родов войск, вплоть до полкового, батальонного и даже ротного уровней. Такой резкой дифференциации, безусловно, не существовало даже в конце прошлого века, хотя, конечно, профессиональные различия между бойцом пехоты, кавалерии и артиллерии были весьма значительны. Новым в XX веке, причем нарастающим по глубине и масштабам, стало резкое усложнение профессиональных навыков, требующихся в каждой из военных специальностей, которых, в свою очередь, стало намного больше. Если, например, в начале столетия возникла такая новая профессия как «летчик», то к концу века принадлежность к авиации как виду вооруженных сил вовсе не свидетельствовала о том, что входящий в нее личный состав относился к одним лишь «летчикам»: здесь уже были десятки узко-специализированных профессий, каждая из которых требовала специального, как правило, высшего образования и длительной подготовки. Даже разные типы машин требовали различной подготовки, а в составе экипажей существовало несколько должностей с соответствующими функциями (пилот, штурман, стрелок и т.д.). Резко увеличилось количество вспомогательного персонала (техники, ремонтники и т.п.). Виды вооруженных сил нередко стали «пересекаться», включая в себя родственные рода войск. Так, в Военно-Морском флоте появилась морская авиация. Свои десантные войска имеют и морские, и воздушные, и сухопутные силы, и т.д. Эволюция вооруженных сил под влиянием технического прогресса радикальным образом повлияла на личный состав, требования к которому резко повысились и по части уровня образования, и по специальной подготовке, и по интеллектуально-психологическим качествам.

В боевых условиях конкретных войн, в которых участвовала Россия в XX веке, «профессиональная» психология оказывалась особенно значимой, причем роль ее возрастала от одного вооруженного конфликта к другому, по мере развития видов оружия, усложнения технического оснащения войск и структуры вооруженных сил.

Глава III

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Особенности возрастной структуры и психологии

Подчиненное, второстепенное по сравнению с военно-профессиональными факторами, но в ряде случаев весьма существенное влияние на психологию военнослужащих, участников войн XX века, оказывали их социально-демографические и собственно социальные параметры.

Различия в роли этих факторов были связаны, во-первых, с большой социальной динамикой, качественными сдвигами, произошедшими в социальном составе армии на протяжении столетия, а во-вторых, с огромными различиями в контингенте участвовавших в боевых действиях в локальных и мировых войнах. В первом случае, в локальных войнах, это преимущественно кадровый офицерский состав регулярной армии и солдаты по текущему призыву. В мировых войнах кадровый состав оказывался «выбит» в самом их начале, и в солдатские шинели одевалась значительная мужская часть ранее гражданского населения. Понятно, что во втором случае «разброс» в основных социально-демографических и социальных параметрах, в «качестве» социального состава армии оказывался принципиально большим.

Рассматривая влияние поло-возрастного состава на психологию военнослужащих, нужно сразу же отметить, что военная служба и особенно участие в боевых действиях и в XX веке оставались преимущественно прерогативой мужчин. Однако именно в этом столетии возник такой социально-психологический феномен, как относительно массовое участие в войне женщин, причем не только в качестве медицинского персонала, но и в различных тыловых и вспомогательных службах, и даже в боевых частях практически во всех родах войск и военных профессиях.

Среди демографических факторов, существенно влияющих на психологию военнослужащих, безусловно, следует выделить возрастные параметры. Известно, что возрастная психология весьма тесно связана с целой совокупностью личностных качеств. Для молодых людей характерен динамизм, гибкость психологических процессов, более легкая обучаемость, приспособляемость к изменениям внешней среды, большая склонность к риску и пренебрежение опасностью, и т.д. Все это преимущественно позитивные качества, имеющие немалое значение в боевой обстановке. Их интенсивность снижается к зрелому возрасту и, как правило, сводится к минимуму в возрасте пожилых. Но, с другой стороны, с возрастом происходит накопление жизненного опыта, приобретается рассудительность, осмысленность, стремление взвесить последствия своих действий. Диалектика

позитивных и негативных сторон возрастной психологии в целом находит отражение в тенденциях структурирования личного состава Вооруженных Сил. С момента введения всеобщей воинской повинности, возрастной предел призывников на действительную военную службу в мирное время во всех армиях обычно бывает ограничен относительно молодыми возрастными (в отличие от предшествующих веков, когда служба в армии была пожизненной или продолжалась десятилетиями). Эта тенденция, наряду с требованиями к физическим качествам призывников, которые, естественно, у молодежи в среднем выше, учитывает и уже перечисленные позитивные качества, характерные для молодых людей.

Возрастная психология вполне логично накладывается и на иерархическую структуру военной службы, при которой сама логика служебного продвижения связана с определенной выслугой лет и повышением в военных чинах и должностях: более высокие военные должности, как правило, требуют именно тех качеств, которые проявляются в более зрелом возрасте (боевой и человеческий опыт, чувство ответственности, рассудительность и т.д.). Понятно, что это лишь общая тенденция, допускающая многочисленные исключения, тем более что для командующих очень высокого ранга желателен динамизм молодости, а командирам всех уровней, отвечающих за жизнь людей, необходимы и опыт, и взвешенность решений. Нарушение этой диалектики, перекося в ту или иную сторону, могут приводить к весьма негативным последствиям, особенно в боевых условиях. Примером этого может служить, в частности, русско-японская война, в которой одним из факторов поражения русских войск стал недопустимо большой сдвиг в возрастной структуре командного состава в пользу старших возрастов.

Причиной этому была система, существовавшая длительное время еще со второй половины XIX века, когда из-за замедленного чинопроизводства высший офицерский корпус был далеко не молод. Даже введенный в 1899 г. возрастной ценз предусматривал очень высокий предельный возраст: для командира роты (капитана) – 50 лет, командира части (подполковника и полковника) – 58 и 60 лет, начальника дивизии – 63 и командира корпуса – 67 лет¹. Понятно, что для этих возрастов характерно отсутствие необходимого в боевых условиях динамизма, гибкости мышления, а очень часто и просто элементарного физического здоровья. Но на практике даже этот, сам по себе высокий возрастной ценз часто не соблюдался. Так, на конец 1902 г. средний возраст генералов составлял 69,8 года и колебался от 55 до 92 лет. Хотя после введения ценза возраст старших и высших офицеров несколько снизился, но и тогда более 78,3% всех начальников дивизий были старше 56 лет, а 34,8% – старше 61 года. 50% командиров армейских корпусов имели возраст от 61 до 65 лет. Полк офицеры, за редким исключением, получали после 46 лет². Не случайно после неудачной русско-японской войны значительное число старших и высших офицеров было отправлено в отставку (341 генерал и 400 полковников за один год)³, прежде всего с учетом возрастного критерия.

Но те же тенденции характерны для младшего и среднего командного состава армии начала века. В 1903 г. среди всех капитанов армейской пехоты строевых частей (почти все – командиры рот) 2,2% были в возрасте от 26 до 35 лет, 22% – от 36 до 40, 43% – от 41 до 45, 27,6% – от 46 до 50 и 5,2% – от 51 до 60 лет, причем моложе 31 года было только 5 человек, а старше 55 – 3 человека. Среди ротмистров армейской кавалерии (командиров эскадронов драгунских полков) 4% были в возрасте от 30 до 35 лет, 42,4% – от 36 до 40, 41,7% – от 41 до 45, 11,3% – от 46 до 50 и 0,7% – старше 50 лет⁴. Наиболее молодой офицерский состав был в инженерных войсках (59,8% до 30 лет и 3,8% старше 50), затем в кавалерии (46,8 и 5,6%), казачьих войсках (46 и 7,4%), а наиболее старый – в артиллерии (46,8 и 7,7%). В пехоте в возрасте до 30 лет было 59,8% офицеров, а старше 50 – 6,9%⁵.

Как видно из этих данных, возрастные параметры русского офицерского корпуса накануне войны с Японией характеризуются негативным сдвигом, во многом

предопределившим косность и инертность мышления, отсутствие инициативы, склонность к пассивности.

К началу войны действовала установленная еще в 1888 г. система воинской повинности, согласно которой призыву подлежали лица, достигшие 21 года. Общий срок службы определялся в 18 лет – 5 лет на действительной службе и 13 в запасе, после чего военнообязанные переходили в ополчение⁶. Таким образом, основная масса рядовых в армии принадлежала к категории молодежи.

На комплектование личного состава русской армии влиял и такой фактор, как льготы и отсрочки (по семейному положению, образованию и др.). С учетом того, что общее число лиц, подлежащих призыву, значительно превышало требующийся контингент набора (около 25-30% призываемых), была распространена система жеребьевки, а значительная часть военнообязанных непосредственно приписывалась к ополчению и призывалась только на учебные сборы. Так, военный министр Куропаткин, анализируя результаты призывов 1898-1902 гг., отмечал, что по семейному положению было освобождено до 48% призываемых, тогда как в Германии и Австро-Венгрии – до 2-3%, а во Франции – никто; по физической негодности ежегодно браковалось 17%, тогда как в Австро-Венгрии – 50%, а в Германии – 37%. Эти данные свидетельствуют, в частности, что в русской армии оказывались призванными на действительную службу немало лиц, обладавших физическими недостатками⁷. Последнее, явно негативное явление, получило широкое распространение и в ходе мобилизации в период русско-японской войны.

В январе 1904 г. численность русской армии составляла 1135 тыс. человек, из них на Дальнем Востоке находилось 90 тыс. человек⁸. С началом войны была проведена частичная мобилизация в Сибирском, Киевском и Московском военных округах. Укомплектование предназначенных к отправке на театр военных действий корпусов проходило в большой спешке, в результате чего в строй попали военнообязанные запаса преимущественно старших возрастов, 39-43 лет. «Воинским начальникам было предписано отправлять в части первых явившихся. Таковыми оказались исполнительные и степенные “бородачи”, являвшиеся в воинские присутствия сразу по получении повестки. Молодые запасные, как правило, загуливали и являлись через несколько дней, когда штатные нормы оказывались заполненными. “Бородачи” – все отцы семейств и люди, отвыкшие от строя, – видели в этом несправедливость, и это печально отражалось на их духе»⁹, – отмечает А.А.Керсновский.

Такой «кадровый подход» не способствовал повышению боевых качеств прибывающего на фронт пополнения. Кроме того, армия «засорялась физически негодным элементом» из-за небрежно проводившегося отбора, а также существовавшей, согласно Уставу 1874 г., системы жеребьевки и «льгот по семейному положению». Так, 52,3 тыс. человек были исключены из состава армии «за физической негодностью», что составило 1/4 часть всей убыли. «Людей отрывали от семьи и занятий, одедали, снаряжали, довольствовали, везли на край света и там убеждались, что они не годны к службе! Их лечили, свидетельствовали, браковали, отправляли назад... Одно довольствование этой инвалидной армии поглотило несметные деньги»¹⁰, – возмущается А.А.Керсновский.

Всего за период войны было мобилизовано и отправлено на Дальний Восток, считая с гарнизоном Порт-Артура, 23 тыс. офицеров и 1250 тыс. нижних чинов, из них свыше 3/4 приняло участие в боевых действиях. Общие потери составили около 270 тыс. человек, в том числе убитыми более 50 тыс. Примечательно, что весной 1905 г., в самый тяжелый период войны, когда по стране широко распространялись слухи о кровавых потерях и жестоких поражениях, из оставшихся в России полков 40 тыс. солдат отправилось на войну добровольцами¹¹.

Но в целом проведенная мобилизация не лучшим образом отразилась на качественном составе частей русской армии, участвовавших в войне с Японией. Здесь и возрастной сдвиг в пользу старших возрастов, причем не только в командном, но и в

рядовом составе, и плохие физические параметры пополнения, и низкий уровень военной подготовки, и другие демографические и социальные характеристики (семейное положение и др.), не способствующие боевому духу и боеспособности войск.

В период между русско-японской и Первой мировой войнами были внесены некоторые коррективы, повлиявшие на возрастные параметры личного состава.

В 1906 г. срок службы был сокращен до 3 лет в пехоте и 4 лет в конных и специальных войсках. Был увеличен контингент новобранцев, который составлял ежегодно 450 тыс. человек с 1908 г. вместо 300-320 тыс. до русско-японской войны. Срок службы вольноопределяющихся в 1912 г. был определен в 2 года¹².

В целом порядок призыва в русскую армию мало отличался от общемировой практики. В большинстве государств Европы в этот период в армию призывались лица в возрасте 20-21 года, военнообязанными считались на военной службе до 40-45-летнего возраста. От 2 до 4 лет они служили в кадрах (2-3 года в пехоте, 3-4 года в кавалерии и конной артиллерии), после чего на 13-17 лет зачислялись в запас. По истечении срока пребывания в запасе военнообязанные включались в ополчение, в которое зачислялись также лица, способные носить оружие, но по каким-либо причинам не призывавшиеся в армию¹³.

В 1912 г. численный состав русской регулярной армии составлял 1384900 человек¹⁴. А количество военнообученных в России на основе всеобщей воинской повинности к началу мировой войны достигло 5650 тыс. человек¹⁵.

Произошли некоторые сдвиги в возрастном составе кадрового офицерского корпуса, характеризовавшиеся некоторым омоложением. Так, перед началом мировой войны (в 1912 г.) число обер-офицеров в возрасте до 30 лет составляло 45,1%, штаб-офицеров – 0,1%, в возрасте от 30 до 40 лет – соответственно 37,2 и 10,1%, а генералов – 0,7%, в возрасте от 40 до 50 лет – соответственно 15,9, 51,3 и 18,4%, от 50 до 60 лет – 1,8, 37,2 и 66,9% и свыше 60 лет – 0,02, 1,3 и 13,9%. Общее число офицеров до 30 лет в составе офицерского корпуса было 37,1%, от 30 до 40 – 32,2%, от 40 до 50 – 21,4%, от 50 до 60 – 8,7% и свыше 60 – 0,5%¹⁶. Характерно, что данный офицерский корпус был не только моложе прежнего, сформировавшегося в начале века, но и обладал свежим боевым опытом. Именно в русско-японской войне большинство молодых офицеров получило боевое крещение, проявило свои способности, приобрело важные навыки, что наряду с извлечением командованием уроков из военных неудач 1904-1905 гг. и большой ротации кадров, способствовало их быстрому служебному продвижению. Таким образом, русский офицерский корпус начала мировой войны был качественнее, нежели в войну предыдущую: по своему составу он был моложе и динамичнее, но обладал лучшей, в том числе и непосредственно боевой подготовкой.

Естественно, что начавшаяся мировая война привела к радикальным изменениям личного состава армии – как офицерского корпуса, так и рядовой массы. Летом 1914 г. в строю русской армии было 51,4 тыс. генералов и офицеров, а после мобилизации – 98 тыс.¹⁷ Закономерным стало изменение и ее возрастного состава, так как призывались и лица старших возрастов, и вольноопределяющиеся. Но самые большие изменения произошли не в итоге первой мобилизации, а в результате последующих. Так, в кампанию 1915 г. были в основном уничтожены последние кадры регулярной русской армии, и с этого момента ее потери можно было пополнить, но нельзя заменить: «армия превратилась в ополчение»¹⁸. Кроме того, к весне 1915 г. был израсходован весь обученный запас армии, и в нее стали призывать «ратников 2-го разряда» – людей, никогда прежде не служивших, часто физически слабых, не умевших владеть оружием. Они попадали в маршевые роты и отправлялись на фронт совершенно необученными и безоружными, а попав на передовую в разгар тяжелых летних боев, пополняли собой число не бойцов, а дезертиров, самострелов и сдавшихся в плен неприятелю. «Упрекать надо не этих несчастных людей, а тех, кто в таком виде отправлял их на фронт»¹⁹, – утверждает

А.А. Керсновский, возлагая ответственность за плохое комплектования армии на органы Военного ведомства. Всего осенью 1915 г. на фронте находилось почти 3856 тыс. солдат и офицеров²⁰.

Что касается возрастных параметров рядовых русской армии, то если в начале Первой мировой военнообязанными считались лица в возрасте от 19 до 43 лет, то последние призывы затронули уже и 18-летних. Нужно отметить, что в отличие от Второй мировой войны, в этот период, во-первых, была существенно ниже верхняя возрастная граница военнослужащих и, во-вторых, лица, достигавшие ее, в ходе самой войны подлежали демобилизации²¹.

Следующей относительно масштабной, хотя и локальной войной России (теперь уже СССР) в XX веке была «зимняя» война с Финляндией 1939-1940 гг., продолжавшаяся 16 недель. Всего в боевых действиях с советской стороны (с учетом более 390 тыс. чел. потерь всех видов) участвовало более миллиона бойцов, при этом среднемесячная численность всей группировки войск за декабрь 1939 – март 1940 г. составляла 848,6 тыс. чел. Из них на командный состав приходилось более 200 тыс.²²

Поскольку в «зимней войне» принимали участие кадровые формирования Ленинградского военного округа, Балтийского и Северного флотов, то и возрастная структура участников войны определялась общим, действовавшим в тот момент порядком комплектования Вооруженных Сил. К началу войны этот порядок был окончательно переведен (в течение 1935-1939 гг.) со смешанного территориально-кадрового на кадровый, экстерриториальный принцип комплектования войск. Вследствие этого основную массу рядовых военнослужащих как в армии, так и на флоте составляли молодые люди от 18 до 24 лет, хотя среди них встречались и 30-ти, и даже 40-летние²³. Следует принимать во внимание и такой исторически уникальный фактор, оказавший мощнейшее влияние на изменение командного состава Красной Армии всех уровней, как массовые репрессии 1937-1940 гг., прошедшие катком и по самим участникам «зимней» войны. Сегодня уже достоверно известно, к каким колоссальным потерям опытных командных кадров привели эти репрессии, резко нарушившие естественную их ротацию и преемственность поколений. В результате произошло искусственное кадровое омоложение командного состава, когда необученные лейтенанты ставились на командование батальоном, а то и полком. Но и во главе более крупных воинских частей и соединений оказывались неопытные, плохо подготовленные, как правило, сравнительно молодые люди.

Кстати, одной из причин упорства финского правительства во время предвоенных переговоров, его нежелания идти на уступки требованиям советской стороны, являлась недооценка военной мощи СССР, а среди факторов такой недооценки была информированность финской стороны о серьезном подрыве боеспособности Красной Армии в результате массовых репрессий. И в начале войны, особенно после первых успехов, многие финны стали думать, что их страна в состоянии справиться с Красной Армией один на один²⁴.

К началу Великой Отечественной войны, то есть на 22 июня 1941 г., в Красной Армии и Военно-Морском Флоте состояло по списку 4827 тыс. военнослужащих. Кроме того, на довольствии в Наркомате обороны находилось около 75 тыс. военнослужащих и военных строителей, проходивших службу в формированиях гражданских ведомств. За четыре года войны было мобилизовано (за вычетом повторно призванных с освобожденных от оккупации территорий) еще 29 млн. 574,9 тыс. чел., включая 767,8 тыс. военнообязанных, находившихся к началу войны на учебных сборах в войсках, а всего вместе с кадровым составом в армию, на флот и в военные формирования других ведомств было привлечено 34 млн. 476,7 тыс. человек²⁵.

Из 34 млн. 476,7 тыс. человек, надевавших в течение войны шинели, свыше одной трети (33%) ежегодно находились в строю (где состояло по списку 10,5-11,5 млн. чел.), причем половина этого личного состава (5,0-6,5 млн. чел.) проходила службу в войсках действующей армии, то есть воевала на советско-германском фронте. За годы войны из Вооруженных Сил убыло по различным причинам в общей сложности 21,7 млн. чел., или 62,9% общего числа всех призывавшихся и состоявших на военной службе. Более половины этой убыли составили безвозвратные потери²⁶.

Основу довоенной кадровой армии 1941 г. составили призывники 1919-1922 гг. рождения. Но уже к концу лета в результате двух первых военных мобилизаций (в июле и августе 1941 г.) были призваны военнообязанные старших возрастов вплоть до 1890 года рождения (то есть 50-летние) и молодежь 1923 года. В ходе последующих мобилизаций призывались лица, достигшие призывного возраста, включая 1926 г. рождения. Однако в частях народного ополчения, многие из которых влились в состав действующей армии, оказывалось немало лиц и старше 50 лет. Понятно, что такой разнопоколенный состав советских Вооруженных Сил не мог не иметь своим следствием и существенную специфику возрастной психологии.

Вторая мировая война, пожалуй, как ни одна из других войн, в которых участвовала Россия в XX веке, выявила специфику психологии отдельных поколений и даже породила особое «фронтовое поколение Великой Отечественной». Остановимся лишь на некоторых вопросах возрастной психологии того периода.

Каждый исторический период накладывает свой отпечаток на людей, особенно на тех, чья личность в это время только еще формируется. «Современники определенной эпохи, принадлежащие к одному символическому поколению, не обязательно являются сверстниками. "Поколение Великой Отечественной войны" включает и тех, кому в 1941 г. было 17 лет, и тех, кому исполнилось 25. Однако жизненный путь тех, кто пошел на фронт прямо со школьной скамьи, не успев приобрести ни профессии, ни семьи, существенно отличается от судьбы тех, кого война застала уже взрослыми»²⁷. Прошлый жизненный опыт оказывает огромное влияние на поступки людей, стиль их поведения, так же как и отсутствие подобного опыта.

Юношеская психология отличается повышенной эмоциональностью, поступки – импульсивностью, взгляды и суждения – категоричностью, максимализмом. Романтичность, поиски идеала и подражание ему, обостренное чувство справедливости и болезненное восприятие контрастов; пренебрежение к опасности, реальность которой не всегда полностью осознается; стремление к самоутверждению (часто на уровне подсознания) – все эти качества, присущие определенному возрасту, в большей или меньшей степени были характерны для молодых людей 40-х годов, чья юность пришлась на войну. Сыграла свою роль и система агитации и пропаганды, воспитание в духе «героических традиций революции и гражданской войны», на разного рода символах и идеях жертвенности во имя «светлого будущего», к которым особенно восприимчива молодежь. В этом возрасте усвоение определенной системы нравственных норм и принципов, утверждаемых обществом, претворяется в сложную гамму моральных чувств формирующейся личности. Молодые люди, в начале своей сознательной жизни попавшие на войну, были всецело преданы не просто национальному Отечеству, но Отечеству социалистическому, не разделяя в своем сознании два этих понятия. Это было поколение, родившееся и выросшее при новом общественном строе, воспитанное в духе присущей ему идеологии и в минуту опасности вставшее на его защиту. «Мне скажут, – пишет фронтовик Ю.П.Шарапов, – что советские люди шли защищать свою Родину, свою землю, своих родных и близких. Верно. Но ведь почти четверть века к началу войны все это было иным, советским, не образца 1913 года, отнюдь нет. У этой Родины была уже другая, своя история. Очень сложная, своеобразная, но своя...

Минувшая война была Отечественной. Но Отечество было уже не тем, что раньше»²⁸. И рвавшиеся на фронт мальчишки и девчонки просто не знали другого Отечества. Они были комсомольцами, добровольцами, и жертвовали собой без колебаний. Не случайно из всех возрастных категорий, участвовавших в войне, именно на их долю пришлось наибольшее число потерь. «Войну выиграли, довели до победы дохлые, замороженные мальчишки в шинелях не по росту... Мальчишки – хребет победы»²⁹, – утверждает бывший морской офицер, шесть раз убегавший из плена, прошедший все муки и унижения, воевавший потом рядовым в разведке Ю.И.Качанов. По нашим подсчетам, среди известных ныне героев, закрывших своим телом огневую точку врага, 82,5% составляют молодые люди до 30 лет и 65,3% – до 25 лет³⁰. Возраст большинства полных кавалеров ордена Славы также составляет от 20 до 24 лет³¹. Даже с поправкой на общий возрастной состав армии эти цифры говорят сами за себя.

Если в юности люди живут не столько разумом, сколько чувствами, то их поведение в зрелом возрасте объяснить намного сложнее. О том, что представляет собой зрелость, как изменяется человек после достижения половой и социальной зрелости и до начала старения, психологи знают очень мало, хотя такие исследования ведутся³². Но то, что люди старшего поколения вели себя на фронте иначе, чем молодые, замечал и тот, кто не был искушен в психологических тонкостях. «Я уже говорил о святых мальчишках и девчонках, – вспоминал В.Кондратьев, – но воевали люди и старше нас, и отцы, и деды. Они воевали умелее, трезвее, поперед батьки в пекло не лезли, удерживая и нас, юнцов, потому что более нас понимали цену жизни»³³. Люди семейные, как правило, вели себя осторожнее холостяков, стараясь избегать опасностей там, где это было возможно. Они знали, каково придется их детям без отца-кормильца, не лезли зря «на рожон» и руководствовались старым солдатским принципом: «Сам не напрашивайся, а прикажут – не отказывайся». Впрочем, это вовсе не значит, что они сражались хуже. Просто в их понимании война была тяжелой, изнурительной работой, которую надо добросовестно выполнять. В таком осознании и выполнении солдатского долга тоже был героизм, но иного рода – не мгновенная яркая вспышка, но каждодневный, полный тягот и смертельного риска ратный труд. Но в наиболее сложных и опасных ситуациях, в критических обстоятельствах, когда все решают минуты и секунды, они наравне с молодыми совершали поступки, выходявшие за рамки фронтовой обыденности, – те, что называются подвигом.

А мальчишки 18-20 лет не только 40-летних, но порой и 30-летних своих товарищей называли между собой «стариками», не предполагая, что очень скоро сравняются с ними в главном, военном опыте и сами будут смотреть как на «салаг» на новые, еще необстрелянные пополнения. Потом, после войны, для тех, кто уцелел, наступит психологическая разрядка и они снова станут мальчишками, стараясь наверстать упущенные радости жизни. Вот как вспоминал об этом мой отец лейтенант-танкист С.Л.Сенявский: «На фронт уходили мы мальчишками. Мы рано, слишком рано становились взрослыми, ответственными не только за свою и близких своих судьбу, но за гораздо большее – за судьбы Родины! И все же мы оставались мальчишками, которые не могли равнодушно пропустить взгляд девчонки, но и не могли смириться с тем, чтобы девчонки нами “командовали”, даже ранеными. И по-мальчишески, вопреки здравому смыслу, не долечившись, мы удирали из медсанбата, порою и из госпиталя, снова в часть, снова в бой, для многих из нас уже последний. Так было! А те, кто выжил, пережили еще и непростую послевоенную судьбу. Мы позже учились и позже любили – ведь ни для того, ни для другого у нас не было времени в юности, отнятой войной. И вот, отслужив еще несколько лет после войны и проучившись еще лет пять, мы, юноши военных лет, становились снова “взрослыми” к тридцати. У нас было две юности: одна настоящая, отнятая войной; другая запоздавшая, послевоенная...»³⁴ Эти строки отец написал в канун 30-летия Победы, взглянув на свою судьбу как бы со стороны. Это

была его судьба и судьба целого поколения. Это он, едва оправившись от ранения и контузии, сбежал из медсанбата обратно в роту. Это он, суровый и сдержанный на фронте, был неисправимым шутником и заводилой в послевоенные студенческие годы. Стоит сравнить две фотографии – 44-го и 46-го годов. На обеих отец в военной форме, но насколько старше выглядит он на той, первой, в выгоревшей гимнастерке, перетянутый португеей! Насколько старше выглядят они все, мальчишки 40-х, на своих фронтовых фотографиях.

Следует подчеркнуть, что участие целого ряда поколений – сыновей, отцов и даже дедов – в одной войне в XX веке – специфика мировых войн, причем во Второй мировой войне возрастной диапазон рядового состава был гораздо большим, нежели в Первую мировую. При этом не стоит забывать не только о достаточно массовом участии в боевых действиях стариков-ополченцев, но и о малолетних сыновьях полков.

В этом отношении Афганская война 1979-1989 г. принципиально иная: в ней, в отличие от двух мировых войн, действовала только регулярная армия – солдаты срочной службы и кадровые офицеры, в большинстве своем молодые люди. Всего за период с 25 декабря 1979 г. по 15 февраля 1989 г. в войсках на территории Афганистана прошло военную службу 620 тыс. военнослужащих, из них в соединениях и частях Советской Армии – 525 тыс., в пограничных и других подразделениях КГБ СССР – 90 тыс., в формированиях внутренних войск МВД СССР – 5 тыс. чел. Кроме того, на должностях рабочих и служащих в советских войсках в этот период находилась 21 тыс. чел. Ежегодная списочная численность советских войск в составе ограниченного контингента составляла от 80 до 104 тыс. военнослужащих и 5-7 тыс. рабочих и служащих (временнонаемных). Общие людские потери (включая все виды санитарных) за девять лет войны составили 484,1 тыс. чел., из них безвозвратные – около 14,5 тыс. чел.³⁵

Следует отметить, что поскольку Афганская война длилась более девяти лет, а служили в Афганистане в среднем около полутора лет (срок службы военнослужащих в составе ограниченного контингента советских войск был установлен не более 2 лет для офицеров и 1,5 года для сержантов и солдат)³⁶, те, кто принимал участие в начале и в конце войны, по сути, принадлежат к разным поколениям. И, несмотря на то, что им была присуща общая возрастная, в том числе психологическая специфика, служили они уже в разные исторические эпохи. В начале войны отсутствие в СССР широкой информации о боевых действиях, о погибших и раненых, о том, что на самом деле происходит в Афганистане, заранее порождало у них беззаботность в отношении своей жизни. «Редко кто из отъезжавших в Афганистан четко представлял себе характер предстоящей службы. Желание подвигов, боев, желание показать себя “настоящим мужчиной” – это было. И пошло бы это очень на пользу, окажись рядом с молодыми ребятами кто-нибудь постарше, – вспоминал командир батальона М.М.Пашкевич. – Тогда бы этот юношеский порыв и энергия компенсировались спокойствием и житейской мудростью. Но солдату 18-20 лет, командиру взвода 21-23, командиру роты 23-25, а командиру батальона хорошо если 30-33 года. Все молодые, все жаждут подвигов и славы. И так получилось, что это замечательное человеческое качество порой приводило к потерям»³⁷. В конце войны, при той же психологии молодости, отношение к участию в ней было уже более сложным и противоречивым.

Социальное происхождение и образовательный уровень

Особое значение для понимания психологии военнослужащих в течение всего XX века имели социальные характеристики личного состава Вооруженных Сил: прежде всего, социальное происхождение и положение, а также уровень образования. Причем, значимость социального происхождения с начала века к его концу постоянно снижалась, а реальный социальный статус имел в основном значение для кадрового офицерства и зависел все больше от продвижения по службе. Немалое значение в этом вопросе имело отношение общества к армии и вообще положения армии как социального института. Что касается уровня образования, то он был в основном тесно связан со служебным статусом человека в армии (с принадлежностью к рядовому составу, младшему, среднему и старшему командному составу), а в начале и даже в середине века тесно коррелировал с социальным происхождением (до революции – с сословным, после революции – с собственно социальным).

В дореволюционной России любой офицер по самому своему положению был дворянином. Первый же офицерский чин прапорщика приносил ему личное дворянство (до 1845 г. – потомственное), а чин полковника – потомственное (в период с 1845 до 1856 г. принадлежность к нему давал чин майора)³⁸. Что касается социального происхождения, то здесь ситуация была несколько иной. По утверждению П.А.Зайончковского, офицерский корпус, уже в конце XIX в. состоявший из потомственных дворян лишь наполовину (в подавляющей своей части не поместных, а служивых), был разночинным, хотя разночинный состав вовсе не означал господства среди офицеров разночинной идеологии³⁹. А в начале XX в. доля потомственных дворян по происхождению в офицерском корпусе, включая даже гвардию, еще больше снизилась, и составляла всего 37%⁴⁰. Таким офицерский корпус пришел и к русско-японской войне.

Однако несмотря на то, что офицерский состав русской армии становился все более разночинным, политика царского правительства была направлена на отделение офицерства от рядовой массы сословными барьерами путем возведения даже младших офицеров в личное дворянство. Не случайно выходцы из духовенства, мещан, купечества и даже крестьян, становясь офицерами, приобретали приверженность к сословным дворянским ценностям, хотя им было весьма сложно соответствовать нормам поведения и уровню культуры, характерным для родовой аристократии. Поэтому сословный барьер существовал не только между офицерами и рядовыми, но и всеми нижними чинами, включая унтер-офицеров.

Подавляющим источником пополнения рядового состава армии и в XIX, и в начале XX века было крестьянство. Некоторые сдвиги здесь произошли на рубеже двух веков в виду относительно быстро развивавшейся урбанизации и в особенности роста фабрично-заводских категорий. При этом следует отметить, что в унтер-офицеры набиралась вовсе не из наиболее развитых и грамотных солдат, каковыми обычно являлись городские жители, а главным образом из крестьян, так как «фабричные, городские и заводские» считались малонадежными, плохими солдатами. При наборе в учебные команды предпочтение традиционно отдавалось людям, взятым «от сохи», но так как большинство выходцев из деревни были неграмотными, их подготовка и обучение вызывали большие трудности. Тем не менее, вопреки негласным официальным установкам, направленным на регулирование социального состава унтер-офицерских кадров за счет благонадежного крестьянского пополнения, стихийная социальная мобильность взламывала эти искусственные барьеры, и на местах нередко предпочитали более образованных и сметливых горожан⁴¹.

В начале века, царское правительство, обеспокоенное революционным брожением в обществе и армии, попыталось повысить благонадежность вооруженных сил традиционно консервативным путем: усилением дворянского начала среди

кадрового офицерства, в частности, путем введения в 1903 г. закона о создании дворянских кадетских школ, который на практике так и не был реализован, так как дворянство не устраивал этот тип учебных заведений, не дававших среднего образования⁴². Были и другие попытки более активного привлечения дворян на военную службу. В результате, по данным военно-статистического ежегодника армии за 1912 год, сословный состав кадрового офицерства накануне Первой мировой войны выражался в следующем соотношении: дворян – 69,76%, почетных граждан – 10,89%, духовенства – 3,07%, купеческого звания – 2,22%, податного сословия (крестьян, мещан и др.) – 14,05%. Среди генералов потомственные дворяне составляли 87,45%, среди штаб-офицеров (полковников и подполковников) – 71,46% и среди остального офицерства – 50,36%. Из податного сословия больше всего было обер-офицеров – 27,99%, а среди генералов представители этой социальной группы занимали 2,69%⁴³. В ходе мировой войны кадровый офицерский корпус был практически уничтожен, а еще довоенная тенденция к «демократизации» офицерского состава армии на основе пополнения ее разночинцами, превратилась в доминирующую. Так, к октябрю 1917 г. 88% всего офицерского корпуса составили офицеры собственно военного времени, в абсолютно преобладающей части – разночинного происхождения⁴⁴. Особенно этот процесс затронул младший офицерский состав, так как молодые офицеры выпусков военных училищ начала 1910-х годов и прапорщики первого года войны (в основном из студентов и других образованных слоев молодежи), оказались той категорией русского офицерства, которая понесла наибольшие потери. Дальнейший набор прапорщиков происходил из солдат и унтер-офицеров, прошедших краткосрочные курсы подготовки, и к осени 1917 г. среди младших офицеров 96% составляли разночинцы, причем четверо из пяти происходили из крестьян⁴⁵.

Что касается тенденций в изменении образовательного уровня личного состава русской армии в дореволюционный период, то они во многом аналогичны динамике социального состава и в значительной степени с ней коррелируют.

Хотя в 1900 г. грамотных призывников насчитывалось около 50% (по сравнению с 1867 г., когда их было всего 9%), это был невысокий уровень, что отрицательно сказывалось на военной подготовке и обучении войск⁴⁶. Поэтому на армии в начале века в ходе первичной подготовки рядового состава, наряду с собственно военным обучением, лежало тяжелое бремя обучения грамоте взрослых и неразвитых людей. Однако это относилось только к пехоте, в которой с 1902 г. было введено обязательное обучение грамоте, тогда как ни в кавалерии, ни в артиллерии грамоте солдат не обучали, «в виду того, что занятия грамотностью с молодыми солдатами этого рода оружия совершенно невыполнимы по недостатку для сего времени», как было отмечено специальной Комиссией по вопросу об образовании войск при Главном штабе в начале XX в.⁴⁷ Следует отметить, что на протяжении последних десятилетий XIX в., при общем повышении удельного веса грамотных в составе пополнения, тенденция в обучении грамоте в войсках была противоположной. И если в 1860-70-е гг. обучение солдат чтению и письму было налажено широко, то с 1881 г. оно значительно сокращается, а в середине 1880-х обучение грамоте нижних чинов, кроме поступавших в учебные команды, сделали необязательным. В начале 1890-х гг. официальная позиция властей сводилась к следующему: «На войска не может быть возложена обязанность служить проводниками грамотности в народную массу, средств и времени очень мало»⁴⁸. В результате учить солдат грамоте прекратили почти во всех округах, за исключением Киевского, командующий которого генерал М.И. Драгомиров единственный ставил вопрос о невозможности обучать военному делу неграмотных людей⁴⁹.

Что касается унтер-офицерских кадров, то они обучались и грамоте, и военному делу в полковых учебных командах непосредственно при частях. Срок обучения со-

ставлял 2 года для пехоты и кавалерии и 1-3 года для артиллерии и инженерных войск (в специальных школах)⁵⁰.

Ситуация с качеством не только рядового, но и командного состава во многом усугублялась тем, что еще Устав о воинской повинности 1874 г. фактически освободил от военной службы образованных и даже полуобразованных людей, возложив всю ее тяжесть на неграмотную часть общества. В начале XX века, в том числе и в период русско-японской войны, интеллигенция не отбывала воинской повинности, а ее отношение к офицерам и армии вообще было отрицательным и пренебрежительным. Военная служба считалась в ее кругах занятием недостойным, делом неудачников и «тупиц». Не способствовало престижу армии и то, что «излишне шумных студентов» сдавали в солдаты, превратив военную службу в вид наказания, а саму армию – в место ссылки. Ситуация стала меняться в конце 1900-х гг., когда учащаяся молодежь потянулась в военные училища, а с началом мировой войны в армии на младших офицерских должностях оказались многие студенты⁵¹.

Подготовка кадровых офицеров низшего и среднего звена производилась через юнкерские и военные училища. В юнкерские училища принимали с 16 лет молодых людей всех сословий, окончивших 4 класса гимназии или реального училища. В военные училища поступали в основном дети дворян после окончания военных гимназий и кадетских корпусов. В большинстве училищ готовили офицеров для пехоты и кавалерии, обучение там продолжалось 2 года, а в Михайловском и Константиновском артиллерийских училищах – 3 года. Офицеров среднего звена готовили также из вольноопределяющихся первого разряда и сверхсрочно-служащих унтер-офицеров, которым присваивалось звание зауряд-прапорщиков⁵².

Подготовка высшего офицерского состава велась в четырех военных академиях. Однако офицеры, обучавшиеся в высших учебных заведениях в 1903-1904 гг., составляли менее 2% от общего числа офицеров и генералов, состоявших на действительной службе. На май 1902 г. в армии числилось 2668 полковников, из них 29% имели высшее образование. Генералов (командиров корпусов и начальников дивизий) с высшим образованием числилось 57,1%. При этом значительное число штаб-офицеров и генералов не имели не только высшего образования, но и командного опыта, отличались отсутствием инициативы, что сказывалось на боевой подготовке войск⁵³. Несомненно, это негативно отразилось и на ходе русско-японской войны, в результате которой, однако, основная часть кадрового офицерского состава приобрела практический боевой опыт, с которым спустя десятилетие и вступила в Первую мировую войну.

К началу Первой мировой войны уровень грамотности рядовой солдатской массы по сравнению с рубежом веков, по сути, не изменился. По данным «Военно-статистического ежегодника армии за 1912 г.», грамотность солдат составляла 47,41%⁵⁴. В период самой войны образовательный уровень русской армии в целом существенно изменили массовые мобилизации, причем процессы были очень противоречивы, а результаты существенно различались для рядовой массы и офицерских кадров и имели специфику на разных этапах войны. Массовый призыв в начале войны привел к пополнению армии огромным контингентом темного и малограмотного крестьянства. В то же время, офицерские кадры пополнились в основном разночинной, но относительно образованной частью общества, особенно из числа вольноопределяющихся. В ходе войны именно эта образованная часть армии оказалась в наибольшей степени выбитой. Такой обескровленной, потерявшей свои лучшие – социально-элитные и образованные кадры, – русская армия подошла к революции.

В ходе дальнейших революционных катаклизмов и Гражданской войны, русский офицерский корпус продолжал нести огромные невосполнимые потери, а последовавшие в годы Советской власти многочисленные репрессии, причем не только против бывшего белого офицерства, но и военспецов Красной Армии, фактически довершили его окончательное уничтожение к середине 1930-х гг. Репрессии 1937-

ли его окончательное уничтожение к середине 1930-х гг. Репрессии 1937-1940 гг. фактически обрушились уже на новые офицерские кадры, сформированные даже не столько в годы Гражданской войны, сколько в последующий период.

За два первых послереволюционных десятилетия социальная политика советского государства привела к фактической унификации социального состава Красной Армии, которая действительно превратилась в рабоче-крестьянскую. Не только отмена сословных перегородок, не только классовая установка на выдвижение низов общества, прежде всего «пролетариата» и бедного крестьянства, но и многочисленные волны классовых чисток и репрессий в армии, постепенно ликвидировали остатки старых кадров, участвовавших еще в Первой мировой и Гражданской войнах. Что касается образовательного уровня как новобранцев, так и собственно рядового состава, он зависел от общей линии «культурной революции» на ликвидацию неграмотности, а затем и повышение уровня образования, необходимого для решения задач индустриализации. Несомненно, рост технической оснащенности вооруженных сил предъявлял и более высокие требования к общему и специальному образовательному уровню военнослужащих, причем не только командного состава.

К концу 1930-х гг. в СССР удалось добиться значительных успехов как в обеспечении грамотности населения, так и в повышении уровня его образования. По данным переписи населения 1939 г., из лиц в возрасте от 9 лет и старше грамотные составляли 89,5% (мужчины – 95,7%), а среди жителей села – 76,7% (мужчины – 88,1%)⁵⁵. Причем неграмотными оставались преимущественно лица старших возрастов и жители национальных окраин. Так, по всем категориям населения РСФСР уровень грамотности был существенно выше общесоюзного. Значительно повысился и уровень образования. По данным той же переписи, на 1000 человек мужского населения лиц со средним образованием приходилось 89, а с высшим – 9, причем для городского населения эти показатели были в 2-2,5 раза выше. Три четверти имевших среднее образование на этот год составляли лица до 30 лет, то есть основной призывной контингент⁵⁶. Уже в 1938/1939 г. в СССР почти все дети (97,3%), окончившие начальные классы, перешли учиться в среднюю школу⁵⁷. Не удивительно, что среди призывников 1939-1940 гг. треть составляли лица, имеющие высшее и среднее образование, а проблема собственно грамотности накануне Второй мировой войны перед Красной Армией уже не стояла⁵⁸.

Однако, что касается специального военного образования офицерских кадров, то в результате репрессий конца 1930-х гг. армия, по сути, лишилась всей своей образованной части. В итоге к началу Великой Отечественной войны лишь 7% командиров имели высшее военное образование, а более трети не получили даже законченного среднего военно-специального⁵⁹.

Как и в Первую мировую войну, гибель кадровой армии, с одной стороны, и массовый прилив в нее гражданского населения, с другой, вызвали противоречивые последствия в области образовательного уровня вооруженных сил. Наряду с приходом в армию массовых пополнений старших, относительно малограмотных возрастов, в нее влились также студенты и старшеклассники, молодые специалисты в разных областях, а в состав ополчения вошла даже профессура. И нередки были случаи, когда высокообразованные люди служили рядовыми под началом не только неопытных, но и малограмотных командиров.

За послевоенные десятилетия советское общество радикально изменилось по своим социальным и культурным параметрам. Большинство населения стало городским, а наличие среднего и даже высшего образования для молодых людей было уже не исключением, а правилом. К началу Афганской войны уже давно существовало всеобщее среднее образование. Так, по данным переписи населения 1979 г., почти 64% лиц в возрасте 10 лет и старше имели высшее и среднее (пол-

ное и неполное) образование, причем среди мужчин они превышали 68%, а среди горожан – 76%⁶⁰. Как правило, в этот период армию пополняли призывники – выпускники 10-го класса, в середине 1980-х гг., по действовавшим тогда правилам, призванными оказывались и многие студенты дневных отделений высших учебных заведений. Что касается офицерских кадров, то в большинстве своем они имели не только среднее специальное военное образование, но и высшее.

Таким образом, на протяжении XX века существенно и даже радикально изменились не только социальный состав русской армии, но и ее культурный и общеобразовательный уровень. Особенно этот вывод относится именно к рядовому составу, который прошел эволюцию от преимущественно крестьянской малограмотной армии (в русско-японскую и Первую мировую войны) до советской армии 1980-х гг., состоявшей преимущественно из горожан со средним образовательным уровнем. Такая эволюция важных социальных характеристик личного состава, естественно, не могла не влиять на его психологические характеристики: иным были кругозор, мировоззрение, жизненный опыт, ценностные установки.

Национально-психологический аспект

Как уже отмечалось выше, психологические измерения войны, в том числе их проявление в психологии участников, крайне разнообразны. На них влияют параметры и самого вооруженного конфликта, и участвующего в нем воинского контингента. К последним в первую очередь относятся такие характеристики, как общая численность вовлеченных в военные действия человеческих масс, их структурирование на рода войск и военные профессии, на рядовой и командный состав, широкий комплекс социально-демографических и социальных параметров, включающий поло-возрастную структуру, социальное происхождение и статус, образовательный и культурный уровень, и др.

Огромное значение имеет и такой срез, как национальный состав российских воинских контингентов и, соответственно, особенности национальной психологии и ее проявления в боевой обстановке, влияние на психологию войны в целом. Национальные качества – традиции, культура, мировоззрение, этнопсихология, особенности национального характера – очень важны и, безусловно, оказывают существенное воздействие и на психологическую атмосферу в армии, и на поведение конкретных людей и воинских коллективов в бою, и т.д. Однако эту психологическую область следует рассматривать как предмет большого специального исследования, требующего и специальной источниковой базы, и использование особой методологии, и отработки целого комплекса специальных методик. Поэтому в этой книге мы затронем лишь самые общие национально-психологические аспекты участия российской армии в войнах XX века.

В общественных науках проблема национального характера относится к числу наиболее сложных и запутанных, является постоянным предметом споров и дискуссий. В разные периоды развития отечественной историографии были попытки как абсолютизировать значение национальной психологии, так и принизить его – вплоть до полного отрицания в угоду «классовому подходу». Особенно болезненный характер обсуждение этих проблем приобрело в последнее время – на фоне многочисленных, в том числе вооруженных конфликтов на межэтнической почве на постсоветском пространстве.

Сложность вычленения национально-психологического аспекта применительно к русской армии в войнах XX века состоит, в частности, в том, что сами воинские коллективы и в дореволюционное, и в советское время были по составу многонациональными, как правило, с преобладанием русского или в целом восточно-

славянского компонента. Исключения достаточно немногочисленны. Как значимый их пример можно привести преимущественно моноэтнические дореволюционные казачьи формирования, кавказскую «дикую дивизию» и «латышских стрелков» в Первую мировую войну, тенденцию этнизации армии после Февральской революции, национальные формирования в Красной Армии в 1918-1938 и 1941-1945 гг., и др. В национальных частях не так остро стояла проблема языкового барьера, как в обычных, да и среди земляков, в привычной национальной среде было легче адаптироваться к солдатской жизни.

Несмотря на экстерриториальный принцип комплектации армии с середины 1930-х гг., национальный состав отдельных частей в период Великой Отечественной войны во многом зависел от места их формирования. Кроме того, в соответствии с решением ГКО от 13 ноября 1941 г., в составе Советской Армии появились и собственно национальные воинские части, а по закону, принятому Верховным Советом СССР 1 февраля 1944 г. каждая союзная республика стала иметь свои республиканские воинские формирования⁶¹. Всего в период Великой Отечественной войны в составе Советских Вооруженных Сил было сформировано 2 управления стрелковых корпусов (Эстонский и Латышский), 17 стрелковых (горнострелковых) и 5 кавалерийских дивизий, а также ряд отдельных частей, укомплектованных преимущественно личным составом одной национальности (до 70%), которые получили официальные наименования национальных (армянских, азербайджанских, грузинских, латышских и т.д.) соединений и частей⁶². Все национальные формирования прекратили свое существование в середине 1950-х гг., а их личный состав влился в ряды многонациональных воинских формирований. Однако, и во время войны, несмотря на существующие директивы о направлении представителей определенных этнических групп в национальные армии, попадали туда далеко не все желающие⁶³.

В ходе нашего исследования российских участников войн XX века как бы подразумевалось, что их национальным ядром являлись русские и два других восточно-славянских этноса – украинцы и белорусы, с очень близкими национально-психологическими и этно-культурными характеристиками. Не случайно на протяжении всего XX века воинов российской армии и противники, и союзники называли «русскими». За этим названием стояла констатация факта не только количественного преобладания восточных славян в армии России и СССР, но и доминирующий этно-психологический образ российского солдата в сознании иностранцев. «Даже самый благоприятный [для противников России – Е.С.] исход войны никогда не приведет к разложению основной силы России, которая зиждется на миллионах собственно русских»⁶⁴, – писал в прошлом веке канцлер Германии Бисмарк.

Лидирующая роль собственно русского народа не подвергалась сомнению и в самих рядах российской армии, особенно в период Великой Отечественной войны. «Мы много говорим и пишем о национальной гордости, о славных боевых традициях русского народа, – отмечал в 1943 г. в письме с фронта старший лейтенант Борис Кровицкий. – Но в войсках воюют люди разных национальностей. Россия, ее традиции – гордость не только русских, но и всех народов и народностей нашей страны. Чувство Родины стало всеобщим для нас. У бойцов разных национальностей в разговоре часто слышишь гордое: “Мы, русские”. И это совсем не от желания отречься от своей национальной принадлежности, нет»⁶⁵.

Русский народ всегда являлся цементирующей основой многонациональной российской армии. При этом присущими ему чертами национального характера, генетически связанными с историей России, необходимостью ее защиты от иноземных нашествий, общинным укладом и артельным духом, были готовность пожертвовать

собой ради блага Отечества, способность к концентрации духовных и физических сил, умение «собраться в кулак», стойко выдержать всевозможные напасти, то есть та способность к сверхнапряжению, которая на самых крутых поворотах истории не давала погибнуть нации⁶⁶. Героизм и самоотверженность русского народа, его верность Родине многие зарубежные деятели признавали «русским чудом».

Ряд качеств русской национальной психологии смыкается с этическими установками, восходящими к русскому православию (а отчасти и к более глубоким религиозно-этническим корням). Здесь не только стойкость и мужество, но и незлобивость, умение прощать своих врагов. «...Для русской души, лишенной в той же мере организационного начала, каковое представлено у германской нации, нравственности принадлежит преобладающее значение не только как средства воспитания солдатского духа, но и как принципа построения основ воинского дела, имеющего в немалой степени отношение к боеспособности в широком смысле этого слова. Одной, если не главной, причиной гибели русской армии в 1917 году было невнимание к проблеме воспитания воинских чинов, а затем и прямая потеря нравственных ориентиров. Если правда и справедливость делали русского солдата стойким в битве и выносливым в лишениях и невзгодах военной жизни, то нравственность – эта спутница и начало истины – наделяла его добродетелью великодушия»⁶⁷.

Однако даже в этой, в целом комплиментарной оценке качеств русского воина, сделанной религиозным деятелем послереволюционной эмиграции С.Мельниковым, подмечены и негативные стороны русской национальной психологии – явный недостаток организованности, который неоднократно становился фактором неудачного ведения Россией отдельных боевых действий и даже целых войн. На это, кстати, обратили внимание и участники опроса среди офицеров, прошедших русско-японскую войну. Многие из них неорганизованность, нечеткость управления отмечали в ряду главных недостатков, приведших русскую армию к поражению⁶⁸.

С одной стороны, расхожее мнение об организованности немцев и безалаберности русских как типичных чертах национального характера, является стереотипом массового восприятия, а с другой, – находит нередкое, вполне объективное подтверждение, в том числе в глазах постороннего человека – иностранца, даже достаточно лояльно настроенного к России. Так, американский корреспондент Джон Рид, побывавший и на русско-германском, и на франко-германском фронтах, имел возможность непосредственно сравнить уровень организации русской и германской армий, их передвижения, снабжения и т.д. Вот что он увидел в России летом 1915 г.: «Повсюду крайняя дезорганизация: расположившийся у железнодорожного полотна батальон ничего не ел весь день, а дальше громадный навес – столовая, в которой портились тысячи обедов, так как люди не прибыли вовремя. Нетерпеливо гудели паровозы, прося свободного пути... На всем лежал отпечаток безалаберно затраченных повсюду огромных сил. Какая разница с бесперебойной германской машиной, которую я видел в северной Франции четыре месяца спустя после оккупации...»⁶⁹

Здесь есть основание задуматься о том, что в XX веке у России фактически была лишь одна большая победоносная война – Вторая мировая, выигранная в условиях жесточайшей сталинской диктатуры, предельной централизации и концентрации сил, мощного организационного и волевого начала, сопряженного с репрессивной практикой. Все это оказалось в ряду факторов, позволивших преодолеть почти полную дезорганизованность на фронтах в начальный, крайне тяжелый период войны, выдержать невероятное напряжение четырехлетних военных испытаний и сокрушить германскую военную машину, до того покорившую почти всю «демократическую» Европу. Впрочем, это предмет для отдельного разговора.

Однако в российской армии на протяжении всей ее истории (за редкими исключениями) не было подхода к кадрам по принципу национальной исключительности и явно выраженного предпочтения, хотя отдельные элементы ксенофобии встречались, например, в период Первой мировой войны (преимущественно к лицам немецкой национальности), в 1930-е годы в условиях массовых репрессий (в отношении поляков, прибалтов, немцев и др.), в годы Великой Отечественной войны (в отношении представителей «репрессированных народов»), и т.д. Но в целом относительно национальной политики в российской армии, пожалуй, верны оценки гвардии полковника Баурджана Момыш-улы. «...Суровый и справедливый закон войны-боя не знает никакой пощады, снисхождения и скидок ни солдату, ни офицеру, к какой бы он нации ни принадлежал, – писал он в 1944 г. редактору журнала «Знамя». – Бой знает и признает мужество и способность, и только способность выдвигает и возвышает солдата и офицера. Война не знает выдвиганий без боевых качеств»⁷⁰.

Проявление этих качеств в ходе больших и «малых» войн XX века и представляет для нас наиболее важный аспект историко-психологического исследования.

Глава IV

ЖЕНЩИНЫ НА ВОЙНЕ – ФЕНОМЕН XX ВЕКА

Дореволюционная ситуация: исключение из правил

«Война – дело мужское». Это утверждение всегда принималось за аксиому и, разумеется, не случайно: на всем протяжении человеческой истории это не самое благородное занятие действительно было прерогативой мужчин. А женщины всегда выступали в качестве пассивной жертвы, военной добычи, в лучшем случае – долго-терпеливой Пенелопы или плачущей Ярославны. Легенды об амазонках, – кстати, распространенные в древности во всех частях света, – оставались чаще всего лишь легендами. Хотя уже с древнейших времен в обзолах многих армий странствовали те, кого в XVIII-XIX вв. называли маркитантками. Они выполняли тройную функцию – снабжения войск продовольствием, иногда – ухода за ранеными, и почти всегда – «жриц любви». И отношение к ним со стороны как мужчин, так и обыкновенных женщин было соответствующим.

Но вот женщина-солдат, женщина с оружием в руках – это во все времена было казусом, событием невероятным, порождавшим массу легенд, слухов и домыслов. Жанна д'Арк – великая героиня французского народа. И это ни у кого не вызывает сомнений. Но давайте вспомним, как жестоко высмеивал ее Шекспир, который, впрочем, был англичанином, а потому его точка зрения весьма субъективна¹. Или наши народные героини 1812 года – партизанка Василиса Кожина и кавалерист-девица Надежда Дурова. С Кожиной ситуация более или менее ясна: когда кругом враг, который грабит и убивает, врывается в твой дом, угрожает твоим детям, – поневоле за вилы возьмешься. А она хоть и женщина, но облеченная властью – старостиха. Хотя тоже случай невероятный, особенно для русской крестьянки, воспитанной на патриархальных общинных традициях. И все-таки здесь главный фактор ее поведения – вынужденный: война. Так во все времена женщины осажденных городов и крепостей лили на головы неприятелю кипящую смолу. А вот с Надеждой Дуровой все намного сложнее: в армию она ушла в 1806 г., когда французов под Москвой еще и в помине не было. Причем эта замужняя женщина оставила семью, мужа, малолетнего сына ради своих довольно странных наклонностей. А.С.Пушкин, публикуя в «Современнике» отрывок из ее записок, писал в предисловии: «Какие причины заставили молодую девушку, хорошей дворянской фамилии, оставить отеческий дом, отречься от своего пола, принять на себя труды и обязанности, которые пугают и мужчин, и явиться на поле сражений – и каких еще? Наполеоновских! Что побудило ее? Тайные, семейные огорчения? Воспаленное воображение? Врожденная неукротимая склонность? Любовь?..»² Догадки были самые разные. Споры продолжаются до сих пор. Например, недавно в одной из телевизионных передач врач-сексолог разбирал поведение Надежды

Дуровой как типичное для транссексуалов. Специалисту виднее. И вместе с тем, современники воспринимали эту женщину как героиню – необыкновенную, непонятную, загадочно-романтическую, но, безусловно, незаурядную натуру, бросившую вызов общепринятым нормам поведения своего круга и своей эпохи.

И все же это – единичные случаи такого рода, «исключение из правил». Но цивилизация на месте не стоит, войны становятся все страшнее и кровопролитнее, и все больше женщин «приобщаются» к несвойственному им ремеслу. Крымская война 1853-1856 гг., оборона Севастополя: женщины в лазаретах, женщины, собирающие ядра и подающие их артиллеристам. Там прославилась своей отвагой медсестра Даша, прозванная Севастопольской. Русско-японская война: снова женщины – сестры милосердия, на сей раз их гораздо больше. Первая мировая война: сестры милосердия, фельдшерицы в госпиталях, реже – в отрядах Красного Креста в прифронтовой полосе, на передовой. И наконец, первое женское воинское формирование – Добровольческий ударный батальон смерти под командованием полного Георгиевского кавалера поручика Марии Бочкаревой.

Это уже серьезно. «Женщина с ружьем» становится фактом русской истории. Все в Первую мировую служили в армии около 2 тыс. женщин. Кстати, главным аргументом Бочкаревой при создании ее батальона в мае 1917 г. было то, что «солдаты в эту великую войну устали и им нужно помочь ... нравственно», – то есть, по сути, женщины пошли на войну, когда мужчины оказались не на высоте, пошли, чтобы их «устыдить»³.

«Граждане и гражданки! – призывала Мария Бочкарева. – Наша мать, наша матушка Россия гибнет. Я хочу помочь спасти ее. Я зову с собой женщин, чьи сердца и души кристально чисты, а помыслы высоки. Покажем же мужчинам в этот тяжкий час пример самопожертвования, чтобы они заново сознали свой долг перед Родиной!.. Мораль наших мужчин низко пала, и мы, женщины, обязаны послужить им вдохновляющим примером. Но сделать это могут лишь те, кто готов безоговорочно пожертвовать своими личными интересами и делами»⁴.

В то время, когда мужчины целыми толпами дезертировали с фронта, «слабый пол» устремился на защиту Отечества. При этом основную массу бойцов ударных батальонов составляли выходцы из трудовых семей – портнихи, учительницы, сестры милосердия, работницы, учащая молодежь из провинциальных городов. Кроме того, в маршевые роты были приняты женщины, досрочно освобожденные из заключения, «чтобы дать возможность грешницам искупить вину на полях сражений»⁵.

И вот тут возникает вопрос: а как относились мужчины к присутствию женщин в армии, к тому, что они вторглись в эту типично мужскую сферу деятельности?

Приведем несколько отрывков из воспоминаний полковника Г.Н.Чемоданова, где он рассказывает и о своей встрече с женщинами из «батальона смерти», и о сестрах из отряда Красного Креста. Дело происходит уже в период разложения армии, когда солдаты бегут с позиций, офицеры потеряли всякую власть и возможность наводить порядок. А женщины... Женщины остаются на посту и продолжают выполнять свой долг!

«За несколько дней до выступления на позицию, – вспоминает Г.Н.Чемоданов, – ко мне в штаб полка явились две молодые женщины из расформированного уже к тому времени батальона Бочкаревой [так в тексте – Е.С.] “Примите нас на службу в полк”, – обратились они ко мне с просьбой. Молодые, здоровые, рослые девицы, шинели туго перетянуты ремнями, на стриженных головах лихо надвинуты папахи. “Первый случай в моей практике”, отношусь скептически и этого не скрываю; на повторные просьбы предлагаю вопрос перенести в полковой комитет, и вот эта пара хорошо грамотных разбитных девиц у меня в полку на должности телефонистов в команде службы связи»⁶. Далее он описывает панику, когда вся рота убежала

в тыл, а на передовой остались сам ротный, его денщик, телефонист, фельдфебель, повар и обозные от кухни, «девять человек всего и баба в их числе, телефонистка». «Ну и как она себя держала?» – спросил полковник у ротного, когда тот доложил обстановку. «Молодец баба, не меньше меня ругала и стыдила солдат», – был ответ.

Другой случай, описанный Чемодановым, касается сестер милосердия. Здесь обращает на себя внимание намек полковника о «благах», связанных с соседством Красного Креста, имеющий явно негативный оттенок, а также упоминание о том, что такое соседство – явление весьма редкое: «Во время доклада адъютант рассказывал мне новости, происшедшие за день, и между прочим сообщил, что тут же в имении расположен отряд Красного Креста. Удивление мое будет понятно тем, кто знает, как помпезно обычно располагались эти отряды и какие блага для полка проистекали от такого редкого соседства. Мне показалось невероятным, что я мог не знать о присутствии отряда, находясь в имении более суток»⁷. И тут выяснилось, что от большого некогда отряда, основная часть которого была отправлена в тыл, остались только белый флаг с красным крестом на доме, две юные сестры милосердия, четырнадцать санитаров и две санитарные повозки. Ни фельдшера, ни врача.

«Вы понимаете, господин полковник, какое свинство устроили! – возмущался адъютант. – В такое время оставить двух молодых девушек на произвол четырнадцати санитаров...» И начал рассказывать, в каких условиях они живут: в холодном полуразрушенном здании, спят на нарах, питаются впроголодь, «и, кроме того, солдаты заставляют их каждый день по два часа газеты читать». Полковник посочувствовал и предложил «подкормить девиц» – приглашать их обедать вместе с офицерами.

И вот «к четырем часам за обедом собралась большая и непривычная компания. Присутствие двух сестер милосердия, молодых, интересных девиц, подтянуло собравшихся. Штабная молодежь сидела в своих лучших кителях, тщательно выбритая. Приехавшие с передовой гости потуже подтянули ремни своих гимнастеров и аккуратней расправили на них складки. Одичавшие в условиях жизни последних месяцев, отвыкшие не только от женского общества, но даже от вида дам, офицеры первое время чувствовали себя, видимо, связанными и держались с комичной торжественностью великосветских банкетов. К концу обеда настроение, однако, изменилось, непринужденность и простота, с которой держались наши гости, рассеяли натянутость, и разговор сделался общим, с тем особым оттенком оживленности, который получается от присутствия в мужской компании интересных женщин»⁸.

Таким образом, отношение офицеров к женщинам в армии в Первую мировую войну представляется весьма противоречивым: с одной стороны, – недоверие, скептицизм, настороженность; с другой, – снисходительная опека, покровительство «слабому полу»; с третьей, – желание подтянуться, проявить себя с лучшей стороны, оказавшись в обществе «дам». Однако в исследовании генерала П.Н.Краснова «Душа Армии. Очерки по военной психологии», написанном и изданном в 1927 г. в эмиграции, присутствие женщины на передовой оценивается однозначно негативно: «Когда боевая обстановка позволяет – отпуск домой, на побывку, но никогда не разрешение женам и вообще женщинам быть на фронте. Женщины-добровольцы, подобные легендарной кавалеристу-девице Дуровой времен Отечественной войны и Захарченко-Шульц времен Великой войны [*Первой мировой – Е.С.*], – исключение. Правило же: женщина на фронте вызывает зависть, ревность кругом, а у своих близких усиленный страх не только за себя, ибо при ней и ценность своей жизни стала дороже, но и за нее»⁹.

Еще одно свидетельство – воспоминания большевика А.Пирейко, который служил рядовым (вернее, всеми способами отлынивал от службы, а потом красочно описывал в мемуарах свои подвиги в качестве дезертира). Он рассказывает, как в поезде, где он ехал, пассажиры, состоявшие главным образом из военных, всю ругали большевиков. И тогда этот находчивый товарищ провел блестящую прово-

кацию: сообщил солдатам, размещенным в вагонах третьего класса, что во втором классе едут женщины из «батальона смерти» (на передовую, в действующую армию!). Возмущенные этим обстоятельством солдаты («Как это так? Нас возили кровь проливать в теплушках, а этих ..., которые будут так же воевать, как и сестры воевали с офицерами, возят еще во втором классе!»), отправились «разбираться» с доброволками. Недовольство было направлено в новое русло, о большевиках забыли¹⁰. Интересен как сам факт, рисующий отношение солдат к женщинам в армии (в том числе к медсестрам из Красного Креста), так и бравый тон, которым он описан.

В книге Софьи Федорченко «Народ на войне. Фронтовые записи» есть такие строки от имени солдата: «На той войне и сестры больше барыни были. Ты пеший, без ног, в последней усталости грязь на шоссе месишь, а мимо тебя фырк-фырк коляски с сестрицами мелькают»¹¹. Здесь уже о снисходительности говорить не приходится, – отношение откровенно враждебное.

Что касается женщины-солдата, то в Первую мировую это было все-таки редкостью. И судьба Антонины Пальшиной, повторившей путь своей землячки Надежды Дуровой, – под мужским именем, в мужской одежде 17-летняя крестьянская девушка служила сначала в кавалерии, затем в пехоте, закончила войну в чине унтер-офицера, кавалером двух Георгиевских крестов и медалей, – яркое тому подтверждение: чтобы попасть на фронт, ей пришлось выдавать себя за мужчину. В Гражданскую войну такая «маскировка» была уже не нужна (А.Т.Пальшина воевала у Буденного, работала в ВЧК), – в этой братоубийственной схватке все прежние нормы поведения потеряли свое значение, были отброшены и забыты¹².

Гражданская война – это вопрос особый. Комиссарши в кожаных куртках, из нагана добывающие раненых офицеров, и лихие казачки из белой гвардии, рубящие шашками направо и налево, – явление одинаково страшное. Всякая война ужасна. И женщина на войне – что может быть страшнее?! Но война гражданская, когда брат идет на брата, дает наивысшую степень озверения.

Советская эпоха: от равноправия в мирной жизни к равенству на войне

После революции политика советского государства в женском вопросе способствовала быстрому развитию эмансипации со всеми ее последствиями. Направленная на вовлечение женщин в общественное производство, эта политика довела идею мужского и женского равенства до полного игнорирования особенностей женского организма и психики, в результате чего участие женщин в наиболее тяжелом физическом труде, приобщение их к традиционно «мужским» профессиям, к занятиям военно-прикладными видами спорта преподносилось общественному мнению как величайшее достижение социализма, как освобождение женщины от «домашнего рабства». Идеи эмансипации были наиболее популярны в молодежной среде, а массовые комсомольские призывы, наборы и мобилизации под лозунгами «Девушки – на трактор!», «Девушки – в авиацию!», «Девушки – на комсомольскую стройку!» и т.д. явились своего рода психологической подготовкой к массовому участию советских женщин в грядущей войне, которая вошла в историю нашей страны как Великая Отечественная. С ее началом сотни тысяч женщин устремились в армию, не желая отставать от мужчин, чувствуя, что способны наравне с ними вынести все тяготы воинской службы, а главное – утверждая за собой равные с ними права на защиту Отечества.

Глубокий патриотизм поколения, воспитанного на героических символах недавнего революционного прошлого, но имевшего в большинстве своем книжноромантические представления о войне, отличал и тех 17-18-летних девочек, которые осаждали военкоматы с требованием немедленно отправить их на фронт. Вот что записала в своем дневнике 27 мая 1943 г. летчица 46-го Гвардейского Таманского женского авиаполка ночных бомбардировщиков Галина Докутович: «Помню 10 октября 1941 г. Москва. В этот день в ЦК ВЛКСМ было особенно шумно и многолюдно. И, главное, здесь были почти одни девушки. Пришли они со всех концов столицы – из институтов, с учреждений, с заводов. Девушки были разные – задорные, шумные, и спокойные, сдержанные; коротко стриженные и с длинными толстыми косами; механики, парашютистки, пилоты и просто комсомолки, никогда не знавшие авиации. Они по очереди заходили в комнату, где за столом сидел человек в защитной гимнастерке. “Твердо решили идти на фронт?” “Да!” “А вас не смущает, что трудно будет?” “Нет!”»¹³

Они были готовы к подвигу, но не были готовы к армии, и то, с чем им пришлось столкнуться на войне, оказалось для них неожиданностью. Гражданскому человеку всегда трудно перестроиться «на военный лад», женщине – особенно. Армейская дисциплина, солдатская форма на много размеров больше, мужское окружение, тяжелые физические нагрузки – все это явилось нелегким испытанием. Но это была именно та «будничная вещественность войны, о которой они, когда просились на фронт, не подозревали»¹⁴. Потом был и сам фронт – со смертью и кровью, с ежеминутной опасностью и «вечно преследующим, но скрываемым страхом»¹⁵. Потом, спустя годы, те, кто выжил, признаются: «Когда посмотришь на войну нашими, бабьими глазами, так она страшнее страшного»¹⁶. Потом они сами будут удивляться тому, что смогли все это выдержать. И послевоенная психологическая реабилитация у женщин будет проходить сложнее, чем у мужчин: слишком велики для женской психики подобные эмоциональные нагрузки. «Мужчина, он мог вынести, – вспоминает бывший снайпер Т.М. Степанова. – Он все-таки мужчина. А вот как женщина могла, я сама не знаю. Я теперь, как только вспомню, то меня ужас охватывает, а тогда все могла: и спать рядом с убитым, и сама стреляла, и кровь видела, очень помню, что на снегу запах крови как-то особенно сильный... Вот я говорю, и мне уже плохо... А тогда ничего, тогда все могла»¹⁷. Вернувшись с фронта, в кругу своих ровесниц они чувствовали себя намного старше, потому что смотре-

ли на жизнь совсем другими глазами – глазами, видевшими смерть. «Душа моя была уставшая»¹⁸, – скажет об этом состоянии санинструктор О.Я.Омельченко.

Феномен участия женщины в войне сложен уже в силу особенностей женской психологии, а значит, и восприятия ею фронтовой действительности. «Женская память охватывает тот материк человеческих чувств на войне, который обычно ускользает от мужского внимания, – подчеркивает автор книги «У войны не женское лицо» Светлана Алексиевич. – Если мужчину война захватывала, как действие, то женщина чувствовала и переносила ее иначе в силу своей женской психологии: бомбежка, смерть, страдание – для нее еще не вся война. Женщина сильнее ощущала, опять-таки в силу своих психологических и физиологических особенностей, перегрузки войны – физические и моральные, она труднее переносила “мужской” быт войны»¹⁹. В сущности, то, что пришлось увидеть, пережить и делать на войне женщине, было чудовищным противоречием ее женскому естеству.

Другая сторона феномена – неоднозначное отношение военного мужского большинства, да и общественного мнения в целом к присутствию женщины в боевой обстановке, в армии вообще. Психологи отмечают у женщин более тонкую нервную организацию, чем у мужчин. Самой природой заложена в женщине функция материнства, продолжения человеческого рода. Женщина дает жизнь. Тем противоестественнее кажется словосочетание «женщина-солдат», женщина, несущая смерть.

В период Великой Отечественной в армии служило 800 тысяч женщин, а пришлось на фронт еще больше. Не все они оказались на передовой: были и вспомогательные службы, на которых требовалось заменить ушедших на фронт мужчин, и службы «чисто женские», как, например, в банно-прачечных отрядах. Наше сознание спокойно воспринимает женщину-телефонистку, радистку, связистку; врача или медсестру; повара или пекаря; шофера и регулировщицу, то есть те профессии, которые не связаны с необходимостью убивать. Но женщина-летчик, снайпер, стрелок, автоматчик, зенитчица, танкист и кавалерист, матрос и десантница, – это уже нечто иное. Жестокая необходимость толкнула ее на этот шаг, желание самой защищать Отечество от беспощадного врага, обрушившегося на ее землю, ее дом, ее детей. Священное право! Но все равно у многих мужчин было чувство вины за то, что воюют девчонки, а вместе с ним – смешанное чувство восхищения и отчуждения. «Когда я слышал, что наши медицинские сестры, попав в окружение, отстреливались, защищая раненых бойцов, потому что раненые беспомощны, как дети, я это понимал, – вспоминает ветеран войны М.Кочетков, – но когда две женщины ползут кого-то убивать со «снайперкой» на нейтральной полосе – это все-таки “охота”... Хотя я сам был снайпером. И сам стрелял... Но я же мужчина... В разведку я, может быть, с такой и пошел, а в жены бы не взял»²⁰.

Но не только это «несоответствие» женской природы и представлений о ней тому жестокому, но неизбежному, что требовала от них служба в армии, на фронте, вызывало противоречивое отношение к женщинам на войне. Чисто мужское окружение, в котором им приходилось находиться в течение длительного времени, создавало немало проблем. С одной стороны, для солдат, надолго оторванных от семьи, в том их существовании, где, по словам Давида Самойлова, «насущной потребностью были категории дома и пренебрежения смертью, – единственным проблеском тепла и нежности была женщина», а потому «была величайшая потребность духовного созерцания женщины, приобщения ее к миру», «потому так усердно писали молодые солдаты письма незнакомым “заочницам”, так ожидали ответного письма, так бережно носили фотографии в том карманчике гимнастерки, через который пуля пробивает сердце»²¹. Об этой потребности «духовного созерцания женщины» на фронте вспоминают и сами фронтовики. «Женщина на войне... Это что-то такое, о чем еще нет человеческих слов, – говорит бывшая санинструктор О.В.Корж. – Если мужчины видели женщину на передовой, у них

лица другими становились, даже звук женского голоса их преображал»²². По мнению многих, присутствие женщины на войне, особенно перед лицом опасности, облагораживало человека, который был рядом, делало его «намного более храбрым»²³.

Но существовала и другая сторона проблемы, ставшая темой сплетен и анекдотов, породившая насмешливо-презрительный термин ППЖ (походно-полевая жена). «Пусть простят меня фронтовички, – вспоминает ветеран войны Н.С.Посылаев, – но говорить буду о том, что видел сам. Как правило, женщины, попавшие на фронт, вскоре становились любовницами офицеров. А как иначе: если женщина сама по себе, домогательствам не будет конца. Иное дело, если при ком-то... «Походно-полевые жены» были практически у всех офицеров, кроме “Ваньки-взводного”. Они все время с солдатами, им негде и некогда заниматься любовью»²⁴.

Чисто по-мужски оценивает ситуацию и генерал М.П.Корабельников: «Когда я пришел в армию, мне еще не было и двадцати и я еще никого не любил – тогда люди выросли позже. Все время я отдавал учебе и до сентября 1942 г. даже не помышлял о любви. И это было типично для всей тогдашней молодежи. Только в двадцать один или в двадцать два года просыпались чувства. А кроме того... уж очень тяжело было на войне. Когда в сорок третьем – сорок четвертом мы стали наступать, в армию начали брать женщин, так что в каждом батальоне появились поварахи, парикмахерши, прачки... Но надежды на то, что какая-нибудь обратит внимание на простого солдата, почти не было»²⁵. Здесь присутствие женщин в армии рассматривается под определенным и весьма специфическим углом зрения. И такой взгляд на проблему можно считать довольно типичным.

Да, такое тоже было. Но вот что характерно: особенно охотно злословили по этому поводу в тылу – те, кто сами предпочитали отсиживаться подальше от передовой за спинами все тех же девчонок, ушедших на фронт добровольцами. Те самые интенданты «в повседневных погончиках», заклеенные горьким фронтовым фольклором, о которых ходила народная поговорка: «Кому война, а кому мать родна». На войне было всякое, и женщины были разные, но «о римском падении нравов во время войны твердили только сукины дети, покупавшие любовь у голодных за банку американской колбасы»²⁶. Интересен тот факт, что фронтовая мораль гораздо строже осуждала неверную жену, оставшуюся дома и изменившую мужу-фронтовику с «тыловой крысой», чем мимолетную подругу, по-женски пожалевшую солдата, идущего на смерть. Это отношение предельно ясно выразил Константин Симонов в двух стихотворениях – «Лирическое» (1942 г.) и «Открытое письмо женщине из города Вичуга» (1943 г.). Если второе из них хорошо известно и стало уже классикой, то первое, опубликованное в дивизионной газете «За нашу Победу!» 20 июня 1942 г. и раскритикованное уже 2 июля во фронтовой газете «Вперед на врага!» И.Андрониковым, С.Кирсановым и Г.Иолтуховским за «безнравственность», «рифмованную пошлость» и т.п., оказалось почти забытым, так как противоречило ханжеству официальной идеологии, исходившей из принципа: «делай, что угодно, но говорить об этом не смей». Это стихотворение заслуживает того, чтобы процитировать его хотя бы частично.

*«На час запомнив имена,
Здесь память долгой не бывает,
Мужчины говорят: война...
И женщин наспех обнимают.
Спасибо той, что так легко,
Не требуя, чтоб звали – милой,
Другую, ту, что далеко,
Им торопливо заменила.*

*Она возлюбленных чужих
Здесь пожалела, как умела,
В недобрый час согрела их
Теплом неласкового тела.*

*А им, которым в бой пора,
И до любви дожить едва ли,
Все легче помнить, что вчера
Хоть чьи-то руки обнимали»²⁷.*

Рождались на фронте и подлинные, возвышенные чувства, самая искренняя любовь, особенно трагичная потому, что у нее не было будущего, – слишком часто смерть разлучала влюбленных. Но тем и сильна жизнь, что даже под пулями заставляла людей любить, мечтать о счастье, побеждать смерть. И осуждать их за это из далекого тыла, пусть голодного, холодного, но все-таки безопасного, было куда безнравственнее.

О том, как непросто складывались на войне женские судьбы, свидетельствует подборка писем женщин-военнослужащих, обнаруженная нами в делах политотдела 19 армии за февраль 1945 г. Эти копии были сняты военной цензурой и «проанализированы» работниками политотдела «для улучшения партийно-политической работы среди женщин Армии»²⁸. В них, как в зеркале, отражается вся трагедия женщины на войне, те горькие, порой неприглядные стороны, о которых не принято говорить. Спектр мыслей, чувств, настроений авторов писем чрезвычайно широк, они предельно искренни и интимны, явно не предполагая бесцеремонного вмешательства политорганов в свою личную жизнь. Тем большим контрастом выступают пометки военной цензуры, присвоившей себе право красным и синим карандашом отмечать то, что, по ее мнению, является свидетельством «патриотического подъема» или, напротив, «упадка духа». И выводы политотдела, выдергивающего цитаты из контекста, придавая им подчас прямо противоположный смысл. И приписки авторства несуществующим лицам, чтобы продемонстрировать начальству масштаб «работы», как будто ею «охвачено» большее число женщин, чем на самом деле. И сами рекомендации «по устранению недостатков в воспитательной работе среди девушек». Все это выглядит нелепо и вместе с тем цинично.

В заключение этого вопроса хочется привести слова К.Симонова: «Мы, говоря о мужчинах на войне, привыкли все-таки, беря в соображение все обстоятельства, главным считать, однако, то, как воюет этот человек. О женщинах на войне почему-то иногда начинают рассуждения совсем с другого. Не думаю, чтобы это было правильно»²⁹. Бывшие солдаты с благодарностью вспоминают своих подружек, сестренок, которые выволакивали их раненых с поля боя, выхаживали в медсанбатах и госпиталях, сражались с ними рядом в одном строю. Женщина-друг, соратник, боевой товарищ, делившая все тяготы войны наравне с мужчинами, воспринималась ими с подлинным уважением. За заслуги в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны свыше 150 тыс. женщин были награждены боевыми орденами и медалями³⁰.

Афганский опыт и современность: эволюция феномена

По-иному складывалось отношение к женщине в армии в период Афганской войны 1979-1989 гг. Здесь нужно учитывать характер самого военного конфликта и то, что в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане женщины (как правило, вольнонаемные) находились именно на вспомогательных, а не боевых службах. По оценкам воинов-«афганцев», значительная часть этих

женщин приехала туда либо из меркантильных соображений, либо с намерением устроить свою личную жизнь. И отношение к ним со стороны мужчин было в основном негативным: «Не нужны они там были! Можно было без них обойтись!»³¹ Хотя, с другой стороны, отмечался тот факт, что присутствие женщин смягчало и предотвращало множество конфликтов, давало эмоционально-психологическую разрядку после боевых действий. В проведенном нами осенью 1993 г. опросе офицеров-«афганцев», в ходе интервью задавался такой вопрос: «Женщины на войне. Как относились вы и ваши товарищи к присутствию женщин в армии, если они там были?» Приведем три наиболее типичных ответа.

Майор В.А.Сокирко вспоминает: «Женщин было довольно много. И, если брать по общему к ним отношению, то это было отношение как к «чекисткам», то есть чековым проституткам. Потому что таких действительно было большинство. Хотя лично мне приходилось встречать абсолютно порядочных, честных девчонок, которые приехали туда не для того, чтобы подзаработать денег или, скажем, найти себе жениха какого-нибудь, а по велению души – медсестрами, санитарками. И, как правило, те, которые приезжали без каких-то корыстных помыслов, они шли в медсанбат, в госпиталь. А вот другая категория старалась пристроиться где-то при складе, в банно-прачечный комбинат, еще где-нибудь. Ну, а самая большая мечта – это стать содержанкой у какого-нибудь полковника или прапорщика: это приравнялось, потому что у прапорщика склад, а полковник может прапорщику приказать, чтобы тот что-то принес со склада. Поэтому общее отношение к женщинам не совсем благожелательное, хотя так называемый «кошкин дом», – это общежитие, где жили женщины, – по вечерам было весьма оживленным местом, к которому мужчины устраивали паломничество»³².

Другой участник афганских событий полковник И.Ф.Ванин размышляет: «В полку или, точнее, в городке, где полк дислоцировался, было порядка пятидесяти женщин. Отношение к ним было самое различное. Женщина, которая добровольно оказалась в сугубо мужском коллективе, не вызывала, с одной стороны, больших восхищений, и, в общем-то, на нее смотрели как на *женщину*. Но вместе с тем, я не согласен, что в нашей прессе, да и на уровне разговоров, этих женщин характеризовали как шлюх, потаскух. Я не согласен с этим. Говорили об их меркантильных интересах. Да, и то, и другое было. Были и шлюхи, и потаскухи, были и меркантильные женщины. Кстати, они и не скрывали своих намерений, говорили, что для кого-то это последняя надежда поправить свое материальное положение, для кого-то это последняя надежда устроить свою личную жизнь. Я считаю, что они не заслуживают осуждения. Но не нашлось, к сожалению, человека, который бы сказал доброе об этих женщинах, при всех их пороках и негативах. Сколько они предотвратили бед и несчастий среди мужской братии, наверное, этого никто никогда не посчитает и не измерит. Сколько было самортизировано, именно этими женщинами самортизировано неприятностей! Я думаю, только за это они заслуживают весьма великой благодарности и почтительного отношения»³³.

И наконец, мнение полковника С.М.Букварева: «Женщины на войне... В наше время их мало было. У нас в полку четыре или пять – библиотекарь, две продавщицы, машинистка была... Понимаете, в чем дело: отношение к женщинам на войне в то время, когда их мало, – это плохо. Потому что все равно, конечно, какие-то там романы возникают, но когда на всех не хватает, – это плохо. (*Смеется*)»³⁴.

Итак, среди женщин, участвующих в войне, можно выделить три основных категории в зависимости от причин их участия в боевых действиях. Первой руководят факторы духовного порядка – патриотизм, романтизм, определенные идеалы. Ее поведение, как правило, вынужденное, обусловленное конкретной ситуаци-

ей: вражеским вторжением, необходимостью защитить свой дом и близких, желанием помочь своей стране. Вторую категорию можно назвать феноменом «мамаши Кураж»: это те, кто стремится воспользоваться случаем, заработать на несчастье других, живущие по принципу «война все спишет». При этом их меркантильность может принимать как вполне безобидные, так и весьма циничные формы. Наконец, третья категория представляет собой явную психическую патологию. Однако в любом случае женщина становится жертвой войны, которая ломает и калечит ее судьбу, жизнь, душу. Чего стоит один только посттравматический синдром, которому женщины подвержены сильнее мужчин!

В последние годы число женщин-военнослужащих в российской армии (в основном среди специалистов связи, в частях ПВО) стало быстро увеличиваться. На начало 1993 г. их было около 100 тыс., сейчас – еще больше. А на офицерских должностях в мае 1994 г. состояло около 1500 женщин³⁵. По мнению офицеров, женщины-военнослужащие отличаются большей исполнительностью, добросовестностью, дисциплинированностью, чем мужчины. Вместе с тем, армейская служба в мирной и военной обстановке – далеко не одно и то же. Хотя можно ли называть нынешнюю обстановку «мирной»?

И сегодня в «горячих точках» воюют не только мужчины: женщины в камуфляже есть в Абхазии и Приднестровье, в Карабахе и Югославии. И «работают» они не только санитарками и поварами, но и снайперами³⁶. Женщины-наемницы, «белые колготки» – жуткий призрак Чеченской войны. И это – страшно. К этому невозможно привыкнуть. Потому что «война – дело мужское». А «женщина на войне – жертва неразумной мужской политики».

Если даже в мирное время женщина на военной службе воспринимается как явление необычное, то в боевой обстановке – это явление чрезвычайное. И в общественном сознании оно всегда останется таковым.

Глава V

ФРОНТОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Феномен фронтового поколения

То, что во время войны, часто довольно протяженной, в сознании социального субъекта доминирующую роль играют специфические социально-психологические качества, необходимые в условиях вооруженной борьбы, не может не сказаться на всей последующей жизни активных ее участников. Для молодых людей, вступивших в войну в незрелом возрасте, именно она, как правило, оказывается основным фактором, окончательно формирующим их личность. Можно сказать, что любая война через непосредственных ее участников, отличающихся совокупностью особых социально-психологических характеристик, влияет на целое поколение современников. И все же понятие «фронтовое поколение» в XX веке мы прочно связываем с одной конкретной войной – Великой Отечественной.

Фактически, это особый, даже исторически уникальный социально-психологический и общественный феномен, для возникновения которого необходим был целый комплекс условий, в других войнах не сложившийся. Так, русско-японская война была локальным и относительно кратковременным конфликтом. Крайне непопулярная в обществе, она закончилась поражением, которое воспринималось как национальный позор, привела к революционным потрясениям в стране. Такая война ни по своим масштабам, ни по итогам не могла стать фактором морально-психологического объединения людей на основе каких-либо позитивных ценностей. Общество старалось побыстрее ее вытеснить из социальной памяти.

Во многом иной была Первая мировая война, но и она не привела в России к формированию фронтового поколения. Конечно, через фронтовые части были пропущены огромные массы людей и прежде всего молодежи. И, например, во Франции и Германии ее участники осознавали себя особым поколением, которое отдельные писатели и публицисты (находившиеся, кстати, по разные стороны линии фронта), не сговариваясь, определили как «потерянное», – из-за ощущения им бессмысленности этой кровавой бойни в «цивилизованной» Европе. Однако в России Первая мировая война переросла в гражданскую, расколол и общество в целом, и недавних товарищей по оружию на два смертельно враждебных лагеря. И здесь не могло быть места единому мироощущению, даже «потерянности». Общим было, пожалуй, только формирование массовой психологии «человека с ружьем», готовности и способности решать все проблемы радикальными и «простыми» способами – путем насилия, силой оружия. Но за носителями этой психологии стояли противоположные социальные ценности, которые в результате радика-

лизации общества привели к его распаду. Итогом стали различные социальные судьбы фронтовиков, так и не состоявшихся как единое поколение.

Пожалуй, можно констатировать, что в общественном сознании советских людей в первые послереволюционные десятилетия утвердилось представление о поколении участников Гражданской войны, которое подменило собой поколение Первой мировой, вытесненной официальной идеологией на периферию исторической памяти. Естественно, это было поколение победителей – «красных», чей боевой опыт воспевался в книгах, стихах, песнях, кинофильмах. Однако феномен «героев Гражданской войны» был принципиально иным, нежели феномен поколения, сражающегося с внешним врагом.

Конечно, фронтового поколения не могли сформировать и небольшие локальные конфликты конца тридцатых годов (Хасан, Халхин-Гол, советско-финляндская война), хотя бы в силу относительной малочисленности их участников.

При всей значимости и длительности советско-афганского конфликта 1979-1989 гг., и он не привел к формированию особого фронтового поколения. Это тоже была локальная война, на чужой территории, в условиях целенаправленной информационной блокады. Это была «спрятанная война», о которой мало что знали внутри страны, так что в течение многих лет она почти не влияла на общественное сознание. А на заключительном этапе этого конфликта средствами массовой информации было сформировано резко негативное к нему отношение. В данном случае можно говорить скорее не о поколении, а об особой социальной категории воинов-«афганцев» – ветеранов войны, тем более что из каждой возрастной группы призывников в Афганистан попадала относительно небольшая часть, а всего на его территории за девять с лишним лет прошло службу 620 тыс. военнослужащих¹.

В чем же причина возникновения феномена фронтового поколения в Великую Отечественную войну?

Фронтовое поколение 1941-1945 гг. – это поколение победителей, в сознании которого сплелись воедино все сложности и противоречия советской эпохи, но самым главным, самым значительным событием в его жизни оказалась все-таки война, ибо «только в переломные моменты развития общества возникает понятие Поколение» и миллионы людей осознают себя таковым. «...Поколение – это люди, которые не просто одновременно живут на Земле, а, поглощенные одной идеей, одновременно действуют. Острое ощущение поколения возникает в периоды народных испытаний, – размышляет доктор искусствоведения, кавалер шести боевых орденов С.Фрейлих. – Великая Отечественная война разбудила самосознание каждого из нас, это она сделала нас поколением, которое теперь называется военным. Она поставила каждого из нас как личность в новое соотношение с Историей и Народом»².

Человек не выбирает время, в котором он живет. Но он решает, как ему жить и действовать, к чему стремиться, чем и во имя чего жертвовать. От свободного и сознательного выбора миллионов молодых людей в годы самой страшной, тяжелой и кровопролитной в истории России – и всего человечества – войны зависели не только само существование нашей страны, но и судьбы мировой цивилизации. Да, фашистскому рейху с его человеконенавистнической идеологией противостояло государство «диктатуры пролетариата» – сталинский режим, не менее жестокий и репрессивный. Но в этом столкновении патриотические, национально-государственные интересы России подчинили себе тоталитарную машину советской империи и даже частично трансформировали коммунистическую идеологию. Идеи мировой революции были отброшены, а понятия «Родина», «Отечество», еще недавно публично предававшиеся «анафеме», оказались определяющими в сознании народа. Война сразу же стала Народной и Отечественной. Не случайно

имя коммунистического вождя система попыталась связать воедино с понятием национальным: политруки поднимали бойцов в атаку с призывом «За Родину! За Сталина!» Тонкий слой собственно коммунистической идеологии во многом сошел на нет, и за ним открылись и пробудились глубины народного духа. Только обращаясь к ним, система могла выжить. Но, спасая себя, система спасала страну: гибель советского государства означала бы гибель России. В тех условиях интересы народа, страны и системы оказались во многом тождественны.

Можно говорить о преступлениях системы против народа и личности, об огромной цене, которой была оплачена Победа, о далеко не всегда оправданных жертвах, явившихся результатом того, что человек для системы был не более, чем «винтиком». Все это так. Но сами люди не чувствовали себя «винтиками» – и только потому страна выдержала четыре года невероятных испытаний, выжила и победила. Многие фронтовики вспоминают Великую Отечественную как время духовного очищения, ибо нигде они не чувствовали себя так свободно, раскованно, независимо от системы, как на передовой – в окопе, в танке, в самолете. «...Мы ощущали, что в наших руках судьба родины, – через много лет после войны сказал от имени своего поколения писатель-фронтвик Вячеслав Кондратьев, – и вели себя соответственно этому представлению, чувствуя себя *гражданами* в полном и подлинном смысле этого слова... Для нашего поколения война оказалась самым главным событием в нашей жизни, самым *главным!* Так мы считаем и сейчас и совсем не собираемся “списывать” все то великое, что совершил народ в те страшные, тяжкие, но незабываемые годы. Слишком высок был духовный взлет всех воюющих, слишком чисты и глубоки были патриотические чувства»³.

*«...Это наша судьба, это с ней мы ругались и пели,
Поднимались в атаку и рвали над Бугом мосты.
...Нас не нужно жалеть: ведь и мы никого б не жалели.
Мы пред нашей Россией и в трудное время чисты»⁴.*

Эти слова принадлежат поэту-фронтовику Семену Гудзенко, и стихотворение, из которого они взяты, называется весьма символично – «Мое поколение».

Что же такое «фронтное поколение» и насколько точен этот термин, прочно утвердившийся в публицистике, но не слишком решительно вводимый в научный оборот? Совершенно очевидно, что «фронтное поколение» нельзя представлять себе как некий монолит. Оно не было единым, как любое поколение людей с разными взглядами, чувствами, судьбами, но прежде всего потому, что само включало в себя несколько (в демографическом смысле) поколений людей, личностно сформировавшихся в разных исторических условиях. Это понятие можно рассматривать как в широком смысле слова, так и в более узком. В первом случае, фронтное поколение объединяет вообще всех фронтовиков и здесь возрастной диапазон колеблется от 17 до 50 лет, что показывает довольно искусственный характер применения к ним понятия «поколение». В самом деле, можно ли причислять к одному поколению людей только потому, что им всем пришлось стать современниками какого-либо исторического события? Хотя, несомненно, общность судеб на определенном и весьма важном временном отрезке позволяет рассматривать их в единстве. Существует довольно распространенная точка зрения, согласно которой принадлежность к «поколению победителей» определяется не возрастными категориями, а «исключительно участием в битве за свободу и независимость нашего Отечества»⁵. Но тогда называть этих людей «поколением» можно лишь символически.

Другой подход предполагает выдвижение более четкого критерия, согласно которому к фронтному поколению можно отнести тех, для кого именно война и участие в ней стали главным фактором становления их сознательной личности,

фактором, наложившим на эту личность особый отпечаток в значительно большей степени, чем у других участников войны. «Жизненный опыт, добытый годами войны, чем-то очень существенно отличается от всякого другого жизненного опыта. Молодые люди тогда выросли (я имею в виду духовную сторону этого понятия) за год, за месяц, даже за один бой»⁶, – писал К.Симонов. Итак, согласно второму подходу, фронтовое поколение – это прежде всего молодые люди, вступившие в войну 18-20-летними, предшествующий жизненный опыт которых не мог оказать на них доминирующее воздействие по сравнению с тем, который они приобрели уже в ходе войны. «Мальчишки – хребет победы»⁷, как назвал их В.Кондратьев.

Безусловно, война в той или иной степени «отметила» всех, кому пришлось ее пережить и, тем более, в ней участвовать, какими бы разными ни были эти люди, к какой бы возрастной категории ни принадлежали. Но, рассматривая психологию участников Великой Отечественной войны в целом, мы считаем необходимым подчеркнуть, что основу фронтового поколения составила именно молодежь.

Условия формирования и динамика психологии фронтовиков в ходе войны

Чтобы осознать в полной мере феномен поколения, на плечи которого всей тяжестью обрушилась война, необходимо обратиться к такому сложному, разноплановому, противоречивому явлению, как общественное сознание советских людей, формировавшееся в обстановке 30-х годов, когда в массовом сознании и в социальной практике причудливо сплетались искренняя вера в социалистические идеи и психология страха, трудовой энтузиазм миллионов и массовые репрессии, вполне реальный советский патриотизм и худшие черты тоталитарного мировосприятия. Все это плюс ход и характер войны, навязанной нашей стране фашистским агрессором, войны, получившей значение национально-освободительной, всенародной борьбы за выживание целых народов, и сформировало психологию людей, отстаивших государственную независимость СССР.

Специфика 30-х – 40-х годов, отразившаяся в общественном сознании и сформировавшая его двойственный, противоречивый характер, заключалась в том, что «идеалы Октября», сколь бы ни были они утопическими и иллюзорными, воспринимались сознанием миллионов людей как реальные и вполне достижимые. Преобразования в экономике страны, проводившиеся новой властью, были на первых порах достаточно эффективными в плане достижения ближайших задач выхода из послевоенной и послереволюционной разрухи. А так как представлялись они именно социалистическими, близость и осязаемость их осуществления распространялась в сознании и на задачу «построения социализма» в целом, вызывала прилив энтузиазма и преданности новому строю; возвышенность поставленной цели заставляла мириться с «временными трудностями и лишениями», с «неизбежными издержками» в выборе средств по принципу «лес рубят – щепки летят». Трагедия, однако, заключалась не в том, что расходились цели и средства, но как раз в соответствии этим иллюзорным идеям их материального воплощения. Иллюзии, начав жить самостоятельной жизнью, приобрели характер материальной силы, агрессивной и опасной. Вместе с тем, человек не мог осознать иллюзорности происходящего, потому что на его глазах происходили гигантские по масштабам изменения (которые он считал социалистическими), создавалось ощущение огромного взлета, грандиозности преобразований в рамках одного поколения⁸.

Однако объективно стоявшая перед обществом задача преодоления отсталости и нищеты решалась военно-бюрократическими методами всеобщего огосударствления, предельной централизации и жестоких репрессий, что было оплачено

дорогой ценой массового голода, разорения деревни, фактического прикрепления крестьян к земле и даже таких же попыток в конце 30-х годов в отношении рабочего класса⁹. За рост промышленности и городов, за формирование мощной государственной машины было заплачено миллионами жизней и утратой многих элементарных гражданских прав и свобод. Величием цели – созданием нового, счастливого строя – оправдывались любые жертвы, жестокие и безнравственные средства ее достижения уже не казались таковыми, а считались закономерными и неизбежными издержками великой и справедливой борьбы. Забвение многих норм общечеловеческой морали во имя классовых «интересов пролетариата» формировало извращенные представления об извечных человеческих ценностях и привело в результате к нездоровому раздвоению массового сознания и массового поведения в обстановке, когда «донос как форма исполнения гражданского долга оценивается так же высоко, как воинская или трудовая доблесть, и явно выше, чем самостоятельность, принципиальность, товарищеская верность, обычная честность»¹⁰. Самым страшным было то, что в значительной своей массе люди были искренне убеждены в том, что совершают гражданский поступок, принося в жертву идею своих друзей, знакомых, близких. Впрочем, этот период характерен также готовностью многих принести в жертву и самих себя, героико-романтическим отношением к жизни и пониманием долга.

Психология жертвенности во имя «прекрасного будущего», утверждавшаяся со времен революции, гражданской войны и военного коммунизма, сочеталась с психологией ожидания этого «завтра». Несколько потесненная в условиях нэпа, она достигла своего апогея в период 30-х годов, воплотившись в массовом трудовом энтузиазме при отрыве от элементарного материального обеспечения и при полной бытовой неустроенности. Для поддержания этой веры в «светлое будущее», в «непогрешимость и мудрость Великого вождя товарища Сталина», использовалась целая система пропагандистских средств, среди которых огромную роль играли далекие от жизни символы различного рода и масштаба, которые действительно поднимали энтузиазм и веру населения, но в то же время имели оборотной стороной дезинформацию граждан о реальном положении в стране. Насмотревшись веселых и бодрых кинофильмов о беззаботной жизни рабочих и колхозников, люди почти верили, что пусть не у них, но уже где-то в стране так или почти так начинают жить, а если такой жизни пока еще нет, то до нее – рукой подать. При этом официальная пропаганда, в том числе и средствами искусства, старательно обходила массовый голод и нищету в деревне, срывы производственных планов, провалы внешней политики, и уж тем более военные неудачи, каковой фактически явилась финская кампания 1939-1940 гг., стоившая больших потерь и показавшая слабые стороны Красной Армии. Если же и говорилось о трудностях и провалах, то связывались они с происками «врагов народа», а действительные их причины тщательно маскировались.

Психология народа не могла не найти отражения в психологии армии, которая состояла преимущественно из молодых выходцев из крестьянства и рабочего класса. Эту психологию в большинстве своем малограмотной молодежи отличала слепая вера в социальную справедливость установленного общественного строя. В этой вере широких слоев народа, в том числе и рядового состава армии, отразились не только результаты целенаправленной пропаганды и собственный общественный опыт низов, утративших свой социально-ущербный в дореволюционном сословном обществе статус, получивших возможности продвижения вплоть до высших государственных и военных постов, но и отсутствие демократических традиций в нашем обществе, наличие в народе иллюзий, согласно которым решение всех проблем и противоречий действительности зависит от воли одного человека, мудрого вождя, что активно использовал Сталин для установления и укрепления режима своей личной неограниченной власти¹¹.

Сталинизм принес армии целую совокупность факторов, воздействовавших на ее личный состав, организацию, стратегию и тактику. Прежде всего, он предопределил жесткий социальный отбор, вызвавший еще задолго до массовых репрессий многочисленные чистки среди командного состава, приведшие к ее почти поголовному по происхождению рабоче-крестьянскому характеру. Последствия этого были многочисленны и неоднозначны. Рядовой состав армии имел ту же социальную психологию, что и те слои общества, с которыми он был кровно связан. Следствием этого была преданность советскому государству и готовность выполнять любые приказы, в том числе и расправляться с неугодными руководителям общества как с «врагами народа». Столь же преданным новому общественному строю был и командный состав армии 30-х годов, который был ему обязан своим социальным и служебным продвижением. Но культ личности принес не только веру в вожда, в идеологические штампы. Он нес в общественную психологию народа, в том числе его армии, атмосферу нетерпимости, вражды, подозрительности, неуверенности и страха, послушности любому начальству. Эта психология была порождена структурой деспотической власти и механизмом командно-бюрократического управления, органическими элементами которого были авторитарная воля начальства, беззаконие и репрессивные меры. Такая политическая практика обосновывалась «теорией» обострения классовой борьбы в процессе строительства социализма.

Массовые репрессии, развернувшиеся в стране с начала 30-х годов, не могли обойти и армию. Высший командный и офицерский корпус в значительной мере были истреблены или находились в лагерях. Аресты как «врагов народа» и «предателей» многих тысяч командиров и политработников привели к подрыву доверия солдат к своим командирам и к тому, что сами командиры стали бояться проявлять инициативу, принимать самостоятельные решения, пассивно ожидали указаний «сверху». Это особенно тяжело сказалось в первые недели и месяцы войны¹². Репрессивный режим вызвал подрыв кадровой основы армии и морально-политических основ ее боеспособности. Маршал Г.К.Жуков впоследствии вспоминал: «Мало того, что армия, начиная с полков, была в значительной мере обезглавлена, она была еще и разложена этими событиями, наблюдалось страшное падение дисциплины, дело доходило до самовольных отлучек, до дезертирства. Многие командиры чувствовали себя растерянными, неспособными навести порядок». Попытки стабилизировать положение в армии, укрепить обороноспособность и дисциплину в 1940-м – начале 1941-го г. не могли компенсировать ни потери в командном составе, ни раздвоенность психологии военнослужащих, приведшие к подрыву дисциплины и значительной деморализации армии. Негативное значение для морального духа войск имели также отказ от антифашистской пропаганды после заключения в августе-сентябре 1939 г. пакта о ненападении и договора о дружбе и границе с Германией и установка на дружеские отношения с фашистским соседом. С другой стороны, пропагандой осуществлялась милитаризация массового сознания, формировалась установка на готовность к будущей войне как неизбежной в условиях «враждебного капиталистического окружения». Однако, характер этой войны представлялся совершенно неадекватно. Так, советская стратегическая доктрина исходила из односторонней, поверхностной формулы: «Если враг навяжет нам войну, Рабоче-Крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападающих армий. Войну мы будем вести наступательно, перенеся ее на территорию противника. Боевые действия Красной Армии будут вестись на уничтожение, с целью полного разгрома противника и достижения решительной победы малой кровью»¹⁴. Такая доктрина фактически исключала саму возможность вторжения вражеских войск. Отсюда и оборонительные мероприятия в приграничных районах проводились недостаточно энергично, особенно в глубине от границы.

Исходя из этой доктрины, действовала и вся пропагандистская система страны. Весьма значительным воздействием такого рода, особенно на молодежь, обладало искусство того времени, которое, по сути, превратилось в одно из действенных средств пропаганды. Бравурные песни и бодрые киноленты о непобедимости Красной Армии притупляли готовность к длительной и тяжелой борьбе, вызывали самоуспокоенность и восприятие возможной войны как парадного шествия. Настроения легкой победы над врагом имели место и в первые дни войны – не среди тех, кто уже вступил в неравную, смертельную схватку, но там, где еще не успели столкнуться с реальной силой агрессора. «В тот день [22 июня – Е.С.] многим казалось, что начавшаяся война будет стремительной, победоносной. Такой, какой она изображалась в популярных в те годы кинофильмах “Город под ударом”, “Эскадрилья номер пять”, в романе Павленко “На Востоке”, в песнях, которые ... пели чуть не каждый день, – вспоминает бывший офицер-артиллерист А.Дмитриев. – Никто ... и представить себе не мог, какой долгой, жестокой, опустошительной, испепеляющей будет эта война, какого огромного напряжения она потребует, каких колоссальных жертв»¹⁵.

С таким противоречивым сознанием, раздвоенной моралью, дезориентированным в оценке характера будущей войны и реального противника, подошло поколение, составившее основную часть Красной Армии, к лету 1941-го года.

Следует учитывать, что в войну вступила армия, весьма разнородная по своему социальному и возрастному составу, уровню образования и военной подготовки. Репрессии радикально изменили командный состав, причем, среднее и старшее звено пополнилось в основном из среды младших командных кадров, не успевших приобрести ни достаточного опыта, ни соответствующих навыков. Младший состав был в основном сформирован за счет досрочных выпусков курсантов военных училищ (Приказ Наркома Обороны маршала С.К.Тимошенко от 14 мая 1941 г.), выпускниками краткосрочных курсов младших лейтенантов и курсов командиров запаса¹⁶.

С начала 1941 г. до 22 июня численность Вооруженных Сил СССР была увеличена с 4207 тыс. до 5373 тыс. человек. На западных границах в июне 1941 г. было сосредоточено 2,9 млн. человек – столько на начало войны составила Действующая Армия¹⁷. Основную массу рядовых составили призывники 1919-1922 гг. рождения.

Еще более разнородным стал состав армии с началом войны и двумя массовыми мобилизациями. За две первые военные мобилизации (в июне и августе 1941 г.) были призваны военнообязанные старших возрастов – с 1890 по 1918 гг. рождения и молодежь 1923 года. Особенно различен был жизненный путь, во многом определявший мировоззренческие установки людей разных поколений. Так, если поколение 1890-1904 гг. рождения (вторая мобилизация, август 1941 г.) было участником либо свидетелем Первой мировой войны, революции и Гражданской войны, поколение 1905-1918 гг. рождения (первая мобилизация, июнь 1941 г.) в сознательном возрасте пережило события нэпа и первых пятилеток, в той или иной степени было затронуто индустриализацией и коллективизацией. Все они, естественно, были современниками репрессий второй половины 30-х годов. На различные поколения по-разному повлияли внешнеполитические акции СССР – присоединение Прибалтики, Западных областей Украины и Белоруссии, Бессарабии; война с Финляндией. Так, часть предвоенной кадровой армии (поколение 1919-1922 гг. рождения) непосредственно участвовала в ряде последних событий. Для младшего поколения, начиная с 1923 г. рождения, именно война стала временем личностного становления, главным фактором, формировавшим его гражданскую зрелость. За плечами мальчишек 1923-1926 гг. рождения не было большого личного социального опыта, а потому меньшее значение имело социальное происхождение, меньшим был и разрыв в уровне образования, большее влияние на мировоззрение

оказали идеологические установки сталинского режима, при котором они родились и выросли. Именно они составили основу «фронтового поколения».

Следует отметить, что кадровый состав Действующей Армии почти полностью погиб или оказался в плену в начале войны. Так, при 5-миллионной армии, имевшейся в стране к 22 июня 1941 г., только число попавших в плен к концу 1941 г. достигло или, по другим данным, даже превысило 4 млн. человек¹⁸. И та армия, которая дошла до Берлина, состояла в основном из людей ранее гражданских, в большинстве своем никогда не державших в руках оружие и взявшихся за него, чтобы защитить свою страну.

Какой же путь прошло сознание советских воинов от момента фашистского вторжения 22 июня 1941 г. до военного триумфа Советской Армии 9 мая 1945 г.?

Несмотря на то, что первый период войны включает в себя огромное количество событий, весьма различных, в том числе и противоположных для судеб страны: была настоящая катастрофа первых месяцев войны с потерей целых армий, огромных густонаселенных территорий, тяжелые оборонительные бои, были и отдельные успехи, в том числе и стратегические – срыв планов блицкрига, первое в ходе войны крупное и успешное контрнаступление Советской Армии под Москвой, – несмотря на все это, весь период от 22 июня 1941 г. вплоть до победы в Сталинградской битве в психологическом плане един. Он характерен тем, что существовала реальная угроза поражения, стоял вопрос о самой жизни и смерти советского государства, причем не только его общественного строя, но и населяющих страну народов. Реальность этой угрозы, несмотря на все разнообразие оттенков ощущений, вызванных различиями социальными и национальными, культурными и мировоззренческими, несмотря на отдельные, в том числе и очень важные успехи Советской Армии, среди которых важнейшее политическое и социально-психологическое значение имела победа под Москвой, эта реальность осознавалась всеми. И несмотря на то, что в самых тяжелых условиях большинство советских воинов верило в конечную победу, эта угроза накладывала свой отпечаток на весь строй мыслей и чувств советских людей.

«Ярость благородная» – так можно назвать основную психологическую доминанту того периода, очень точно отраженную и выраженную в известной песне. Но эта ярость смешивалась с горечью и болью особенно страшных потерь и поражений первых месяцев войны. В известной мере эти чувства даже доминировали в первые военные дни. Военная катастрофа начала войны вызвала состояние психологического шока. Не случайно, наряду с проявлениями массового героизма этого периода, ярчайшим примером которого может служить подвиг защитников Брестской крепости, были и многочисленные факты сдачи в плен целых военных подразделений. Именно в этот период сотни тысяч солдат и командиров кадровой армии оказались в плену. Но по мере того, как этот шок, вызванный резительным контрастом между довоенными представлениями о будущей войне и войной реальной, внезапно обрушившейся на советских людей посреди мирной жизни, успокаивающих заявлений средств массовой информации, пропаганды мощи и непобедимости Советской Армии и дружелюбности фашистского соседа, – по мере того, как этот шок проходил и росли горе и боль, которые нес агрессор на советскую землю, вскипала ярость, взывавшая к мести, было достигнуто определенное равновесие сознания, произошла его стабилизация. Народ мобилизовал свои материальные и духовные силы и остановил напор фашистской военной машины.

Главная цель этого периода войны – «Выстоять!» – была выполнена. Наступил следующий этап, особенности которого предопределили значительные изменения в состоянии морального духа советских войск. По сути, он соединил в себе два основных процесса – коренной перелом и освобождение страны, но в плане психологическом для них характерна общая доминанта мыслей и чувств. Это был перелом не только в ходе войны, но и в настроении масс. Люди сами рвались в

наступление, охваченные порывом, без которого ни одна армия «не может совершать великие дела»¹⁹. В самом деле, радость наступательного порыва, неудержимое стремление вперед – самая характерная черта этого периода. Изгнание из страны немецко-фашистских войск несло своего рода духовное очищение людям, чувствовавшим свою невольную вину в том, что допустили врага топтать родную землю. Желание как можно скорее свести счеты с гитлеровцами, ускорить освобождение соотечественников, страдавших в оккупации, усиливали мужество и решимость советских воинов в борьбе с врагом. И чем дальше они продвигались по освобожденной земле, встречая повсюду страшные следы злодеяний, оставленные фашистами, – тем сильнее рвались вперед, боясь опоздать, не успеть кому-то помочь, защитить, спасти. «Нынешнее наступление – не подвиг, а возвращение долга. Мы все должны просить прощения у Матери-Родины...» – этими словами можно выразить то чувство, какое испытывал советский солдат, с тяжелыми боями продвигаясь на запад.

Освобождение Родины еще не было завершено, когда Красная Армия в ряде мест перешла государственную границу и приступила к освобождению стран Европы от фашистской оккупации, в ходе которого проявились такие грани сознания и психологии советского воина, как интернационализм, гуманизм, солидарность с народами, пострадавшими от фашизма. Это выражалось в оказании не только военной (которая, несомненно, была главной), но также продовольственной и медицинской помощи, восстановлении мостов и дорог, разрушенных предприятий и школ.

Но если на земле захваченных гитлеровцами стран советский воин, оказывая дружескую помощь, воспринимал свои действия как естественное проявление солидарности, и чувства его при этом были достаточно понятны, то при вступлении на территорию Германии эта ясность уступила место целому комплексу весьма сложных, противоречивых, далеко неоднозначных мыслей и чувств.

«Наступаем, можно сказать, совершаем триумфальное шествие по Восточной Пруссии, – рассказывала в письме своему фронтовому другу Ю.П.Шарапову от 9 февраля 1945 г. из-под Кенигсберга военврач Н.Н.Решетникова. – Ничего общего нет с нашим лесным наступлением [в Карелии]. Двигаемся по прекрасным шоссе. Всюду и везде валяется разбитая техника, разбитые фургоны с различным ярким тряпьем. Бродят коровы, свиньи, лошади, птицы. Трупы убитых перемешались с толпами беженцев – латышей, поляков, французов, русских, немцев, которые двигаются от фронта на восток на лошадях, пешком, на велосипедах, детских колясках, и на чем только они не едут. Вид этой пестрой, грязной и помятой толпы ужасен, особенно вечером, когда они ищут ночлега, а все дома и постройки заняты войсками. А войск здесь столько, что даже мы не всегда находим себе дома. Вот, например, сейчас расположились в лесу в палатках... Жили здесь культурно и богато, но поражает стандарт везде и всюду. И после этого окружающая роскошь кажется ничтожной, и, когда замерзаешь, то без сожаления ломаешь и бьешь прекрасную мебель красного или орехового дерева на дрова. Если бы ты только знал, сколько уничтожается ценностей Иванами, сколько сожжено прекраснейших, комфортабельных домов. А в то же время солдаты и правы. С собой на тот свет или на этот всего взять не может, а, разбив зеркало во всю стену, ему делается как-то легче, – своеобразное отвлечение, разрядка общего напряжения организма и сознания»²⁰.

Однако это распространенное явление – бессмысленное уничтожение предметов роскоши и быта на вражеской земле, отмеченное военным медиком, служило не только для психологической разрядки. И своим «разрушительством», и отдельными актами насилия, направленными на гражданское население Германии, люди стремились отомстить за гибель семьи и друзей, за разрушенный дом, за свою сломанную жизнь. И часто этот стихийный и праведный гнев не могли сдерживать суровые приказы командования и разъяснения политотделов, стремившихся предотвратить нежелательные эксцессы. Не всегда срабатывало даже сталинское

«гитлеры приходят и уходят, а народ ... германский остается»²¹. И все же большинству советских воинов на последнем этапе войны удалось преодолеть столь естественные в данных условиях чувства, проявив великодушие к побежденным.

Свыше года около семи миллионов советских воинов сражались за пределами Родины. Больше миллиона из них погибли за освобождение народов Европы от фашистской оккупации²². И подвиг их нельзя поставить под сомнение. Вместе с тем, Освободительная миссия Советской Армии заключала в себе противоречие. Оккупационный режим фашистской Германии сменялся насильственным насаждением режимов по образцу сталинского. Объективно являясь освободителем народов и в полной мере ощущая себя таковым, отдавая жизнь за их свободу, советский солдат не мог до конца осознавать всех политических последствий для этих стран вступления Советской Армии на их территорию и, тем более, нести за них ответственность. Режимы, установленные в Восточной Европе, определенные советской пропагандой как «народные», именно так и воспринимались основной солдатской и офицерской массой.

Но вернемся к психологической доминанте.

Для заключительного этапа войны характерным было ощущение близости победы и это само по себе вызывало целый комплекс мыслей и чувств, сложный психологический настрой. Чем ближе она была, тем большими были и желание и надежда выжить, тем труднее было подниматься в атаку под огонь яростно сопротивляющегося врага, тем больше и обиднее были потери товарищей и друзей, тем страшнее возможность собственной гибели. Людям, прошедшим через всю войну, через все опасности и испытания, в самые последние ее дни требовалось особое мужество – впереди был мир, за который они воевали, ради которого стольким было пожертвовано, столько перенесено. И так хотелось жить в этом мире, в котором не будет войны... Но было и понимание того, что никто за них фашиста «не доколотит». И поднимался в атаку, и шел под смертельный огонь советский воин, и падал, сраженный пулей или осколком, за месяц, за неделю, за день, за час до Победы, и жизнью и смертью своей утверждая верность Родине и воинскому долгу.

Было и совершенно особое чувство у тех, кто воевал на других фронтах, не на главном направлении. «Как же так, а Берлин? Мы на Берлин хотим! Воевали, воевали, а Берлин без нас брать будут? Ведите нас на Берлин!»²³ Это желание закончить войну в сердце фашистской Германии, именно там, откуда она вышла «на горе и проклятье людям», было весьма характерным настроением последних месяцев и дней войны. Казалось, что именно те, кто возьмет Берлин, первыми встретят Победу.

Весь боевой путь был испытанием духовных и нравственных качеств советского воина в условиях постоянного риска, в обстановке, которая требовала огромного напряжения всех человеческих сил, а порой и самопожертвования. Каждый период Великой Отечественной войны, имевший особую морально-психологическую доминанту, определял изменения в духовном облике фронтовиков, в отношениях личности к разным областям действительности и жизненным ценностям.

Так, советский патриотизм, перед войной опиравшийся во многом на искусственные, воспитанные пропагандой лозунги, вскоре приобрел реальное национальное содержание, связанное с угрозой самому существованию Родины и населявших ее народов. Не мессианская задача – принести трудящимся других стран освобождения от эксплуатации, а необходимость выжить в схватке с общим смертельным врагом сплотила народы Советского Союза. Не случайно в ходе войны произошло возрождение многих русских национальных традиций и ценностей, предававшихся анафеме с позиций коммунистической идеологии в течение двух с лишним десятилетий. Произошло и определенное изменение в отношениях государства с православной церковью; пропагандистская машина обратилась к историческому прошлому, к образам героев – «освободителей земли

рическому прошлому, к образам героев – «освободителей земли Русской» – для поднятия боевого духа своих современников. Возрождение традиций старой русской армии проявилось не только в учреждении орденов Александра Невского, Суворова, Кутузова, Нахимова, Ушакова и Богдана Хмельницкого, введении офицерских званий и погон, но и в самом объявлении войны с фашистской Германией Отечественной, по примеру памятных событий 1812 года.

При всей противоречивости общественного сознания, на которое влияла предвоенная идеология, акцент в нем смещался с великодержавных коминтерновских установок к преобладающему чувству «малой Родины», которой грозит смертельная опасность. Именно из этого глубоко личного чувства миллионов людей все больше складывалось теперь отношение к Отечеству, «большому дому» советских народов. «Мы побеждаем смерть не потому, что мы неуязвимы, – писал в октябре 1942 г. матери с фронта летчик Ю.Казьмин, – мы побеждаем потому, что мы деремся не только за свою жизнь; мы думаем в бою о жизни мальчика-узбека, грузинской женщины, русского старика. Мы выходим на поле сражения, чтобы отстоять святая святых – Родину»²⁴. При всей патетичности этих слов, они отражают вполне искренние чувства и мироощущение не только автора письма, но и его соратников по оружию.

Другой областью, в которой проявлялись мировоззренческие и ценностные установки советских людей в условиях военного времени, было отношение к самой войне, ее характеру и целям. Сущность этого отношения (то есть осознание ее справедливости для СССР в борьбе с агрессором) в массовом сознании народа, в том числе и армии, сохранялась на протяжении всей войны. Вместе с тем, в зависимости от этапа Великой Отечественной войны, от стоявших перед страной задач и характера развития боевых действий, во многом зависели акценты в этом отношении, доминирующие настроения армии. Определенное значение сохраняли и идеологические стереотипы, но чем ближе область их проявления была связана с непосредственными практическими задачами, тем слабее становилось их действие. Так, если перед войной имела широкое распространение идея мировой революции и освобождения «угнетенных братьев по классу», то с началом фашистского вторжения на смену ей пришли и выдвинулись на первый план идеи национально-патриотические, а лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» был отложен «до лучших времен». Однако на завершающих этапах войны появились новые оттенки в понимании ее целей: не только победить и изгнать врага с родной земли, но и принести освобождение от фашизма соседним народам – так это выглядело и в официальной пропаганде, и в реальном массовом сознании. Одновременно в понятие «освобождение» вновь вкладывался и забытый, довоенный, «классовый» смысл – освободить трудящихся от «гнета капитала», установить наилучшую форму правления и т.п.

На утверждение этих идей в сознании армии работала пропагандистская машина, за которой стоял и репрессивно-управленческий аппарат. Массовое сознание легко усваивало идеологические установки сталинского режима, который рассматривал солдата как средство достижения своих целей, удовлетворения имперских амбиций и не считался ни с какими жертвами для их осуществления. Однако здесь настроение армии и позиция режима существенно расходились. Не вдаваясь в политические тонкости, советский солдат, вынесший на своих плечах все тяготы войны, потерявший многих товарищей по оружию, родных и близких, видел в разгроме фашистской Германии кратчайший путь возвращения к родному очагу и гарантии прочного, на многие десятилетия мира.

Были и другие важнейшие мировоззренческие установки и моральные принципы, определявшие в годы войны настроения и психологию армии в целом. Так, коллективизм, имевший особое значение в отношении к товарищам по оружию, проявлялся в целом комплексе социально-психологических и морально-этических

качеств и отношений – в товариществе, взаимовыручке, фронтовом братстве и т.д. «Фронтовая жизнь сближает людей очень быстро, – писал 20.12.45 г. из Германии невесте своего погибшего друга боец И.Шувалов. – Достаточно с человеком побыть день-два, как уже узнаешь все его качества, все его чувства, что на гражданке не узнаешь за год. Нет крепче дружбы, чем фронтовая, и ее ничто не может разбить, даже смерть»²⁵. В боевой обстановке, где смерть всегда висела над головой, острее, обнаженнее были чувства. О том, что никогда уже больше не встречали таких людей и такой дружбы, как на фронте, говорят многие фронтовики. Чувства боевого товарищества, фронтового братства были одними из самых сильных и необходимых на войне. Без помощи и взаимовыручки выжить было невозможно. И делились последним сухарем и глотком воды, укрывались одной плащ-палаткой, вытаскивали раненых из-под огня, закрывали собой от пули. «Наша армия спокон веков сильна своим великим воинским братством, – писал Д.П.Ковтун из госпиталя на фронт сыну Олегу, – и оно, это великое братство, дает нам силы и мужество для того, чтобы побеждать»²⁶.

Мировоззренческие установки и проистекавшие из них нравственные и социально-психологические качества проявились и в отношении к врагу. Уже весной 1942 г. в одной из дивизионных газет Карельского фронта встречается очерк красноармейца под красноречивым заголовком «Мы научились ненавидеть». И эта справедливая ненависть была одним из доминирующих чувств в действующей Советской Армии на всем протяжении войны. Однако в зависимости от конкретного ее этапа и связанных с ним условий, отношение к противнику приобретало различные оттенки. Так, новая, более сложная гамма чувств стала проявляться у советских солдат и офицеров в связи с перенесением боевых действий за пределы нашей страны, на чужую, в том числе вражескую, территорию. Немало военнослужащих считало, что в качестве победителей они могут позволить себе все, в том числе и произвол в отношении мирного населения. Негативные явления в армии-освободительнице наносили ощутимый урон престижу Советского Союза и его вооруженным силам, могли отрицательно повлиять на будущие взаимоотношения со странами, через которые проходили наши войска. Советскому командованию приходилось вновь и вновь обращать внимание на состояние дисциплины в войсках, вести с личным составом разъяснительные беседы, принимать особые директивы и издавать суровые приказы. Советский Союз должен был показать народам Европы, что на их землю вступила не «орда азиатов», а армия цивилизованного государства. Поэтому чисто уголовные преступления в глазах руководства СССР приобретали политическую окраску. В этой связи по личному указанию Сталина было устроено несколько показательных судебных процессов с вынесением смертных приговоров виновным, а органы НКВД регулярно информировали военное командование о своих мерах по борьбе с фактами разбоя в отношении мирного населения²⁷.

Подробнее проблема формирования и эволюции образа врага в период Великой Отечественной войны, в том числе на заключительном ее этапе, рассматривается нами в специальном разделе четвертой главы.

Среди социально-психологических качеств советских воинов особенно важны были те, которые проявлялись в отношении к тяготам войны (мужество, стойкость, выдержка, твердость характера) и в отношении к опасности (смелость, отвага, готовность к самопожертвованию). Это не значит, что не было фактов проявления качеств, им противоположных: экстремальные ситуации высвечивают не только лучшие, но и худшие стороны человеческого характера. Однако даже враг вынужден был признать, что советский солдат отличался особыми качествами, которые в условиях войны выразились в массовом повседневном героизме. Тот факт, что в годы Великой Отечественной войны орденами и медалями Советского Союза награждены 12 млн. человек, говорит сам за себя, но все же не до конца

отражает величие солдатского подвига. Миллионы безымянных героев, отдавших жизнь и не имевших никаких наград, в неменьшей степени заслуживают благодарности потомков.

Несмотря на всю противоречивость факторов, влиявших в предвоенный период и в ходе самой войны на общественное сознание советских людей, они проявили безусловное духовное и нравственное превосходство над противником. Его истоками явился справедливый для них характер войны, поставившей вопрос о жизни и смерти народов СССР, их национальных и социокультурных ценностей. Война затронула каждого советского человека, заставила обратиться к национально-патриотическим традициям, подняться выше классовых и личных обид.

Поколение победителей в первые послевоенные годы

Экстремальные обстоятельства войны перестраивали общественное сознание, позволяли проявиться волевому сильному характеру, создавали личности, способные принимать самостоятельные решения, независимые от авторитетов²⁸. И это не могло не повлиять на послевоенную судьбу фронтового поколения, на судьбу всего общества. Как ни парадоксально это звучит, но для миллионов советских людей война по сравнению с 1937-1938 гг. стала «глотком свободы», так как на передовой власть репрессивной системы не была всеобъемлющей, преобладали обычные человеческие отношения, скрепленные тяготами окопной жизни, постоянным соседством со смертью. Война начала процесс нравственного очищения и переосмысления ценностей, ставила под вопрос казавшуюся незыблемость сталинского культа. И хотя в официальной пропаганде все победы и успехи связывались с именем Сталина, а неудачи и поражения сваливались на врагов и предателей, не было уже столь однозначного доверия к авторитету существовавшей системы.

И.Бродский создал сложный поэтический образ тех, «кто в пехотном строю смело входили в чужие столицы, но возвращались в страхе в свою»²⁹. Однако в нем заключена только часть правды. Война, опалившая миллионы солдат, вместе с тем внутренне освободила многих из них и подняла в человеческом достоинстве. Они доказали свою верность Родине кровью, жизнью, которых не жалели; они не могли представить, что после всего этого кто-то посмеет усомниться в них. Теперь, если сталинский репрессивный аппарат выхватывал из их рядов брата-фронтовика, прежняя, слепая довоенная вера в то, что «невиновных у нас не сажают», сменилась растерянностью, недоумением, негодованием, – штампы рушились, придя в столкновение с реальным жизненным опытом, задуматься над которым всерьез впервые заставила война, оказавшаяся столь непохожей на обещанный пропагандой «могучий сокрушительный удар», «малой кровью», «на чужой территории» и т.п.

Война на многое заставила взглянуть по-другому, «самым суровым образом возвращала не только к горькой действительности, но и к подлинным ценностям и реальным представлениям, требовала сознательного выбора и самостоятельных решений. Без этого невозможно было одолеть врага»³⁰. На прочность проверялись слова, принципы, убеждения. И не только они. «Там, на войне, – вспоминает бывший командир пехотного взвода В.Плетнев, – я научился ценить и понимать людей. Ведь на переднем крае с особой быстротой раскрывались их самые ценные качества, шла проверка каждого не только на стойкость, но и на человечность, а вместе с тем сразу выявлялись и подлость, и трусость, и шкурничество. За короткий срок, если не разумом еще, то чувством, постигались истины, к которым человечество шло иногда столетиями»³¹. Во всяком случае, за четыре года войны к этим истинам приблизились гораздо больше, чем за несколько предвоенных десятилетий. Для многих она

стала действительно духовным очищением. Именно в это тяжелейшее для нашей страны время общественное сознание сделало первый шаг к разрушению идеологических стереотипов, подготовив тем самым грядущие перемены.

Безусловно, победа в войне укрепила авторитет Сталина внутри страны и за рубежом, тем более, что и он сам, и вся пропагандистская машина делали все, чтобы представить его спасителем Отечества, приписать ему все заслуги в войне. Миллионы простых солдат и офицеров были для Генералиссимуса всего лишь «винтиками», как он обмолвился в своем тосте в честь парада Победы. Оскорбительный характер этого тоста с обидой вспоминают многие фронтовики³². Но прошедшие сквозь фронтовое пламя люди, сознательно шедшие на смерть за Родину и в большинстве своем лишь случайно выжившие (например, среди мужчин 1923 г. рождения уцелело всего 3%)³³, отнюдь не считали и не хотели признавать себя винтиками³⁴. Там, на войне, они не только чувствовали свою причастность к общей борьбе за свободу и независимость Родины, но и сознавали, что от личных усилий и самоотверженности каждого зависит исход войны. Не случайно, кем бы ни было им суждено стать после войны, главной заслугой и главным делом своей жизни они считали то, что совершили за эти четыре года.

Власть, при всем своем пренебрежении к «отработанному материалу», признавала для себя опасность, исходившую от поколения фронтовиков, которых она разными способами старалась «поставить на место», – начиная с демонстративного принижения их реальных заслуг и кончая новым раскручиванием маховика репрессий, на сей раз направленного в первую очередь на них. Ведь эти люди увидели больше, чем им «полагалось»: им было с чем сравнить «достижения первого в мире государства рабочих и крестьян», они узнали, как живут «эксплуатируемые братья по классу в странах капитала». И, надо полагать, сравнение это оказалось не в пользу разоренной колхозной деревни и нищих городских коммуналок. Увиденное за границей многомиллионной армией не могло не заставить ее задуматься о жизни в собственной стране и сделать определенные выводы, совершенно не устраивавшие систему и воспринятые ею как прямая угроза ее существованию. «Не случайно, – отмечала Юлия Друнина, – Сталин побаивался свободолюбивых фронтовиков – начиная с маршала Жукова и кончая рядовыми солдатами и офицерами, которых он хладнокровно и последовательно расстреливал и гноил в гулагах»³⁵.

Этот процесс очень четко запечатлелся в памяти ветеранов. К 1948 г. в основном была закончена послевоенная демобилизация, включая и младшие возрасты. В гражданское общество выплеснулась беспокойная «фронтовая вольница». И именно тогда режим начал поспешно «закручивать гайки». «В конце 48-го и в 49-м ... стали сажать бывших военнопленных, прошедших причем проверки в 45-м, и отправлять в лагеря, – писал В.Кондратьев. – К тому же в те годы прокатилась волна арестов в высших учебных заведениях, причем, бывших фронтовиков»³⁶. За что? А «по малейшему подозрению в инакомыслии, за пресловутую «антисоветскую агитацию и пропаганду», – говорит В.Быков. – За трезвое слово о западном (буржуазном!) образе жизни, на который мы успели взглянуть в последние месяцы войны и удивиться, обнаружив, что жили там далеко не так, как нам твердили много лет до войны. Жили достойнее нас, богаче и свободнее»³⁷.

Этот побочный эффект освобождения Европы – невольная осведомленность в том, что система тщательно скрывала от народа, ставила фронтовиков в особенно уязвимое положение. Неадаптированные к мирной жизни, прошедшие сквозь кровь и смерть, и потому наивно-бесстрашные в своем стремлении говорить то, что думают, не опасаясь последствий, они становились особенно опасными для режима, приобретая такое «крамольное» знание. Система не могла не пойти в решительное на них наступление, выкорчевывая малейшие очаги сомнений и нигилизма. «Едва закончилась война, – вспоминал Герой Советского Союза маршал

В.Куликов, – а газеты уже запестрели статьями о низкопоклонстве перед Западом. Адресовались они в первую очередь нам – фронтовикам, прошагавшим с боями по Европе. Кто еще, кроме нас, видел Запад в те годы? Вот нам и “разъясняли”, как понимать увиденное. А тех, кто продолжал говорить правду, отправляли за решетку»³⁸.

Напрашивается прямая аналогия с декабристами, в Отечественной войне 1812 г. повидавшими Европу и европейские порядки. Характерно, что такая аналогия возникла уже в начале 1945 г., когда Советская Армия оказалась за границей, причем, возникла не в кругах интеллигенции, а среди генералов идеологического фронта, к которым стекалась информация о настроениях в воинских частях. Так, на совещании бригады работников Управления Агитации и Пропаганды Главного Политуправления РККА и работников отдела Агитации и Пропаганды Политуправления 2-го Белорусского фронта, состоявшемся 6 февраля 1945 г., прозвучало следующее заявление: «После войны 1812 года наши солдаты, увидевшие французскую жизнь, сопоставляли ее с отсталой жизнью царской России. Тогда это влияние французской жизни было прогрессивным, ибо оно дало возможность русским людям увидеть культурную отсталость России, царский гнет и т.п. Отсюда декабристы сделали свои выводы о необходимости борьбы с царским произволом. Но сейчас иное дело. Может быть, помещичье имение в Восточной Пруссии и богаче какого-то колхоза. И отсюда отсталый человек делает вывод в пользу помещичьего хозяйства против социалистической формы хозяйства. Это влияние уже регрессивно. Поэтому надо беспощадно вести борьбу с этими настроениями...»³⁹ Как видно из этого документа, система отчетливо понимала ту опасность, которую несло в себе осознание солдатами и офицерами противоречий между внушаемыми им догмами и реальной жизнью.

Интересна и такая историческая параллель: крепостные мужики, отстоявшие Россию от завоевателей, были убеждены, что получают в награду «волю», ибо заслужили ее кровью; столетие спустя их потомки испытывали надежды на послевоенные перемены к лучшему, считая, что заслужили право на них тяжестью народных жертв⁴⁰. Предчувствия свободы носились в воздухе, но свобода не наступила. Не успел отгреть салют Победы, как из народа-победителя стали «выбивать дух фронтовой независимости и свободы»⁴¹, атмосфера в обществе снова стала омрачаться, поднялась новая волна репрессий. Но то, что произошло в сознании советских людей за время войны, уже невозможно было задавить террором и демагогией. «Война одно подтверждала, другое отвергала, третье, в свое время отвергнутое, восстанавливала в его прежнем значении... Новое, рожденное или восстановленное в ходе войны, боролось со всем тем отжившим и скомпрометировавшим себя, что уходило корнями в атмосферу 1937-1938 годов»⁴², – подчеркивал К.Симонов. В обществе происходил трудный, постепенный, но необратимый процесс духовного очищения.

Говоря о фронтовом поколении, нельзя обойти вниманием то, как сложилась его послевоенная судьба, какое место отвело ему государство, – с точки зрения самих ветеранов Великой Отечественной, их самооценки, самовосприятия и самоощущения.

Возвращение с войны молодых фронтовиков означало для них вступление в совершенно новую жизнь. До ухода в армию они, как правило, не имели ни законченного образования, ни профессии, ни семьи. Опыт, приобретенный ими на фронте, был богат и разнообразен, очень важен для формирования личности, ее характера и мировоззрения, но все-таки крайне специфичен. В мирной жизни в советской стране он оказался не только малоприменим, но зачастую неприемлем и даже опасен для тех, кто им обладал. Склонность к риску, умение принимать самостоятельные решения в экстремальных ситуациях, смелость и решительность, – то есть все те качества, которые наиболее ценились в боевой обстановке, совершенно не вписывались в жесткую систему тотального администрирования и идео-

логического диктата. На «гражданке» люди действительно были «винтиками» хорошо отлаженной бюрократической машины, и нестандартность каких-либо деталей вела к тому, что их просто браковали и выбрасывали. Нужно учитывать, что эта «нестандартность», сформированная боевыми условиями, дополнялась посттравматическим синдромом, который был характерен практически для всех фронтовиков. Расшатанность нервной системы, болезненное реагирование на непривычные условия мирной жизни, встретившей защитников Родины далеко не так, как они того заслуживали, помноженные на сильный самостоятельный характер, сложившийся на войне, делали послевоенную адаптацию этого поколения чрезвычайно сложной. Система требовала послушания и исполнительности, а эта категория ее «подданных» была самой взрывоопасной. Те же качества, которые затрудняли фронтовикам вхождение в мирную советскую жизнь, вместе с присутствием им чувством солидарности, сплоченности, фронтового братства делали их опасными для системы.

Поэтому даже через много лет ветераны вспоминают первые послевоенные годы с двойственным чувством: к радости возвращения и того, что остались живы, примешивались обиды и разочарования. «Фронтовикам хорошо памятно послевоенные 40-е годы, когда они возвращались в разоренные города и голодные села, – писал В.Быков. – Никто в то время не рассчитывал на какой-либо достаток, не претендовал на привилегии – надо было впрягаться в адский труд и налаживать разоренное. И тем не менее уже тогда стало ясно, что народ-победитель заслуживал большего – по крайней мере, элементарного к себе уважения за беспримерную в истории победу»⁴³.

Но даже и этого элементарного страна не дала своим героям, которые, «сделав свое дело», стали вроде бы лишними. Затаенная боль и горечь от несбывшихся надежд характерны для настроений тех лет. Вот как вспоминал об этом В.Кондратьев: «Отрезвление пришло в первые послевоенные годы, трудные и сложные для бывших фронтовиков... Мы почувствовали себя ненужными, ущербными, особенно инвалиды, получившие нищенские пенсии, на которые невозможно было прожить («которых не хватало даже на то, чтоб выкупить карточный паек»⁴⁴, – уточнял он в другой своей статье). И этих несчастных, даже безногих и безруких, гоняли каждый год на ВТЭК для подтверждения инвалидности, словно за это время могли отрасти руки и ноги. Чем, как не неприкрытым издевательством являлся такой идиотский порядок?... У нас отняли месячные выплаты за награды и бесплатный проезд на поездах раз в год за ордена. Выплаты были мизерные: за медаль “За отвагу” – 5 рублей, за “Звездочку” – 15 рублей каждый месяц, но все же стало обидно, что и такие гроши отняли...»⁴⁵ С горькой иронией вспоминает эту обиду и В.Быков: «Некоторые льготы и жалкие рубли, полагавшиеся орденосцам, по окончании войны были отменены, как водится, по ходатайству самих орденосцев»⁴⁶.

Казалось бы, именно начало мирной жизни для большинства молодых ветеранов должно было стать самым светлым и радостным временем, – ведь пришла, наконец, их «отсроченная» войной юность. Однако, по словам В.Кондратьева, «нет, не было в нашей послевоенной жизни светлого, о чем можно было бы вспоминать с ностальгической грустью»⁴⁷. И, напротив, война, «несмотря ни на что, вспоминается воевавшими хорошо, потому что все страшное и тяжкое в физическом смысле как-то смылось из памяти, а осталась лишь духовная сторона, те светлые и чистые порывы, присущие войне справедливой, войне освободительной. Была в войне одна странность – на ней мы чувствовали себя более свободными, нежели в мирное время»⁴⁸.

В чем же была причина этого распространенного среди фронтовиков, казалось бы, неожиданного ощущения? «Чем-то эти дни не отвечали нашим фронтовым мечтам о будущем, – размышляет В.Кардин. – Сейчас более или менее ясно – чем. Мы не ждали молочных рек и кисельных берегов. Своими глазами видели

спаленные села, руины городов. Но у нас все же появились свои, пусть и расплывчатые, представления о справедливости, о собственном назначении, о человеческом достоинстве. Они удручающе не совпадали с тем, что нас ждало едва не на каждом шагу»⁴⁹. У них было много сил, много надежд – и огромная потребность чувствовать себя необходимыми. «И когда этого не случилось, началась ностальгия по военным временам. Чем труднее, нелепее складывалась жизнь, тем ограднее вспоминались эти страшные времена»⁵⁰.

Наверное, именно тогда окончательно завершилось формирование фронтового поколения не только как социально-демографического явления, но и как духовного феномена. Во время войны у фронтовиков не было еще полного осознания самих себя как особой общности, оно могло проявиться только в мирной жизни, – и тем сильнее, чем больше общество, а точнее – система, отторгала их от себя. «Не сразу мы, вернувшиеся с фронта, ощутили себя поколением, почувствовали связь между собой, необходимость в ней, – вспоминает В.Кардин. – Миновали первые послевоенные годы, и мы начали искать друг друга, наводить справки, списываться, искать встречи. Вероятно, что-то в мирных днях заставляло нас держаться “до кучи”»⁵¹. По-разному складывалась послевоенная жизнь фронтовиков – у кого-то вполне благополучно, у кого-то неудачно, может быть, даже трагически. Но при всем многообразии и несходстве судеб, это чувство фронтового братства, ощущение себя «особым поколением» с годами усиливалось.

Таким образом, проблема формирования фронтового поколения по своей значимости выходит за рамки Великой Отечественной войны. Жизнь его продолжалась и после ее окончания, а специфика духовных феноменов, определенная особенностями тех условий, в которых они складывались, явилась важным фактором обновления общества, противостояния сталинизму. Война сделала очевидной несостоятельность мифа о непогрешимости «Великого Вождя всех времен и народов». Впрочем, сталинизм пытался создать новый миф, связав Победу над фашистской Германией исключительно с именем Сталина, приписав все заслуги его гениальности как полководца. Не случайно сам Сталин явился инициатором присвоения себе звания Генералиссимуса, а возразивший ему маршал Жуков отправился в «почетную ссылку»⁵². И этот миф в определенной мере повлиял на взгляды фронтовиков, особенно с течением времени.

Но в целом фронтовое поколение не укладывалось в жесткие рамки сталинской системы. Здесь опять можно провести параллель с декабристами, которые выросли из освободительной войны 1812 года. Не случайными явились идеологические постановления ЦК КПСС 1946-1948 гг., ударившие по свободолюбивым настроениям первых послевоенных лет и направленные в первую очередь против духа «фронтовой вольницы». Не случайным было и «ленинградское дело» – уничтожение организатора обороны Ленинграда А.А.Кузнецова и его товарищей. Эта акция должна была «поставить на место» фронтовиков. И устранение с высших командных должностей популярного в народе и армии маршала Г.К.Жукова преследовало ту же цель. Закономерно и то, что именно фронтовые офицеры стали силой, которая уничтожила бериевский репрессивный аппарат, – яркое подтверждение тому, что опасения системы были небезосновательны.

Именно фронтовому поколению народы бывшего СССР обязаны не только независимостью и самим своим существованием, но также во многом духовным и политическим штурмом репрессивного сталинского режима. Духовные процессы, берущие начало в 1941-1945 гг., получили свое дальнейшее развитие и привели советское общество к ситуации 1956 г. – разоблачению культа личности и подлинному перевороту в мировоззрении миллионов людей. Таким образом, фронтовое поколение можно назвать не только «поколением победителей», но и «поколением XX съезда». Дважды в своей жизни оно сыграло главную роль в решающем для судеб страны

время – и в этом его историческое значение. «XX съезд, дух освобождения, оттепели вышел из фронтовой шинели победителей»⁵³.

* * *

Исход любой войны в конечном счете всегда определяют люди. Великая Отечественная война советского народа против фашистской Германии показала это с особой ясностью. Тогда на чашу весов истории легло соотношение всего комплекса экономических, политических и стратегических факторов противоборствующих сторон, но морально-психологическое превосходство советского солдата оказалось самым весомым. Это вынуждены были признать даже враги. «Это была тяжелая школа, – писал в своих мемуарах немецкий генерал Блюментрит. – Человек, который остался в живых после встречи с русским солдатом и русским климатом, знает, что такое война. После этого ему незачем учиться воевать... Нам противостояла армия, по своим боевым качествам намного превосходившая все другие армии, с которыми нам когда-либо приходилось встречаться на поле боя»⁵⁴.

Сегодня раскрыто уже немало «белых пятен» в истории предвоенного и военного времени, откровенно говорится о том, что замалчивалось десятилетиями. Здесь и преступления «сталинщины», и роковые просчеты командования, и намного превосходящие прежние официальные данные цифры наших потерь в войне, и многое другое. Но все это не только не может принизить, но, напротив, объективно подчеркивает величие подвига советского солдата, ценой огромных жертв победившего фашизм, отстаившего независимость своей страны. «Не в пример некоторым другим, прежним и последующим войнам, Великая Отечественная война нашего народа против немецко-фашистских захватчиков была войной героической и, безусловно, самой справедливой в нашей истории. Мы победили, это однозначно и непереоценимо, как для судеб наших народов, так и для будущего земной цивилизации. Участники этой войны – действительно герои, и прошедшие ее с первого до последнего дня, и вставшие в ее стрелковые цепи на заключительном этапе боев. Хватило всем под завязку. Победили, и, по-видимому, это главное»⁵⁵, – так оценивает этот период в истории Отечества Василий Быков. социально-психологический феномен фронтового поколения в его целостности и историческом развитии в годы Великой Отечественной войны явился одним из решающих факторов Победы над врагом.

ЧАСТЬ III

**ПСИХОЛОГИЯ
И ИДЕОЛОГИЯ
ВОЙНЫ
ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМОСВЯЗЕЙ**

Глава I

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ВОЙНАХ XX ВЕКА

Официальная мотивация войн и ее восприятие массовым сознанием

В условиях войны особое значение имеет моральный дух армии, в формировании которого важную роль играет совокупность факторов: убежденность в справедливом характере войны, вера в способность государства отразить нападение врага при всех трудностях и даже временных неудачах, наличие духовных и нравственных ценностей, ради которых солдаты готовы отдать свою жизнь. «Высокое моральное состояние войск, – отмечает английский военный психолог Норман Коупленд, – это средство, способное превратить поражение в победу. Армия не разбита, пока она не прониклась сознанием поражения, ибо поражение – это заключение ума, а не физическое состояние»¹.

Идеологическая и психологическая составляющая в любой войне теснейшим образом взаимосвязаны. Целью любой войны является Победа, а достичь ее невозможно без определенного морально-психологического состояния населения страны в целом и ее армии в особенности. При этом и народ, и армия должны быть убеждены в своем, прежде всего, моральном превосходстве над противником, и, разумеется, в конечной победе над врагом. Все это относится не только к умонастроениям, но и к области собственно массовых настроений, чувств народа. Однако, как можно заметить, смысловое содержание этих психологических явлений принадлежит к сфере идеологии. Поэтому любая морально-психологическая подготовка к войне, а также обеспечение определенного морального духа в ее ходе, осуществляются прежде всего идеологическими средствами. ~~Взаимейшим средством~~ ~~средством~~ является пропаганда официальной мотивации войны. Каждая война имела свое идеологическое оформление, своеобразную идеологическую мотивацию, которая могла выражаться как в официальном определении войны высшими политическими и идеологическими институтами, так и в непосредственных лозунгах, используемых в пропагандистской работе в войсках.

В сущности, почти каждая из войн, в которых участвовала Россия (СССР) в XX веке, имела такую официальную мотивацию, а некоторые даже символические определения, закрепившиеся в памяти народа и в официальной истории.

Неопределенность такой мотивации или ее непонятность народным массам, неадекватность их умонастроениям, нередко становились факторами поражения в войне. Рассмотрим с этих точек зрения войны XX века в хронологическом порядке.

Первой была русско-японская война 1904-1905 гг.

Именно нечеткость ее мотивации, слабость пропагандистской работы государственных институтов, наряду с многочисленными неудачами на театре боевых действий, явились причинами крайней непопулярности войны в русском тылу. Вследствие этого война была прекращена в самый неудачный для России момент, хотя страна еще располагала достаточными для ее ведения ресурсами, в отличие от Японии, свои ресурсы исчерпавшей. Стратегическое поражение было понесено не только и не столько на поле брани, сколько на «идеологическом фронте», тем более, что фактическим союзником противника оказалась русская либерально-демократическая пресса, поднявшая антивоенную истерию, способствовавшая нарастанию революционного брожения в тылу, что и вынудило правительство свернуть боевые действия и пойти на позорный, унижительный мир.

По воспоминаниям некоторых участников обороны Порт-Артура, российская либеральная пресса еще накануне войны оказала японцам большую услугу, подняв шумиху вокруг действий правительства на Дальнем Востоке и заставив урезать средства военного бюджета, в частности, на постройку Порт-Артурской крепости, судов флота и на содержание эскадры в Тихом океане, что было, безусловно, учтено Японией при принятии решения о начале военных действий². Следует также отметить, что российская пропаганда, в отличие от японской, не позаботилась о формировании мирового общественного мнения, предоставив противнику возможность склонить его на свою сторону, при активной поддержке заинтересованных в этом некоторых западных держав, прежде всего, Англии и США.

Не было ясности в понимании политических мотивов войны и в самих русских войсках, без чего успешно ими управлять оказалось достаточно сложно. Так, уже в 1906 г. полковник К.П.Линда в ответе на вопросы специальной комиссии Генерального штаба отмечал, что в условиях непопулярной среди офицеров и солдатских масс русско-японской войны единственным лозунгом, который мог увлечь армию вперед, на смертный бой, мог быть: «На выручку Артуру!»³

Полный провал пропагандистского аппарата Российской Империи констатировал министр земледелия и государственных имуществ А.С.Ермолов в докладе императору Николаю II 14 марта 1905 г.: «Нельзя скрывать от себя, что война на Дальнем Востоке никакою популярностью среди населения не пользуется, – подчеркивал он, – что никакого подъема патриотического чувства в народе нет и не было, что народ только подавлен тяжелыми для него последствиями этой войны и вместе с тем на него самым угнетающим образом действуют слухи о наших военных неудачах. Возвращающиеся с Дальнего Востока раненые, распространяя слухи о понесенных нами поражениях, только еще более возбуждают население против этой войны, продолжение которой должно будет, однако, потребовать от народа еще новых и более тяжких жертв, причем в народе распространено убеждение, что и все эти жертвы пользы не принесут, что отправляемые в действующую армию посылки и пожертвования по назначению не доходят и т.п. Нельзя не опасаться, что призванные при таком настроении народа в войска внесут деморализацию и в среду самой нашей армии»⁴. Как видно из доклада, царский министр достаточно полно отдавал себе отчет о взаимосвязи настроений в тылу и морального духа армии.

Еще более катастрофическими оказались результаты недоучета русским правительством роли идеологического фактора в Первой мировой войне. Хотя пропагандистский аппарат предпринимал немалые усилия для возбуждения патриотических и антигерманских настроений в стране и в армии, его работа оказалась недостаточно эффективной.

Действительно, в самом начале войны правительству удалось обеспечить общий патриотический подъем (который в дальнейшем оппозиционная, прежде всего, революционная пресса назвала патриотическим угаром). Впрочем, это вовсе не было спецификой России. «Никогда, пожалуй, за всю историю мировых злодейств

не расцветала так открыто и так нагло социальная демагогия, как в начале Первой мировой войны. Все средства тогдашней пропаганды истошно заголосили вдруг о родине, свободе, защите отечества, о миролюбии и гуманности... Осенью 1914-го большинство немцев, русских, французов и англичан были твердо убеждены в том, что именно на их страну напал враг, что их страна – невинная жертва агрессии»⁵.

Армейское командование находило в целом адекватные формулы для мотивации участия России в войне, подчеркивая справедливый и оборонительный ее характер, ориентируя войска на победу, опираясь при этом на славные боевые традиции русской армии, в том числе и на победоносный опыт в борьбе с собственным немецким противником. Так, подобная мотивировка присутствует в приказе № 1 главнокомандующего войсками Северо-Западного фронта генерала Я.Г.Жилинского от 20 июля (2 августа) 1914 г.: «20 июля 1914 г. Германия объявила России войну и открыла уже военные действия. Мы должны отстаивать нашу родину и честь нашего оружия. Не в первый раз приходится нашим войскам воевать с немцами; они испытали наше оружие и в 1757 г., и в 1812 г., причем всегда мы оставались победителями. Убежден, что вверенные мне войска проявят присущую им доблесть в наступившую войну и, как всегда, честно и самоотверженно выполнят свой долг»⁶.

Однако мотивировка эта, как видно даже из приведенного выше документа, была, как правило, слишком общей, абстрактной и не вполне понятной для основной массы населения и армейских низов, состоявших в основном из неграмотного или малограмотного крестьянства. Можно привести еще пример образчика такой пропаганды целей России в войне, присутствующей в другом приказе – по 2-й армии от 4 июня 1915 г.: «В настоящей войне с вековым врагом славянства – с немцем, мы защищаем самое великое, что только когда-либо могли защищать, – честь и целостность Великой России»⁷.

Подобная абстрактность в сочетании с высокопарностью явно не могли затронуть ни ум, ни сердце малообразованного, но прагматичного крестьянина, плохо представлявшего себе не только умозрительные понятия «о чести и величии России», но и не имевшего представления о таких более конкретных категориях, как славянство, Германия, Австро-Венгрия и их взаимоотношения между собой и Россией. Обо всех этих проблемах, упоравшихся не только в неэффективность пропагандистского аппарата империи, но и, в конечном счете, в глубочайшую пропасть между менталитетом государственной элиты и основной массы населения, в том числе и рядового состава армии в Первой мировой войне, написал в своих мемуарах генерал А.А.Брусилов. Сетую на то, что техническое оснащение русских войск было значительно хуже, чем у противника, он отмечал: «Еще хуже была у нас подготовка умов народа к войне. Она была вполне отрицательная... Моральную подготовку народа к неизбежной европейской войне не то что упустили, а скорее не допустили». Далее он свидетельствует о полном непонимании народными массами причин и целей войны: «Даже после объявления войны прибывшие из внутренних областей России пополнения совершенно не понимали, какая это война свалилась им на голову, – как будто бы ни с того ни с сего. Сколько раз я спрашивал в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто же такие сербы – не знал почти никто, что такое славяне – было также темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать – было совершенно неизвестно. Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, то есть по капризу царя. Что же сказать про такое пренебрежение к русскому народу?!»⁸

И наконец А.А.Брусилов делает неутешительный вывод о причинах отсутствия в народных низах чувства патриотизма: «Можно ли было при такой моральной

подготовке к войне ожидать подъема духа и вызвать сильный патриотизм в народных массах?! Чем был виноват наш простолюдин, что он не только ничего не слышал о замыслах Германии, но и совсем не знал, что такая страна существует, зная лишь, что существуют немцы, которые обезьяну выдумали, и что зачастую сам губернатор – из этих умных и хитрых людей. Солдат не только не знал, что такое Германия и тем более Австрия, но он понятия не имел о своей матушке России. Он знал свой уезд и, пожалуй, губернию, знал, что есть Петербург и Москва, и на этом заканчивалось его знакомство со своим Отечеством. Откуда же было взяться тут патриотизму, сознательной любви к великой родине?!»⁹

Патриотическая пропаганда того времени, по признанию многих современников, была малоэффективна и почти не действовала собственно на солдат. Однако попытки такого воздействия, безусловно, имели место, о чем свидетельствуют хотя бы названия выпускаемых в то время пропагандистских брошюр: «Священный порыв России на великий подвиг в защиту угнетенных братьев славян» (1914), «Почему Россия не может не победить Германию» (1914), «Как воюем мы и как воюют немцы» (1914), «Что делают немки, когда немцы воюют» (1915), «Россия борется за правду» (1915), «Война за правду» (1915), «О значении современной войны и о долге довести ее до победного конца» (1915), «Что ожидает добровольно сдавшегося в плен солдата и его семью» (1916) и т.п.¹⁰ Уже в самих этих заголовках заметны и основные направления этой пропаганды (объяснение причин, целей и характера войны, формирование образа врага, призывы к исполнению воинского долга), и эволюция ее методов – от возвышенных обращений и абстрактной риторики в начале войны до предостережений и прямых угроз на ее завершающих этапах, когда у солдатской массы накопилась усталость от войны, усилились антивоенные настроения, падала дисциплина и нарастала угроза разложения армии. Интересно, что русские пропагандисты попытались нащупать те струны народного сознания, которые могли отозваться на соответствующее воздействие. Низкий образовательный уровень, культурная ограниченность, зачастую даже мировоззренческая примитивность солдат требовали адекватных форм обращения к личному составу армии: простоты идей, близких народному сознанию понятийных категорий, упрощенной лексики, разговорного языка. Надо отметить, что несмотря на то, что в начале века идеологические инструменты обработки массового сознания еще не получили такого мощного развития как в последующие десятилетия, военным идеологам-пропагандистам русской армии удалось найти некоторые эффективные приемы и адекватные формы, которые, однако, не получили достаточно широкого распространения. Например, от непонятных для солдата-крестьянина идей защиты славянства, поддержания славы русского оружия и т.п. они нередко переходили к смутной, абстрактной, но отзывающейся в русской православной душе идеи борьбы «за правду» как главной мотивировке войны против Германии.

Конечно, и общество, и армия были весьма неоднородны, и вследствие этого достаточно дифференцированным было в них отношение к войне. Так, в дворянских, купеческих и даже мещанских городских слоях патриотические чувства, особенно в начале войны, были чрезвычайно сильны. Этот факт и его разительное отличие от изначальной непопулярности предыдущей, русско-японской войны отмечают многие современники. Формы выражения патриотизма были разнообразны и многочисленны. Среди них и такие «символические», как торжественные молебны, шествия с портретами Государя, хоругвями и знаменами, поздравительные письма и телеграммы, и т.п. Примером таких настроений может служить телеграмма генерала Курлова о верноподданнических чувствах обывателей города Риги от 11 марта 1915 г.: «Войска гарнизона, военные и гражданские чины, представители общественного самоуправления и население города Риги, вознеся благодарственную молитву Всевышнему по случаю падения Перемышля, повергают к

стопам державного Вождя России Государя Императора одушевляющие их горячие чувства восторженной любви и верноподданнической преданности и просят представить Верховному Главнокомандующему вернопреданные пожелания и поздравления по случаю блестящей победы руководимой им во славу русского оружия Армии»¹¹.

Другие формы проявления патриотических настроений относятся к категории действенных. Среди них были добровольчество, материальные пожертвования в пользу армии, помощь раненым и т.п. В широких слоях народа традиционно теплым было отношение к солдатам, отправляющимся на фронт, и к раненым, возвращающимся с передовой. «Простонародье здесь, как и повсюду, пожалуй, горячее отзывается на войну, – записал в августе 1914 г. военный корреспондент А.Н.Толстой. – Например, торговки булками и яблоками ходят к санитарным поездам, отдают половину своих булок и яблок раненым солдатикам. При мне к знакомому офицеру на улице подошла баба, жалобно посмотрела ему прямо в лицо, вытерла нос, спросила, как зовут его, офицера, и посулилась поминать в молитвах»¹².

К активным формам проявления патриотизма можно отнести и подачу военнослужащими тыловых частей рапортов и прошений о переводе в действующую армию. Такие настроения были распространены как в аристократических «верхах» общества, так и в средних городских слоях. Вот что писал 24 апреля 1915 г. в прошении на имя своего крестного Великого князя Петра Николаевича подполковник П.В.Аскоченский: «...Имея от роду 44 года и будучи совершенно здоров, считаю неудобным оставаться на административной должности, когда мои братья по оружию проливают свою кровь за дорогого нам всем Государя Императора, православную веру и родное Отечество»¹³.

Как следует из документа, в высших кругах общества официальная идеологическая формула «За Веру, Царя и Отечество!» принималась очень серьезно и искренне. Но она же, пусть и в несколько трансформированном виде, принималась и более широкими слоями, о чем свидетельствует, в частности, рапорт служившего на Дальнем Востоке подпоручика Сильницкого: «Стремясь лично и непосредственно принять участие в настоящей второй Отечественной войне против заклятых врагов Царя, России и Славянства ненавистных немцев, испрашиваю ходатайства Вашего Превосходительства о переводе меня в одну из тяжелых артиллерийских частей введенного Вам корпуса»¹⁴, – писал он 27 января 1915 г.

С такими просьбами обращались не только сами военнослужащие, но и их близкие родственники. Так, 8 марта 1915 г. из Риги на имя Великого князя Николая Николаевича была послана телеграмма от матери вольноопределяющегося унтер-офицера Закржеского, который был уволен из армии после тяжелого ранения, «затосковал по любимому делу» и отказался оставить службу. И мать сама настоятельно просит направить сына в одну из автомобильных частей действующей армии!¹⁵

Именно широкое распространение патриотических настроений, особенно на начальном этапе войны, наряду с масштабностью боевых действий и значимостью для судеб страны позволило и в официальной пропаганде, и в народном сознании утвердиться таким определениям Первой мировой войны как Великая, Отечественная и Народная. Лишь многие годы революционного нигилизма и отрицания старых ценностей постепенно стерли из исторической памяти народа эти названия, заменив их на большевистское определение войны как «империалистической» или более нейтральное – «германской».

Но все вышесказанное не отменяет того очевидного факта, что для основной крестьянской армейской массы война осталась во многом непонятной и чужой. Это обстоятельство отмечают многие современники, причем не только из радикального революционного лагеря, который не приминул им воспользоваться в

своих целях. О подобных настроениях пишет в своих записках сестра милосердия княгиня Лидия Васильчикова, которая заметила, что военные действия вдали от собственного дома совершенно не волновали крестьян. Они были равнодушны к тому, кто оказывался победителем, но лишь до тех пор, пока война не затянулась и не было нарушено обещание, что она закончится к Рождеству. С этого момента крестьяне стали видеть в войне бесполезную затею в интересах лишь союзников России, сводивших счеты с германцами. Сыновей крестьян призывали на фронт, лишая хозяйство рабочих рук, и безразличное отношение к войне вскоре сменилось антивоенным. В этом Васильчикова отчасти видит причину успеха большевистской пропаганды в 1917 г., призывавшей солдат дезертировать, бросать оружие и возвращаться домой¹⁶.

В советское время в идеологическом оформлении войны большую роль стали играть социально-революционные мотивы, тесно связанные с доктринальными установками марксизма и коммунистической идеологией в широком смысле. Однако, несмотря на то, что в мотивации этих войн обычно присутствовала и терминология, являвшаяся отзвуком идеи мировой революции, за большинством из них стоял, прежде всего, собственно государственный интерес. Так, в конфликте на озере Хасан приоритет был отдан защите неприкосновенности границ первого в мире социалистического государства от посягательств японских милитаристов. «...Мы просим наше правительство, – заявили на митинге 29 июля 1938 г. рабочие Московского автозавода (впоследствии имени И.А.Лихачева), – не оставить провокацию японской военщины без последствий. Пусть фашисты испытают на своей шкуре силу и могущество нашей Родины, пусть узнают крепость и морально-политическое единство советского народа»¹⁷.

В определении причин возникновения конфликта на Халхин-Голе некоторый акцент был сделан на интернационализме – на выполнении союзнического долга перед «народом братской Монголии», но при этом особо подчеркивалась защита собственных границ. Это имело принципиальное значение в связи с тем, что война велась за пределами СССР, а такое идеологическое оформление снимало возможное ее восприятие как чужой и ненужной советскому народу. Накануне наступления 24 августа 1939 г. советских и монгольских войск во всех частях было зачитано обращение Военного Совета 1-й армейской группы: «Товарищи! На границе Монгольской Народной Республики мы защищаем свою собственную землю от Байкала до Владивостока и выполняем договор о дружбе с монгольским народом. Разгром японских самураев на Халхин-Голе – это борьба за мирный труд рабочих и крестьян СССР, борьба за мир для трудящихся всего мира, удар по фашистским поджигателям войны Берлина, Токио, Рима... Час настал. Приказ командования краток: Вперед, товарищи! Смерть провокаторам войны! За Родину! За братский монгольский народ!»¹⁸

В советско-финляндской войне реальная психологическая и официальная идеологическая мотивировка в основном совпадали. В очень сложной международной обстановке, в условиях уже начавшейся Второй мировой войны Советское Правительство действительно было озабочено проблемой безопасности границ, особенно в столь важной их части, как район, примыкающий к Ленинграду.

Вот что о соотношении реальной психологической и официальной идеологической мотивировок «зимней» войны впоследствии написал в своих воспоминаниях Н.С.Хрущев: «Было такое мнение, что Финляндии будут предъявлены ультимативные требования территориального характера, которые она уже отвергла на переговорах, и если она не согласится, то начать военные действия. Такое мнение было у Сталина... Я тоже считал, что это правильно. Достаточно громко сказать, а если не услышат, то выстрелить из пушки, и финны поднимут руки, согласятся с нашими требованиями... Сталин был уверен, и мы тоже верили, что не будет вой-

ны, что финны примут наши предложения и тем самым мы достигнем своей цели без войны. Цель – это обезопасить нас с севера.

Вдруг позвонили, что мы произвели выстрел. Финны ответили артиллерийским огнем. Фактически началась война. Я говорю это потому, что существует другая трактовка: финны первыми выстрелили, и поэтому мы вынуждены были ответить.

Имели ли мы юридическое и моральное право на такие действия? Юридического права, конечно, мы не имели. С моральной точки зрения желание обезопасить себя, договориться с соседом оправдывало нас в собственных глазах¹⁹.

Такая позиция СССР не была принята мировым сообществом. 14 декабря 1939 г. Совет Лиги Наций принял резолюцию об «исключении» СССР из Лиги Наций, осудив его действия, направленные против Финляндского государства, как агрессию. 16 декабря в «Правде» по этому поводу было опубликовано Сообщение ТАСС, в котором говорилось: «Лига Наций, по милости ее нынешних режиссеров, превратилась из кое-какого “инструмента мира”, каким она могла быть, в действительный инструмент англо-французского военного блока по поддержке и разжиганию войны в Европе. При такой бесславной эволюции Лиги Наций становится вполне понятным ее решение об “исключении” СССР... Что же, тем хуже для Лиги Наций и ее подорванного авторитета. В конечном счете СССР может здесь остаться и в выигрыше... СССР теперь не связан с пактом Лиги Наций и будет иметь отныне свободные руки»²⁰. Заключительную фразу этого заявления о «свободных руках» следует рассматривать в сложном международном контексте, в котором велась дипломатическая и одновременно стратегическая игра со многими участниками. В ней одной из действующих сторон выступала фашистская Германия с уже определившимися союзниками, с другой – Англо-франко-американская, еще не вполне оформившаяся коалиция, и с третьей – СССР, вынужденный вследствие закулисных интриг «западных демократий» пойти на соглашение с Гитлером в целях отодвинуть надвигающуюся «большую войну» хотя бы на какое-то время.

Зыбкость юридических и моральных оснований считать войну с Финляндией справедливой для СССР не могла не отразиться весьма противоречиво и на настроениях участвовавших в ней советских войск. Диапазон мнений был весьма широк – от сомнений в правомерности действий советской стороны до откровенно циничной позиции, согласно которой «сильный всегда прав». Так, в донесении Политуправления Ленинградского военного округа начальнику Политуправления РККА Л.З.Мехлису от 1 ноября 1939 г. говорится о систематической работе по разъяснению вопросов международного и внутреннего положения в частях округа «путем проведения бесед, докладов, лекций, читок и консультаций». «Настроение личного состава всех частей в связи с докладом т.Молотова [на V внеочередной сессии Верховного Совета СССР – Е.С.] и редакционной статьей “Правды” от 3 ноября – боевое»²¹, – сообщается в донесении. Однако вслед за этим утверждением приводятся следующие факты, свидетельствующие о том, что настроения эти были не столь однозначны:

«Красноармеец 323 арт. полка Чихарев говорит: “Финляндия не приняла мирных предложений СССР и этим самым дала понять, что не хочет дружбы. Мы, если понадобится, продвинем границу от Ленинграда не только на десятки, но и на сотни километров”...

Младший командир 54-о отд. зен. артдива Полин в беседе заявил: “Зачем СССР настаивать на требованиях в переговорах с Финляндией в отношении территории, ведь Финляндии тоже нужна эта территория. 20 лет она не обстреливала, а если и будет обстреливать, то постреляет и перестанет. Мы ведь японцам не отдали высоты Заозерной. Не являются ли наши требования агрессивными”.

По этим высказываниям военком т. Летуновский провел беседу с уделением особого внимания новой постановке вопроса об агрессии»²².

Вероятно, неопределенность и недостаточная убедительность первоначальной мотивировки советской позиции в «зимней» войне побудила перейти в пропаганде от тезиса об «обеспечении безопасности Ленинграда» к подчеркиванию только освободительных целей Красной Армии в отношении Финляндии. Классовые идеи «освобождения от эксплуатации» с помощью советских штыков нашли свое отражение в газетных заголовках отчетов о многочисленных митингах трудящихся СССР «в поддержку решительных мер» Советского правительства: «Ответить тройным ударом!», «Дать отпор зарвавшимся налетчикам!», «Долой провокаторов войны!» и т.п. Недавняя терминология о «фашистах» ушла из советского пропагандистского лексикона в связи с заигрыванием с фашистской Германией. Пропагандистскими штампами стали такие выражения, как «белофинские бандиты», «финская белогвардейщина», «Белофинляндия» и др. Справедливости ради нужно отметить, что аналогичная пропаганда велась и в Финляндии, где в ходе антисоветской кампании финских рабочих призывали бороться против «большевистского фашизма»²³.

Массовое сознание – явление чрезвычайно сложное и противоречивое, в нем переплетаются элементы социальной психологии, нравственные и мировоззренческие установки. При этом оно представляет собой синтез явлений, уходящих корнями в национальные традиции, в обыденную жизнь людей, с идеологическими установками, целенаправленно формируемыми структурами власти. Особое значение эта вторая составляющая приобрела в условиях сталинского режима. В полной мере это относится и к сознанию советских людей в период Великой Отечественной войны, в том числе участников непосредственной вооруженной борьбы с врагом.

Власть, прежде всего в лице самого Сталина, четко осознала всю значимость и всю опасность начавшейся схватки с фашистской Германией. Стратегический просчет, допущенный этой властью в определении времени и условий начала войны, сделал эту схватку еще более драматичной. В такой войне и государство, и народ могли выжить и победить лишь при предельной мобилизации и напряжении всех сил. Поэтому с самого начала власть обратилась к гражданам своей страны, откровенно заявив о всей сложности ситуации. Уже в первом обращении Советского Правительства к народу, сделанном 22 июня 1941 г. заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Наркомом Иностранных Дел В.М.Молотовым, была проведена параллель между начавшейся войной и событиями 1812 года, объявлены цели войны – «за родину, за честь, за свободу», прозвучали ключевые лозунги – «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами», а сама война была провозглашена Отечественной²⁴. Затем, в выступлении И.В.Сталина 3 июля был подчеркнут ее особый, патриотический характер. «Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной, – говорилось в нем. – Она является не только войной между армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма»²⁵.

В самые первые дни войны реакция населения в тылу в целом соответствовала тем пропагандистским штампам, которые были выработаны в предвоенный период, и не соответствовали драматизму ситуации. Бравые песни и кинофильмы создавали образ непобедимой Красной Армии, которая запросто, за неделюдругую сокрушит любого противника. Конечно, неудачи в советско-финляндской войне несколько поколебали этот радужный образ, однако и она в конце концов закончилась результатом, которого добивался СССР. Весьма сильным фактором, работавшим на этот оптимистичный стереотип, было продвижение советских границ на запад – по всей линии от Балтийского до Черного морей (присоединение прибалтийских республик, западных Украины и Белоруссии, Бессарабии и Северной Буковины). Поэтому весьма распространенной реакцией на агрессию Герма-

нии стали шапкозакидательские настроения. Руководителей противника многие советские граждане сочли за безумцев: «На кого полезли, совсем, что ли, с ума сошли?! Конечно, немецкие рабочие нас поддержат, да и другие народы поднимутся. Иначе быть не может!» Не было недостатка в радужных прогнозах. «Я так думаю, – говорил один из рабочих металлического завода в Ленинграде, – что сейчас наши им так всыпят, что через неделю все будет кончено...» – «Ну, за неделю, пожалуй, не кончишь, – отвечал другой, – надо до Берлина идти... Недели три-четыре понадобится»²⁶.

Конечно, высшее руководство было гораздо больше, чем рядовые граждане, осведомлено о реальном положении дел. Однако и оно не представляло себе в полной мере всей тяжести и перспектив разворачивавшихся событий.

Отрезвление произошло очень быстро. Сведения, поступающие с фронтов, свидетельствовали о страшной опасности, нависшей не только над советским государством, но и над всем народом. Враг оказался не только коварен, но и очень силен и беспощаден. Так что всем стало ясно, что предстоит схватка не на жизнь, а на смерть, которая коснется каждой семьи и каждого гражданина. И здесь вступили в действие глубинные психологические механизмы, которые не раз в российской истории спасали страну, находившуюся на краю пропасти. Произошел подъем всех моральных сил народа, оказались задействованы его вековые традиции, готовность к самоотверженности, самоотречению и самопожертвованию во имя спасения своей страны. Классовые лозунги постепенно вытеснялись из пропагандистского лексикона государства, заменяясь патриотическими. Не случайным после тяжелых поражений начала войны было обращение Сталина к национальным чувствам русского народа, ранее попиравшимся идеологическими догматами: духовные силы были призваны спасти положение там, где оказались недостаточными силы материальные. Так, весьма необычным оказалось соединение в одной речи Верховного Главнокомандующего на параде Красной Армии 7 ноября 1941 г. революционных советских и старых русских традиций: «Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»²⁷

Закономерным (и традиционным) было создание в самые трудные дни войны народного ополчения. Конечно, можно критически относиться к вопросу об эффективности использования такого рода слабо обученных формирований в современной войне, однако фактом является мощный патриотический подъем, который, несомненно, повлиял на перелом в трагическом для страны ходе событий. Приведем лишь один, достаточно типичный документ – заявление рабочего московского машиностроительного завода Ф.В.Денисова от 8 июля 1941 г.: «Мне 50 лет. Я здоров и бодр. Я участник вооруженного восстания 1905 г. Участвовал в империалистической войне, громил немцев. Был добровольцем в Красной гвардии, в Октябрьской революции выступал против юнкеров. В боях у Красных казарм был ранен. Но сейчас мои раны зажили. Я могу защищать советскую землю и крепко постою за Советскую власть. Прошу зачислить в ряды добровольцев»²⁸.

Широко были распространены коллективные заявления работников предприятий и учреждений, студентов вузов и старшекласников с просьбой отправить их на фронт. О большом размахе патриотического подъема свидетельствует создание в конце июля 1941 г. по инициативе трудящихся Фонда обороны.

Почти на всем протяжении Великой Отечественной, при неоднократном неблагоприятном для СССР разворачивании событий на фронтах, общее морально-психологическое состояние в основном оставалось достаточно высоким, сохраняя ту патриотическую тональность, которая была задана еще в начале войны. Несомненно, весьма существенную роль в этом сыграла корректировка официальных

идеологических формул, сместивших акценты с идеи классовой борьбы на национально-государственное единство в противостоянии агрессору, – на единство власти, армии и народа. Интересна оценка радикальной смены идеологических ориентиров, произошедшей в Москве в годы войны, которую дает в своих мемуарах генерал Ш. де Голль: «В эти дни национальной угрозы Сталин, который сам возвел себя в ранг маршала и никогда больше не расставался с военной формой, старался выступить уже не столько как полномочный представитель режима, сколько как вождь извечной Руси»²⁹.

Таким образом, одним из важнейших итогов Великой Отечественной, помимо всех стратегических, геополитических и других результатов, стало существенное изменение официальных идеологических постулатов. «Знаменитый сталинский тост на победном банкете – «за великий русский народ» – как бы подвел окончательную черту под изменившимся самосознанием власти, сделав патриотизм наряду с коммунизмом официально признанной опорой государственной идеологии»³⁰, – анализируя изменения внутренней политики советского государства в период войны, отмечает митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн.

«Содержательная» эволюция идеологического оформления войны происходила постепенно. Основным механизмом внедрения идеологических формул, вырабатывавшихся «на высшем уровне», в массовое армейское сознание, являлись средства партийно-политической и агитационно-пропагандистской работы в войсках. При этом постоянно осуществлялся контроль за настроениями в армейской среде, «обратная связь», позволявшая как корректировать действия политико-пропагандистского аппарата, повышать эффективность его воздействия, так и устранять «возмутителей спокойствия», отслеживать и пресекать нежелательные настроения. И здесь политические органы тесно взаимодействовали с карательными – СМЕРШем, Особым отделом, военным трибуналом и т.д. В документальном отражении этих явлений особое место принадлежит таким источникам, как политсводки и политдонесения, а также аналитические материалы военной цензуры.

В Центральном Архиве Министерства Обороны отложился значительный комплекс документов Главного Политуправления Вооруженных Сил, в фондах каждого фронта, армии, части собраны материалы политорганов, которые, с одной стороны, активно использовались в советской историографии в качестве «иллюстраций» к идеологическим схемам; с другой, – оставались почти недоступными для историков, не связанных с партийными и военно-политическими структурами. Сложности в получении допуска к ним сохраняются до сих пор.

Традиционно из данного источника черпались сведения о партийно-политической работе ВКП(б) в армии и на флоте, о мужестве и героизме личного состава частей и соединений, но тщательно замалчивались многие другие вопросы, отраженные в донесениях политорганов в адрес вышестоящих инстанций. В действительности круг проблем, охватываемых ими, довольно широк – от отчетов по выполнению директив Главного Политуправления до хроники чрезвычайных происшествий, но при всем их разнообразии можно выделить два основных направления, два слоя информации, отражающих два уровня общественного сознания – не в философском, но психологическом аспекте. Об этом свидетельствует само название документа: «Еженедельная сводка о проделанной партийно-политической работе по обеспечению выполнения боевых задач и боевой учебы и политико-моральном состоянии личного состава частей армии». Обращает на себя внимание термин «политико-моральное состояние». Его трактовка как бы раздваивается: с одной стороны, фиксируется внешняя реакция личного состава на официальные политические мероприятия, то есть выступления на митингах и красноармейских собраниях, посвященных важным событиям – приказам Верховного Главнокомандующего, успешным боевым операциям на этом или других фронтах, расследованиям преступлений оккупантов, проведению подписки на

Государственные займы и т.п.; с другой стороны, дается информация о настроениях в частях на «бытовом уровне» – о разговорах бойцов между собой без оглядки на начальство и политорганы, то есть сведения, полученные от агентуры из среды самих этих бойцов.

В плане психологическом данный информационный слой позволяет не просто понять подлинное отношение людей к тем или иным событиям, но и высвечивает внутреннюю противоречивость этого отношения, когда одобрение и поддержка «партии и правительству», высказанные на многолюдном митинге, дополняются словами недовольства в узком кругу друзей, причем, и то, и другое – вполне искренне. Что это – раздвоение сознания? Страх перед карательными органами? «Чувство локтя», когда энтузиазм массы захлестывает даже трезво мыслящего индивида? Привычка к двойному мышлению – помпезно-официальному и обыденному? Или все это вместе взятое? Впрочем, одобрение «глобального масштаба» сочеталось, как правило, с недовольством «мелкого характера» – плохим питанием, тяжелыми условиями жизни, придирами начальства и т.п. Но как только последнее выходило за бытовые рамки и приобретало политический оттенок, дело изымалось из ведения политотдела и направлялось в СМЕРШ.

Другой аспект проблемы – распространение института доносительства, его психологические корни, а также, что именно воспринималось сталинской системой как недозволенное, «крамольное», подлежащее различным мерам взыскания. Наиболее важным здесь является слой информации, затрагивающий «отрицательные настроения» в армии, вернее, то, что подразумевали под ними политорганы и как они с этим боролись. В ряде случаев в деле можно проследить дальнейшую судьбу человека, неосторожно высказавшего свое мнение в присутствии соглада-тая и взятого «на заметку» бдительными политработниками или «особистами». С другой стороны, огромный интерес представляет информация о бытовых условиях жизни на фронте и в тылу, отраженная в «настроениях», те детали и подробности, которые необходимы исследователю для воссоздания исторической обстановки, построения модели, максимально приближенной к изучаемому объекту прошлого.

В способах обобщения информации и выводах из нее в политсводках (что особенно видно при сопоставлении с первоисточником-донесением) проявлялись как общие подходы политорганов к отдельным вопросам, так и личные качества составителя, его образовательный уровень. В некоторых случаях оценки вполне объективны, в других – тенденциозность граничит с фальсификацией. Последнее, однако, ни в коей мере не снижает ценности источника. Напротив, эти его особенности могут быть использованы при изучении атмосферы сталинской эпохи, тех приемов и методов, которыми пользовались в своей работе идеологические структуры. Здесь также прослеживается взаимосвязь служебной документации политорганов с агитационно-пропагандистскими материалами.

Несмотря на активную работу мощного политико-пропагандистского аппарата, «отрицательные» настроения, отражающие трудные условия фронтового быта, усталость от постоянного риска, конфликты с начальством или товарищами по службе, наконец, естественную реакцию на поражения наших войск и т.п., безусловно, были широко распространены в действующей армии. Находили они отражение и во фронтовых письмах, хотя проследить их по данному виду источников весьма сложно по ряду причин. В качестве первоисточника их дошло до нас очень мало, а изданные в советское время публикации нередко тенденциозно «отредактированы» и подобраны «тематически» с целевой направленностью – показать героизм и патриотизм советских людей, их высокие душевные качества. Что касается писем, которые не соответствовали этой идеологической установке, то их не помещали в сборниках, не выставляли в экспозициях музеев, в которые они могли попасть лишь случайно, «по недосмотру», а если уж попадали, то оставались в хранилище, недоступном для широкой публики. В результате такого подхода оставалась недосказанность, «фигура умолчания», жизнь человека на войне

вალასь недосказанность, «фигура умолчания», жизнь человека на войне представлялась односторонне, в героико-романтизированном виде. Огромный пласт документов, бесценных и искренних свидетельств, остается «неподнятым», как, например, до сих пор закрытые для исследователей материалы военной цензуры в Центральном Архиве Министерства Обороны. Нам удалось лишь случайно получить доступ к комплексу документов, относящихся к работе этого органа, обнаружив их среди других материалов – политдонесений 19-й армии, куда они попали в ответ на запрос политотдела о настроениях среди военнослужащих. Следует отметить, что военная цензура была озабочена не только и не столько сохранением военной тайны (места дислокации частей, их нумерации и т.п.), сколько настроениями в действующей армии. В этом, кстати, кроется причина того, что мы оказались лишены многих духовных ценностей того времени – мыслей, оценок, стихов, которые авторы писем с фронта утаивали, удерживали в себе, зная, что им не миновать военной цензуры. Люди, без страха поднимавшиеся в атаку на врага, среди своих боялись «сболтнуть лишнее» и угодить в СМЕРШ.

В целом, эти категории источников интересны прежде всего в плане изучения механизмов и результатов психологической обработки масс.

Важнейшими средствами агитационно-пропагандистской работы в войсках, обеспечивавшими соединение идеологического оформления войны с массовой психологией, являлись лозунги. При этом особую роль играли лозунги-символы, призванные внедрить в сознание советских людей ключевые ценности и модели поведения. Так, основополагающим символом, имевшим одинаковую значимость на всем протяжении войны, являлся лозунг «За Родину! За Сталина!» До сих пор он остается одним из главных аргументов приверженцев «отца народов»: «С этим именем мы ходили в бой, с этим именем умирали!» Вряд ли можно усомниться в искренности их слов. Но необходимо понять, как именно это происходило, откуда возник лозунг, кто и почему выкрикивал в бою ставшую легендарной формулу? Ответ на эти вопросы мы находим в политдонесениях: «Среди коммунистов и комсомольцев были распределены боевые лозунги, которые должны были выкрикиваться в момент атаки. Выйдя скрытно в район сосредоточения, подразделения охватили дугой расположения противника. По сигналу атаки роты стремительным броском с возгласами “За Сталина”, “За Родину”, “Смерть немецким оккупантам”, преодолевая проволочные заграждения и минные поля, ворвались в окопы противника... При выполнении боевой задачи личный состав проявил беззаветную храбрость, мужество и отвагу»³¹. Выкрикивание лозунгов в бою являлось одной из форм партийно-политической работы в войсках. В качестве недостатков такой работы отмечались «случаи, когда коммунисты, находившиеся около агитаторов, провозглашавших лозунги, не подхватывали их и не делали достоянием своих соседей»³².

Пропагандистское происхождение мифа, в соответствии с которым оценка военной, полководческой роли Сталина воплотилась в призыве «За Родину, за Сталина!», подчеркивает писатель Василь Быков: «В атаках сплошь и рядом звучали иные восклицания, – пишет он. – Хотя, как это было заведено, провозглашатели лозунгов и выкриков обычно назначались накануне, на комсомольских и партийных собраниях, откуда эти лозунги и перекочевывали во фронтовую печать. Но выкрикивали ли их на деле, того установить не представляется возможным, так как невозможно было расслышать»³³. Солидарен с ним и Вячеслав Кондратьев, утверждая, что на фронте крики «За Родину, за Сталина!», которыми подбадривали бойцов политруки, парторги и комсорги, принимали за обычные, знакомые еще с довоенных времен политические лозунги, а потому, «повторяя первую часть, не всегда и не все тянули вторую, заменяя ее простым “ура”, понимая, что два эти понятия несоизмеримы, что идти на смерть можно лишь за Родину, но не за какого-то одного человека, кем бы он ни являлся»³⁴. Впрочем, не будем обобщать: культовые настроения во время войны усилились, и многие люди были предельно

искренними, выкрикивая эти слова. Но ясно одно: знаменитая формула возникла не «по инициативе снизу», а целенаправленно насаждалась идеологическими структурами.

Следующей относительно масштабной, хотя и локальной войной, была война в Афганистане. Она оказалась самой длительной войной России в XX веке и очень специфической с точки зрения ее идеологического оформления. Охватив очень разные периоды внутреннего развития СССР, от последних лет так называемого брежневского «застоя» она протянулась вплоть до завершающей фазы «перестройки», почти кануна распада СССР. Соответственно, образ этой войны, который пыталась передать власть для внешнего и внутреннего потребления, радикально менялся, вобрав в себя противоречия внутривластных коллизий в советском руководстве и в развитии страны. В целом, с этой точки зрения войну можно разделить на три больших этапа.

На первом события в Афганистане вообще не признавались войной, а чем-то вроде гуманитарной помощи дружественному афганскому народу. Фактически до 1987 г. (хотя первые публикации стали появляться в 1984 г.) сам факт войны старались скрыть, вплоть до того, что погибших солдат хоронили в тайне под покровом ночи. В этот период многим военнослужащим в Афганистане присваивали высокие государственные награды, в том числе и звание Героя Советского Союза, однако из газетных публикаций следовало, что получены они за участие в полевых учениях, «боях» с «условным противником», а также за помощь афганцам в хозяйственных работах³⁵.

Основания для такого освещения событий были, пожалуй, лишь в самом начале пребывания советских войск в Афганистане. «Первые полгода наши части там действительно занимались только тем, что помогали строить им дороги, восстанавливать школы, и так далее, – вспоминает майор В.А.Сокирко, – а война пошла уже позже, потому что, видимо, была неправильная политика и, в частности, религиозная политика. Но это у них там уже какие-то свои начались проблемы, а может, и наши им добавили с экспортом социализма на афганскую землю»³⁶.

Официальной мотивировкой в тот период было «выполнение интернационального долга в дружественном Афганистане по просьбе революционного афганского правительства». В это понятие тогда вкладывался почти исключительно мирный смысл. Однако для самих армейских подразделений, которые выполняли этот «долг» отнюдь не на «сельхозработках», предлагалось другое обоснование: не отстаивание завоеваний Апрельской революции, а защита южных рубежей собственной страны. Эта мотивировка в целом находила отклик в сознании большинства военнослужащих. Вот как вспоминает об этом подполковник погранвойск В.А.Бадиков: «Отношение в то время к войне было однозначным: что кругом нас противник, что границы наши близко примыкают к боевым действиям, и для того, чтобы обезопасить границу и местное население, мы должны были обеспечить это с той стороны. Такое же отношение осталось и сейчас. И, как показывает опыт нынешней службы в Таджикистане, например, – мы были правы. Мы знали, что если не будет на той стороне наших частей, резня перенесется на эту сторону. Как говорится в “Белом солнце пустыни”: “Восток – дело тонкое”. Мы это понимали и раньше»³⁷.

Эту позицию подтвердил в своем интервью и майор С.Н.Токарев, участвовавший в действиях ОКСВ в 1982-1984 гг.: «Я не сказал бы, что какой-то сильный подъем патриотический был, но было одно понятие и отсюда сильное направление всей работы с солдатами. И сам себя я в этом убеждал: что вот Афганистан находится на вершине, а у подножия этой вершины – Уральские горы, и если американцы поставят там свои ракеты, досягаемость будет полная, и нам поступаться своими интересами никак нельзя... Эта мысль, что мы защищаем не чужую революцию, а южные рубежи нашей Родины, – мне кажется, она была действенной. Было понимание необходимости своего пребывания там»³⁸.

Для кадровых военных целесообразность участия советских войск в афганском конфликте определялась еще одним специфическим аспектом – поддержанием боеспособности вооруженных сил на основе приобретения значительной частью военнослужащих боевого опыта, испытания новых видов оружия, отработки стратегии и тактики боевых действий в конкретных условиях и т.д. «Все-таки, несмотря ни на что, Афганистан был хорошей школой для нашей армии, – утверждает В.А.Сокирко. – Может, это прозвучит несколько жестоко по отношению к тем людям, которые погибли, но все-таки 15 тысяч человек за 10 лет... У нас только по Москве, наверное, в автокатастрофах больше погибло. Хотя жаль, конечно же, любого погибшего, можно было бы все отдать, чтобы не было потерь... А для армии – это была школа, приобретение действительно боевого опыта, даже для проверки каких-то своих чувств. Вот сейчас офицеры-“афганцы” очень сильно шагнули вперед в военной карьере, в том плане, что у них особое мышление, тактическое мастерство...»³⁹

Конечно, даже в начале войны у военнослужащих с достаточно широким кругозором, преимущественно офицеров, не могли не возникать некоторые сомнения. «В то время, когда эта война начиналась, когда нас туда отправляли, может, внутри каждый из нас чувствовал и знал, что это война ненужная, что мы пришли воевать на чужую землю, что это война бесполезная, на опыте, может быть, и Вьетнамской войны, но, с другой стороны, в армии есть приказ, и приказ выполняется, а не обсуждается»⁴⁰, – говорит майор И.Н.Авдеев. Впрочем, эта «мудрость задним числом», возможно, является корректировкой при переосмыслении прошлого, «ошибкой ретроспекции»: интервью респондент давал автору в конце 1993 г.

Национально-государственная мотивировка участия СССР в войне в Афганистане все-таки находила больший отклик в сознании кадровых военных. Войну в основном считали справедливой и верили в успех. «Была ли вера в победу, в правоту своего дела? – спрашивал себя полковник В.В.Титаренко и отвечал: – Ну, конечно. В тот период, конечно. И победа, мы хотели, чтоб была, и правота была. И защищали кого-то... Даже не кого-то, а престиж своей страны. Американцы тоже в свое время, да и сейчас говорят: “Мы свои интересы защищаем во всех точках земного шара”. А почему мы не можем? Мы тоже богатая и крепкая страна, и у нас есть свои политические и стратегические цели, которые стоят перед нашим правительством, народом, страной...»⁴¹

Вместе с тем, кадровые офицеры, безусловно, осознавали специфику вооруженных действий на Востоке, в обществе с традиционной мусульманской культурой, с развертыванием партизанского движения и т.д. «Особенность войны в Афганистане была в том, что это чужая страна, и поначалу мы туда вошли как интернационалисты, а потом, когда развязались столкновения с бандформированиями, уже шла борьба за выживание: кто кого. Либо они нас, либо мы их»⁴², – рассуждает В.А.Сокирко.

Начиная с 1987 г. информация о событиях в Афганистане постепенно становилась более открытой и адекватной. Было признано, что в этой стране фактически ведется война, но преобладала героизация в ее освещении, в духе революционного романтизма. Формула «интернациональный долг» наполнилась иным смыслом, включившим военную помощь революционному афганскому народу против внутренней контрреволюции и иностранных бандформирований (имелся в виду Пакистан). Однако вскоре на этот «романтический» этап наложился третий – критический, переходящий в прямое очернительство роли Советской Армии и СССР в целом во внутриафганском конфликте.

14 апреля 1988 г. в Женеве министрами иностранных дел Афганистана, Пакистана, СССР и США был подписан блок документов по политическому урегулированию положения вокруг Афганистана. Было принято решение о выводе оттуда советских войск, которое началось 15 мая 1988 г. и официально завершилось 15 февраля 1989 г. В этот период пошел поток критических публикаций в средствах массовой информации и оценок на высшем государственном уровне. Наконец уже в декабре 1989 г., на II Съезде народных депутатов СССР, решение о вводе войск в Афганистан в декабре 1979 г. было признано политической ошибкой⁴³.

Интересно, как это официальное идеологическое оформление войны сказывалось на психологии личного состава «ограниченного контингента советских войск».

По свидетельству воинов-«афганцев», побывавших в этой стране на разных этапах войны, восприятие участия СССР во внутриафганских делах и отношение к этому у военнослужащих ОКСВ постепенно менялось. Если вначале многие действительно верили официальным формулировкам об «интернациональной помощи» более развитого социалистического соседа революционному Афганистану, решившему вырваться из средневековой отсталости, то по мере расширения боевых действий и ожесточения сопротивления афганской оппозиции, развертывания партизанской войны, все чаще возникали вопросы: «Зачем мы здесь?» Официальным ответом на них был перенос акцентов в политико-воспитательной работе с формулировок о помощи афганской революции на защиту государственных интересов СССР – от «козней американского империализма» в Центральной Азии и от угрозы южным границам СССР. Но на третьем этапе, когда произошла полная дезориентация в идеологических установках и в политическом обосновании участия СССР в афганском конфликте, которая особенно обозначилась после переговоров Горбачева с Рейганом в 1987 г., когда была достигнута договоренность о выводе советских войск, и Женевских переговорах 1988 г., закрепивших и оформивших это решение, морально-психологическое состояние ограниченного контингента оказалось чрезвычайно тяжелым. Широкое распространение получили такого рода разговоры между военнослужащими: «Если эта война – политическая ошибка, то почему мы должны и дальше рисковать своей жизнью?» «Кто мы теперь и как нас после всего этого встретят дома? Как будут называть? Жертвы политической ошибки? Убийцы?...» и т.п.

На примере Афганской войны особенно очевидна теснейшая связь политико-идеологического обоснования войны, ее мотивировки с морально-психологическим состоянием армии и всего народа. Еще раз подтвердилась старая истина, что война проиграна не тогда, когда войска понесли поражения в отдельных битвах, а когда руководство, общество и страна признали себя побежденными.

А в армии в результате Афганской войны широко распространилось мнение (и чувство): «Нас предали! Мы теперь никому не нужны...» И предательство это было осуществлено руководством собственного государства и «гражданским обществом». Так в сознании многих воинов-«афганцев» развертывание демократии в стране стало ассоциироваться с изменой.

Морально-психологическое состояние войск и идеология

Безусловно, ключевым для морально-психологического состояния войск в условиях войны является формирование определенных ценностных установок (любовь к Отечеству, патриотические чувства, воспитываемые еще в мирное время), представлений о справедливом характере и целях войны, убеждений в правоте и силе своей армии. Но формирование определенного отношения к своей стране, к войне, ее характеру и целям не является единственными направлениями идеологической, политико-воспитательной работы, осуществляемой в войсках и влияющей на их морально-психологическое состояние. В конкретных боевых условиях решающее значение могут приобретать другие идеолого-психологические аспекты: отношение к врагу, к своей армии и к товарищам по оружию, к опасностям и тяготам войны, к союзникам, к гражданскому населению других стран и т.д., причем нередко они оказываются элементами взаимосвязанной системы представлений, ценностей, психологических установок, действующих взаимосвязанно и взаимозависимо.

Без чувства боевого товарищества, коллективизма, взаимовыручки, являющихся позитивными идейно-психологическими качествами в отношении к своей армии и к

товарищам по оружию вообще невозможно говорить об армии как эффективном общественном институте. В русской армии эти качества культивировались традиционно, могли изменяться лишь акценты в их идеологическом оформлении (например, воспитание «советского коллективизма» и т.п.). Для отдельных видов вооруженных сил, родов войск и конкретных боевых профессий значение этих качеств было особенно велико. Так, особое «чувство локтя», от которого зависела слаженность в боевых действиях, эффективность и, в конечном счете, вероятность выживания, требовалось экипажам летчиков, танкистам, морякам, особенно подводникам, разведчикам, десантникам и др.

Столь же «универсальный» характер имели общепсихологические качества, формируемые в отношении к опасности и тяготам войны: мужество, стойкость, готовность к самопожертвованию, и др. Здесь действовали обычные для всех армий инструменты воздействия командования на личный состав: с одной стороны, поощрение позитивных качеств (за смелость и находчивость в бою, спасение командира и т.п. – боевые награды; популяризация позитивных образцов поведения в конкретных ситуациях; создание индивидуальных и коллективных символов, олицетворявших поощряемую модель поведения, и т.д.); с другой стороны, – осуждение и наказание за следование негативным формам поведения (за трусость, паникерство, отступление без приказа, сдачу в плен, дезертирство и т.п. – позор, военный трибунал, штрафной батальон и т.д.). Так, в Приказе № 4 командующего 2-й армии Северо-Западного фронта генерала Самсонова от 25 июля (7 августа) 1914 г. было сказано: «Попадать в плен – позорно. Лишь тяжело раненый может найти оправдание. Разъяснить это во всех частях»⁴⁴. От войны к войне менялись преимущественно конкретные формы или названия поощрений и наказаний, но суть их оставалась прежней.

Более дифференцированным в разных войнах, в которых участвовала Россия в XX веке, было отношение к врагу. Это чрезвычайно важная мотивационно-психологическая область, напрямую влияющая на характер и ход боевых действий. Очевидно, что отношение к врагу должно быть негативным. «Общей во всех воюющих странах стороной патриотизма в военное время является проецирование на враждебную страну, ее народ и правителей всевозможных негативных стереотипов, причем в самой доходчивой и упрощенной форме»⁴⁵. Но здесь опасны и недооценка, и переоценка противника. По отношению к нему у личного состава армии и населения должно сформироваться сложное и противоречивое сочетание чувств – ненависти и презрения одновременно.

Недооценка сил врага приводит к шапкозакидательским настроениям, результатом которых может стать неадекватный уровень готовности к противоборству. Такие факты имели место (и плачевный для русской армии результат) в русско-японской войне (японцы – нецивилизованные «макаки»), в советско-финляндской «зимней» войне (эту маленькую Финляндию «раздавим в два счета»), накануне и в начале Великой Отечественной и даже в Афганской. Без определенного уровня ненависти к врагу вряд ли возможно эффективное ведение войны, а ненавидеть слабого врага сложно.

С другой стороны, переоценка сил врага в сочетании с недооценкой собственных может привести к паническим настроениям (пример – пораженчество в конце русско-японской войны и на завершающей стадии Первой мировой). Поэтому традиционным идеологическим инструментом, наряду с воспитанием ненависти является воспитание презрения к врагу. Средством такого воспитания и пропаганды является сатирическое, карикатурное изображение врага, которое было широко распространено в Первую мировую войну (цирковая пантомима, ярмарочные балаганы, сатира, карикатура и фарс, причем главным персонажем патриотических открыток и комических лубков являлся кайзер Вильгельм, который изображался в них в виде разъяренного кабана или сидящим в клетке зоопарка). Но и во Вторую мировую войну сатирическое изображение врага было важным средством «принизить» сильного и жестокого противника, которого были все основания бояться, и таким образом внушить своей армии уверенность в собствен-

ных силах, в способность победить (Гитлер в карикатурах Кукрыниксов был самым популярным персонажем).

В конкретных условиях некоторых войн особое значение могло приобретать отношение к гражданскому населению противника – в тех случаях, когда боевые действия велись на чужой территории. Как правило, задачей армейского командования на вражеской территории являлось поддержание дисциплины в войсках, предотвращение ненужных эксцессов в отношении мирных жителей (насилия, мародерства и т.п.) и, как следствие, морального разложения своих солдат. Однако проблема, как правило, осложнялась другой задачей – обеспечить безопасность собственных войск во враждебном окружении. Так, в Первую мировую войну при вступлении русской армии на территорию Восточной Пруссии в августе 1914 г. среди местного населения было распространено следующее объявление русского командования:

«ОБЪЯВЛЕНИЕ ВСЕМ ЖИТЕЛЯМ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

Императорские Российские войска вчера, 4 августа, перешли границу Пруссии и двигаются вперед, сражаясь с войсками Германии. Воля Государя Императора – миловать мирных жителей.

По предоставленной мне власти объявляю:

1. Всякое сопротивление, оказываемое императорским войскам Российской армии мирными жителями, – будет беспощадно караться, невзирая на пол и возраст населения.

2. Селения, где будет проявлено хоть малейшее нападение или оказано мирными жителями сопротивление войскам или их распоряжениям, немедленно сжигаются до основания.

Если же со стороны жителей Восточной Пруссии не будет проявлено враждебных действий, то всякая даже малейшая оказанная ими Российским войскам услуга будет щедро оплачиваться и награждаться.

Селения же и имущества будут охраняться в полной неприкосновенности»⁴⁶.

Командирам корпусов было отдано распоряжение накладывать на оказывающее сопротивление население контрибуцию, брать заложников, а захваченных с оружием в руках или при порче телеграфов – вешать. Вместе с тем, предлагалось предавать суду и расстреливать собственных мародеров⁴⁷.

Приказы отнюдь не оставались на бумаге: карательные меры применялись достаточно широко. Так, в письме полковника Крымова генералу Самсонову от 10 (23) августа 1914 г. содержится информация о взятии русскими войсками г. Нейдебург, который был подвергнут бомбардировке за то, «что жители стреляли в казаков». Далее полковник сообщает, что «при входе в город войск были омерзительные случаи. Выбивали в пустых квартирах окна и грабили», из чего он делает вывод: «Нужно издать приказ, чтобы за грабеж кого-нибудь расстреляли, нужно, чтобы за войсками двигались полевые суды, иначе легко впадут в мародерство»⁴⁸. А в телеграмме командира 6-го корпуса генерала Благовещенского от 16 (29) августа 1914 г. говорится о репрессивных акциях по отношению к гражданскому населению Ортельсбурга, также оказавшему сопротивление: «Во время движения жители обстреливали колонны. Принимались карательные меры»⁴⁹.

Нередко ситуация усугублялась тем, что трудно или даже невозможно было отделить гражданское население от вооруженного врага. В таких условиях наши войска оказались в Афганистане, где война приобрела характер партизанского сопротивления. Днем афганец мог быть мирным декханином, а ночью – душманом, из-за угла нападающим на советских солдат.

В некоторых вооруженных конфликтах особое значение приобретало отношение к союзникам. Для России в XX веке это было характерно только для двух мировых войн.

Для Первой мировой войны факт этой значимости отражен в письме начальника штаба Верховного Главнокомандующего генерала Н.Янушкевича главнокомандующему войсками Северо-Западного фронта генералу Жилинскому от 28 июля (10 августа) 1914 г.: «Принимая во внимание, что война с Германией была объявлена сначала нам и что Франция как союзница наша считала своим долгом немедленно же поддержать нас и выступить против Германии, естественно и нам, в силу тех же союзнических обязательств, поддержать французов ввиду готовящегося против них главного удара немцев. Поддержка эта должна выразиться в возможно скорейшем нашем наступлении против оставленных в Восточной Пруссии немецких сил»⁵⁰. Поэтому и в пропагандистской работе в войсках позитивное отношение к союзникам достаточно часто подчеркивалось. Например, были выпущены открытки с изображением симпатичных солдат в форме стран Антанты, причем русский солдат ничем не выделялся в этой серии⁵¹. Но в целом у подавляющего большинства нижних чинов русской армии представление о союзниках было не менее, а может быть, и более расплывчатым, чем о противниках, с войсками которых им приходилось иметь дело: крестьяне в солдатских шинелях не разбирались в тонкостях международной политики. У образованной части общества и, соответственно, армии отношение к союзникам в ходе войны менялось – от чувства симпатии к ним в начале к постепенному росту недоверия и выражению недовольства тем, что «они взвалили основную тяжесть войны на Россию»⁵². Ситуация резко осложнилась после Октябрьской революции, когда общество оказалось расколотым и вовлеченным в Гражданскую войну, а бывшие союзники России не только поддержали одну из противоборствующих сторон, но и явились организаторами интервенции, что надолго утвердило в массовом сознании населения уже Советской России их враждебный образ.

Впоследствии, уже во Второй мировой войне, отголоски этой враждебности не могли не сохраняться, формируя по отношению к союзникам большую долю недоверия, которое усиливалось и вследствие собственно предвоенной международной ситуации. Во второй половине 1930-х годов, когда явно назревал новый мировой военный конфликт, будущие союзники СССР не раз проявляли как открытую враждебность, так и коварство в тайной дипломатии. В советской пропаганде на определенном этапе Англия выступала не менее вероятным противником, чем фашистская Германия. К тому же в ходе самой войны союзники давали веские основания усомниться в своей надежности, в течение нескольких лет откладывая открытие «второго фронта». Не менее важными были и классовые стереотипы, внедренные в сознание советских людей за два предвоенных десятилетия, согласно которым капиталистические державы могли восприниматься только как временные союзники СССР против общего врага, а в будущем могли рассматриваться как вероятные противники. Не способствовала формированию целиком положительного образа союзника и советская пропаганда, которая, с одной стороны, вполне объективно подчеркивала затягивание с открытием «второго фронта», а с другой, – все же преуменьшала реальную помощь союзников по ленд-лизу, сводя ее преимущественно к продовольственным поставкам. Кстати, в конце войны, когда советские войска уже брали штурмом Берлин, в разговорах между собой солдаты не исключали возможности «дальнейшего похода на Европу» – против нынешних союзников, любить которых было особенно не за что⁵³.

Итак, идеологический фактор в войнах XX века не только смыкался и переплетался с психологическим, но нередко оказывался ведущим: от сильной, «грамотной» идеологической мотивации войны, от интенсивности и точности «политико-воспитательной работы» (при всех различиях в ее конкретном оформлении в каждой войне) напрямую зависело морально-психологическое состояние войск. Его недоучет способствовал поражению и вел к нему даже при наличии достаточного военно-стратегического потенциала.

Глава II

СИМВОЛЫ И МИФЫ ВОЙНЫ

Героические символы как феномен общественного сознания

Одним из ключевых идеологических инструментов воздействия на психологию личного состава вооруженных сил (и общества в целом) являлось формирование героических символов – феномена массового, во многом мифологизированного сознания.

Общество всегда в той или иной степени нуждается в сохранении устойчивого, «здорового» морально-психологического состояния. И достигается это различными регулятивными механизмами, в которых не последнюю, а зачастую определяющую роль играют воздействия со стороны властных структур. Власть, как правило, ставит общественно значимые цели, в том числе и такие, что способны на время вывести общество из состояния стабильности. Поэтому она вынуждена искать инструменты воздействия на общественное сознание для обеспечения поддержки своих целей и восстановления хотя бы психологического равновесия.

Любая, а тем более крупномасштабная война является экстремальной для общества ситуацией, нарушающей привычное течение жизни, подвергающей жесткому испытанию существующую в мирных условиях систему ценностей, моральное здоровье общества, его психологическую устойчивость. Регулирование морально-психологического состояния общества является одним из важнейших факторов мобилизации его ресурсов в чрезвычайных военных условиях.

Система инструментов и мер воздействия власти на морально-психологическую атмосферу весьма сложна. При этом нельзя забывать, что власть – всего лишь часть общества и составляет иерархический элемент его саморегуляции. Но существуют и непосредственные механизмы саморегуляции, в том числе и морально-психологического состояния общества на разных уровнях его организации.

Проблема формирования героических символов, безусловно, не является в этом отношении исключением. В этой связи весьма актуален вопрос о соотношении целенаправленно и искусственно формируемых властью символов с символами, возникающими в общественном сознании спонтанно, являющихся «народными».

Что же такое героические символы и для чего они нужны обществу (и власти!) в экстремальных военных условиях?

СИМВОЛЫ – это обобщенные, «рафинированные» (очищенные от второстепенных деталей, частностей) социальные образцы индивидуального, группового, массового поведения, на которые общество ориентирует своих членов в

аналогичных, «типовых», значимых в данный исторический момент или период ситуациях.

Символы приобретают значение самостоятельной социальной ценности, становятся предметом подражания в жизни и идеологическим инструментом широкого профиля: агитации, пропаганды и даже воспитания.

Например, в годы Великой Отечественной войны основными *индивидуальными образцами-символами* служили Александр Матросов, Зоя Космодемьянская, Виктор Талалихин, Николай Гастелло, Юрий Смирнов; а герои-панфиловцы, «молodoгвардейцы»-краснодонцы являлись *групповыми символами*.

Героические символы (индивидуальные и групповые) порождали феномен массового подражания, «тиражирования» образца-подвига. История знает сотни «матросовцев», «талалихинцев», «гастелловцев» и др. Это, безусловно, не значит, что аналогичное поведение было всегда и исключительно подражательным: десятки людей совершали подобные подвиги, даже не зная об «образце», многие – еще до него, да и в любом случае каждый подвиг был индивидуален и неповторим.

Нужно четко различать прототип героического символа (индивидуальный и социальный) и сам символ. При этом для социального бытия символа как такового не имела особого значения ни реальность обозначенных в нем, зафиксированных и «канонизированных» общественным сознанием событий, ни тот факт, что другие люди совершали аналогичные подвиги, часто проявляя еще больший героизм, но при этом оставались никому неизвестными. Далеко не на каждого героя находилась свой «летописец», будь то журналист или писатель. «Повезло» немногим. Так, благодаря писателю Б.Полевому стал всенародным символом летчик Алексей Маресьев, а совершивший точно такой же подвиг Захар Сорокин известен только специалистам-историкам. При этом следует учитывать, что в советском обществе литература выполняла не только художественную, но и «воспитательную», идеологическую, регулируемую государством функцию.

Механизм формирования героических символов относится к сфере идеологии и пропаганды, а их содержание – к категории социального мифотворчества. Последнее могло осуществляться как сверху (через средства массовой информации, литературу, кино и т.д.), так и снизу, на уровне бытового фольклора. Но, как правило, чтобы стать феноменом массового сознания, эти уровни рано или поздно должны были сомкнуться: «спущенный сверху» символ нередко становился популярным в народе, а «рожденный в массах» – получал подкрепление со стороны официальной пропаганды.

Эти закономерности действовали фактически во всех войнах XX века. Например, в русско-японской войне 1904-1905 гг. власть через средства массовой информации (периодическую печать и лубочные картинки) активно пропагандировала коллективный подвиг русских моряков с крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец». Общественное сознание живо откликнулось на это событие, в том числе в поэтической форме. В свою очередь, лучшие художественные образцы этого творчества явились средством долговременного утверждения в народном сознании социальных образцов массового героизма, превращения конкретного события в символ. Так, быстро приобрели широкую известность и стали популярными песнями стихи Я.Репнинского «Плещут холодные волны» и Р.Грейнца в переводе Е.М.Студенской «Памяти Варяга», а через них сведения о событии и его оценка получили широчайшее распространение в народной среде, в которой «газет не читали».

«Миру всему передайте, чайки, печальную весть:

В битве врагу мы не сдались – пали за русскую честь!» –

поется в первой из них, воспроизводящей основные детали неравного боя «Варяга» и «Корейца» с японской эскадрой 9 февраля 1904 г. в корейском порту Чемульпо.

Этому же событию посвящена и песня «Варяг», в которой, может быть, не совсем адекватно с фактической точки зрения, но зато подчеркнуто-символически отражен жертвенный героизм перед лицом превосходящего врага, готовность погибнуть, но не сдаться:

*«Наверх, о товарищи, все по местам!
Последний парад наступает!
Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает! <...>
Прощайте, товарищи! С Богом, ура!
Кипящее море под нами!
Не думали мы еще с вами вчера,
Что нынче уснем под волнами!
Не скажут ни камень, ни крест, где легли
Во славу мы русского флага,
Лишь волны морские прославят вовек
Геройскую гибель «Варяга»!»*

Из слов песни создается впечатление, что русские моряки отказались покинуть тонущий крейсер и решили умереть вместе с ним. В действительности, уцелевшие в бою члены команды, затопив корабль, эвакуировались на берег, а раненых приняли к себе на борт находившиеся в порту Чемульпо иностранные суда¹. Но художественная правда для народного сознания имеет самостоятельное значение: именно она, а не историческая реальность, формирует образцы поведения и социальные ценности. Для потерпевшей поражение страны эти героические образцы были особенно необходимы: они являлись как бы компенсаторными механизмами, смягчавшими национальный позор и унижение.

Следует отметить, что эти символы не были чем-то искусственным, основанным на естественном для ущемленного национального самолюбия преувеличении. Даже противник по достоинству оценил мужество русских моряков, во-первых, почти сразу отпустив оставшихся в живых членов экипажа на родину (с условием, что они не будут участвовать в дальнейших военных действиях); во-вторых, после окончания войны создав в Сеуле музей памяти героев «Варяга» и наградив его капитана В.Ф.Руднева орденом Восходящего Солнца. Что касается самого крейсера, то дальнейшая судьба «Варяга» как боевого корабля неотделима от его истории как героического символа. Японцы подняли затонувший корабль, отремонтировали его и, переименовав в «Сойя», включили в состав своего флота. В 1916 г. российское правительство выкупило крейсер у Японии и вернуло ему прежнее имя: в период Первой мировой «Варяг» собирались использовать не только как военный корабль, но и как легендарный символ². Однако этому помешала революция: отправленный в феврале 1917 г. на ремонт в Англию, после Октября он был продан там на металлолом.

Итак, именно песни о «Варяге» да еще вальс И.Шатрова «На сопках Маньчжурии» остались самыми яркими символами русско-японской войны в исторической памяти народа. Другие символы собственно военного времени – героические защитники Порт-Артура, в особенности начальник сухопутной обороны крепости генерал Р.И.Кондратенко (по определению историка А.А.Керсновского, «главный герой всей войны»³) и погибший на броненосце «Петропавловск» любимец моряков командующий Тихоокеанской эскадрой адмирал С.О.Макаров – также закрепились в ней, хотя и не столь запоминающимися образами. Но с гибелью обоих

народное сознание во многом связывало неудачи в войне, из чего родилась легенда-утешение: «Если бы эти люди остались живы, Россия могла победить!» Им, лучшим, наиболее талантливым военачальникам, противопоставляли пришедших на смену, проявивших некомпетентность и даже бездарность: адмиралов З.П.Рожественского и Н.И.Небогатова, приведших к катастрофе в Цусиме, за что и были публично судимы после войны, коменданта Порт-Артура генерал-адъютанта А.Н.Стесселя, сдавшего крепость, неудачливого командующего сухопутными силами генерала А.Н.Куропаткина и др.

Русско-японская война стала для страны национальным позором. Столь же неудачной для России и непонятной для народа проигранной войной была и Первая мировая. А для подобных войн в исторической памяти как форме общественного сознания обычно находится не слишком много места. Вспомним былинных героев: они всегда – победители... Поэтому не случайно в народной памяти практически не сохранилось героических символов Первой мировой войны. Но все же главной причиной подобной исторической «амнезии», вероятно, явилось то, что германская война переросла в революцию, которая смела и старые ценности, и олицетворявшие их символы, заменив новыми. Закономерно, что советские люди в массе своей могли назвать немало имен «героев Гражданской» («красных», конечно же, героев!), но уже через десяток лет не помнили никого из героев войны предшествующей, «империалистической», которая еще недавно называлась Отечественной. (Кроме, быть может, А.А.Брусилова с его знаменитым «брусиловским прорывом», и то в основном потому, что этот царский генерал перешел на службу к Советской власти).

Это не значит, что в Первую мировую был недостаток в героических символах: широко известными становились и полные Георгиевские кавалеры, и представители нового рода войск – авиаторы. Например, безногие летчики Александр Северский и Юрий Гильшер, предшественники Алексея Маресьева⁴. И автор «мертвой петли», основоположник высшего пилотажа Петр Николаевич Нестеров, который 26 августа 1914 г. впервые в истории совершил воздушный таран и сбил двухместный австрийский самолет-разведчик. О его подвиге и трагической гибели широко извещали газеты. «...Как-то совсем неожиданно на глаза мне попался клочок газетной бумаги, – записал в своем дневнике офицер Л.Войтоловский. – Чувство безразличия боролось во мне с нахлынувшим любопытством; я не видал уже газеты около трех недель и колебался недолго. В этом обрывке “Нового времени”, которое я узнал по шрифту, я прочитал о смерти штабс-капитана Нестерова. Было подробно описано его столкновение в воздухе с австрийским летчиком, завершившееся гибелью обоих пилотов. Сообщение было несколько раз перечитано вслух, и все заговорили о Нестерове»⁵.

Пресса была основным источником информации о героях-символах Первой мировой, а также средством их популяризации. Но не только она занималась пропагандой подвигов русских солдат и офицеров. Например, сведения о Георгиевских кавалерах собирала учрежденная еще весной 1911 г. «Комиссия по описанию боевых трофеев русского воинства и старых русских знамен». В годы войны созданный при этой комиссии Военно-художественный отряд, куда входили художники и фотографы, запечатлевал для истории картины сражений, делал зарисовки подвигов, за которые воины награждались Георгиевскими знаками отличия, создавал портретную галерею самих героев. Комиссия издавала специальную литературу, распространявшуюся среди населения, в том числе серию «Герои и трофеи народной войны»⁶. (Кстати, во время Второй мировой ту же роль выполняла созданная в 1942 г. Комиссия по истории Великой Отечественной войны АН СССР, которая занималась сбором материалов в боевых частях армии и в районах, освобожденных от вражеской оккупации, а политуправления фронтов и флотов, политотделы армий и воинских частей издавали многочисленные

отделы армий и воинских частей издавали многочисленные листовки из серии «Герои и подвиги».)

Георгиевским кавалерам, которые воспринимались народным сознанием как истинно русские богатыри, в героической символической дореволюционной России принадлежало особое место.

Солдатский знак отличия ордена св. Георгия был учрежден в 1807 г. и предназначался для награждения солдат, матросов и унтер-офицеров, которые «действительно выкажут свою отменную храбрость в борьбе с неприятелем». Заслужить солдатский Георгиевский крест можно было только совершив боевой подвиг: захватив неприятельское знамя, пленив вражеского офицера или генерала, первым ворвавшись во время штурма в крепость противника или на борт его корабля, а также за спасение в бою знамени или жизни своего командира. Не случайно Георгиевскими крестами, дававшимися исключительно за боевые подвиги и отличия «в поле сражения, при обороне крепостей и в битвах морских», гордились больше, чем любыми другими наградами. Потом, в Великую Отечественную, столь же уважительное отношение испытывали фронтовики к солдатскому ордену Славы (воспринимавшемуся как приемник Георгиевского креста не только по своему статусу, но и по унаследованной георгиевской ленточке) и медали «За отвагу», название которой гордились само за себя.

В русско-японскую войну солдатскими Георгиевскими крестами разных степеней было награждено около 87 тыс. человек. В Первую мировую (к 1917 г.) 1-ю степень ордена получили (то есть стали полными Георгиевскими кавалерами) – около 30 тыс. человек, а 4-й степенью было награждено более 1 млн. воинов⁷.

Кого же из них мы знаем? И кого из отмеченных высшей наградой солдатской доблести можно отнести к героическим символам своей эпохи?

Полным Георгиевским кавалером еще до создания знаменитого «батальона смерти» стала женщина-доброволец Первой мировой войны М.Л.Бочкарева, – фигура действительно символическая, за что и была в 1920 г. расстреляна большевиками. Известно, что будущие «красные командиры» С.М.Буденный, В.И.Чапаев и некоторые другие имели Полный бант, то есть все четыре солдатских Георгиевских креста, однако в советское время данный факт старались не афишировать. Эти люди, несомненно, являлись символами, но уже другой, Гражданской войны, к которой «царские кресты» отношения не имели. Иметь награды старой русской армии при советской власти было небезопасно: слишком многие из-за них оказались в подвалах ЧК, а чудом уцелевшие в 20-е годы сгинули позже, в 37-ом. Тем не менее, во время Великой Отечественной войны многие солдаты – участники Первой мировой – с гордостью носили Георгиевские знаки отличия: в обеих войнах врагом была Германия... Так, полный Георгиевский кавалер донской казак К.И.Недурубов в Великую Отечественную был удостоен звания Героя Советского Союза, но при этом так и не стал символом ни одной из двух войн, в которых проявил доблесть.

Героиня Первой мировой сестра милосердия Раиса Михайловна Иванова прославилась не только тем, что оказывала помощь раненым непосредственно на передовой, под огнем неприятеля. Когда командир роты и все офицеры были убиты, она приняла на себя командование и повела солдат на штурм вражеской траншеи, во время которого была смертельно ранена. Награжденная посмертно офицерским орденом Святого Георгия 4-й степени, Иванова оказалась единственной женщиной (если не считать учредившую орден Екатерину II), удостоенной этой высокой награды⁸, но и она не превратилась в символ, сохранившийся в исторической памяти народа.

В то время главными национальными символическими фигурами, воплощавшими народный патриотизм, стали казаки, более близкие к народной аудитории по своему социальному облику⁹. Так, например, Кузьма Крючков – реальный ге-

рой, убивший в кавалерийской атаке нескольких немцев, превратился в персонаж лубочной пропаганды – почти мифическую фигуру, собирательный образ лихого русского казака. В армии и среди гражданского населения распространялись брошюры и открытки (аналог листовок более позднего времени) с описанием его подвигов, сильно преукрашенных и преувеличенных.

Кто же такой Кузьма Фирсович Крючков и почему он оказался одним из главных претендентов на роль символа? Донской казак (род. ок. 1890 г.), первый Георгиевский кавалер в войну 1914-1918 гг., к ее концу он имел два Георгиевских креста и две медали, то есть даже не стал кавалером полного банта, хотя и был первым, получившим крест 4-й степени. Дослужился до звания подхорунжего. Его именем были названы папиросы и пароход, портреты печатались на первых страницах журналов, подвиг был запечатлен на многочисленных плакатах и лубках. Показательно, что на фронт, чтобы специально познакомиться с героем, приезжали столичные дамы. В Гражданскую казак К.Крючков сражался против большевиков. За боевые отличия в восстании против них на Дону был произведен в чин хорунжего. Погиб он в 1919 г. в бою под д. Лопуховка Саратовской губернии¹⁰.

В советское время (и далеко не случайно!) казаки воспринимались как «главная опора царизма», «душители революции», «белогвардейцы». Новая власть не только ликвидировала казачество как особое военное сословие, но и старалась вытравить саму память о нем. Поэтому и этот символ Первой мировой не закрепился в долговременной памяти народа, оставшись знаковой фигурой лишь своего времени. Однако интересно такое свидетельство. 14 декабря 1941 г., в разгар контрнаступления под Москвой, московский журналист Н.К.Вержбицкий записал в своем дневнике: «Боец Ибрагимов в один день из автомата, винтовки, штыком и гранатой уничтожил 70 солдат и 3 офицера. Получил Героя Советского Союза. Промелькнула о нем газетная заметка, и через два дня он забыт, как и тысячи других героев. А как при царе возились с Кузьмой Крючковым!»¹¹ В сознании людей образованных, современников и участников Первой мировой, это имя все-таки сохранилось. И здесь интересны как сами проводимые аналогии между героями двух войн, так и упрек к советской пропаганде, быстро забывающей солдатские подвиги. (Впрочем, в первые месяцы войны у государства и его пропагандистской машины были более неотложные дела. Символы Великой Отечественной стали создаваться немного позднее, когда положение на фронте отчасти стабилизировалось). Но в целом можно констатировать, что Первая мировая война не оставила в исторической памяти россиян устойчивых героических символов.

Иные факторы обусловили фактическое отсутствие героических символов в советском общественном сознании в период Афганской войны. Прежде всего, эта война долгое время оставалась темой, «закрытой для печати», неизвестной в обществе. Власть делала все, чтобы представить «интернациональную помощь ограниченного контингента» исключительно «гуманитарной»: строительством школ и больниц, доставкой грузов «братскому афганскому народу» и т.п. Боевых действий, а следовательно и войны, как бы не было. А раз нет войны – нет и героев. Только через год после начала перестройки стали появляться публикации, в некотором «приближении» отражающие реальную ситуацию. И лишь за пару лет до вывода советских войск из Афганистана начали получать известность имена отдельных героев. Однако этот период совпал с кампанией осуждения советско-афганского конфликта, раскручивавшейся средствами массовой информации. О каких героях-символах «неправедной войны» могла идти речь, если существовал совершенно иной «социальный заказ»?.. Следует также различать сознание армии, где имена героев были известны и широко пропагандировались, и сознание общества, оказавшегося сначала почти в полном неведении о реальных событиях, а потом в плену новых перестроечных штампов – негативных стереотипов отношения к афганской войне, зачастую переносившихся и на ее участников.

Тем не менее, несколько имен оказалось «на слуху». В 1986-1987 гг. в газетах и на радио появились публикации о погибшем воине-интернационалисте, награжденном орденом Ленина, лейтенанте Александре Стомба. О его подвиге говорилось на трибуне XIX съезда ВЛКСМ, затем вышла посвященная ему книга. Посмертный сборник стихов А.Сомбы был выдвинут на соискание премии Ленинского комсомола, а ему самому присвоено звание Героя Советского Союза¹². Но сегодня о нем помнят только сами ветераны Афганистана: долговременного символа не получилось.

Имя еще одного офицера-«афганца», Героя Советского Союза Руслана Аушева, сохранило известность до сих пор, – но не столько благодаря его воинскому подвигу, сколько из-за последующей политической деятельности. И в числе других широко известных «афганцев» – Героев Советского Союза – тоже лишь генералы-политики Павел Грачев, Александр Руцкой и Борис Громов. А ведь всего в Афганистане звание Героя получили 86 человек, из них 28 посмертно¹³. Таким образом, применительно к Афганской войне можно говорить лишь о «недосформированных» символах.

Фактически все прочие войны и вооруженные конфликты, в которых участвовала Россия в XX веке, носили локальный и кратковременный характер, так что ни по значимости, ни по времени воздействия на общественное сознание, они не могли породить сколько-нибудь устойчивые символы.

Героические символы отнюдь не являются статичным социально-психологическим образованием. Общественно значимые ситуации могут меняться, придавая и символу иное общественное звучание. Поведение, важное и полезное в одних условиях, через некоторое время может оказываться бесполезным или даже вредным. Соответственно, и отношение к символам общества в целом и власти в частности претерпевает радикальные изменения.

Например, в период Первой мировой войны героическим символом-явлением стало создание женского «батальона смерти» под командованием поручика Марии Бочкаревой, что было призвано поднять боевой дух у «мужской» армии, в которой начались процессы деморализации и разложения. Интересно, что в начале войны, когда моральный дух в обществе и армии был весьма высок, идея создания женских батальонов на волне патриотизма поддержки у власти (монархической, патриархальной) не получила, а в 1917 году, сразу после Февральской революции, Временное правительство использовало его формирование исключительно в пропагандистских целях: этот факт должен был «присыдидить» не желающих воевать мужчин. Интересно и другое: в изменившихся условиях, в период Гражданской войны, инициатива Бочкаревой вновь оказалась отвергнутой, «неуместной» (в белой армии ей посоветовали «не позорить мундир русского офицера и снять погоны»)¹⁴.

А вот другой пример «ситуационного» отношения власти к символам. В начале Великой Отечественной в условиях тяжелых оборонительных боев, громадных людских потерь, когда врага нужно было остановить «любой ценой», в качестве героических символов приобрели известность подвиги летчиков, совершавших различные виды таранов (воздушные, «огненные», ночные), отождествлявшиеся в основном с именами Виктора Талалихина и Николая Гастелло. Позднее, в условиях перелома в ходе войны, когда советская авиация получила господство в воздухе, а острый дефицит опытных военных кадров был преодолен, воздушные тараны стали анахронизмом и перестали быть предметом массовой пропаганды. Более того, все чаще стала звучать мысль: «Сколько же можно гробить технику?»

Судьба героических символов столь же разнообразна, как и судьба их героев-прототипов. Символы не оставались неизменными в общественном сознании. Одни из них исчезали почти без следа, другие видоизменялись, развивались, обогащались новыми деталями или получали новую оценку, третьи – канонизировались, становились «историческими символами» – знаками эпохи. И здесь происходил весьма сложный отбор, в котором власть отнюдь не оставалась в стороне. Особенно значим и

регулируем этот процесс был в советском обществе, где история имела не только и не столько научное, сколько идеологическое значение. При этом отбор фактов для «массового потребления» был весьма сложным и жестким.

Так, один из наиболее ярких «функциональных» символов, широко известный в период Великой Отечественной войны, – Юрий Смирнов, участник танкового десанта в тыл врага (лето 1944 г.), раненым захваченный в плен, но не выдавший под пытками военную тайну и распятый немцами на стене блиндажа, – после войны был фактически забыт, хотя и стал посмертно Героем Советского Союза. Иначе сложилась судьба других символов: партизанки Зои Космодемьянской, рядового Александра Матросова и юных подпольщиков-краснодонцев. О них были написаны не только журналистские статьи, но и литературные произведения, сняты художественные фильмы, их имена вошли в школьные учебники.

Следует отметить и другой феномен: некоторые героические символы становились сразу историческими знаками эпохи, минуя собственно «функциональную» стадию. Так, о героях Брестской крепости стало широко известно уже спустя много лет после войны. И это не случайно: в период «оттепели» происходило переосмысление многих исторических событий, в том числе и трагического периода начала Великой Отечественной войны, о котором в послевоенных условиях сталинского правления старались «забыть». Не мог массовый героизм Брестского гарнизона стать символом при Сталине, который вину за собственные стратегические просчеты в начальный период войны пытался переложить на действующую армию и ее командиров. Немногие из оставшихся в живых защитников Бреста после освобождения из немецких лагерей сразу же попали в сталинские... Напротив, в условиях «оттепели» сложилась особая идеологическая конъюнктура, в соответствии с которой нужно было ярче высветить промахи сталинского руководства, что, в частности, позволяло сделать пример с героями «бессмертного гарнизона». Историческое расследование и книга С.Смирнова пришлись весьма кстати.

Становясь «историческими», героические символы из преимущественно «служебных», утилитарно-функциональных превращаются в ценностные, входят в устойчивую структуру народного сознания – «исторической памяти».

Когда-то в древности основным механизмом закрепления в памяти поколений был народный фольклор (песни, былины). В XX веке таким инструментом стала массовая культура в соединении со средствами массовой информации и системой образования. Именно поэтому власть, контролирующая прямо или опосредованно все три сферы, получила преимущественные возможности управлять не только текущим состоянием общественного сознания, но и его «опорными точками», каковыми, в частности, являются героические символы. Новые возможности вмешательства «сверху» в глубинные структуры общественного сознания, в том числе ценностные ориентации, породили ситуацию, когда они могут быть как очень быстро заново созданы, так и трансформированы и даже разрушены. По крайней мере, у власти может возникнуть такой соблазн, о чем свидетельствует практика массированного воздействия на психологию российского общества в «перестроечный» и постсоветский периоды. Массированная атака на «систему», на основные устои советского общества затронула и ценности, являющиеся безусловным фундаментом исторической памяти народа, разрушение которого может подорвать не только второстепенные формы его существования, но и самые основы его жизнеспособности.

Однако, Александр Матросов – символ иного порядка, нежели «отцепредатель» Павлик Морозов. Поэтому героические символы Великой Отечественной по-прежнему остаются основой не только народной памяти о той войне, но и ценностным ядром национального самосознания в целом. На процессе их формирования и бытования как психологического и идеологического феномена советской эпохи следует, на наш взгляд, остановиться более подробно.

Героические символы Великой Отечественной: реальность и мифология войны

Важным моментом в поддержании духа войск является обращение к героическим примерам, целенаправленно представляемым как образец для массового подражания. Это общепринятое, широко распространенное в истории явление. Однако, особенностью его в годы Великой Отечественной войны было то, что беспрецедентную роль в формировании символов играло государство, обладавшее монополией на средства массовой информации. Поэтому созданные в то время символы представляли собой причудливое сочетание реальных фактов и вымысла, подлинных событий, отраженных в кривом зеркале пропаганды.

Проблема символов несет в себе изначальное противоречие. С одной стороны, символы – порождение пропагандистской машины, с другой, – феномен массового сознания, в котором находят отражение процессы, происходящие в обществе, в том числе и «культовые» настроения масс. В обстановке «культ личности» и культ отдельных героев становился естественным. Разумеется, он ни в малейшей степени не соперничал с «главным культом», а лишь служил ему, находясь под полным контролем системы, следившей за тем, чтобы «культ героев» не выходил за рамки дозволенного. Она отбирала и шлифовала факты, которые ее устраивали, создавая *символы* как отвлеченно-обобщенные примеры для подражания, когда в конкретную форму (например, имя героя) вкладывалось особое содержание: реальному человеку приписывались черты идеальной, с точки зрения системы, личности, по которой должен был «равняться» каждый гражданин страны. «Когда страна быть прикажет героем, у нас героем становится любой...» И народ с готовностью впитывал в себя преподносимые ему символы, искренне веря, что именно такими и были его герои, плоть от плоти его. Так просто и типичны были их судьбы, что каждый мог представить себя на их месте. Так легко казалось стать героем! И становились – миллионы, чьи безымянные могилы затерялись по всей России. Их подвиги ничуть не меньше, чем у героев известных. Но слава к ним не пришла: стать символом могли лишь единицы.

Герои-символы служили опорой системы, потому что первым и главным качеством, которым наделяла их пропаганда, являлась беззаветная преданность все той же системе. И именно это качество должны они были воспитать в миллионах сограждан. Превращенные в символы, герои уже не принадлежат себе. Они становятся частью породившей их идеологической машины. Живые или мертвые, – они призваны выполнять отведенные им функции, а система позаботится о том, чтобы никто не докопался до истины в том виде, в каком она действительно имела место, – до того, как прошла через ножницы цензуры и плакатную кисть пропаганды. Любая попытка «развенчания легенды» объявляется очернительством и дегероизацией. Как будто реальные черты характера и «нетрадиционные» факты из биографии могут умалить значение подвига, или благодарная память об одном герое – принизить славу другого! Для пропагандистской машины подобных доводов не существовало: для нее не важны были герои как таковые, а имели значение лишь символы, ею же самой и созданные.

Как и в других областях, система творила символы и в области военной героики. Из многих героических событий и фактов отбирались и возводились в обобщающий пример только те, которые были необходимы в данный момент системе. Механизмов такого отбора было множество.

Какого рода подвиги чаще всего превращались в символы; почему и каким образом происходило вычленение одного героя из ряда многих других, совершивших аналогичный подвиг; какие социальные институты (армейское командование, политорганы, средства массовой информации, литература, искусство и т.д.) участвовали в формировании символа и в какой степени; имел ли

вовали в формировании символа и в какой степени; имел ли данный символ значение для повторения, «тиражирования» аналогичного подвига; насколько символ отражал реальность события и что привносилось в него искусственно пропагандистской машиной, вплоть до элементов фальсификации; какие герои были нужны сталинской идеологии и как живых людей «подгоняли» под рамки стереотипов; на каких этапах войны какого рода символы создавались и имели наибольшее распространение, в чем причина этого? Ответы на эти и многие другие вопросы должны прояснить более общую проблему: какое значение героические символы-стереотипы имели для создания системы сталинских идеологических мифологем; в чем заключалось противоречие между объективной необходимостью поддержания боевого духа армии и народа при помощи героической символики и ее ролью в укреплении мифологического сознания общества в условиях сталинизма. Рассмотрим для начала некоторые общие тенденции.

Символами могли стать реальные факты, соответствующие нужным системе требованиям, и факты, прошедшие обработку, чтобы этим требованиям соответствовать. Умолчание об одном, вымысел о другом, особое внимание третьему – и событие приобретало нужное звучание. Порой прибегали и к прямым фальсификациям, но, как правило, в случаях менее значительных. Необходимость отрапортовать к очередной памятной дате, система разрядок на награды, «социалистическое соревнование» между подразделениями – все это вело к припискам в донесениях и, что гораздо страшнее, к бессмысленным жертвам, когда штурм какой-нибудь высоты был вызван не требованиями боевой обстановки, а днем рождения Верховного Главнокомандующего. Показательно в этом отношении донесение политотдела 19 Армии от 24.10.42 г.: «...Докладываю, что в частях «Пилот» продолжается работа по подготовке к проведению 25-летия Октябрьской социалистической революции... Вся работа по подготовке к праздникам проходит под лозунгом практического выполнения приказа товарища Сталина № 227 – укрепление железной воинской дисциплины и наведение порядка в подразделениях, усиление боевой активизации частей и боевой выучки личного состава. Среди личного состава, между подразделениями заключены договоры социалистического соревнования на большее истребление немецких оккупантов, повышение дисциплины, улучшение качества боевой учебы... Политработниками и командирами организована в целом ряде подразделений проверка хода соцсоревнования, об итогах которого по отделениям и взводам проводятся беседы и политинформации. 7 ноября в частях будут подведены итоги предпраздничного соревнования на предмет выявления лучших отделений, взводов и частей, о чем будет отмечено специальными приказами по частям и соединениям»¹⁵. В таких ситуациях каждый политработник считал своим долгом отличиться, зачастую не считая обривающиеся лица малочисленных подвиги, расходившиеся с официальной версией событий. Так, например, случилось с бойцами 2-й Ударной армии, когда тень от предательства генерала Власова легла на тысячи солдат и офицеров, до конца выполнивших свой долг и оставшихся лежать в лесах и болотах под Новгородом¹⁶. Действовал такой критерий, как недоверие к окруженцам, отнесение всех пленных к числу предателей. Не потому ли так долго оставались неизвестными защитники Брестской крепости, тысячи других героев первых дней и недель войны? Их мужество вступало в противоречие с политическими установками, с объяснением поражений в начале войны не предвоенными преступлениями и стратегическими просчетами высшего руководства, а происками «врагов народа», предательством командиров, нестойкостью бойцов. Система в который раз стремилась переложить всю ответственность на других, приписав свои ошибки тем, кто расплачивался за них кровью. И уж, конечно, не могла она признать и обнародовать подвиги тех, к чьей помощи вынуждена была прибегнуть в самый тяжелый момент, когда и для нее не нашлось иного выхода. Как, например, в случае с Поляр-

ной дивизией, целиком, включая комсостав, сформированной из заключенных¹⁷. В 1941 г. она отстояла Мурманск. До сих пор безымянные, в ней полегли те, кто взамен шпал и ромбов носил тогда номерные знаки воркутинских лагерей.

Держа под своим контролем процесс награждений, система могла отсеять и негодную ей личность. Существовали разного рода ограничения, которые не позволяли тому, кто совершил подвиг, но в силу ряда причин не устраивал систему, подняться до высшей ступени – звания Героя. Например, принадлежность к репрессированной национальности, родственные связи с «врагами народа», собственная судимость по политической статье, неподходящее социальное происхождение и т.п. Хотя бывали и исключения: в значительной степени это зависело от мужества командира, представившего подчиненного к награде и сумевшего отстоять свою точку зрения перед вышестоящим начальством. Показательна в этом отношении судьба бывшего разведчика, ныне известного писателя Владимира Карпова, получившего звание Героя Советского Союза, невзирая на «пятно» в биографии: хотя в его случае сопротивление системы было довольно сильным, но командование настояло¹⁸. Примером другого рода является судьба легендарного подводника А.И.Маринеско. 31 января 1945 г. подводная лодка под его командованием потопила крупнейший немецкий лайнер «Вильгельм Густлоф», на борту которого находилось более 6000 гитлеровцев, в том числе около 3700 подводников. Гитлер объявил Маринеско личным врагом, оценив заслуги советского моряка выше, чем сделала это система. Представление Маринеско к званию Героя Советского Союза не было одобрено командованием: помешал его проступок перед походом в январе 1945 г. – связь с иностранной подданной, за что он едва не попал под трибунал¹⁹. Справедливость восторжествовала только накануне 45-летия Победы. А.И.Маринеско стал Героем Советского Союза, но – уввы! – уже посмертно. А сколько было похожих судеб, когда неуживчивый характер, неумение наладить отношения с начальством или какие-то иные обстоятельства являлись для системы более веским доводом, чем совершенный подвиг, и герой не получал признания и заслуженной награды, а порой лишался и награды, уже врученной²⁰. Уже после войны все попытки восстановить справедливость наталкивались на чиновное безразличие и решение высших советских и партийных органов от 1965 г. прекратить награждения за подвиги и боевые отличия в период Великой Отечественной войны, что, однако, не мешало осыпать наградами тех же партийных чиновников ко всевозможным юбилеям за несуществующие заслуги.

Итак, система жестко отбирала героев, чаще обращая внимание на формальные признаки, чем на суть вещей. В сомнительных случаях она не утруждала себя поиском истины. Ошибки, клевета, поспешные выводы, второпях приклеенные ярлыки ломали и калечили судьбы, лишая и живых, и павших достойного места в строю. Бывшие советские военнопленные, участники движения Сопротивления, многие из которых стали национальными героями тех стран, в партизанских отрядах которых они воевали, на Родине числились предателями согласно приказу Сталина № 270.

Трагичной оказалась и судьба многих подпольщиков, разведчиков, «бойцов невидимого фронта». Строго законспирированные в условиях оккупации, они порой становились жертвами этой конспирации, когда после прихода наших войск некому было подтвердить особистам, что они работали по заданию партизан, а не являлись пособниками врага. Иногда обвинения против патриотов были провокацией самих гитлеровцев и полицаев. А сталинская система с ее подозрительностью ко всем и каждому шла у них на поводу. Так, на долгие годы была брошена тень на доброе имя молодогвардейца Виктора Третьякевича²¹. Кстати, криминалистическая экспертиза документов подпольной организации, проведенная по инициативе работников Центрального Архива ВЛКСМ, подтвердила, что именно он был комиссаром «Молодой Гвардии». Но споры об этом на страницах печати до сих пор продолжаются. Любая попытка взглянуть на символ, утвердившийся в

сознании нескольких поколений, воспринимается болезненно и остро, и всегда найдутся силы, для которых сохранение легенды важнее установления истины.

Система творила символы, в которых она нуждалась. Каждому этапу войны соответствовали символы, несущие определенную смысловую нагрузку, отвечающие очередным на данный момент задачам пропаганды. Иначе и быть не могло. Подвиги начала войны – это подвиги обороняющейся, с боями отступающей армии. Главной задачей было выстоять, остановить врага любой ценой. И весьма своевременными оказались для символа слова политрука Клочкова: «Велика Россия, да отступать некуда – позади Москва!» А прозвучали ли они на самом деле или были вложены в уста героя журналистом, не имело никакого значения.

Перелом в войне, освобождение оккупированных районов страны несли войскам качественно иное психологическое состояние, ставили перед ними иные задачи: воспитание наступательного порыва, беспощадной мести врагу. Здесь и подвиги были «наступательными». И символы, естественно, тоже. Мученики-молодогвардейцы и рядовой Юрий Смирнов, участник танкового десанта в тыл врага, раненым взятый в плен и распятый немцами на стене блиндажа, – наиболее известные из символов 1943 и 1944 гг., призывающие отомстить гитлеровцам за их злодеяния, освободить родных и близких от ужасов фашистской оккупации, до конца быть верными гражданскому и воинскому долгу.

Когда под лозунгом «Вперед, на Запад!» Советская Армия вступила на территорию европейских стран, пропагандистская машина откликнулась на это событие новыми символами. Например, плакатом «Освободим Европу от цепей фашистского рабства», на котором изображен советский солдат, рвущий цепи со свастикой. Ведь и произведения искусства тоже порой выполняли роль символа. Самым известным из них была песня Б.А.Александрова на стихи В.И.Лебедева-Кумача «Священная война». (Кстати, по одной из версий, ее слова были написаны не в 1941-м, а весной 1916 г., в разгар Первой мировой, преподавателем Рыбинской мужской гимназии А.А.Бодя, и в конце 1937 г., незадолго до смерти, присланы автором В.Лебедеву-Кумачу, который на второй день Великой Отечественной, слегка переделав, опубликовал их под своим именем²². И песня, посвященная одной войне, стала символом другой, совершенно иной по духу и характеру войны, хотя и с тем же противником.) После Победы символом стал памятник Воину-Освободителю скульптора Е.Вучетича, «соавтором» которого, вместо автомата «вложившим» в руку бронзового солдата богатырский меч, разрубающий свастику, оказался никто иной, как Сталин, – обстоятельство, тоже весьма символичное.

Но вернемся к собственно героическим символам. Какими же критериями руководствовалась пропагандистская машина, поднимая отдельный подвиг до уровня символа? Вновь обратимся к мнению Вячеслава Кондратьева: «Вся война являлась беспримерным и подлинным подвигом всего народа. Одно нахождение на передовой, один шаг на поле боя – все это великое преодоление себя, все это подвиг. Однако, политотделам нужны были «особые» подвиги: единоборство солдат с одной гранатой или бутылкой с зажигательной смесью против танка, или бросание грудью на амбразуры дотов, или подбитие выстрелом из родимой, образца 1891/30 трехлинейки самолета и так далее, и тому подобное. Особо понравилось политотделам бросание на амбразуры»²³.

Почему-то не воинское мастерство, находчивость, храбрость, которые в первую очередь определяли исход боев и сражений, в основном пропагандировались системой, а самопожертвование, часто граничившее с самоубийством²⁴. «Апология жертвенности, идеи сугубо языческой», по определению историка А.Мерцалова, или тиражирование опыта советских «камикадзе», по словам В.Кондратьева, наглядно характеризует жестокие методы руководства войной, которые были свойственны сталинизму. «Режим, который не жалел людей и в мирное время, не мог жалеть их тем более в войну, спасая собственное существо-

вание»²⁵. Весьма показательны в этом смысле и условные обозначения солдат в шифрованных донесениях и телефонных переговорах на фронте – «спички», «карандаши» и прочая «мелочь», очень напоминающая знаменитые сталинские «винтики». Сколько «спичек» сгорело? Спичек не жалко...

Своего рода полемикой с этой официальной традицией представляется нам еще один символ – литературный персонаж, близкий к подлинно народному пониманию героизма, – Василий Теркин:

*«Богатырь не тот, что в сказке –
Беззаботный великан,
А в походной записке,
Человек простой закваски,
Что в бою не чужд опаски,
Коль не пьян. А он не пьян»²⁶.*

Смелый и находчивый, чуждый необдуманному риску, но разящий врага расчетливо и умело, чтобы не только его одолеть, но и остаться при этом в живых, вернуться домой с победой, – таков русский солдат у Александра Твардовского. Его невозможно представить в роли смертника, он сам ведет поединок со смертью и побеждает ее. Но образ Теркина – редкое исключение в советской литературе, которое стало возможно благодаря таланту его автора.

В целом же, создание символов являлось исключительной прерогативой системы. От нее зависели все награждения, средства массовой информации находились в ее руках. Если же «по недосмотру» герой превращался в символ сам (встречались и такие, народные символы), ему срочно присваивали официальный статус Героя с соответствующими атрибутами и регалиями: система не терпела самодетельности. «Дом Павлова» и «редут Таракуля» в Сталинграде, «сопка Тюрпека» в Карелии служат тому подтверждением. Возникшие в солдатской среде как дань уважения героям, не сдавшим своих позиций, названия эти перебрались на военные планы и карты, были взяты системой на вооружение и использованы как средства пропаганды. Старшему лейтенанту Я.Ф.Павлову впоследствии присвоили звание Героя Советского Союза. А высоту, которую в сентябре 1942 г. захватил со своим взводом старший сержант С.Т.Тюрпека и пал смертью храбрых, отбив все атаки врага, официально решением Военного Совета Карельского фронта от 6 ноября 1942 г. была названа его именем²⁷.

Звание Герой Советского Союза существовало как высшая степень отличия в СССР. Однако, это еще не символ. Звание являлось необходимым, но вовсе не достаточным условием для перехода в новое качество. Героев слишком много, всех не запомнишь. Это до войны орденосцы были наперечет и могли входить с передней площадки в вагон трамвая. Героев Советского Союза свыше одиннадцати тысяч – только за войну. Символов – от силы два десятка. «Народ должен знать своих героев». Символы – это как раз те, о которых все знают, – но только то, что положено.

Из многих тысяч героев известность получили лишь те, над образами которых усердно потрудились пропаганда и которые запомнились с детства из школьных учебников, фильмов и книг. Возможности человеческой памяти ограничены. Это тоже нужно учитывать. В этом, наверное, одна из причин персонификации подвигов.

Но когда героический поступок, имевший в годы войны массовое распространение, связывают с именем одного человека, невольно задаешься вопросом: почему именно это имя стало общеизвестным, каким образом произошло выделение одного героя из ряда многих других, совершивших аналогичный подвиг? Так, воздушный таран связывают почти исключительно с именем В.Талалихина, огненный таран – с именем Н.Гастелло, спасение товарищей ценой собственной жизни, закрытие своим телом огневой точки врага – с именем А.Матросова, хотя таких случаев были сотни²⁸. Видимо, каждый из этих и многих

таких случаев были сотни²⁸. Видимо, каждый из этих и многих других примеров имеет свое объяснение. В случае с летчиками оно довольно простое: подобные подвиги совершались и раньше, но в силу объективных причин первыми узнали именно об этих героях. О том, что воздушные и огненные тараны были совершены уже в первые часы войны 22 июня, стало известно значительно позже, спустя годы после Победы. Талалихин же применил ночной таран в воздушном бою над Москвой, где не заметить его подвиг было просто невозможно.

Что же представляет собой воздушный таран, который одни называют «этапоном ратного подвига», а другие считают фатальным актом самопожертвования, характерным для японских летчиков-камикадзе? Прославленный советский ас Иван Кожедуб утверждает, что воздушный таран применялся как активный, атакующий прием воздушного боя, требующий не только отваги и бесстрашия, но и точного расчета, крепких нервов, быстрой реакции, отличной техники пилотирования, знания уязвимых мест вражеской машины и т.п., при этом гибель пилота не представлялась неизбежной, хотя степень риска, безусловно, была велика²⁹. Интересна точка зрения на таран Константина Симонова. Мы приведем здесь отрывок из его интервью Василию Пескову, считая нужным обратить внимание не только на ответ, но и на форму поставленного вопроса:

В.: В рассказах о первом годе войны, в воспоминаниях, в стихах, в старых подшивках газет часто встречается слово «таран». Все понимают, что это героический акт – ударить своим самолетом машину врага. Но такой способ борьбы явно нерационален – гибнет и свой самолет. Почему тараны были частыми в сорок первом? Почему они воспевались? И почему позже сбивали самолеты все же из пушек и пулеметов, а не винтом и крылом?

О.: Я думаю так. На первом этапе войны авиационная наша техника была слабее немецкой. К тому же у летчиков опыта не доставало: нерасчетливо растратил боезапас, а противник уходит, злость заставляет ударить его хоть чем-нибудь – винтом, крылом. Чаще всего так били бомбардировщик – в нем четыре человека, и машина более дорогая, чем истребитель. Эта подспудная арифметика, несомненно, имела значение. И надо иметь в виду: у нападавшего все же были шансы остаться живым, и даже машину иногда удавалось сажать. Много писали о таранах, потому что в этом акте ярко проявлялась готовность жертвовать жизнью во имя Родины. И об этой готовности тогда, в сорок первом, важно было рассказывать. Ну и, естественно, действовал закон: чем чаще о чем-то пишут, тем чаще это находит отклик и в жизни... Позже, когда качество немецких и наших самолетов уравнилось и когда летчики поднабрались опыта, к таранам стали прибегать редко»³⁰.

Этот взгляд писателя полностью подтверждается фактами. В самом деле, во время Великой Отечественной войны динамика таранов в небе тесно соотносится с ее периодами. Если в 1941-1942 гг. было совершено около 400 таранов, то в 1943-1944 гг. – свыше 200, а в 1945 г. – немногим более 20. «По мере завоевания нашей авиацией господства в воздухе объективная необходимость жертвовать своей жизнью и машиной уменьшалась»³¹.

В случаях с огненным тараном перед летчиком возникала качественно иная ситуация, не зависящая от этапа войны и господства в воздухе: самолет подбит, горит, до своего аэродрома не дотянет, выброситься с парашютом над территорией, занятой противником, значит попасть в плен. И пилот направлял подбитую машину в гущу вражеской техники, зная, что и сам неизбежно погибнет. В многоместном самолете такое решение принималось всем экипажем, однако награждали за подвиг, как правило, одного командира. Даже в легендарном экипаже Н.Гастелло высшей наградой – званием Героя Советского Союза – отмечен только он сам, а его товарищи Г.Скоробогатый, А.Бурденюк и А.Калинин награждены орденами Отечественной войны 1-й степени, и то лишь через 17 лет после гибели. Судьба одна, а слава разная, даже у людей из одного экипажа. А сколько «огнен-

ных пилотов» вообще не отмечено наградами... Поднимая одного героя до уровня символа, система уже не интересовалась другими, потому что лишь символ мог выполнять определенные идеологические функции, а для этого над ним требовалось немало потрудиться, отбрасывая неугодные факты, шлифуя биографии, чтобы превратить человека в памятник, в лозунг, в легенду, в образец для массового подражания. И уже не имело значения, кто был первым. Главное, кого первым заметила система и насколько он соответствовал нужному ей стереотипу героя.

Только в 1996 г. присвоено звание Героя России капитану Александру Маслову и членам его экипажа, которые были однополчанами Н.Гастелло и погибли в том же бою 26 августа 1941 г., как и он, пойдя на таран. Их останки в 1951 г. были обнаружены на предполагаемом месте его гибели. Но тогда сведения об этом засекретили, а в 1964 г. личное дело А.С.Маслова в Центральном архиве Министерства обороны было уничтожено вместе со всеми документами, подтверждающими обстоятельства подвига. Копии чудом сохранились в личном деле стрелка-радиста Г.В.Реутова, что позволило спустя 55 лет, с огромным трудом преодолев сопротивление системы, добиться награждения героев. А подлинное место захоронения экипажа Н.Гастелло до сих пор остается неизвестным³².

С Матросовым дело обстоит еще сложнее, хотя и здесь ситуация схожая: он не был первым, кто закрыл своим телом огневую точку врага, но именно его подвигу придали особое значение. Элемент случайности? Может быть, выразительный слог политдонесения обратил внимание командования на этот факт и потому о нем доложили Сталину? На этом случайности кончаются. За дело с присущей ей основательностью взялась пропагандистская машина. И вот уже реальная дата подвига – 27 февраля 1943 г. – подменяется другой, не соответствующей действительности, но зато красивой и удобной, приуроченной к славному юбилею – 25-летию Красной Армии. А прозвучала она впервые в приказе Сталина № 269 от 8 сентября 1943 г., откуда и вошла во все учебники истории³³. Приказ наркома обороны гласил: «...Подвиг товарища Матросова должен служить примером воинской доблести и героизма для всех воинов Красной Армии.

Для увековечения памяти Героя Советского Союза гвардии рядового Александра Матвеевича Матросова приказываю:

1. 254-му гвардейскому стрелковому полку присвоить наименование «254-й гвардейский стрелковый полк имени Александра Матросова».

2. Героя Советского Союза гвардии рядового Александра Матвеевича Матросова зачислить навечно в списки 1-й роты 254-го гвардейского полка имени Александра Матросова»³⁴.

Это был первый в истории Отечественной войны приказ о зачислении навечно в списки частей воинов, совершивших выдающиеся подвиги.

И полетела крылатая фраза, абсурдная с самого начала: некто «повторил подвиг Матросова». Но ведь подвиг был у каждого свой! Подвиг нельзя «повторить», его каждый раз совершают заново – разные люди, в разных обстоятельствах. Приведем для примера описание подвига одного из неизвестных «матросовцев» – ефрейтора Владимира Дмитриенко, обнаруженное нами в донесении политотдела 19 Армии Карельского фронта от 29.09.44 г.: «В частях широко популяризируется геройский подвиг коммуниста ефрейтора Владимира Дмитриенко из 122 стр.дивизии, который во время выполнения задачи по разведке огневых точек противника добровольно пошел в разведку. В ходе выполнения боевого задания по разведчикам немцы открыли сильный огонь, который заставил подразделение залечь и не дал возможности продвигаться. Ефрейтор Дмитриенко решил заглушить левофланговый ДЗОТ. Он быстро поднялся и с криком “Вперед!” устремился в гранатами в руках к ДЗОТу, откуда немцы вели непрерывный огонь. Подбежав к самому ДЗОТу, Дмитриенко взмахнул гранатой, но в этот момент вражеская пуля сразила его и он упал, закрыв своим телом амбразуру ДЗОТа. Воодушевлен-

ные подвигом Дмитриенко, бойцы неудержимо устремились вперед, ворвались в окопы и ДЗОТы немцев, где гранатами и огнем из автоматов уничтожали фашистских мерзавцев. Немцы были выбиты из опорного пункта. Только у ДЗОТа, где пал коммунист Дмитриенко, наши бойцы насчитали более 10 убитых гитлеровцев. О подвиге Дмитриенко помещен материал в газете “Героический поход” и “Сталинский боец”³⁵. Но мало было публикаций в дивизионной и армейской газетах для превращения героя в символ. Он мог стать лишь символом местного масштаба, предметом гордости командиров и политработников: «У нас в части тоже есть свой Матросов». Как и многие другие герои, Дмитриенко оказался «в тени» этого имени, в результате чего его подвиг невольно воспринимался как подражательный, «воспитанный на примере».

Равный по значимости подвиг оценивался неодинаково. В Действующей Армии довольно частыми были случаи, когда командир части представлял отличившегося подчиненного к одной награде, а вышестоящее начальство награждало его другой, более низкой по статусу, исходя из каких-то своих соображений, иногда просто из-за отсутствия в наградном отделе нужного количества орденов.

Безусловно, превращение героя в символ зависело не только от прихоти системы, но и от целого ряда случайностей. Сам подвиг мог быть исключительным, но, совершенный вдали от начальства и политотделов, так и остаться никому неизвестным. В другом случае донесения могли писаться людьми, не блещущими красотой стиля. И, наконец, в тяжелой боевой обстановке было иногда просто не до того.

Большую роль в создании символа играл журналист, по воле судьбы оказавшейся на месте событий. Сейчас уже мало кто помнит, что одновременно со статьей Петра Лидова «Таня» в «Правде» – о девушке-партизанке, казненной гитлеровцами в селе Петрищево, в «Комсомолке» вышла статья его коллеги по перу С.Любимова, который побывал там вместе с ним. Однако, замечен и отмечен был лидовский материал, как более выразительный. По легенде, Сталин, прочитав в газете ответ партизанки на вопрос гитлеровцев: «Где находится Сталин?» – «Сталин на посту!», произнес слова, решившие посмертную судьбу девушки: «Вот народная героиня». И завертелась машина, превращая неизвестную комсомолку Таню в Зою Космодемьянскую, первую женщину, получившую в Великой Отечественной войне звание Герой Советского Союза³⁶.

Несмотря на огромный объем литературы, посвященный подвигу девушки, некоторые обстоятельства ее гибели по идеологическим соображениям тщательно скрывались. Так, ни слова не говорилось о неоднозначной реакции жителей с.Петрищево на диверсию, в результате которой несколько семей зимой осталось без крова. Далеко не все сочувствовали пойманной фашистами партизанке. Приведем несколько документов. У жены П.Лидова – Г.Я.Лидовой – хранятся выписки из уголовных дел на С.А.Свиридова, А.В.Смирнову и др. жителей села Петрищево, сделанные в 1942 г. после их осуждения военным трибуналом войск НКВД Московского округа. Через сутки после поджога партизанами трех домов, принадлежащих гр. Смирновой А.В., Солнцеву И.Е. и Кореневу Н., житель села Свиридов С.А., стороживший свой дом и садик, заметил выходящего из села человека и донес об этом фашистам. Схваченный партизан оказался девушкой. По деревне пронеслась весть, что поймали поджигательницу. А дальше произошло следующее:

Июльские показания Петрушиной (Кулик) Прасковьи Яковлевны:
«На следующий день после задержания Зою привели к нам в 22 ч., измученную, со связанными руками. Утром в 8-9 ч. пришли Смирнова, Сальнина и др. Сальнина несколько раз сказала Смирновой, чтобы та била. Смирнова пыталась ударить, но я встала между ней и Зоей, не дала бить и выгнала. Немецкий солдат взял меня за ворот и оттолкнул, я ушла в чулан. Спустя несколько минут Смирнова

и Салынина вернулись. Смирнова на ходу взяла чугунок с помоями, бросила в Зою и чугунок разбился. Я быстро вышла из чулана и увидела, что Зоя вся облита помоями».

Из показаний Солнцева Ивана Егоровича:

«Придя в дом Кулика, я сказал немцам, что это мой дом она подожгла. Меня сразу пропустили и немцы велели мне бить Зою, но я и жена категорически отказались. Когда при казни Зоя крикнула: “Немецкие солдаты, пока не поздно, сдавайтесь в плен, победа за нами”, – Смирнова подошла и сильно ударила ее по ноге железной палкой, сказав: “Кому ты угрозила? Мой дом сожгла, а немцам ничего не сделала”, – и выругалась»³⁷.

Обнародование такого рода фактов несомненно вступило бы в противоречие с официальным тезисом о всенародной поддержке партизанской борьбы жителями оккупированных районов. Куда удобнее была версия о том, что Зою предал ее товарищ по группе Василий Клубков, схваченный, как и она, в Петрищеве и оказавшийся менее стойким³⁸. Случай единичного предательства не шел в разрез с общим направлением пропаганды того времени, тогда как поведение местных жителей приобретало в глазах системы характер опасной тенденции. О том, как тщательно оберегала система неприкосновенность символа в удобном ей виде, свидетельствует еще один любопытный документ. Это докладная записка инструктора отдела школьной молодежи ЦК ВЛКСМ Тищенко секретарям ЦК ВЛКСМ Михайлову Н.А. и Ершовой Т.И. от 30.12.48 г.: «Директор и учителя школы № 201 г.Москвы имени Зои Космодемьянской сообщили, что в организации и проведении экскурсий к месту казни и могилы Зои Космодемьянской следовало бы устранить имеющиеся недостатки. В деревню Петрищеве, где зверски замучена фашистами Зоя, приходят много экскурсий, большинство из которых – это дети, подростки. Но этими экскурсиями никто не руководит. Экскурсии сопровождает Воронина Е.П., 72-х лет, в доме которой размещался штаб, где допрашивали и пытали Зою, и гражданка Кулик П.Я., у которой находилась Зоя до казни. В своих объяснениях о действиях Зои по заданию партизанского отряда они отмечают ее смелость, мужество и стойкость. В то же время говорят: “Если бы она и дальше продолжала к нам ходить, то принесла бы много убытка деревне, сожгла бы много домов и скота”. По их мнению, это, пожалуй, Зое и не следовало бы делать. Объясняя о том, как Зоя была схвачена и попала в плен, они говорят: “Мы очень ждали, что Зою обязательно освободят партизаны, и были очень удивлены, когда этого не случилось”. Такое объяснение не способствует правильному воспитанию молодежи»³⁹.

До сих пор история трагедии в Петрищеве хранит немало загадок и ждет своего объективного исследования.

Еще один символ – 28 гвардейцев-панфиловцев – тоже обязан своим возникновением журналистам. Корреспондент «Комсомольской правды» В.Чернышев и спецкор «Красной звезды» В.Коротеев, даже не побывавшие на месте боев, не беседовавшие с их участниками, воспользовались информацией, полученной в штабе дивизии. В первоначальных своих публикациях, наряду с некоторыми неточностями, они в целом дали объективную и справедливую оценку героизму бойцов 8-й Панфиловской дивизии, отметив, что тяжелые бои велись ими на всех участках и на каждом было проявлено исключительное мужество. Упоминались особо отличившиеся бойцы 4-й роты Н-ского полка, которые вели бой с фашистскими танками в районе разъезда Дубосеково. Перед боем эта рота насчитывала до 140 человек, после боя в ней осталось около 30. Смертью героев погибло более 100 бойцов. Но Коротеев, не располагавший точными данными, по приезду в Москву в разговоре с редактором значительно приуменьшил число участников боя, сказав, что состав роты, видимо, был неполный, примерно человек 30, из которых двое оказались предателями. Другой журналист – А.Кривицкий, опираясь на эти слова, написал передовую «Завещание 28 павших героев»⁴⁰. Так, весьма безответственным

образом появилась эта цифра, лишившая заслуженной славы сотни героев роты, полка, дивизии. Напечатанное в газете, да еще в передовице, не могло ставиться под сомнение. 28 героев стали Символом. Имена под эту цифру подбирались особенно тщательно, хотя не обошлось и без проколов: шестеро оказались в живых, из них двое потом долго и безуспешно доказывали свою принадлежность к «списку» героев⁴¹. Интересно и другое: по книге безвозвратных потерь видно, что люди, включенные в поименный список, погибли в разное время в разных местах, а не в один день у разъезда Дубосеково. Впрочем, для системы такие «мелочи» уже не имели значения: когда символ создан, обратного хода нет.

Наконец, в создании такого символа, как «Молодая Гвардия», исключительная роль принадлежит Александру Фадееву. И здесь возникает вопрос о моральной ответственности писателя, не изменившего в художественном произведении имена реально существовавших людей, которые послужили прототипами его героев. Вследствие этого произошла подмена исторической реальности литературным вымыслом в сознании всего народа. О молодогвардейцах судили не столько по документам и свидетельствам участников событий, сколько по роману, который, по словам самого А.Фадеева, не претендовал на документальную точность⁴². Так, нескольким невинным были навешаны ярлыки предателей, они подверглись репрессиям, последовали и гонения на их семьи. Лишь недавно они были полностью реабилитированы, но продолжают оставаться заложниками легенды, созданной А.Фадеевым⁴³. Этот перечень можно продолжить.

Несомненно, существовали символы, возникновение которых готовилось системой заранее. Одним из них стало Знамя Победы. Сейчас уже трудно сказать, случайно или нет в одну из знаменных групп, штурмовавших рейхстаг, были включены русский и грузин. Но в том, что система не обошла этот факт вниманием и преподнесла его как особый подарок Сталину, сомневаться не приходится. Знаменных групп было несколько, как и флагов, водруженных ими в разных частях рейхстага. Подвиг каждой из них достоин высшей награды. Так, были представлены к званиям Героев Советского Союза разведчики группы лейтенанта С.Сорокина, закрепившие флаг на скульптурной группе над главным входом в рейхстаг. Их подвиг был подробно описан в наградных листах, подписанных командованием корпуса, но командование армии представления на них не подписало⁴⁴. Знамя Победы могло быть только одно, а значит, участники только одной группы могли стать Героями, чтобы затем превратиться в символ. Логика системы воистину была железной.

Подведем некоторые итоги. Среди методов, которыми пользовалась система для создания необходимых ей символов, можно назвать следующие:

- несправедливое умалчивание об одном герое или подвиге и целенаправленное возвеличивание другого с использованием всех доступных средств агитации и пропаганды;
- выделение одного героя из ряда других, совершивших аналогичный подвиг, т.е. неравная оценка равного подвига, персонификация подвига;
- создание пропагандистского клише, стереотипа героя, под который искусственно «подгонялись» живые, реально существовавшие люди;
- фальсификация – полная или частичная, включая подмену одного героя другим, присвоение чужих заслуг, искажение обстоятельств подвига, неверную трактовку событий и т.п.

Можно выделить определенную закономерность и провести классификацию типов подвига, наиболее часто использовавшихся системой для превращения их в символы:

- Единоборство с превосходящими силами противника, удержание боевых позиций ценой собственной жизни (с гранатой под танк; вызов огня на себя; подрыв гранатами себя и врагов при угрозе плена; и др.);

- Массовый героизм, коллективный подвиг (стойкость целых подразделений);
- Акты самопожертвования, спасение товарищей ценой собственной жизни (грудью на амбразуру);
- Мученическая смерть под пытками в плену у врага, верность долгу и присяге перед лицом смерти;
- Уничтожение врага таранным ударом при отсутствии иных средств ведения боя (воздушный таран); нанесение максимально возможного ущерба врагу ценой собственной жизни, отказ от возможности спастись (огненный таран);
- Единство и дружба советских народов (подвиги многонациональных воинских коллективов; героизм бойцов разных национальностей) – (При существовании запрета на представление к званию Героя представителей высланных народов!);
- Спасение боевого знамени и другой воинской и советской символики.

Для символов местного масштаба – «Герои нашей части», «Герои нашей Армии» и т.п., возникавших непосредственно на фронте без участия главных политических структур, наиболее характерными чертами являются солдатская находчивость, смекалка, боевое мастерство, позволяющие наносить урон врагу с собственными минимальными потерями⁴⁵. Именно к такого рода символам относится и Василий Теркин, поднявшийся, однако, до общенародного уровня.

* * *

Другой стороной проблемы является вопрос о том, какое влияние оказывали героические символы на сознание людей, в какой степени выполняли отведенные им функции, существовало ли противоречие между собственным мироощущением советского солдата и тем, которое навязывала ему система?

Вспомним слова К.Симонова: «Чем чаще о чем-то пишут, тем чаще это находит отзвук и в жизни». В этом смысле символы, безусловно, срабатывали, оказывая сильнейшее эмоциональное воздействие на огромные массы людей, особенно молодых, воспитанных на революционной романтике и героике (тоже символах, но более раннего времени), а потому наиболее восприимчивых. Примеры доблести и героизма, активно пропагандируемые в печати, на митингах и красноармейских собраниях, с одной стороны, вызвали общее стремление отомстить врагу за гибель товарищей, с другой, – быть похожими на них и сражаться с еще большим мужеством и энергией. «Мы заявляем, – говорилось в письме Военному Совету 2-го Белорусского фронта от комсомольцев и молодежи 272 стрелковой Свирской дивизии от 28.03.45 г., – что любой Ваш приказ будет нами выполнен с честью и достоинством комсомольцев. На пути к достижению цели у нас встретятся трудности, но мы их преодолеем так же, как преодолели наши старшие товарищи, так же, как преодолевали их Зоя Космодемьянская, Александр Матросов и Юрий Смирнов. Мы заверяем Вас, что каждый комсомолец и молодой воин нашего соединения будет в первых рядах атакующих. Мы будем бить врага так, как били его в недавних боях лучшие комсомольцы нашего соединения... На такие подвиги способен каждый из нас. Мы любим свою Родину и для счастья ее не пожалеем своих сил. Мы готовы за Родину пролить каплю за каплей свою кровь, неся в своих молодых сердцах священную ненависть к врагу... Водрузим знамя победы над Гдыней! Смерть фашистским захватчикам!»⁴⁶

Известно немало случаев, когда молодые бойцы и командиры носили всю войну в комсомольских билетах вырезанные из газет портреты Зои Космодемьянской, на танках и самолетах писали «За Зою!» Подобное происходило и с именами других героев. Символы общесоюзного масштаба дополняли в сознании людей их собственный опыт: подвиги друзей-однополчан, очевидцами которых они становились, личные трагедии – гибель семьи или кого-нибудь из близких, разорение родной

деревни и т.п. Все это вместе взятое включалось затем в «личный счет мести врагу», о чем и отчитывались друг перед другом на собраниях перед началом боевой операции или накануне наступления⁴⁷. Организаторами составления «счетов мести» выступали парторги, комсорги, политработники.

Как один из примеров прямого воздействия символа на настроения бойцов, приведем отрывок из отчета об одном открытом комсомольском собрании в частях 19 Армии по письму матери Олега Кошевого к товарищу сына лейтенанту И.Лещинскому от 9.11.43 г. «...Комсомолец, младший сержант т.Мацко в своем выступлении сказал: “Мы беспощадно мстим за молодогвардейцев – прямой наводкой из орудий громим логово врага. Проведенные последние две боевые стрельбы получили хорошие оценки командования батальона – цели были поражены. Наш расчет в основном комсомольский и на призыв матери юного героя Е.Н.Кошевой, на обращение молодежи мы ответим беспощадной мстью. Мы будем увеличивать счет мести немецким захватчикам и до конца выполним наказ матери героя”. ...Многие из присутствовавшей на комсомольских собраниях несоюзной молодежи обратились с просьбой принять их в ряды ВЛКСМ. Так, тов. Симакова на собрании заявила: “Смерть краснодонцев потрясла меня и я почувствовала, что не могу больше быть вне рядов Ленинско-Сталинского комсомола, который воспитывает таких героев, как был Олег и его товарищи. Я прошу принять меня в комсомол”»⁴⁸.

Впрочем, далеко не всегда выступления на митингах и собраниях могут служить барометром настроений в армии. Об этом свидетельствуют сами политдонесения: «В некоторых подразделениях, которые ранее находились на выполнении боевых заданий, где не были проведены собрания о любви к Родине и воинской доблести – традициях русского народа, в настоящее время закончено проведение таких собраний. Проведению собраний так же, как и ранее, предшествовала тщательная подготовка. Собрания прошли хорошо и с большим подъемом... Проводилась работа по подготовке бойцов и сержантов к выступлениям»⁴⁹. Насколько искренними были подобные выступления, в ряде случаев довольно сложно определить.

Не всеми категориями бойцов героические символы воспринимались одинаково. Призванные в ноябре-декабре 1944 г. из освобожденных от немецкой оккупации районов Западной Украины, Западной Белоруссии, Молдавии и Прибалтики бойцы нового пополнения, знакомые с новой идеологией только понаслышке (за два предвоенных года после вступления Советской Армии на эти территории система еще не успела развернуться в полной мере, да и влияние сталинской пропаганды за столь короткий срок не могло оказаться действенным), относились к ее символам с изрядной долей скепсиса: «В ходе бесед выяснилось, – говорится в донесении Политотдела 19 Армии от 28.12.44 г., – что ряд бойцов пополнения не верит в героические подвиги воинов Красной Армии. Так, в 27 стрелковой дивизии после проведения беседы о подвиге Героя Советского Союза сержанта Варламова, закрывшего своим телом амбразуру вражеского ДЗОТа, были реплики: “Этого не может быть!”»⁵⁰

И все же в своем подавляющем большинстве советские люди относились к героическим символам именно так, как это и планировалось пропагандистской машиной. Хотя было и глубокое понимание того, что нельзя разделять героизм и будни, потому что «и будни войны являлись подвигом, возможно, большим, чем мгновенная вспышка, эмоциональный всплеск, когда солдат бросается на танк с одной гранатой. Это секунды, а будни – это дни и ночи, кровавые и беспросветные, потому что только смерть или ранение могут освободить солдата от постоянного, нечеловеческого напряжения, выдерживать которое было невероятно трудно»⁵¹. Тем обиднее было чувствовать за спиной пулеметы заградотрядов, знать, что за любое неосторожное слово и трезвый взгляд на действительность можно угодить в СМЕРШ. Эта горечь за недоверие и подозрительность системы по отношению к тем, кто на грани своих сил, голодный и холодный, до предела усталый и измученный, под постоянным огнем противника, зачастую превосходящего числом

измученный, под постоянным огнем противника, зачастую превосходящего числом и вооружением, отбивал непрерывные атаки и поднимался в атаки сам, делая порой невозможное, проявляя чудеса героизма, – эта обида и горечь солдата к системе предельно ясно выразилась в одной из песен фронтового фольклора:

*«Первая болванка пробила бензобак.
Я выскочил из танка, и сам не знаю, как.
А потом в особый вызвали отдел:
“Почему ты, сволочь,
вместе с танком не сгорел?!”
А я отвечаю, а я говорю:
“В следующей атаке обязательно сгорю...”»⁵²*

Вот так и чувствовал себя солдат на войне, – с одной стороны, испытывая великое чувство гражданственности, ощущая себя личностью, от которой зависит судьба Отечества, готовый на самопожертвование, честно и с достоинством исполняющий свой ратный труд; а с другой, – поставленный системой в положение «винтика», когда человеческая жизнь ценилась порой дешевле, чем цинковый ящик с патронами. Война велась жестоко и по отношению к своим же солдатам. Сталинский режим не считался с потерями, и «не было случая в годы войны, чтоб за напрасные потери осудили хоть бы одного командира высокого ранга». ⁵³ «Мы за цену не постоим» – эти слова из песни Булата Окуджавы очень точно отражают пафос военных лет. Эти же слова выражают и сущность героических символов периода Великой Отечественной войны, саму атмосферу того времени.

Итак, к вопросу о значении символов нельзя подходить упрощенно. Обращение к героическим примерам всегда имело место в истории и играло важную роль в поддержании боевого духа армии и народа. Очевидно, что и в годы Великой Отечественной войны существовала объективная необходимость в пропаганде подвигов, которые призваны были служить и служили образцом для массового подражания, вдохновляющим примером для миллионов людей. «...Героический подвиг не только зовет следовать конкретному героическому примеру своих однопольчан, друзей, товарищей, соотечественников, но и как бы создает готовую форму, “своеобразную модель” героической деятельности, которая может широко распространяться» ⁵⁴. Такой моделью, но, как правило, схематичной и упрощенной, втиснутой в узкие идеологические рамки, и являлись символы. И именно здесь объективная необходимость их создания вступала в противоречие с еще одной ролью, которую эти символы выполняли, – ролью, навязанной им системой. Отражая массовый героизм советских людей и способствуя его росту, они в то же время укрепляли мифологическое сознание общества в условиях сталинизма, нередко искажая факты реальной истории. Поэтому, обращаясь к прошлому, следует отделять событие от его символа и героя от наших представлений о нем.

Однако задача и смысл работы историка нашего, постсоветского времени заключается вовсе не в огульном отрицании старых ценностей и сокрушении вчерашних идеалов. Профессионализм исследователя как раз и состоит в том, чтобы бережно взвесить на весах Истории все реалии прошлого, не смешивая подвиг народа и преступления системы, но понимая, что разделить государство и общество – невозможно. Как невозможно отделить день сегодняшний от пройденного страной пути, долгого и мучительного, первые шаги по которому были сделаны именно тогда – в годы тяжелых военных испытаний и начала раскрепощения человеческого духа.

Глава III

РЕЛИГИОЗНОСТЬ И АТЕИЗМ НА ВОЙНЕ

Вера и атеизм на войне как социально-психологическая проблема

В истории России связь армии с церковью всегда была достаточно сильной, начиная с благословения Сергием Радонежским Дмитрия Донского на борьбу с монголо-татарами и участия монахов Пересвета и Осляби в Куликовской битве. Лики святых на боевых знаменах русских армий, иконы Богоматери в решающих сражениях, включая Бородинскую битву, – все это факты одного порядка. При Петре I складывается институт военного и морского духовенства русской армии и флота. В 1801 г. Павел I вводит своим указом военное ведомство священников. В причисленных к этому ведомству храмах наряду с религиозными реликвиями хранились знамена прославленных частей, оружие и доспехи военачальников, покрывших себя славой в сражениях, увековечивались погибшие воины. А сами военные священники занимались не только богослужебной деятельностью, но и проводили беседы с солдатами, занятия по словесности и даже вели антиалкогольную пропаганду¹.

После революции 1917 года традиции сотрудничества армии и церкви были разрушены, а широкомасштабная антирелигиозная кампания и политика государственного атеизма привели к глубоким изменениям в общественном сознании, включая и сознание военнослужащих. На смену военным священникам пришли комиссары и замполиты. «Теперь за душу бойцов отвечаем мы, коммунисты!» – заявил один из генералов политического фронта². Вера в Бога для этой души явно не предусматривалась. Однако бытовая религиозность в армии никуда не исчезла, хотя и приняла несколько иные, отличные от распространенных ранее, формы.

Любая религия – общественный институт, тогда как религиозность – это находящийся с ней в сложной взаимосвязи элемент массового и индивидуального сознания, включая социальную психологию. При этом даже в обществах с глубоко укорененной конфессиональной традицией бытовая религиозность часто не ограничивается ее рамками. Тем более в обществах с разрушенной или деформированной религиозной традицией и особенно с государственным атеизмом бытовая религиозность, отнюдь не исчезая, приобретает нетрадиционные формы (неязыческие и индивидуализированные).

Для дореволюционной России было характерно наибольшее распространение православия и соответствующих ему форм бытовой религиозности. Распространение атеизма в советское время отнюдь не ликвидировало все формы массового религиозного сознания, однако вытеснило религиозность за рамки традиционнo-нормативных форм в область «бытовой мистики» (суеверий, примет и т.д.).

Существуют определенные общественные ситуации, при которых масштаб распространения и интенсивность проявления религиозности резко возрастают. К ним относятся практически все социальные катаклизмы и особенно войны. Причем, бытовое религиозное сознание в боевой обстановке является прямым продолжением его наиболее распространенных форм в условиях мирной жизни данного общества.

Война в психологическом плане относится к категории «пограничной ситуации», то есть крайне опасной, неопределенной, непредсказуемой, угрожающей самой жизни человека и почти не зависящей от его воли и разума. Чем менее она управляема и зависима от человека, тем сильнее его склонность к поиску психологической опоры, в попытке управлять внешними обстоятельствами через иррациональные действия.

«Атмосфера постоянной опасности и смерти на войне, так же как и непосредственного соприкосновения с природой, тем хороша, что устремляет душу к вопросам вечности, вдаль от мусора жизни, от сумерек будней»³, – писал в своем дневнике участник русско-японской войны дивизионный врач В.П.Кравков.

Но что есть «вопросы вечности», как не обращение человека к сферам не только духовным, но и просто мистическим, причем в самых различных видах и формах? Неопределенность, непредсказуемость событий в условиях постоянной угрозы самой человеческой жизни – и есть та область, которая открывает дорогу к вере в сверхъестественные силы. Причем вера эта имеет вполне практическую цель – получить мистическую защиту, путем выполнения неких ритуальных действий (чтения молитв, ношения амулетов, соблюдения ситуационных запретов-табу) оградив себя от опасностей.

Особенно такое стремление «повлиять на судьбу» характерно для военной обстановки. В условиях традиционной религиозности оно проявляется в привычных молитвах и ритуалах, в обращении к Богу даже среди не очень верующих в обычной, мирной жизни людей.

«Рождество нам придется встречать и провести на передних позициях. Жаль очень, что не придется сходить к Всенощной», – писал 22 декабря 1914 г. сестре с фронта Первой мировой войны унтер-офицер И.И.Чернецов. А в следующем своем письме так описывал свои мысли и чувства в дни религиозного праздника: «Находясь на позиции в сочельник вечером, как-то невольно мыслями переносился к вам в Москву. Живо представлялся вечер этот, как он проходит в Москве: сначала суетня на улицах, потом прекращение движения трамвая и постепенное прекращение уличной суеты, и, наконец, начинается звон в церквях, какой-то торжественный, праздничный, начало службы великим повечерием и, наконец, всенощная. Народ по окончании высыпает из церквей и расходится в радостном праздничном настроении. Здесь же было совершенно тихо и у нас, и у немцев, и даже в воздухе. Ночь была звездная и нехолодная, и эта тишина особенно нагоняла грусть, и сильнее чувствовалась оторванность от вас»⁴.

В атеистическом обществе в экстремальных условиях войны также происходит активизация религиозности. Так, во время Великой Отечественной и в первые послевоенные годы наблюдался значительный приток людей в религиозные общины. Активизировалась в этот период и деятельность православной церкви: духовенство утешало людей в скорби, связанной с потерями в войне, призывало верить в победу, шефствовало над госпиталями, собирало деньги и ценности на постройку боевой техники⁵. И вот на совещании в загородной резиденции Сталина 4 сентября 1943 г. было решено пересмотреть государственную политику в области религии. Впервые за годы советской власти стали открываться некоторые из закрытых после революции храмов. Если к началу войны на территории СССР оставалось, по разным данным, от 150 до 400 действующих приходов, то буквально за несколько лет были открыты тысячи храмов, и количество православных общин доведено, по некоторым сведениям, до 22 тысяч. Прекратились

доведено, по некоторым сведениям, до 22 тысяч. Прекратились прямые гонения на верующих и святотатственные выступления «Союза воинствующих безбожников». Значительная часть репрессированного духовенства была отпущена на свободу⁶.

Основными носителями религиозного сознания в тылу выступали женщины – матери, жены, сестры, невесты ушедших на фронт мужчин. Молились за спасение близких, за победу над врагом и скорейшее окончание войны, искали духовного утешения. А на передовой, хотя и не столь явно, обращались к вере те, кто постоянно «ходил под Богом».

«← ...Я помню, когда мы хоронили своих (а многих молодых ребят принимали в партию рано тогда), и вдруг крестик обнаруживается или ладанка... – вспоминал фронтовик, бывший ракетчик академик Г.Арбатов. – Верующий? Неверующий? Или мать дала там что-то такое? А потом я прочитал у генерала Эйзенхауэра, что в окопах атеистов не бывает.

– То есть на фронте в Бога верили?

– Да! Да! Ну как будто ты обращаешь свой крик – мысленно – о помощи, о спасении...»⁷

В ноябре 1993 г. в интервью с офицерами, прошедшими войну в Афганистане, мною задавался вопрос: «Повлияло ли участие в войне на ваше отношение к религии?» Вот как ответил на него военный журналист, майор В.А.Сокирко:

«Перед отъездом в Афганистан я поехал на пасеку в деревню, и там одна бабка мне сказала молитву. В общем, она несложная молитва: “Бог-отец впереди, Божья мать посреди, а я позади. Что с Богами, то и со мной”. Это нужно повторить девять раз в начале каждого дня. Тогда я это все не воспринял всерьез, но потом убедился на собственном примере, что в те дни, когда я произносил с утра эту молитву, все обходилось хорошо. А когда, скажем, забывал, – то обязательно случалась какая-то неприятная история – с обстрелом или еще с чем-нибудь. И я даже однажды специально не произнес ее, – и приключилась не совсем приятная история. Это, кстати, довольно серьезно на меня повлияло, вообще на отношение к религии, потому что хоть я и был с рождения крещеным, но в силу тех условий, в которых мы жили, это было не то, чтобы забыто, но как-то неприняемо. А вот после Афганистана, – да, я в церковь периодически хожу, и венчался в церкви. И вообще отношение стало более вдумчивым. Не скажу, что религиозный фанатизм появился, но вера какая-то, даже не конкретно в Бога, а вообще в космический разум, который теперь представлен у нас в церковной организации»⁸.

По признанию другого офицера-«афганца», мотострелка полковника И.Ф.Ванина, «в ходе боевых действий приходилось видеть в довольно-таки сложной ситуации людей, которые молились, взывали к Богу. Мое отношение к религии не изменилось, хотя элемент активизации религиозности у солдат был довольно заметно. Я не могу этого сказать об офицерах просто потому, что этим не занимался. Но у значительной части солдат были какие-то религиозные амулеты, и солдаты несколько иронично говорили об этом, – говорили, что это память о доме, что это дали родители или кто-то из членов семьи. И еще, – не знаю, назвать это элементом религиозности или просто народным обычаем, укоренившимся среди славян, – это сохранение заправленной постели и каких-то вещей с фотографией погибшего человека до 40 дней»⁹.

Часто толчком к возникновению или усилению религиозных чувств в боевой обстановке служит острый психологический стресс, – например, «чуждое» спасение в казалась бы безвыходной ситуации. Известны случаи, когда солдат, оказавшись перед лицом неизбежной, с его точки зрения, смерти, давал себе клятву, что если ему удастся выжить, он начнет верить в Бога или посвятит себя служению ему (уйдет в монастырь, станет священником и т.п.), и после войны выполнял данный им обет. Иногда отношение к религии может измениться под воздействием отчаяния, вызванного гибелью товарищей или кого-то из близких. Младший

сержант, десантник Евгений Горбунов, служивший в 1984-1986 гг. в Гардезе, рассказывал, что именно в Афганистане начал верить в Бога. Это случилось, когда он выносил из боя раненого товарища, а тот умер у него на спине и сразу «стал тяжелее». Так человек, ранее считавший себя атеистом, убедился в существовании души¹⁰.

Безусловно, здесь сказывалась и специфика войны с глубоко верующим противником. Ведь для афганцев, отличавшихся фанатичной приверженностью исламу, русские солдаты были не просто врагами, а «неверными», война с которыми считалась священной, получившей благословение Аллаха. В повороте Афганской войны от сугубо внутреннего и политического конфликта к конфликту внешнему, с резко выраженной религиозной окраской, во многом виновны тогдашние афганские революционные власти и пошедшее у них на поводу советское руководство, допустившее грубый политический просчет не только своим вмешательством в дела чужой страны, но и поощрением союзников в их атеистическом радикализме. Попытка совершить скачок из средневековья в современность, из традиционного исламского общества в «социализм» обернулась мощной активизацией религиозного фактора, превращением ислама в знамя оппозиции светскому режиму Кабула и в средство объединения всех недовольных в борьбе с «кафирами». Пренебрежение чувствами верующих в мусульманской стране, стремление «отодвинуть» религию в традиционно религиозном обществе на второй план, закономерно спровоцировали «реакцию отката»: «непримиримые», сменившие у власти революционеров после «ухода» СССР из Афганистана, оказались гораздо консервативнее, чем свергнутый ранее королевский режим¹¹. Но сегодня на смену им идут еще большие исламские фанатики, радикалы-фундаменталисты поддерживаемого Пакистаном движения «Талибан». В той ситуации трудно было предвидеть такой поворот событий, однако перерастание борьбы оппозиции Кабульскому режиму в «священную войну» – «джихад» – проявилось практически сразу после ввода в страну «ограниченного контингента» советских войск.

И это, безусловно, тоже явилось одной из причин роста религиозности среди личного состава ОКСВ. Сама специфика этой войны способствовала обращению многих недавних атеистов к вере в Бога - в силу необходимости противостоять фанатично религиозному врагу не только на поле боя, но и в духовной сфере.

Впрочем, у некоторых воинов-«афганцев» наблюдался скорее «прагматический» подход к религии. Так, сержант-десантник Юрий Е. в 1983 г. писал матери из Афганистана: «Получил я твои письма и молитву, но, мам, ты не обижайся, но я ее выучить не могу, у меня уже есть одна молитва, правда, не из Библии или Евангелия, а из Корана. Кстати, Коран здесь может больше помочь, были такие случаи, когда душманы отпускали наших солдат, когда те им читали молитвы из Корана, они здесь все верующие»¹². Известно, что многим из попавших в душманский плен советским солдатам для того, чтобы выжить, приходилось принимать ислам. Но это уже другая тема.

Солдатские суеверия как форма бытовой религиозности

Итак, любая война приводит к активизации религиозных чувств и настроений, усилению роли традиционных религий. Однако в атеистическом обществе религиозность гораздо чаще проявляется уже в «языческих» формах: разрыв с конфессиональными традициями, утрата элементарного знания обычаев, молитв и обрядов приводит к распространению искаженных и самодельных мистических форм. При этом именно бытовые суеверия становятся преобладающей формой бытового религиозного сознания и играют значительно большую роль в жизни военнослужащих по сравнению с гражданским населением.

«Я лучше про суеверия скажу, – а отношение к религии у меня не поменялось, – вспоминал участник войны в Афганистане, разведчик-десантник майор С.Н.Токарев. – Ну, какие приметы у нас были: еще те, которые от Отечественной войны остались. Нельзя бриться ни в коем случае на операции. Ни в коем случае чистое белье не одевать. Ничего не дарить никому перед операцией. Ну, и еще ряд примет, если откровенно говорить... Если раненый в полуобморочном состоянии, когда сознание еще нечеткое, рукой гениталии потрогал, значит, точно умрет. Ни в коем случае нельзя... Главное, руки ему держать, чтобы не трогал. Примета такая. Что еще?.. С левой ноги не вставать, не ходить туда-то, не разговаривать перед операцией на такие-то темы... Много их, примет. Ни в коем случае нельзя носить вещи погибшего, место его занимать, на себе показывать, куда ранили другого. Такие вот приметы, – связанные с сохранением жизни и устранением возможности погибнуть. Еще то, что касается местности, или удачный-неудачный день... Может быть, это и суеверия, но у нас довольно свято относились к ним. Ну, и мы [офицеры] сильно не ругали [солдат] за то, что придерживались этих суеверий»¹³.

В экстремальных условиях войны формируется стереотип сознания, который можно определить как солдатский фатализм: «Что кому на роду написано, то и будет». Вот как описывал ситуацию, по духу напоминающую эпизод из лермонтовского «Фаталиста», участник Первой мировой войны полковник Г.Н.Чемоданов. Дело происходило в полковой офицерской землянке за карточной игрой, ночью, за три часа до атаки:

«– Вот, если эту карту убьют – и меня завтра убьют, – заявил поручик Воронов с глубоким убеждением и верой в свои слова.

– Ну, и карты не дам, “фендра” этакая, – ответил ему Фирсов, державший банк: – ты мне заупокойной игры не устраивай. Смерть, голубчик, и жизнь в воле человека: захочешь жить, черт тебя убьет, я вот жить хочу, и за три войны только раз ранен, и завтра жив буду; а распусти нюни, сразу влопаешься...»¹⁴

Однако поручик все же загадал, связав свою жизнь с судьбой карты. И хотя она, к его радости, выиграла, сам он наутро погиб: «Карты его обманули». Примечательно другое: сам факт гадания «на жизнь и смерть», смягченный вариант «русской рулетки».

По воспоминаниям участников разных войн, некоторые их товарищи утверждали, что скоро погибнут, и это предчувствие всегда сбывалось, да и сами они часто могли различить на лице еще живого человека «печать смерти».

Тот же Г.Н.Чемоданов рассказывал, как перед боем один из офицеров, убежденный в своей неизбежной гибели, вручил ему письмо для передачи жене:

«– Давайте, – торопливо сказал я, так как обстоятельства не давали свободной минуты. – Впрочем, почтальона вы выбрали ненадежного, так как вероятность смерти висит и надо мной.

– Вы будете живы, – серьезно и пророчески сказал Розен, в упор глядя на меня.

Сознаюсь, теплая волна надежды колыхнула в груди от этих слов, от этой его уверенности».

Штаб-ротмистр Розен погиб в том же бою. А сам Чемоданов по ошибке несколько часов числился в списке убитых, и вот живой и невредимый вернулся в штабной блиндаж:

«– Долго жить будете, – с улыбкой утешил меня начальник дивизии: – примета верная»¹⁵.

Широко известны подобные случаи и в годы Великой Отечественной войны. «У меня был друг на Северо-Западном фронте, командир роты, позже – комбат, человек исключительной храбрости и мужества, – вспоминал генерал М.П.Корабельников, на войне – командир пулеметной роты. – В сорок четвертом

он вдруг стал говорить мне: “Максим, недолго нам осталось быть вместе”. – “Не дури, Иван Васильевич”, – отмахивался я. А он все свое: “Убьют меня...” – “С чего ты взял?” – спрашиваю. А он: “Я это чувствую – устал я, и все мне опостылело...” И действительно его убили»¹⁶.

И хотя данный эпизод вполне можно объяснить известным в военной психологии синдромом усталости, который замедляет реакцию, притуляет чувство самосохранения и, как следствие, повышает вероятность гибели человека в бою (по данным американских психологов, период полной боеспособности солдата на войне составляет примерно 60 дней, после чего наступает упадок душевных сил, психическое истощение и требуется обязательный отдых)¹⁷, не всякое предчувствие смерти можно свести к рациональным причинам.

«Раньше как-то не верил в приметы, предчувствия. Считал выдумками, – вспоминал механик-водитель БМД Николай Дука, служивший в Афганистане с первого дня ввода войск по 1980 г. – Но вот такой случай. Был у меня друг Николай Омельченко из Новосибирска. На гитаре здорово играл и вообще веселым парнем слыл. Только однажды гитару в сторону отложил и говорит: “Что-то, ребята, сердце заболело. Мать, сестру вдруг увидел...” А утром на mine подорвался»¹⁸.

Известны такого рода предчувствия и в отношении других людей. Так, многие участники Афганской войны рассказывали о своей способности довольно точно предвидеть печальную судьбу товарищей. «Не знаю, как объяснить этот феномен, – вспоминал майор С.Н.Токарев, – но здорово оно чувствуется перед операцией: вот тот человек, который погибнет. Как замполит батальона у нас... Не должен он был ехать на эту операцию. Он пошел к командиру взвода, подарил лампу свою, еще что-то, всю ночь не спал, все ходил, – то с одним поговорит, то с другим... В ночь вышли, а утром он погиб. Есть какая-то печать смерти, висит она над человеком... И с ранеными то же самое: как-то сразу понимаешь, выживет парень или нет»¹⁹.

На войне дурные предчувствия, как правило, сбываются. Поэтому большинство солдатских примет связаны с ожиданием несчастий – ранения или гибели, и попыток через мистические ритуальные действия их предотвратить. Так, поведение человека перед боем ограничено системой традиционных запретов. Существуют устоявшиеся табу в отношении вещей погибших. Почти у каждого солдата есть свой талисман, который нужно хранить в тайне, и своя (часто самодельная) молитва, и т.д. При этом вера в Судьбу присутствует, даже если человек утверждает, что никогда не верил в Бога.

«Ни в Аллаха, ни в Бога я не верю», – вспоминал ветеран Великой Отечественной, бывший комсорг батальона, минометчик Мансур Абдулин. Но тут же делал признания совершенно иного рода: «Помню, еще на пути к фронту ... [вместе с новым полевым обмундированием] были нам выданы и пластмассовые патрончики с крышечкой на резьбе. Внутри – ленточка, которую надо было собственноручно заполнить своими анкетными данными, завинтить патрончик наглухо, чтоб в него не попала сырость, и положить в кармашек. “Паспорт смерти” – так окрестили мы этот патрончик между собой. Не знаю, кто как, а я тот паспорт выбросил тихонько, чтоб никто не видел, и на его место положил в брюки свой талисман – предмет, который я должен буду сберечь до конца войны. Наверное, у всех моих товарищей были вещи, которые служили им талисманами, но говорить об этом было не принято: талисман “имел силу”, если о нем знал только ты сам.

...Если это суеверие, то были у меня и другие суеверные символы. В поведении. С убитых не брал даже часы! И я замечал: как только кто-то нарушал это мое суеверное правило, погибал сам. Закономерность какая-то действует... Еще заметил: кто слишком трусливо прячется, обязательно погибает. Усвоил эту примету настолько, что угадывал: “Убьет”, – и редко ошибался»²⁰.

Главные приметы на войне всегда связаны с попыткой отвести от себя угрозу гибели, обмануть смерть, защититься с помощью «оберега», в роли которого выступают

порой самые неожиданные предметы. «Сам я суеверен не был, – рассказывал ветеран Великой Отечественной Л.Н.Пушкарев, – но с суевериями сталкивался. Какие были приметы? Чтобы тебя не убили на фронте, нужно было письмо или фотокарточку любимой носить у сердца. Тогда эта фотокарточка отводила пулю. Такой же силой обладало стихотворение “Жди меня” Симонова, но его нужно было обязательно переписать от руки и носить только у сердца»²¹. Один из товарищей Л.Н.Пушкарева всю войну носил с собой первую выданную ему обойму винтовочных патронов. По его словам, эту примету перед отправкой на фронт ему открыл отец – участник Первой мировой: «Первую пулю надо хранить обязательно, тогда тебя не тронет пуля. А использовать ее можно только когда окончится война».

Судя по рассказам «афганцев», амулетами им служили вещи, очень похожие на те, которые назвал Л.Н.Пушкарев, что, с одной стороны, свидетельствует о преемственности солдатских традиций, а с другой, – об общих чертах психологии людей, оказавшихся в экстремальных условиях. «Мы все-таки были чуточку суеверны. Каждый по-своему. Одни больше, другие меньше, – вспоминал майор И.Ю.Блиджан. – Так, наверное, бывает всегда, когда человек находится рядом с опасностью. Человек должен во что-то верить. Одни верят в то, что их спасет фотография жены и детей, другие постоянно носят в кармане ключи от квартиры, третьи – какую-то безделушку. Я всегда носил с собой трассирующую пулю, которая однажды воткнулась в дувал в трех сантиметрах от моей головы... Это было в один из моих первых боев. Подвела меня таки пуля. Не спасла [от тяжелого ранения – Е.С.]. Одно слово – душманская»²².

Но вернемся к воспоминаниям Л.Н.Пушкарева. Другие приметы, им упомянутые, явно имеют характер коллективного опыта, закрепленного в народной памяти: «Старая примета была, идущая, видимо, от ранних эпох, – это [надевать] чистое белье перед боем. Многие бойцы, идя в бой, обязательно переодевались. Безусловно, это имело и чисто гигиеническое значение... Еще была примета очень правильная: не есть перед тем, как идти в бой. И тоже понятно, почему: потому что могло быть ранение в желудок... Была примета перед боем прощаться со своими товарищами, потому что неизвестно было, что случится с нами: мы можем потерять друг друга, и так далее. Поэтому перед боем обычно раздавали друг другу свои адреса с тем, чтобы потом сообщить кому нужно о случившемся... Еще считалось, что перед боем нельзя материться. Во время боя, тут – да, [можно], а перед боем – нельзя»²³.

Некоторые приметы передаются из поколения в поколения, равно как и принципы поведения, обеспечивающие наибольшую сохранность индивида в неблагоприятных условиях. Однако на каждой войне добавляются и свои специфические «новшества». «Про себя могу сказать, что суеверным я не был, – вспоминал полковник И.Ф.Ванин, – Хотя [в Афганистане] бытовала целая система суеверных признаков. Ну, например: “Пуля заменщика ищет”. То есть за два месяца до замены человек старался не принимать активных участия в боевых действиях... Появилось такое выражение: “Лечь на сохранение”»²⁴.

Другие приметы, обычно заимствованные из прошлого, применяются «с точностью до наоборот». Так, обычай надевать перед боем чистое белье в старой русской армии, сохранившийся у пожилых солдат в годы Великой Отечественной и символизирующий готовность человека предстать перед Богом, у воинов-«афганцев» переродился в категорический запрет: «Перед боевыми не мыться, не бриться, белье не менять, – иначе убьют!»

Третью группу примет можно отнести к коллективным привычкам, часто связанным с определенной военной специальностью. В этом случае дополнительное мистическое обоснование придается вполне рациональным действиям, подсказанным солдатским опытом, но, как правило, выходящим за рамки уставов и инструкций: например, обычай роты горных стрелков носить индивидуальный пакет в металлическом прикладе автомата. При этом

граница между «рациональными» воинскими обычаями и традициями, с одной стороны, и мистическими обычаями-суевериями, – с другой, как правило, довольно размыта.

«По поводу религии сразу скажу – я атеист. Не верю ни в Бога, ни в Аллаха... – вспоминал участник Афганской войны гвардии майор П.А.Попов. – Суеверными – нет, не были. Но были определенные, чисто афганские традиции, которые, ну, скажем так, – строго, неукоснительно соблюдались. Перед боевыми никто никогда не брился и не мылся, это было железно. Все носили тельники, это уже святое. Еще одна привычка: автоматы у нас были с металлическим прикладом, и индивидуальный пакет, который нам давали, мы всегда закладывали туда. Было такое поверье, что если ты его туда положишь, то избежишь каким-то образом пули или еще чего-то. Такие специфические были у нас там привычки... И еще был у нас девиз: “Кому суждено быть повешенным, тот не утонет”. И клич был: “С нами Аллах и два пулемета”²⁵.

Майор С.Н.Токарев рассказал об особых «корпоративных» обычаях разведчиков своей воинской части: «У нас традиция какая была: после первой операции вручали эмблему, после второй операции доверяли тельняшку; если что, где-то струсил, не то сделал, – тельняшку снимали: недостойн, по кодексу чести десантников»²⁶.

Другой офицер-«афганец», майор В.А.Сокирко рассказывал: «Да, суеверия, это естественно, есть какие-то. Скажем, лично я всегда одну гранату носил с собой. Если приходилось использовать другие, то эту, так называемую “неразлучницу”, я всегда оставлял, – потому что не хотелось попасть в руки к душманам живым. Может, это был картинный героизм, но эту гранату я очень берег и лелеял, в общую кучу никогда не бросал, а держал отдельно»²⁷.

Впрочем, и среди корпоративных традиций существуют изначально мистические, не связанные с боевой практикой, в основе которых, как правило, лежат случайные совпадения. Возникновение ряда из них можно проследить исторически. Так, в среде летчиков бытует суеверие, согласно которому перед боем нельзя фотографироваться, иначе жди беды. При этом ссылаются на гибель прославленного русского авиатора, героя Первой мировой войны П.Н.Нестерова, который снялся на память накануне вылета – и разбился.

Итак, можно сделать вывод, что основные формы бытовых солдатских суеверий и примет переходили из войны в войну, хотя порой в измененном и искаженном виде. Помимо этого, в ходе каждого военного конфликта вырабатывались и особые, присущие только ему «обычаи» и «обряды». Так, среди суеверий и примет, бытовавших во время войны в Афганистане, можно выделить следующие, заимствованные из опыта прошлых войн, частично видоизмененные и дополненные «исконно афганскими»:

а) система табу (запретов) на определенные действия накануне боевых операций (не бриться, не надевать чистое белье, не дарить никому своих вещей, не разговаривать на определенные темы);

б) выполнение определенных ритуалов после возвращения с боевых операций («вернулся в часть – посмотришь в зеркало»);

в) традиции и обычаи в отношении памяти погибших (не занимать койку, не убирать вещи и фотографию в течение 40 дней, традиционный третий тост; не носить вещи погибшего, ничего не брать с мертвых, не показывать на себе место, куда ранили другого, и т.п.);

г) хранение амулетов и талисманов (не обязательно религиозных символов, хотя часто талисманами служили ладанки и нательные крестики);

д) молитвы (не обязательно традиционные, часто – у каждого свои, самодеятельные);

е) коллективные привычки, выработанные по принципу целесообразности и в дальнейшем закрепленные традициями боевого подразделения;

ж) придание каким-либо (как правило, выходящим за рамки уставов и инструкций) рациональным действиям дополнительной мистической нагрузки обоснования;

з) традиции, присущие определенному воинскому коллективу, часто связанные с военной специальностью.

* * *

Армия – государственно-общественный институт. Поэтому отношение к бытовой религиозности личного состава в условиях боевых действий со стороны государства и общества определялось в каждой из войн тем местом, которое религия в данный момент занимала в системе общественных отношений.

До революции, когда православие являлось основой государственной идеологии, в армии существовал институт военных священников. В советское время при всех колебаниях политики в области религии, атеизм был доминирующей установкой в идеологии. И даже в период Великой Отечественной войны, когда государство, нуждаясь в поддержке православной церкви, перешло от преследования религии к более лояльному к ней отношению, атеистические установки продолжали преобладать в «политическом воспитании» бойцов. Соответственно, и бытовая религиозность в любых ее формах отнюдь не поощрялась, хотя и не преследовалась.

Афганская война велась в то время, когда в стране выросло уже третье поколение, воспитанное в условиях государственного атеизма. И здесь бытовая религиозность военнослужащих проявлялась вопреки внешнему давлению общества, которое существовало как в форме официального неодобрения, так и «общественного» осуждения разного рода предрассудков. Но то, что находилось под гласным или негласным запретом в мирной обстановке, в боевых условиях оценивалось более снисходительно. Многие офицеры и политработники признавались, что «с солдат за это дело строго не спрашивали, относились с пониманием», даже если сами ни в какие примитивные образы²⁸ любая война активизирует стихийное религиозное сознание непосредственных участников боевых действий. При этом преобладающие формы его проявления напрямую зависят от господствующего в данном обществе вида мировоззрения – религиозного или атеистического. И если в первом случае эта естественная для экстремальных условий психологическая потребность реализуется в обычаях и обрядах, составляющих часть традиционной культуры, то во втором она остается элементом индивидуальной или групповой психологии, проявляясь в наиболее простых или даже примитивных формах.

В России в XX веке в условиях войн прослеживается явная тенденция изменения преобладающих форм бытового религиозного сознания: от традиционного конфессионального (в Первой мировой войне) через его постепенное, хотя и не полное, вытеснение и смешение с новым бытовым мистицизмом (в период Великой Отечественной) к преобладанию последнего (во время Афганской войны). Бытовой мистицизм, разумеется, существовал и в дореволюционную эпоху, однако в советское время он постепенно становится доминирующим, что особенно проявилось в период войны в Афганистане.

Аналогичные явления, безусловно, имели место и в последующем, после распада Советского Союза, в многочисленных «горячих точках» СНГ и во время вооруженного конфликта в Чечне. Но это уже тема другого исследования.

ЧАСТЬ IV

**ФОРМИРОВАНИЕ
ОБРАЗА ВРАГА
В ВОЙНАХ XX ВЕКА**

Глава I

ПРОБЛЕМА «СВОЙ-ЧУЖОЙ» В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ И ТИПОЛОГИЯ ОБРАЗА ВРАГА

Как и другие сюжеты монографии, проблема формирования образа врага исследуется на примере двух мировых и ряда локальных войн. Естественно, каждая из этих войн была весьма специфичной, что отразилось и на данной проблеме, включая механизмы формирования образа врага, совокупность его конкретных элементов, и др. Поэтому, при едином основном исследовательском подходе, ряд сюжетов в каждой из войн представлен под особым углом зрения.

Во второй главе, посвященной формированию образа врага в двух мировых войнах, рассматривается главным образом русско-германский фронт, и речь в этом случае идет о взаимовосприятии представителей весьма близких «европейских» культур. В XX веке Россия и Германия дважды сошлись в смертельной схватке. При этом в обоих государствах между двумя мировыми войнами произошла радикальная смена социально-политического устройства, идеологии, форм экономической организации общества и даже менталитета, что представляет уникальную для исследователя ситуацию, позволяющую выявить не только стабильные этно-психологические элементы взаимовосприятия «русские – немцы», но и изменчивое воздействие идеологии на формирование образа врага. В условиях Второй мировой войны (по сравнению с Первой) влияние идеологии в обеих странах качественно изменилось и возросло по степени интенсивности, что нельзя не учитывать при анализе данной проблемы.

Масштабы и значимость двух мировых войн обусловили наиболее яркое проявление в них основных социально-психологических форм и феноменов. Поэтому рассмотрение теоретических вопросов формирования образа врага построено в первую очередь на этом материале.

Третья глава посвящена формированию образа врага преимущественно в локальных вооруженных конфликтах, но в ряде случаев – с выходом на мировые войны. Эта проблема также решается путем сравнительно-исторического анализа: сквозь призму всех войн, где Россия имела дело с данным конкретным противником. Так, образ Японии как противника России и СССР в войнах XX века рассматривается путем сопоставления русско-японской войны 1904-1905 гг., конфликтов на озере Хасан в 1938 г. и реке Халхин-Гол в 1939 г., и завершающего этапа Второй мировой войны – советско-японской кампании 1945 г. (При этом японская интервенция на Дальнем Востоке в 1918-1922 гг. затрагивается лишь косвенно, поскольку конфликты периода Гражданской войны и иностранной интервенции не являются объектом данного исследования.) Здесь, как и в ситуации с Германией, Россия выступала в двух разных качествах – как монархическое полуфеодальное государство и как страна, прошедшая через революционные потрясения, с господствующей коммунистической идеологией.

ствующей коммунистической идеологией. Но ее противник принадлежал к совершенно иной, чуждой европейцам культуре, с непонятым «азиатским» менталитетом, и потому образ врага в конфликтах с ним выстраивался по особым законам.

Дважды выступала в роли противника СССР Финляндия: в советско-финляндской «зимней» войне 1939-1940 гг. и в качестве одного из сателлитов Германии во время Великой Отечественной войны. При этом из основного врага, каким являлись финны в локальном военном конфликте 1939-1940 гг., в период мировой войны они превратились в противника второстепенного, действовавшего лишь на отдельном, сравнительно узком участке фронта, который в значительной степени совпадал с театром военных действий предшествующей локальной войны.

Но при этом в обоих случаях – как с Японией, так и с Финляндией, мы можем сравнивать образ одного и того же врага в разных по масштабу и характеру войнах, прослеживая эволюцию данного образа в народном сознании на протяжении ряда лет, а в первом случае – четырех десятилетий.

Что касается советско-афганского конфликта, то в отечественной истории XX века он занимает особое место как «малая война», исключительно на чужой территории и с представителями иной – мусульманской – культуры. В данном случае образ врага выступает как крайняя форма восприятия исламского мира европейцами. Анализом этого феномена мы завершаем главу, выделяя его в качестве самостоятельного сюжета.

* * *

Итак, «образ врага». Для конкретно-исторического анализа проблемы необходимо предварительно очертить ее границы и раскрыть содержание основных понятий.

В целом, проблема восприятия противника, отношения к нему является частью более широкой историко-психологической проблематики «мы и они», «свой-чужой», различные аспекты которой нашли отражение в историко-психологической и социально-психологической литературе¹. Однако в условиях вооруженного конфликта проблема обостряется до предела, выступая в гипертрофированных формах: потенциально опасный «чужой» превращается в реального смертельного врага. «Они», всегда «чужие», иные, не до конца понятные и уже потому являющиеся источником мнимых или реальных опасностей, в экстремальной ситуации противостояния «не на жизнь, а на смерть» становятся прямым источником угрозы самому существованию общности «мы» и составляющих ее индивидов. Расплывчатый образ оборачивается вполне конкретными проявлениями несчастий, исходящих от «чужого». Отсюда и преобладание эмоционально-субъективного начала в оценках противника: те его качества, которые у своих оцениваются как исключительно позитивные, применительно к врагу рассматриваются, как правило, в негативном ключе. Весьма точно характеризует это явление ветеран Великой Отечественной, бывший командир взвода разведки П.В.Бучумов. Отвечая на вопрос «Как вы оценивали моральный дух противника?», он сказал: «Я знаю случаи, когда немцы, попадая в безвыходное положение, отстреливались до последнего патрона. Притом в одиночку, когда, кроме нас, не было свидетелей их отчаянного боя. По воинским меркам свои бы назвали таких героями, а у нас для них было другое слово – головорезы. Такова война»².

Враг должен быть «плохим», потому что иначе война в нравственном (и психологическом!) отношении вообще оказывается невозможной: убийство человека находится за пределами общепринятых норм человеческой морали, религиозной этики и здоровой психики. Однако врага нужно и можно убивать, потому что он как бы изначально выносится за рамки категорий, на которые эти нормы распро-

страняются. В общественном сознании (в том числе и в массовом бытовом) враг наделяется свойствами, «противными человеческой натуре». Действительно отрицательные его качества гипертрофируются, а качествам, по обычным «мирным» меркам оцениваемым положительно, придается негативный смысл. При этом механизм конструирования образа врага, как правило, универсален: он направлен на обоснование своей правоты в войне (подчеркивание агрессивности противника, его жестокости, коварства и т.п.), а также собственного превосходства, которое должно стать основанием для победы над неприятелем. И то, и другое достигается путем противопоставления своим собственным качествам, которые рассматриваются как позитивные ценности.

Конкретный набор этих ценностей различен для разных народов, культур, исторического времени и даже этапов одной и той же войны, хотя их диапазон, в общем-то, ограничен и достаточно традиционен. Так, в зависимости от исторической эпохи и конфессиональной принадлежности воюющих сторон, в качестве таких ценностей доминируют или, напротив, исчезают религиозные мотивы и соответствующая оценка противника с их позиций («язычники», «нехристи», «неверные», «безбожники» и т.п.). Исторически более устойчива оценка противника по критерию «цивилизованности»: враг почти всегда «варвар», причем конкретный смысл в этот оскорбительный термин может вкладываться разный (от нечеловеческой жестокости до несоблюдения правил гигиены). «Принижение» врага происходит путем приписывания ему всех человеческих слабостей: подверженности пьянству, разврату, воровству, мародерству и др. Наконец, почти всегда присутствует оценка таких качеств, которые имеют действительно существенное значение в ходе военного противостояния: собственной смелости противопоставляется трусость врага, а мужественные и даже героические его поступки оцениваются как бездумный фанатизм под действием пропаганды или пьяного угара. Собственной смекалке противопоставляется глупость врага, а его военная хитрость и находчивость воспринимаются как коварство, и т.д.

Интересно отметить тот факт, что в русском национальном сознании, нашедшем отражение в фольклоре и литературном творчестве разных эпох (начиная с былинного времени и кончая Первой мировой войной), а значит, представленном в концентрированной символической форме, враг «всегда силен, многочислен, жесток и коварен, но зачастую глуп и обязательно некрасив». Причем, победы русских объясняются их естественным превосходством в смекалке, силе духа и воинском умении, тогда как поражения – невезением или Божьим наказанием за грехи³. Впрочем, такой подход к оценке врага в условиях военного противостояния внационален и присущ не только массовому сознанию, но и пропагандистским институтам любых воюющих государств.

В психологическом контексте войны слово «враг» более точно, нежели его нейтральные синонимы, отражает восприятие противника или неприятеля, так как содержит определенную эмоциональную составляющую, оно более «психологично». Что касается категории «образ», то это достаточно многозначный термин. Главное, что можно в нем выделить, – это обобщенность представления о чем-то, некоторая схематичность, хотя и с элементами конкретного, индивидуального восприятия, сильной эмоциональной окраской. Его можно рассматривать как определенную психологическую конструкцию, из чего следует, что у каждого человека был свой образ врага, во многом основанный на собственном опыте. Кроме того, это категория социальная, так как противник всегда воспринимался через стереотипы общественного, в том числе национального сознания, его образ формировался под влиянием государственных идеологий, непосредственного пропагандистского воздействия на население и армию.

Образ врага – категория динамичная. И у каждого человека, и у армии, и у общества в целом он менялся под влиянием множества факторов. Прежде всего,

факторов восприятия. Их можно подразделить на несколько основных групп, а именно, – относящиеся: 1) к субъекту восприятия; 2) к объекту восприятия; 3) к условиям и обстоятельствам восприятия. Наша задача представить обобщенный образ врага, насколько его можно реконструировать из индивидуальных образов, отраженных в исторических источниках.

Субъект восприятия. Образ врага формировался в процессе восприятия, через конкретный опыт каждого человека, и личностные факторы имели здесь огромное значение. Социальное положение военнослужащего, уровень его образования и культуры, национальная и религиозная принадлежность, непосредственный служебный статус в армии не только накладывали на это восприятие отпечаток, но и во многом его определяли, решающим образом воздействуя на сферу мировоззрения, а значит, и на оценочно-аналитическую часть этого образа. Следует отметить, что образ противника у каждого военнослужащего в определенной мере складывался еще до войны, а непосредственно в ходе боевых действий менялся, переходя от абстрактно-обобщенных очертаний к более конкретным, приобретая глубоко личностную, эмоциональную окраску. Например, противник из солдатского окопа, через орудийный прицел, смотровую щель танка или из кабины самолета. Не только род войск, но и принадлежность к рядовому, младшему и старшему командному составу влияла на это восприятие. И уж тем более расстояние до передовой. Здесь прослеживается следующая тенденция: чем выше были должность и звание, тем, как правило, большей, но опосредованной информацией о противнике располагал человек, и в его индивидуальном образе врага сильнее было представлено не эмоциональное, а аналитическое начало. Чем ближе к линии фронта и особенно переднему краю, тем больше в этой информации было представлено личного или коллективного, но непосредственного опыта, тем сильнее чувства и эмоции накладывались на отношение к неприятелю и представления о нем.

Но и сам **объект восприятия**, то есть противник, не был однородным и статичным. Далеко не одним и тем же выступал он в начале и в конце войны. Кроме того, на формирование образа у каждого конкретного человека влияло то, с каким именно недругом, хотя бы в одной и той же войне, лично ему приходилось иметь дело. Например, по-разному воспринимался неприятель на русско-австрийском, русско-германском и кавказском фронтах в Первую мировую войну; или в боевых действиях против немецких, финских, румынских, итальянских, венгерских и других частей в Великую Отечественную. Вместе с тем, сам противник также по-разному воспринимал членов неприятельской коалиции, выражая большую или меньшую антипатию к России и ее союзникам. Поэтому, говоря о взглядах и представлениях своей стороны, нельзя игнорировать соответствующие взгляды на нее со стороны неприятеля.

В качестве объекта данного исследования по мировым войнам мы рассматриваем преимущественно образ врага-немца. И в Первую, и во Вторую мировые войны у Германии было немало союзников-сателлитов разных национальностей, и на них естественно переносились основные негативные характеристики противника в целом, хотя и в ослабленной, по сравнению с главным врагом – Германией, форме. Немцы и их союзники в сознании российских участников обеих войн воспринимались дифференцированно. Но на тех участках фронта, где приходилось иметь дело непосредственно с союзниками Германии, негативных моментов в отношении к ним было больше, чем в других местах.

Третья группа факторов, определяющих формирование образа врага, – **условия и обстоятельства восприятия** противника. В этой связи необходимо сказать об общих чертах и специфике двух мировых войн. Безусловно, они имели много общего: обе были мировые, отличались от всех предшествующих войн вовлечением в боевые действия огромных масс населения, высокой степенью ожесточенно-

сти, многочисленностью жертв, длительностью, особой ролью технических факторов. Вместе с тем, чрезвычайно велика была их специфика. Прежде всего, эти конфликты характеризуются столкновением разных типов государств: в первом случае – империй, во втором – праворадикального и леворадикального тоталитарных режимов. Первая мировая война имела преимущественно национально-государственную окраску, Вторая – мощную классово-идеологическую. Отличались они и по тяжести, количеству жертв, степени ожесточения, – Великая Отечественная была для СССР войной на выживание, причем не только государственное, но и на национальное. Различались эти войны и по типу: первая была преимущественно позиционной, вторая – мобильной. Соответственно, разной была и степень взаимного проникновения стран-участниц в глубь национальных территорий. Таким образом, Первая мировая была преимущественно войной армий, окопной войной, а Вторая – войной тотальной, войной народов, с уничтожением огромных масс не только живой силы противника, но и гражданского населения, с развертыванием со стороны СССР массового партизанского движения в тылу врага. Иными были формы борьбы, а значит, и взаимодействия, контактов с противником и его восприятия. Наконец, различной была динамика, ход и результаты войны: первая для России развивалась от ситуационных побед к общему поражению, вторая для СССР – от временных поражений к конечной победе.

Но условия и обстоятельства восприятия врага были не только общими для всех, но и индивидуальными для каждого из участников войны. Это и место в боевых действиях, и включенность в них на том или ином этапе войны, и участие в конкретных операциях, и принадлежность к роду войск, и многое другое. К этим обстоятельствам можно отнести и моменты личной биографии: например, были ли погибшие от рук врага в семье, остался ли кто-нибудь из близких на оккупированной территории, побывал ли человек в плену и т.п.

Типология образа врага. Тот факт, что существовало многообразие субъектов, условий и обстоятельств восприятия противника, определяло и *многообразие образов врага*, которые формировались в общественном сознании. Среди них (по времени возникновения) выделяются две больших категории, которые, в свою очередь, можно условно подразделить на несколько основных типов, хотя в индивидуальном сознании они, как правило, сливались и присутствовали в разной пропорции. Так, обобщенный образ врага, сформировавшийся в ходе самой войны (условно его можно обозначить как «*синхронный*»), включал в себя *официально-пропагандистский, служебно-аналитический и личностно-бытовой образы*. А *ретроспективный*, послевоенный образ соединял в себе *индивидуальный образ-воспоминание ветеранов-участников событий, художественно-обобщенный, историко-аналитический* и другие типы образа. Официально-пропагандистский элемент преобладал до приобретения человеком личного опыта общения, контакта с врагом; служебно-аналитический, как правило, доминировал у командного состава и разного рода спецслужб, которым требовался адекватный образ врага на основе объективной и большой по объему информации для принятия оперативных и стратегически важных решений; наконец, личностно-бытовой тип образа оказывался самым распространенным и присутствовал как основной на всех армейских уровнях, непосредственно вовлеченных в боевые действия. Можно говорить и об определенной *эволюции образа врага* на протяжении войны с точки зрения пропорций этих типов в индивидуальном сознании. Основной тенденцией в его развитии был переход от доминировавших пропагандистских стереотипов накануне и в начале войны к личностно-бытовому, эмоционально-конкретному образу, сформировавшемуся в результате индивидуального опыта.

Глава II

ОБРАЗ ВРАГА В СОЗНАНИИ УЧАСТНИКОВ МИРОВЫХ ВОЙН

Образ врага в сознании участников Первой мировой войны

Любая война начинается задолго до ее объявления, которому обязательно предшествует идеологическая и психологическая обработка населения официальными пропагандистскими структурами, внушающими народу мысль о необходимости и неизбежности грядущей войны, о защите национальных интересов, проистекающих от врагов, внешней угрозе и т.д. и т.п. Играя на патриотизме, национальных чувствах, традициях и предрассудках, объявляя свои цели благородными и справедливыми, а цели потенциальных противников – низменными и корыстными, пропаганда каждой из сторон – участниц будущей войны закладывает в сознание своего народа образ врага, воскрешая старые обиды и выискивая новые, на которые можно опереться в современной ситуации. Психология «свой – чужой» в кризисный период обостряется до предела, проходя путь от высокомерно-пренебрежительного отношения до полного неприятия иной культуры, носителем которой является враг.

Каким же предстает образ врага в сознании современников и участников Первой мировой войны? Существуют три основных вида источников, в которых зафиксированы представления людей того времени о неприятеле, причем освещение в каждом из них «образа врага» существенно различается. Первый вид источников, отражающий официальную точку зрения, носит в основном пропагандистский характер. Это в первую очередь периодическая печать, в том числе фронтовые, армейские газеты и листовки, адресованные непосредственно солдатам. Для такого рода материалов характерно изображение врага в образе зверя, чудовища, дикаря, варвара, отрицается сама принадлежность его к «культурному миру», и здесь, используя подлинные или мнимые факты, преуспевают обе воюющие стороны. Достаточно сравнить заголовки русских и немецких газетных статей того времени: «Невероятное зверство германцев» и «Казачьи козни», «Христиане ли немцы?» и «Мародерство русских при Эйдткунене», «Германские неистовства» и «Люди или звери», «Как воюют палачи» и «Партизанская война в России»¹. Каждая из сторон старается представить истинным виновником войны своего противника, выставляя себя невинной жертвой. Немецкие газеты называют главной причиной войны «зависть других держав к Германии, которая могла бы сделаться самым могущественным государством, а чтобы этому воспрепятствовать, нужно было ее уничтожить». Далее следует убийственная характеристика членов неприятельской коалиции: «С этой целью [уничтожения Германии – Е.С.] и соединились такие противоположности, как Россия, представительница самого крайнего

абсолютизма, и мать революции и гильотины Франция. Россия, в которой каждый монарх без исключения погибает насильственной смертью, протягивает руку Сербии, оскверненной царубийством, самое старое на свете конституционное государство Англия не стыдится стать в одном ряду с царскими живодерами, подавляющими свободу при помощи кандалов, кнута и виселицы. Англия, связанная с Германией узами крови, разыгрывает до последнего момента роль приятеля, чтобы в конце концов погрузить свои руки в братскую кровь»². В свою очередь газеты государств Антанты возлагают ответственность за развязывание войны на Германию с ее «извечной агрессивностью», нацеленной на миролюбивых соседей, и не жалеют ярких эпитетов для нее и ее союзниц. В печати обоих враждующих блоков всячески подчеркиваются систематические нарушения противником законов и обычаев войны, определенных международным правом. При этом нарушение «правил игры» своей стороной либо отрицается, либо объявляется актом возмездия за аналогичные действия неприятеля. Так, пытки, издевательства и изощренные убийства пленных казаков немецкая сторона пыталась оправдать жестокостью самих казаков в отношении мирных жителей на оккупированных русской армией территориях, а расправы над гражданским населением во Франции и Бельгии – массовым партизанским движением в этих странах. Французы, в свою очередь, поднимали вопрос о необходимости ответного применения отравляющих газов против германских войск, использовании разрывных пуль и другого запрещенного Гаагской конвенцией оружия по принципу «око за око, зуб за зуб». Впрочем, реализованы эти планы не были.

Другой официальный источник отличается большей сдержанностью и объективностью оценок и часто носит аналитический характер. Это боевые донесения и доклады, содержащие информацию о настроениях в войсках неприятеля и внутри враждебного государства, наблюдения о боевых качествах врага, его стратегии и тактике, основанные на данных разведки и показаниях военнопленных. Так, опросные листы свидетельствуют о том, что германские и австрийские офицеры запугивали солдат русским пленом, утверждая, будто русские всех расстреливают и добывают раненых³. То же самое говорилось в русской армии о немецком плене, что, в отличие от предыдущего заявления, подтверждалось многочисленными фактами. По признанию одного из военнопленных, рядового австро-венгерской армии, от 2 декабря 1914 г., «сказкам о русской жестокости теперь уже мало верят, так как в действительности она почти нигде не подтвердилась, а лично с пленным кубанские казаки, его захватившие, обращались хорошо: накормили и, узнав, что он болен, приказали хозяину той избы, где он находился тогда, запрячь коня и на возу довезли до русского госпиталя»⁴. Между тем, по утверждению лейтенанта австрийского пехотного полка, издевательства над русскими пленными в немецкой и австро-венгерской армиях было возведено в систему. «В конце апреля и в мае [1915 г. – Е.С.], при отходе русских к реке Сан, ко мне неоднократно прибегали мои солдаты – чехи, поляки и русины – и с ужасом докладывали, что где-нибудь поблизости германские и часто австрийские солдаты-немцы занимаются истязанием русских пленных, замучивая их до смерти, – рассказывал он. – Сколько раз я обращался по указанному направлению и видел действительно ужасную картину. В разных местах валялись брошенные обезображенные и изуродованные трупы русских солдат. Находившиеся поблизости германские солдаты каждый раз мне объявляли, что они лишь исполняют приказания своих начальников. Когда я обращался к германским офицерам с вопросом, правда ли это, то они мне отвечали: «Так следует поступать с каждым русским пленным, и пока вы, австрийцы, не будете делать того же, вы не будете иметь никакого успеха. Только озверелые солдаты хорошо сражаются, но для этого наши солдаты должны упражняться в жестокости на русских пленных, которые, как изменники своей Родины и добровольно сдавшиеся в плен, ничего, кроме пытки, не заслуживают»⁵.

Несмотря на подобные факты, характеризующие облик врага, русские войска придерживались «рыцарского кодекса» ведения войны, в традициях которого был воспитан офицерский корпус. Отступление от кодекса считалось не только позорным, но и вредным для успеха на поле боя. Нарушители немедленно призывались к порядку⁶.

Примером рыцарского отношения к врагу (впрочем, не одобренного ни начальством, ни общественным мнением) может служить поведение генерал-майора В.П.Форселя, командира порта Императора Александра III в г.Либаве, который неоднократно нарушал специальные распоряжения командования «не допускать проявления особого внимания и поблажек по отношению к военнопленным» и чуть было не организовал торжественный обед в честь немецких офицеров со сбитого «Цепелина», по поводу чего органы контрразведки провели особое расследование⁷.

«Несанкционированное» уважение к врагу проявлялось порой и с немецкой стороны. Так, в письме неизвестного офицера с французского фронта есть любопытный эпизод, в котором даны восторженные оценки мужеству неприятеля: «Французов гораздо больше, чем нас, и они безумно храбры... Что это за люди! Идут на верную смерть... Сегодня был такой случай. Начали, как всегда. Впереди – офицер. Но солдаты замялись. Половина осталась в траншеях. Другую половину мы моментально смели, как метлой. Остался целым один офицер. Машет шпагой и бежит на нас... И вот мгновенно без команды затихла стрельба. Ни мы, ни французы, не стреляем. Храбрец постоял перед жерлами наших пулеметов, рука со шпагой бессильно повисла. Повернулся и сконфуженно, как провинившийся школьник, пошел к своим...»⁸ Но в целом для немецкой армии такие настроения были нетипичны.

Третий вид источников (кстати, последний из приведенных выше документов относится именно к этому виду) содержит субъективные оценки частных лиц, в которых тесно переплелись взгляды, сложившиеся под влиянием пропаганды, и зачастую противоречащий этим первоначальным убеждениям собственный жизненный опыт. Это источники личного происхождения – письма, дневники, воспоминания. Причем, в письмах с фронта отражаются взгляды той части народа, которая ведет непосредственную вооруженную борьбу с врагом, находясь с ним в постоянном прямом контакте, а письма из тыла отражают опосредованное влияние военных событий на сознание людей, для которых противник по-прежнему остается обезличенной символической фигурой.

Приведем для сравнения несколько писем, найденных у военнопленных и убитых немецких солдат и офицеров. 21 августа 1914 г. командир 33 эрзац-батальона капитан фон Бессер пишет о боях в Восточной Пруссии: «Мои люди были настолько озлоблены, что они не давали пощады, ибо русские нередко показывают вид, что сдаются, они поднимают руки вверх, а если приблизишься к ним, они опять поднимают ружья и стреляют, а в результате большие потери»⁹. В ответе его жены от 11 сентября 1914 г. мы находим следующий отклик: «Ты совершенно прав, что не допускаешь никакого снисхождения, к чему? Война – это война, и какую громадную сумму денег требует содержание в плену способных к военной службе людей! И жрать ведь тоже хочет эта шайка! Нет, это слишком великодушно, и если русские допускали такие ужасные гнусности, какие ты видел, то нужно этих скотов делать безвредными! Внуши это также своим подчиненным»¹⁰. Но если в письмах начала войны, преисполненных бодрости и патриотического подъема, отношение к врагу чаще всего высокомерно-презрительное, то чем дольше длится война, чем сильнее проявляется усталость, тем чаще неприятель воспринимается в облике такого же измученного, уставшего от войны человека. Характерно, что подобные настроения распространяются как на фронте, так и в тылу. Вот что пишет жена немецкого солдата 17 декабря 1914 г. из Берлина: «Ты боишься, как ты мне пишешь, что когда-нибудь можешь попасть в плен? Я не

думаю, дорогой Вилли, но когда случится, ведь русские тоже люди и с вами тоже будут обращаться, как с людьми. Я говорила с русскими беглецами, и они мне описывали русских как добродушных людей, но я все-таки прошу тебя – не попадайся в плен. Слышали ли вы про великую победу в Польше? Сегодня весть эта стала распространяться у нас. Но сколько людей, вероятно, опять при этом должны были погибнуть? Не захотят ли русские скоро мира? Когда подумаешь, не поймешь, почему, почему все это?»¹¹

Жизнь на передовой постоянно создавала ситуации, когда сходство солдатского быта, повседневных житейских мелочей волей-неволей заставляли почувствовать некую «общность» с противником, таким же «пушечным мясом», бесправной «пешкой» в непонятной ему игре. В письмах с фронта унтер-офицера И.И.Чернецова говорится о том, как немцы и русские отмечали на передовой Рождество и Новый год, заключив что-то вроде негласного перемирия на все время праздников. «Немецкое Рождество прошло на нашем фронте вполне спокойно, без выстрелов орудийных и ружейных, а также спокойно прошла и ночь на их Новый год, только сами немцы сильно шумели: пели песни, свистали, хлопали в ладоши и прыгали, не смущаясь присутствием нас, а мы очень близко находились в это время от них. Сейчас уже вот несколько дней на фронте так же спокойно, но только интересно, как-то пройдет наше Рождество и не потревожат ли нас сами немцы на наш праздник или на Новый год», – пишет он сестре 22 декабря 1914 г., а уже 29 декабря сообщает: «Рождество Христово нам пришлось встречать на передней позиции, как я и писал ранее вам. Немцы нас совершенно не тревожили ни в сочельник, ни в самый праздник. В сочельник у артиллеристов была зажжена елка, поставленная перед землянками. Вечер был тихий и свечей не задувало. Потом им раздавали подарки и заказанные ими вещи»¹². Так под влиянием личных впечатлений, приобретенных на войне, образ врага-зверя, воспитанный средствами пропаганды, постепенно трансформировался в образ врага-человека.

Невольное сравнение себя с противником можно обнаружить во многих немецких письмах и дневниках, особенно там, где речь идет о снабжении армии обмундированием и продовольствием (по свидетельствам документов, немецкие и австрийские войска на Восточном фронте часто голодали). Так, солдат 51 пехотного полка пишет 19 ноября 1914 г.: «Вечером выступили и по дороге опять встретили несколько больших партий военнопленных русских. Это довольно крепкие и, можно сказать, хорошо кормленные люди»¹³. А в одной из немецких газет за 5 апреля 1915 г. не без зависти говорится: «Русский пехотинец хорошо одет и обут. Что касается питания, то много жаловались после сдачи в плен, что несколько дней ничего не ели, имея при этом внешний вид очень хороший. У немецких офицеров сложилось уже давно мнение, что русские солдаты это говорят для вызова к ним чувства сожаления. При обыске у русских военнопленных при каждом пехотинце всегда находили кусок хлеба»¹⁴. Но вот автор доклада русской военной разведки, отмечая факты плохого снабжения австрийской армии, негодует совсем по другому поводу: «Офицеры и интенданты объясняли отсутствие провианта действиями русской кавалерии, постоянно взрывававшей в тылу у неприятеля мосты и портившей дороги, благодаря чему своевременный подвоз был невозможен. Офицеры были в изобилии снабжены консервами и даже вином. Когда на привале они начинали пиршествовать, запивая еду шампанским, голодные солдаты приближались к ним и жадно смотрели на это, когда же кто-нибудь из них просил дать хоть кусочек хлеба, офицеры отгоняли их ударами сабель»¹⁵. В каждой строке этого официального документа сквозит сочувствие к вражеским солдатам!

Особый интерес вызывает характеристика боевых качеств неприятеля, которая в той или иной форме встречается в каждом из перечисленных видов источников. При этом даже в официальных докладах наряду со взвешенными деловыми оценками имеются высокомерные выпады в адрес противника вплоть до обвине-

ния его в трусости. Вот лишь некоторые из оценок, данных немцами русской армии: «Недостаток образования и военной подготовки у русского пехотинца заменяется его выносливостью, т.е. способностью легко переносить все невзгоды природы... Русский пехотинец, послушный и исполнительный, не имеет, однако, жилки желания победы»; «У русских не хватает духа офензивы [*наступления* – *Е.С.*], тогда как они отлично обороняются и очень способны к партизанской войне»; «Русские казаки рыщут везде, но лихости у них никакой. Зато они отлично умеют прятаться, их укрытия совсем нельзя заметить»; «Русские очень хитры, но зато трусливы»¹⁶. Впрочем, и русские не остаются в долгу, делая свои заключения по поводу стойкости и боевого духа неприятеля. И здесь особенно показательны выводы, сделанные армейской разведкой на основе показаний военнопленных и наблюдений за ними: «Офицеры запаса [*австрийской армии* – *Е.С.*], проявляя в бою малодушие и растерянность и совершенно не умея руководить своею частью, в то же время не менее строевых офицеров пользовались саблею и особой плетью для поддержания своего престижа и дисциплины, которая начинала падать»; «Офицеры австрийские, в числе 14 человек, взятые в плен Златоустовским полком, произвели, за исключением одного, удручающее впечатление своей неинтеллигентностью вообще, внешним видом и грубостью манер»; «Вместо прежнего упорства при допросах и высокомерного тона у германских офицеров, на смену явились покорный тон, сравнительная откровенность и плохо скрываемая удовлетворенность, что попали в плен»; «Нижние чины германской армии, за малыми исключениями, охотно отвечают на все вопросы. Нижние чины в последнее время имеют очень исхудалый и измученный вид, обмундирование оборвано, а вместо нижнего белья одно отрепье»; «Настроение германских солдат неважное, но офицеры подбадривают их ложными сообщениями о победах»; «По словам пленных, настроение в войсках угнетенное»¹⁷.

Впрочем, «угнетенное настроение» постепенно зреет в армиях всех воюющих государств, а вместе с ним, вместе с усталостью и желанием скорейшего мира, растет озлобление против «виновников войны». Вопрос о том, кого считать виновником и каким теперь видится образ врага. Декабрь 1914 г., Восточный фронт: «Австрийские войска недовольны этой войной, которая надоела как нижним чинам, так и офицерам. Против Германии существует довольно сильное озлобление, так как войска теперь убеждены, что война возникла по проискам и наущению соседки. Офицеры желали бы во что бы то ни стало заключить мир, но Германия не позволяет этого, и потому недовольство ею только растет»¹⁸. Июль 1915 г., Восточный фронт: «Все пленные германские офицеры и нижние чины убежденно говорят, что Россия объявила войну и имеет завоевательные стремления, а офицеры, кроме того, уверяют, что русская армия была за две недели до объявления войны мобилизована»¹⁹. Июль 1915 г., из письма немецкого офицера с французского фронта: «Зачем, почему этот ад?! Душит злоба на тех, кто вызвал катастрофу. Я умоляю перевести меня на английский фронт. Хочу упиться муками этого трижды проклятого народа. О, да, трижды, сто раз проклятого!!! Ибо они одни всему причиной. Они зажгли пожар»²⁰.

Таким образом, психология «свой – чужой» остается в силе: «Свой всегда прав, чужой всегда виноват». Правда, обостряются отношения между союзниками в блоке центральных держав, но они всегда были довольно натянутыми. Образ врага претерпевает некоторые изменения на «бытовом» уровне и сохраняется в прежнем виде на уровне «глобальном»: ни один народ не готов признать свою страну зачинницей конфликта, он ищет и находит для нее оправдания – из патристических чувств, национальной гордости или инстинкта самосохранения. Но пройдет еще немного времени – и усталость возьмет свое, недовольство перейдет в революционное брожение, ненависть масс перекинется с врага внешнего на «врага внутреннего», обрушится на собственные правительства. Одна всемирная

катастрофа повлечет за собой другую, не менее страшную, которая будет стоить человечеству еще большего числа жертв. А пока в перерыве между боями на Восточном фронте 23 декабря 1914 г. немецкий офицер записывает в своем дневнике: «Мы теперь все устали от войны. Самая сокровенная наша мечта, о которой мы часто говорим, – это мир. Мирные переговоры для всех нас были бы избавлением от этого кошмара. Но куда ни помотришь – нет выхода, нет надежды»²¹. Впрочем, политиком не волнуется, о чем думает «пушечное мясо».

Итак, в сознании участников Первой мировой войны существовало два основных образа врага. Первый, «глобальный», сформировавшийся под воздействием пропаганды, включал в себя представления о враждебном государстве или блоке государств; второй, «бытовой», возникал в результате непосредственных контактов с лицами из противоположного лагеря – военнопленными и интернированными, неприятельскими солдатами в бою и мирным населением оккупированных территорий. На изменение образа врага влияли такие факторы, как продолжительность войны, ход и характер боевых действий, победы и поражения, настроения на фронте и в тылу, причем, более «мобильным» был именно второй образ. Что касается первого, то он закрепляется в сознании нескольких поколений, приобретая характер стойкого «послевоенного синдрома».

Именно в период 1914-1918 гг. «рыцарский кодекс» в соблюдении законов и обычаях войны постепенно уходит в прошлое, открывая дорогу оружию массового уничтожения, задавая зловещую «программу» грядущим войнам XX века.

Вторая мировая война реализовала все наиболее страшные тенденции, заложенные в Первой, приобретая особое ожесточение в советско-германском противостоянии.

Образ врага в сознании участников Великой Отечественной войны

Как и в Первой мировой войне, начало Великой Отечественной отличалось доминированием пропагандистских стереотипов в восприятии противника. Однако, принципиальным отличием на этот раз было то, что в смертельном противостоянии сошлись совершенно иные типы государств – два тоталитарных режима противоположных политических полюсов. Поэтому и роль идеологической составляющей в массовом общественном сознании, а значит, и в сознании армии, была на порядок выше. Советский солдат был воспитан в классовой пролетарской идеологии и через эту призму пытался воспринимать врага, вычлняя рабочего и крестьянина из общей массы врагов, отделяя их от «господ-эксплуататоров». Но уже в первые дни войны рассеялись иллюзии, наивные надежды на сознательность «братьев по классу», воспитанные в довоенное время и быстро вытравлявшиеся беспощадной реальностью. Вот что записал в своем фронтовом дневнике М.И.Березин: «20 июля 1941 года поджигаем два танка, взяв в плен трех танкистов. Какими же мы были наивными человеколюбцами, пытаясь при их допросе добиться от них классовой солидарности. Нам казалось, что от наших бесед они прозреют и закричат: “Рот фронт!” Мы хорошо знали произведения из времен Гражданской войны и совершенно не знали современного немца-фашиста. А они, нажравшись нашей каши из наших же котелков, накурившись из наших же добровольно подставленных кисетов, с наглой, ничего не выражающей рожей отрыгивают нам в лицо: “Хайль Гитлер!” Кого мы хотели убедить в классовой солидарности – этих громил, поджигающих хаты, насильников и садистов, с губной гармошкой во рту убивающих женщин и детей? Мы стали понимать и с каждым днем боев все больше убеждаться, что только тогда фашист становится сознательным, когда его бьешь»²².

Как оказалось, с противной стороны тоже работала мощная идеология, но с иной направленностью. Она ориентировала не на классовую солидарность, а на немецкую исключительность, национально-расовое и государственное превосходство Германии. Советский официально-идеологический стереотип восприятия врага отразился и в пропаганде на войска противника, которая оказалась абсолютно неэффективной. Вот что говорил об этом в 1943 г., уже находясь в советском плену, немецкий фельдмаршал Ф.Паулюс: «Ваша пропаганда в первые месяцы войны обращалась в своих листовках к немецким рабочим и крестьянам, одетым в солдатские шинели, призывала их складывать оружие и перебегать в Красную Армию. Я читал ваши листовки. Многие ли перешли к вам? Лишь кучка дезертиров. Предатели бывают в каждой армии, в том числе и в вашей. Это ни о чем не говорит и ничего не доказывает. И если хотите знать, кто сильнее всего поддерживает Гитлера, так это именно наши рабочие и крестьяне. Это они привели его к власти и провозгласили вождем нации. Это при нем люди из окраинных переулков, парвеню, стали новыми господами. Видно, в вашей теории о классовой борьбе не всегда сходятся концы с концами»²³.

Классово-идеологические иллюзии рассеивались с каждым шагом врага в глубь советской территории. Война приобретала характер смертельной схватки за выживание, причем не только существовавшей системы и государства, но и населявших огромные пространства СССР народов. Война действительно становилась Отечественной и национально-освободительной. И образ врага-фашиста также все сильнее принимал национальную окраску, превращаясь в массовом сознании в образ врага-немца.

На этот феномен общественного сознания неоднократно обращал внимание Константин Симонов, очень чуткий к исторической правде. В одном из своих писем в 1963 г. он отмечает: «Что касается фразеологии военного времени, то я думаю, что писатель должен употреблять ее без политиканства, употреблять исторически верно. Как тогда говорили – так и писать. Чаще всего тогда говорили “немцы”, говорили “немец”, говорили “он”. “Гитлеровцы” больше писали в сводках и всяких официальных донесениях об уничтожении противника. “Фашист”, “фашисты” говорили, и довольно часто, хотя, конечно, гораздо реже, чем “немец” или “немцы”. В особенности часто говорили про авиацию: “Вон, фашист полетел”. Тут почему-то чаще говорили именно “фашист”, а не “немец”»²⁴. Обращался К.Симонов к этому вопросу и позднее. В другом письме он пишет: «По поводу упоминаний слов “фашисты” и “немцы” в романе “Живые и мертвые”. Я принципиальный противник того, чтобы вводить в книгу, написанную об одном времени, – фразеологию, взятую из другого времени. Это режет мне ухо. В моем романе люди говорят о немцах так, как мы говорили о них тогда, в разных случаях и в разных обстоятельствах называя их по-разному. И когда в романе немцы называются то “немцами”, то “фашистами” – это реальный язык того времени»²⁵.

В самом деле, два этих обозначения врага существовали как бы параллельно. Вот что писал родным 10 сентября 1941 г. из-под Ельни капитан П.М.Себелев: «Красивая панорама наступления!.. Радостно было смотреть, как за передним краем взлетали фонтаны земли, клубы огня и дыма. Я говорю это как командир батальона, а как человек думаю о другом: чем грандиознее панорама боя, тем больше земля пропитывается человеческой кровью, тем больше материнских слез с обеих сторон, тем больше отцов, сжимающих кулаки. Мы знаем, что не все немцы – фашисты, но война есть война!»²⁶

Разделение врага на «фашистов» и «немцев» по инерции продолжало существовать в начале войны, но по мере нарастания ее ожесточенности эти понятия в сознании народа все более сливались. Если в первую мировую представление о противнике прошло путь от образа «врага-зверя» к образу «врага-человека», то теперь все было наоборот: недавние «братья по классу» превратились в «бешеных псов», которых нужно убивать.

«Черная тень легла на нашу землю, – писал 18 октября 1941 г. Алексей Толстой. – Вот поняли теперь: что жизнь, на что она мне, когда нет моей Родины?.. По-немецки мне говорить? Подогнув дрожащие колени, стоять, откидывая со страху голову перед мордастым, свирепо лающим на берлинском диалекте гитлеровским охранником, грозящим добраться кулаком до моих зубов? Потерять навсегда надежду на славу и счастье Родины, забыть навсегда священные идеи человечности и справедливости – все, все прекрасное, высокое, очищающее жизнь, ради чего мы живем... Видеть, как Пушкин полетит в костер под циническую ругань белобрысой фашистской сволочи и пьяный гитлеровский офицер будет мочиться на гранитный камень, с которого сорван и разбит бронзовый Петр, указавший России просторы беспредельного мира? Нет, лучше смерть! Нет, лучше смерть в бою! Нет, только победа и жизнь!»²⁷

Такой образ врага куда больше соответствовал реалиям военного времени. А затем появился лозунг, брошенный Ильей Эренбургом, – «Убей немца!» – и различия стерлись уже окончательно.

На восприятие врага, безусловно, оказала влияние основная эмоциональная доминанта на разных этапах войны. Естественным был шок от чудовищного несоответствия довоенных легковесных представлений о будущей войне, сформированных пропагандой («малой кровью», «на чужой территории»), и реального хода событий. Такая недооценка образа врага и переоценка собственных сил в ходе катастрофических поражений 1941 года обернулась сначала недоумением от обманутых ожиданий («Как посмели на нас, непобедимых, напасть?!»), затем широким распространением подавленности, страха, представлений о враге как о хорошо отлаженной машине, которая прет стальной обезличенной лавиной, и ее невозможно остановить. «О немце, как о противнике, можно сказать, что это был сильнейший противник, – вспоминает полный кавалер ордена Славы Константин Мамедов. – Я думал над этим, – кто бы еще был в состоянии таким противником оказаться? И не могу найти хотя бы ближайшего сравнения. Это была вымуштрованная, владевшая боевой техникой военная машина, которой, пожалуй, не было, – да не пожалуй, а просто не было равной в мире...»²⁸

Конечно, была и героическая оборона многих городов, и попытки контрнаступлений местного значения, но в целом ощущение, что «мы бежим», неоднократно переходившее в панические настроения, с соответствующим формированием образа врага как огромной сокрушительной силы, стали доминировать в массовом сознании на первом, самом трудном этапе войны. И многочисленные «котлы», в которых оказались целые дивизии и корпуса регулярной армии, несколько миллионов попавших и сдавшихся в плен за первые месяцы, казалось, лишь подтверждали складывавшийся образ непобедимого фашистского рейха. Перелом наступил лишь когда убедились, что врага можно бить, – особенно во время контрнаступления под Москвой. «Произошла гораздо более важная вещь, чем взятие десяти или двадцати населенных пунктов, – писал в декабре 1941 г. К.Симонов. – Произошел гигантский, великолепный перелом в психологии наших войск, в психологии наших бойцов... Армия научилась побеждать немцев. И даже тогда, когда ее полки находятся в трудных условиях, когда чаша военных весов готова заколебаться, они все равно сейчас чувствуют себя победителями, продолжают наступать, бить врага. И такой же перелом в обратную сторону произошел у немцев. Они чувствуют себя окруженными, они отходят, они беспрерывно пытаются выровнять линию фронта, они боятся даже горстки людей, зашедших им в тыл и твердо верящих в победу... Пусть не рассчитывают на пощаду. Мы научились побеждать, но эта наука далась нам слишком дорогой и жестокой ценой, чтобы щадить врага»²⁹. А вот аналогичная запись в его фронтовом дневнике со слов простого солдата: «Немец, если на него не нахрапом, конечно, а ловким ходом насесть, немец боится. Немец, когда чувствует, что на него идет человек, который не боится, он его сам боится. А если

боится, он его сам боится. А если от него тикают, ясно, он бьет! Кто-то кого-то должен бояться»³⁰.

Изменение отношения к себе у советских бойцов, появление у них веры в собственные силы вызвало и соответствующее изменение их отношения к врагу. А это, в свою очередь, вместе с первыми крупными успехами советской армии, изменило настроения и самооценку армии вражеской. «Как переменялись за шесть месяцев эти солдаты “непобедимой” армии! – отмечали наши газеты в разгар контрнаступления под Москвой, говоря о поведении немецких военнопленных. – В июле было непонятно, кто из них храбр, кто труслив. Все человеческие качества в них заглашал, перекрывал гонор – общая, повсеместная наглость захватчиков. Видя, что их не бьют и не расстреливают, они корчили из себя храбрецов. Они считали, что война кончится через две недели, что этот плен для них, так сказать, вынужденный отдых и что с ними по-человечески обращаются только от страха, что бояться их мести впоследствии. Сейчас это исчезло. Одни из них дрожат и плачут, говорят, захлебываясь, все, что они знают, другие – таких единицы, – угрюмо молчат, замкнувшись в своем отчаянии. Армия наглецов в дни поражения переменялась... Это естественно в войске, привыкшем к легким победам и в первый раз подвергшемся поражению»³¹.

И в целом образ врага становился более конкретным и одушевленным: это уже не была несокрушимая машина. По мере роста страданий и бедствий народа враг-фашист все больше воспринимался как свирепый зверь – сильный, жестокий, опасный, но, тем не менее, вполне уязвимый, с которым и следует обращаться как с диким зверем. Чем дольше длилась война, тем яснее становилась глубина народного горя, тем сильнее разгоралась ненависть к захватчикам – особенно, когда советская армия перешла в наступление и собственными глазами увидела те зверства, которые творил враг на оккупированной им земле.

Образ врага-зверя, безусловно, имел под собой основания: воспитанные фашистской идеологией, немцы воспринимали себя как расу господ, «сверхчеловеков», а по отношению к другим народам вели себя как худшие из варваров.

«Что ты делаешь в России? Где находишься? – спрашивал своего приятеля в письме из-под Сталинграда от 16 ноября 1942 г. немецкий солдат Герман. – Ты пишешь о партизанах – я еще ни одного не видел. Особенно не возитесь с ними, самое лучшее – сразу расстреливать. Мы еще слишком гуманно обращаемся с этим свинским народом»³². Другой немецкий солдат писал своему знакомому 26 мая 1942 г.: «Я сейчас надзирателем над русскими женщинами. Каждое утро в пять часов забираю сто таких деревенских красоток из комендатуры, и мы отправляемся на работы. Очень спокойное занятие. Настоящих женщин я среди них еще не видел: слишком много помесей. Черные, желтые, китайцы, монголы, и кто знает, какие там еще расы. Все они очень ленивы»³³.

Разительный контраст между представлением о европейской культуре и поведением «носителей» этой культуры в лице немецких оккупантов очень четко фиксировался простыми советскими людьми, даже малограмотными крестьянами. Вот как в октябре 1942 г. передает разговор местных жителей о немцах в недавно освобожденном от оккупантов селе в районе Ржева Алексей Сурков:

«– Вот они, немцы, культурными считались. А культура у них какая-то неладная. Остудят в избе, и все зябнут. Велят круглые сутки печь топить. И жарить до тех пор, пока пожар не случится. Ты им говоришь – почто зря дрова изводить, лучше дверь в сени закройте... Гневаются, того гляди, тумака дадут – “молчи, матка!” – и опять велят за дровами идти.

– А когда они, бесстыжие, при женщинах голиком раздеваются, в корыте плещутся, когда они за столом воздух портят, когда они под себя в избе ходят, – это культура по-ихнему называется?

– Опять же на девок и молодых, как жеребцы стоялые, набрасываются... Ка-торжная ихняя культура, бесстыжая... Неужели они и у себя дома такие?»³⁴

Как видно из этих свидетельств, такое поведение оккупантов во многом диктовалось именно идеологией расового превосходства, отношением как к полноценным людям только к «своим». И шло оно не столько от специфики национальной культуры, сколько от фашистской пропаганды и политики рейха в отношении славянских народов. Лишь немногие немцы в начале войны оценивали ситуацию и противника более адекватно. «Война – это не только наши победы, у нее есть много других сторон. Здесь разыгрываются настоящие трагедии, а мы, их виновники, ни о чем не думаем, и делаем то, что приказано. Приказано считать, что истреблять русских – это гуманно, ведь они люди «второго разряда»... – писал 28 июля 1942 г. с Восточного фронта домой немецкий солдат Хайнрик Линднер, а далее признавал: – Русские – хорошие солдаты, хотя у них ничего нет, только пехота и танки. Русская пехота выросла как единственное оружие против нашей армии. Она воюет, чтобы спасти свою страну, и верит, что имеет на это право. Мы тоже надеемся победить, чтобы все это, наконец, закончилось»³⁵.

О роли гитлеровской пропаганды в формировании образа советских людей и соответствующего к ним отношения среди немецкого населения, включая, естественно, армию, свидетельствует еще один немецкий документ, а именно – служебный циркуляр СД «Сообщения из рейха» об образе русского у населения Германии, составленный в апреле 1943 г. В нем отмечается, что до начала войны с СССР немецкий народ узнавал о жизни в Советском Союзе исключительно из прессы, кино, подцензурной литературы и других каналов, проводивших пропагандистскую линию нацизма. Поэтому большинство немцев видело в СССР лишь бездушную систему подавления, а народ представляло как «полуголодную и тупую массу». Поток военнопленных и оstarбайтеров (восточных рабочих), вывезенных в Германию, существенно изменил данные представления, поскольку эти люди воспринимались как «живые свидетели большевистской системы, на которых можно проверить существовавший до сих пор образ России и порожденные пропагандой представления о советском человеке». Реальность, как отмечается в циркуляре, оказалась во многом противоположной пропагандистскому образу. В основе его было представление о большевистском безбожии, искоренении интеллигенции и оболванивании масс, о низком интеллекте, неграмотности русских, разращении семьи как ячейки общества, жестоких методах господства и системе наказаний в СССР. Оказалось, что многие оstarбайтеры из Советского Союза носили нателные крестики и были религиозны, поражали немцев своими способностями и технической сообразительностью, чрезвычайно низким процентом неграмотных, причем «сравнение знаний немецких и русских сельских рабочих показывает, что русские образованнее», «...что именно у оstarбайтеров ярко выражены чувство семьи и высокая нравственность поведения», и что они «не знают телесных наказаний». «Из-за этих выводов, – отмечается в циркуляре, – ...значительно меняется представление о Советском Союзе и его людях. Сталкиваясь с противоречиями такого рода, немцы начинают задумываться. Там, где антибольшевистская пропаганда работает старыми методами и знакомыми аргументами, она не находит доверия и интереса, как это было до и в начале войны с Советским Союзом». Вместе с тем, в циркуляре СД делается вполне утешительный для фашистской пропаганды вывод, что «контакты с людьми, попавшими в рейх, недостаточны для того, чтобы изменить существовавший до сих пор образ России, не говоря уже о том, что многие не дают себе труда поразмышлять об этом»³⁶.

У фашистской армии эти контакты были значительно более тесными и двоякого рода – с населением оккупированных территорий и с советскими Вооруженными Силами. Отсюда и более точный образ советских людей, формировавшийся у представителей действующей немецкой армии. «Подавляющее большинство

населения не верит в победу немцев, – отмечает в секретном донесении «Настроение местного населения» командир Судетской дивизии генерал-лейтенант Деттлинг в 1943 г., – ...Молодежь обоего пола, получившая образование, настроена почти исключительно просоветски. Она недоверчиво относится к нашей пропаганде. Эти молодые люди с семилетним и выше образованием ставят после докладов вопросы, позволяющие сделать заключение об их высоком умственном уровне. Обычно для маскировки они прикидываются простачками. Воздействовать на них чрезвычайно трудно. Они читают еще сохранившуюся советскую литературу. Эта молодежь сильнее всего любит Россию и опасается, что Германия превратит их родину в немецкую колонию... Молодые люди чувствуют себя с начала немецкой оккупации лишенными будущего»³⁷.

И все сильнее были сомнения в собственной победе, ощущение мощи и естественной правоты загадочного русского народа, который воспринимался немцами как часть природной стихии, противостоящей им: «Из этой борьбы против русской земли и против русской природы едва ли немцы выйдут победителями... – писал 5 сентября 1943 г. в своем дневнике лейтенант К.-Ф.Бранд. – Здесь мы боремся не против людей, а против природы... Это – месть пространства, которой я ожидал с начала войны»³⁸.

В зависимости от этапа войны отношение к врагу у советских людей приобретало различные оттенки. «Пусть те, кто начал войну, те, кто принес столько горя и страданий, те, кто покрыл нашу землю огнем и кровью, на своей гнусной шкуре чувствуют, что несет с собой война», – записал в сентябре 1942 г. в своем фронтовом дневнике М.Т.Белявский. А спустя ровно два года появились там такие строки: «В Германию придут суровые солдаты справедливости. Теперь это не пророчество, но предсказание, не надежда. Теперь это справка о близком будущем»³⁹.

Ненависть к врагу, принесшему столько горя, была естественным доминирующим чувством и в тылу, и особенно на фронте. В ряде случаев она распространялась и на пленных. «В тыловых районах нашей страны отношение к немцам было различным, – вспоминает Р.А.Медведев. – Это зависело от дальности фронта или длительности оккупации. Оно было более терпимым в тех городах, которые не знали немецкой оккупации. В некоторых районах Москвы немецкие военнопленные строили небольшие дома. В Тбилиси, где жила в годы войны моя семья, группы немецких военнопленных ремонтировали трамвайные пути. Они работали молча, но без охраны. Их не жалели, но и не оскорбляли. Однако в Киеве, где в конце 1943 г. немецкие военнопленные расчищали разрушенный центр города, их приходилось охранять»⁴⁰.

На фронте ненависть к врагу являлась важнейшим условием боеспособности наших войск, мощной мотивацией их готовности к самопожертвованию, к битве не на жизнь, а на смерть. Почти каждый советский солдат имел личный счет к фашистским оккупантам. У многих погибли родные, были захвачены и разрушены их города и села, многие сами были свидетелями жестокости противника на оккупированной территории. «Мне лично довелось видеть своими глазами следы зверств и поголовного уничтожения фашистскими выродками всего на нашей земле, – говорил на красноармейском собрании своей роты в августе 1944 г. пулеметчик 279 стрелкового полка 19 армии Карельского фронта ефрейтор Соловьев. – Я видел сожженные дотла деревни и села, убитых и замученных наших людей, поруганную нашу русскую землю. Немцы ничего не оставляли в живых, кругом сеяли смерть и разорение... Кровь замученных советских людей зовет нас к кровной мести. Я клянусь, что совершенствую свою выучку, в первом же бою жестоко отомщу фашистским зверям за их злодеяния»⁴¹.

Ненависть к врагу и жажда мести были естественной основой политической работы и пропаганды в Красной Армии вплоть до разгрома фашистов на их собственной территории. Советским политработникам не нужно было ничего выдумывать, чтобы возбудить у людей эти чувства. Они и так были сильны, и чтобы под-

крепить их, достаточно было собрать и обобщить личный опыт каждого. И этим достаточно широко пользовались, собирая «счета мести». Об этой форме политической работы в войсках говорится в политдонесении об опыте работы комсомольской организации 28 гв. Краснознаменного Киркенесского стрелкового полка 10 гвардейской стрелковой дивизии 19 армии 2-го Белорусского фронта от 5 апреля 1945 г.: «24 февраля незадолго до атаки было проведено комсомольское собрание роты с вопросом «За что я мщу немецким захватчикам?» К этому собранию ... провели большую подготовительную работу, собрали у всех комсомольцев и молодежи счета мести гитлеровским громилам, а также другие материалы, показывающие чудовишные злодеяния немецко-фашистских захватчиков. Счета мести собирались так. В каждой роте была сделана тетрадь, в которую все солдаты, сержанты и офицеры записали, какое несчастье им лично принесли фашисты. Затем этот материал суммировался и представлял внушительный обвинительный акт на немецких палачей»⁴².

Факты зверских убийств и истязаний гитлеровцами советских военнопленных также включались в счета мести, тем более, что свидетельства такого рода было предостаточно: «В связи с проводимыми раскопками могил расстрелянных и замученных немцами советских людей и работой Государственной комиссии Карело-Финской ССР по установлению и расследованию совершенных немцами злодеяний, во всех частях проведены беседы о зверствах немцев на Севере, – говорится в донесении политотдела одной из армий Карельского фронта. – Вопросам мести немецко-фашистским захватчикам посвящены выпущенные боевые листки и наглядная агитация. При раскопках могил в Сальском лагере присутствовали бойцы и командиры частей, расположенных вблизи этого района, которые рассказали в подразделениях о тех зверствах, истязаниях, которым подвергали немцы наших бойцов, попавших к ним в плен. Рассказы бойцов, видевших следы зверств, взволновали личный состав и еще больше усилили ненависть к врагу. Так, когда в 279 стрелковом полку коммунист Буряга рассказал бойцам о том, что он видел при раскопках могил, то беспартийный красноармеец Платонов не вытерпел и заявил: “О, зверюга немец! Не уйдешь от расплаты! Мы будем в Германии, твоей берлоге, все вспомним, за все ответишь своей кровью. После этой войны немцы будут помнить русских тысячелетиями. Мы выполним волю Сталина, волю всех народов. Скорее бы в бой”»⁴³.

Как видно из этого документа, оснований для ненависти к врагу и жажды праведной мести хватало. И приведенные в нем слова бойца о том, что «мы будем в Германии ... и все вспомним», отражали общее настроение народа и армии.

На протяжении Великой Отечественной войны тема возмездия была одной из центральных в агитации и пропаганде, а также в мыслях и чувствах советских людей. Задолго до того, как армия приблизилась к вражеской границе, проходя по истерзанной оккупантами родной земле, видя замученных женщин и детей, сожженные и разрушенные города и деревни, советские бойцы клялись отомстить захватчикам сторицей и часто думали о том времени, когда вступят на территорию врага. И когда это произошло, были – не могли не быть! – акты мести, психологические срывы, особенно среди тех, кто потерял свои семьи, убитые оккупантами.

В январе-феврале 1945 г. советские войска развернули Висло-Одерскую и Восточно-Прусскую наступательные операции и вступили на немецкую землю. «Вот она, проклятая Германия!» – написал на одном из самодельных щитов около сгоревшего дома русский солдат, первым перешедший границу⁴⁴. День, которого так долго ждали, наступил. И на каждом шагу встречались советским воинам вещи с нашими фабричными клеймами, награбленные гитлеровцами; освобожденные из неволи соотечественники рассказывали об ужасах и издевательствах, которые испытывали в немецком рабстве. И «гражданские» немцы, испуганные и заискивающие, с

белыми повязками на рукавах, боялись смотреть в глаза, ожидая расплаты за все, что совершила их армия на чужой земле.

Жажда мести врагу «в его собственном логове» была одним из доминирующих настроений в войсках, тем более, что оно долго и целенаправленно подпитывалось официальной пропагандой. Еще накануне наступления в боевых частях проводились митинги и собрания на тему «Как я буду мстить немецким захватчикам», «Мой личный счет мести врагу», где вершиной правосудия провозглашался принцип «Око за око, зуб за зуб!»

Однако после выхода нашей армии за государственную границу СССР у советского правительства появились соображения иного рода, диктовавшиеся, прежде всего, необходимостью достойно и цивилизованно выглядеть в глазах союзников, а также планами на послевоенное устройство в Европе. Известная политическая оценка «Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается», данная в Приказе № 55 Наркома обороны еще 23 февраля 1942 г., была активно взята на вооружение пропагандой и имела немалое значение для формирования новой (а в сущности, реанимированной старой, довоенной) психологической установки советских людей в отношении противника⁴⁵. Но одно дело умом понимать эту очевидную истину, и совсем другое – стать выше своего горя и ненависти, не дать волю слепой жажде мести. Последовавшие в начале 1945 г. разъяснения политотделов о том, «как следует себя вести» на территории Германии, явились для многих неожиданностью и частотой. Вот что вспоминал об этом писатель-фронтовик Давид Самойлов: «Лозунг “Убей немца!” решал старинный вопрос методом царя Ирода. И все годы войны не вызывал сомнений. “Разъяснение” 17 апреля (статья Александрова, тогдашнего руководителя нашей пропаганды, где критиковалась позиция Ильи Эренбурга – “Убей немца!” – и по-новому трактовался вопрос об ответственности немецкой нации за войну) и особенно слова Сталина о Гитлере и народе как бы отменяли предыдущий взгляд. Армия, однако, понимала политическую подоплеку этих высказываний. Ее эмоциональное состояние и нравственные понятия не могли принять помилования и амнистии народу, который принес столько несчастий России»⁴⁶.

Закономерность ненависти к Германии со стороны вступавших на ее территорию советских войск понимали и сами немцы. Вот что записал в своем дневнике 15 апреля 1945 г. о настроении берлинского населения 16-летний Дитер Борковский: «...В полдень мы отъехали в совершенно переполненном поезде городской электрички с Анхальтского вокзала. С нами в поезде было много женщин – беженцев из занятыми русскими восточных районов Берлина. Они тащили с собой все свое имущество: набитый рюкзак. Больше ничего. Ужас застыл на их лицах, злость и отчаяние наполняло людей! Еще никогда я не слышал таких ругательств... Тут кто-то заорал, перекрывая шум: “Тихо!” Мы увидели невзрачного грязного солдата, на форме два железных креста и золотой Немецкий крест. На рукаве у него была нашивка с четырьмя маленькими металлическими танками, что означало, что он подбил 4 танка в ближнем бою. “Я хочу вам кое-что сказать”, – кричал он, и в вагоне электрички наступила тишина. “Даже если вы не хотите слушать! Прекратите ныть! Мы должны выиграть эту войну, мы не должны терять мужества. Если победят другие – русские, поляки, французы, чехи – и хоть на один процент сделают с нашим народом то, что мы шесть лет подряд творили с ними, то через несколько недель не останется в живых ни одного немца. Это говорит вам тот, кто шесть лет сам был в оккупированных странах!” В поезде стало так тихо, что было бы слышно, как упала шпилька»⁴⁷.

Акты мести были неизбежны. И нужно было прилагать специальные усилия, чтобы не допустить их широкого распространения. Не случайно, выйдя на земли Восточной Пруссии, командующий 2-м Белорусским фронтом маршал К.К.Рокоссовский вынужден был издать приказ № 006, призванный «направить

чувство ненависти людей на истребление врага на поле боя», карающий за мародерство, насилия, грабежи, бессмысленные поджоги и разрушения. Отмечалась опасность такого рода явлений для морального духа и боеспособности армии.

Впрочем, бесчинствовали в основном тыловики и обозники. Боевым частям было просто не до того – они воевали. Их ненависть выплескивалась на врага вооруженного и сопротивляющегося. А с женщинами и стариками «сражались» те, кто старался быть подальше от передовой. Вспоминая бои в Восточной Пруссии, Л.Копелев, бывший политработник, впоследствии писатель, рассказывал: «Я не знаю статистики: сколько там было среди наших солдат негодяев, мародеров, насильников, не знаю. Я уверен, что они составляли ничтожное меньшинство. Однако именно они и произвели, так сказать, неизгладимое впечатление»⁴⁸. Следует отметить, что многие солдаты и офицеры сами решительно боролись с грабежами и насилиями. Их пресечению способствовали и суровые приговоры военных трибуналов. Однако судили они не только за мародерство и насилие, но и за «буржуазный гуманизм» по отношению к побежденным⁴⁹.

На противоречие политических установок до и после вступления на вражескую территорию обращали внимание и сами политработники. Об этом свидетельствует выступление 6 февраля 1945 г. начальника Политуправления 2-го Белорусского фронта генерал-лейтенанта А.Д.Окорокова на совещании работников отдела агитации и пропаганды фронта и Главпура РККА о морально-политическом состоянии советских войск на территории противника: «...Вопрос о ненависти к врагу. Настроение людей сейчас сводится к тому, что говорили, мол, одно, а теперь получается другое. Когда наши политработники стали разьяснять приказ № 006, то раздавались возгласы: не провокация ли это? В дивизии генерала Кустова при проведении бесед были такие отклики: “Вот это политработники! То нам говорили одно, а теперь другое!” Причем, надо прямо сказать, что неумные политработники стали рассматривать приказ № 006 как поворот в политике, как отказ от мести врагу. С этим надо повести решительную борьбу, разьяснив, что чувство ненависти является нашим священным чувством, что мы никогда не отказывались от мести, что речь идет не о повороте, а о том, чтобы правильно разьяснить вопрос. Конечно, наплыв чувств мести у наших людей огромный, и этот наплыв чувств привел наших бойцов в логово фашистского зверя и поведет дальше в Германию. Но нельзя отождествлять месть с пьянством, поджогами. Я сжег дом, а раненых помещать негде. Разве это месть? Я бессмысленно уничтожаю имущество. Это не есть выражение мести. Мы должны разьяснить, что все имущество, скот завоеваны кровью нашего народа, что все это мы должны вывезти к себе и за счет этого в какой-то мере укрепить экономику нашего государства, чтобы стать еще сильнее немцев. Солдату надо просто разьяснить, сказать ему просто, что мы завоевали это и должны обращаться с завоеванным по-хозяйски. Разьяснить, что если ты убьешь в тылу какую-то старуху-немку, то гибель Германии от этого не ускорится. Вот немецкий солдат – уничтожь его, а сдающегося в плен отведи в тыл. Направь чувство ненависти людей на истребление врага на поле боя. И наши люди понимают это. Один сказал, что мне стыдно за то, что я раньше думал – сожгу дом и этим буду мстить. Наши советские люди организованные и они поймут существо вопроса. Сейчас имеется постановление ГКО о том, чтобы всех трудоспособных немцев-мужчин от 17 до 55 лет мобилизовать в рабочие батальоны и с нашими офицерскими кадрами направлять на Украину и в Белоруссию на восстановительные работы. Когда мы по-настоящему воспитаем у бойца чувство ненависти к немцам, тогда боец на немку не полезет, ибо ему будет противно. Здесь нам нужно будет исправить недостатки, направить чувство ненависти к врагу по правильному руслу»⁵⁰.

И действительно, пришлось немало потрудиться для изменения сформировавшейся ходом самой войны и предшествующей политической работы установки

армии на месть Германии. Пришлось опять разводить в сознании людей понятия «фашист» и «немец». «Политотделы ведут большую работу среди войск, объясняют, как надо вести себя с населением, отличая неисправимых врагов от честных людей, с которыми нам, наверное, еще придется много работать. Кто знает, может быть, еще придется им помогать восстанавливать все то, что разрушено войной, – писала весной 1945 г. работник штаба 1-й гвардейской танковой армии Е.С.Катукова. – Сказать по правде, многие наши бойцы с трудом принимают эту линию тактичного обращения с населением, особенно те, чьи семьи пострадали от гитлеровцев во время оккупации. Но дисциплина у нас строгая. Наверное, пройдут годы, и многое изменится. Будем, может быть, даже ездить в гости к немцам, чтобы посмотреть на нынешние поля боев. Но многое до этого должно перегореть и перекипеть в душе, слишком близко еще все то, что мы пережили от гитлеровцев, все эти ужасы»⁵¹.

Особую проблему являла собой психология восприятия советскими людьми заграницы, прежние представления о которой сильно расходились с увиденным в действительности. Годами внушаемые идеологические догмы пришли в противоречие с реальным жизненным опытом. Недаром так тревожили политотделы «новые настроения», когда в письмах домой солдаты описывали жизнь и быт немецкого населения «в розовых красках», сравнивая увиденное с тем, как жили сами до войны, и делая из этого «политически неверные выводы». Бедные по европейским стандартам дома казались им зажиточными, вызывая, с одной стороны, зависть и восхищение, а с другой, озлобляя своей, по их понятиям, роскошью. Так, в документах того периода часто упоминаются разбитые часы, рояли, зеркала. Не трудно понять чувства солдата, крушившего предметы быта, дававшего выход своей горечи. Или отправлявшего домой, в разрушенную родную деревню разрешенную командованием посылку из трофейных вещей. «Фриц бежит, все свое бросает, – писала родным 20 февраля 1945 г. из действующей армии В.Герасимова. – Невольно вспоминается 41-й год. В квартирах все оставлено – шикарная обстановка, посуда и вещи. Наши солдаты теперь имеют право посылать посылки и они не теряются. Я уже писала, что мы были в барских домах, где жили немецкие бароны. Они бежали, оставляя все свое хозяйство. А мы питаемся и поправляемся за их счет. У нас нет недостатка ни в свинине, ни в пище, ни в сахаре. Мы уже заелись и нам не все хочется кушать. Теперь перед нами будет Германия, и вот иногда встречаются колонны фрицев, как будто чем-то прибитых, с котомками за плечами. Пусть на себе поймут, как это хорошо. Иногда встречаются и наши, возвращающиеся на Родину люди. Их сразу можно узнать. И вот невольно сравниваешь 41-й год с 45-м и думаешь, что этот 45-й должен быть завершающим»⁵².

Конечно, дошедшие до нас документы не могут охватить все многообразие взглядов, мыслей и чувств, которые возникли у советских людей, когда они перешли государственную границу СССР и двинулись на запад. Но и в них ясно видны и новые политические настроения, и отношение к ним сталинской системы, и проблемы дисциплинарного характера, которые возникают перед любой армией, воюющей на чужой территории, и целый ряд нравственных и психологических проблем, с которыми пришлось столкнуться советским солдатам в победном 1945 году.

Для подавляющего большинства советских воинов на этом этапе войны характерным стало преодоление естественных мстительных чувств и способность по-разному отнестись к врагу сопротивляющемуся и врагу поверженному, тем более к гражданскому населению. Преобладание ненависти, «ярости благородной», справедливой жажды отмщения вероломно напавшему, жестокому и сильному противнику на начальных этапах войны сменилось великодушием победителей на завершающем этапе и после ее окончания. «Перешли границу – Родина освобождена, – вспоминает бывший санинструктор Софья Кунцевич. – Я думала, что когда мы войдем в Германию, то у меня ни к кому пощады не будет. Сколько ненависти скопилось в груди! Почему я должна пожалеть его ребенка, если он убил

моего? Почему я должна пожалеть его мать, если он мою повесил? Почему я должна не трогать его дом, если он мой сжег? Почему? Хотелось увидеть их жен, матерей, родивших таких сыновей. Как они будут смотреть нам в глаза?.. Все мне вспомнилось, и думаю: что же будет со мной? С нашими солдатами? Мы все помним... Пришли в какой-то поселок, дети бегают – голодные, несчастные. И я, которая клялась, что всех их ненавижу, я соберу у своих ребят все, что у них есть, что осталось от пайка, любой кусочек сахара, и отдам немецким детям. Конечно, я не забыла, я помнила обо всем, но смотреть спокойно в голодные детские глаза я не могла»⁵³.

Гуманность советских войск по отношению к немецкому населению после всего, что совершили гитлеровские войска на оккупированной ими территории, была удивительна даже для самих немцев. Тому есть немало свидетельств. Вот одно из них, зафиксированное в донесении от 15 мая 1945 г. члена Военного совета 5-й ударной армии генерал-лейтенанта Ф.Е.Бокова командующему войсками 1-го Белорусского фронта о политическом настроении жителей Берлина в связи с проводимыми советским командованием мероприятиями: «Домохозяйка Елизавета Штайм заявила: «Я имею троих детей. Мужа у меня нет. Я предполагала, что всем нам придется погибнуть от голодной смерти. Нацисты говорили, что большевики расстреливают все семьи, в которых кто-нибудь участвовал в войне против России. Я решила открыть вены своим детям и покончить самоубийством. Но мне было жалко детей, я спряталась в подвал, где мы просидели голодными несколько суток. Неожиданно туда зашли четыре красноармейца. Они нас не тронули, а маленькому Вернеру даже дали кусок хлеба и пачку печенья. А сейчас мы видим, что все советское командование беспокоится о том, чтобы население не умирало с голоду. Больше того, выдают всякие нормы и беспокоятся о восстановлении наших жилищ. Я беседовала со всеми жильцами нашего дома. Все они очень довольны таким отношением русского командования к нам. От радости мы завели патефон и танцевали целый вечер. Некоторые высказывали только такую мысль – неужели так и будет дальше, неужели так и дальше будут снабжать. Если будет так, то остается только одно – устроиться на работу и восстанавливать разрушенное...»⁵⁴

Вряд ли только политические директивы и грозные приказы могли остановить праведный гнев побеждавшей Советской Армии, который имел достаточно оснований вылиться в слепую месть поверженному врагу. И такие случаи, конечно же, были. Но они не превратились в систему. Причины этого, на наш взгляд, достаточно точно определил Д.Самойлов: «Германия подверглась не только военному разгрому. Она была отдана на милость победного войска. И народ Германии мог бы пострадать еще больше, если бы не русский национальный характер – незлобливость, немстительность, чадолюбие, сердечность, отсутствие чувства превосходства, остатки религиозности и интернационалистического сознания в самой толще солдатской массы. Германию в 45-м году пощадил природный гуманизм русского солдата»⁵⁵.

Эти качества проявились и по отношению к немецким военнопленным. «Народ мой и в запальчивости не переходит границ разума и не теряет сердца, – писал 19 июля 1944 г. Леонид Леонов после того, как по Москве провели многотысячную колонну немцев. – В русской литературе не сыскать слова брани или скалозубства против вражеского воина, плененного в бою. Мы знаем, что такое военнопленный. Мы не ждем пленных, не уродуем их: мы не немцы. Ни заслуженного плевка, ни камня не полетело в сторону врагов, переправляемых с вокзала на вокзал, хотя вдовы, сироты и матери замученных ими стояли на тротуарах, во всю длину шествия. Но даже русское благородство не может уберечь от ядовитого слова презренья эту попавшуюся шпану: убивающий ребенка лишается высокого звания солдата...»⁵⁶ И символом этого народного презрения стали десятки поливочных машин, пущенных за колонной пленных, чтобы смыть самый след, самый

дух их с московских улиц. Даже в гуманном обращении с пленными согласно международному праву содержалось подчеркнутое противопоставление собственного образа человека и образа фашистского врага-зверя, находящегося за рамками всех цивилизованных норм.

Итак, в ходе Великой Отечественной войны и образ врага, и отношение к нему прошли достаточно сложную эволюцию. Перед войной и в самом ее начале имели существенное значение идеологические стереотипы. Так, если в предвоенные годы в сознании масс была внесена идея о некой «исторической миссии страны победившего социализма» – лидера мирового пролетариата, а характер будущей войны виделся наступательным и победоносным, при безусловной поддержке со стороны трудящихся Европы, и, прежде всего, Германии, то с началом войны, принявшей сразу характер оборонительный, при жестокой борьбе за само выживание, на первый план выдвинулись национально-патриотические чувства. Иллюзии, в том числе порожденные идеологическими догмами, в столкновении с жестокой реальностью прямого противоборства с фашизмом рассеялись, а идея мировой революции и освобождения «братьев по классу», принесенного на штыках Красной Армии, быстро сменилась ненавистью к врагу, независимо от его классового происхождения, несшему разрушения и смерть, попрание национального достоинства и святынь. Под знаком этих чувств – любви к Родине и ненависти к врагу – советский солдат прошел всю войну. Однако, в плане психологическом с ненавистью к врагу не все обстояло так просто. Нужно было пережить первый трагический период войны, горький опыт потерь друзей и близких, чтобы советский солдат проникся этим чувством к агрессору, принесшему смерть и кровь на родную землю. Наивысшим его выражением стало стихотворение К.Симонова «Убей его!» В дальнейшем тема ненависти к врагу становится обычной для листовок, фронтовых и центральных газет, политзанятий, публицистики.

Справедливая цель, во имя которой боролся наш народ, – защита Родины от агрессора, – по своему морально-политическому и социально-психологическому воздействию на массы оказалась сильнее идеологии фашизма, умело насаждавшейся милитаристской психологии и теории расового превосходства. Они внушались хорошо отлаженной системой гитлеровской пропаганды целому поколению немцев, принимавших участие в грабительских, завоевательных походах, за которые каждому были обещаны крупная сумма денег и участок земли с рабами из числа жителей покоренных стран⁵⁷. Гитлер возвел низменные инстинкты в ранг государственной морали и политики, «освободил» немецких солдат от «химеры совести», а фашистская пропаганда формировала в сознании своего народа образ русского человека как низшего, ущербного существа, недостойного европейской цивилизации и неспособного противостоять натиску «избранной» арийской расы. Но хотя немецкая армия сражалась с огромным упорством и ожесточением и показала достаточно примеров храбрости, нет свидетельств совершения немецкими солдатами и офицерами ни воздушных таранов, ни актов самопожертвования, подобных подвигам Александра Матросова и Николая Гастелло. Напрасно уже в конце войны фашистское правительство призывало немецкий народ развернуть партизанскую войну против советских войск на территории Германии, а участникам обороны Берлина ставило в пример стойкость защитников Москвы. Когда пропаганда не находит других средств, кроме как сослаться на пример героизма собственного противника, это говорит о многом. Французский историк М.Ларан, занимающийся изучением истории России и Советского Союза, констатирует в своей книге, что «самоотверженность, которую в войне проявили советские люди, достойна самого искреннего восхищения. Духовно они оказались неизмеримо выше своего врага»⁵⁸. И это духовное превосходство проявилось, в частности, на последнем этапе войны, когда чувства ненависти и праведного гнева советских

воинов не переросли в слепую месть поверженному противнику, не вылились в массовую резню гражданского населения и немецких военнопленных.

Общее и особенное в формировании образа врага в двух мировых войнах

Как убедительно показывают источники, и в Первой, и во Второй мировой войне было нечто общее в эволюции представлений о противнике – «образе врага», хотя имелись и весьма существенные отличия. Общим было, прежде всего, развитие этого образа от преимущественно пропагандистского, абстрактно-стереотипного, сформированного на расстоянии через официальные каналы информации, прессу, специальные агитационно-пропагандистские материалы, к более конкретно-бытовому, личностно-эмоциональному образу, который возникал у армии и народа в первую очередь при прямом соприкосновении с противником. На особенности в этом формировании повлияли рассмотренные выше принципиальные различия двух мировых войн: столкновение разных типов государств, ход войны, степень жесточенности и т.д. Особенностью Первой мировой войны был переход от стереотипа «врага-зверя» к образу «врага-человека». Этой эволюции способствовал ряд факторов: прежде всего, не слишком понятный с обеих сторон смысл войны, относительная ограниченность (по сравнению со второй мировой) вовлечения в орбиту военных действий собственно национальной территории Германии и России и степень проникновения в тыл противника, хотя бы частичное соблюдение германской стороной норм международного права при ведении войны и, соответственно, меньшая степень жесточенности. Во Второй мировой войне с обеих сторон принципиально большую роль играл идеологический момент. Однако, господствовавший в советской пропаганде классовый подход и сформированный на его основе стереотип немецкого пролетария – друга страны Советов, который повернет штыки против своего правительства сразу же после начала войны, а также образ собственной непобедимости, представления о доблестной Красной Армии, которая будет бить врага на чужой территории, мгновенно рухнули в первые же дни столкновения с фашистской Германией. Уже на бытовом уровне на начальном этапе войны у советских людей неумолимо складывался образ обезличенной военной машины, победоносно проехавшейся по всей Европе и вот теперь утюжившей гусеницами танков огромные пространства нашей страны. Образ врага-машины, хорошо отлаженного военного механизма (особенно учитывая техническую оснащенность и организованность немецкой армии), сохранялся до конца войны. Однако он очень быстро был дополнен образом врага-зверя. Причем этот образ формировался как «сверху», на уровне пропаганды (в терминах «фашистский зверь», «фашистская гадина» и т.п.), так и «снизу», на бытовом уровне, исходя из личного опыта людей, оказавшихся на оккупированной территории, в плену, в действующей армии, наблюдавших или испытавших в прямом смысле зверства фашистских захватчиков. И на уровне пропаганды, и на личностно-бытовом уровне понятие «немец» было отождествлено с понятием «фашист», а понятие «фашист» было равно понятию «зверь».

Степень горя и страданий, принесенных врагом нашему народу в ходе Великой Отечественной войны, была неизмеримо выше, чем в Первую мировую. Поэтому эволюция в сторону чисто человеческого восприятия противника происходила значительно медленнее и труднее, оценки его на личностно-бытовом уровне хотя и были в обоих случаях негативными, но в Первую мировую войну менее эмоционально окрашенными, более нейтральными, часто даже беззлобными и просто ироничными, тогда как в Великую Отечественную войну преобладало личностно-эмоциональное, жестко враждебное отношение, с доминированием чувства ненависти и полного неприятия. Вот, например, оценка врага в письме прапорщика А.Н.Жиглинского от 22.06.1916 г.: «Окопы немцев

очень тщательно отделаны – стенки даже бетонированы. Вообще все укрепления рассчитаны на долгое сидение – то-то они так отчаянно дрались. Артиллерия у них, если не меньше, чем у нас, то снарядов меньше и качество их хуже, чем наших. Когда немцам приходится плохо, то они начинают очень неважно стрелять – пускают таких «журавлей» – слишком высокие разрывы шрапнелей, не причиняющие вреда, не наносящие ущерба своими пулями и осколками»⁵⁹. Это довольно типичное высказывание в адрес противника содержит оценку скорее в негативно-ироническом, даже снисходительном духе. Заместитель политрука Ю.И.Каминский более категоричен, враждебен и беспощаден в своей характеристике: «Перед нами опытный и матерый враг – есть и эсэсовцы, и прочая сволочь, – пишет он 29.04.1942 г. брату. – Они здесь сильно зарылись в землю и укрепились, надеясь отсидеться. Вообще эти немцы – сволочный народ. Когда мы заняли этот пункт (а они и здесь солидно окопались, понастроили ДЗОТов и блиндажей и т.д.), то не нашли ни одного убитого немца. Все были очень огорчены. Но теперь выяснилось, что они взрывом сделали большой котлован, свалили туда, как собак, всех своих покойников и кое-как засыпали глыбами земли и снегом. Сколько их тут гниет и сколько таких “могил” – бог знает. Обстреливают они нас постоянно, но толку от их огня мало»⁶⁰. Казалось бы, оба офицера говорят почти об одинаковых ситуациях и поведении противника. Однако, насколько во втором случае сильнее элемент эмоционального его отторжения, личностного неприятия. Причем, чувствуется явная пристрастность в оценке, в общем-то, заурядных фактов военного быта, которые, если разобраться, по человеческим меркам вовсе не характеризуют противника негативно: немцы тщательно готовили оборонительные позиции, и даже отступая, вероятно, после ожесточенных боев и в спешке (ведь выбили их с укрепленных позиций), сумели похоронить всех своих убитых, – да, в общем котловане, что в боевых условиях было обычной практикой и у нас носило «облагороженное» название «братские могилы», только вот сотни тысяч непогребенных и через полвека советских солдат говорят не в нашу пользу. Данное свидетельство интересно именно эмоциональной пристрастностью, мешающей автору письма из-за своей ненависти оценить противника объективно. И это далеко не самая жесткая оценка врага, которая давалась в письмах советских людей в годы Великой Отечественной.

Даже когда официальная советская пропаганда, руководствуясь сугубо политической и военной целесообразностью при вступлении на вражескую территорию, попыталась разорвать эту жесткую связку «фашист-немец-зверь», сделать это на бытовом личностном уровне оказалось чрезвычайно сложно. Фашистского зверя нужно было «добить в его собственном логове». Так призывал советский вождь свой народ, так призывали командиры и политработники шедших в атаку бойцов, для которых Германия, немец были синонимами «фашистского зверя».

Не случайно и после войны в народном сознании еще очень долго сохранялось это тождество. Немцы были «фашисты», а фашисты значило «немцы». Это чувство зачастую распространялось даже на российских немцев, тем более, что сама власть репрессиями против немецких этнических групп, отправкой их на спецпоселения из родных мест давала для этого повод. И в этом тоже существенное отличие Второй мировой войны от Первой, в ходе которой, тем не менее, также имели место антинемецкие настроения и репрессивные акции государства (высылки из прифронтовой полосы, погромы и т.п.). Это отношение теперь было гораздо более враждебным, стойким и длительным, причем не только в самой России, но и за рубежом.

«Известно, что уже через десять лет после окончания Первой мировой войны в Европе регулярно проводились встречи ветеранов этой войны, – отмечает Р.А.Медведев. – Бывшие противники встречались, вспоминали боевые эпизоды. Случаи братания, когда солдаты переставали стрелять друг в друга и выходили из окопов, игнорируя окрики офицеров, случались не только на русско-германском фронте. Вторая мировая война не знает таких случаев»⁶¹. Ни о каких случаях братания во Второй мировой войне не могло быть и речи: слишком велик был накал ненависти с обеих сторон. Ни с «машиной», ни

со «зверем» не братаются. Восприятие фашистского врага как человека проявлялось, быть может, только в очень редкие минуты победного торжества. Да и то современниками это воспринималось как нечто парадоксальное. «Многие из нас уже научились говорить по-немецки и многие немцы уже кое-как лепечут по-русски, – писал своим родным 2 мая 1945 г. подполковник П.М.Себелев. – Самый последний парадокс: пишу это письмо и в окно вижу, как наш и немецкий солдаты поочередно с горлышка бутылки пьют шнапс, размахивают руками и о чем-то говорят. Удивительно! Вам трудно представить себе это наше торжество, которое сейчас происходит в Берлине»⁶².

Конечно, в ходе пребывания советских оккупационных войск в Германии после войны менялось отношение к гражданскому населению, хотя достаточно быстро личный состав этих войск был сменен (в значительной степени) молодым пополнением, в боевых действиях не участвовавшим. Постепенно смягчалось и отношение к немецким пленным, несколько лет находившимся в советских лагерях. Это отмечают и сами немцы. Например, в комментариях документальной экспозиции г.Берлина «Война Германии против Советского Союза 1941-1945» к 50-летию со дня нападения Германии на СССР говорится: «Несмотря на высокую смертность, обращение с немецкими военнопленными не строилось ни на стратегии их уничтожения, ни на беспощадной эксплуатации их труда... Тяжелые условия, в которых находились немецкие военнопленные, определялись в немалой степени убытками, причиненными стране войной»⁶³. В дальнейшем на отношение к немцам влияла и установка на создание демократического, а затем и социалистического союзного немецкого государства.

Однако, различие в восприятии немцев после двух мировых войн у русского народа оставалось весьма существенным: после Первой мировой недавнего противника вскоре уже не рассматривали в прежнем качестве, а после Второй враждебные чувства, неприязнь к немцам во многом сохранились в сознании нескольких поколений. И прошел ряд десятилетий, прежде чем отношение к ним стало более или менее нейтральным. Весьма точно отражает его эволюцию ответ в ходе социологического опроса молодого респондента, чей отец три года воевал на советско-германском фронте: «Тот факт, что в первой половине века наша страна дважды воевала с Германией, наложил на сознание всех советских людей определенный отпечаток. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что Вторая мировая война прочно заслонила в сознании большинства молодых людей Первую, которая началась еще до революции... Последняя война в большей или меньшей степени коснулась всех, и послевоенные поколения – это дети и внуки погибших или воевавших в этой войне. Поэтому отношение к ней – плод не только приехавшей государственной пропаганды, но и семейного воспитания. Думаю, что если у старшего поколения здесь действуют не только разум, но и эмоции, то у молодежи эмоций меньше, и она винит в ужасах войны не немцев, а фашизм...»⁶⁴

Итак, в войне психологическая антитеза «свой-чужой» реализуется в крайних негативных формах, переходящих в эмоциональную враждебность и полное неприятие представителя иного государства, этноса, носителя иной культуры. Степень этого отторжения бывает весьма различной. Вторая мировая война как раз и отличается от Первой мировой доведением такого отторжения до высшей степени, переходящей в принципиально иное качество. Понятие «чужой» переходило из качества чего-то инородного, но по-человечески понятного и вполне достойного нормальных чувств, в полную противоположность «своему», в нечто, находящееся за пределами норм человеческих отношений. Образ «врага-зверя» надолго стал той призмой, через которую в российском народном сознании воспринималась не только германская армия, но и немецкая нация в целом. В российской истории со всеми ее многочисленными войнами, тем не менее, существует, пожалуй, только одна подобная аналогия – двухвековое монголо-татарское иго и соответствующее отношение на Руси к татарам, для преодоления которого, причем далеко не полного, потребовались столетия. Тот же эффект национально-культурного отторжения немцев был достигнут всего за четыре года Великой Отечественной войны, отзвуки которой и по сей день еще слышны в сознании наших соотечественников.

Глава III

ОБРАЗ ВРАГА В ЛОКАЛЬНЫХ И МИРОВЫХ ВОЙНАХ

Япония как противник России в войнах XX века

Русско-японская война 1904-1905 гг.

Значение исследований в области психологии взаимовосприятия народов, социумов, культур не ограничивается собственно наукой. Стереотипы восприятия имеют не только культурологическое, но и прагматическое значение, в том числе в такой важной области, как внешняя политика. В частности, они существенно влияют на важные политические решения и даже могут в значительной степени предопределять исход войны. В качестве примера, подтверждающего этот вывод, может служить русско-японская война.

В начале XX века расстановка сил и интересов в Китае, Маньчжурии и Корее сложилась таким образом, что всему миру было ясно: Россия и Япония стоят накануне войны. Осенью 1903 г. русский посланник в Токио барон Розен отмечал, что «войны с нами жаждет весь японский народ, пожертвования текут со всех сторон, принесено столько жертв, что война неизбежна»¹. К 1904 г. на Дальнем Востоке японцы имели следующее численное превосходство над русской армией и флотом: в живой силе – в 3 раза, в артиллерии – в 8 раз, в пулеметах – в 18 раз, в кораблях – в 1,3 раза². Японские войска проводили постоянные маневры, носившие характер демонстрации, и явно готовились к боевым действиям. После одного из таких учений, где присутствовал представитель русской армии полковник барон Таубе, на банкете к нему подошел японский майор и, чокнувшись, барон сказал: «Сейчас я пью ваше здоровье, но скоро и очень скоро уже не буду пить за него, а буду ... рубить вас...»³.

Глаза его сверкнули и он схватился за эфес»³. В связи со сложившейся обстановкой, 2 октября 1903 г. наместником Российского Императора на Дальнем Востоке адмиралом Е.И.Алексеевым была направлена секретная депеша в Петербург о необходимости немедленно объявить войну и нанести удар первыми, дабы предупредить подобный шаг со стороны японцев. Однако ответом на нее стала телеграмма, смысл которой заключался в том, что «Государь император не допускает возможности Великой России объявить войну маленькой Японии»⁴.

В Европейской России явно не разбирались в стратегической обстановке на Дальнем Востоке, к тому же так называемая «русская общественность», утверждая, что «война не встретит сочувствия в широких кругах населения», оказывала упорное давление на правительство, призывая «не бряцать оружием», чтобы не давать японцам повода объявить нам войну»⁵.

А обстановка продолжала накаляться. В январе 1904 г., понимая, что война начнется в самое ближайшее время, адмирал Е.И.Алексеев обратился к царю с просьбой объявить мобилизацию на Дальнем Востоке. 12 января Николай II разрешил перевести на военное положение крепости Порт-Артур и Владивосток, но начать общую мобилизацию запретил, вновь заявив о том, что «желательно, чтобы японцы, а не мы открыли военные действия»⁶.

Утром 25 января Алексеев получил телеграмму о разрыве дипломатических отношений с Японией (командиры японского флота узнали об этом на два дня раньше!), а 26 января японская эскадра атаковала русский крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец», стоявшие на рейде в Сеуле для охраны русской дипломатической миссии. Отвергнув предложение неприятеля сдаться, русские моряки приняли неравный бой, а когда стало ясно, что прорваться и уйти к своим невозможно, офицеры приняли решение свезти личный состав на берег, а корабли затопить⁷. Несколькими часами позже, в ночь на 27 января, японские миноносцы внезапно напали на русскую эскадру на внешнем рейде у Порт-Артура. Так началась эта полутороговая, неудачная для России, завершившаяся позорным Портсмутским миром и первой русской революцией, трагическая по своим последствиям война.

Что же произошло? Почему Россия оказалась неподготовлена к ней? И какую роль сыграли здесь психологические факторы, в частности, формирование образа врага?

Безусловно, особое место в этом процессе занимал «изначальный», сформированный еще в мирной жизни стереотип восприятия Японии и японцев как противника, представлявшего этнически, культурно, религиозно чуждую, «иную» цивилизацию. Нужно учитывать, что эти стереотипы формировались у определенного субъекта восприятия, а именно: у людей, принадлежавших к специфической российской цивилизации, преимущественно восточных европейцев-славян, православных по вероисповеданию и культуре. Эти штампы восприятия сводились в основном к нескольким обобщенным представлениям о японцах как «азиатах», язычниках, а значит, не просто «других», но еще и отсталых, «дикарях», варварах.

Не случайно все эти негативные штампы, во время войны многократно усиленные естественной враждебностью по отношению к противнику, к тому же вероломно нападшему (как «азиаты»!), находили отражение как в публично выражаемых, так и в частных оценках в пренебрежительной и даже оскорбительной форме. Причем оценки эти делались людьми самого разного общественного положения и культурного уровня и нашли отражение в политических документах, в письмах, дневниках, воспоминаниях, художественной литературе и даже в фольклоре.

Как к «макакам» относился к японцам и сам император Николай II, ненависть которого была вызвана, в частности, тем, что, еще будучи наследником престола, он посетил Японию, где подвергся нападению фанатика и был ранен мечом в голову. Как к «макакам» относилось к ним и следовавшее за императором «высшее общество», и генералитет, и офицерство, и даже солдатская масса. Естественно, армия заимствовала это отношение у «гражданского» общества.

В «высшем обществе» на восприятие японцев оказывала влияние еще и принадлежность к основным политическим группировкам. Их было две. Одна из них, заинтересованная в колониальной экспансии России в Корею и Маньчжурию и, соответственно, в выведении из игры основного конкурента, которым была Япония, выступала за решительные «инициативные» действия, за агрессивный курс на Дальнем Востоке. Эта группировка получила название «безобразовской клики» (по имени члена особого комитета по делам Дальнего Востока А.М.Безобразова). В ее состав входили лица весьма влиятельные: великий князь Александр Михайлович, контр-адмирал А.М.Абаза, М.В.Родзянко, И.И.Воронцов, В.К.Плеве и др.⁸

Позицию этой группировки, в которой как раз и отразилось неадекватно стереотипное, пренебрежительное отношение к потенциальному противнику, наиболее рельефно обозначил министр внутренних дел и шеф жандармов В.К.Плеве. «Поверьте мне, – заявлял он, – что нам маленькая победоносная война необходима, иначе нам внутри России будет грозить беда»⁹. Войну с Японией он представлял только так: как «маленькую» и обязательно «победоносную».

Более адекватен в своих оценках был принадлежавший к той же группировке адмирал Е.И.Алексеев – наместник императора на Дальнем Востоке. Он приходил к тому же выводу о необходимости первыми начать войну против Японии, но исходя из совершенно иных посылок: адмирал был хорошо осведомлен о действительной обстановке в этом регионе и реальной силе японцев, а также о фактической неизбежности войны и готовности противника напасть первым. Не случайно именно он был одним из немногих, кто настаивал на серьезной подготовке к войне.

К противоположной группировке принадлежал генерал А.Н.Куропаткин. В начале осени 1903 г. он посетил Страну Восходящего Солнца, после чего уверял всех в неподготовленности японцев к войне, при этом их вооруженные силы недооценивались до такой степени, что вступление Японии в борьбу с «русским колоссом» считалось невероятным¹⁰. Согласно его собственным дневниковым записям, на обеде у императрицы, куда он был приглашен, разговор зашел о военном положении России. Куропаткин заметил, что «оно далеко не блестяще, нет денег, все поглощает Дальний Восток, в чем большая ошибка», и призывал все внимание обратить на Запад, где «зреет главная опасность». Александра Федоровна не соглашалась, заявляя, что именно на Востоке «может вспыхнуть война, и мы должны быть сильны», что до Европейской войны в ближайшие несколько лет не допустят, и что «сейчас страшна желтая раса». Не сумев выиграть этот спор, Куропаткин записал в дневнике: «Буду бороться, дабы увлечение Дальним Востоком не принесло России вреда...»¹¹

И именно этот человек, не сумевший разглядеть угрозы со стороны Японии, впоследствии, с началом войны, станет командующим Маньчжурской армией, а с 13 октября 1904 г. по 3 марта 1905 г. – главнокомандующим вооруженными силами на Дальнем Востоке. Лишь после поражения под Мукденом он будет смещен и назначен вновь командовать армией.

Неадекватные оценки потенциального противника накануне войны привели к тому, что вооруженные силы России на Дальнем Востоке в несколько раз уступали по численности японским. Так, в октябре 1903 г. на все требования Штаба Квантунской армии, в столь тревожной обстановке располагавшей в Квантуне всего двадцатью тысячами войск, прислать подкрепления, Главный Штаб отвечал, что «при исчислении сил нужно исходить из отношения, что один русский солдат соответствует четырем японским»¹².

Да и сам Николай II, который еще летом 1903 г. в беседе с германским морским министром адмиралом Тирпицем, убеждавшим его от имени своего императора «принять спешные меры к усилению вооруженных сил на Востоке», утверждал, что «ненавидит японцев, не верит ни одному их слову и отлично сознает всю серьезность положения»¹³, до последнего момента продолжал верить в то, что «макаки» напасть не посмеют.

Такие же пренебрежительно-беспечные настроения существовали и в армии, причем, на восприятие противника оказывало влияние и ее состояние. По записанному в дневнике 21 июля 1904 г. свидетельству дивизионного врача В.П.Кравкова, в русской армии вовсю процветали «интрига, несогласие среди начальствующих лиц, коими назначаются люди не по достоинству, а по протекции и влиянию тетенек, маменек и всех прочих... Хаос в командной части – невероятный... Единодушное мнение компетентных лиц, что война нами ведется преотвратительно и начата без надлежащей организации обоза, снаряжения и проч.»¹⁴

Эта беспечность, проявившаяся не только перед войной, но и в самом ее ходе, во многом определялась инертностью стереотипа восприятия Японии как противника, заведомо неполноценного и слабого. Недооценка врага отразилась не только на складывании неблагоприятного для России фактического соотношения сил (в живой силе и технике), но и в недостаточном внимании к качеству комплектования личного состава и к назначению командных кадров.

Вскоре после начала военных действий в действующей армии настолько распространились настроения недовольства командованием, что пришлось принимать специальные, порой даже комичные меры. Например, в дневнике В.П.Кравкова содержится такая запись: «Развешаны всюду (на станциях и других местах) плакаты, строго воспрещающие публичную критику действий начальствующих лиц под угрозой больших наказаний»¹⁵.

Как же происходила эволюция восприятия противника в ходе войны? Внесло ли непосредственное соприкосновение с ним (а значит, и приобретение конкретного опыта) какие-либо коррективы в это восприятие?

Это можно проследить даже на материалах дневника уже упомянутого офицера-врача В.П.Кравкова, награжденного в период русско-японской войны тремя орденами, в том числе двумя – за бои под Лаояном.

Его оценки неприятеля довольно противоречивы. То он отзывается о нем вполне уважительно: «Нужно, говорят, ожидать со стороны японцев ночных внезапных движений, преимущественно обходных, до чего они большие охотники и ловкие артисты» (14 июля 1904 г.). То высказывается более чем непочтительно: «Мечтаем иногда о таком шахматном ходе с нашей стороны: Балтийская эскадра прямо пойдет в Японию для десанта – тогда мат косоглазым макакам!» (18 июля 1904 г.)¹⁶ Так стереотип общественного сознания накладывается на сознание индивидуальное, причем такое пренебрежительно-презрительное отношение проскальзывает даже в оценках людей весьма культурных и стремящихся (и способных!) быть объективными.

Однако с течением времени, по мере непосредственного приобретения знания о противнике, довоенные стереотипы все больше сменяются трезвой и объективной оценкой. Хотя, конечно, отношение к японцам как к врагу на этой оценке сказывается.

Описывая сражение под Лаояном (11-21 августа 1904 г.), В.П.Кравков упоминает о настроении раненых, доставленных в лазарет 19 августа, в трагическом финале битвы: «Солдаты осатанели от страха. С дрожью в теле и с изображавшими сплошной ужас и отчаяние лицами они, друг друга нервируя, рассказывали в чудовищной окраске о силе и ловкости японцев, которые осыпали нас снарядами, направляя на нас какие-то ослепительные огни, искусно обходили нас, предупреждая наш каждый против них замысел, морочили нас разными командными окриками на русском языке и проч.»¹⁷

На следующий день, 20 августа, в лазарет, все время находившийся на линии огня, доставили пленного. Вот как пишет об этом русский врач, еще недавно называвший японцев «косоглазыми макаками»: «Всего раненых с утра перевязано более 200 человек. Среди них был один тяжелораненый японский солдат, очевидно сильно, но терпеливо страдавший от боли. На умном, интеллигентном лице его я прочитал как бы ожидание беспомощно лежащего человека, что его здесь могут совсем добить. Мне было его невыразимо жаль, и я не удержался высказать ему, как мог, сострадание. Он меня понял и на мое к нему внимание ответил с признательностью кивком головы, сделавши даже тщетную попытку поднять свою раненую руку для отдания мне чести»¹⁸. Там, где люди равны перед страданиями и смертью, нет места политике: личностные, человеческие отношения выходят на первый план.

Еще больше вынуждены были корректировать свои стереотипные оценки солдаты и офицеры, непосредственно участвовавшие в боевых действиях и соприкасавшиеся в бою с неприятелем. Участник обороны Порт-Артура полковник П.В.Ефимович так описывает в своих воспоминаниях штурм крепости: «Первые дни японцы наступали густыми колоннами, думая массой задавить защитников крепости. Строгая дисциплина, суровый военный закон, фанатизм и личная доблесть японцев приводили к тому, что японские батальоны, неся невероятные потери, все же доходили до цели своих атак, хотя бы в составе нескольких человек и схватывались с нашими в штывки»¹⁹.

Он же вспоминает одну из характеризующих неприятеля деталей штурма. В начале осады японцы обстреливали русские военные госпитали, расположенные в Порт-Артуре. Два из них были полностью разрушены, погибли раненые и медперсонал. Представитель Русского Красного Креста Балашов отправился к противнику парламентаром и заявил протест. Ему ответили, что госпитали попадают под обстрел случайно, так как расположены возле объектов, имеющих для японцев стратегическое значение, и предложили сосредоточить их все в одном районе. После того, как больных перевели в бывшие казармы и водрузили над ними флаг Красного Креста, ни один японский снаряд не был туда выпущен²⁰.

Другой защитник крепости, командир батареи Б.И.Бок рассказывает о джентльменском поведении неприятеля при сдаче Порт-Артура. Сначала, описывая настроение русских войск в этот трагический момент, он вспоминает эпизод времен японо-китайской войны, когда ворвавшиеся в тот же Артур японцы перерезали всех китайцев до последнего. Поэтому и русские в Порт-Артуре почти не надеялись остаться в живых. Но условия сдачи оказались на удивление почетными: офицерам оставлялось оружие и предлагалось под честное слово – не воевать больше с Японией – возвратиться на Родину, а тем, кто желал разделить участь своих экипажей, разрешалось идти в плен²¹. Поразило мемуариста и другое: пока в городе оставались уже плененные русские войска, над Золотой Горой развевался Андреевский флаг. «Японцы показали себя очень тактичными и заменили его своим флагом только тогда, когда последний эшелон скрылся из виду... Это был со стороны неприятеля рыцарский поступок, так же, как и вхождение их войск лишь после выхода последнего эшелона пленных»²².

Среди офицеров, не пожелавших расстаться со своей командой и добровольно отправившихся в плен, был и будущий контр-адмирал Б.И.Дудоров. Он вспоминает тяжелый пеший переход колонны военнопленных от Порт-Артура до Дальнего и удивительный случай во время привала. «Приближалась полночь, – пишет он. – Кажется, никто из нас не вспомнил, что это был канун Нового года по старому стилю. Вдруг из темноты ночи раздался шум подъезжающих повозок и вышедший в свет костров с фонарем японский переводчик на ломаном русском языке спросил: “Где здесь русские морские офицеры?” Мы откликнулись. “Японские морские офицеры поздравляют русских морских офицеров с их Новым годом и прислали им подарки”, низко кланяясь, торжественно объявил он. Удивленные, мы обступили повозки. Обе они были наполнены небольшими бутылочками. Виски, коньяк, всевозможные европейские крепкие напитки быстро разошлись по рукам. Кто-то из старших передал через доставившего их переводчика нашу благодарность за внимание и подарки и повозки скрылись в темноте... Вино согривало прозябшие тела, но еще теплее стало в наших сердцах. Другими, подумавшими о нас, оказались те самые враги, с которыми не на жизнь, а на смерть только что боролись мы весь прошедший год»²³, – так закончил моряк свой необычный рассказ.

Таким образом, воспринимавшиеся на расстоянии как «макаки» представители другой, непонятной европейцу культуры, при непосредственном соприкосновении оказались людьми вполне цивилизованными, да еще и способными на благородные поступки. В официальных сообщениях японской Главной Квартиры

родные поступки. В официальных сообщениях японской Главной Квартиры постоянно встречались фразы: «Тела убитых русских воинов погребены со всеми почестями», «Русские офицеры преданы земле с отданием особых почестей». Признавая доблесть своего противника, японцы говорили защитникам Порт-Артура: «Нет никого лучше нас в атаке, нет никого выше вас в обороне. Если бы мы соединились, то завоевали бы весь мир!» А один из русских полков, храбро дравшийся при Сандепу и Мукдене, получил георгиевское знамя по представлению ... неприятельского главнокомандующего! О его награждении просил русского императора японский маршал Ойяма²⁴. Но вот характерная деталь: ведя себя вполне по-рыцарски в отношении европейцев-русских, японцы проявляли поистине варварскую «азиатскую» жестокость по отношению к «своим» – представителям «желтой» расы – китайцам, в том числе хладнокровно рубили им, пленным, головы в нарушение Гаагской конвенции, которую сами же подписали.

Что же в это время происходило в тылу, в «гражданском» обществе? Несомненно, что неудачи русской армии, сведения о мужестве солдат неприятеля и его военных успехах на фоне очевидной бездарности собственных полководцев, заставили русское общество уважительнее относиться к противнику. Естественно, на это отношение наложились чувства горечи от поражений русских войск, которые неоднократно проявляли массовый героизм и стойкость, а также стыд за позорные провалы операций, допущенные командованием. Безусловно, все это отразилось на общем умонастроении российского общества. Существовавшая в нем уверенность в непобедимости русского оружия была жестоким образом обманута. Разочарование и горечь оказались еще сильнее от того, что поражение было нанесено маленькой и «отсталой» азиатской страной. Причем, наряду с героизмом, русская армия узнала и позор, последовавший от некомпетентности военачальников, а иногда и прямого предательства. Вот как вспоминает эту атмосферу С.Е.Трубецкой, бывший в 1905 г. четырнадцатилетним мальчиком: «Еще куда тяжелее, чем поражения, переживались мною ... сдача Порт-Артура и эскадры адмирала Небогатова. Душевные раны от военных поражений в конце концов затягиваются и заживают; память о героизме и позоре навсегда остается живой: она возвышает душу или невыносимо жжет ее...»²⁵

Двойственность отношения к японцам в русском обществе во время войны нашла отражение не только в источниках личного происхождения (письмах, дневниках, воспоминаниях), но и в художественных произведениях. В данном случае их тоже можно рассматривать как источник для изучения общественного сознания. Одним из ярких примеров этого является рассказ А.И.Куприна «Штабс-капитан Рыбников», созданный непосредственно по горячим следам событий, в 1905 году, а потому весьма психологически достоверный. В нем описывается, как журналист Щавинский пытается спровоцировать разоблаченного им шпиона то восторженными отзывами о мужестве неприятеля, то презрительными высказываниями о Японии и японцах. В первом случае он упоминает примеры «чертовской храбрости и презрения к смерти», проявленные вражескими офицерами в бою, и особенно восхищается «подписями самураев», когда генерал Ноги вызвал добровольцев идти в передовой колонне на ночной штурм Порт Артура, и целый отряд выразил желание принять как награду столь почетную смерть. При этом каждый написал прошение удостоить его этой чести, а самурай, согласно древнему обычаю, приложили к своей подписи отрубленный палец²⁶. Во втором случае тот же персонаж Куприна заявляет, что «японец – азиат, получеловек, полуобезьяна», «одним словом – макаки», и причина побед Японии над Россией – вовсе не культура или политическая молодость, а героический припадок, приступ бешенства, после которого неизбежно наступит бессилие и маразм²⁷.

Эта двойственность восприятия весьма характерна для европейца, столкнувшегося с загадочными традициями и чуждым менталитетом Востока: здесь и не-

вольное восхищение утонченной древней культурой, и страх перед непредсказуемостью «дикарей», и стыд за поражение своей «цивилизованной» страны, которое она потерпела от «варваров».

Психологическая точность отраженного в рассказе А.И.Куприна восприятия японцев русским обществом в ходе войны подтверждается и другим литературным примером, в котором показаны также приемы и методы антияпонской военной пропаганды.

В повести «Белеет парус одинокий» в художественную форму облечены собственные детские впечатления Валентина Катаева. Его юные герои рассматривают «разноцветные лубочные литографии патриотического содержания, главным образом морские сражения». Как же воспринимают Петя и Мотя эти пропагандистские шедевры? Как отражается на детской психологии то, что их страна находится в состоянии войны?

«Узкие лучи прожекторов пересекали по всем направлениям темно-синее липкое небо. Падали сломанные мачты с японскими флагами. Из острых волн вылетали белые фонтанчики взрывов. В воздухе звездами лопались шимозы.

Здрав острый нос, тонул японский крейсер, весь охваченный желто-красным пламенем пожара. В кипящую воду сыпались маленькие желтолицые человечки.

– Япончики! – шептала восхищенная девочка, ползая на коленях возле картины.

– Не япончики, а япошки, – строго поправил Петя, знавший толк в политике»²⁸.

Как мы видим, восьмилетний мальчик успел научиться от взрослых надменно-презрительному отношению к врагу. Но ему не приходит в голову, что все изображенное на рисунках, мягко говоря, не соответствует действительности. А ведь это август 1905 года – и Россия войну уже проиграла.

Далее В.Катаев описывает содержание остальных творений лубковой пропаганды:

«На другой картине лихой казак, с красными лампасами, в черной папахе набекрень, только что отрубил нос высунувшемуся из-за сопки японцу. Из японца была дугой толстая струя крови. А курносый оранжевый нос с двумя черными ноздрями валялся на сопке совершенно отдельно, вызывая в детях неудержимый смех.

– Не суйся, не суйся! – кричал Петя, хохоча, и хлопал ладонями по теплой сухой земле, испятнанной известковыми звездами домашней птицы.

...Третья картина изображала того же казака и ту же сопку. Теперь из-за нее виднелись гетры удирающего японца. Внизу было написано:

*Генерал японский Ноги,
Батюшки,
Чуть унес от русских ноги,
Матушки!*

– Не совайся, не совайся! – заливалась Мотя, прижимаясь доверчиво к Пете. – Правда, пускай тоже не совается!»²⁹

Ну чем не «Окна РОСТА» или карикатуры Кукрыниксов, только времен русско-японской войны?

Кстати, столь комично изображенный и частушечно высмеянный японский генерал (впоследствии маршал) Марязуке Китен Ноги вошел в историю под именем «последнего самурая». Потомок древней самурайской фамилии, он командовал 3-й японской армией, осаждавшей Порт-Артур. Во время одного из многочисленных штурмов погибли два его сына, а сам он жил на войне как простой солдат. Верный слуга императора Мутсихито, он после смерти своего государя в 1912 г.,

согласно самурайской традиции, сделал себе харакири. У себя на Родине он признан национальным героем³⁰.

Итак, в русско-японской войне 1904-1905 гг. проявились как универсальные закономерности восприятия представителей иной культуры и даже цивилизации (азиатов-японцев европейцами-русскими), так и специфика, обусловленная историческим временем, ситуацией, обстоятельствами вооруженного конфликта. На это восприятие, безусловно, наложились устойчивые стереотипы: европейский миф о «диких азиатах», об отсталости и неполноценности «желтой расы», ее варварстве, природном коварстве и жестокости. Казалось бы, кровавая, неудачная для России война, да еще действительно «коварно», без традиционных европейских ритуалов начатая Японией, должна была только подкреплять эти психологические (и отчасти политические) штампы. Однако война парадоксальным образом способствовала их разрушению. Она привела в непосредственное массовое соприкосновение представителей двух народов в разнообразных экстремальных обстоятельствах, позволив им посмотреть друг на друга без идеологических «фильтров» – в рукопашной схватке, во время переговоров, на госпитальной койке, в плену и т.д. Чувства естественной вражды к неприятелю при этом дополнялись вполне трезвыми и объективными оценками на основе накапливаемого личного и коллективного опыта.

Сложнее этот процесс протекал в русском тылу, куда информация поступала с запозданием и искажением, как правило, преобразованная средствами пропаганды, преломленная в слухах и домыслах, и т.д. То есть идеологический (и культурологический) «фильтр» здесь не только действовал сильнее, чем на фронте, но зачастую оказывался определяющим. Таким образом, существенно повлияв на сознание русского общества, в том числе на его отношение к Востоку (оказывается, «дикие азиаты» способны победить цивилизованную Европу!), русско-японская война, тем не менее, не смогла полностью разрушить довоенные стереотипы. При этом в основном уцелела не только «модель» (образ), но и сохранились прежние механизмы восприятия.

Хасан и Халхин-Гол

23 августа (5 сентября по новому стилю) 1905 г. в Портсмуте (США) был подписан мирный договор. Россия признала Корею сферой влияния Японии, уступила ей южную часть Сахалина, права на Ляондунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним, Южно-Маньчжурскую железную дорогу³¹. Так завершилась русско-японская война.

Но противостояние на этом не закончилось. Япония просто выжидала благоприятного момента, чтобы отторгнуть у России Дальний Восток. Так, во время Гражданской войны и интервенции в 1918-1922 гг. японцы оккупировали Приамурье, Приморье, Забайкалье и Северный Сахалин, заняли Владивосток. На этих направлениях было сосредоточено более половины имевшихся тогда у Японии войск, то есть 11 дивизий из 21. Численность японских интервентов намного превосходила силы западных держав, высадившихся на Дальнем Востоке. Это объяснялось решимостью японского правительства «пойти на любые жертвы, только бы не опоздать к дележу территории России, которое произойдет после вмешательства США, Англии и Франции»³².

В 1925 г. между Советским Союзом и Японией были установлены дипломатические отношения, советское правительство признало Портсмутский мирный договор и добросовестно его выполняло. Что касается Японии, то она, разрабатывая планы новой войны, в нарушение условий договора, в 1929 г. поддерживала нападения «белокитайцев» на Китайскую восточную железную дорогу, а в 1931 г. оккупировала Маньчжурию, лишив СССР возможности нормально

купировала Маньчжурию, лишив СССР возможности нормально эксплуатировать КВЖД. На границе наращивалось японское военное присутствие, организовывались учения, постоянно устраивались провокации, попытки проникновения на советскую территорию. Япония явно готовилась к крупномасштабной агрессии. В ее долгосрочные планы входил захват всего Дальнего Востока. Но вначале требовалась «проба сил». Местом для нее было избрано советское Приморье.

20 июля 1938 г. японский посол в Москве предъявил Советскому правительству требование об отводе советских войск к западу от озера Хасан и передачи Японии сопки Заозерная, якобы принадлежащей территории Маньчжоу-Го. В ноте Советского правительства от 22 июля эти требования отклонялись как ничем не обоснованные. В тот же день кабинет министров Японии утвердил план нападения на СССР в районе озера Хасан. Его ближайшей целью было отторгнуть у Советского Союза стратегически важные высоты, расположенные в 10 км от побережья Тихого океана, откуда можно было держать под постоянным наблюдением и прямым артиллерийским огнем участок советской территории к югу и западу от залива Посыета, угрожать всему побережью в направлении на Владивосток³³.

Вторжение началось 29 июля, когда отряд японцев численностью до роты атаковал пограничный наряд из одиннадцати человек на сопке Безымянная. Подоспевшее на помощь подкрепление сумело отбросить противника. Но 30 и 31 июля нападение повторилось более крупными силами. Японцам удалось потеснить советские части и продвинуться вглубь нашей территории до четырех километров.

Советское командование на Дальнем Востоке спешно сосредоточило в районе Хасана имевшиеся поблизости силы. На 2 августа была намечена общая атака захваченных японцами позиций. Но это наступление не принесло успеха. Советские части понесли большие потери.

Новый штурм начался 6 августа силами двух стрелковых дивизий и механизированной бригады при поддержке артиллерии и авиации. 9 августа после упорных боев советская территория была очищена от неприятеля, государственная граница полностью восстановлена. 10 августа японский посол в Москве запросил мира. На следующий день боевые действия были прекращены³⁴.

Хасанский «опыт» заставил японское правительство отложить «большую войну» против Советского Союза. Но теперь объектом агрессии оказалась Монголия. Ее захват позволил бы японцам выйти к границам СССР в районе Иркутска и озера Байкал, тем самым подготовив плацдарм для дальнейшего продвижения на Дальний Восток.

11 мая 1939 г. части Квантунской армии вторглись в пределы Монгольской Народной республики в районе реки Халхин-Гол, у поселка Номон-Хан-Бурд-Обо. Завязались кровопролитные бои. При этом «номон-ханский инцидент» выдавался японской стороной за пограничный конфликт, возникший из-за отсутствия четкой демаркационной линии.

Выполняя долг перед союзником, Советский Союз прислал на помощь монгольской армии свои войска. Командовал объединенной советско-монгольской группировкой комкор Г.К.Жуков. Боевые действия в районе Халхин-Гола продолжались с мая по сентябрь 1939 г. и завершились полным разгромом японцев.

Правительство Японии вынуждено было признать свое поражение. 15 сентября 1939 г. в Москве было подписано советско-японское соглашение о прекращении военных действий, а в июне 1940 г. государственная граница Монгольской Народной Республики была полностью восстановлена.

Следует отметить, что в советской историографии халхин-гольские события, как правило, скромно именуется «военным конфликтом». В то же время многие японские историки признают, что это был отнюдь не конфликт, а самая настоящая

локальная война, причем некоторые авторы называют ее «второй японско-русской войной» – по аналогии с войной 1904-1905 гг.³⁵

Каким же представлялся этот ставший уже традиционным противник в новых вооруженных конфликтах? Изменился ли образ врага в сознании теперь уже советских бойцов и командиров по сравнению с образом, сложившимся у солдат и офицеров дореволюционной армии? Да и сам неприятель – остался ли он прежним или приобрел новые, неотмеченные ранее черты?

Безусловно, за три десятилетия существенно меняется как субъект, так и объект восприятия. С одной стороны, это связано с изменениями внутри самих этих двух стран. При этом, если для Японии было характерно эволюционное развитие и преимущественно реализация и усиление тех тенденций, которые лишь обозначились в начале XX века, то для России эти десятилетия стали временем радикальных трансформаций: общественного строя, экономических механизмов, политической системы, социальной структуры, идеологии, и т.д. Геополитически это были, в основном, те же самые противники, но теперь, в отличие от начала века, императорской полубуржуазной-полуфеодальной милитаризовавшейся Японии противостоит не аналогичная по своим характеристикам самодержавная, полуфеодальная, хотя и более «модернизированная» Россия, а прошедшая через революционные потрясения страна, избравшая путь форсированной модернизации на основе обобществления собственности, плановой экономики и социальной уравнительности под руководством жесткой партийной диктатуры. Этот путь предполагал жесткий идеологический контроль власти над обществом, причем новая идеология радикально отличалась от дореволюционной и, безусловно, влияла на массовое сознание. Так что восприятие японцев преимущественно православным, монархически настроенным, происходившим из крестьян малограмотным русским солдатом в первой русско-японской войне, неизбежно должно было отличаться от восприятия в конце 1930-х гг. бойцом Красной Армии, хотя и вышедшим в основном из той же крестьянской среды, но уже имевшим иное мировоззрение. Этот боец уже, как правило, не был религиозен, имел начальное или неполное среднее образование, был лоялен к Советскому государству и в значительной мере воспринял основные идеологические постулаты новой власти. Среди последних, кстати, был и «пролетарский интернационализм», что в частности означало невозможность в пропагандистской работе изображать врага (японцев) как «мартышек», то есть акцентировать внимание на расовых признаках. Идеология была классовой, а союзники-монголы относились к той же расе, что и противники-японцы. Акцент как раз и делался на классовой ненависти – не к японскому народу, а к японским эксплуататорам-милитаристам, феодалам-самураям, во главе которых к тому же стоял император.

Следует отметить, что как субъект восприятия еще сильнее различался командный состав российских армий в этих двух войнах. Если в первой русско-японской войне офицерство происходило в основном из высшего дворянского сословия, то к концу 1930-х годов низшее и среднее командное звено Красной Армии происходило из той же рабоче-крестьянской массы, что и рядовой состав. Были близки они и по уровню образования и культуры, тогда как в 1904-1905 гг. офицерство культурно стояло неизмеримо выше.

Конечно, и Япония в эти десятилетия не стояла на месте. Прежде всего, выросли ее экономические и технические возможности, модернизировалась армия. Росли и политическое, и военно-стратегическое влияние Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Вместе с возможностями росли и политические амбиции и территориальные аппетиты имперского государства. Япония давно и последовательно проводила империалистическую, агрессивную политику. Она продолжала активно создавать обширную колониальную империю в Азии, претендуя в будущем на мировое господство³⁶. При этом в японском народе воспитывалось чувство

национальной исключительности, подкрепляемое легендами о божественном происхождении японской нации, о ее превосходстве над другими, широко пропагандировалась «паназиатская» доктрина: «Азия для азиатов» (читай – японцев), «Долой белых варваров!», «Великая Японская империя до Урала!» и т.п. Особо почитался культ войн: «Тот, кто идет воевать, того защищает бог!»³⁷

Что касается собственно армии, то в основу воспитания японского солдата был положен древний кодекс «Бусидо», воспевающий слепое повиновение и самопожертвование, по которому раньше воспитывались самураи. Он гласил:

«Пока ты жив, ты должен быть потрясен великим императорским милосердием. После смерти ты должен стать ангелом-хранителем японской империи. Тогда ты будешь окружен почетом в храме.

...На случай безвыходной обстановки обязательно оставь для себя одну пулю, чтобы покончить жизнь самоубийством. Ни в коем случае ты не должен сдаваться в плен.

...Рассуждающий воин не может принести пользы в бою. Путь воина лишь один – сражаться бешено, насмерть. Только идя этим путем, выполнишь свой долг перед владыкой и родителями.

...В сражении старайся быть впереди всех. Думай только о том, как преодолеть вражеские укрепления. Даже оставшись один, защищай свою позицию. Тотчас же найдется другой, чтобы образовать фронт вместе с тобой, и вас станет двое»³⁸.

Таким образом, японский солдат сознательно формировался как нерассуждающий инструмент агрессии, весьма эффективный в бою, презирающий смерть и абсолютно преданный своей стране, армии и ее командованию. Милитаристское сознание находило очень мощное религиозное подкрепление, так что сама смерть в бою для самурая являлась самостоятельной, высшей ценностью.

В 1939 г. в Монголии нашим войскам пришлось воевать с отборными, так называемыми императорскими частями японской армии. Вот какую оценку этому противнику дал Г.К.Жуков: «Японский солдат, который дрался с нами на Халхин-Голе, хорошо подготовлен, особенно для ближнего боя. Дисциплинирован, исполнительен и упорен в бою, особенно в оборонительном. Младший командный состав подготовлен очень хорошо и дерется с фанатическим упорством. Как правило, младшие командиры в плен не сдаются и не останавливаются перед “харакири”»³⁹.

Следует отметить, что Г.К.Жуков всегда выступал против недооценки противника, говорил о том, что нельзя унижительно отзываться о враге, потому что в итоге получается неправильная оценка собственных сил. Эту же мысль мы находим в стихотворении К.Симонова «Танк», посвященном халхин-гольским событиям:

*«Когда бы монумент велели мне
Воздвигнуть всем погибшим здесь в пустыне,
Я б на гранитной тесаной стене
Поставил танк с глазницами пустыми...
На постамент взобравшись высоко,
Пусть как свидетель подтвердит по праву:
Да, нам далась победа нелегко.
Да, враг был храбр.
Тем больше наша слава»⁴⁰.*

Мнение комкора Г.К.Жукова о японцах перекликается со свидетельствами младшего и среднего командного состава, участвовавшего в боях на Халхин-Голе. Так, командир полка майор И.И.Федюнинский, (в Великую Отечественную – прославленный генерал) перед боевой операцией рассказывал молодым, только что прибывшим в часть офицерам, что представляют собой японские солдаты. «Особо

подчеркнул, что в плен японцы не сдаются и, попав в критическую ситуацию, кончают жизнь самоубийством. Ночью, в дождь, туман самураи особенно активны. В такое время и при такой погоде они бесшумно подползают к нашим окопам, снимают зазевавшихся часовых, пробираются в тыл и внезапно открывают огонь, создавая видимость окружения. Нередко группы японских солдат, переодетые в форму нашей или монгольской армии, проникают в глубокий тыл и совершают диверсии.

– Что касается офицеров японской армии, – продолжал Федюнинский, – похвалить не могу. Подготовлены слабо, действуют по шаблону, проявляют растерянность при всякой неожиданности. Танки и артиллерия у японцев хуже наших. А вот авиация неплохая...»⁴¹

Кстати, японских асов называли «дикими орлами», и они имели к тому времени двухлетнюю практику войны в Китае⁴². Для наших летчиков бои на Халхин-Голе начались крайне неудачно, в первый месяц потери были огромны, и лишь после того, как прибыла новая техника и летный состав, имевший опыт воздушных боев в Испании, советской авиации удалось изменить соотношение сил в свою пользу⁴³.

В словах И.И.Федюнинского обращает на себя внимание упоминание многих приемов и способов ведения боевых действий, известных еще по русско-японской войне: ночные вылазки, отвлекающие маневры, попытки посеять панику и т.п. Очевидно, корнями они уходят в национальные, еще самурайские боевые традиции и опыт, по образцу воспроизводившиеся и в войнах XX века.

Среди примеров японской военной хитрости были как шаблонные, часто повторяющиеся, так и весьма неожиданные. Об одном из таких нестандартных эпизодов вспоминает ветеран боев на Халхин-Голе бывший командир батареи Н.М.Румянцев:

«В воскресенье 13 августа [боец] Епифанов, наблюдая в стереотрубу, доложил:

– Товарищ лейтенант, вдоль японских окопов прогуливается раздетая женщина.

Я подошел к стереотрубе. Действительно, по брустверу японской траншеи взад и вперед неторопливо и вызывающе-нагло прохаживалась молодая нагая женщина. Она ходила минуты две-три, затем исчезла в траншее. За это время с японской стороны прозвучало несколько одиночных выстрелов.

Через полчаса позвонил командир батальона...

– Видели приманку? – И, не дожидаясь ответа, продолжал: – В седьмой роте от огня снайперов погибли два бойца, в восьмой – один. Высунулись посмотреть и поплатились жизнью.

Это был очередной трюк японцев, предвидеть который было трудно. Выпустив раздетую женщину, японские снайперы ловили на мушку любопытствующих зевак»⁴⁴.

Примечательно и такое важное обстоятельство, отличавшее советско-японский конфликт от русско-японской войны: если в войне с царской Россией Япония строго соблюдала нормы международного права в обращении с военнопленными, то в конфликте с СССР она не считала себя ими связанной. Поэтому обычной практикой были пытки и смертная казнь японцами советских военнопленных. По свидетельству уже упомянутого Н.М.Румянцева, его подчиненные лично убедились в том, что японцы зверски расправлялись с красноармейцами и командирами, попавшими к ним в плен, когда однажды во время боя противник окружил окоп, где находились четыре бойца во главе с лейтенантом. «Пятерка храбрецов отстреливалась до последнего патрона. Однако самураям удалось ползком приблизиться к окопу и забросать его гранатами. Оглушенные взрывами, израненные

осколками, наши воины были захвачены в плен. Японцы связали пленных проволокой, положили их на землю и в тело каждого вбили по несколько десятков винтовочных гильз. Тело лейтенанта Зуева, кроме того, было изрублено тесаками... Сняв каски и стиснув зубы, мы минутой молчания почтили память своих однополчан»⁴⁵.

В то же время японское командование использовало эти факты для «воспитания» своих солдат, что должно было подкрепить общую установку кодекса самурая о невозможности сдачи в плен. Им внушалось, что подобная участь ожидает и их самих в советском плену. «Во время боя на горе Баян-Цаган были взяты в плен два раненых японских солдата, – вспоминает бывший военврач В.В.Фиалковский. – Им велели снять брюки, чтобы осмотреть и перевязать раны, но японцы категорически отказались снимать одежду, сопротивлялись и плакали. Все же их заставили это сделать, осмотрели и перевязали раны. Тут выяснилась причина их страха: оказывается, офицеры им внушали, что русские всем пленным отрезают половые органы»⁴⁶.

На передовой образ врага-японца складывался не только из контактов и наблюдений за ним в сугубо боевой обстановке, но и в различных бытовых ситуациях, отражающих уклад жизни этого чужого народа, его национальные и культурные традиции. Так, весьма часто советским бойцам приходилось сталкиваться с абсолютное непонятным, чуждым русским (христианским) традициям, явлением: японцы не погребали своих убитых солдат в земле, а предавали их огню. Так, в мемуарах участников халхин-гольских событий постоянно встречаются подобные примеры: «Впереди в долине горели костры, от которых ветер доносил тошнотворный запах: японцы сжигали на кострах трупы погибших»⁴⁷.

Конечно, о быте японцев, их обычаях и традициях советские бойцы могли получать сведения, как правило, лишь косвенным путем: при наступлении захватывались позиции противника, где находились не только военные сооружения и техника, но и жилища с оставленными в них вещами. Вот одно из характерных свидетельств того времени:

«К вечеру мы встали на позиции по соседству с уничтоженной японской батареей... Я подошел к одному из орудий: горы стреляных гильз, в погребах – сотни снарядов. Окопы полного профиля, их стенки выложены мешками с песком. Позади батареи добротные землянки для личного состава с надежными железобетонными перекрытиями... Я вошел в землянку... На земляных нарах, оплетенных ивовыми прутьями, лежали циновки, одеяла, шинели зелено-желтого цвета с офицерскими знаками различия. На одной из дощатых стен висела сабля. На полу валялись фотографии, открытки с видом горы Фудзияма, котелки, маленькие мешочки с сушеной рыбой и галетами, водочные бутылки, фигурки идолов. Среди этого хлама выделялся своим красочным оформлением иллюстрированный журнал. Этот журнал я взял с собой и после окончания боев показал переводчику. Оказывается, это был журнал «Кингу», в котором описывались различные подвиги самураев»⁴⁸.

Лишь немногим красноармейцам удавалось непосредственно увидеть, а точнее – подглядеть поведение японцев в их обычном фронтовом быту. Поскольку из попадавших в японский плен практически никто не оставался в живых, такие сведения могла приносить только разведка. Вот, например, какая картина предстала перед нашими бойцами, пробравшимися в расположение неприятеля:

«За передним краем противника увидели такую картину: в долине горели многочисленные костры. Возле них группами сидели солдаты. Японцы варили ужин. Мы этому не удивились, так как знали, что кухня в передовых пехотных частях японской армии нет и каждому солдату выдается на руки паек из риса, сахара, галет, чая и сушеной рыбы. Справа в глубоком котловане пылал огромный костер: японцы сжигали трупы своих солдат и офицеров, погибших в дневном бою.

Послышались звуки восточной музыки... За высоткой в глубоком котловане стоял легкий шатрового типа домик с открытой сценой. Он был освещен фонарями. На высоком дощатом настиле танцевали красочно разодетые гейши. Перед этой импровизированной сценой за маленькими столиками, сплошь уставленными бутылками, сидели японские офицеры. Никто не ел и не пил, все внимательно смотрели на сцену, попыхивая короткими трубками.

Притаившись в кустах караганника, мы какое-то время наблюдали за происходившим. Вот музыка смолкла. Гейши закончили танец и поклонились. Среди офицеров поднялся шум. На сцену полетели трубки, портсигары и другие предметы. Подобрав все это, гейши ушли за сцену»⁴⁹.

Это выступление своеобразных (на японский национальный манер) «фронтальных бригад» должно было показаться нашим бойцам весьма необычным: в Советской Армии «культурный досуг» в боевых условиях стал практиковаться лишь в годы Великой Отечественной войны (выездные концерты артистов и т.п.). В сравнительно недолгом (четырёхмесячном) конфликте в центре «дикой» Азии, в глубине территории чужой страны, подобная практика и не могла получить распространение: в отличие от японцев, СССР не создавал постоянных наступательных плацдармов, а его боевые части в Монголии не успели «обжиться» и обзавестись хозяйством.

В целом, у непосредственных участников боевых действий 1938-1939 гг. было достаточно фактов для формирования образа японцев как опасного и жестокого, умелого и опытного врага, не только относящегося к чужой культуре, но и во многом непонятного. Эта его «загадочность» была связана как с фактическим отсутствием массовых контактов между гражданами двух стран, так и с весьма ограниченным культурным кругозором рядовых советских бойцов. Поэтому непосредственно полученные ими в ходе боевых действий опыт и информация о противнике далеко не всегда могли быть верно истолкованы. В самом советском обществе такой неискаженной информации было еще меньше. Японцы воспринимались через идеологический фильтр средств массовой информации, а также организованных властью массовых митингов протеста и демонстраций «против японских милитаристов». В результате элемент мифологичности оказался в этот период не меньшим, а может быть, и большим, чем в русско-японской войне начала века. Вместе с тем, в главном Япония в советском массовом сознании оценивалась достаточно верно: несмотря на свое поражение, она воспринималась как опасный и коварный потенциальный противник, готовый нанести удар, как только для этого представится благоприятная возможность.

Япония и СССР во Второй мировой войне

Разгром японских войск в районе озера Хасан в 1938 г. и в Монголии в 1939 г. нанес серьезный удар по пропагандистскому мифу о «непобедимости императорской армии», об «исключительности японского воинства». Американский историк Дж.Макшерри писал: «Демонстрация советской мощи на Хасане и Халхин-Голе имела свои последствия, она показала японцам, что большая война против СССР будет для них катастрофой»⁵⁰. Вероятно, понимание этого оказалось для Японии основным сдерживающим фактором в период 1941-1945 гг. и одной из главных причин того, что с началом Великой Отечественной Советский Союз был избавлен от войны на два фронта.

Впрочем, это вовсе не означает, что после своего поражения в «номонханском инциденте» Япония не готовилась к новому нападению на СССР. Даже подписанный 13 апреля и ратифицированный 25 апреля 1941 г. пакт о нейтралитете между двумя странами носил, по мнению японского руководства, временный характер, дающий возможность обезопасить свои северные границы, «следить за

развитием обстановки» и спокойно «набираться сил», чтобы «в нужный момент» нанести Советскому Союзу внезапный удар⁵¹. Вся внешняя политика Японии в этот период, в особенности активное сотрудничество с союзниками по Тройственному пакту – Германией и Италией, свидетельствует о том, что она просто выжидала наиболее благоприятного момента. Так, военный министр Тодзио неоднократно подчеркивал, что вторжение должно произойти тогда, когда Советский Союз «уподобится спелой хурме, готовой упасть на землю», то есть, ведя войну с Гитлером, ослабнет настолько, что на Дальнем Востоке не сумеет оказать серьезного сопротивления⁵². Однако прибывший в начале июля 1941 г. из Европы и убежденный в превосходстве сил Германии и ее неизбежной победе над СССР генерал Ямасита был настроен более решительно. «Время теории “спелой хурмы” уже прошло... – заявлял он. – Даже если хурма еще немного горчит, лучше стрясти ее с дерева»⁵³. Он опасался, что Германия победит слишком быстро, и тогда осторожная Япония может опоздать к разделу «пирога»: ненасытный союзник, не считаясь с интересами Страны Восходящего Солнца, сам захватит Сибирь и Дальний Восток, ранее обещанные азиатской империи в качестве платы за открытие «второго фронта».

Однако война на советско-германском фронте приняла затяжной характер, и Япония так и не решилась предпринять против СССР прямых военных действий, хотя в нарушение пакта о нейтралитете постоянно задерживала и даже топила советские пароходы. В связи с этим в период с 1941 по 1945 г. Советское правительство 80 раз выступало с заявлениями и предупреждениями по поводу японских провокаций⁵⁴. По опыту зная коварство соседа, на дальневосточных рубежах страны приходилось держать несколько армий в полной боевой готовности, в то время, когда на западе нужна была каждая свежая дивизия.

В ноябре 1943 г. в Тегеране на конференции глав государств антигитлеровской коалиции в ряду других решался вопрос о ликвидации очага войны на Дальнем Востоке. Советская делегация дала союзникам согласие вступить в войну против Японии сразу после разгрома гитлеровской Германии. На Ялтинской конференции в феврале 1945 г. это согласие было закреплено секретным соглашением, согласно которому СССР возвращал себе Южный Сахалин и прилегающие к нему острова, восстанавливал права на аренду Порт-Артура и эксплуатацию Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железной дороги, получал Курильские острова⁵⁵. Таким образом, Портсмутский мирный договор 1905 г. полностью терял свою силу.

5 апреля 1945 г. правительство СССР денонсировало советско-японский пакт о нейтралитете от 13 апреля 1941 г. После капитуляции Германии, 26 июля на Потсдамской конференции от имени США, Англии и Китая было опубликовано обращение, в котором Япония также призывалась к безоговорочной капитуляции. Требование было отклонено. При этом премьер-министр Судзуки заявил: «Мы будем неотступно продолжать движение вперед для успешного завершения войны»⁵⁶.

8 августа 1945 г., выполняя союзнические обязательства, Советский Союз заявил о своем присоединении к Потсдамской декларации и сообщил японскому правительству о том, что с 9 августа будет считать себя в состоянии войны с Японией. Началась Маньчжурская наступательная операция.

В общей сложности Советский Союз выставил на поле боя полтора миллиона войск, которым противостояла полуторамиллионная Квантунская армия. Кстати, командовал ей генерал Отодзо Ямада, имевший опыт войны 1904-1905 гг. в качестве командира эскадрона⁵⁷. Вопреки прогнозам западных стратегов о том, что на разгром Квантунской армии СССР потребуются не менее шести месяцев, а то и год, советские войска покончили с ней за две недели⁵⁸.

2 сентября 1945 г. на американском линкоре «Миссури» состоялось подписание акта о безоговорочной капитуляции Японии. Вторая мировая война закончилась.

В своей речи, в тот же вечер произнесенной по радио, И.В.Сталин напомнил об истории непростых взаимоотношений нашей страны с Японией с начала XX века, подчеркнув, что у советских людей имеется к ней «свой особый счет». «...Поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания, – заявил Верховный Главнокомандующий. – Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот, этот день наступил»⁵⁹.

Эта оценка, данная лидером Советского государства в условиях его высшего военно-политического триумфа и в значительной мере окрашенная в государственно-националистические тона, в тот момент была полностью созвучна настроением страны, в которой «пролетарский интернационализм» был провозглашен официальной идеологией. Эта идеология формально сохранялась, но практика Второй мировой войны со всей очевидностью показала, что «пролетариат» враждебных стран (фашистской Германии и всех ее сателлитов, в том числе и Японии) отнюдь не готов прийти на помощь своему «классовому союзнику». И в официальной пропаганде, и в массовых настроениях идеи защиты и торжества национально-государственных интересов СССР как преемника тысячелетнего Российского государства были доминирующими. И это обстоятельство следует учитывать как важнейшую часть общей ситуации восприятия противника в последней в XX веке русско-японской войне.

В целом эта ситуация отличается несколькими важными особенностями, характеризующими как состояние субъекта и объекта восприятия, так и его обстоятельства. Прежде всего, весь контингент, участвовавший в боевых действиях на Дальнем Востоке, четко делился на две основные категории: участников боев против фашистской Германии, и «дальневосточных сидельцев» – большой группировки, все четыре года Великой Отечественной простоявшей на границе на случай японского нападения. Последние в большинстве своем не имели боевого опыта, но являлись свидетелями многочисленных японских провокаций, были лучше информированы о потенциальном противнике и его реальной силе, опыте и коварстве. Лучше разбирались они и в природно-климатических условиях, особенностях местности и т.п. Ветераны боевых действий на западе, напротив, имели большую практику сражений, но не разбирались в местных особенностях. У них был самый высокий боевой дух, но он нередко переходил в «шапкозакидательские» настроения. Ведь советский солдат вышел победителем из тяжелейшей многолетней войны на европейском театре военных действий. После такого могучего противника, как фашистская Германия, японцы, которых, кстати, не так давно «побили» на Хасане и Халхин-Голе, в массовых армейских представлениях и не рассматривались как враг достаточно серьезный. Вероятно, последнее обстоятельство не раз негативно сказалось в ходе дальневосточной кампании. В частности, недостаточно учитывались особенности пустынной местности, а в результате на ряде участков плохое водоснабжение армии повлияло на эффективность передвижения и боеспособность отдельных частей.

В целом же в соотношении сил (хотя количественно оно было примерно равным) превосходство советской стороны оказалось безусловным. Особенно это проявилось в техническом обеспечении, боевом опыте и моральном духе войск. Армия на Дальний Восток пришла опытной, отмобилизованной, с настроением победителя и желанием как можно быстрее вернуться к мирной жизни. Однако бою ей предстояло вести в глубине чужой территории, преодолевать десятилетиями создававшиеся укрепрайоны, продвигаться в незнакомой местности с неблаго-

приятными климатическими условиями. Да и противник был значительно опытнее, чем в конце 1930-х годов: уже много лет японская армия вела успешные боевые действия на море, на суше и в воздухе против американских, британских и других вооруженных сил. Так что «двухнедельная» военная кампания отнюдь не оказалась для нашей армии легкой прогулкой, как сегодня нередко пытаются представить в западной историографии.

Об ожесточенности этой войны и ее опасности для советских солдат свидетельствует и такой факт, как широкое распространение именно на этом этапе боевых действий феномена «камикадзе». Не случайно именно он лучше всего запечатлелся в памяти участников тех событий и чаще всего отмечается советскими мемуаристами.

В нашей и японской трактовке это явление имеет различное толкование. Мы понимали под «камикадзе» любых японских «смертников», независимо от рода войск, к которым они принадлежали, а японцы – только вполне определенную их часть. И «камикадзе» в официальном, более узком понимании (как летчики, таранящие боевые корабли противника, следуя лозунгу «Один самолет за военный корабль!»), и в более широком (как все солдаты-смертники) – сугубо японское явление, уходящее корнями глубоко в историю, в национальные и религиозные особенности страны. Согласно легенде, в конце XIII века внук Чингисхана Хубилай пытался завоевать Японию, но его корабли уничтожил тайфун – «священный ветер» («божественный ветер»), «камикадзе». Через семь лет попытку повторили – и снова тайфун разметал монгольские корабли. Так и возник этот термин, а от него в XX веке – движение добровольцев-смертников⁶⁰.

В действительности оно подразделялось на ряд категорий. К собственно «камикадзе» относились элитные летчики-самоубийцы, призванные топить боевые корабли противника. Первый вылет «камикадзе» был произведен 21 октября 1944 г. на Филиппинах. О распространении явления свидетельствует то, что за период войны на Тихом океане их усилиями было осуществлено 474 прямых попадания в корабли ВМС США или близких взрывов у их бортов. Однако эффективными оказались не более 20% вылетов «камикадзе». По американским данным, они потопили 45 боевых кораблей, а повредили около 260⁶¹.

В конце войны получило широкое распространение и движение «тейсинтай» («ударные отряды»), к которым относились человеко-торпеды «кайтэн», управлявшиеся вручную, начиненные взрывчаткой катера «сине», парашютисты-смертники, человеко-мины для подрыва танков, пулеметчики, приковывавшие себя цепью в дотах и дзотах, и т.п.⁶² Причем наши войска сталкивались преимущественно с «сухопутными» категориями японских смертников.

Однако впервые советские солдаты столкнулись с этим феноменом еще 3 июля 1939 г. в боях за сопку Баин-Цаган на Халхин-Голе. Японцы бросались на краснозвездные танки с минами, связками гранат, поджигали их бутылками с горючей жидкостью. Тогда от огня вражеской артиллерии и солдат-смертников в тяжелойшем бою советская танковая бригада потеряла почти половину боевых машин и около половины личного состава убитыми и ранеными⁶³.

Новая, еще более тяжелая встреча с «ударными отрядами» предстояла нашим войскам в августе 1945 г. в Маньчжурии во время боев с Квантунской армией. Вот как вспоминает об этом участник боев на Хингане А.М.Кривель: «В бой были брошены спецподразделения – японские “камикадзе”. Они занимали по обе стороны Хинганского шоссе ряды круглых окопов-лунок. Их новенькие желтые мундиры резко выделялись на общем зеленом фоне. Бутылка с сакэ [рисовой водкой – Е.С.] и мина на бамбуковом шесте тоже были обязательными атрибутами “камикадзе”. Мы кое-что слышали о них, этих фанатиках, одурманенных идеей “Великой Японии”... Но живых “камикадзе” не видели. А вот и они. Молодые люди, чуть старше нас. Полурасстегнутый воротничок, из-под которого выглядывает

чистое белое. Матовое, восковое лицо, ярко-белые зубы, жесткий ежик черных волос и очки. И выглядят-то они совсем не воинственно. Не зная, что это «камикадзе», ни за что не поверишь. Но мина, большая, магнитная мина, которую даже мертвые продолжают крепко держать в руках, рассеивает все сомнения»⁶⁴.

Следует отметить, что подвиги «камикадзе» прославлялись всеми средствами японской пропаганды, и число таких добровольцев-смертников стремительно росло. В Квантунской армии из «камикадзе» была сформирована специальная бригада, кроме того их отряды были в каждом полку и батальоне. В задачу смертников входило взорваться вместе с танком, самоходным орудием, убить генерала или высшего офицера. При отступлении японские войска часто оставляли их в тылу противника, чтобы сеять там панику.

Как же описывают действия «камикадзе» в Маньчжурии сами японцы? «Один танк вспыхнул, – вспоминает бывший японский офицер Хаттори. – Другие, развернувшись в боевой порядок, упрямо двигались вперед. Это и были те самые “Т-34”, которые овевали себя славой в боях против германской армии. Они, используя складки местности, заняли оборону. Было видно, как из укрытия по соседству с русскими выскочили несколько японских солдат и побежали по направлению к танкам. Их тут же сразили пулеметные очереди. Но вместо убитых появились новые “камикадзе”. С криками “банзай!” они шли навстречу своей гибели. На спине и груди у них была привязана взрывчатка, с помощью которой надо было уничтожить цель. Вскоре их трупами была устлана высота. В лощине горели три подожженных ими русских танка...»⁶⁵

Нельзя сказать, чтобы действия «камикадзе» принесли серьезные результаты. Они так и не сумели сдержать наступающую лавину советских войск. А метод борьбы со «священным ветром» нашелся быстро и оказался простым и эффективным: на броню танков садились десантники и расстреливали в упор из автоматов поднимающихся с миной смертников⁶⁶.

Интересно, как оценивали феномен «камикадзе» ретроспективно, уже после войны, в своих мемуарах советские военные: «Тысячи японцев становились смертниками. Смертники – чисто японское изобретение, порожденное слабостью техники Японии. Там, где металл и машина слабее иностранных, – Япония вталкивала в этот металл человека, солдата, будь то морская торпеда, предназначенная для взрыва у борта вражеского судна, или магнитная мина, с которой солдат бросается на танк, или танкетка, нагруженная взрывчатым веществом, или солдат, прикопанный к пулемету, или солдат, оставшийся в расположении противника, чтобы, убив одного врага, покончить с собой. Смертник в силу своего назначения может произвести лишь какой-то один акт, к которому готовится всю свою жизнь. Его подвиг становится самоцелью, а не средством достижения цели...»⁶⁷

Сравнивая действия «камикадзе» с подвигами советских солдат, сознательно жертвующих собой в тяжелую минуту боя ради спасения товарищей, мемуаристы подчеркивают, что для советского воина важно было «не только убить врага, но и уничтожить их как можно больше», и, будь у него хоть какой-нибудь шанс сохранить жизнь «во имя будущих боев», он, безусловно, постарался бы выжить. И вот вывод, который делается из этого сравнения: «Японский смертник – самоубийца. Жертвующий собой советский солдат – герой. Если же учесть, что японский смертник до осуществления своего назначения получает повышенное содержание, то окажется, что его смерть – оплата расхода, произведенного на него при жизни. Так тускнеет ореол, который пыталась создать вокруг этого явления японская пропаганда. Смертник – это пуля, она может сработать только один раз. Смерничество – свидетельство авантюриности, дефективности японской военной мысли»⁶⁸.

Но такая оценка мемуаристами феномена «камикадзе» несколько упрощена: это явление связано со спецификой национальных традиций, культуры, менталитета, религиозных установок японцев, не вполне понятной представителям российской культуры, тем более в советский, атеистический период. Смесь буд-

ской культуры, тем более в советский, атеистический период. Смесь буддизма и синтоизма, культ воина в самурайской традиции, почитание императора, представления об избранности Страны Восходящего Солнца, – все это создавало предпосылки для особого рода фанатизма, возводимого в ранг государственной политики и военной практики.

Становились смертниками только добровольцы, которых собирали в отдельные отряды и специально готовили. Перед боем они обычно писали завещания, вкладывая в конверт ноготь и прядь волос, – на тот случай, если не останется праха солдата, чтобы похоронить его с воинскими почестями. Что же двигало этими людьми? В одном из завещаний смертников сказано: «Дух высокой жертвенности побеждает смерть. Возвысившись над жизнью и смертью, должно выполнять воинский долг. Должно отдать все силы души и тела ради торжества вечной справедливости». Другой «камикадзе» обращается к своим родителям со словами: «Высокопочтимые отец и мать! Да вселит в вас радость известие о том, что ваш сын пал на поле боя во славу императора. Пусть моя двадцатилетняя жизнь оборвалась, я все равно пребуду в извечной справедливости...»⁶⁹

Так что этот феномен нельзя объяснить меркантильными соображениями, хотя и известно, что «камикадзе» получал повышенное армейское довольствие, а после его гибели фирма, где он раньше работал, обязана была выплатить семье тридцатитрехмесячное жалованье⁷⁰. «Материальное поощрение» было просто инструментом государственной «социальной» политики, проявлением «заботы» о национальных героях, стимулированием распространения данного явления, однако рождено оно было особенностями японской цивилизации и было возможно только на этой национально-культурной почве.

Идея жертвенности, вплоть до предпочтения добровольной смерти, самоубийства принятию поражения своей страны и, тем более, позору плена, приобрела массовое распространение в конце войны ввиду краха японской империи и ее вооруженных сил. Узнав о безнадежном положении Квантунской армии, военный министр Японии Анами заявил: «Если мы не сумеем остановить противника, 100 миллионов японцев предпочтут смерть позорной капитуляции». 10 августа он издал приказ: «...Довести до конца священную войну в защиту земли богов... Сражаться непоколебимо, даже если придется грызть глину, есть траву и спать на голой земле. В смерти заключена жизнь – этому учит нас дух великого Нанко [*герой японской мифологии – Е.С.*], который семь раз погибал, но каждый раз возрождался, чтобы служить родине...»⁷¹

Однако конец был уже predetermined. И вот 2 сентября 1945 г. на американском линкоре «Миссури» состоялось подписание акта о безоговорочной капитуляции Японии.

Сотни людей на дворцовой площади в Токио рыдали и бились головой о камни. Прокатилась волна самоубийств. Среди тех, кто «исполнил завет Анами», было более тысячи офицеров, не считая сотен военных моряков и гражданских лиц. Покончил с собой и сам военный министр, и несколько других крупных правительственных чиновников.

Даже после объявления капитуляции еще долго сохранялись отдельные очаги сопротивления японских фанатиков. Известны случаи, когда японские солдаты на заброшенных островах продолжали сохранять верность присяге своему императору в течение многих послевоенных лет (и даже десятилетий), порой просто не зная об окончании войны, а иногда отказываясь признать и принять поражение.

Здесь, наверное, стоит сопоставить понимание героизма в европейском, в том числе и в советском сознании, с японским явлением смертников, включая «камикадзе». И в том, и в другом случаях ядром героизма является жертвенность, сознательный выбор человеком готовности отдать свою жизнь во имя своей страны.

Однако в японской культуре это понятие расширено. Оно включает даже бессмысленную, с точки зрения рационалистического европейского ума, смерть путем самоубийства, которая с позиции японцев являлась демонстрацией верности долгу, своему императору и презрения к смерти. Таким образом, если для европейцев жизнь является самоценностью, которой жертвуют ради других, более значимых социальных ценностей, то для японских воинских традиций самоценностью оказывалась «правильная», почетная смерть. С этих позиций и следует оценивать феномен «камикадзе».

Если европейский солдат идет на смерть, повинаясь приказу или совершая сознательный выбор в момент действия, мотивационное поле его выбора оказывается очень широким. Это может быть и эмоциональный порыв, и трезвый расчет при оценке ситуации, учитывающий целесообразность собственной гибели для достижения какой-либо значимой цели (спасение товарищей ценой собственной жизни, уничтожение максимально возможного числа врагов, оборона важных объектов и т.п.). Японец-смертник совершает выбор заранее, задолго до момента реализации принятого решения. Он причисляет себя к определенной категории добровольно обреченных на смерть, с этого момента лишая себя выбора и фактически превращаясь в живой автомат, ищущий повода умереть. При этом реальная целесообразность и цена собственной гибели становятся для него незначимыми: сам факт смерти в бою оказывается почетным, соответствующим выполнению высшего долга. Причем, героем в равной степени является и тот, кто подорвал танк, бросившись под него с миной, и тот, кто до этого танка не добежал. Не случайно советских солдат поражало бессмысленное упрямство лезших напролом под автоматные и пулеметные очереди «камикадзе». Они действовали шаблонно, как бездушные автоматы, в то время как обычные войска могли бы предпринять гораздо более эффективные действия при существенно меньших потерях. Добровольная обреченность, казалось, лишала смертников способности соображать.

В целом при столкновении с японскими вооруженными силами советские военнослужащие воспринимали того же противника, который в конце 1930-х годов дважды потерпел от них поражение. Новыми были лишь масштабы боевых действий, количество вовлеченных в них войск, глубина проникновения на территорию противника, ожесточенность его сопротивления в ситуации политической и стратегической обреченности. Так, в то время нередко отмечались особенности поведения японцев, о которых, в частности, говорится в секретном меморандуме союзных войск: «Неоднократно наблюдалось, что в непредвиденной или новой обстановке многие японцы проявляют такую неуверенность, которая представляется почти ненормальной большинству европейцев. Их поведение в этих условиях может варьироваться от крайней апатии и физической прострации до безудержного неистовства, направленного против самих себя или любого объекта их окружения»⁷². Военно-политический крах и капитуляция как раз и представляли собой такую ситуацию, к которой японцы, десятилетиями воспитывавшиеся милитаристской пропагандой, в массе своей оказались не готовы.

Ситуация поражения оказалась особенно драматичной для японского массового сознания еще и потому, что для этой национальной культуры было издревле характерно самовосприятие как исключительной, а своих государства и народа – как «избранных». В условиях первой половины XX века, когда постоянно возрастали имперские амбиции, а в мире получили распространение расовые теории, эти культурно-идеологические установки попали на благоприятную почву. Не случайно союзником милитаристской Японии стала фашистская Германия: важными оказались не только близость геополитических и стратегических интересов, но и идеи исключительности и национального превосходства. Лидерам Японии льстило, что гитлеровцы называли японцев «арийцами Дальнего Востока», то есть высшей расой Азии⁷³.

Именно эти расистские и гегемонистские установки руководителей Японии явились основой пренебрежения международными правовыми нормами, перешедшего в преступления против человечества. Вступление советских войск на оккупированные японцами обширные территории Дальнего Востока, включая Маньчжурию, Северный Китай и Корею, позволило раскрыть множество таких преступлений, от подготовки бактериологической войны до фактически поголовного уничтожения военнопленных. В мае 1946 г. в Токио состоялся Международный трибунал по рассмотрению дел японских военных преступников. Подсудимые обвинялись в нарушении международного права, договоров и обязательств, законов и обычаев войны. Так, на захваченной китайской территории в 20 км от Харбина в течение десяти лет действовал секретный исследовательский центр Квантунской армии, разрабатывавший бактериологическое оружие массового уничтожения, которое собирались использовать в войне против СССР. Эксперименты проводились на живых людях, включая женщин и детей⁷⁴.

В ходе процесса выяснились чудовищные подробности расправ, которые устраивались в японской армии над пленными: «людей обезглавливали, четвертовали, обливали бензином и сжигали живыми; военнопленным вспарывали животы, вырывали печень и съедали ее, что являлось якобы проявлением особого самурайского духа»⁷⁵. Секретная директива японского командования от 1 августа 1944 г. требовала тотального уничтожения всех пленных, попавших в японские застенки. «Неважно, как будет происходить ликвидация: индивидуально или группами, – говорилось в ней, – неважно, какие методы будут использоваться: взрывчатка, отравляющие газы, яды, усыпляющие препараты, обезглавливание или что-либо еще – в любом случае цель состоит в том, чтобы ни одному не удалось спастись. Уничтожены должны быть все, и не должно остаться никаких следов»⁷⁶.

Все это, включая факты зверств японской военщины на оккупированных территориях, становилось известным советским войскам уже в ходе наступления, влияя на общее восприятие и оценку японцев как противника.

В целом, заключительная кампания Второй мировой войны, проведенная Советской Армией на Дальнем Востоке, не только приблизила завершение войны, ускорив окончательный разгром последнего сателлита фашистской Германии, не только обеспечила принципиально иной расклад стратегических сил в послевоенном мире, но и способствовала окончательному изживанию комплекса побежденной страны, который все еще сохранялся в исторической памяти советских людей, будучи унаследованным от царской России и в какой-то мере подкрепленным в период японской оккупации Дальнего Востока в годы Гражданской войны и интервенции. По этому комплексу был нанесен удар еще в конце 1930-х годов, но сам факт сохранения за Японией отторгнутых еще в начале века российских земель, а также постоянно нависавшая угроза удара в спину в тяжелейшие моменты Великой Отечественной войны, сохраняли в массовом сознании образ этой страны как главного после Германии потенциального, коварного и сильного врага. И этот образ был вполне адекватен реальному положению вещей: японские стратеги активно готовились к войне и не решились напасть лишь потому, что из-за соотношения сил риск был слишком велик. И вышеприведенная оценка Сталина о значении разгрома милитаристской Японии была абсолютно точной политически и созвучной настроениям советского общества.

* * *

Восприятие других народов и стран всегда находит отражение в массовой культуре. Одним из ее проявлений является песенное творчество и бытование песни в народной среде. В этой связи стоит, пожалуй, отметить три песни, весьма популярных или, по крайней мере, широко известных вплоть до настоящего вре-

мени. Все они возникли по следам исторических событий, драматичных для народного сознания, и вполне выразили его состояние. Именно поэтому они и сохранились в исторической и культурной памяти народа. Первая песня – «Варяг», посвященная подвигу русских моряков в русско-японской войне. В ней отражены не только драматические моменты боя, но и отношение к врагу, причем, с явным намеком на его расовую принадлежность:

*«Из пристани верной мы в битву идем,
Навстречу грозящей нам смерти,
За родину в море открытом умрем,
Где ждут желтолицые черти!»⁷⁷*

Примечательно, что при исполнении «Варяга» уже в советское время именно это четверостишие из песни «выпало»: интернационализм – одна из ключевых составляющих официальной коммунистической идеологии – не позволял использовать подобные «расистские» характеристики даже по отношению к противнику, а вездесущая цензура «вымарывала» неудобные строчки даже из народных песен.

Косвенно в этот ряд произведений, фиксирующих русско-японские конфликты отношения, можно включить и революционно-романтическую песню о Гражданской войне «По долинам и по взгорьям», имевшую в основе народное происхождение и родившуюся на Дальнем Востоке. В одном из ее фольклорных вариантов говорится не только об освобождении Приморья, но и непосредственно об изгнании интервентов⁷⁸. Для слушателя было совершенно ясно, что речь идет в первую очередь о японцах, а ее пророческие заключительные строчки «*И на Тихом океане свой закончили поход*» стали особенно популярны в 1945 году. Здесь уже иная доминирующая тональность: вся эта песня – своеобразное эпическое повествование о мощном людском потоке, вытесняющем врага с родной земли.

И наконец, третья знаменитая песня про трех танкистов из фильма конца 1930-х гг. «Трактористы». В ней постоянно упоминается противник, который коварно, ночью перешел «границу у реки». Противник этот, конечно же, самураи, которых разгромила доблестная Красная Армия:

*«Мчались танки, ветер поднимая,
Наступала грозная броня.
И летели наземь самураи
Под напором стали и огня».*

Эта песня стала результатом прямого социального заказа, так же как и сам фильм, для которого она была написана. Режиссер И.А.Пырьев поручил поэту Борису Ласкину написать произведение, в котором «нашла бы отражение тема обороны наших границ, подвиг славных героев-танкистов, участников боев на Хасане»⁷⁹. И песня действительно оказалась актуальной: появление фильма на экранах совпало с новыми осложнениями на юго-восточных рубежах страны, с событиями на Халхин-Голе. Именно поэтому воинственные слова и маршевая музыка «Трех танкистов» пользовались такой популярностью. Здесь уже, в отличие от предыдущих песен, утверждалась наступательная, победоносная мощь современной армии.

В период Великой Отечественной войны эта песня чаще бытовала в измененном виде: бойцы на фронте переделывали ее слова в соответствии с новой обстановкой и новым противником. И только части, стоявшие на Дальнем Востоке, продолжали петь ее так, как она звучала в фильме. Зато в августе-сентябре 1945 года песня обрела «вторую жизнь»: ее традиционный, антияпонский вариант снова стал актуален. Стоит отметить и тот факт, что сама дальневосточная кампания 1945 года, несмотря на всю свою историческую значимость, не вызвала к жизни столь же популярного произведения, как вышеупомянутые песни: вероятно, на траги-

ческом и масштабном фоне Великой Отечественной русско-японское столкновение оказалось на периферии народного сознания.

Необходимо сказать и о таком факторе, влияющем на бытование произведений массовой культуры в качестве формы проявления общественного сознания, как внешняя политика и межгосударственные отношения. Например, в 1970-е годы та же песня про трех танкистов довольно часто звучала в концертах и по радио, однако цензура внесла в текст характерные поправки. Теперь в нем фигурировали не вполне конкретные враги-самураи, а абстрактная «вражья стая». Замена образа врага на более обобщенный, очевидно, имела ряд причин. Прежде всего, существовали соображения дипломатического характера: СССР был заинтересован в нормализации отношений со своим восточным соседом, чьи научно-технические и экономические достижения становились все более значимыми в мировой политике. В условиях сохранявшейся проблемы так называемых «северных территорий» (мирный договор с Японией после окончания Второй мировой войны так и не был заключен) любой фактор, способный усугубить напряженность, был нежелателен. Тем более, нецелесообразны были пропагандистские штампы, возникшие в 1930-е годы и проникшие в произведения массовой культуры: всем было известно, что и художественное творчество, и средства массовой информации контролировались Советским государством, а потому сохранение этих старых клише в новых условиях могло восприниматься как знак недоброжелательности в межгосударственных отношениях. Да и образ Японии как врага не отвечал задачам пропаганды.

Следует также заметить, что в народной памяти события 1938-1939 гг. оказались прочно «перекрыты» более масштабными событиями Великой Отечественной, где главным врагом была не Япония, а Германия. Так что само понятие «самураи» для молодых поколений уже требовало разъяснения.

Финны во Второй мировой войне

Советско-финское военное противостояние является весьма благодатным материалом для изучения формирования образа врага. Причин тому несколько. Прежде всего, любые явления лучше всего познаются в сравнении. Возможности для сравнения в данном случае открывает само развитие советско-финского конфликта, историческое разделение его на две неравные части.

Первая – так называемая «зимняя» война (1939-1940 гг.) – столкновение огромной державы с небольшой соседней страной с целью решить свои геополитические проблемы. Ход и исход этой войны известен. Непропорционально большими жертвами СССР удалось вынудить Финляндию отдать часть стратегически и экономически важных территорий. Известен и международный резонанс этого конфликта: начатый в контексте разворачивающейся Второй мировой войны, он вызывал ассоциации с германскими вторжениями в Австрию, Чехословакию и Польшу и привел к исключению СССР из Лиги Наций как агрессора. Все это должно было воздействовать и на взаимное восприятие непосредственных участников боевых действий с обеих сторон. Для финнов это была, безусловно, справедливая война, и дрались они с большим патриотическим подъемом, ожесточенно и умело, тем более, что бои протекали на их территории. Советским же солдатам командование должно было еще обосновать, почему «большой» должен обижать «маленького». Вот как выглядело это обоснование.

В своем выступлении по радио 29 ноября 1939 г. Председатель СНК СССР В.М.Молотов заявил: «Враждебная в отношении нашей страны политика нынешнего правительства Финляндии вынуждает нас принять немедленно меры по обес-

печению внешней государственной безопасности... Запутавшееся в своих антисоветских связях с империалистами, [оно] не хочет поддерживать нормальных отношений с Советским Союзом ... и считаться с требованиями заключенного между нашими странами пакта ненападения, желая держать наш славный Ленинград под военной угрозой. От такого правительства и его безрассудной военщины можно ждать теперь лишь новых наглых провокаций. Поэтому Советское правительство вынуждено было вчера заявить, что отныне оно считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении, заключенного между СССР и Финляндией и безответственно нарушаемого правительством Финляндии»⁸⁰.

В то же время и финская сторона идеологически обосновывала свое участие в этой войне, что нашло отражение в приказе главнокомандующего вооруженными силами Финляндии Г.Маннергейма о начале военных действий против СССР: «Доблестные солдаты Финляндии!.. Наш многовековой противник опять напал на нашу страну... Эта война – не что иное, как продолжение освободительной войны и ее последнее действие. Мы сражаемся за свой дом, за веру и за Отечество»⁸¹.

Конечно, рядовые участники боев с обеих сторон отнюдь не мыслили формулами правительственных директив и приказов командования, однако последние, безусловно, накладывали отпечаток и на обыденное восприятие противника. Хотя идеологические наслоения присутствуют в обоих цитируемых документах, формула приказа Маннергейма о том, что финны сражаются за свой дом и за свое Отечество, все же была более близка к истине и пониманию финского солдата, нежели натянутые формулировки об угрозе огромному СССР со стороны **маленькой Финляндии** советско-финского конфликта принципиально иной. Выступив на стороне германского фашизма, напавшего на СССР, Финляндия сама превратилась в агрессора. Конечно, свое участие в этой войне она снова пытается представить как справедливое, как попытку вернуть отнятые земли. В приказе того же Маннергейма в июне 1941 года СССР обвиняется как агрессор, ставится под сомнение искренность и постоянство заключенного после «зимней» войны мира, который «был лишь перемирием», и содержится призыв к финнам отправиться «в крестовый поход против врага, чтобы обеспечить Финляндии надежное будущее». Однако в том же приказе содержится намек на это будущее – на Великую Финляндию вплоть до Уральских гор, хотя здесь пока как объект притязаний выступает только Карелия. «Следуйте за мной еще последний раз, – призывает Маннергейм, – теперь, когда снова поднимается народ Карелии и для Финляндии наступает новый рассвет»⁸². А в июльском приказе он уже прямо заявляет: «Свободная Карелия и Великая Финляндия мерцают перед нами в огромном водовороте всемирно-исторических событий»⁸³.

Поэтому не вполне искренне звучит утверждение профессора Хельсинкского университета Юкка Невакиви о том, что «если бы не «зимняя» война, в которой мы потеряли десятую часть территории, Финляндия, быть может, не стала бы союзницей Гитлера в сорок первом, предпочтя нейтралитет «шведского варианта». Финская армия двинулась в то лето только забирать отобранное»⁸⁴.

Хотя доля правды в его оценке присутствует: развязав 30 ноября 1939 г. военные действия против суверенного соседа и одержав над ним пиррову победу ценой огромных потерь, сталинское руководство предопределило тем самым его позицию в грядущей большой войне, превратив вероятного или даже маловероятного противника в неизбежного. Ни одно оскорбление национальной гордости другого народа не может остаться безнаказанным. И Финляндия ринулась на недавнего обидчика, не слишком заботясь о том, в какой сомнительной компании оказалась.

Впрочем, «возвратом отобранного» дело не ограничилось. Дойдя до старой советско-финляндской границы, финская армия, не задумываясь, двинулась дальше, занимая территории, ранее ей не принадлежащие. В финской пропаганде утверждалось, что Яанислинна (Петрозаводск), а затем и Пиетари (Ленинград) будут

принадлежать Финляндии, что Великая Финляндия протянется на восток до Урала, «на всю свою историческую территорию»⁸⁵. Хотя – есть и такие свидетельства – финны действительно охотнее сражались на тех землях, которые были утрачены ими в 1940 году.

Официальные установки финского руководства о справедливости их участия в войне полностью согласовывались с общественной атмосферой. Вот как вспоминает бывший финский офицер И.Виролайнен о настроениях общественности Финляндии в связи с началом войны против СССР: «Возник некий большой национальный подъем и появилась вера, что наступило время исправить нанесенную нам несправедливость... Тогда успехи Германии настолько нас ослепили, что все финны от края до края потеряли рассудок... Редко кто хотел даже слушать какие-либо доводы: Гитлер начал войну и уже этим был прав. Теперь сосед почувствует то же самое, что чувствовали мы осенью 1939 г. и зимой 1940 г. ... В июне 1941 г. настроение в стране было настолько воодушевленным и бурным, что каким бы ни было правительство, ему было бы очень трудно удержать наравле войны советский народ чувствовал себя жертвой агрессии, в том числе и со стороны Финляндии, вступившей в коалицию с фашистской Германией. Великой и Отечественной война 1941-1945 годов была для советских солдат независимо от того, на каком фронте и против какого конкретного противника они сражались. Это могли быть немцы, румыны, венгры, итальянцы, финны, – суть войны от этого не менялась: советский солдат сражался за родную землю.

Финские войска участвовали в этой войне на фронте, который советская сторона называла Карельским. Он пролегал вдоль всей советско-финляндской границы, то есть места боев во многом совпадали с театром военных действий «зимней» войны, опыт которой использовался обеими сторонами в новых условиях. Но на том же фронте рядом с финнами воевали и немецкие части, причем, по многим свидетельствам, боеспособность финских частей, как правило, была значительно выше. Это объясняется как уже приведенными психологическими факторами (оценка войны как справедливой, патриотический подъем, воодушевление, стремление отомстить и т.п.), так и тем, что большая часть личного состава финской армии имела боевой опыт, хорошо переносила северный климат, знала специфические особенности местности. Характерно, что советские бойцы на Карельском фронте оценивали финнов как противника значительно выше, чем немцев, относились к ним «уважительнее». Так, случаи пленения немцев были нередки, тогда как взятие в плен финна считалось целым событием. Можно отметить и некоторые особенности финской тактики с широким применением снайперов, глубоких рейдов в советский тыл лыжных диверсионных групп и др. С советской стороны опыт Зимней войны мог быть использован меньше, так как ее участники были в основном среди кадрового командного состава, а также призванных в армию местных уроженцев.

Таков общий исторический, событийный и общественно-психологический фон взаимовосприятия противников в двух взаимосвязанных войнах, которые, хотя и считаются самостоятельными, в действительности представляют собой эпизоды единой Второй мировой войны на северо-европейском театре военных действий.

* * *

Три года продолжались бои на Севере между советскими и финскими войсками – до сентября 1944 г., когда Финляндия вышла из войны, заключив перемирие с СССР и Великобританией и объявив войну бывшему союзнику – Германии. Этому событию предшествовали крупные успехи советских войск по всему советско-германскому фронту, в том числе наступление на Карельском фронте в июне-августе 1944 г., в результате которого они вышли к государственной границе,

августе 1944 г., в результате которого они вышли к государственной границе, а финское правительство обратилось к Советскому Союзу с предложением начать переговоры.

Именно к этому периоду, связанному с наступлением советских войск и выходом Финляндии из войны, относятся обнаруженные нами документы из Центрального Архива Министерства Обороны.

В первом из них приводятся данные советской разведки о настроениях в финской армии в июле 1944 г., а также выдержка из показаний военнопленного капитана Эйкки Лайтинен. Во втором рассказывается об обстоятельствах его пленения и допросе, но уже не сухим слогом военного донесения, а ярким языком газетного очерка, автор которого – советский капитан Зиновий Бурд. Эти документы предоставляют нам уникальную возможность взглянуть на одно и то же событие глазами двух противников, воевавших на одном участке фронта в одинаковом воинском звании и встретившихся в схватке лицом к лицу.

Для первого документа характерны оба интересующих нас аспекта: и самооценки финской стороны, и сделанные на этом основании выводы советского командования о морально-психологическом состоянии финских войск незадолго до выхода Финляндии из войны (июнь-июль 1944 г.). К этому времени настроения финнов явно изменились, о чем свидетельствуют солдатские письма. Перелом в войне, отступления, в том числе и на советско-финском участках фронта, явно влияли на настроения в войсках. Однако анализировавший документы советский полковник делает вывод, что «моральный дух финских войск еще не сломлен, многие продолжают верить в победу Финляндии. Сохранению боеготовности способствует также боязнь того, что русские, мол, варвары, которые стремятся к физическому уничтожению финского народа и его порабощению»⁸⁷.

Об этих опасениях свидетельствует выдержка из письма одного неизвестного финского солдата: «...Больше всего я боюсь попасть в руки русских. Это было бы равно смерти. Они ведь сперва издеваются над своими жертвами, которых потом ожидает верная смерть»⁸⁸. Интересно, что среди советских бойцов также было распространено мнение об особой жестокости финнов, так что попасть к ним в плен считалось еще хуже, чем к немцам. В частности, были хорошо известны факты уничтожения финскими диверсионными группами советских военных госпиталей вместе с ранеными и медицинским персоналом⁸⁹.

Для финнов было также характерно дифференцированное отношение к гражданскому населению занятых ими территорий по этническому принципу: распространены были случаи жестокого обращения с русскими и весьма лояльное отношение к карелам. Согласно положению финского оккупационного военного управления Восточной Карелии о концентрационных лагерях от 31 мая 1942 г., в них должны были содержаться в первую очередь лица, «относящиеся к ненациональному населению и проживающие в тех районах, где их пребывание во время военных действий нежелательно», а уж затем все политически неблагонадежные⁹⁰. Так, в Петрозаводске, по воспоминаниям бывшего малолетнего узника М.Калинкина, «находилось шесть лагерей для гражданского русского населения, привезенного сюда из районов Карелии и Ленинградской области, а также из прифронтовой полосы. Тогда как представители финно-угров в эти годы оставались на свободе»⁹¹. При этом к лицам финской национальности (суоменхеимот) причислялись финны, карелы и эстонцы, а все остальные считались некоренными народностями (вератхеимот). На оккупированной территории местным жителям выдавались финские паспорта или разрешение на право жительства – единой формы, но разного цвета, в зависимости от национальной принадлежности⁹². Проводилась активная работа по финизации коренного населения, при этом всячески подчеркивалось, что русское население в Карелии не имеет никаких корней и не имеет права проживать на ее территории⁹³.

Особенностью финской психологии была большая привязанность к родным местам. Это сказывалось и на характере боевых действий. Так, пленный капитан Эйкки Лайтинен показал: «...Когда наш полк отходил с Малицкого перешейка, солдаты шли в бой с меньшим желанием, чем теперь, ибо для финского солдата Восточная Карелия является менее важной, чем своя территория. На территории Восточной Карелии солдаты вступали в бой только по приказу. У деревни Суоярви, когда мы уже миновали свои старые границы, солдаты моей роты прислали ко мне делегацию с просьбой приостановить наступление. Это и понятно, т.к. большое количество солдат моей роты – уроженцы районов Ладожского озера, которые хотели защищать свои родные места. Около недели тому назад из моей роты дезертировало два солдата, которые после нескольких дней, однако, вернулись обратно и доложили, что они хотят искупить свою вину в бою. Я их не наказал»⁹⁴.

Вызывают интерес биографические данные этого финского офицера, участника обеих войн, награжденного двумя крестами, первый из которых он получил еще на Карельском перешейке в 1940 году за «доблестную оборону», а второй в 1942 году – за «доблестное наступление». Эти сведения приводятся в статье З.Бурда, где также упоминается жена пленного капитана – военный врач, член шюцкоровской организации «Лотга-Свярд», тоже награжденная двумя крестами⁹⁵.

Поэтому можно доверять свидетельствам этого офицера, с достоинством державшегося на допросе, когда он рассуждает о влиянии «зимней» войны на отношение финнов не только к восточному соседу, но и к идее социализма в целом. «Мнение финнов об СССР, о социализме, коммунизме за последние 10 лет сильно изменилось, – говорит он. – Я уверен, что если бы 10 лет тому назад солдаты моей роты должны были бы воевать против Красной Армии, они бы все перебежали на Вашу сторону. Причиной тому, что их взгляды теперь изменились, являются события 39-40 годов, когда русские начали войну против Финляндии, а также оккупация русскими прибалтийских стран, чем они доказали свое стремление поработить малые народы...»⁹⁶

Советская пропаганда, как правило, стремилась нарисовать крайне неприглядный образ финского противника. Даже на основании частично описанных выше материалов допроса капитана Э.Лайтинена, судя по которым, он проявил себя как заслуживающий уважения пленный офицер, в красноармейской газете «Боевой путь» в заметке под названием «Лапландский крестоносец» фронтовой корреспондент изобразил его карикатурно и зло. «Трижды презренный лапландский крестоносец», «матерый враг Советского Союза», «белофинский оккупант», «убежденный фашист», «шюцкоровец», «ненавистник всего русского, советского» – такими эпитетами он был награжден, причем даже слово «шюцкор» – то есть название финских отрядов территориальных войск – воспринималось в их ряду как ругательство. Впрочем, финны в своей пропаганде тоже не стеснялись в выражениях, говоря об СССР, большевиках, Красной Армии и русских вообще. В быту была распространена пренебрежительная кличка «рюсси» (что-то вроде нашего «фрицы» по отношению к немцам). Но это и не удивительно: для военного времени резкие высказывания в адрес противника являются нормой поведения, обоснованной не только идеологически, но и психологически.

Следует отметить, что в целом в общественном сознании советской стороны финны воспринимались как враг второстепенный, ничем особо не выделявшийся среди других членов гитлеровской коалиции, тогда как на Карельском фронте, на участках непосредственного с ними соприкосновения, они выступали в качестве главного и весьма опасного противника, по своим боевым качествам отеснившего на второй план даже немцев. Все прочие союзники Германии не могли похвастать уважением к себе со стороны неприятеля: ни венгры, ни румыны, ни итальянцы, с которыми приходилось сталкиваться советским войскам, не отличались особой доблестью и были, по общему мнению, довольно хлипкими вояками.

По свидетельству ветерана Карельского фронта Ю.П.Шарапова, в конце июля 1944 г., когда наши войска вышли к государственной границе и перешли ее, углубившись на финскую территорию до 25 км, они получили шифровку Генерального штаба с приказом немедленно возвращаться, так как уже начались переговоры о выходе Финляндии из войны. Но пробиваться обратно им пришлось с упорными боями, так как финны не собирались их выпускать. Сравнивая эту ситуацию с положением на других фронтах, ходом освободительной миссии и последующим насаждением социализма в странах Восточной Европы, Ю.П.Шарапов отмечает: «Мы, те, кто воевал на Севере, относились к этому по-другому. Как только пришла шифровка не пускать нас в Финляндию, мы сразу поняли, что дело пахнет керосином, что нечего нам там делать, – потому что там была бы война до самого Хельсинки. Уж если они в лесу [воюют], и надо было стрелять в затылок, чтобы финн из-за этого валуна перестал стрелять, то можете представить, [что было бы], когда бы мы шли [далее] и прошли еще 240 километров. Тут и Сталин, и его окружение понимали, что с кем с кем, а с финнами связываться не надо. Это не немцы, не румыны, не болгары и не поляки...»⁹⁷

Среди всех сателлитов Германии, пожалуй, лишь у Финляндии присутствовал элемент справедливости для участия в войне против СССР, который, впрочем, полностью перекрывался ее захватническими планами. Интересно, что мотивация вступления в войну и выхода из нее была практически противоположной. В 1941 году Маннергейм вдохновлял финнов планами создания Великой Финляндии и клялся, что не вложит меч в ножны, пока не дойдет до Урала, а в сентябре 1944-го оправдывался перед Гитлером за то, что «не может больше позволить себе такого кровопролития, которое подвергло бы опасности дальнейшее существование маленькой Финляндии» и обрекло бы ее четырехмиллионный народ на вымирание⁹⁸. Мания величия прошла. А лекарством от этой болезни послужило наше успешное наступление, отбросившее финнов к их довоенным границам.

Исламское общество Афганистана глазами воинов-«афганцев»

Восприятие одной культуры другой никогда не бывает абстрактным: всегда существуют конкретный объект, субъект и ситуация восприятия. Афганская война воспроизвела не такой уж редкий вариант взаимодействия двух принципиально различных культур через военное противостояние, причем ситуация была осложнена тем обстоятельством, что само афганское общество было расколото на две части, одна из которых воспринимала вмешательство СССР в Афганистане как союзную помощь и поддержку, а другая, со временем усиливавшаяся и разраставшаяся, – как агрессию и навязывание силой чуждых порядков.

Проблема «свой – чужой» – всегда центральная во взаимодействии любых социумов, включая социо-культурные образования. Образ «другого» всегда воспринимается через собственный опыт, собственные традиции, психологию и даже архетипы. Чаще всего это происходит отнюдь не дружественно, без излишних симпатий, потому что собственная культура, собственные обычаи в силу человеческой психологии представляются более значимыми, а иногда и самоценными, тогда как к инородным явлениям относятся либо безразлично, либо настороженно. Ситуация, когда носители одной культуры вторгаются в среду другой, используя силу, превращает эту изначально неблагоприятную «нейтральность» в активную враждебность, которая тем сильнее, чем дальше друг от друга отстоят эти культуры. В этом смысле Афганская война – классический вариант такой ситуации, причем с обеих сторон.

Однако в советских войсках, вступивших в Афганистан, при всей их общности как представителей «советского народа» с присущим ему на поверхностном,

«надстроечном» уровне менталитетом (идеологические стереотипы, внедренные государством), служили люди разных национальностей, вероисповеданий, культур. Отсюда вытекает проблема дифференцированного восприятия афганского общества и его традиций различными субъектами, представлявшими в «ограниченном контингенте» различные субкультуры.

Среди них можно условно выделить три больших категории. Первая – это наиболее близкие афганским народам по культуре и обычаям выходцы из Средней Азии (таджики, узбеки, туркмены и др.). Этническая, языковая и религиозная общность при всем внешнем государственном влиянии создавала в этих случаях основу для восприятия афганской культуры как родственной, хотя и отсталой, застывшей в своем развитии где-то на уровне средневековья. Более удаленной была позиция представителей других народов, также исповедовавших ислам (например, татар, некоторых народов Кавказа и др.), хотя религиозная общность позволяла воспринимать афганскую культуру менее отчужденно и даже видеть в ней какие-то родственные черты. Наконец, позиция наибольшей отчужденности в восприятии была свойственна основной части воинского контингента, которая как раз и характеризовалась максимальными этническими, религиозными и социокультурными отличиями. Это была ситуационно специфическая позиция восприятия азиатской мусульманской культуры восточными европейцами (славянами, прибалтами и др.).

Конечно, не следует преувеличивать религиозные основы этих различий, потому что шесть-семь десятилетий атеистической советской власти во многом усреднили образ жизни и мышления представителей и различных этносов, и религиозных концессий. Однако не стоит и преуменьшать, так как на уровне базовых традиций, обычаев, бытового поведения и быденного сознания религиозные корни различных этно-культур в целом были очень сильны. (Об этом, например, свидетельствует ситуация в посткоммунистической Югославии, где при этнической близости населяющих ее народов после десятилетий официального атеизма религия стала главным фактором противостояния в обществе и распада государства.)

Основной интерес для нашего анализа представляет именно позиция третьей категории советских воинов-«афганцев», – и потому, что за исключением начального этапа войны они представляли подавляющее большинство в «ограниченном контингенте», и потому, главным образом, что восприятие это особенно ценно с позиции наибольшей разницы потенциалов «мусульманской» и «христианской» культур.

Следует подчеркнуть несколько важнейших параметров самой ситуации восприятия и ряд вытекающих из нее следствий. Во-первых, это было не «дистанционное» восприятие, при котором в общественном сознании стабильно существует некий набор стереотипов и предрассудков, а непосредственно личностное, действенное, в прямом контакте, следствием чего был конкретный опыт взаимоотношений, а само восприятие было чувственно-образным и эмоциональным. Не случайно значительная часть источников, создававшихся в ходе событий в Афганистане и даже после их окончания, фиксирует прежде всего чувства и переживания участников, а уже потом осмысление и анализ того, что там происходило.

Во-вторых, ситуация восприятия была экстремальной, как всякая война, в особенности на чужой территории. И тут, безусловно, на отношение советских военнослужащих к жителям Афганистана накладывался сложный комплекс чувств: их воспринимали не только как представителей иной культуры, но и как потенциальных или реальных противников, которые могут в любой момент выстрелить, напасть из-за угла, заманить в засаду, захватить в плен, убить. И здесь традиционный стереотип о восточных жестокости и коварстве очень часто находил подтверждение на практике, причем особенно в отношении к иноверцам-европейцам. Один из источников приводит распространенную формулу моджахедов

(то есть «борцов за веру», как они сами себя называли), когда они предлагали сдаться окруженным советским солдатам: «Мусульман, выходи, живой будешь. Шурави, сдавайся, не больно резать будем!»⁹⁹

В-третьих, – и это только подтверждается приведенным выше свидетельством, – поскольку ядром СССР являлись Россия и славянские республики, то фактически и афганскими моджахедами, и советскими войсками война воспринималась как противостояние культур, только одни это открыто формулировали, призывая к «джихаду» (священной войне против «неверных»), а другие под лозунгом интернациональной помощи внедряли в чужую среду свои, чуждые ей идеи.

В-четвертых, важной характеристикой ситуации была ее крайняя противоречивость. Советский «ограниченный контингент» выступал, с одной стороны, «классовым» союзником «народно-революционной» власти Кабула; с другой, – воспринимался как агрессор многочисленными, разношерстными ее оппонентами, за которыми стояла огромная часть народа. Советские войска вмешались во внутренний политический конфликт, в гражданскую войну, что сразу изменило ее характер: противники центральной власти фактически объявили войну национально-освободительной и повели ее под религиозными знаменами. Факт появления чужеземных солдат исключительно свободолобивым, независимым афганским народом был воспринят как иностранная интервенция¹⁰⁰. И чем активнее были советские военные операции в поддержку Кабульского правительства, тем сильнее возрастало сопротивление оппозиции, привлекавшей на свою сторону все более широкие слои населения.

Это не могли не замечать и советские военнослужащие. Отсюда и крайняя противоречивость восприятия ими самой войны и афганского народа. С одной стороны, некоторая романтизация событий как следствие официального лозунга об интернациональном долге, братской помощи афганским революционерам, защите государственных интересов СССР и его южных границ; с другой, – личный опыт жесткого противостояния с опасным и жестоким врагом, ведущим партизанскую войну, при отсутствии четкой грани между мирным жителем и душманом. Несомненно, на восприятие войны, а через нее и афганского общества, влиял тот факт, что противниками «народной власти» почему-то оказывались не только «банды моджахедов», но и сам народ – от мала до велика, вне зависимости от «классовой принадлежности». При этом, наверное, стоит говорить об изменении доминанты восприятия – от начальной к завершающей стадии войны. Если в 1980 году советских солдат, положивших конец зверствам режима Амина, встречали цветами, и у них появлялось ощущение того, что им действительно рады (хотя и тогда уже началось внутреннее сопротивление, первые обстрелы, первые жертвы), то к 1989 году таких иллюзий уже ни у кого не осталось¹⁰¹.

В-пятых, ситуация восприятия характеризуется и особенностью его субъекта: это были преимущественно военнослужащие, то есть люди на тот момент одной профессиональной категории, хотя среди них находились и солдаты срочной службы, и кадровые офицеры. Кроме того, в абсолютном своем большинстве это была молодежь, попавшая на войну прямо со школьной скамьи. То есть люди, почти не имевшие жизненного и социального опыта, неожиданно оказались в чужой стране, в непривычной и враждебной среде, в экстремальных обстоятельствах. Следствием чего явилась высокая степень эмоциональности в отношении к событиям и к окружающей действительности. Эта особенность отразилась и в источниках – как личного происхождения (письма, дневники, мемуары, устные воспоминания-интервью), фиксирующих такое восприятие, так и в имеющих художественную основу (авторские стихи, песни, солдатский фольклор). В последней категории источников в обобщенной символической форме выражен весь

спектр отношений к афганской войне, – и к афганскому обществу, и к самой ситуации войны, и к своему месту в ней.

С учетом приведенных выше, а также ряда других параметров и следует оценивать ситуацию восприятия советскими войсками афганского общества, его обычаев и традиций в рамках исламской культуры.

*«Что расскажешь о Востоке? Непривычная страна:
Здесь совсем другие Боги и другие имена...»¹⁰² –*

написал об Афганистане Игорь Морозов. А в других своих стихах добавил:

*«Здесь сошлись два века в противостоянии –
Век двадцатый и четырнадцатый век»¹⁰³.*

В самом деле, первое, что бросалось в глаза прибывшим в чужую страну советским солдатам, – не столько восточный колорит и экзотика, сколько ужасающая бедность: убогие глиняные постройки, оборванные, грязные, вечно голодные ребятишки, выпрашивающие «бакшиш» (подарок), нехватка или отсутствие привычных «плодов цивилизации», отчего возникало чувство, что ты отброшен назад во времени. И принятое здесь летоисчисление по мусульманскому календарю символически очень точно отражало самую суть ситуации. «Что больше всего поразило в Афганистане – это нищета, – вспоминает рядовой С.Фесюн, проходивший службу в 1980-1981 гг. в Кандагаре. – Когда мы приехали, зима была. Снега не было, но ветер, пронизывающий до костей, злой какой-то. Мы, солдаты, в ватных бушлатах и то мерзли. А местные крестьяне в это время босиком ходили. Все их жилища из песка и глины слеплены. Тогда же я увидел, как дерево продают на килограммы, тщательно взвешивая»¹⁰⁴.

При всей своей бедности афганские декхане, составляющие подавляющее большинство населения, очень трудолюбивы: «На полях люди работают не разгибая спины с утра до вечера. Почва плохая: песок вперемешку с камнями. Удобрений никаких. И все же два урожая в год снимают»¹⁰⁵. Тем удивительнее казалось сочетание этого качества с другими: вороватостью, корыстностью, даже продажностью. Обман при совершении торговых сделок рассматривался как явление вполне достойное. Причем, если в отношении мусульман между собой существовали своеобразные нормы честности, то «надуть» иноверца считалось особой доблестью. Широко было распространено воровство, даже открытое. Так, с проезжающих мимо военных машин афганцы заимствовали все, что легко откручивается. Особенной ловкостью в такого рода делах отличались местные пацаны¹⁰⁶.

С другой стороны, нельзя было не заметить разительные контрасты местной жизни: Афганистан существовал одновременно как бы в двух измерениях – в темном средневековье и в «просвещенном» XX веке, причудливо сочетая признаки и того, и другого. «Конечно же, нашей первой точкой оказался базар, – рассказывает рядовой А.Г.Банников, служивший в Афганистане в 1985-1986 гг. – Мы словно попали в века минувшие: декхане в рваных халатах, совсем нет женщин, около дуканов, как бы вмонтированные в стены, на корточках сидели то ли нищие, то ли хозяева этих магазинчиков... Но когда мы взглянули на прилавки дуканов, то убедились, что это век будущий. Наимоднейшие шмотки, которые несколько недель назад были сшиты на какой-нибудь американской или английской фабрике. Рядом с ними беспорядочно лежали японские магнитофоны, телевизоры. Часы всех мастей, духи...»¹⁰⁷ То же можно сказать и об оружии: начиная войну с дедовскими «бурами», душманы вскоре получили и освоили самое новейшее вооружение вплоть до ракетных установок. Средневековое по уровню сознания общество успешно противостояло современной армии, используя против нее как современные средства ведения войны, так и тактику партизанских действий, основанную на

вековом опыте и знании местности, тесном взаимодействии боевиков с «мирными» жителями.

Второе впечатление – огромная религиозность местного населения. Для людей, в большинстве своем воспитанных в духе атеизма, подобная атмосфера была особенно непривычна и неожиданна. Вот как описывает свои впечатления рядовой А.Бабак, проходивший службу в Кабуле и Шиндане с 1980 по 1982 г.: «Что в первое время очень удивляло, так это намаз в мечетях. Пять часов утра, до подъема еще час самого сладкого солдатского сна, а тут вдруг проповедь муллы из громкоговорителей. Жили в палатках – все было слышно. Голос у муллы какой-то жалобный и вместе с тем требовательный. Бывало, даже невольно посочувствуешь: уж больно беспокойная должность у человека. С утра до вечера служит Аллаху»¹⁰⁸.

Пожалуй, наблюдая скрупулезное соблюдение религиозных обрядов как душами, так и правительственными войсками (когда, например, посреди боя и «духи», и «сарбозы» дружно прекращали стрельбу и опускались на колени, чтобы совершить намаз), советские солдаты сильнее всего могли ощущать, что это чужая война и как неуместно их вмешательство во внутреннюю жизнь этой страны. Различие культур обуславливало и специфику ведения советскими войсками боевых действий: они были свободны от многих психологических барьеров, характерных для их союзников-царандоевцев. Так, ефрейтор А.Шатров, служивший в Афганистане в 1982-1984 гг., вспоминает, что во время одной операции они «выловили больше сотни человек из банды, которая основательно трепала наши войска. Правда, нарушили мусульманский обычай – проверили женские покои, которые есть в каждом доме. Бандиты в них и прятались, закутавшись в женскую одежду и паранджу. Афганские солдаты, которые до этого несколько раз “чесали” Самаркандиан, туда не заходили»¹⁰⁹.

Восточные традиции и религиозный фанатизм проявлялись во всем поведении моджахедов: убить врага и надругаться над его трупом считалось особой доблестью; обычным делом были зверские расправы над пленными; своим за любую провинность рубили головы¹¹⁰. Весьма характерно и отношение «духов» к опасности: все они смелые воины, но это смелость особого рода, основанная на исламском фатализме, покорности судьбе, то есть воле Аллаха. Погибнуть в бою, пролив кровь за веру, – значит обеспечить себе пропуск в рай, но при этом они панически боятся бескровной, «неправедной» смерти – быть утопленными, задушенными или повешенными¹¹¹. Таким образом, отношение к смерти у них специфически религиозное, идущее от исламских догматов. Для советских «безбожников», воспитанных тем не менее в культуре, имевшей христианские корни, это было весьма непривычное и странное мировоззрение, вызывавшее резкое неприятие.

В свою очередь для душманов «шурави» были не только чужеземцами, вставшими на сторону непопулярной политической группировки, которая, захватив центральную власть, стала нарушать вековые традиции, оскорбляя чувства верующих (закрывались мечети, расстреливались муллы, привлекались к общественной жизни женщины и т.д.)¹¹². Они были «кафирами» (поборниками иной веры), и война с ними считалась священной, получившей благословение Аллаха. Возможно, именно это обстоятельство наряду с общей психологической напряженностью вызывало в советских войсках вспышки религиозности среди атеистов: у людей возникала настоятельная потребность противопоставить уверенному в своей «праведности» неприятелю нечто равноценное в духовном плане. Идеологические клише, звучавшие на политзанятиях, для этого уже не годились: в реальной обстановке Афганской войны они выглядели беспомощными и нелепыми.

Ислам – не только религия. Это образ жизни и мыслей, ядро целой цивилизации – чуждой и до конца непонятной, отторгающей чужака-европейца. В Афганистане это было особенно заметно, потому что обычаи, характерные для исламского мира в целом, накладывались на тысячелетние традиции народа, который все-

гда выходил победителем в борьбе с внешним врагом, и любые попытки вторжения на его территорию заканчивались для завоевателей плачевно. В любом кишлаке, у каждого племени, рода и клана существует свое ополчение, так называемая «лашкара». Численность таких отрядов может составлять от десятка до нескольких тысяч человек (в межплеменных формированиях). А так как место погибшего воина по освященному веками обычаю обязан занять сын, брат, любой другой родственник или соплеменник, то «война с “лашкарой” для любой регулярной армии бесперспективна, если речь не идет о победе любой ценой»¹¹³. Даже незначительное кровопролитие вызывает здесь цепную реакцию, и по закону кровной мести за оружие берутся те, кто еще вчера оставался в стороне от борьбы. Сопротивление нарастает со скоростью горной лавины. Этого не учли политики, принимавшие решение о вводе советских войск в Афганистан, – какими бы причинами они ни руководствовались. А вот Амин, глава режима, свергнутого при участии спецподразделения «Альфа», более адекватно оценивал обстановку в стране и в ответ на критику в свой адрес со стороны советских советников по поводу того, как же можно бомбить и уничтожать целые племена, говорил: «Вы не знаете наш народ! Если какое-то племя взялось за оружие, оно его уже не сложит. Единственный выход – всех уничтожить от мала до велика! Такие у нас традиции»¹¹⁴.

Кроме того, среди пуштунских племен широко распространено наемничество, которое считается очень почетной и хорошо оплачиваемой профессией. По решению старейшин племени «лашкара» может выступить на стороне любого, кто обратится за помощью или заплатит за военную поддержку. И мотив выгоды имеет не меньшее значение, чем политический или религиозный. Так, голова советского офицера оценивалась в 300 тысяч афгани (точная цена колебалась в зависимости от звания), а урожай со среднего крестьянского надела стоил всего 50 тысяч¹¹⁵. Стоит ли удивляться, что даже «мирные декхане», не состоявшие в отрядах оппозиции, днем обрабатывали свой клочок земли, а ночью выходили на промысел совсем иного рода? И советские солдаты знали, что «гадость можно ждать от каждого», будь то старик, женщина или ребенок. Как не было в Афганистане линии фронта, так не было и границы между «мирным» и «немирным» населением, то охотно принимающим продовольственную и иную помощь, то ставящим мины на пути везущих ее колонн. Недаром враг назывался «духом»: он действительно был невидим, неслышим, неуязвим, появляясь в самых неожиданных местах и так же внезапно исчезая, – то растворяясь среди жителей кишлака, то спускаясь в «подземную страну» – «киризы», то уходя по тайным тропам в горные ущелья¹¹⁶. И ощущение себя как инородного тела в этой непонятной, враждебной стране испытывали все советские воины, оказавшиеся «за речкой».

*«Кто здесь суннит? Где здесь шиит?
Что по утрам мулла мычит?
А где здесь «хальк», а где «парчам»?
Ответ, ободренный бача!
Кто здесь декханин? Кто – душман?
Ты как кроссворд, Афганистан!
Мы в вихре классовой борьбы...
И не сюды, и не туды!»¹¹⁷ –*

написал офицер-десантник В.Иванов, очень точно отразив самоощущение «ограниченного контингента» среди всех хитросплетений и противоречий афганского общества. И возникал закономерный вопрос: «Зачем мы здесь?»

Постепенно приходило понимание того, что этот мир живет по особым законам и нужно оставить его в покое, дать возможность решить все проблемы самостоятельно, не влезая «в чужой монастырь со своим уставом». «Конечно, прочесывая кишлаки, не чувствуешь себя героем, – вспоминает А.Шатров, – тебя охватывают противоречивые мысли... Думаешь о людях, которые здесь живут. У

вают противоречивые мысли... Думаешь о людях, которые здесь живут. У них свои традиции и обычаи, как у нас в старинных селах на Севере. И вот появились мы, как инопланетяне. Что они думают о нас? Что говорят между собой? Нехорошо как-то...»¹¹⁸ Да и афганцы заявляли вполне откровенно: «Уходи, шурави. Мы сами разберемся. Это наши дела».

А дела эти представлялись советским солдатам довольно странными. Например, когда пленные душманы, взятые с оружием в руках и переданные в ХАД (службу госбезопасности Афганистана), очень скоро оказывались бойцами царандоя (народной милиции) или, откупленные родственниками, возвращались обратно в банду¹¹⁹. Многие неоднократно «кочевали» с одной стороны на другую, в зависимости от конкретной обстановки, интересов личных или своего клана и даже от времени года: «Вот станет теплее, опять подадимся в горы...»¹²⁰ Или когда правительственные войска («зеленые»), воевавшие, по мнению наших солдат, никудышно, проявляли чудеса ловкости при «проческе» кишлаков, ухитряясь выносить оттуда все подчистую вместо того, чтобы искать укрывшихся душманов¹²¹. По обе стороны находились люди, связанные племенными и родственными узами, продолжавшие поддерживать тесные взаимоотношения, обмениваться «ценной информацией». Это была очень своеобразная война, и иноземцы оказались в ней явно лишними, сыграв отнюдь не умиротворяющую роль, как это изначально планировалось, а явившись невольным катализатором нарастающей напряженности.

На личном опыте сотни тысяч советских военнослужащих убедились, что пришли в совершенно чужую страну, оказались в абсолютно непонятной и чуждой социо-культурной среде и выполняли неблагоприятную роль, поддерживая своими штыками неадекватное этой среде центральное правительство. Фактически это была роль соседа, вмешавшегося в семейную драку, не уяснив ее сути, да еще пытавшегося учить одну из сторон своим правилам и нормам поведения. Соваться в чужой, да к тому же мусульманский средневековый «монастырь» было делом заведомо проигрышным и безнадежным. Вот только расплачиваться за недалекость советского политического руководства пришлось «ограниченному контингенту». И его отнюдь не туристическое знакомство с исламским миром дорого обошлось не только воинам-«афганцам», но и нашей стране в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

XX век отмечен самыми кровопролитными войнами в истории человечества. Другой их особенностью явилось возрастание роли технических факторов, ставших в конце концов доминирующими. Вместе с тем, значение психологического фактора отнюдь не уменьшилось. Роль человека в войне, особенно в боевых условиях, осталась во многом определяющей. Не менее важно и то, что миллионы непосредственных участников войн, оказавших на них огромное влияние, возвращаясь к мирной жизни, несли в нее приобретенные на войне опыт и навыки, измененное мировоззрение и психологию, воздействуя на общество в целом.

Следует отметить, что милитаризация в XX веке глубоко затронула все более или менее развитые страны мира, существенно повлияв почти на все локальные цивилизации, в том числе и западную (особенно Западную Европу и Северную Америку), и евразийскую (или российскую, в составе бывшего СССР), и др. Однако интенсивность этого влияния, характер и степень его последствий оказались весьма различными для каждой из них. Для российской цивилизации всегда было характерно преобладание государственного, административного начала, с особой значимостью армии для обеспечения жизнеспособности страны и общества в целом. И общемировые тенденции XX века, с его непомерно усиливавшимся милитаризмом, легли на вполне подготовленную в России государственную, социальную и цивилизационную почву. Фактически, всю историю России в XX веке можно рассматривать с точки зрения поэтапной милитаризации общественного сознания за счет проникновения в гражданскую среду характерных черт психологии комбатанта.

Россия в XX веке пережила несколько страшных войн. Самыми продолжительными и кровопролитными были две мировые войны. Но и «межвоенный» период оказался наполнен почти непрерывной чередой разного рода локальных войн и вооруженных конфликтов. Из них тяжелейшей для судеб страны явилась Гражданская война, выросшая из Первой мировой и двух революций.

Такое уже случалось в российской истории. Периоды междоусобиц, смут, крестьянских войн, кровавых революций – все это разновидности внутреннего противостояния, всегда вызывающего ослабление государства и приносящего страдания миллионам людей. XX век для России оказался особенно насыщенным не только конфронтацией с внешним миром, но и жесточайшей внутренней борьбой, подступавшей к грани гражданской войны или переходившей ее. И невольно приходит мысль о тесной связи внутренних противоборств и междоусобиц с милитаризацией сознания, вызванной пребыванием общества в состоянии или «на грани» войны.

Любая война ужасна, но психология гражданской войны – явление особенно страшное. Поиск врага извне перемещается внутрь страны, понятия «свой – чужой» теряют прежнюю определенность, и тогда «врагом» может оказаться каждый, причем критерии «чужеродности» постоянно меняются и расширяются. Все-

общая подозрительность и страх, на многие десятилетия закрепившиеся в советском обществе, – прямое следствие этого процесса. Сталинский террор 1930-х годов – закономерное продолжение революционного террора и террора 20-х. Пренебрежение к человеческой жизни прочно утвердилось в общественном сознании. Решение всех проблем «жесткими мерами» логично вписывалось в сложившийся за военное время особый менталитет, носителями которого выступали в первую очередь те, кто сам участвовал в боевых действиях и научился проливать кровь – свою и чужую, для кого ценность человеческой жизни с позиций приобретенного опыта выглядела довольно сомнительной. Даже задачи мирного восстановления решались прежними, «разрушительными» методами, действенными именно в силу своей разрушительности. Терминология тех лет – «вся страна – военный лагерь», «вражеское окружение» и т.п., отражавшая международную обстановку и положение в ней Советской России, отражала и психологию общества, которое никак не могло расстаться с недавно пережитыми войнами и продолжало оставаться в состоянии «взведенного курка», ошетилившемся на весь мир и на себя самое. Экономика, политика, даже культура были пропитаны «духом войны». Широко распространенные военно-спортивные мероприятия, популярные песни революционного и военного содержания – внешние, наиболее заметные его атрибуты.

Так было между двумя мировыми войнами. Такая ситуация при некоторых особенностях повторилась в целом и после Великой Отечественной, которая нанесла народу и стране тяжелые незаживающие раны. Поколение, вышедшее из войны, имело ярко выраженное сознание комбатантов. Это было поколение победителей, спасших свою страну от гибели, человечество – от угрозы фашистского порабощения, принесшее на алтарь Отечества огромные жертвы, а потому действительно имевшее полное право считать, что свою жизнь оно прожило не зря. Но именно поэтому оно абсолютизировало приобретенный на войне опыт, считая его мерилем ценностей и в гражданской жизни, распространяя его в мирных условиях. Утверждению милитаризованного сознания в советском обществе способствовали не только его прямые носители, выстрадавшие свои взгляды и убеждения на фронтах великой войны, но и последовавшие сразу за «горячей» войной раскол мира на блоки государств и их противостояние в «холодной войне». Пожалуй, только в начале 1970-х годов вместе с военно-политической «разрядкой» произошло и некоторое смягчение психологической напряженности в обществе. Хотя говорить об изживании комплекса «военного лагеря», окруженного врагами, и тогда не приходится: нараставшие в стране экономические трудности власть оправдывала необходимостью укрепления обороны, а народ по-прежнему был готов на материальные жертвы, «лишь бы не было войны».

Ситуация резко усугубилась в результате грубого политического просчета власти, ввязавшейся в девятилетнюю афганскую авантюру, завершившуюся фактическим поражением. Оказавшаяся «национальным позором» русско-японская война привела к революции 1905-1907 гг., смене абсолютизма на конституционно-монархический строй, весьма серьезно расшатала основы и устои общества. Неудачная для России Первая мировая также обернулась тяжким внутренним катаклизмом, из которого страна выходила на путях жесткой диктатуры и радикальной смены всех ценностей и общественных отношений. Ее ветераны оказались не только «потерянным», но и «расколотым» поколением, перемолотым жерновами Гражданской войны. Фронтовики победной для России Великой Отечественной не стали «потерянным поколением» подобно ветеранам Первой мировой, так и не сумевшим понять, ради чего они сражались. Но эта болезнь в значительной мере поразила их внуков, выполнявших «интернациональный долг».

Последствия Афганской войны для СССР, при всей несхожести масштабов и исторических условий, оказались сродни результатам Первой мировой для Российской империи: обе войны привели к внутренним потрясениям и распаду госу-

дарства, обе сформировали поколение, мыслящее категориями «человека с ружьем». Неизбежный после любой войны посттравматический синдром для ветеранов Афганистана усугубился кризисом духовных ценностей, как это не раз бывало в истории после несправедливых и бессмысленных войн. Афганская война в ряду других негативных последствий породила «афганский синдром», одним из проявлений которого стало неприятие многими ветеранами мирной жизни, поиск применения своему военному опыту. Поколение «афганцев» также оказалось расколотым, разбросанным по «горячим точкам», где бывшие однополчане зачастую сражаются друг с другом на стороне противоборствующих сил. А «перестройка» и распад СССР породили таких «точек» немало, включая Нагорный Карабах, Приднестровье, Абхазию, Таджикистан...

Особенно трагичным оказался конфликт в Чечне 1994-1996 г., который стал самым крупным очагом гражданской войны на постсоветском пространстве. Впервые в такого рода конфликте в массовом масштабе были использованы регулярные вооруженные силы России, а размеры потерь приблизились к потерям Афганской войны*. И еще до завершения военных действий однозначно можно было говорить о вполне сформировавшемся «чеченском синдроме». По оценкам профессионалов-психологов, он гораздо опаснее «афганского». Причин тому несколько. Среди них и сам характер войны, которая, в отличие от Афганской, велась на собственной территории с частью собственного народа; отношение к ней в обществе (и особенно в средствах массовой информации) было изначально негативным; и наконец, полностью отсутствовала система реабилитации участников боевых действий, которая в той или иной форме существовала в 80-е годы.

Таким образом, милитаризованное сознание как народа в целом, так и его руководителей, в течение почти всего XX века стимулировало власть к предпочтению конфронтационных вариантов как во внутренней, так и во внешней политике при принятии разного рода «судьбоносных» решений. Этот стиль мышления способствовал развязыванию нескольких войн начала столетия, в том числе Первой мировой; толкнул страну к гражданскому расколу, вылившемуся в вооруженное противостояние. Он же привел к политике новой власти, не случайно получившей название «военного коммунизма». Но и с ее окончанием на многие десятилетия сохранились такие формы руководства страной, которые присущи скорее армии как государственному институту, причем в противостоянии с противником, нежели гражданскому обществу. Этот образ мышления заставлял воспринимать собственную страну как осажденную врагами крепость, из которой, в свою очередь, при первой же возможности совершались военные вылазки. В этом русле следует рассматривать и локальные конфликты второй половины 1930-х гг., и советско-финляндскую «зимнюю» войну, и походы на Запад, раздвинувшие границы СССР перед началом Великой Отечественной войны. Это же мышление стало одной из причин полувековой «холодной войны» и безудержной гонки вооружений в невыгодных для СССР условиях. Непосильное бремя военных расходов, подорвавшее его экономику, наряду с затянувшейся почти на десятилетие войной в Афганистане, явилось, пожалуй, одним из решающих факторов, не только приведших к кризису и распаду советской

* В Афганистане за девять лет войны погибло около 14,5 тыс. человек, 300 чел. до сих пор считаются пропавшими без вести, около 54 тыс. получили ранения. В Чечне за два года войны, по официальным данным на октябрь 1997 г., в списках погибших военнослужащих федеральных войск и других силовых ведомств значилось 2600 чел., ранено 5500 чел. Однако по подсчетам Комитета солдатских матерей России, погибло не менее 12 тыс., ранено не менее 60 тыс. чел., 1400 чел. пропали без вести. – См.: Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 402-404; Максимова Э. Война закончена. Забудьте // Известия. 1997. 7 октября.

ко приведших к кризису и распаду советской системы, но и нанесших тяжелый удар по российской цивилизации в целом.

Таким образом, войны, в которых участвовала Россия в XX веке, не только сами по себе оказались чрезвычайно значимыми историческими явлениями, но и радикальным образом повлияли как на жизнь нашей страны в конкретные периоды, так и на весь российский исторический процесс. Важнейшим каналом этого влияния стали российские участники войн XX века, чья психология оказалась глубоко трансформирована экстремальными фронтовыми условиями.

* * *

Отличие историко-психологического подхода к изучению российских комбатантов от военно-психологического и военно-социологического заключается в том, что, во-первых, он ориентирован на решение не узко-прикладных, а широких научных и гуманитарных задач; во-вторых, направлен на изучение прошлого; в-третьих, нацелен не на построение моделей (что, впрочем, не исключается), но на воспроизведение как общих закономерностей, так и конкретики в ее индивидуальном богатстве и своеобразии. Вместе с тем, почти все методы этих смежных наук применимы и в исторической науке, хотя ими далеко не ограничиваются и не всегда могут быть использованы в силу того, что историк, изучающий прошлое, вынужден иметь дело преимущественно с документами, а не с живыми людьми. Однако, в тех случаях, когда эта возможность для нас оказалась доступной (применительно к участникам Великой Отечественной и Афганской войн), данные методы нашли отражение в монографии. В ряде случаев инструментарий военных психологов, социологов и даже медиков и результаты их исследований послужили для нас историческим источником, а также основой для отработки нашего собственного историко-социологического инструментария (см. Приложение).

При исследовании проблемы, находящейся на стыке историко-социальных и психологических явлений, нужно иметь в виду два аспекта: с одной стороны, психологию личности и массовую психологию в экстремальных ситуациях; с другой, – каждую из войн как социальный контекст проявления и трансформации психологических закономерностей в конкретно-исторических условиях. Поэтому войну нам пришлось рассматривать и как конкретно-историческое явление в его своеобразии, и как универсальный стрессогенный фактор. Анализируя влияние конкретных войн, в которых участвовала Россия в нашем столетии, следует отметить, что каждая из них отличается высокой степенью своеобразия, что не могло не наложить отпечатка на психологию их участников.

Русско-японская, Первая мировая, советско-финляндская, Великая Отечественная, Афганская, чеченская... Между ними десятилетия и целые исторические эпохи. Но солдаты, возвращаясь с этих войн, чувствовали и думали во многом одинаково. Любая война формирует особый склад личности – при всех индивидуальных особенностях людей, при всей специфике самих вооруженных конфликтов. А в исторические масштабы этих войн вмещаются сотни тысяч, миллионы неповторимых человеческих судеб и множество психологических проблем, порожденных спецификой каждой отдельной войны.

Одной из важных проблем войны как пограничной ситуации является «психология боя», включающая феномен «солдатского фатализма». В экстремальных обстоятельствах войны и особенно непосредственных боевых действий, являющихся квинтэссенцией опасностей для человеческой жизни, наиболее часто происходит усиление иррационального начала в психике. Этот процесс выступает в качестве механизма психологической защиты, способствующей самосохранению психики человека в нечеловеческих условиях. «Солдатский фатализм», являющийся одной из форм иррациональной веры, в какой-то мере нейтрализует действие острейших стрессов, притупляет страх, символически отдавая жизнь в руки судьбы, рока, Бога и т.п. Тем самым снижается уровень эмоционального потрясения и напряжения, и человек

нального потрясения и напряжения, и человек получает больше возможностей для рациональных решений, чем обусловлен позитивный аспект «солдатских суеверий».

Но обстоятельства войны включают не только экстремальные ситуации боя, но и гораздо более продолжительные по времени периоды затишья, повседневности быта, при этом одно тесно переплетается с другим, опасность становится частью быта, а быт проявляется в обстановке постоянной опасности. При этом организация фронтового быта имеет немаловажное значение для морального духа войск и его боеспособности, хотя влияние отдельных бытовых факторов на психологическое состояние армии и ход боевых действий в конкретных войнах, безусловно, неодинаково. Так же как экстремальные обстоятельства войны, фронтовой быт находит широкое отражение в источниках личного происхождения участников всех войн, что свидетельствует о его психологической значимости. При этом становится очевидным, что большинство проблем быта универсальны для всех войн, хотя они и выступают в специфической форме, зависящей от особенностей конкретной войны и участка боевых действий.

На стыке историко-теоретических и конкретно-исторических проблем находится проблема выхода из войны, связанная как с социальной адаптацией комбатантов к мирной жизни, так и с посттравматическим синдромом, являющимся сложной категорией и междисциплинарным явлением, изучаемым одновременно военными медиками, психологами, социологами. Вместе с тем, это и более широкое явление, которое характеризует не только бывших участников войн и вооруженных конфликтов, но иногда и состояние целого общества. В нашем случае особый интерес представлял так называемый «афганский синдром», затронувший не только вышедший из войны «ограниченный контингент», но и советское общество в целом, явившись одним из факторов его глубокой трансформации.

Наряду с закономерностями «экстремальной психологии» и характеристикой российских войн как конкретно-исторического контекста их реализации, есть еще и третий аспект проблемы: многообразие характеристик самих российских участников вооруженных конфликтов. Между индивидуальным своеобразием личной психологии и универсальными психологическими закономерностями, в том числе в экстремальных ситуациях, лежит огромный промежуточный пласт коллективной, групповой психологии. Здесь и психология рядового и командного состава, и военно-профессиональная психология, включая особенности родов войск; здесь и широкий спектр социально-демографических и социальных категорий, включая специфику половозрастной и собственно социальной психологии, образовательного уровня как фактора, влияющего на психологию. Специфика организации как жестко структурированного государственного института в течение всех войн XX века определяла доминирующее значение психологии «командир-подчиненный» в массовом проявлении психологии рядового и командного состава. Групповая психология в системе военной иерархии проявлялась в корпоративности офицерского корпуса, которая в дореволюционной армии усиливалась его сословностью, а в послереволюционный период, после кратковременной «демократизации», постепенно возродилась, хотя и не в столь жестких формах, в силу универсальных принципов строительства вооруженных сил, включающих строгую субординацию и дисциплину как основу функционирования армии.

Пожалуй, психологические особенности личного состава, связанные с его принадлежностью к конкретным видам вооруженных сил, родам войск и военным специальностям, наряду со спецификой, вытекающей из принадлежности к рядовому или командному составу, в наибольшей степени отражают собственно военно-психологические характеристики всех военнослужащих, и представляют собой важный «срез» групповой военной психологии, накладывающей свой отпечаток не только на массовые категории военнослужащих, но и на каждого бойца и командира.

Практически непрерывный технический и социальный прогресс в течение XX века обуславливал и качественную эволюцию вооруженных сил, приводил к существенным переменам в способах и характере ведения боевых действий. От войны к войне происходили изменения в структуре российской армии, смена видов вооруженных сил,

дили изменения в структуре российской армии, смена видов вооруженных сил, внутри которых, в свою очередь, менялся приоритет родов войск, приход одних и уход других с военно-исторической сцены, отмирание старых и зарождение новых военных профессий, нарастало усложнение профессиональных навыков, требующихся в каждой из военных специальностей, которых стало намного больше. Эволюция вооруженных сил под влиянием технического прогресса радикально повысила требования к личному составу и в уровне образования, и по специальной подготовке, и по интеллектуально-психологическим качествам. «Профессиональная» психология в войнах XX века оказывалась особенно значимой по мере развития видов оружия, усложнения технического оснащения войск и структуры вооруженных сил.

Но и другие факторы, хотя и подчиненные по сравнению с военно-иерархическими и военно-профессиональными, имели существенное влияние на психологию участников войн XX века. Среди них – социально-демографические и собственно социальные характеристики.

Возрастные параметры военнослужащих принципиально различались лишь в мировых войнах, с одной стороны, и в локальных, – с другой, поскольку в локальных участвовала преимущественно кадровая армия, рядовой состав которой формировался из военнообязанных очередного призыва, охватывавшего преимущественно молодые возрасты (исключение составила русско-японская война, в ходе которой оказались призваны и «бородачи»), тогда как в мировых войнах мобилизации подлежала не только молодежь, но и резервисты средних и старших возрастов. Что касается офицерского корпуса, то его возрастной состав определялся иерархической структурой военной службы, связанной с выслугой лет и соответствующим повышением в воинских званиях. Нарушение возрастного баланса среди офицеров, перекос в ту или иную сторону в течение XX века не раз приводили в военных условиях к негативным последствиям. Так, избыток военных «пенсионеров» обусловил консерватизм мышления русского командования в войне с Японией 1904-1905 гг., а истребление командного состава в ходе репрессий конца 1930-х гг. привело к дефициту опытных кадров в начале Великой Отечественной.

Каждая война через ее непосредственных участников в той или иной степени влияла на современников. Вместе с тем, только с Великой Отечественной войной мы связываем понятие «фронтовое поколение» – особый социально-психологический и общественный феномен, в других войнах не сложившийся, а потому исторически уникальный. Его возникновение было определено особой значимостью Великой Отечественной в российской истории. Кроме того, именно война явилась основным фактором, личностно сформировавшим целый ряд возрастных категорий молодых людей (1922-1926 гг. рождения), вступивших в нее в незрелом возрасте и впоследствии осознавших себя поколением, отличающимся особыми качествами и общностью судеб.

Следует отметить, что военная служба и особенно участие в боевых действиях и в XX веке оставались преимущественно прерогативой мужчин. Однако одним из важных параметров, которые необходимо учитывать при изучении психологии войн именно XX столетия, является участие в них женщин и связанная с этим совокупность социально-психологических проблем. Женщина с оружием в руках во все времена считалась явлением из ряда вон выходящим. В XX веке участие женщин в вооруженных конфликтах приобретает массовый характер. Индустриализировавшееся общество не только вовлекло их в производство, постепенно уравнивая в правах и обязанностях с мужчинами в гражданской жизни, но и все чаще использовало женщин в сфере, чуждой самой женской природе – в вооруженных конфликтах. В советскую эпоху эмансипация со всеми ее последствиями проявилась, в частности, в приобщении женщин к занятиям военно-прикладными видами спорта, которые стали своего рода физической и психологической подготовкой к их массовому участию в Великой Отечественной войне.

После Второй мировой женщины, пусть и не в столь широких масштабах, продолжали использовать на службе в армии и в профессиях, с нею связанных. В период войны в Афганистане женщины, как правило, вольнонаемные, находились в основном на

вспомогательных службах. Однако сам факт присутствия их в составе «ограниченного контингента», в боевой обстановке, можно рассматривать как особый социально-психологический феномен, присущий всему XX веку: не только общество изменило свое отношение к участию в войне «слабого пола», но и сами женщины весьма охотно связывали свою судьбу с армией, как мирной, так и воюющей.

В течение XX века происходило постепенное снижение значимости социального происхождения в совокупности социальных характеристик личного состава армии, а реальный социальный статус был важен преимущественно для кадровых офицеров и все больше зависел от служебного продвижения. Другой важный параметр – уровень образования – в основном был связан с принадлежностью к рядовому и командному составу, а в начале века тесно коррелировал с социальным происхождением. В течение столетия существенно изменились как социальный состав армии, так и ее культурный и общеобразовательный уровень. Радикальные перемены в этом отношении затронули именно рядовой состав, который прошел эволюцию от малограмотной дореволюционной армии, состоявшей преимущественно из крестьян, до советской армии 1980-х гг., в основном из горожан со средним образованием, что предопределило качественные изменения его психологии и сознания.

В сфере, относящейся к менталитету, чрезвычайно сложно разделить собственно психологические компоненты и другие, характеризующие общественное сознание, особенно его содержательную сторону. Мировоззрение людей, их взгляды на различные стороны действительности, их ценности и установки формируются весьма сложным образом: как в результате их повседневного бытия, жизненного пути, приобретаемого опыта, так и под влиянием внешних по отношению к обыденной жизни человека сил, прежде всего различных институтов государства, «внедряющего» в массовое сознание целую систему идеологических представлений и установок (политических, правовых, моральных и т.д.). В войнах эта неразрывная связь психологии и идеологии имеет особое значение, потому что в совокупности и составляет морально-психологический дух армии, ее устойчивость в условиях длительного нравственного, эмоционального и физического напряжения. В целом духовный фактор воюющих сторон (который помимо психологического включает идеологический и моральный компоненты) всегда проявляется в ряде областей, – таких как отношение к Отечеству; к войне, ее характеру и целям; к опасностям и тяготам войны; к товарищам по оружию; к врагу; к гражданскому населению, и др. И в каждой из этих областей присутствуют как идеологический, так и собственно психологический компоненты.

В войнах, которые вела Россия в XX веке, их идеологическое оформление всегда имело чрезвычайно большое значение, как правило, существенно сказываясь на исходе и результатах войны. Ясность целей, справедливый характер войны во многом предопределил способность не только армии, но и народа вынести неимоверно тяжелое и длительное напряжение в самой кровопролитной – Великой Отечественной войне, тогда как «непонятная» русско-японская война начала века была позорно проиграна в первую очередь из-за непопулярности в обществе, то есть идеологического фактора. Даже Первая мировая война, объявленная властью Великой, Отечественной и Народной, привела в результате к деморализации и разложению армии во многом из-за неэффективности пропагандистской работы в войсках и среди гражданского населения, низкой ее интенсивности и неадекватности сознанию народной, преимущественно крестьянской массы, в то время как весьма эффективной оказалась контрпропаганда противника и особенно антивоенная пропаганда революционных кругов. Нельзя не отметить, что и Афганская война была проиграна вовсе не на поле боя, а в сфере идеологии и – в широком смысле – общественного сознания, а также при принятии неадекватных политических решений.

Войны XX века со всей определенностью продемонстрировали, что даже при многократном возрастании роли технического фактора достичь победы невозможно без определенного морально-психологического состояния населения страны в целом и ее армии в особенности, а его регулирование является одним из важнейших факторов мо-

билизации ресурсов общества в чрезвычайных военных условиях. При этом обеспечение морального духа в ходе войны осуществляется прежде всего идеологическими средствами и инструментами. От четкой идеологической мотивации войны, от интенсивности и точности «политико-воспитательной работы», как правило, в решающей степени зависело морально-психологическое состояние войск, а их недоучет способствовал поражению даже при наличии достаточного военно-стратегического потенциала.

Среди важнейших идеологических инструментов воздействия на психологию личного состава вооруженных сил и общества в целом было формирование героических символов, которые являются феноменом массового, во многом мифологизированного сознания. Символы как обобщенные социальные образцы индивидуального, группового, массового поведения, на которые общество ориентирует своих членов в аналогичных, общественно значимых ситуациях, приобретают значение самостоятельной социальной ценности, становятся как предметом подражания в жизни, так и идеологическим инструментом агитации, пропаганды и воспитания.

В исследовании этой проблемы мы натолкнулись на важность вопроса о соотношении целенаправленно и искусственно формируемых властью символов с символами, возникающими в общественном сознании спонтанно, являющимися «народными». В действительности, как оказалось, между ними нет пропасти: чтобы стать феноменом массового сознания, символы, являющиеся продуктами народного мифотворчества, то есть возникающие «снизу», и символы, внедрявшиеся властью через средства массовой информации, литературу, кино и т.д., рано или поздно должны были сомкнуться. Первые из них, как правило, получали подкрепление со стороны официальной пропаганды, а вторые нередко становились популярными в народе, несмотря на свое официальное происхождение. Фактически во всех больших войнах XX века проявлялись эти закономерности, однако лишь в Великой Отечественной войне героические символы стали феноменом массового, даже общенародного сознания и вошли в его устойчивую структуру – историческую память народа.

Важным срезом общественного сознания является религиозность, представляющая собой значимый фактор психологического состояния военнослужащих, который в зависимости от конкретных исторических условий каждой из войн становился средством или объектом идеологического воздействия. В общей психологической структуре комбатантов религиозное сознание играет особую роль, так как война всегда вызывает всплеск религиозных чувств у непосредственных участников боевых действий. Исследование показало, что преобладающие формы проявления религиозного сознания связаны с доминирующим в данном обществе религиозным или атеистическим мировоззрением. Традиционная религиозная культура реализует эту естественную для экстремальных условий психологическую потребность людей в свойственных ей обычаях и обрядах, тогда как в атеистическом обществе бытовая религиозность остается элементом индивидуальной или групповой психологии, проявляясь в наиболее простых или даже примитивных формах.

История российских войн XX века выявила тенденцию изменения доминирующих форм бытового религиозного сознания: от традиционного конфессионального (в русско-японской и Первой мировой войнах) через его постепенное, хотя и не полное, вытеснение и смешение с новым бытовым мистицизмом (в период Великой Отечественной) к преобладанию последнего (во время Афганской войны). В последующем, в «горячих точках» постсоветского пространства эта тенденция сохранялась.

Среди ключевых проблем любых вооруженных конфликтов – формирование образа врага. В условиях войны социально-психологическая дихотомия «свой-чужой» оборачивается превращением нравственного императива «не убий!» в категорическое требование социума к личности: «убей врага!» Выживание социума ставится выше ценности человеческой жизни, в данном случае – представителя чужого, враждебного социума. Это решающим образом влияет на восприятие противника, определяет его механизмы. На основе проведенного анализа российских войн XX века можно сделать

вывод, что образ врага как социально-психологический феномен разворачивается во времени и в конкретных условиях, обретая специфику в зависимости от объекта восприятия – самого противника, от личных качеств субъекта восприятия, и от особенностей взаимодействия между ними, то есть конкретных условий восприятия. Обобщенный образ врага, формирующийся в ходе войны, включает в себя официально-пропагандистский, служебно-аналитический и личностно-бытовой образы. При этом общая логика формирования этого образа заключается в переходе от абстрактной мифологической модели, порожденной средствами массовой информации, пропагандистским аппаратом армии и другими подобными структурами, к индивидуально-личностному отношению, основанному на собственном опыте соприкосновения с противником. Оба пласта данного образа сохраняются на всех этапах войны, хотя их соотношение в индивидуальном и массовом сознании постепенно изменяется.

Особый интерес представляет компаративный анализ образа врага в сопоставимых по масштабу войнах и с участием одного и того же исторического (национально-государственного) противника. Так, на особенности формирования этого образа в двух мировых войнах повлияли принципиальные их различия: столкновение разных типов государств, ход войны, степень жесточенности и т.д. Во Второй мировой войне с обеих сторон принципиально большую роль играл идеологический момент, что при проведении сравнительно-исторического анализа позволило выявить не только стабильные этно-психологические элементы взаимовосприятия «русские – немцы», но и изменчивое воздействие идеологии на формирование образа врага в рамках двух сравнительно близких европейских культур.

Особенностью Первой мировой войны был переход от стереотипа «врага-зверя» к образу «врага-человека», чему способствовал ряд факторов (не слишком понятный с обеих сторон смысл войны, ее относительная, по сравнению со Второй мировой, ограниченность охвата боевыми действиями территорий обеих стран – Германии и России, степень проникновения в тыл противника, существенно меньшая степень жесточенности и др.). Вторая мировая война отличается от Первой мировой доведением психологического отторжения противника до высшей степени эмоциональной враждебности и полного неприятия любого представителя чужого (вражеского) государства, этноса, носителя иной культуры. Всего за четыре года Великой Отечественной войны был достигнут эффект полного национально-культурного отторжения немцев, а образ «врага-зверя» надолго стал той призмой, через которую в российском народном сознании воспринималась не только германская армия, но и немецкая нация в целом. Отзвуки этого отношения и после окончания войны в течение ряда десятилетий сохранялись в сознании наших соотечественников.

Особую проблему представляет формирование образа врага в локальных войнах и вооруженных конфликтах. К ее решению мы также подошли путем сравнительно-исторического анализа: сквозь призму всех войн, где Россия имела дело с данным конкретным противником. Образ Японии в качестве российского противника был рассмотрен через сопоставления русско-японской войны начала века, конфликтов на озере Хасан и реке Халхин-Гол конца 1930-х гг. и завершающего этапа Второй мировой войны – советско-японской кампании 1945 г. Подобно ситуации с Германией, Россия выступала здесь в двух разных качествах – дореволюционной монархии и постреволюционного «социалистического» государства. Но ее противник, по сути, был одним и тем же, принадлежа к азиатской, чуждой европейцам культуре, вследствие чего и образ врага в конфликтах с ним выстраивался по особым законам.

В XX веке дважды выступала в роли противника СССР Финляндия: в «зимней» войне 1939-1940 гг. и во время Великой Отечественной войны в качестве союзника Германии. В первом случае финны являлись основным противником, а во втором превратились в противника второстепенного, действовавшего приблизительно на том же театре военных действий, что и в предшествующей локальной войне.

Следует отметить, что в формировании образа врага-Японии от войны к войне все большую роль играл идеологический фактор, получившая мощное развитие во второй половине 1930-х – 40-х гг. советская пропаганда, тогда как в противостоянии с Финляндией пропагандистский фактор был значим изначально. В обоих случаях мы сопоставляли образ одного и того же врага в разных по масштабу и характеру войнах, но прослеживая его эволюцию в народном сознании на протяжении ряда лет и даже десятилетий.

Особое место в отечественной истории XX века занимает война в Афганистане, которая была локальной, «малой», велась исключительно на чужой территории и с представителями иной – мусульманской – культуры, и образ врага в этом случае явился крайней формой восприятия исламского мира личным составом советского «ограниченного контингента», состоявшего преимущественно из славян-европейцев. При этом особенности партизанской войны обусловили распространение образа врага с собственно моджахедов, ведущих вооруженную борьбу против Кабульского правительства и поддерживающих его советских войск, на гражданское население, поскольку провести четкую границу между повстанцами и мирными жителями было невозможно. Противоречивость этого образа определялась еще и тем, что к одной и той же культуре, этническим и религиозным группам принадлежали как союзники СССР, так и его противники.

В целом, на основании проведенного нами исследования войн XX века можно сделать вывод, что механизм формирования образа врага всегда направлен на обоснование своей правоты в войне и собственного превосходства, которые должны стать важными факторами победы. И то, и другое достигается путем противопоставления негативных качеств противника (подчеркивание его агрессивности, жестокости, коварства и т.п.) своим собственным качествам, рассматриваемым как позитивные ценности.

* * *

Как видно из перечисленных проблем, содержащихся в монографии, они составляют стержневую часть многогранной темы «Психология войны в XX веке». Вполне очевидно, что исчерпать весь спектр проблем, связанных с историко-психологическим изучением человека на войне, в одном исследовании просто невозможно, тем более, что эта область исторической науки, по сути, только начинает осваиваться. Потому цель данной монографии состояла в том, чтобы проследить эволюцию ключевых психологических факторов войны путем анализа опыта русской и советской армий в основных вооруженных конфликтах России XX века. Мы также попытались заложить основу историко-психологической концепции роли человека в современной войне, что имеет значение для изучения не только собственно военного противостояния государств, но и в более широком историческом контексте, в том числе и в исследовании общества в периоды мирного развития.

Как и любому исследователю, приступающему к изучению новой для исторической науки тематики, нам пришлось одновременно решать комплекс задач – методологических, источниковедческих и методических, применив затем эти решения для анализа конкретно-исторического материала. Полученные при этом результаты и исследовательский инструментарий в дальнейшем могут быть использованы при работе с более широким кругом объектов – других войн и связанной с ними проблематики. Вместе с тем, они имеют не только чисто научное, но и прикладное значение для современной российской армии, и могут применяться при анализе социально-психологических процессов, развивающихся в ходе вооруженных конфликтов, а также их последствий для отдельных сфер общественной жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ *Серебрянников В.В.* Социология войны. М., 1997. С. 11-12.
- ² Их военно-психологические взгляды представлены в следующих трудах: *Макаров С.О.* Рассуждения по вопросам морской тактики. Пг., 1916; *Его же.* Рассуждения по вопросам морской тактики. М., 1943; *Макаров С.О.* Документы. В 2-х т. М., 1953, 1960; *Драгомиров М.И.* Учебник тактики. Б.м., 1879; *Его же.* Офицерская памятка. СПб., 1892; *Его же.* Солдатская памятка. СПб., 1896; *Его же.* Очерки. Разбор «Войны и мира», русский солдат, Наполеон I-й, Жанна д'Арк. Киев, 1898; *Его же.* Подготовка войск в мирное время. СПб., 1906; *Его же.* Учебник тактики. Киев, 1910; *Леер Г.А.* Прикладная тактика. СПб., 1877; *Его же.* Метод военных наук. СПб., 1884; *Маслов И.П.* Научные исследования по тактике. СПб., 1896; *Его же.* Анализ нравственных сил бойца. СПб., 1896.; *Бильдерлинг А.А.* Публикации в газете «Русский инвалид»: Из лагеря под Киевом (1871. № 215); Кавалерийский офицер на разведке (1885. № 28); Спешивание конницы (1885. № 101); Разведчики (1887. № 43); Эскадрон в поле (1889. № 272); Конница в будущих войнах (1889. № 272); Чувство долга и любви к отечеству (1906. № 166); Часовой (1906. № 194); Подготовлены ли мы к войне и можем ли дать отпор врагу (1909. № 69); Сила духа (1910. № 172); *Его же.* К вопросу об обучении и воспитании детей в кадетских корпусах. СПб., Бг.; и др.
- ³ Среди трудов того времени можно назвать следующие: *А.А.Корончевский* «Психология войны» (1892); *В.Н.Халтурин* «Психологическое обоснование воинской дисциплины: Критический очерк» (1896); *А.В.Зыков* «Как и чем направляются люди: Опыт военной психологии» (1898); *Н.А.Корф* «Связь военных наук с общественными» (1897) и «О воспитании воли военачальников» (1906); *Н.Н.Головин* «Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца» (1907); *П.И.Изместьев* «Из области военной психологии» (1907); *А.С.Резанов* «Военная психология как наука» (1909) и «Армия и толпа: Опыт военной психологии в связи с психологией толпы» (1910); *Н.А.Ухач-Огорович* «Военная психология» (1911) и «Психология толпы и армии» (1911); *Н.А.Орлов* «Нравственный элемент в военном деле» (1914); *В.М.Бехтерев* «Моральные итоги великой мировой войны» (1915); *С.А.Кузьмин* «Война народов. (Психологический очерк)» (1915); *В.Е.Пепелищев* «Душа русского народа. (Историко-психологический очерк)» (1917); и др.
В тот же период разработкой близких проблем занимались зарубежные исследователи. Так, в начале века появились в печати работы *М.Кампеано* «Очерки по военной индивидуальной и коллективной психологии» (1900), *Л.М.Гоше* «Очерк психологии войсковой части и командования» (1910), *Г.Н.Патрик* «Психология войны» (1915), *Б.Эльтинге* «Психология войны» (1915), *Г.Лебон* «Психология Великой войны» (1916), *В.Троттер* «Стадные инстинкты в дни мира и войны» (1916), *М.Конвей* «Толпа времен войны и мира» (1916) и др.
- ⁴ *Феденко Н.Ф., Раздубев В.А.* «Русская военная психология. (Середина XIX – начало XX века)». М., 1993. С. 11.
- ⁵ Вестник общества ревнителей военных знаний. 1913. № 241. С.2.
- ⁶ Доктор медицины *Г.Е.Шумков* является автором более 40 книг и статей по проблемам военной психологии и психиатрии. Среди его работ: «Психика бойцов во время сражений» (1905), «Рассказы и наблюдения из настоящей русско-японской войны. (Военно-психологические этюды)» (1905), «Первые шаги психиатрии во время русско-японской войны за 1904-1905 гг.» (1906), «За» и «против» военной психологии» (1912), «Герой решимости» (1913), «Душевное состояние воинов в бою: в период затишья. Тревожное состояние» (1914), «Психика бойцов под первым артиллерийским обстрелом» (1914), «Душевное состояние воинов после боя» (1914), «Угнетение психики воинов артиллерийским огнем» (1914), «Душевнобольные на войне. О практическом подразделении душевных заболеваний на войне» (1915); и др.
- ⁷ Разработанная Г.Е.Шумковым анкета приводится в работе *К.И.Дружинина* «Исследование душевного состояния воинов в разных случаях боевой обстановки по опыту русско-японской войны 1904-1905 годов» (СПб., 1910. С. 1-7). Она помещена в *Приложении* к данной монографии.
- ⁸ *Головин Н.Н.* Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца. СПб., 1907; *Его же.* Высшая военная школа. СПб., Бг; *Его же.* О социологическом изучении войны. (1935) // Социологические исследования. 1992. № 3; *Его же.* Мысли об устройстве будущей Российской Вооруженной Силы. Белград, 1925; *Его же.* Нау-

- ка о войне. О социологическом изучении войны. Париж, 1938; *Его же*. Военные усилия России в мировой войне. В 2-х т. Париж, 1939; *Golovin N.N. The Russian Army in the World War. – A sociological study. Yale University Press New-Haven. Conn. USA, 1931*; *Головин Н.Н.* Обширное поле военной психологии. Предисловие к книге П.Н.Краснова «Душа армии» // Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. – Российский военный сборник. Вып. 13. М., 1997; и др.
- ⁹ Душа армии. С. 17-18.
- ¹⁰ *Резанов А.* Паника. (Психологический этюд) // Военный сборник. 1910. № 7; *Изместьев П.И.* Из области военной психологии. Варшава, 1911; *Дмитриевский А.* Да, воин без страха и упрёка – достижимый идеал // Военный сборник. 1913. № 6.
- ¹¹ См.: *Фрунзе М.В.* Избранные произведения. М., 1957; *Хаханьян Г.* Основы военной психологии. М.-Л., 1929; *Таланкин А.* Военная психология и вопросы военно-политического воспитания в РККА. М.-Л., 1929; *Доброворский Н.* Летный труд. М., 1930; *Рубцов В.* Марксистская психология и пути ее использования в боевой подготовке и политработе Красной Армии // Война и революция. 1930. № 2; *Его же*. Психофизиологические основания воспитания и обучения бойца. Введение в военную педагогику. М., 1927; *Яковлев Г.* Рецензия на книгу Рукьера «Психоневрозы войны» // Военно-санитарное дело. 1930. № 10. С. 48-50; *Болтин Е.* Быт на службе боевого воспитания. М., 1931; Психозы и психоневрозы войны. (Под ред. В.П.Осипова). М.-Л., 1934; и др.
- ¹² См.: Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании. Сб. документов за 1917-1947 гг. Вып. 1. М.-Л., 1947. С. 190-193.
- ¹³ См.: Военная психология. М., 1972. С. 34.
- ¹⁴ См.: *Теплов Б.М.* К вопросу о практическом мышлении. (Опыт психологического исследования мышления полководца по военно-историческим материалам) // «Ученые записки» МГУ им. М.В.Ломоносова. Вып. 90. М., 1945; *Рубинштейн С.Л.* Советская психология в условиях Великой Отечественной войны // Под знаменем марксизма. 1943. № 9-10. С. 45-61; *Ананьев Б.Г.* Из оборонного опыта советской психологии // Советская педагогика. 1943. № 2-3. С. 48-50; *Рыбников М.А.* Тематика советской психологии в условиях Великой Отечественной войны // Советская педагогика. 1944. № 1; Нервные и психические заболевания военного времени. (Под ред. А.С.Шмарьяна). М., 1948; и др.
- ¹⁵ *Егоров Т.Г.* Психология. М., 1952. (2-е изд. 1955.)
- ¹⁶ *Луков Г.Д.* Психология. Очерки по вопросам обучения и воспитания советских воинов. М., 1960; *Луков Г.Д., Платонов К.К.* Психология. М., 1964.
- ¹⁷ *Платонов К.К.* Психология летного труда. М., 1960; *Коробейников М.П.* Сержанту о психологии. М., 1962 (2-е изд. 1965); Основы военной педагогики и психологии. Учебное пособие. М., 1964; Военная психология. М., 1967; Психологический отбор летчиков. Киев, 1966; *Барабанщиков А.В., Глоточкин А.Д., Феденко Н.Ф., Шеляг В.В.* Психология воинского коллектива. М., 1967; Современный бой и психология война. М., 1967; *Стрежнев В.В.* С учетом психологии каждого. В помощь молодому офицеру. М., 1969; и др.
- ¹⁸ *Коупленд Н.* Психология и солдат. М., 1960; *Лайнбарджер П.* Психологическая война. Перев. с англ. М., 1962; Современная буржуазная военная психология. Сб. переводных статей. М., 1964.
- ¹⁹ Военная инженерная психология. М., 1970; Солдат и война. Проблемы морально-политической и психологической подготовки советских воинов. М., 1971; *Глоточкин А.Д.* Общественное мнение, групповые настроения, традиции в воинском коллективе и пути влияния на них. М., 1971; *Коробейников М.П.* Современный бой и проблемы психологии. М., 1972; Идеиная закалка военных кадров. Проблемы, опыт. Сб. М., 1979; и др.
- ²⁰ *Средин Г.В., Волкогонов Д.А., Коробейников М.П.* Человек в современной войне. Проблемы морально-политической и психологической подготовки советских воинов. М., 1981; Философия и военная история. М., 1979; Армия в современном обществе. Материалы Всесоюзной научн. конференц. М., 1985.
- ²¹ Анализ заслуживающих внимание работ этой категории дан в авторской монографии «1941-1945. Фронтное поколение. Историко-психологическое исследование». М., 1995. См.: *Левашиова З.П.* Моральный облик советского воина. Рекоменд. указатель литературы. М., 1950; *Журавков М.Г.* Моральный облик советского воина. М., 1954; *Скирдо М.П.* Роль морального фактора в победе советского народа и советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. М., 1954; *Он же*. Моральный фактор в Великой Отечественной войне. М., 1959; *Шаваев А.Х.* Методологические вопросы анализа и оценки морального фактора в войне. Автореф.

- дисс. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. М., 1977; *Ильин С.К.* Моральный фактор в современных войнах. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1979; *Шеляг В.В.* Духовный облик советского народа и советских воинов. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. М., 1958; *Он же.* Основные черты духовного облика советских воинов. М., Труды ВПА, 1958. № 18; *Он же.* В этом наша сила. Очерк о духовном облике советского народа и воинов вооруженных сил СССР. М., 1960; *Он же.* Человек нового духовного облика // Коммунист вооруженных сил. 1967. № 19; *Он же.* Структура общественного сознания и проблемы формирования духовного облика советских воинов. Доклад об опубл. работах. М., 1971; и др.
- ²² *Волкогонов Д.А.* Социологический и гносеологический анализ проблем военно-этической теории. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. докт. филос. наук. М., 1971; *Он же.* Этика советского офицера. М., 1973; *Он же.* Морально-политический фактор Великой Победы // Вопросы философии. 1975. № 3; *Он же.* Беседы о воинской этике. М., 1977; *Он же.* Доблести. М., 1981; *Он же.* Психологическая война. Подрывные действия империализма в области общественного сознания. М., 1983; *Он же.* Феномен героизма. О героях и героическом. М., 1985; и др.
- ²³ Военно-психологические взгляды русских военных деятелей XVIII-XX веков. М., 1992; *Феденко Н.Ф., Раздубев В.А.* Русская военная психология. (Середина XIX – начало XX века). М., 1993; Курс военной психологии. М., 1993; *Швыдюк А.* Морская психология – взгляд изнутри // Морской флот. 1993. № 7/8; *Сосков В.* Тест – это серьезно. (О психологических исследованиях в армии) // Вестник противовоздушной обороны. 1993. № 4; *Перевалов В.Ф.* Победители стрессов сумеют не дрогнуть в бою // Вестник противовоздушной обороны. 1993. № 9; и др.
- ²⁴ Военная психология и педагогика. Учебное пособие. М., 1998; и др.
- ²⁵ *Корф Н.А.* Общее введение в стратегию, понимаемую в широком смысле. (Этюды военных наук). (1897).
- ²⁶ *Шумков Г.Е.* Первые шаги психиатрии во время русско-японской войны за 1904-1905 гг. Киев, 1907; *Головин Н.Н.* Опыт применения прикладного метода обучения на младшем курсе Императорской Николаевской Военной академии. СПб., 1912. О результатах обследования, проведенного в 1906 г. по инициативе начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта Ф.Ф.Палицына и начальника Академии Генерального штаба генерал-лейтенанта Н.П.Михневича, см.: *Агеев А.* Офицеры Русского Генерального штаба об опыте русско-японской войны // Военно-исторический журнал. 1975. № 8. С. 99-104.
- ²⁷ Среди работ зарубежных авторов конца XIX – начала XX века, которые можно отнести к направлению военной социологии, наиболее известны следующие: *Ваккаро М.* «Социологические основы» (1898); *Молинари Г.* «Величие и упадок войны» (1898); *Тард Г.* «Социальные законы» (1899); *Штейнметц Р.С.* «Война как социологическая проблема» (1899) и «Философия войны» (1907); *Зиммель Г.* «Социология конфликта» (1904); *Дарьи Ж.* «Современная социальная роль офицера» (1906); *Константин А.* «Социальная роль войны» (1907); *Иордан Д.С., Иордан Х.Е.* «Последствия войны» (1914); *Рассел Б.* «Почему воюет человек» (1917); *Николаи Г.Ф.* «Биология войны» (1917); *Шумпетерс И.* «Социология милитаризма» (1918); и др.
- Из отечественных работ социально-философской и социологической проблематики, отражающих различные аспекты войны как социального явления, следует отметить: *Заболотный В.С.* «Опыт к рациональному разрешению вопроса: «Что такое война?» (Философский эскиз на почве субъективизма)» (1900); *Введенский А.И.* «Дальне-восточная война с философской точки зрения, в связи с вопросом о войне вообще» (1905); *Гуревич В.А.* «Социологический анализ проблемы мира и Первый конгресс» (1912); *Милютин В.П.* «О влиянии войны на состояние рабочих сил в России» (1914) и «Сельскохозяйственные рабочие и война» (1917); *Кареев Н.И.* «О происхождении и значении теперешней войны» (1916); *Сорокин П.* «Причины войны и пути к миру» (1917); и др.
- ²⁸ *Штильрейн И.Н., Рейтынбарт Д.И., Нецкий Г.О.* Язык красноармейца: Опыт исследования языка красноармейца Московского гарнизона. М.-Л., 1928; *Сергеев В.П.* Эмпирические социологические исследования в РККА и РККФ в 20-е годы: состояние, проблемы, опыт // В.И.Ленин и актуальные проблемы военного строительства. Сб. научных статей. М., 1990. С. 134-154.
- ²⁹ *Соловьев С.С.* Основы практической военной социологии. М., 1996. С. 12.
- ³⁰ *Пузик В.М.* Предмет и методы конкретных военно-социологических исследований. М., 1971; *Дмитриев А.П.* Методология и методы военного исследования. М., 1973; *Бужкевич Н.Е.* Социологические проблемы войны и мира в СССР в 20-е годы. Автореф. дисс. Л., 1974; *Агеев А.* Офицеры русского Генерального штаба об опыте русско-японской войны

- // Военно-исторический журнал. 1975. № 8; Война и армия. Философско-социологический очерк. М., 1977; *Егоров Л.Г.* Методология и методика проведения конкретных социальных и военно-социальных исследований. М., 1978; *Ковалев В.Н.* Социалистический военный коллектив: социологический очерк. М., 1980; *Серебрянников В.В.* Основы марксистско-ленинского учения о войне и армии. Учебное пособие для высших военных училищ. М., 1982; *Сергеев В.П.* Развитие конкретных социологических исследований в Советских Вооруженных Силах. (Историко-философский анализ). Автореф. дисс. М., 1985; *Ведерников В.Н., Регентов Г.П.* К вопросу о развитии русской военной социологии // Социологические исследования. 1985. № 4. С. 98-101; Военно-социологическое исследование. Методическое пособие по организации и проведению. М., 1987; Актуальные проблемы развития военной социологии в условиях перестройки армии и флота: Материалы науч.-практ. конференц. М., 1990; Методические рекомендации по организации деятельности нештатных групп изучения общественного мнения военнослужащих. М., 1990; *Кузьменко Б.В., Соловьев С.С.* Обработка и анализ данных военно-социологического исследования: методическое пособие. М., 1991; *Поздняков А.И.* Информатизация и военное дело. М., 1991; Введение в профессию: учебно-методическое пособие для войсковых психологов и социологов. М., 1992; Информационно-методический сборник // Центр военно-социологических, психологических и правовых исследований Вооруженных Сил. М., 1992. № 2, 3; Общественное мнение в воинском коллективе. М., 1993; Информационно-методический сборник ЦВСППИ. М., 1992-1994. № 1-9; Как организовать и провести военно-социологическое исследование. Учебно-методическое пособие. М., 1994; *Серебрянников В., Дерюгин Ю.* Социология армии. М., 1996.
- ³¹ *Серебрянников В.В.* Военная социология: опыт и проблемы // Социологические исследования. 1993. № 12. С. 24.
- ³² *Воробьев В.Я.* Социология военная // Социологический словарь. Минск, 1991. С. 379-380.
- ³³ *Образцов И.В.* Военная социология: проблемы исторического пути и методологии // Социологические исследования. 1993. № 12. С. 4-20. Вступительная статья этого же автора «Исследование войны как специфического социального процесса» предвещает публикацию доклада русского военного мыслителя Н.Н.Головина «О социологическом изучении войны» (1935) в № 3 ж. СОЦИС за 1992 г.
- ³⁴ В сборнике «Философия войны» публикуются следующие работы: *А.Керсновский.* Философия войны; *А.Мариюшкин.* Помни войну; *Н.Головин.* Наука о войне; *П.Залесский.* Грехи старой России и ее армии; *А.Баиов.* Начальные основы строительства будущей русской армии.
- ³⁵ В сборнике «Душа армии» представлены следующие труды деятелей русской военной эмиграции: *Н.Головин.* Обширное поле военной психологии. Предисловие к книге П.Н.Краснова «Душа армии»; *П.Краснов.* Душа армии. Очерки по военной психологии; *Р.Дрейлинг.* Военная психология как наука; *Его же.* Воинский устав Петра Великого и Суворов; *Н.Краинский.* Психика и техника; *Его же.* Военный экстаз и протрация как факторы боевых операций; *П.Ольховский.* Воинское воспитание; *А.Керсновский.* Качество военного человека; *А.Попов.* Философия воинской дисциплины; *А.Баиов.* Инициатива как воинская добродетель; *Его же.* Воспитание армии и идеи графа Л.Н.Толстого; *Б.Штейфон.* Воин-Христов; *В.Доманевский.* Сущность командования; *Е.Новицкий.* Незреченная красота подвига; *Н.Колесников.* О стратегии духа и прежних ошибках; *Е.Шелль.* Государственно-политическое воспитание армии; *Е.Месснер.* Дух офицера в материалистическую эпоху.
- ³⁶ *Серебрянников В.В.* Социология войны. М., 1997.
- ³⁷ Там же. С. 228.
- ³⁸ Там же. С. 245-262.
- ³⁹ См.: История и психология. М., 1971; *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. М., 1979; *Гуревич А.Я.* Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии. 1988. № 1.
- ⁴⁰ *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993; Советский простой человек. (Опыт социального портрета на рубеже 90-х). М., 1993; *Шкуратов В.А.* Историческая психология. Ростов н/Д, 1994; *Огурцов А.П.* Трудности анализа ментальности // Вопросы философии. 1994. № 1; *Пантин И.К.* Национальный менталитет и история России // Вопросы философии. 1994. № 1; *Пушкарев Л.Н.* Что такое менталитет? Историко-графические заметки // Отечественная история. 1995. № 3; *Зубкова Е.Ю., Курприянов А.И.*

- Ментальное измерение истории: поиски метода // Вопросы истории. 1995. № 7; *Боброва Е.Ю.* Основы исторической психологии. СПб., 1997; и др.
- 41 *Петров И.Б.* Нравственный фактор в Гражданской войне. Автореф. канд. дисс. СПб, 1993; *Поляков Ю.А.* Почему мы победили? О массовом сознании в годы войны // Свободная мысль. 1994. № 11. С. 62-81; *Молодцыгин М.А.* Красная Армия: рождение и становление. 1917-1920. М., 1997; *Булдаков В.П.* От войны к революции: рождение «человека с ружьем» // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997; *Генис В.Л.* Первая конная армия: за кулисами славы // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 64-77; *Шнайдер Б.* Неизвестная война // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 104-113; *Зубкова Е.Ю.* Общество, вышедшее из войны: русские и немцы в 1945 году // Отечественная история. 1995. № 3. С. 90-100; *Ее же.* Мир мнений советского человека. 1945-1948 годы. По материалам ЦК ВКП(б) // Отечественная история. 1998. № 3, 4; *Мякушев С.Д.* Об «офицерском» прошлом красных командиров // Отечественная история. 1995. № 4. С. 213; *Щеголихина С.Н.* О воинской дисциплине в Белой и Красной армиях // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 173-174; *Симонов Н.С.* «Крепить оборону Страны Советов» («Военная тревога» 1927 г. и ее последствия) // Отечественная история. 1996. № 3. С. 155-161; и др.
- 42 *Зензинов В.М.* Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную Армию. 1939-1940. Нью-Йорк, 1944.
- 43 *Зубкова Е.Ю.* Общество и реформы 1945-1964. М., 1993. С. 17.
- 44 *Сенявская Е.С.* 1941-1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995; *Ее же.* Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997.
- 45 Анализ современного состояния исследований, осуществленных в русле «устной истории» и библиографию по проблеме см.: *Oral History // Mündlich erfragte Geschichte.* Güttingen, 1990.
- 46 *Hastings Max.* Overlord: D-day and the battle for Normandy. New-York: Simon and Schuster, 1984; Русское издание: *Хастингс М.* Операция «Оверлорд»: Как был открыт второй фронт. М., 1988; *Keegan J.* The Face of Battle. London, 1976; *Holmes R.* Acts of War. The Behaviour of Men in Battle. New-York, 1987; *Terkel S.* The Good War. An Oral History of World War II. New-York, 1984; *Vough A.A.* History of Militarism. New-York, 1950; *Connel J.* Writing about Soldiers. – Journal of the Royal United Services Institute. August 1963; *Sajer G.* The Forgotten Soldier. S.I. 1971; *Janowitz J.* The Professional Soldier. Toronto, 1964; *Stouffer A. et al.* The American Soldier. Vols. I, II. Princeton, 1965.
- 47 См.: *Голубцов В.С.* Дневники, воспоминания, переписка // Источниковедение истории СССР. М., 1973. С. 525.
- 48 Там же. С. 528.
- 49 *Соболев Г.Л.* Источниковедение и социально-психологические исследования эпохи Октября // История и психология. М., 1971. С. 237.
- 50 *Абдулин М.* 160 страниц из солдатского дневника. М., 1985. С. 147.
- 51 *Симонов К.* Солдатские мемуары. Документальные сценарии. М., 1985. С. 301-302.
- 52 *Самойлов Д.* Люди одного варианта. Из военных записок // Аврора. 1990. № 1. С. 68.
- 53 Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. – Российский военный сборник. Вып. 13. М., 1997. С. 16.
- 54 *Розовская И.И.* Методологические проблемы социально-исторической психологии (на материале французской исторической «школы» «Анналов»). Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. М., 1972. С. 20.
- 55 *Юозайтис А.И.* Субъективная реальность и исторический субъект в философии В.Дильтея. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. Вильнюс, 1989. С. 8, 18; *Габитова Р.М.* Философия немецкого романтизма: Гельдерлин, Шлейермахер. М., 1989. С. 102, 126.
- 56 *Белявский И.Г., Шкуратов В.А.* Проблемы исторической психологии. Ростов-на-Дону, 1982. С. 191.
- 57 *Хенриксен В.* Королевское зеркало. Роман. Пер. с норв. М., 1990. С. 6.
- 58 Слова, пришедшие из боя. Статьи. Диалоги. Письма. Вып. 2. М., 1985. С. 225.
- 59 См.: *Симонов К.* Солдатские мемуары. М., 1985. С. 301-302.
- 60 *Хастингс М.* Операция «Оверлорд»: Как был открыт второй фронт. М., 1989. С. 30.
- 61 Там же.
- 62 Там же. С. 29.
- 63 *Бессонов Б.И.* Герменевтика. История и современность // *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 14.
- 64 См.: Современная буржуазная философия. М., 1978. С. 300, 330.

- ⁶⁵ Соколов А.К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Теоретические проблемы исторических исследований. Вып. 1. М., 1998. С. 108.
- ⁶⁶ Чубарьян А.О. Современные тенденции социальной истории // Социальная история. Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 7.
- ⁶⁷ См.: Соколов А.К. Указ. соч. С. 108-109.
- ⁶⁸ Узнадзе Д.Н. Теория установки. М.-Воронеж, 1997; *Его же*. Психологические исследования. М., 1966; Франкл В. Человек в поисках смысла. Пер. с англ. и нем. М., 1990; Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». М., 1925; *Его же*. Страх. М., 1927; Лебон Г. Психология народов и масс. Пер. с франц. СПб., 1995; Сартр Ж.-П. «Слова». М., 1966; Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988; Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991; Дильтей В. Описательная психология. М., 1924; *Его же*. Введение в науку о духе // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. Трактаты, статьи, эссе. М., 1987; *Его же*. Наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. 1988. № 4; Ясперс К. Смысл и назначение истории. Пер. с нем. М., 1991; Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. Избранные статьи позднего периода творчества. Пер. с нем. М., 1991; Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. Пер. с франц. М., 1990; McNeil E.B. Psychology of Aggression. «Journal of Conflict Resolution». 1959. Vol. III. № 3; Buss A.H. The Psychology and Aggression. New-York – London, 1961; Berkowitz L. Aggression: A Social-Psychological Analysis. New-York, 1962; Fromm E. The Case for Unilateral Disarmaments. «Daedalus». 1960. Vol. 9. № 4; Fromm E. The Heart of Man. Its Genius for Good and Evil. New-York – Evanston – London, 1964; Fromm E. Beyond the Chains of Illusion. My Encounter with Marx and Freud. New-York, 1962.
- ⁶⁹ См.: Иванов Ф.И. Реактивные психозы военного времени. М., 1970; Короленко Ц.П. Психология человека в экстремальных условиях. Л., 1978; Лебедев В.И. Личность в экстремальных условиях. М., 1989; и др.
- ⁷⁰ Агеев А. Офицеры русского генерального штаба об опыте русско-японской войны // Военно-исторический журнал. 1975. № 8. С. 99-100.
- ⁷¹ Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. М., 1985. С. 230.

ЧАСТЬ I

Глава I

- ¹ Клаузевиц К. О войне. В 2-х т. Т. I. М., 1937. С. 33-34.
- ² Там же. С. 43.
- ³ Wright Q. War // International Encyclopedia of the Social Sciences. V. 16. New-York: Free Press, 1968. P. 452.
- ⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 72-73.
- ⁵ Wright Q. A Study of War. Chicago: University of Chicago Press. 1942.
- ⁶ См.: История русско-японской войны 1904-1905 гг. М., 1977. С. 353-361.
- ⁷ См.: Русская разведка и контрразведка в войне 1904-1905 гг. Документы // В кн.: Тайны русско-японской войны. М., 1993. С. 162.
- ⁸ Агеев А. Офицеры русского Генерального штаба об опыте русско-японской войны 1904-1905 гг. // Военно-исторический журнал. 1975. № 8. С. 101.
- ⁹ См.: Керсновский А.А. История русской армии. В 4-х т. М., 1994. Т. 3. С. 103-104; История русско-японской войны 1904-1905 гг. С. 365.
- ¹⁰ Россия в мировой войне 1914-1918 года. (В цифрах). М., 1925. С. 17, 30-31; Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 4. С. 165-170.
- ¹¹ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 71-72, 407.
- ¹² Там же. С. 78-79, 407.
- ¹³ Кривель А.М. Слышишь, Халхин-Гол! М., 1989. С. 70.
- ¹⁴ См.: Канун и начало войны. Документы и материалы. Л., 1991. С. 192; Секретные дополнительные протоколы к договору о ненападении между Германией и СССР от 23 августа 1939 года // Военные архивы России. 1993. Вып. 1. С. 115.
- ¹⁵ Гриф секретности снят. С. 99, 407.

- 16 Антекер П. Какие потери в живой силе и технике понесла Красная Армия в финской кампании? // Родина. 1995. № 12. С. 98.
- 17 Литовкин В. В годы войны наша армия потеряла 11944100 человек // Известия. 1998. 25 июня.
- 18 См.: Гриф секретности снят. С. 158, 407.
- 19 Литовкин В. Указ. соч.
- 20 Там же.
- 21 Гриф секретности снят. С. 159.
- 22 Там же. С. 403-405.
- 23 Локальные войны: история и современность. М., 1981. С. 9.
- 24 Гриф секретности снят. С. 66.
- 25 Там же. С. 87-87, 407.
- 26 Там же. С. 397-399.
- 27 Там же. С. 68.
- 28 Там же. С. 70.
- 29 Там же. С. 395.
- 30 Там же. С. 407.
- 31 См.: Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. М., 1997. С. 42.
- 32 Померанц Г. Вкус к жестокости // Родина. 1993. № 8-9. С. 173.
- 33 Головин Н. Обширное поле военной психологии // Душа армии... С. 34-35.
- 34 Семанов С.Н. Предисловие // Первая мировая. (Воспоминания, репортажи, очерки, документы). М., 1989. С. 8.
- 35 См.: Локальные войны: история и современность. С. 19-27.
- 36 Агеев А. Указ. соч. С. 103.
- 37 Мастыкина И. Когда я вернусь... Психиатры знают самую страшную правду о «чеченском конфликте» // Комсомольская правда. 1995. 25 апреля.
- 38 Первая мировая. (Воспоминания, репортажи, очерки, документы). С. 375.
- 39 Дернер Дитрих. Логика неудачи. Стратегическое мышление в сложных ситуациях. М., 1997. С. 148.
- 40 Там же.
- 41 Головин Н. Наука о войне // Философия войны. М., 1995. С. 149.
- 42 Гриф секретности снят. С. 99-101, 104-105, 122-123.
- 43 Вишневский В.В. Собр. соч. Т. II. «Война». М., 1954. С. 216.
- 44 Арамилев В. В дыму войны. // Первая мировая. М., 1989. С. 540.
- 45 Рид Джон. Вдоль фронта // Первая мировая. С. 384.
- 46 Царская армия в период мировой войны и Февральской революции. (Материалы к изучению истории империалистической и гражданской войн). Казань, 1932. С. 87.

Глава II

- 1 Советская военная энциклопедия. М., 1977. Т. 4. С. 261.
- 2 Дрейлинг Р. Военная психология как наука // Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. М., 1997. С. 160
- 3 Современная буржуазная философия. М., 1978. С. 300.
- 4 Там же. С. 330.
- 5 Дрейлинг Р. Указ. соч. С. 159-160.
- 6 Момыш-Улы Б. Психология войны. Алма-Ата, 1990. С. 39-40.
- 7 Коробейников М.П. Современный бой и проблемы психологии. М.: Воениздат, 1972. С. 161.
- 8 Актуальные вопросы военной и экологической психиатрии. СПб., 1995. С. 39.
- 9 Душа Армии. С. 19.
- 10 РГВИА. Ф. 2019. Оп. II. Д. 19. Л. 265-287.
- 11 Клаузевиц. О войне. В 2-х т. Т. I. М., 1937. С. 78.
- 12 Коробейников М.П. Указ. соч. С. 161.
- 13 Коупленд Н. Психология и солдат. М., 1960. С. 37.
- 14 Серебрянников В.В. Социология войны. М., 1997. 266-267.
- 15 Там же.

- ¹⁶ *Junger E.* Im Stahlgewitter. Berlin, 1920; Героика и страх как модусы человеческого существования. Ранние произведения Э.Юнгера // *Философия человека: Традиции и современность.* Вып. 2. Сб. обзоров. М., 1991. С. 196-221; Э.Юнгер и «новый национализм» // *Пленков О.Ю.* Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. СПб., 1997. С. 372-384.
- ¹⁷ *Серебрянников В.В.* Указ. соч. С. 267-268.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ *Луков Г.Д.* Психология. (Очерки по вопросам обучения и воспитания советских воинов). М., 1960. С. 43-44.
- ²⁰ Там же. С. 105.
- ²¹ *Изместьев П.И.* Очерки по военной психологии. (Некоторые основы тактики и военного воспитания). Пг., 1923. С. 45.
- ²² Душа армии. С. 62.
- ²³ *Клаузевиц.* О войне. Т. I. С. 127.
- ²⁴ Военная психология. М., 1972. С. 322-323.
- ²⁵ *Краснов П.Н.* Душа армии. Очерки по военной психологии // Душа армии. С. 88.
- ²⁶ *Коробейников М.П.* Указ. соч. С. 137.
- ²⁷ *Краснов П.Н.* Указ. соч. С. 95.
- ²⁸ Цит. по: *Изместьев П.И.* Указ. соч. С. 62.
- ²⁹ *Лемке М.* 250 дней в царской ставке // Первая мировая. (Воспоминания, репортажи, очерки, документы). М., 1989. С. 401-403. В 1916 г. в Петрограде была выпущена специальная пропагандистская брошюра П.Навоева «Что ожидает добровольно сдавшегося в плен солдата и его семью. Беседа с нижними чинами», где разъяснялись те репрессивные меры, которые будут применены к «предателям Веры, Царя и Отечества».
- ³⁰ *Лемке М.* Указ. соч. С. 400.
- ³¹ Великая Отечественная война 1941-1945. События. Люди. Документы. Краткий исторический справочник. М., 1990. С. 423-424.
- ³² *Серебрянников В.В.* Указ. соч. С. 243.
- ³³ Великая Отечественная война 1941-1945. События. Люди. Документы. С. 435-436;
- ³⁴ Военная психология. С. 352-353; Современная буржуазная военная психология. М., 1966. С. 262-265.
- ³⁵ *Краснов П.Н.* Указ. соч. С. 96.
- ³⁶ *Изместьев П.И.* Указ. соч. С. 71-72.
- ³⁷ Там же. С. 60.
- ³⁸ Цит по.: Душа армии. С. 116-117.
- ³⁹ Словарь практического психолога. Минск, 1997. С. 43-44; Военная психология и педагогика. М., 1998. С. 357.
- ⁴⁰ *Самойлов Д.* Люди одного варианта. Из военных записок // Аврора. 1990. № 2. С. 50; № 1. С. 76.
- ⁴¹ Центр документации «Народный Архив» (далее – ЦДНА при МГИАИ). Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 35-36.
- ⁴² «Я точно знаю: меня никогда не убьют!» // Комсомольская правда. 1993. 8 мая.
- ⁴³ Из интервью с полковником С.М.Букваревым от 24.11.93 г. // Личный архив.
- ⁴⁴ *Чемоданов Г.Н.* Последние дни старой армии. М.-Л., 1926. С. 49.
- ⁴⁵ *Павлов И.П.* Полн. собр. соч. Т. III. Кн. 2. М., 1951. С. 209.
- ⁴⁶ Современная буржуазная военная психология. М., 1964. С. 50-53; *Серебрянников В.В.* Указ. соч. С. 242-243.
- ⁴⁷ *Краснов П.Н.* Указ. соч. С. 44.
- ⁴⁸ *Арамилев В.* Указ. соч. // Первая мировая. С. 542.
- ⁴⁹ *Коробейников М.П.* Указ. соч. С. 162.
- ⁵⁰ Из интервью с майором П.А.Поповым от 4.12.93 г. // Личный архив.
- ⁵¹ *Теплов Б.М.* Ум полководца. (Опыт психологического исследования мышления полководца по военно-историческим материалам) // *Теплов Б.М.* Проблемы индивидуальных различий. М., 1961. С. 264.
- ⁵² Там же. С. 265-266.
- ⁵³ Военная психология и педагогика. С. 316.
- ⁵⁴ Из интервью с майором С.Н.Токаревым от 25.11.93 г. // Личный архив.
- ⁵⁵ *Луков Г.Д.* Указ. соч. С. 99-100.
- ⁵⁶ *Чемоданов Г.Н.* Указ. соч. С. 78.

- ⁵⁷ Гуськов С. Если останусь жив... М., 1989. С. 216.
⁵⁸ Из интервью с майором В.А.Сокирко от 1.11.93 г. // Личный архив.
⁵⁹ Фурманов Д.А. Соч. Т. 1. М., 1951. С. 102.
⁶⁰ Измestьев П.И. Указ. соч. С. 19.
⁶¹ Чемоданов Г.Н. Указ. соч. С. 63.
⁶² Гудкова Г. Будут жить! Сапожникова М. «Сестра Валя». М., 1986. С. 181.
⁶³ Из интервью с майором С.Н.Токаревым.
⁶⁴ Пашкевич М.М. Афганистан: война глазами комбата. М., 1991. С. 22, 60.
⁶⁵ Группа специального назначения. Сборник авторских песен воинов-афганцев. М., 1991. С. 37.

Глава III

- ¹ Симонов К. Солдатские мемуары. Документальные сценарии. М., 1985. С. 297.
² Дрейлинг Р. Военная психология как наука // Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. М., 1997. С. 160.
³ Арамилев В. В дыму войны. // Первая мировая. (Воспоминания, репортажи, очерки, документы). М., 1989. С. 538.
⁴ Чемоданов Г.Н. Последние дни старой армии. М.-Л., 1926. С. 27.
⁵ Из интервью с Л.Н.Пушкаревым от 4.06.97 г. // Личный архив.
⁶ Кривель А.М. Слышишь, Халхин-Гол! М., 1989. С. 31.
⁷ Финал. Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 году. Изд. 2-е. М., 1969. С. 141-142.
⁸ Кривель А.М. Указ. соч. С. 139.
⁹ Там же. С. 137-138.
¹⁰ Комбату Засухину помогли на войне вера в Сталина, водка и теплые кальсоны // Комсомольская правда. 14 декабря 1996 г.
¹¹ Там же.
¹² Закруткин В. Кавказские записки. 1942-1944. Симферополь, 1950. С. 242.
¹³ Из интервью с майором С.Н.Токаревым от 25.11.93 г. // Личный архив; Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 404.
¹⁴ Из интервью с майором П.А.Поповым от 4.12.93 г. // Личный архив.
¹⁵ Там же.
¹⁶ Арамилев В. Указ. соч. С. 537-538.
¹⁷ Мирский М.Б. Обязаны жизнью. М., 1991. С. 142.
¹⁸ Там же. С. 143.
¹⁹ Там же. С. 155.
²⁰ Комбату Засухину помогли на войне...
²¹ Феденко Н.Ф., Раздубев В.А. Русская военная психология. (Середина XIX – начало XX века.) Учебное пособие. М., 1993. С. 32.
²² Измestьев П.И. Указ. соч. С. 24.
²³ См.: Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959. С. 94.
²⁴ Военно-исторический журнал. 1992. № 4-5. С. 23.
²⁵ Комбату Засухину помогли на войне...
²⁶ Там же.
²⁷ Кривель А.М. Это было на Хингане. М., 1985. С. 125.
²⁸ Из интервью с полковником С.М.Букваревым, майором С.Н.Токаревым, майором В.А.Сокирко, майором П.А.Поповым и др. Октябрь-декабрь 1993 г. // Личный архив.
²⁹ Данные о числе употреблявших наркотики в Афганистане приведены со слов заместителя начальника кафедры психиатрии Военно-медицинской академии Министерства обороны РФ, доктора медицинских наук С.В.Литвинцева – бывшего главного психиатра 40-й армии. См.: Мастыкина И. Когда я вернусь... Психиатры знают самую страшную правду о «чеченском конфликте» // Комсомольская правда. 1995. 25 апреля; Лория Е., Маетная Е. В Чечню уходили солдаты. Домой вернулись – наркоманы // Комсомольская правда. 1997. 22 апреля.
³⁰ Федорченко С. Народ на войне. М., 1990. С. 34.
³¹ См.: Знамя. 1990. № 10. С. 9.
³² ЦДНА при МГИАИ. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 11-15.
³³ Музей боевой славы Исторического факультета МГУ (далее – МБС ИФ МГУ). Личный фонд Ю.И.Каминского.

- ³⁴ «Но мы не забудем друг друга». М., 1990. С. 56.
³⁵ ЦДНА при МГИАИ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 7-10.
³⁶ МБС ИФ МГУ. Личный фонд Ю.И.Каминского.
³⁷ «Но мы не забудем друг друга». С. 56.
³⁸ Там же. С. 54-55.
³⁹ ЦДНА при МГИАИ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 24-25.
⁴⁰ МБС ИФ МГУ. Личный фонд Ю.И.Каминского.

Глава IV

- ¹ Дрейлинг Р. Военная психология как наука // Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. М., 1997. С. 161.
² Съедин С.И., Абдурахманов Р.А. Психологические последствия воздействия боевой обстановки. Учебное пособие. М., 1992. С. 6.
³ Военная психология и педагогика. Учебн. пособие. М., 1998. С. 299.
⁴ Александровский Ю.А. Пограничные психические расстройства. М.-Ростов н/Д., 1997. С. 327.
⁵ Там же. С. 326.
⁶ Группа специального назначения. Сборник авторских песен воинов-афганцев. С. 48.
⁷ Шарпов Ю. Как пред господом Богом чисты... // Красная звезда. 1991. 22 июня.
⁸ Из интервью с полковником И.Ф.Ваниным от 24.11.93 г. // Личный архив.
⁹ Кондратьев В., Кожмяко В. Какая же она, правда о войне? // Правда. 1990. 20 июня.
¹⁰ Кардин В. К вопросу о белых перчатках // Библиотека «Огонек». № 29. М., 1991. С. 7.
¹¹ Цит по: Кондратьев В. Красные ворота. Повесть. Роман. М., 1988. С. 411.
¹² Кондратьев В. Не только о своем поколении. Заметки писателя // Коммунист. 1990. № 7. С. 124.
¹³ Там же. С. 116.
¹⁴ Алексиевич С. У войны не женское лицо. Минск, 1985. С. 308.
¹⁵ Из пламени Афганистана. Стихи и песни советских воинов, выполнявших интернациональный долг в Афганистане, и стихи, посвященные им. М., 1990. С. 241.
¹⁶ Там же. С. 72.
¹⁷ См.: Первый съезд народных депутатов СССР. 25 мая – 9 июня 1989 г. Стенографический отчет. Т. II. М., 1989. С. 343-350.
¹⁸ См.: Второй съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. 12-24 декабря 1989 г. Т. IV. М., 1989. С. 432-454, 616.
¹⁹ После Афганистана // Комсомольская правда. 1989. 21 декабря.
²⁰ Группа специального назначения. С. 46.
²¹ Афганистан в нашей судьбе. М., 1989. С. 14.
²² Там же. С. 150.
²³ Там же. С. 15.
²⁴ Дорогие мои... Письма из Афгана. М., 1991. С. 252-253.
²⁵ Афганистан в нашей судьбе. С. 151.
²⁶ Бугров В. Нас называли «шурави» // Вестник благотворительности. 1999. № 3. С. 25.
²⁷ Истоки. Стихи и проза молодых. Альманах. Вып. 1 (23). М., 1994. С. 163.
²⁸ Дорогие мои... С. 254-255.
²⁹ Данные получены у канд. психол. наук, директора психологической службы Союза ветеранов Афганистана М.Ш.Магомед-Эминова в 1993 г.
³⁰ Бугров В. Указ. соч. С. 25.
³¹ После Афганистана // Комсомольская правда. 1989. 21 декабря.
³² Данные получены у М.Ш.Магомед-Эминова в 1993 г.
³³ См.: Мاستыкина И. Когда я вернусь... Психиатры знают самую страшную правду о «чеченском конфликте» // Комсомольская правда. 1995. 25 апреля; Любить и прощать. «Чеченский синдром» опаснее афганского // Труд. 1995. 19 сентября; Самый здоровый человек на войне – это сумасшедший. (Мнение психиатра: Чем отличается русский от чеченца на поле боя) // Комсомольская правда. 1996. 24 мая; Гритчин Н. Чеченский синдром... Буденовская // Известия. 1997. 25 марта; Максимова Э. Война закончена. Забудьте // Известия. 1997. 7 октября; и др.
³⁴ Александровский Ю.А. Указ. соч. С. 327-328.

ЧАСТЬ II

Глава I

- ¹ *Кондратьев В.* Не только о своем поколении. Заметки писателя // Коммунист. 1990. № 7. С. 117.
- ² *Чемоданов Г.Н.* Последние дни старой армии. М.-Л., 1926. С. 83.
- ³ *Самойлов Д.* Люди одного варианта. Из военных записок // Аврора. 1990. № 2. С. 50-51.
- ⁴ Там же. С. 51.
- ⁵ *Симонов К.* Солдатские мемуары. Документальные сценарии. М., 1985. С. 301-302.
- ⁶ *Песков В.* Война и люди. М., 1979. С. 154.
- ⁷ *Головин Н.* Обширное поле военной психологии // Душа Армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. М., 1997. С. 20.
- ⁸ *Краснов П.* Душа армии. Очерки по военной психологии // Там же. С. 44.
- ⁹ Там же. С. 52-53.
- ¹⁰ Там же. С. 53.
- ¹¹ Там же. С. 54.
- ¹² Цит. по: Душа армии. С. 45.
- ¹³ Из интервью с гвардии майором П.А.Поповым от 4.12.93 г. //Личный архив.
- ¹⁴ *Агеев А.* Офицеры русского Генерального штаба об опыте русско-японской войны 1904-1905 гг. // Военно-исторический журнал. 1975. № 8. С. 102.
- ¹⁵ Там же. С. 103.
- ¹⁶ ЦДНА при МГИАИ. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 14.
- ¹⁷ *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917-1920 гг. М.: Наука, 1988. С. 42.
- ¹⁸ Душа армии. С. 148-149.
- ¹⁹ *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 298; *Керсновский А.А.* История русской армии. В 4-х т. М., 1994. Т. 3. 1881-1915 гг. С. 103-104.
- ²⁰ См.: *Урланис Б.Ц.* Войны и народонаселение Европы. М., 1960. С. 510-511.
- ²¹ См.: Россия в мировой войне 1914-1918 гг. (В цифрах). М., 1925. С. 31; *Кавтарадзе А.Г.* Указ. соч. С. 28; *Волков С.В.* Указ. соч. С. 357; Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 315.
- ²² См.: Россия в мировой войне 1914-1918 гг. (В цифрах). С. 35.
- ²³ Подсчитано по: *Волков С.В.* Указ. соч. С. 298, 357.
- ²⁴ *Кавтарадзе А.Г.* Указ. соч. С. 28-29.
- ²⁵ *Краснов П.Н.* Указ. соч. С. 110-111.
- ²⁶ *Кавтарадзе А.Г.* Указ. соч. С. 21-24, 27.
- ²⁷ Там же. С. 27, 37, 50.
- ²⁸ Там же. С. 176.
- ²⁹ Там же. С. 175-176, 222.
- ³⁰ *Волков С.В.* Указ. соч. С. 309.
- ³¹ *Кулиш В.М.* Об уроках и правде истории // Страницы истории советского общества. Факты, проблемы, люди. М., 1989. С. 283; *Романичев Н.М.* Состояние вооруженных сил // Великая Отечественная война 1941-1945. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 1. Суровык испытания. М., 1998. С. 80-81.
- ³² Канун и начало войны. Документы и материалы. Л., 1991. С. 292-293.
- ³³ Там же. С. 294.
- ³⁴ *Кулиш В.М.* Указ. соч. С. 284.
- ³⁵ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945. М., 1965. Т. 6. С. 125.
- ³⁶ *Кулиш В.М.* Указ. соч. С. 285.
- ³⁷ *Волков С.В.* Указ. соч. С. 310.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ *Бордюгов Г.А.* Великая Отечественная: подвиг и обманутые надежды // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории советского государства. М., 1991. С. 271.
- ⁴⁰ *Песков В.* Указ. соч. С. 117.
- ⁴¹ *Кардин В.* Не застрять бы на обочине. С. 243.

- 42 *Кондратьев В.* Не только о своем поколении. С. 117.
 43 *Самойлов Д.* Указ. соч. // Аврора. 1990. № 1. С. 66-67.
 44 *Кондратьев В.* Не только о своем поколении. С. 123.
 45 Гриф секретности снят. С. 315.
 46 *Симонов К.* Солдатские мемуары. С. 260.
 47 Слова, пришедшие из боя. С. 124.
 48 Из интервью с майором С.Н.Токаревым от 25.11.93 г. // Личный архив.
 49 Там же.
 50 Из интервью с майором В.А.Сокирко от 1.11.93 г. // Личный архив.
 51 Из интервью с полковником С.М.Букваревым от 24.11.93 г. // Личный архив.
 52 Из интервью с майором В.А.Сокирко.
 53 Из интервью с младшим сержантом Е.В.Горбуновым от 27.10.93 г. // Личный архив.
 54 Там же.
 55 Из интервью с подполковником В.А.Бадиковым от 29.10.93 г. // Личный архив.
 56 Из интервью с подполковником В.Д.Баженовым от 4.12.93 г. // Личный архив.
 57 Из интервью с прапорщиком С.В.Фигуркиным от 4.12.93 г.; // Личный архив.
 58 Там же.
 59 Из интервью с гвардии майором П.А.Поповым.
 60 Из интервью с майором П.А.Поповым, подполковником В.Д.Баженовым, прапорщиком С.В.Фигуркиным.
 61 Из интервью с майором П.А.Поповым
 62 Из интервью с подполковником В.Д.Баженовым.
 63 Из интервью с полковником И.Ф.Ваниным от 24.11.93 г. // Личный архив.
 64 Из интервью с полковником С.М.Букваревым.
 65 Из интервью с полковником И.А.Гайдадиным от 24.11.93. // Личный архив.
 66 Из интервью с майором В.А.Сокирко.
 67 Из интервью с подполковником В.А.Бадиковым.

Глава II

- 1 *Изместьев П.И.* Очерки по военной психологии. Некоторые основы тактики и военного воспитания. Пг., 1923. С. 6.
 2 *Изместьев П.И.* Указ. соч. С.95.
 3 Советская военная энциклопедия. М., 1976. Т. 2. С. 131; М., 1979. Т. 7. С. 137.
 4 См.: *Бегунова А.И.* От кольчуги до мундира. М., 1993. С. 131.
 5 *Изместьев П.И.* Указ. соч. С. 96-97.
 6 Восточно-Прусская операция. Сб. документов. М., 1939. С. 394.
 7 Цит. по: *Изместьев П.И.* Указ. соч. С. 94.
 8 ЦДНА при МГИАИ. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 38.
 9 Из дневника Г.Д.Мироненко // Личный архив А.М.Щетинина.
 10 Из интервью с полковником И.А.Гайдадиным от 24.11.93 г. // Личный архив.
 11 *Симонов К.* Разные дни войны. Дневник писателя. М., 1975. С. 94.
 12 *Симонов К.* Солдатские мемуары. Документальные сценарии. М., 1985. С. 212-213.
 13 *Алексиевич С.* У войны – не женское лицо. Минск, 1985. С. 163-164.
 14 Там же. С. 115.
 15 Огненные фарватеры. Л., 1987. С. 57-58.
 16 *Яковенко А.* Когда конфликт неизбежен. М., 1989. С. 188-189.
 17 *Самойлов Д.* Люди одного варианта. Из военных записок // Аврора. 1990. № 2. С. 57-58.
 18 *Овчинникова Л.* Колокол на Долгом лугу. М., 1989. С. 70.
 19 *Сармакешев В.Н.* А мы такие молодые. М., 1988. С. 122.
 20 *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол! М., 1989. С. 137-138.
 21 *Овчинникова Л.* Колокол на Долгом лугу. С. 39.
 22 *Ворков С.С.* Морская гвардия. О гвардейских кораблях и частях Краснознаменной Балтики. Л., 1990. С. 64-65.
 23 *Гудкова Г.* Будут жить! *Сапожникова М.* «Сестра Валя». М., 1986. С. 179-180.
 24 *Алексиевич С.* Указ. соч. С. 310.
 25 *Сармакешев В.Н.* Указ. соч. С. 133-134.
 26 *Изместьев П.И.* Указ. соч. С. 94.
 27 Там же. С. 95.
 28 *Керсновский А.А.* История русской армии. В 4-х т. М., 1994. Т. 3. 1881-1915. С. 153.
 29 *Симонов К.* Солдатские мемуары. С. 301-302.

- ³⁰ Толстой А.Н. По Вольны // Первая мировая. М., 1989. С. 372-373.
³¹ Андреев В. Прерванный полет. Русская авиация в Первой мировой войне // Родина. 1993. № 8-9. С. 69.
³² Там же.
³³ См.: Восточно-Прусская операция. Сб. документов. С. 141.
³⁴ Андреев В. Указ. Соч. С. 68-70.
³⁵ См.: Там же. С. 69.
³⁶ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. В 6-ти т. М., 1965. Т. 2. С. 16.
³⁷ Из дневника Г.Д.Мироненко // Личный архив А.М.Щетинина.
³⁸ Из интервью с полковником Ю.Т.Бардинцевым от 24.11.93 г. // Личный архив.
³⁹ Из интервью с гвардии майором П.А.Поповым.
⁴⁰ Из интервью с полковником Ю.Т.Бардинцевым.
⁴¹ Из интервью с полковником И.А.Гайдадиным.
⁴² Из интервью с майором С.Н.Токаревым.

Глава III

- ¹ Керсновский А.А. История русской армии. В 4-х т. М., 1994. Т. 3. 1881-1915 гг. С. 38; Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 283-284.
² Зайончковский П.А. Русский офицерский корпус на рубеже двух столетий (1881-1903 гг.) // Военно-исторический журнал. 1971. № 8. С. 45-46.
³ Волков С.В. Указ. соч. С. 284.
⁴ Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX и XX вв. 1881-1903. М., 1973. С. 188-190.
⁵ Волков С.В. Указ. соч. С. 284.
⁶ Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий. С. 114-115.
⁷ См.: Там же. С. 115-118.
⁸ История русско-японской войны 1904-1905 гг. М., 1977. С. 66; Керсновский А.А. История русской армии. Т. 3. 1881-1915 гг. С. 60.
⁹ Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 3. С. 60-61.
¹⁰ Там же. С. 104.
¹¹ Там же. С. 103-104; История русско-японской войны. С. 365.
¹² Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 3. С. 141.
¹³ История Первой мировой войны. 1914-1918. В 2-х т. М., 1975. Т. 1. С. 98.
¹⁴ Вержховский Д.В., Ляхов В.Ф. Первая мировая война. 1914-1918 гг. Военно-исторический очерк. М., 1964. С. 22.
¹⁵ История Первой мировой войны... Т. 1. С. 98.
¹⁶ Волков С.В. Указ. соч. С. 357.
¹⁷ Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 3. С. 334.
¹⁸ Там же. С. 318.
¹⁹ Там же. С. 282.
²⁰ Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 4. 1915-1917. С. 340.
²¹ См.: Россия в мировой войне 1914-1918 гг. (В цифрах). М., 1925. С. 29.
²² См.: Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 96, 99, 407.
²³ Советская военная энциклопедия. М., 1980. Т. 8. С. 28-29. О возрасте солдат в «зимнюю» войну см.: Родина. 1995. № 12. С. 95.
²⁴ См.: Вихавайнен Т. Чудо «зимней войны» // Родина. 1995. № 12. С. 76.
²⁵ Гриф секретности снят... С. 139.
²⁶ Там же.
²⁷ Кон И.С. Психология юношеского возраста. (Проблемы формирования личности). М., 1979. С. 12.
²⁸ Шаронов Ю.П. Как пред господом Богом чисты... // Красная звезда. 1991. 22 июня.
²⁹ Кондратьев В. Не только о своем поколении. Заметки писателя // Коммунист. 1990. № 7. С. 116.
³⁰ Рассчитано по: Бессмертные подвиги. М., 1980. С. 81-110; Бессмертное племя матросовцев. М., 1990. С. 234-284.
³¹ Шумихин В.С., Борисов Н.В. Немеркнущий подвиг. Героизм советских воинов в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 220.

- ³² См.: *Ананьев Б.Г.* Развитие психологических функций взрослых людей. М., 1972; О проблемах современного человекознания. М., 1977. Раздел VI. Некоторые проблемы психологии взрослых.
- ³³ *Кондратьев В.* Не только о своем поколении. С. 123.
- ³⁴ Из воспоминаний С.Л.Сенявского // Личный архив.
- ³⁵ Гриф секретности снят. С. 403-405.
- ³⁶ Там же. С. 402.
- ³⁷ *Пашкевич М.М.* Афганистан: война глазами комбата. М., 1991. С. 4.
- ³⁸ *Волков С.В.* Указ. соч. С. 266.
- ³⁹ *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий. С. 213-214.
- ⁴⁰ *Волков С.В.* Указ. соч. С. 270.
- ⁴¹ *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 120-121.
- ⁴² Там же. С. 214.
- ⁴³ Военно-статистический ежегодник армии за 1912 год. СПб., 1914. С. 232-233.
- ⁴⁴ Рассчитано по: *Кавтарадзе А.Г.* Указ. соч. С. 28-29.
- ⁴⁵ Там же. С. 27.
- ⁴⁶ История русско-японской войны 1904-1905 гг. С. 68.
- ⁴⁷ *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 278.
- ⁴⁸ *Деникин А.И.* Старая армия. Париж, 1929. Т. II. С. 165.
- ⁴⁹ *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 277.
- ⁵⁰ История русско-японской войны 1904-1905 гг. С. 68.
- ⁵¹ *Керсновский А.А.* Указ. соч. Т. 3. С. 150-152.
- ⁵² История русско-японской войны 1904-1905 гг. С. 69.
- ⁵³ Там же. С. 70.
- ⁵⁴ См.: Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 310.
- ⁵⁵ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., 1992. С. 43.
- ⁵⁶ Рассчитано по: Там же. С. 49.
- ⁵⁷ История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1971. Т. 9. С. 364.
- ⁵⁸ Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. Изд. 2-е. М., 1985. С. 25.
- ⁵⁹ *Кулиш В.Н.* Об уроках и правде истории // Страницы истории советского общества. Факты, проблемы, люди. М., 1989. С. 284.
- ⁶⁰ Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1985. С. 23, 26.
- ⁶¹ Великая Отечественная война 1941-1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 484.
- ⁶² Военный энциклопедический словарь. М., 1984. С. 482.
- ⁶³ Этот вопрос подробнее рассмотрен нами в монографии: *Е.С.Сенявская.* 1941-1945. Фронтное поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995. С. 107-109.
- ⁶⁴ Цит. по: История дипломатии. М.; Л., 1945. Т. 11. С. 103.
- ⁶⁵ *Вольф А.* Звезда над передовой. М., 1983. С. 49.
- ⁶⁶ *Троицкий Е.* Русская нация: социалистическое преобразование и обновление. М., 1989. С. 39-40, 255.
- ⁶⁷ Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. М., 1997. С. 593.
- ⁶⁸ *Агеев А.* Офицеры русского Генерального штаба об опыте русско-японской войны 1904-1905 гг. // Военно-исторический журнал. 1975. № 8. С. 100-101.
- ⁶⁹ *Рид Дж.* Вдоль фронта // Первая мировая. (Воспоминания, репортажи, очерки, документы). М., 1989. С. 386.
- ⁷⁰ *Момыш-улы Б.* Психология войны. Алма-Ата, 1990. С. 163-164.

Глава IV

- ¹ *Шекспир.* Генрих VI // *Шекспир У.* Полное собрание сочинений в 8-ми т. Т. 1. М., 1957. С. 183-184.
- ² *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений в 10-ти т. Изд. 4. Т. 7. Л., 1978. С. 271.
- ³ *Бударин М.* Поручик Бочкарева: (О судьбе командира женского батальона М.Л.Бочкаревой) // Омская старина. 1993. вып. 1. С. 16-29; «Мой батальон не осрамит России...» Окончательный протокол допроса Марии Бочкаревой // Родина. 1993. № 8-9. С. 78-81.

- ⁴ Жилыева Я. Яшка. «Мы – женщины-солдаты, и нам награда – смерть!» // Московский комсомолец. 1994, 22 июля.
- ⁵ Кобзев И. Женский батальон смерти // Памятники Отечества. Полное описание России. Удмуртия. Альманах № 33. 1995, № 1-2. С. 150-153.
- ⁶ Чемоданов Г.Н. Последние дни старой армии. М.–Л., 1926. С. 110.
- ⁷ Там же. С. 121.
- ⁸ Там же. С. 123-124.
- ⁹ Краснов П.Н. Душа Армии // Душа Армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. (Российский военный сборник. Вып. 13.) М., 1997. С. 81.
- ¹⁰ Пирейко А. В тылу и на фронте империалистической войны. Воспоминания рядового. Л., 1926. С. 57.
- ¹¹ Федорченко С. Народ на войне. Фронтовые записи. М., 1990. С. 265.
- ¹² Мельник М. Ефрейтор Антонина // Комсомольская правда. 1989. 12 мая; «Кавалерист-девица» из Чека: (Подборка материалов об участнице первой мировой войны А.Т.Пальшиной. 1897-1992) // Родина. 1993. № 8-9. С. 78-81; Как кавалерист-девица стала подпольщицей // Памятники Отечества. 1995, № 1-2. С. 178.
- ¹³ Белорусский Государственный Музей Истории Великой Отечественной войны. Инв. 36792.
- ¹⁴ Алексиевич С. У войны – не женское лицо. Минск, 1985. С. 101.
- ¹⁵ Из письма Г.А.Ярцевой брату от 23.02.45 г. // ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 46. Л. 84.
- ¹⁶ Алексиевич С. Указ. соч. С. 61.
- ¹⁷ Там же. С. 58.
- ¹⁸ Там же. С. 166.
- ¹⁹ Там же. С. 61-62.
- ²⁰ Там же. С. 117.
- ²¹ Самойлов Д. Указ. соч. // Аврора. 1990. № 2. С. 77.
- ²² Алексиевич С. Указ. соч. С. 176-177.
- ²³ Симонов К. Разные дни войны. С. 225-226.
- ²⁴ Как жили на фронте // Аргументы и факты. 1995. № 18-19.
- ²⁵ Шнайдер Б. Неизвестная война // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 109.
- ²⁶ Самойлов Д. Указ. соч. С. 77.
- ²⁷ Родина. 1991. № 6-7. С. 38.
- ²⁸ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 58.
- ²⁹ Слова, пришедшие из боя. Статьи. Диалоги. Письма. Вып. 2. М., 1985. С. 98.
- ³⁰ Великая Отечественная война 1941-1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 270.
- ³¹ Из интервью автора с участниками Афганской войны. Из десяти респондентов, ответивших на вопрос «Женщины на войне. Как относились вы и ваши товарищи к присутствию женщин в армии, если они там были?», четверо высказали резко отрицательное, двое – положительное и четверо – противоречивое к ним отношение.
- ³² Из интервью с майором В.А.Сокирко.
- ³³ Из интервью с полковником И.Ф.Ваниным.
- ³⁴ Из интервью с полковником С.М.Букваревым.
- ³⁵ Коналов А. На позицию, девушки! // Комсомольская правда. 1994. 18 мая; Хохлов А. «Передай помаду заряжающей!» // Комсомольская правда. 1995. 18 мая.
- ³⁶ Григорьев А. Дорогая Женя! Пока ты убиваешь... // Комсомольская правда. 1994. 9 августа.

Глава V

- ¹ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 402.
- ² Фрейлих С. Поколение // Коммунист. 1988. № 7. С. 43-44.
- ³ Кондратьев В. Не только о своем поколении. Заметки писателя // Коммунист. 1990. № 7. С. 113, 123.
- ⁴ Бессмертие. Стихи советских поэтов, погибших на фронтах Великой Отечественной войны 1941-1945. М., 1978. С. 708-712.
- ⁵ Ради жизни на земле // Правда. 1990. 8 мая.
- ⁶ Война: день за днем... Беседа с писателем К.Симоновым // Песков В. Война и люди. М., 1979. С. 147.
- ⁷ «Как моего поколения мальчики

*фантастикой Ленина заманись –
работа в степени романтики –
Вот что такое коммунизм!»* –

- написал в 1940 г. поэт Михаил Кульчицкий, отразив энтузиазм и пафос того времени. // См.: Строка, оборванная пулей. М., 1985. С. 310.
- ⁸ Борисов Ю.С., Курицын В.М., Хван Ю.С. Политическая система конца 20 – 30-х годов. О Сталине и сталинизме // Историки спорят. Тринадцать бесед. М., 1988. С. 276-278.
- ⁹ Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы. М., 1989. С. 127, 231.
- ¹⁰ Горов В.Я., Самсонов А.М. 1941-1945. На подступах к истине // Историки спорят. С. 307.
- ¹¹ Борисов Ю.С., Курицын В.М., Хван Ю.С. Указ. соч. С. 298-299.
- ¹² Симонов К. К биографии Г.К.Жукова // Маршал Жуков. Каким мы его помним. М., 1988. С. 98.
- ¹³ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945. В 6-ти т. М., 1960. Т. 1. С. 441.
- ¹⁴ Кассис В., Комаров В., Чичков В. Покой нам и не снился. М., 1982. С. 25-26.
- ¹⁵ Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. М., 1985. С. 29.
- ¹⁶ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945. Т. 1. С. 460; Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. С. 24.
- ¹⁷ Бестужев-Лада И.В. Трудное возвращение к правде // Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989. С. 299; По данным Красного Креста, к концу 1941 г. фашистские войска захватили в плен 3,8 млн. советских солдат и офицеров. (См.: Аргументы и факты. 1990. № 6. С. 8). А всего за годы войны, по последним данным, пропало без вести, было захвачено или сдано в плен 4 млн. 559 тыс. военнослужащих Красной Армии. (См.: Известия. 1998. 25 июня.)
- ¹⁸ См.: Анфилов В. Самые тяжкие годы // Литературная газета. 1989. 22 марта.
- ¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 14. С. 318.
- ²⁰ Переписка с Н.Н.Решетниковой. 1942-1945 гг. // Из личного архива Ю.П.Шарапова.
- ²¹ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952. С. 46.
- ²² См.: Нам дороги эти позабыть нельзя: Воспоминания фронтовиков Великой Отечественной. Киев, 1980. С. 301-302; Великая Отечественная война. Вопросы и ответы. М., 1984. С. 419.
- ²³ Венок славы. Антол. худож. произвед. о Великой Отечественной войне. В 12-ти т. М., 1986. Т. 11. С. 95-96.
- ²⁴ Жуков Ю. Солдатские думы. М., 1987. С. 31.
- ²⁵ ЦМ ВС РФ. 83413/2; 4/40287/2.
- ²⁶ Никифорова Е. Рожденная войной. Морозов А. Нейтральная полоса. М., 1985. С. 178.
- ²⁷ Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. Политика и жизнь. М., 1995. С. 314-315.
- ²⁸ Кондратьев В. Красные ворота. Повесть. Роман. М., 1988. С. 411-412.
- ²⁹ Бродский И. На смерть Жукова // Нева. 1988. № 3. С. 106.
- ³⁰ Кондратьев В. Красные ворота. С. 411-412.
- ³¹ Гуськов С. Если останусь жив. М., 1989. С. 215.
- ³² Афанасьев А., Бордюгов Г. Украденная победа // Комсомольская правда. 1990. 5 мая.
- ³³ Костерин С. В каждом доме это день // Советская Россия. 1986. 9 мая.
- ³⁴ Кондратьев В. Красные ворота. С. 125.
- ³⁵ Друнина Ю. «Туча над темной Россией...» // Правда. 1990. 15 сентября.
- ³⁶ Кондратьев В. Парадокс фронтовой ностальгии // Литературная газета. 1990. 9 мая.
- ³⁷ Быков В. Так что же сделали с Победой? // Комсомольская правда. 1990. 29 сентября.
- ³⁸ Куликов В. Выше голову, фронтовик! Непраздничные мысли в предпраздничные дни // Труд. 1990. 6 мая.
- ³⁹ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 78. Л. 32.
- ⁴⁰ См.: Афанасьев А., Бордюгов Г. Указ. соч.; Адамович А. Отвоевались! М., 1990. С. 251.
- ⁴¹ См.: Буртин Ю.Г. Изжить Сталина! // Суровая драма народа. С. 10; Кардин В. Не застрять бы на обочине. Из писем фронтовому другу // Дружба народов. 1988. № 2. С. 242.
- ⁴² Симонов К. Уроки истории и долг писателя: заметки литератора // Наука и жизнь. 1987. № 6. С. 46.
- ⁴³ Быков В. Указ. соч.
- ⁴⁴ Кондратьев В. Парадокс фронтовой ностальгии.
- ⁴⁵ Кондратьев В. Не только о своем поколении. С. 113.
- ⁴⁶ Быков В. Указ. соч.
- ⁴⁷ Кондратьев В. Парадокс фронтовой ностальгии.

- 48 Там же.
49 *Кардин В.* Лучшие годы нашей жизни, или почему я равнодушен к антиутопиям // *Огонек*. 1990. № 19 (май). С. 17.
50 Там же.
51 Там же.
52 *Анфилов В.* Указ. соч.
53 *Афанасьев А., Бордюгов Г.* Указ. соч.
54 *Роковые решения*. М., 1958. С. 72-73, 98.
55 *Быков В.* Указ. соч.

ЧАСТЬ III

Глава I

- 1 *Коупленд Н.* Психология и солдат. М., 1960. С. 22.
2 См.: *Порт-Артур. Воспоминания участников*. Нью-Йорк, 1955. С. 46-47.
3 *Агеев А.* Офицеры русского Генерального штаба об опыте русско-японской войны 1904-1905 гг. // *Военно-исторический журнал*. 1975. № 8. С. 103.
4 *Начало первой русской революции*. Январь-март 1905 г. Документы и материалы. М., 1955. С. 751.
5 *Первая мировая*. М., 1989. С. 8-9.
6 *Восточно-Прусская операция*. Сб. документов. М., 1939. С. 77.
7 *Лемке М.* 250 дней в царской ставке // *Первая мировая*. М., 1989. С. 401.
8 *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 1963. С. 81-82, 83.
9 Там же. С. 83.
10 Священный порыв России на великий подвиг в защиту угнетенных братьев славян. Киев, 1914; *Сенигов И.* Почему Россия не может не победить Германию. СПб., 1914; *Орлов В.Г.* Как воюем мы и как воюют немцы. М., 1914; *Смерчинский Е.* Что делают немки, когда немцы воюют. Киев, 1915; Россия борется за правду. М., 1915; *Назаревский Б.* Война за правду. М., 1915; *Иваненко С.* О значении современной войны и о долге довести ее до победного конца. Беседа с нижними чинами. Казань, 1915; *Навоев П.* Что ожидает добровольно сдавшегося в плен солдата и его семью. Беседа с нижними чинами. Пг., 1916; и др.
11 РГВИА. Ф. 2020. Оп. 1. Д. 151. Л. 1.
12 *Толстой А.Н.* По Вольни // *Первая мировая*. М., 1989. С. 371.
13 РГВИА. Ф. 2019. Оп. 2. Д. 19. С. 563.
14 Там же. Л. 312.
15 Там же. С. 332.
16 *Бовкун Е.* Крушение старой России началось в августе 1914-го // *Известия*. 1994. 30 июля.
17 Цит. по: *Шкадов И.Н.* Озеро Хасан. Год 1938. М., 1988. С. 28.
18 Цит. по: На Халхин-Голе. Воспоминания ленинградцев-участников боев с японскими милитаристами в районе реки Халхин-Гол в 1939 году. Л., 1989. С. 14.
19 *Хрущев Н.С.* Воспоминания // *Огонек*. 1989. № 30. С. 11.
20 *Правда*. 1939. 16 декабря.
21 Цит. по: *Советский Союз: годы испытаний*. Великая Отечественная война. М., 1995. С. 29.
22 Там же.
23 *Семиряга М.И.* Незнаменитая война // *Огонек*. 1989. № 22. С. 28-30.
24 *Правда*. 1941. 23 июня.
25 *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952. С. 15.
26 Цит. по: *История Отечества: Люди, идеи, решения*. Очерк истории Советского государства. М., 1991. С. 258.
27 *Сталин И.В.* Указ. соч. С. 40.
28 *Правда*. 8 июля 1941 г.
29 *Полководцы*. Сборник. М., 1995. С. 62.
30 Там же. С. 81.
31 ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 52. Л. 17.
32 ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 58. Л. 403, 427.

- ³³ *Быков В.* Так что же сделали с Победой? // Комсомольская правда. 1990. 29 сентября.
- ³⁴ *Кондратьев В.* Не только о своем поколении. Заметки писателя // Коммунист. 1990. № 7. С. 113.
- ³⁵ Война в Афганистане. М., 1991. С. 267.
- ³⁶ Из интервью с майором В.А.Сокирко от 1.11.93 г. // Личный архив.
- ³⁷ Из интервью с подполковником погранвойск В.А.Бадиковым от 29.10.93 г. // Личный архив.
- ³⁸ Из интервью с майором С.Н.Токаревым от 25.11.93 г. // Личный архив.
- ³⁹ Из интервью с майором В.А.Сокирко.
- ⁴⁰ Из интервью с майором И.Н.Авдеевым от 23.11.93 г. // Личный архив.
- ⁴¹ Из интервью с полковником В.В.Титаренко от 25.11.93 г. // Личный архив.
- ⁴² Из интервью с майором В.А.Сокирко.
- ⁴³ Постановление Съезда народных депутатов СССР «О политической оценке решения о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 года» // Второй Съезд народных депутатов СССР. 12-24 декабря 1989 г. Стенографический отчет. М., 1990. Т. IV. С. 616.
- ⁴⁴ Восточно-Пруская операция. С. 79.
- ⁴⁵ См.: Отечественная история. 1998. № 4. С. 187.
- ⁴⁶ Восточно-Пруская операция. С. 252.
- ⁴⁷ Там же. С. 516.
- ⁴⁸ Там же. С. 260-261.
- ⁴⁹ Там же. С. 287.
- ⁵⁰ Там же. С. 86.
- ⁵¹ «Образ союзника» в сознании российского общества 1914-1945 годов // Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 274.
- ⁵² Там же. С. 277.
- ⁵³ См.: *Самойлов Д.* Люди одного варианта. (Из военных записок) // Аврора. 1990. № 2. С. 89.

Глава II

- ¹ Песни и романсы русских поэтов. (Б-ка поэта. Большая серия.) М.-Л., 1965. С. 885-886; Морской бой под Чемульпо (Подвиг «Варяга») // Иллюстрированная летопись русско-японской войны. СПб., 1904. С. 88-106;
- ² *Бирюков Ю.* «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»...» // Родина. 1994. № 8. С. 120.
- ³ См.: *Керсновский А.А.* Указ. соч. Т.3. С. 96.
- ⁴ *Поляновский Эд.* Русский американец // Известия. 1997. 12 апреля; *Его же.* Юрочка // Известия. 1996. 2 ноября.
- ⁵ *Войтоловский Л.* По следам войны // Первая мировая. (Воспоминания, репортажи, очерки, документы). М., 1989. С. 508-509.
- ⁶ Родина. 1993. № 8-9. С. 156-157, 185, 191.
- ⁷ *Дуров В.* Георгиевские награды // Георгиевские кавалеры. Сборник в 4-х т. Т. 1. М., 1993. С. 11-12.
- ⁸ Там же. С. 8-9; *Сенявская Е.С.* «Душа моя была уставшая...» // Родина. 1996. № 3. С. 101.
- ⁹ Из рецензии на монографию немецкого историка Х.Ф.Яана «Патриотическая культура в России в период Первой мировой войны». См.: Отечественная история. 1998. № 4. С. 187.
- ¹⁰ Москва военная. 1941-1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 728.
- ¹¹ Там же. С. 494-495.
- ¹² *Дмитренко А.* Александр Стомба. М., 1986; *Кучкина О.* В день Аиста // Комсомольская правда. 1987. 23 октября; Герои Советского Союза (Афганистан) // Война в Афганистане. М., 1991. С. 364.
- ¹³ Война в Афганистане. С. 363-365.
- ¹⁴ «Мой батальон не осрамит России...» Окончательный протокол допроса Марии Бочкаревой // Родина. 1993. № 8-9. С. 78-81; *Кобзев И.* Женский батальон смерти // Памятники Отечества. Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. 1995. № 1-2. С. 150-153; Яшка. («Мы – женщины-солдаты, И нам награда – смерть!») // Московский комсомолец. 1994. 22 июля.
- ¹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 16. Л. 393.

- ¹⁶ См.: Гагарин С. Правда о Второй Ударной // Переписка на исторические темы: Диалог ведет читатель. М., 1989. С. 401-434; Черепанов М. Армия не сдается // Комсомольская правда. 1987. 27 сентября.
- ¹⁷ Бессмертие долины Славы // Правда Севера. 1990. 17 июня; Город-герой Мурманск. Мурманск, 1989.
- ¹⁸ Карпов В. Полководец // Роман-газета. 1985. № 8. С. 22; № 9. С. 9-11.
- ¹⁹ Великая Отечественная война 1941-1945. События. Люди. Документы. Военно-исторический очерк. М., 1990. С. 352; Коваленко Я.С. Под командой Маринеско // Горпеды в цель! Сборник воспоминаний. Л., 1989. С. 250; Награды за мужество // Правда. 1990. 6 мая.
- ²⁰ Литовкин В. Неизвестные герои Великой войны // Известия. 1991. 8 мая.
- ²¹ Костенко К., Яковлева Т. На весах правды // Комсомольская правда. 1989. 5 января.
- ²² Мальгин А. Самый советский из поэтов // Столица. 1991. № 6.
- ²³ Кондратьев В. Оплачено кровью // Родина. 1991. № 6-7. С. 7.
- ²⁴ Мерцалов А. Один к пяти // Родина. 1991. № 6-7. С. 138.
- ²⁵ Кондратьев В. Оплачено кровью. С. 7.
- ²⁶ Твардовский А. Василий Теркин. Дом у дороги. М., 1985. С. 174.
- ²⁷ Карельский фронт в Великой Отечественной войне. 1941-1945. Военно-исторический очерк. М., 1984. С. 100-101.
- ²⁸ Цифры приводятся разные. Так, в статье «Братья Матросова» в «Правде» за 5 апреля 1990 г. сказано, что, по последним данным, героев, закрывших своим телом амбразуру вражеского дота или дзота, было 386 человек. А в № 17 «Аргументов и фактов» за тот же год историк Н.В.Борисов, много лет изучающий эту проблему, называет число 212. Это показатель того, что конкретные цифры в подобных случаях нельзя считать окончательными: работа с архивными материалами продолжается, списки героев требуют дальнейшего уточнения, тщательной проверки. Что касается таранов, то на сегодняшний день считается, что огненный таран в годы войны был совершен 448 раз; воздушных таранов насчитывают 636. См.: Сотников А. Смертники на войне // Аргументы и факты. 1997. № 19.
- ²⁹ На грани возможного. М., 1990. С. 8.
- ³⁰ Песков В. Война и люди. М., 1979. С. 151.
- ³¹ На грани возможного. С. 13.
- ³² Поляновский Эд. Два капитана. Горькая правда о Гастелло, гастелловцах и о многом другом // Известия. 1997. 28-29 января.
- ³³ Аргументы и факты. 1990. № 17(498). – 28 апреля – 4 мая. С. 8.
- ³⁴ См.: Зайцев А.Д., Роцин И.И., Соловьев В.Н. Зачислен навечно. Биограф. справ. в 2-х кн. Кн. 1. М., 1990. С. 5.
- ³⁵ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 51. Л. 179.
- ³⁶ Лидов П. Таня // Правда. 1942. 27 января; Любимов С. Мы не забудем тебя, Таня // Комсомольская правда. 1942. 27 января; Лидов П. Кто была Таня // Правда. 1942. 18 февраля. Из личного архива Г.Я.Лидовой.
- ³⁷ Милецкий Я. Кто предал Таню // Красная звезда. 1942. 22 апреля; Лидов П. Новое о «Тане» // Правдист. 1944. № 4(119). С. 5; Лидов П. Вокруг «Тани» // Правдист. 1947. № 89. 14 июня.
- ³⁹ ЦХДМО. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 649. Д. 5. Л. 18.
- ⁴⁰ Катусев А.Ф. Чужая слава // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 70-72.
- ⁴¹ Куманев Г. Судьба Ивана Добробабина, одного из 28 героев-панфиловцев // Правда. 1988. 18 ноября; Митько М., Куманев Г. Ошибка писаря? Почему из числа Героев был вычеркнут один из 28 панфиловцев // Московская правда. 1989. 7 мая.
- ⁴² Фадеев А. Письма. М., 1967. С. 230.
- ⁴³ Ажгихина Н. Заложники легенды // Огонек. 1990. № 44. С. 25-27; Поляновский Эд. Последний поклон // Известия. 1997. 26 августа.
- ⁴⁴ Сычев А. Кто водрузил Знамя Победы? // Аргументы и факты. 1990. № 18(499). – 5-11 мая. С. 3; См. также: Поляновский Эд. Первый над рейхстагом // Известия. 1995. 5 мая.
- ⁴⁵ См.: Герои и подвиги. Советские листовки Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. М., 1958.
- ⁴⁶ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 146.
- ⁴⁷ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 33. Л. 241-243, 248-251; Д. 51. Л. 104, 167-168, 214; Д. 76. Л. 27, 106, 241.
- ⁴⁸ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 52. Л. 3-4.
- ⁴⁹ Там же. Л. 34.

- ⁵⁰ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 51. Л. 321, 337.
⁵¹ *Кондратьев В., Кожемяко В.* Какая же она, правда о войне? // Правда. 1990. 20 июня.
⁵² Записано со слов А.А.Курносова, слышавшего эту песню после войны от родственника-фронтовика. Вариант ее текста приводится в сборнике: В нашу гавань заходили корабли... Песни городских дворов и окраин. Пермь, 1996. С. 277.
⁵³ *Кондратьев В., Кожемяко В.* Указ. соч.
⁵⁴ *Волкогонов Д.А.* Морально-политический фактор Великой Победы // Вопросы философии. 1975. № 3. С. 20.

Глава III

- ¹ *Фролов В.А.* Станет ли религия духовным пастырем российского солдата? // Социологические исследования. 1993. № 12. С. 83-84. Взгляды русских философов и богословов начала XX века и деятелей послеоктябрьской эмиграции на роль религии в нравственном воспитании войск, на взаимоотношения церкви и армии представлены в книге: Христоролюбивое воинство. Православные традиции русской армии. М., 1997. (Российский военный сборник. Вып. 12.)
² ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 78. Л. 30-32.
³ Свет милосердия. Дневник участника русско-японской войны (1904-1905) дивизионного врача В.П.Кравкова // Время и судьбы. «Военные мемуары». Вып. 1. М., 1991. С. 285.
⁴ Из писем унтер-офицера И.И.Чернецова от 22.12 и 29.12.1914 г. // ЦДНА при МГИАИ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 17-18, 20-21.
⁵ См.: «К пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви». Обращение митрополита Московского и Коломенского, главы Православной церкви в России Сергия от 22 июня 1941 г. // Москва военная. 1941-1945. Мемуары и архивные документы. М.: Мосгорархив, 1995. С. 44-46; Слово митрополита Ленинградского Алексия за литургией в Кафедральном Богоявленском соборе в Москве 10 августа 1941 г. // Там же. С. 69-72; Послание митрополита Сергия «Посодействуем нашим доблестным защитникам!» // Там же. С. 100.
⁶ *Лисавцев Э.* Ночной прием в Кремле. Встреча двух семинаристов // Независимая газета. 1993. 10 сентября; Сталин и церковь // Полководцы. Сборник. М.: Роман-газета, 1995. С. 80-81.
⁷ Безбожников в окопах не бывает. Беседа бывшего ракетчика, академика Георгия Арбатова с политобозревателем КП Александром Афанасьевым // Комсомольская правда, 14 декабря 1994.
⁸ Из интервью с майором В.А.Сокирко от 1.11.93 г. // Личный архив.
⁹ Из интервью с полковником И.Ф.Ваниным от 24.11.93 г. // Личный архив.
¹⁰ Из интервью с младшим сержантом запаса Е.В.Горбуновым. Октябрь 1993 г. // Личный архив.
¹¹ См.: *Мальшиева Д.Б.* Религиозный фактор в вооруженных конфликтах современности. Развивающиеся страны Азии и Африки в 70-80 годы. М., 1991. С. 85-100.
¹² Дорогие мои... Письма из Афгана. М.: Профиздат, 1991. С. 238.
¹³ Из интервью с майором С.Н.Токаревым от 25.11.93 г. // Личный архив.
¹⁴ *Чемоданов Г.Н.* Последние дни старой армии. М.-Л., 1926. С. 46.
¹⁵ Там же. С. 53-54, 63-64.
¹⁶ См.: *Шнайдер Б.* Неизвестная война // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 110.
¹⁷ Там же. С. 109.
¹⁸ Земляки // Афганистан болит в моей душе... С. 209.
¹⁹ Из интервью с майором С.Н.Токаревым.
²⁰ *Абдулин Мансур.* Страницы солдатского дневника. 2-е изд. М., 1990. С. 59, 61.
²¹ Из интервью с Л.Н.Пушкаревым от 4 июня 1997 г. // Личный архив.
²² *Блиджан И.Ю.* Полет // Афганистан болит в моей душе... С. 132.
²³ Из интервью с Л.Н.Пушкаревым.
²⁴ Из интервью с полковником И.Ф.Ваниным.
²⁵ Из интервью с гвардии майором П.А.Поповым от 4.12.93 г. // Личный архив.
²⁶ Из интервью с майором С.Н.Токаревым.
²⁷ Из интервью с майором В.А.Сокирко.

- ²⁸ Из интервью с майором С.Н.Токаревым от 25.11.93 г. и гвардии подполковником В.Д.Баженовым от 4.12.93 г. // Личный архив.

ЧАСТЬ IV

Глава I

- ¹ См.: *Поринев Б.Ф.* Социальная психология и история. М., 1979. (Гл. 2. Мы и они.); Одиссей. Человек в истории. Образ «другого» в культуре. 1993. М., 1994. (*Копелев Л.З.* Чужие.); *Щепетов К.* Немцы – глазами русских. М., 1995; и др.
- ² «Мы приводили немцев с мокрыми штанами» // Комсомольская правда. 8-15 мая 1997 г., № 83 (21577).
- ³ *Жбанкова Е.В.* Образ иноземного захватчика в русском литературном творчестве // Россия и Запад: диалог культур. 3-я междунар. конференция. 28-30 ноября 1996 г. М., 1997. С. 404.

Глава II

- ¹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 525. Л. 2, 6, 8, 27; Д. 730. Л. 3; Д. 732. Л. 3, 5, 23.
- ² РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 525. Л. 19-20.
- ³ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 533. Л. 14; Д. 535. Л. 129; Д. 730. Л. 27.
- ⁴ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 533. Л. 76.
- ⁵ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 732. Л. 219; О нарушении германской и австро-венгерской армиями международных конвенций о законах и обычаях войны см. также: Документы о немецких зверствах в 1914-1918 гг. М., 1942.
- ⁶ *Яковлев Н.* 1 августа 1914. М., 1974. С. 65.
- ⁷ РГВИА. Ф. 2020. Оп. 1. Д. 148.
- ⁸ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 732. Л. 32.
- ⁹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 642. Л. 28.
- ¹⁰ Там же. Л. 48.
- ¹¹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 654. Л. 13.
- ¹² ЦДНА при МГИАИ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 17-18, 20-21.
- ¹³ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 654. Л. 22.
- ¹⁴ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 525. Л. 87-88.
- ¹⁵ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 533. Л. 75-76.
- ¹⁶ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 525. Л. 87-88; Д. 642. Л. 24, 30, 44.
- ¹⁷ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 505. Л. 118-119; Д. 516. Л. 19; Д. 535, Л. 75-76.
- ¹⁸ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 535. Л. 75-76.
- ¹⁹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 505. Л. 118-119.
- ²⁰ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 732. Л. 32.
- ²¹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 644. Л. 3.
- ²² *Овчинникова Л.* Пишу перед боем // Комсомольская правда. 1989. 9 мая.
- ²³ *Бланк А., Хавкин Б.* Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М., 1990. С. 173.
- ²⁴ Из письма К.Симонова В.В.Томскому. 7 июня 1963 г. // *Симонов К.* Письма о войне 1943-1979. М., 1990. С. 194.
- ²⁵ Из письма К.Симонова С.Орту. 1970 г. // *Симонов К.* Письма о войне. С. 420.
- ²⁶ По обе стороны фронта. Письма советских и немецких солдат 1941-1945 гг. М., 1995. С. 155-156.
- ²⁷ *Толстой А.* Только победа и жизнь! // Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. М., 1985. С. 31.
- ²⁸ *Симонов К.* На Эльбе и в Берлине // Венок Славы. Антология худож. произвед. о Великой Отечественной войне. Т. 11. М., 1986. С. 328.
- ²⁹ *Симонов К.* Июнь – декабрь // Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. С. 40-41.
- ³⁰ Война: день за днем. Беседа с писателем К.М.Симоновым // *Песков В.* Война и люди. М., 1979. С. 165.
- ³¹ *Симонов К.* Июнь – декабрь // Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. С. 39.

- ³² По обе стороны фронта. С. 202.
- ³³ Там же. С. 201.
- ³⁴ *Сурков А.* Земля под пеплом // Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. С. 139.
- ³⁵ По обе стороны фронта. С. 193.
- ³⁶ Война Германии против Советского Союза. Документальная экспозиция города Берлина. Каталог. Berlin, Argon-Verlag GmbH. 1992. С. 183-184.
- ³⁷ *Эренбург И.* Душа России // Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. С. 231-232.
- ³⁸ Немцы о русских. Сборник. М., 1995. С. 39-40.
- ³⁹ МБФ ИФ МГУ. Личный фонд М.Т.Белявского. Фронтовые записки.
- ⁴⁰ *Медведев Р.А.* Русские и немцы через 50 лет после мировой войны // Кентавр. 1995. № 1. С. 12.
- ⁴¹ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 51. Л. 104.
- ⁴² ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 304-305.
- ⁴³ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 51. Л. 214.
- ⁴⁴ Они сражались с фашизмом. М., 1988. С. 130-131.
- ⁴⁵ *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952. С. 46.
- ⁴⁶ *Самойлов Д.* Люди одного варианта. (Из военных записок) // Аврора, 1990, № 2. С. 91.
- ⁴⁷ Война Германии против Советского Союза. Документальная экспозиция города Берлина. С. 255.
- ⁴⁸ Огонек. 1989. № 36. С. 23.
- ⁴⁹ Так, самого Л.Копелева обвинили в «жалости к противнику» и в результате – он был осужден, десять лет провел в лагерях.
- ⁵⁰ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 78. Л. 30-32.
- ⁵¹ *Жуков Ю.* Солдатские думы. М., 1987. С. 337.
- ⁵² ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 92, 94.
- ⁵³ *Алексиевич С.* У войны – неженское лицо. Минск, 1985. С. 301-302.
- ⁵⁴ Коммунист. 1981. № 8. С. 71-72.
- ⁵⁵ *Самойлов Д.* Указ. соч. С. 93.
- ⁵⁶ *Леонов Л.* Немцы в Москве // Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. С. 259.
- ⁵⁷ См.: *Самсонов А.М.* Знать и помнить. Диалог историка с читателем. М., 1989. С. 79-81.
- ⁵⁸ Цит. по: *Волкогонов Д.А.* Морально-политический фактор Великой Победы // Вопросы философии. 1975. № 3. С. 106.
- ⁵⁹ ЦДНА при МГИАИ. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 38-40.
- ⁶⁰ МБС ИФ МГУ. Личный фонд Ю.И.Каминского.
- ⁶¹ *Медведев Р.А.* Указ. соч. С. 12.
- ⁶² По обе стороны фронта. С. 162.
- ⁶³ Война Германии против Советского Союза. Документальная экспозиция города Берлина. С. 242.
- ⁶⁴ *Медведев Р.А.* Указ. соч. С. 15.

Глава III

- ¹ *Лукин А.П.* В 1904 году // Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк, 1955. С. 33.
- ² Время и судьбы. Военно-мемуарный сборник. Вып. 1. М., 1991. С. 286.
- ³ *Лукин А.П.* Указ. соч. // Порт-Артур... С. 33.
- ⁴ *Бок Б.И.* Завтрак у наместника // Там же. С. 25-26.
- ⁵ *Никитин Д.В.* Как началась война с Японией // Там же. С. 47.
- ⁶ История русско-японской войны. 1904-1905 гг. М., 1977. С. 111.
- ⁷ Там же. С. 113-117.
- ⁸ Время и судьбы. С. 289.
- ⁹ *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 291.
- ¹⁰ *Лукин А.П.* Указ. соч. // Порт-Артур... С. 32-33.
- ¹¹ *Бок Б.И.* Указ. соч. // Там же. С. 24.
- ¹² *Лукин А.П.* Указ. соч. // Там же. С. 31-32.
- ¹³ Там же. С. 29-31.
- ¹⁴ Время и судьбы. С. 266-267.
- ¹⁵ Там же. С. 267.

- ¹⁶ Дневник участника русско-японской войны (1904-1905) дивизионного врача В.П.Кравкова // *Время и судьбы*. С. 260, 262.
- ¹⁷ Там же. С. 279.
- ¹⁸ Там же. С. 280-281.
- ¹⁹ *Ефимович П.В.* Перед концом Порт-Артура // *Порт-Артур...* С.98.
- ²⁰ Там же. С. 101-102.
- ²¹ *Бок Б.И.* Сдача Порт-Артура // *Порт-Артур...* С. 385-386.
- ²² Там же. С. 387.
- ²³ *Дудоров Б.И.* Крепость сдана // *Порт-Артур...* С. 395-396.
- ²⁴ *Керсновский А.А.* История русской армии. В 4-х т. М., 1994. Т. 3. 1881-1915. С. 109; Там же. Т. 4. 1915-1917. С. 215.
- ²⁵ *Трубецкой С.Е.* Минувшее. М., 1991. С. 50.
- ²⁶ *Куртин А.И.* Рассказы. М., 1985. С. 275-276.
- ²⁷ Там же. С. 277-278.
- ²⁸ *Катаев В.* Белеет парус одинокий. М., 1975. С. 141.
- ²⁹ Там же. С. 141-142.
- ³⁰ *Время и судьбы*. С. 288.
- ³¹ Портсмутский мирный договор потерял силу после поражения и капитуляции Японии во Второй мировой войне. См.: *Военный Энциклопедический Словарь*. М., 1984. С. 579.
- ³² Мнение, высказанное в книге Нарахаси Киитиро «Дипломатия во время отправки войск» (Осака, 1921.). Цит по: *Кошкин А.А.* Крах стратегии «спелой хурмы». Военная политика Японии в отношении СССР 1931-1945 гг. М., 1989. С. 12.
- ³³ *Шкадов И.Н.* Озеро Хасан. Год 1938. М., 1988. С. 13-14.
- ³⁴ *Военный Энциклопедический Словарь*. С. 793; *Шкадов И.Н.* Указ. соч. С. 41-42, 53-54, 70-71; *Кривель А.М.* Это было на Хингане. М., 1985. С. 10-13.
- ³⁵ *Кошкин А.А.* Указ. соч. С. 65.
- ³⁶ Там же. С. 15.
- ³⁷ *Кривель А.М.* Это было на Хингане. С. 27; Финал. Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 г. Изд. 2-е, доп. и испр. М., 1969. С. 342.
- ³⁸ На Халхин-Голе. Воспоминания ленинградцев – участников боев с японскими милитаристами в районе реки Халхин-Гол в 1939 году. Л., 1989. С. 7; *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол! М., 1989. С. 175.
- ³⁹ *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол! С. 68-69.
- ⁴⁰ На Халхин-Голе... С. 230.
- ⁴¹ *Румянцев Н.М.* Кровь на барханах // На Халхин-Голе... С. 51-52.
- ⁴² *Яманов В.А.* В вихре воздушных атак // Там же. С. 130.
- ⁴³ *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол! С. 43-52.
- ⁴⁴ *Румянцев Н.М.* Указ. соч. С. 78-79.
- ⁴⁵ Там же. С. 65.
- ⁴⁶ *Фиалковский В.В.* Военные медики // На Халхин-Голе... С. 219-220.
- ⁴⁷ *Абрамов К.Н.* Потомкам в пример // Там же. С. 40.
- ⁴⁸ *Румянцев Н.М.* Указ. соч. С. 83.
- ⁴⁹ Там же. С. 87.
- ⁵⁰ Цит. по: *Кривель А.М.* Это было на Хингане. С. 57.
- ⁵¹ Внешняя политика СССР: Сб. документов. Т. IV. М., 1946. С. 550; Документы японского правительства и ставки // *Кошкин А.А.* Указ. соч. С. 217-242; *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол! С. 94-96.
- ⁵² *Кошкин А.А.* Указ. соч. С. 96.
- ⁵³ Там же. С. 119, 8.
- ⁵⁴ *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол! С. 98.
- ⁵⁵ История войны на Тихом океане. Т. IV. М., 1958. С. 201.
- ⁵⁶ Внешняя политика СССР: Сб. документов. Т. III. М., 1947. С. 362-363.
- ⁵⁷ *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол! С. 84.
- ⁵⁸ *Кривель А.М.* Это было на Хингане. С. 122.
- ⁵⁹ *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952. С. 204-205.
- ⁶⁰ *Кривель А.М.* Это было на Хингане. С. 153; Советская Военная Энциклопедия. М., 1977. Т. 4. С. 53-54.
- ⁶¹ *Сотников А.* Смертники на войне // Аргументы и факты. Май 1997. № 19; Камикадзе // Военный энциклопедический словарь. М., 1984. С. 313.
- ⁶² *Сотников А.* Указ. соч.
- ⁶³ *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол! С. 39.

- ⁶⁴ Там же. С. 152-154.
- ⁶⁵ Цит. по: *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол! С. 154.
- ⁶⁶ *Кривель А.М.* Это было на Хингане. С. 127.
- ⁶⁷ Финал. Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 г. Изд. 2-е, доп. и испр. М., 1969. С. 342.
- ⁶⁸ Там же. С. 343.
- ⁶⁹ *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол! С. 155.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Цит. по: *Кривель А.М.* Это было на Хингане. С. 110-111; *Он же.* Слышишь, Халхин-Гол! С. 126.
- ⁷² *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол! С. 8.
- ⁷³ Цит. по: *Кривель А.М.* Это было на Хингане. С.137.
- ⁷⁴ *Кривель А.М.* Это было на Хингане. С. 67-76.
- ⁷⁵ *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол! С. 178.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Песни и романсы русских поэтов. (Б-ка поэта. Большая серия.) М.-Л., 1965. С. 885-886.
- ⁷⁸ Русское народное поэтическое творчество. Хрестоматия. Л., 1987. С. 571; По военной дороге: Сб. песен о Советской Армии и Военно-Морском Флоте. М., 1988. С. 46-48.
- ⁷⁹ *Бирюков Ю.Е.* Всегда на страже. Рассказы о песнях. М., 1988. С. 64; По военной дороге... С. 106.
- ⁸⁰ По обе стороны Карельского фронта 1941-1944. Документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 7.
- ⁸¹ Там же. С. 11.
- ⁸² Там же. С. 60.
- ⁸³ Там же. С. 70.
- ⁸⁴ Цит. по: *Чудаков А.* Реквием Карельских болот. // Комсомольская правда, 1989, 14 ноября.
- ⁸⁵ По обе стороны Карельского фронта... С. 261.
- ⁸⁶ Там же. С. 67-68.
- ⁸⁷ ЦАМО РФ. Ф. 387. Оп. 8680. Д. 17. Л. 85.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ По обе стороны Карельского фронта... С. 190-191
- ⁹⁰ Там же. С. 242.
- ⁹¹ Там же. С. 259.
- ⁹² Там же. С. 248, 266.
- ⁹³ Там же. С. 156-169, 184-186, 191-193, 198-199, 206-208, 250-251, 264-266.
- ⁹⁴ ЦАМО РФ. Ф. 387. Оп. 8680. Д. 17. Л. 86.
- ⁹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 387. Оп. 8680. Д. 8а. Л. 36. Газета 32 армии «Боевой путь». 7 августа 1944 г.
- ⁹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 387. Оп. 8680. Д. 17. Л. 86.
- ⁹⁷ Из интервью с Ю.П.Шараповым от 17 мая 1995 г. // Личный архив.
- ⁹⁸ По обе стороны Карельского фронта... С. 525-526.
- ⁹⁹ *А.Н.Куприянов.* Мы вернемся // Афганистан болит в моей душе... Воспоминания, дневники советских воинов, выполнявших интернациональный долг в Афганистане. М., 1990. С. 178.
- ¹⁰⁰ Афганистан в нашей судьбе. М., 1989. С. 130.
- ¹⁰¹ Там же. С. 33-34; *Лосото Е.* Командировка на войну. М., 1990. С. 7.
- ¹⁰² Группа специального назначения. Сборник авторских песен воинов-афганцев. М., 1991. С. 47.
- ¹⁰³ Подвиг. Героико-патриотический литературно-художественный альманах. Вып. 34. М., 1989. С. 113.
- ¹⁰⁴ *Банников А.Г.* Узелки на память // Афганистан болит в моей душе. С. 220.
- ¹⁰⁵ Земляки // Афганистан болит в моей душе... С. 205.
- ¹⁰⁶ *Банников А.Г.* Указ. соч. С. 220-221.
- ¹⁰⁷ Земляки // Афганистан болит в моей душе... С. 204.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 206.
- ¹⁰⁹ Афганистан в нашей судьбе. С. 6.
- ¹¹⁰ Там же. С. 11-12, 38-39; *Секачев А.В.* Граната // Афганистан болит в моей душе... С. 72; *Лосото Е.* Указ. соч. С. 8-9; Из интервью с майором С.Н.Токаревым, майором П.А.Поповым // Личный архив.
- ¹¹¹ Из интервью с майором С.Н.Токаревым; *Лосото Е.* Указ. соч. С. 9.

- ¹¹² *Мальшева Д.Б.* Религиозный фактор в вооруженных конфликтах современности. М., 1991. С. 85-89; Афганистан в нашей судьбе. С. 98, 127.
- ¹¹³ Афганистан в нашей судьбе. С. 117-118.
- ¹¹⁴ Там же. С. 128.
- ¹¹⁵ *Лосото Е.* Указ. соч. С. 16.
- ¹¹⁶ Из интервью с майором П.А.Поповым, подполковником В.Д.Баженовым, прапорщиком С.В.Фигуркиным, полковником С.М.Букваревым, майором В.А.Сокирко // Личный архив.
- ¹¹⁷ *Смирнов О.* Никто не солдат для войны. М., 1990.
- ¹¹⁸ Афганистан в нашей судьбе. С. 6.
- ¹¹⁹ Из интервью с майором С.Н.Токаревым, майором П.А.Поповым, подполковником В.Д.Баженовым, прапорщиком С.В.Фигуркиным // Личный архив.
- ²⁰⁰ *Банников А.Г.* Указ. соч. С. 220.
- ²⁰¹ Из интервью с полковником С.М.Букваревым, майором И.Н.Авдеевым // Личный архив.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ И ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

*АНКЕТА Г.Е.ШУМКОВА К УЧАСТНИКАМ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ**

ОБЩЕСТВО
ревнителей военных знаний
отдел «Военной психологии»

К участникам
Русско-Японской войны

В С.-Петербург, Литейный 20,
Канцелярия
Общ. Ревн. Воен. Знаний

АНКЕТА

Русско-Японская война еще раз с очевидностью показала, что для успеха на войне и для понимания бойца, как личности, необходимо детальное знакомство с психологией бойца, т.е. с тем «моральным элементом», о котором столько трактуют и до сих пор совершенно не изучают, признавая искусство пользования им уделом лишь исключительных военных талантов.

Однако психология человека подчиняется вполне определенным законам, изучив которые явится возможность свести до известной степени искусство гениев к общедоступной науке.

Общество Ревнителей Военных Знаний, сильно чувствуя этот пробел в военных науках и изыскивая пути к его изучению, учредило Отдел для разработки военной психологии.

В своем стремлении к цели, отдел на первом же своем собрании решил прежде всего попытаться воспользоваться обширным боевым опытом русско-японской войны. Но этот опыт неизбежно пропадет бесследно для науки и практики, если обладающие им лица не соединят его воедино, чтобы порадовать на пользу русской армии и дать ценный вклад в науку.

Ввиду этого, рассылкой настоящей анкеты члены отдела военной психологии просят лиц, бывших на войне, поделиться своим опытом и не отказать в сообщении сведений по вопросам представляемой краткой программы.

Собранный воедино и разработанный лицами, посвятившими себя изучению психики бойца, ценный опыт участников войны даст возможность проложить правильные пути к той темной и неизученной области, которую называют психологией боя. Раз только возникнет психология боя, то явится возможность рационально изменить некоторые условия быта, воспитания и обучения войск. Пусть же опыт прошлой войны не исчезнет бесследно; пусть он послужит на пользу наших военных знаний и добрую славу дорогого Отечества.

ВОПРОСЫ**

Каково душевное состояние: при получении приказа о выступлении с бивака в бой; при движении вне сферы огня; во время ожидания вне огня; при движении и

стоянии под огнем ружейным (дальнем, ближнем, залповым, пачками и т.п.), пулеметным (как влияет ритмическое действие пулемета), артиллерийским (шимозами, шрапнелями, бомбами и т.п.).

Влияние звука полета снарядов, их разрывов, отравления газами и т.д. Влияние: сосредоточенного огня, по площадям, в боевой части, в резерве, в обозе. Душевное состояние при действии нашей артиллерии и неприятельской.

При штурме и штыковом ударе; при успехе и неуспехе, при ясной задаче и неизвестности; при долгой стоянке на месте; при голоде, недоедании, недосыпании, жажде и т.п.

При обороне: влияние укреплений, окопов, искусственных препятствий (ближних, дальних), местных предметов, закрытий, бойниц, фугасов и т.п. При получении сведений об обходе, при фланговом (тыльном) огне.

Состояние духа после ранения и потерь (первых и последующих). Состояние после боя. Ожидание следующего боя.

Стихийный порыв вперед, как и чем был вызван. Паника во время боя, причины возникновения и меры прекращения.

Действие на состояние духа религиозных чувств, любви к родине, чувств долга, самолюбия, стыда, взаимной выручки, наград, дисциплины, взысканий и т.п. Влияние алкоголя на душевное состояние в бою – до и после него.

Не замечалось ли изменений в числе заболевающих в разные периоды войны и после нее, и какие болезни первенствуют.

ПРОГРАММА

Напр.: 1) душевное состояние в ночном бою, 2) душевное состояние при нечаянном нападении и т.д. и т.п. При изложении следует указать:

1. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ.

- 1) Возраст.
- 2) Семейное положение.
- 3) Состояние здоровья до войны, во время войны и после (если есть та или иная хроническая болезнь, необходимо указать).
- 4) Отношение к употреблению спиртных напитков (было ли употребление алкоголя более значительным, более умеренным или оставлено).
- 5) Полученное образование.
- 6) Сколько времени проведено на войне и где именно.
- 7) Если случилось бывать несколько раз в одинаковой обстановке, то изменялись ли ощущения и как именно (первый бой, последующие).
- 8) При сообщении сведений крайне желательно всегда отметить: к какому именно бою (Ляоян, 20 августа), к какому моменту боя или войны, относятся переживаемые душевные состояния, какую должность (ротный командир, младший офицер и т.д.) и роль (офицеров для связи, начальник боевой части) исполнял автор в описываемое время и т.п.

Затем, описывая какой-либо строго определенный момент или событие, напр., ожидание штурма или ночной бой, – желательно указать:

II. ЧТО ЧУВСТВОВАЛ САМ И ПЕРЕЖИВАЛ ПО СРАВНЕНИЮ СО СПОКОЙНЫМ СОСТОЯНИЕМ.

- 1) Как текли мысли, скоро или медленно и какие именно (одна навязчивая или несколько быстро сменяющихся, никаких мыслей, касались ли данной обстановки или нет и т.д.).
- 2) Какое было настроение (приподнятое, безразличное, подавленное и т.д.).

3) Как себя чувствовал (грустно, весело, злобно, испытывал ли страх, было ли жутко).

4) Что делал (сидел, стоял, ходил, лежал) и почему: бессознательно или сознательно. Влияние примера других. Влияние получаемых известий или слухов.

5) Не было ли невольных движений, схватывания за голову, за сердце, за шею, за живот, за ноги и т.п.

6) Сознавалась ли опасность, в какой мере и когда именно.

III. КАК ЧУВСТВОВАЛ СЕБЯ ФИЗИЧЕСКИ.

1) Чувствовал ли себя тепло или холодно (какая была погода и во что был одет).

2) Потел или нет.

3) Сердце было ли спокойно, усиленно билось, или казалось, что оно горит, ноет, давит, готово выскочить и т.п.

4) Как дышалось – спокойно полной грудью или тяжело с недостаточей воздуха.

5) Сохло ли во рту. Часто ли пил и по сколько.

6) Оправление мочевого пузыря и кишечника.

7) Аппетит и сон во время переживаемого и после пережитого.

IV. ЧТО ЗАМЕТИЛ У ДРУГИХ В ТО ЖЕ ВРЕМЯ.

1) Какие ведутся разговоры и о чем говорят.

2) Каким ведутся голосом (звучным, сиплым, шепотом и т.п.).

3) О ком больше заботы, о себе или о других (ссоры, взаимная выручка, самопожертвование, споры и т.п.).

4) Какое отношение к начальству, к приказам, нет ли нарушения дисциплины, и если да, то как и в чем оно проявлялось.

5) Выражение и цвет лица у окружающих (спокойное, беспокойное, грустное, бледное, синюшно-бледное и т.п.).

6) Не заметно ли машинальных движений (стрельба без прицеливания, заряджания, с локтя и т.п.).

7) Не заметно ли неловкости или дрожания рук (при зажигании спичек, закручивании папирос, заряджании и т.п.).

8) Нет ли забывчивости в действиях (необходимость давать повторные приказания, дергать за рукав и т.п.).

9) Не было ли случаев особенно напряженного (обостренного) внимания к команде и приказаниям и когда именно.

10) Не хватались ли как бы беспричинно: за голову, за грудь, за шею, за живот, за ноги и т.п.

11) Часто ли пили воду.

12) Какой был аппетит и сон во время описываемого момента и после.

13) Все ли вели себя одинаково, не было ли резко отличающихся от общей среды (уклонение от боя).

14) Не замечалось ли особенно повышенного позыва мочевого пузыря и желудка к нужде сравнительно с нормальным.

15) Разница в поведении при одинаковой обстановке в начале, в середине и в конце войны.

Приведенные вопросы и программа не должны стеснять желающих поделиться своим ценным для науки опытом. Всякое замечание, указание, наблюдение над собою и другими, свой опыт и других, картинки, фотографические снимки, – словом все, и независимо от литературного изложения и внешнего вида, хотя и немногое, но правдивое по содержанию, будет служить весьма ценным и крайне важным материалом для военной науки.

Авторам ответов гарантируется полная тайна. Можно писать под псевдонимом и не называя части, присылая в канцелярию условные адреса на случай возникновения тех или иных запросов (адрес: см. 1 стр.).

Председатель Отдела Военной Психологии
Доктор *Г.Е.Шумков*

Секретари: Штабс-ротмистр *Дрейлинг*
Доктор *В.Я.Анфимов*

* Текст анкеты приводится по изданию: *Дружинин К.И.* Исследование душевного состояния воинов в разных случаях боевой обстановки по опыту русско-японской войны 1904-1905 годов. СПб., 1910. С. 1-7. Изменена старая орфография, стиль и пунктуация приводятся без изменений.

** Приведенные вопросы, конечно, далеко не исчерпывают всей сложной обстановки войны и имеют целью дать лишь отправные точки для лиц, желающих поделиться своим опытом. [*Примечание авторов анкеты – Е.С.*]

*ВОПРОСЫ К ОФИЦЕРАМ И ГЕНЕРАЛАМ РУССКОЙ АРМИИ – УЧАСТНИКАМ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ**

1. Какие недочеты выявила война в специальной подготовке и практических навыках офицеров.
2. Какие следует произвести изменения в академическом образовании с учетом образа войны.

* В целях выяснения причин недостатков в подготовке русской армии и ее командного состава в условиях применения новейших технических достижений в военном деле, в феврале-марте 1906 г. по инициативе начальника генерального штаба генерал-лейтенанта Ф.Ф.Палицына и начальника Академии Генерального штаба генерал-лейтенанта Н.П.Михневича был проведен письменный опрос офицеров и генералов Русской армии – выпускников Академии Генерального штаба 1880-1903 гг., участников русско-японской войны. Письма с вопросами были разосланы 300 адресатам, к сентябрю 1906 г. вернулось лишь 20% заполненных анкет, однако по заключению созданной в Генеральном штабе комиссии, их количество было признано достаточным для выводов, которые «явились бы обобщением взгляда на поставленные вопросы». – См.: *Агеев А.* Офицеры русского Генерального штаба об опыте русско-японской войны 1904-1905 гг. // Военно-исторический журнал. 1975. № 8. С. 99-104; *Соловьев С.С.* Основы практической военной социологии. М., 1996. С. 8.

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА О ДУШЕВНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЯХ НА ВОЙНЕ УЧАСТНИКОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

Душевные переживания война еще мало изучены. Постоянное нервное напряжение, переутомление, недоедание, травмы физические и психические – все это вполне достаточные этиологические факты, способные, как известно, вызывать болезненные расстройства душевной деятельности. В целях изучения психических переживаний на войне были составлены опросные листы двух типов: одни – для офицеров, другие – для нижних чинов. Эти листы были распространены среди раненых и больных воинов в количестве 5000 экземпляров. Получено в настоящее время 130 заполненных офицерских листов и около 300 солдатских.

4 вопроса офицерских листов:

1. Чин, должность, род службы, кадровый офицер или призванный из запаса.
2. С каким чувством шли на войну и что переживали в период выступления.
3. Отношение к войне до боев и после пережитого.
4. Как относились к первому бою и что испытывали после него. Какой это был бой: наступательный, атака, позиционный или отступление.

Из полученных ответов можно сделать следующие обобщения:

1. Большинство отвечавших – молодежь. Количество кадровых офицеров и призванных из запаса приблизительно равно (63 и 67). По роду оружия большинство отвечавших – пехотинцы (110 чел.).

2. Встретили мобилизацию и переживали выступление большею частью с сильным подъемом. Для некоторых наряду с подъемом, выступало чувство долга. Есть упоминание о подавленном состоянии и о чувстве страха при выступлении.

3. У большинства отношение к войне отрицательное и только 5 человек высказались за войну. Многие, хотя и относятся к войне отрицательно, но считают ее «неизбежным злом».

4. Во время первого боя очень многие (64 чел.) указывают на чувство боязни, жуткости и страха. В некоторых случаях упоминается об интересе и любопытстве к «неизвестным ощущениям». Изредка говорится о том, что появлялась во время первого боя тяжелая мысль о возможной смерти. Указывают также на растерянность и затемнение сознания во время первого боя. «В бой шел, как в туман». Из описания пережитого во время первого боя можно судить, какие поистине паталогические чувства принужден испытывать каждый воин.

На вопрос «Во скольких боях участвовали и что переживали во втором и следующих боях?» многие отвечали аналогично ответам и замечаниям о переживаниях во время первого боя. Некоторые говорят о привыкании к боевой обстановке. Собственно на вопрос «Во скольких боях приходилось участвовать?» не отвечают ничего или обходятся замечанием: «Трудно их сосчитать или запомнить их количество». Интерес и любопытство, с которыми многие шли на войну и в первый бой, в последующих совершенно утрачивается и об этом почти никто не упоминает. На место стремлению к неизвестному выступает привыкание и апатия. «Создается флегматическое отношение к бою и опасностям, полное безразличие ко всему». Многие упоминают о нарастании желания жить – «никак не привыкнешь к мысли, что надо умереть».

На вопрос «Какое состояние было после боя?» большинство говорит о сильной усталости. Испытывается «состояние какого-то надрыва». Однако далеко не у всех сразу ощущается этот упадок сил, многие говорят о возбуждении после боя, о некоторой взвинченности – другими словами, не сразу успокаиваются. Через некоторый промежуток времени и после такой нервной взвинченности все же наступает апатичная усталость. Рядом с этим многие говорят об эгоистическом чувстве радости, которое наполняет всю душу, радости, что остался жив. «Только на

сти, которое наполняет всю душу, радости, что остался жив. «Только на войне почувствуешь, как хорошо жить и как не хочется умирать», – так формулирует это состояние один из участников. Конечно, характер боя – успех или неудача, кладет определенный отпечаток на состояние после него.

На вопрос «Когда было особенно страшно и почему?» отвечают очень различно. Пугает необычайная новизна впечатлений. Особенно страшны моменты перед боем, – «когдаходишь в сферу огня». Определенно сказывается на появлении страха беззащитность, оторванность от соседей, бесполезность сопротивления. Эти условия к появлению страха особенно часты при артиллерийском и ураганном огне, и большинство говорит о страхе именно во время сильного обстрела артиллерией противника. Страшно также становится при виде умирающих и умерших людей.

* Приводится по докладу М.Кутанина на XXV научном собрании врачей нервной и психиатрической клиник 3 марта 1916 г. См.: Психоневрологический вестник. 1917. № 1.

*ВОПРОСЫ К.М.СИМОНОВА К ВЕТЕРАНАМ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

1. Мирная предвоенная профессия, место рождения, условия жизни, состав семьи.
2. Какое участие в войне – на фронте и в тылу – принимали другие члены семьи.
3. Как и когда ушел на войну. В каких родах войск служил.
4. Где начал войну и где закончил.
5. Через какие населенные пункты и водные преграды пришлось пройти за годы войны в период отступления и в период наступления.
6. За какой подвиг и в каких обстоятельствах совершенный были получены награды.
7. Какая минута, день, событие были самыми трудными, тяжелыми, опасными.
8. В какой или в каких именно воинских частях воевал, на каком фронте и под командованием каких военачальников.
9. Был ли ранен, когда, где и сколько раз; как и кто оказывал медицинскую помощь, в каких госпиталях и медсанбатах он лечился, кого запомнил из лечивших его людей в стационаре и в дороге, на санитарных летучках, в санитарных поездах. Куда именно был ранен, в свою или в другую часть возвращался после ранения на фронт.
10. Когда и откуда писал домой, что сообщал о себе.
11. Когда и какие получал известия из дома.
12. Кто из семьи во время войны был убит или ранен на фронте, кто из семьи отличился на фронте или работая в тылу.
13. Какая немецкая техника противостояла солдату в боях, с чем он сталкивался.
14. Какая наша техника на земле и в воздухе поддерживала солдата в разное время войны: авиация, артиллерия, танки, «катюши» и все другие средства поддержки.

15. Участвовал ли в разведке, во взятии «языков» и в других операциях, связанных с проникновением в тыл врага.
16. Вопросы о пленении немцев, о первом пленном немце, которого увидел солдат, о его отношении к этим пленным.
17. Были ли встречи с партизанами. Участвовал ли в партизанской войне.
18. Что запомнилось из встреч с населением во время отступления, во время пребывания в прифронтовых населенных пунктах, во время пребывания в прифронтовых населенных пунктах, во время наступления и встреч с освобожденными от оккупации жителями.
19. Какие трудности приносило солдату на войне каждое из четырех времен года: зима, весна, лето, осень – жара, дожди, снег, распутица.
20. Как снабжали солдата, что для него значили хлеб, горячая пища, наркомовская норма, табак.
21. Где и как и сколько приходилось спать солдату.
22. Где, когда и сколько приходилось отдыхать.
23. Сколько верст или километров прошел, по его мнению, за время войны, сколько и на чем проехал.
24. С какими развлечениями в минуты и часы отдыха приходилось встречаться солдату за годы войны: песня, выступления артистов, концерт фронтовой бригады.
25. Что в разное время войны думал солдат о будущей победе, что он думал о времени ее.
26. Что думал солдат о Москве в тот период, когда к ней подходили немцы.
27. Что думал о Ленинграде в период его блокады.
28. Что думал о Сталинграде в период Сталинградской битвы и какое первое впечатление произвели на него разгром немцев под Москвой, под Сталинградом и на Курской дуге.
29. Где был солдат в День Победы, что делал и что чувствовал.

* Вопросы были составлены при работе над серией документальных фильмов «Солдатские мемуары» для записи воспоминаний полных кавалеров ордена Славы. – См.: *Симонов К.* Солдатские мемуары. Документальные сценарии. М., 1985. С. 311-312.

*КЛИНИЧЕСКОЕ ИНТЕРВЬЮ Р.СКЕРФИЛД И А.БЛАНК
К УЧАСТНИКАМ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ**

1. Обстоятельства жизни до армии
2. Обстоятельства призыва в армию
3. Военная подготовка до службы в зоне боевых действий
4. Служба в зоне боевых действий:
 - а) получение известия о направлении в зону боевых действий;
 - б) убытие из страны;
 - в) прибытие в зону боевых действий;
 - г) военная специальность и служебно-боевые задачи, выполнявшиеся в зоне боевых действий;
 - д) основные места службы в зоне боевых действий и хронология;
 - е) изменения в звании и должности;
 - ж) отношения с начальниками;
 - з) боевые действия;
 - и) особенности службы тех, кто не участвовал в боевых действиях;
 - к) участие в главных операциях;
 - л) служба вне боевых действий;
 - м) отношения с местным населением;
 - н) изменения в отношении к службе и поведению в армии;
 - о) отношение к имеющим место уникальным особенностям войны;
 - п) стрессы и конфликты на национальной почве;
 - р) специфические психотравмирующие события;
 - с) положительные переживания, связанные со службой в зоне боевых действий;
 - т) употребление алкоголя и наркотиков;
 - у) возможность отдыха и восстановления сил;
 - ф) имевшие место случаи командировок домой;
 - х) моральные и ценностные конфликты, обусловленные специфическими особенностями войны;
 - ц) особенности службы в период, близкий к возвращению на родину;
 - ч) подготовка к возвращению;
 - ш) возвращение на родину.
5. Обстоятельства увольнения в запас, награды, льготы, знаки отличия и т.д.
6. Особенности послевоенной адаптации

* Формуляр анкеты американских психологов Р.Скерфилд и А.Бланк, изучавших посттравматические стрессовые расстройства у участников боевых действий, приводится по изданию: *Сьедин С.И., Абдурахманов Р.А.* Психологические последствия боевой обстановки. Учебное пособие. М., 1992. С. 41.

*ВОПРОСЫ АНКЕТЫ Ю.Н.ШВЕДОВА
К УЧАСТНИКАМ АФГАНСКОЙ ВОЙНЫ**

1. Фамилия, имя, отчество.
2. Воинское звание.
3. Время службы в Афганистане.
4. Должность.
5. Какие задачи выполняли?
6. Как Вы представляли себе события в Афганистане до службы в РА?
7. Как изменилось Ваше мнение об этих событиях после службы в Афганистане?
8. Были ли Вы готовы к выполнению интернационального долга в Афганистане?
9. Ввод войск в Афганистан – ошибка или все-таки необходимость?
10. Ваше отношение к Апрельской революции. Как Вы ее оцениваете?
11. Были ли среди афганцев, на Ваш взгляд, настоящие революционеры?
12. Согласны ли Вы с некоторыми утверждениями о том, что интернационализм времен Испании, Венгрии себя изжил?
13. Ваша оценка решения о выводе ОКСВ.
14. Ваше отношение к афганскому населению.
15. Отношение афганского населения к советским воинам.
16. Что дал Вам Афганистан в моральном отношении?
17. Что было для Вас самым трудным в период «привыкания» к боевым условиям Афганистана?
18. Почувствовали ли Вы уверенность в своих силах. Когда?
19. Чему научил Вас Афганистан в плане отношений между людьми?
20. Что изменилось в Ваших взглядах на жизнь после пребывания в Афганистане?
21. Пользовался ли у Вас уважением Ваш непосредственный командир и за что?
22. Были ли поставлены перед Вами конкретные задачи в Афганистане (в соответствии с целями и задачами ввода ОКСВ в Афганистан)?
23. Учитывается ли в настоящее время афганский опыт в боевой подготовке личного состава?
24. В чем, на Ваш взгляд, не соответствовали требования уставов и наставлений конкретной боевой обстановке в Афганистане?

* Автор анкеты подполковник Ю.Н.Шведов, сотрудник Института военной истории, один из авторов книги «Война в Афганистане» (М., 1991), в 1989 г., сразу после вывода войск из Афганистана, провел опрос ветеранов войны, преимущественно старших офицеров (полковников, подполковников, майоров). Анкета и результаты опросы предоставлены в 1993 г. участникам совместного проекта ИРИ РАН и РГГУ по изучению последствий войны в Афганистане.

*АНКЕТА ИРИ РАН И РГГУ
К ВЕТЕРАНАМ АФГАНСКОЙ ВОЙНЫ**

Дорогой друг!

Институтом российской истории РАН совместно с Российским государственным гуманитарным университетом проводится работа по изучению последствий войны в Афганистане. Мы обращаемся к Вам как участнику этой войны и будем очень признательны, если Вы ответите на ряд вопросов. Очень важно, чтобы все, связанное с ней, было запечатлено историей.

1. Когда и откуда Вы были призваны в ряды Вооруженных Сил?
2. На каком году службы (срочной, сверхсрочной, офицерской) Вы попали в Афганистан? (Сразу, менее полугода, через год, на последнем году службы, др.)
3. Прошли ли Вы специальную подготовку перед отправкой в Афганистан? (Да, нет.)
4. Где и сколько времени Вы служили в Афганистане? (Укажите годы.) В каких родах войск? В каком воинском звании? (Укажите все в порядке присвоения). В какой должности?
5. Приходилось ли Вам участвовать в боевых операциях? (Да, нет.) Если да, то нельзя ли указать в каких? (Армейских, локальных). Насколько частов тех и других? Боевые задания какого характера Вам приходилось выполнять?
6. Были ли у Вас ранения, контузии? (Да, нет.)
7. Как Вы переносили акклиматизацию? Были ли у Вас болезни, связанные с местными условиями?
8. Имеете ли Вы боевые награды? (Да, нет.) Если да, то какие?
9. Были ли в вашей части случаи неуставных отношений, конфликтов на межнациональной почве, нарушения воинской дисциплины?
10. Каким, по Вашему мнению, было отношение местного населения к ОКСВ?
11. Каким, по Вашему мнению, были взаимоотношения между рядовыми и младшим командным составом? Между солдатами и офицерами?
12. Когда (год _____) и в связи с чем Вы были демобилизованы? (По приказу, по ранению, по болезни, другие причины).
13. Помогает ли Вам в повседневной жизни опыт, приобретенный в Афганистане? (Да, нет.) Если да, то что из этого опыта больше всего пригодилось?
14. Место вашей работы (учебы) до призыва.
15. Место вашей работы (учебы) после ДМБ.
16. Хотели ли Вы после ДМБ продолжить свое образование? (Да, нет.)
17. Были ли у Вас сложности при поступлении на работу (в учебное заведение) в связи с тем, что Вы служили в Афганистане?
18. Удовлетворяет ли Вас нынешняя работа? (Да, нет.) Если не удовлетворяет, то почему?
19. Каким образом повлияла Ваша служба в Афганистане на взаимоотношения с окружающими Вас людьми (родными, друзьями, знакомыми)?
20. Поддерживаете ли Вы дружеские отношения с теми, кто как и Вы служил в Афганистане? (Вместе работаете, встречаетесь регулярно, время от времени, переписываетесь, др.)
21. Считаете ли Вы необходимым создание обществ воинов-интернационалистов? (Да, нет.) Если да, то с какой целью?
22. Состоите ли Вы членом такого общества? (Да, нет.) Если да, то какого и с какого времени?

23. Состоите ли Вы в настоящее время в какой-либо политической партии?
24. Оказала ли влияние служба в Афганистане на Ваше отношение к религии?
(Да, нет.)
25. Как, по Вашему, освещаются события Афганской войны в средствах массовой информации: 1) вполне объективно; 2) необъективно; 3) затрудняюсь ответить.
26. Когда и где Вы родились?
27. Состоите ли Вы в браке? (Да, нет.) С какого года? Имеете ли Вы детей?
(Да, нет.) Сколько и какого возраста?
28. Если не возражаете, сообщите свою фамилию, имя и отчество.

* Обследование проводилось осенью 1993 г. среди ветеранов Афганской войны, на момент опроса проживавших в Москве. От ИРИ РАН реализацией проекта занимался автор.

*ВОПРОСЫ ДЛЯ ИНТЕРВЬЮ С УЧАСТНИКАМИ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ XX ВЕКА**

1. Если считаете возможным, укажите свои биографические данные (фамилия, имя, отчество, год и место рождения).
2. Участником какой войны вы являетесь?
3. Кем вы были до войны? (Укажите профессию.)
4. В каком возрасте вы попали на войну? Каким образом (по призыву, добровольно, другим путем, каким именно)?
5. Где и как застало вас известие о войне? Какие чувства вызвало?
6. Сколько времени вы воевали? В каких войсках (формированиях)? В каком звании? В какой должности?
7. В какого рода операциях участвовали? Боевые задания какого характера вам приходилось выполнять?
8. Ваше отношение к войне на разных ее этапах: С какими чувствами шли на войну? С какими возвращались? Была ли вера в победу, в правоту своего дела? Как влияли на настроение людей победы и поражения?
9. Какие чувства вы испытывали в боевой обстановке? (Страх? Преодоление страха? Лихорадочное возбуждение? Что-то другое? Что именно?)
10. Какая минута, день, событие были самыми трудными, тяжелыми, опасными? Что было самым страшным для вас на войне? Что запомнилось больше всего?
11. Ваше отношение к врагу: каким его видели, воспринимали? Образ врага, противника, неприятеля – смысловой оттенок слов: что более подходит? Какое значение в этой связи имели идеологические мотивы?
12. Участвовали ли вы в разведке, во взятии «языков» и других операциях, связанных с проникновением в тыл врага?
13. Первый пленный, которого вы увидели. Ваши чувства, впечатления. Отношение к пленным вообще.
14. Что вы думаете о своих, попавших в плен к неприятелю? При каких обстоятельствах это происходило?
15. Ваше мнение о союзниках, если они были.
16. Отношения с местным населением.
17. Боевая техника (оружие) – свое и противника: на равных шла борьба или нет? Особенности партизанской войны. Система взаимоотношений «человек и техника»; чем было для вас личное оружие?

18. Климатические условия: какие трудности были с ними связаны, как их переносили?
19. Роль боевого товарищества, взаимовыручки. Взаимоотношения старших и младших. Потери друзей.
20. Взаимоотношения солдат и офицеров (рядовых и командиров).
21. Знакомы ли вам понятия «тыловая крыса», «штабная крыса», «окопная братва»? Есть ли современные аналоги?
22. Как снабжалась армия (ваше формирование) на войне? Были ли аналоги «наркомовским 100 граммам», офицерским допайкам и т.п.?
23. Солдатский быт. Трудности. Забавные случаи.
24. Были ли вы суеверны? В какие приметы верили? Повлияло ли участие в войне на ваше отношение к религии? Если да, то каким образом?
25. Минуты отдыха на войне. В каких условиях и сколько приходилось спать? Какие были развлечения? Какие песни пели?
26. Ранения, контузии, болезни. Кто и где оказывал вам медицинскую помощь? Что запомнилось из госпитальной жизни?
27. Имеете ли вы награды? Какие и за какие заслуги?
28. Женщины на войне. Как относились вы и ваши товарищи к присутствию женщин в армии, если они там были?
29. Какие письма вы писали домой с войны? Какие письма получали из дома?
30. Как вас встречали на Родине после войны? Какое было отношение к ветеранам? Какое отношение к ним сейчас?
31. Что такое война – для вас? Знакомо ли вам чувство «фронтальной ностальгии»? Мучают ли вас воспоминания, военные сны?
32. Как вы относитесь ко всему этому теперь, спустя столько лет? Как шел процесс переосмысления, переоценки прошлого?
33. Ваше отношение к тем, кто вас туда послал, - тогда и теперь.
34. Как повлияло участие в войне на вашу дальнейшую жизнь?

* Программа историко-социологического обследования участников войн и вооруженных конфликтов была разработана автором и осуществлялась им поэтапно. Осенью 1993 г. проводилось глубокое интервьюирование ветеранов Афганской войны, в 1995-1998 гг. - ветеранов Великой Отечественной войны. В дальнейшем намечается проведение опроса среди участников Чеченской войны.

В результате проведенного автором интервьюирования участников Великой Отечественной и Афганской войн получен интересный и обширный материал, который применим для анализа широкого спектра историко-психологических проблем. Тематически он гораздо шире, чем круг вопросов, рассматриваемых в настоящем исследовании. Поэтому в монографии используются ответы только на часть вопросов обследования, касающихся освещения следующих проблем: психологических феноменов, возникающих в связи с тем, что война является экстремальной ситуацией (вопросы №№ 9, 10); формирования образа врага и отношения к нему (№№ 11, 12, 13, 16); особенностей фронтного быта (№№ 22, 23, 25); веры и атеизма на войне (№ 24); отношения к женщинам в армии (№ 28); выхода из войны и посттравматического синдрома (№№ 30, 31, 32, 34).

Практически все респонденты в ходе опроса дали весьма полезную и очень интересную информацию. Все ответы носили неформальный характер, отличались большим разбросом информативности, детализации фактов, степенью эмоциональности и т.д. Вместе с тем, ответы одних и тех же респондентов на разные вопросы не были равноценны, в ряде случаев ответы на какую-то часть вопроса оказались опущены. Некоторые из респондентов просили, чтобы при использовании материалов интервью оно рассматривалось как анонимное; большинство разрешило указать их имена и основные биографические данные.

СЛОВАРЬ АФГАНСКИХ СЛОВ И ВОЕННЫХ ТЕРМИНОВ

бакшиш – подарок	лашкара – ополчение
бача – мальчик	моджахед – борец за веру
бур – английская винтовка	сарбоз – солдат
декханин – крестьянин	царандой – милиция, внутренние войска
джихад – священная война	шурави – советский
душман – враг	ХАД – органы безопасности
дукан – лавка	хальк и парчам – фракции НДПА (Народно-Демократической Партии Афганистана)
кафир – неверный, немусульманин	
кишлак – селение	
киризы – подземная система орошения	

БМП	– боевая машина пехоты
БРДМ	– боевая разведывательно-десантная машина
БТР	– бронетранспортер
ДЗОТ	– деревоземляная огневая точка
ДМБ	– демобилизация
ДОТ	– долговременная огневая точка

ТАБЛИЦЫ

Таблица 1

ВНЕШНИЕ ВОЙНЫ РОССИИ И СССР В XX ВЕКЕ

Война	Даты начала и конца, продолжительность боевых действий	Число участников боевых действий со стороны России (СССР) (чел.)
Русско-японская война	26 января 1904 г. - 27 июля 1905 г. (19 месяцев). 23 августа - Портсмутский мир	более 800 тыс.
Первая мировая война	1 августа 1914 г. - 11 ноября 1918 г. (Компъенское перемирие) (всего - 4 года 4 месяца); для России - перемирие с Германией 2 декабря 1917 г. и сепаратный Брестский мир 3 марта 1918 г.	15,1 млн. (мобилизовано до 1 марта 1917 г.)
События на оз. Хасан	29 июля - 11 августа 1938 г. (2 недели)	около 23 тыс.
Конфликт на р. Халхин-Гол	11 мая - 15 сентября 1939 г. (4 месяца)	среднемесячная численность советских войск - 69,1 тыс., монголы составляли 2260 чел., т.е. около 3%
Советско-финляндская ("зимняя") война	30 ноября 1939 г. - 13 марта 1940 г. (16 недель, или 105 дней)	более 1 млн. чел., среднемесячная численность войск - около 850 тыс. чел.
Великая Отечественная война	22 июня 1941 г. - 9 мая 1945 г. (3 года 10 месяцев 18 дней)	34,5 млн. (мобилизовано за время войны в действующую армию)
Дальневосточная кампания	9 августа - 2 сентября 1945 г. (25 суток)	около 1,7 млн..
Афганская война	25 декабря 1979 - 15 февраля 1989 г. (9 лет, или 110 месяцев)	620 тыс.

Источники: Керсновский А.А. История русской армии. В 4-х т. М. 1994. Т. 3. С. 103-104, Т. 4. С. 165-170, История русско-японской войны. 1904-1905 гг. М., 1977. С. 365; Россия в мировой войне 1914-1918 года. (В цифрах). М., 1925. С. 31; Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Стат. исслед. М., 1993. С. 139, 222, 403.

Таблица 2

ПОТЕРИ ЛИЧНОГО СОСТАВА РУССКОЙ И СОВЕТСКОЙ АРМИИ
В ВОЙНАХ XX ВЕКА

Война	Военные потери личного состава (чел.)			
	Общие	Безвозвратные	Санитарные	Пленные
Русско-японская война	около 270 тыс.	более 50 тыс.	(по разным данным - от 120 до 150 тыс.)	около 70 тыс.
Первая мировая война	свыше 7 млн. (к 31 декабря 1917 г.) (по другим данным: 1) 7,4 млн. 2) 9 млн. + 1,5 млн. дезертиров)	около 900 тыс. убитыми и умершими от ран (по другим сведениям: 1) 1,7 млн. - по данным союзников; 2) 2,5 млн. - по данным противника)	более 2,7 млн. (по другим данным - от 5,5 млн. до 7 млн.)	свыше 3,4 млн. (по другим данным - до 4 млн.)
События на оз. Хасан	4,3 тыс.	989 чел.	около 3,3 тыс.	75 чел. пропавших без вести
Конфликт на р. Халхин-Гол	24,8 тыс.	более 8,9 тыс.	около 16 тыс.	более 1,1 тыс. пропавших без вести
Советско-финляндская ("зимняя") война	391,8 тыс. (по другим данным - в 1,2 раза больше)	около 127 тыс. (по другим данным - от 130 до 150 тыс.)	около 265 тыс.	5,5 тыс.
Великая Отечественная война	свыше 29,6 млн. (по другим данным - свыше 31 млн.)	около 11,3 млн. (по другим данным - 11,9 млн.)	свыше 18,3 млн. (по другим данным - 22,3 млн.)	свыше 4,5 млн.
Дальневосточная кампания	около 36,5 тыс.	12 тыс.	24,4 тыс.	нет данных
Афганская война	484 тыс.	около 14,5 тыс. (всех ведомств - 14,75 тыс.)	около 469,7 тыс. (из них около 416 тыс., или 89% - заболевшие)	417 чел. (298 чел. - пропавшие без вести)

Источники: Керсновский А.А. История русской армии. В 4-х т. М. 1994. Т. 3. С. 103-104, Т. 4. С. 165-170, История русско-японской войны. 1904-1905 гг. М., 1977. С. 365; Россия в мировой войне 1914-1918 года. (В цифрах). М., 1925. С. 31; Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Стат. исслед. М., 1993. С. 144, 146, 403, 407.

Таблица 3

ПСИХОГЕННЫЕ ПОТЕРИ АРМИИ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ

Война	Число случаев психических расстройств на 1 тыс. человек	Участники боевых действий, получившие психические расстройства (в % к личному составу)
Русско-японская	2-3 (3000 чел. прошло через Харбинский психиатрический госпиталь)	нет данных
Первая мировая	6-10	нет данных
Вторая мировая	24-40 (на 300% больше, чем в Первой мировой)	38% (по данным зарубежных специалистов)
<i>Локальные войны:</i> Корея, Вьетнам Афганистан, Карабах, Абхазия, Таджикистан, Чечня, другие “горячие точки”	нет данных	24-28% (по данным американских психиатров) у военнослужащих срочной службы: психогенные расстройства 70% хронические посттравматические состояния 15-20% (по данным главного психиатра Министерства обороны РФ)

Источники: Съедин С.И., Абдурахманов Р.А. Психологические последствия воздействия боевой обстановки. М., 1992. С. 6; Дрейлинг Р. Военная психология как наука // Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. М., 1997. С. 161; Военная психология и педагогика. М., 1998. С. 299; Александровский Ю.А. Пограничные психические расстройства. М.-Ростов н/Д., 1997. С. 326..

Таблица 4

ПОТЕРИ РЯДОВОГО И ОФИЦЕРСКОГО СОСТАВА
РОССИЙСКОЙ АРМИИ В ВОЙНАХ XX ВЕКА

Война	Боевые потери личного состава армии (чел.)					
	Общие			Безвозвратные		
	Всей армии	Рядового состава	Офицерского состава	Всей армии	Рядового состава	Офицерского состава
Русско-японская 1904-1905	около 270 тыс. (по другим данным - 230 тыс.)	20% от общего числа солдат	30% от общего числа офицеров	более 50 тыс. (по другим данным - убито 37,3 тыс.)	убито 36 тыс., 2,5% от числа солдат (по другим данным - 45 чел. на 1 тыс. солдат)	убито 1,3 тыс. 4,1% от числа офицеров (по другим данным - более 78 чел. на 1 тыс. офицеров)
Первая мировая 1914-1918	по разным данным - от 7 до 9 млн.	свыше 6,96 млн.	по разным данным от 71,3 до 73 тыс.	по разным данным - от 900 тыс. до 1,7 млн.	по минимальным данным - свыше 855 тыс. (59,5 чел. на 1 тыс. солдат)	по разным данным убито от 17,9 до 32 тыс. (82,9 чел. на 1 тыс. офицеров)
Великая Отечественная 1941-1945	по разным данным от 29,6 до 31 млн.	27,4 млн., или 92,3% потерь	около 2,3 млн., или 7,7% потерь	по разным данным от 11,3 до 11,9 млн.	около 10,4 млн. или 92% потерь	1 млн., или 8% безвозвратных потерь; 35% от общего числа офицеров; из них 800 тыс. - лейтенанты
В том числе: Война с Германией	29,6 млн.	27,3 млн.	2,3 млн.	около 11,3 млн.	около 10,4 млн.	898,7 тыс.
Кампания на Дальнем Востоке	36,5 тыс.	43,7 тыс.	3,5 тыс.	12 тыс.	10,56 тыс.	1,47 тыс.
Афганская 1979-1989	484 тыс.	нет данных	нет данных	около 14,5 тыс.	11,6 тыс.; (79,9% к потерям)	около 2,8 тыс.; (19,1% к потерям)

Источники: Керсновский А.А. История русской армии. В 4-х т. М. 1994. Т. 3. С. 103-104, Т. 4. С. 165-170, История русско-японской войны. 1904-1905 гг. М., 1977. С. 365; Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий. М., 1973. С. 236; Россия в мировой войне 1914-1918 года. (В цифрах). М., 1925. С. 31; Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Стат. исслед. М., 1993. С. 144, 315, 146, 403, 407.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абаза А.М. 282
Абдулин М. 19, 20, 244
Авдеев И.Н. 208
Александр Михайлович, в. кн. 282
Александр III 259
Александра Федоровна 282
Александров 271
Александров Б.А. 227
Александровский Ю.А. 104
Алексеев Е.И. 280, 281, 282
Алексиевич С. 165
Амин 313, 316
Анами 300, 301
Ананьев Б.Г. 8
Андронников А. 167
Арамулов В. 52, 69, 81
Арбагов Г. 240
Аристотель 33
Архипкин И. 129
Аскоченский П.В. 197
Аушев Р.С. 220
Бабак А. 315
Баиов А.К. 7, 10
Бадиков В.А. 121, 206
Баженов В.Д. 121, 123
Бакланов Г. 119
Балашов 284
Банников А.Г. 314
Бардинцев Ю.Т. 138, 139
Батый 69
Безобразов А.М. 282
Белявский М.Т. 268
Березин М.И. 263
Берковитц Л. 27
Бессер фон 260
Бильдерлинг А.А. 6, 36
Бирилев 50
Бисмарк 157
Благовещенский 212
Бланк А. 101, 364
Блиджан И.Ю. 245
Блюментрит 190
Бодэ А.А. 227
Бок Б.И. 284
Боков Ф.Е. 274
Бондарева А.Г. 130
Борковский Д. 271
Бочкарева М.Л. 161, 218, 221
Бранд К.-Ф. 268
Бродский И. 185
Брусилов А.А. 137, 196, 217
Бугров В. 102, 103
Буденый С.М. 53, 218
Букварев С.М. 67, 169
Буравцев П.А. 84, 87, 88, 89
Бурд З. 308, 309
Бурденюк А. 229
Бурыга 270
Бучумов П.В. 252
Быков В. 186, 188, 190, 206
Ванин И.Ф. 123, 169, 241, 245
Варламов 236
Васильчикова Л. 198
Вержбицкий Н.К. 220
Верстаков В. 99
Вильгельм, кайзер 51, 211
Виротайнен И. 307
Вишневецкий В. 51
Власов А.А. 225
Волков С.В. 117
Волкоганов Д.В. 9
Войтоловский Л. 217
Воронина Е.П. 232
Воронцов И.И. 282
Врангель П.Н. 87
Вучетич Е. 227
Гадамер Х.-Г. 25
Гайдадин И.А. 123, 128, 139
Гальдер Ф. 116
Гастелло Н.Ф. 215, 221, 228, 229, 230, 276
Геништа В.И. 36
Герасимова В. 273
Герман 266
Гибшман Е. 87
Гильшер Ю. 217
Гирс Г.Ф. 7
Гитлер А. 200, 225, 263, 264, 270, 271, 275, 295, 307, 311
Головин Н.Н. 6, 7, 9, 10, 24, 46, 50, 56, 109
Гольц Ш. де 203
Горбачев М.С. 209
Горбунов Е.В. 120, 241
Грачев П.С. 220
Грейнци Р. 216
Гриппенберг О.-Ф.К. 62
Громов Б.В. 111, 220
Гудзенко С. 173
Гудкова Г.Д. 72, 134
Денисов Ф.В. 202
Деттлинг 268
Джемс У. 27
Дильтей В. 24
Дмитриев А. 178
Дмитриевский А.М. 7
Дмитриенко В. 230, 231
Добротворский Н.М. 7
Докутович Г. 164
Доманевский В. 10
Донской Дмитрий, кн. 202, 238
Драгомиров М.И. 6, 153
Дрейлинг Р.К. 7, 10, 54, 55, 74, 91
Друнина Ю.В. 96, 186
Дудоров Б.И. 285
Лука Н. 243
Дурова Надежда 160, 161, 163
Дюркгейм Э. 27

- Егоров Т.Г. 8
Ежова М.Я. 134
Екатерина II 219
Епифанов 292
Ермолов А.С. 194
Ершова Т.И. 232
Ефимович П.В. 284
Ехлаков А.Н. 86
Е. Юрий 242
- Жане П.** 27
Жанна д'Арк 160
Жданович Т. 119
Жиглинская Е.А. 86
Жиглинский А.Н. 21, 67, 84, 85, 86, 87, 88, 112, 128, 277
Жилинский Я.Г. 195, 212
Жуков Г.К. 64, 177, 186, 189, 289, 291, 292
- Зайончковский П.А.** 151
Закржеский 198
Закруткин В. 79
Залесский П. 10
Запорожец А.В. 8
Засухин С.В. 78, 81, 83
Захарченко-Шульц 163
Зензинов В.М. 12
Зубкова Е.Ю. 12
- Ибрагимов 220**
Иванова Р.М. 219
Иванов В. 317
Изместьев П.И. 7, 60, 64, 71, 82, 126, 127, 128, 135
Иоанн, митр. 203
Иолтуховский Г. 167
- Кавтарадзе А.Г.** 114
Казьмин Ю. 182
Калинкин М. 309
Калинин А. 229
Каминский Ю.И. 21, 84, 85, 87, 88, 89, 277
Кардин В. 95, 117, 189
Карпов В.В. 132, 225
Катаев В.П. 286, 287
Катукова Е.С. 273
Качанов Ю.И. 149
Керсновский А.А. 7, 10, 135, 144, 145, 146, 217
Киган Дж. 12
Кирсанов С. 167
Клаузевиц К. 33, 57, 60
Клочков В.Г. 226
Клубков В. 232
Ковтун Д.П. 183
Кожедуб И.Н. 229
Кожина Василиса 160
Колесников Н. 11
Кон Л.Ф. 87
Кондратенко Р.И. 217
Кондратьев В. 25, 95, 96, 108, 117, 149, 173, 174, 186, 188, 206, 227
Копелев Л. 271
Корабельников М.П. 166, 243
Коренев Н. 231
- Корж О.В. 166
Коробейников М.П. 8, 56
Коротеев В. 232, 233
Корф Н.А. 9
Космодемьянская З.А. 215, 222, 231, 235
Котовский Г.И. 53
Коупленд Н. 8, 57, 66, 193
Кочетков М. 165
Кошевая Е.Н. 235
Кошевой О.В. 235
Кравков В.П. 239, 283, 284
Краинский Н. 10
Краснов П.Н. 7, 10, 60, 61, 63, 68, 109, 110, 163
Кривель А.М. 77, 133, 298
Кривицкий А. 233
Кровицкий Б. 157
Крымов 212
Крючков К.Ф. 219, 220
Кузнецов А.А. 189
Куковеров П. 67
Кулик (Петрушина) П.Я. 232
Куликов В. 186
Кунцевич С. 274
Куприн А.И. 286
Курлов 197
Куропаткин А.Н. 217, 282
Кутузов М.И. 182, 202
- Лайтинен Э. 308, 309, 310
Лазо С.Г. 53
Ларан М. 276
Ласкин Б. 304
Лебедев-Кумач В.И. 227
Левинсон Г.И. 87
Леер Г.А. 6
Ленин В.И. 10, 34, 202
Леонтьев А.Н. 8
Леонов И.А. 133
Леонов Л. 275
Летуновский 200
Лешинский И. 235
Лидова Г.Я. 231
Лидов П. 231
Линда К.П. 111, 194
Линдерман Л. 131
Линднер Х. 267
Литвинцев С.В. 48
Лихачев И.А. 198
Луков Г.Д. 8, 59
Лурия А.Р. 8
Любимов С. 231
- Макаров С.О.** 6, 217
Мак-Нейл Э. 27
Макшерри Дж. 295
Мамедов К. 265
Маннергейм К.-Г. 38, 306, 310
Маресьев А.П. 215, 217
Маринеско А.И. 225
Мариюшкин А. 10
Маслов А.С. 230

Маслов И.П. 6
Маслоу А. 27
Матросов А.М. 215, 222, 228, 230, 235, 276
Мацко 235
Медведев Р.А. 268, 278
Мельников С. 158
Мельниченко Н.А. 96
Мерцалов А. 227
Месснер Е. 10
Мехлис Л.З. 200
Мид Д. 27
Минин Кузьма 202
Минц С.Е. 7
Мироненко Г.Т. 128, 138
Михайлов М. 103
Михайлов Н.А. 232
Михневич Н.П. 9
Молотов В.М. 200, 201, 305
Момыш-Улы Б. 55, 159
Морозов И. 73, 100, 314
Морозов П. 222
Мосин С.И. 127
Мутсихито 287
Мэхиди У.-П. 102
Наджибулла 41
Наполеон 44
Нахимов П.С. 182
Небогатов Н.И. 217, 286
Невакиви Ю. 306
Невский Александр, кн. 182, 202
Недурубов К.И. 219
Незнамов А. 128
Нестеров П.Н. 137, 217, 218, 246
Нечаев А.П. 7
Нечипоренко В.В. 93
Николай II 194, 281, 283
Николай Николаевич, в. кн. 198
Новицкий Е. 10
Ноги М.-К. 287
Носатов В. 103
Образцов И.В. 10
Огнева Е.И. 86
Ойяма 285
Окороков А.Д. 272
Окуджава Б.Ш. 237
Олдингтон Р. 97
Ольховский П. 10
Омельченко О.Я. 130, 165
Омельченко Н. 244
Ослябя 238
Павел I 238
Павленко 178
Павлов И.П. 68
Павлов Я.Ф. 228
Пальшина А.Т. 163
Пашкевич М.М. 72, 150
Паулус Ф. 263
Пересвет 238
Песков В. 229
Петр I 238, 265
Петр Николаевич, в. кн. 197
Пирейко А. 163
Платонов 270
Платонов К.К. 8
Плеве В.К. 282
Плетнев В. 70, 185
Подколзин К.В. 132
Пожарский Дмитрий, кн. 202
Полевой Б. 21, 215
Полин 200
Полонская Т. 87
Полянский В.Н. 7
Попов А. 10
Попов П.А. 80, 111, 122, 123, 138, 246
Поршнев Б.Ф. 11
Посылаев Н.С. 166
Пушкарев Л.Н. 244, 245
Пушкин А.С. 160, 265
Пырьев И.А. 304
Равдина Т.В. 87
Радонежский Сергей 238
Раздубев В.А. 9
Райт К. 33, 34
Резанов А.С. 7
Рейган Р. 209
Ремарк Э.-М. 58, 93, 97
Репнинский Я. 216
Решетникова Н.Н. 180
Реутов Г.В. 230
Рид Д. 52, 158
Роджерс К. 27
Родзянко М.В. 282
Рождественский З.П. 50, 217
Розен 243, 280
Рокоссовский К.К. 271
Рубинштейн С.Л. 8
Руднев В.Ф. 216
Румянцев Н.М. 292, 293
Руцкой А.В. 220
Савельев 134
Сальнина 232
Самойлов Д. 21, 67, 108, 118, 132, 166, 271, 274
Самсонов А.В. 137, 210, 212
Сармакешев В.Н. 132, 134
Сартр Ж.-П. 27
Сахаров А.Д. 86, 99
Свиридов А. 131
Свиридов С.А. 231
Себелев П.М. 264, 278
Севастопольская Даша 161
Северский А. 217
Сент-Экзюпери А. де 93
Сенявский С.Л. 149
Серебрянников В.В. 3, 11, 57
Сильницкий 198
Симакова 235
Симонов К. 20, 21, 25, 74, 93, 109, 129, 136, 167, 168, 174, 187, 229, 235, 245, 264, 265, 275, 292
Скерфилд Р. 364
Скобелев М.Д. 110

Скоробогатый Г. 229
Слуцкий Б. 95
Смирнова А.В. 231, 232
Смирнов С. 222
Смирнов Ю.В. 215, 221, 226, 235
Смит Дж. 101
Снесарев А.Е. 7
Сокирко В.А. 71, 120, 124, 168, 207, 208, 240, 246
Солнцев И.Е. 231, 232
Соловьев 269
Соловьев С.С. 10
Сорокин З.А. 215
Сорокин С. 233
Сталин И.В. 83, 176, 185, 186, 189, 201, 202, 206, 222, 225, 227, 229, 230, 231, 270, 271, 296, 310
Степанова Т.М. 165
Степанов Ф.В. 111
Стессель А.М. 217
Стовба А.И. 216
Студенская Е.М. 216
Суворов А.В. 180, 202
Суворов А.Н. 7
Судзуки 295
Сурков А. 267

Талалихин В.В. 215, 221, 228
Таракуль 228
Таубе 280
Твардовский А.Т. 228
Теплов Б.М. 8, 69
Тимошенко С.К. 178
Тирпиц 283
Титаренко В.В. 208
Тищенко 232
Тодзио 295
Токарев С.Н. 70, 72, 119, 139, 207, 242, 244, 246
Толстой А.Н. 136, 197, 264
Толстой Л.Н. 93
Травкин И.В. 134
Третьякевич В. 225
Трубецкой С.Е. 286
Тюрпека С.Т. 228

Узнадзе Д.Н. 27
Ушаков Ф.Ф. 182

Фадеев А. 233
Феденко Н.Ф. 8, 9
Федорченко С. 163
Федюнинский И.И. 292

Фесюн С. 314
Фиалковский В.В. 293
Фигуркин С.В. 122
Фирсов 243
Форсель В.П. 259
Франкл В. 27
Фрейлих С. 172
Фромм Э. 27
Фрунзе М.В. 7
Фурманов Д.А. 71

Хайдеггер М. 26, 27, 55
Хастингс М. 12, 25
Хаттори 299
Хемингуэй Э. 93
Хенриксен В. 25
Хмельницкий Богдан 182
Холмс Р. 12
Хорни К. 27
Хрушев Н.С. 199
Хубилай 298

Цыкин Е. 87

Чапаев В.И. 53, 218
Чемоданов Г.Н. 68, 70, 72, 75, 108, 161, 162, 242, 243
Чернецов И.И. 21, 84, 85, 86, 88, 89, 239, 260
Чернышев В. 232
Чингисхан 298
Чихарев 200

Шарапов Ю.П. 94, 148, 180, 310
Шатров А. 315, 317
Шатров И. 217
Шведов Ю.Н. 365

Шекспир У. 160
Шелль Е. 11
Шеляг В.В. 8
Штайм Е. 274
Штейфон Б. 11
Шувалов И. 183
Шумков Г.Е. 6, 9

Эренбург И. 30, 265, 271
Эйзенхауэр Д. 240

Юнг К. 27
Юнгер Э. 58

Ямасита 295
Ямада Отодзо 296
Янушкевич Н. 212
Ясперс К. 26, 27, 55

СПИСОК АРХИВНЫХ ФОНДОВ

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ (РГВИА)

Фонд 487. Материалы комиссии по написанию истории русско-японской войны 1904-1905 гг.

Фонд 391. Первая мировая война 1914-1918 гг.

Фонд 2019. Штаб Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта, 1914-1915 гг.

Фонд 2020. Канцелярия Главного начальника снабжений армий Северо-Западного фронта, 1914-1915 гг.

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВОЕННЫЙ АРХИВ (РГВА)

Фонд 103. Политотдел Украинского фронта. 1919 г.

Фонд 104. Управление армиями Западного фронта. Штаб фронта. Разведотдел. 1920-1923 г.

Фонд 31688. Управление лагеря военнопленных г.Ростова-на-Дону и г.Нахичевани. 1920-1921 г.

Фонд 40215. Армия и учреждения Военного ведомства бывших белых правительств.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ЦАМО РФ)

Фонд 33. Главное Управление Кадров. *Опись 686044.* Воздушные Армии.

Фонд 214. Ежедневная красноармейская газета Карельского фронта «В бой за Родину!»

Фонд 372. Политотдел 19-й Армии Карельского фронта, 1942-1945.

Фонд 90 олтп. 90-й отдельный линейный танковый полк.

Фонд 387. Политотдел 32-й Армии Карельского фронта, 1942-1944 г.

Фонд 1215. 45 стрелковая дивизия, 1941 г.

Фонд 1587. Газета 289 стрелковой дивизии «На разгром врага».

Фонд 3124. Политический отдел 38-й отдельной гвардейской тяжелой танковой бригады, 1944-1945.

Фонд 3125. 38 отдельная гвардейская тяжелая танковая бригада, 1944-1945.

ЦЕНТР ДОКУМЕНТАЦИИ «НАРОДНЫЙ АРХИВ» ПРИ МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ИСТОРИКО-АРХИВНОМ ИНСТИТУТЕ (ЦДНА ПРИ МГИАИ)

Фонд 111. Семейный архив Гусаковых, 1916-1917 гг.

Фонд 118. Сынгаевские-Жиглинские. Семейная переписка 1896-1918 гг.

Фонд 196. Письма, адресованные Е.И.Огневой, 1914-1918 гг.

Фонд 349. Документы и письма А.В.Алмазова (1919-1943 г.)

Отдел мемуаров, устных воспоминаний.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ЦМ ВС РФ)

Документальный фонд

Фонд снайперов М.С.Поливановой и Н.В.Ковшовой. Письма с фронта, 1941-1942 гг.

Фонд мл. лейтенанта Л.Е.Андреева. Письма к матери, 1944-1945 гг.

Фонд лейтенанта А.У.Набоки. Письма с фронта. 1944 г.

Фонд сержанта Д.Е.Власенко. Письма с фронта, документы. 1945 г.

Фонд летчицы Е.Рудневой. Дневник.

Фонд генерал-майора И.М.Либовцева. Письма с фронта. 1941-1942 гг.

Последние письма с фронта.

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (БГМИ ВОВ)

Инв. 36792. Дневник летчицы Г.И.Докутович, 1943 г.

Инв. КП 34965, КП 37741. Фронтальной и партизанский фольклор.

КП 13495, КП 30748. Фронтальные газеты. «В бой за Родину», 1943 г.; «За Родину!», 1944 г.; и др.

ЦЕНТР ХРАНЕНИЯ ДОКУМЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (ЦХДМО)

Фонд 7. *Опись 2.* Ед. хр. 649. Д. 5. Материалы об увековечении памяти З.А.Космодемьянской.

МУЗЕЙ БОЕВОЙ СЛАВЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. М.В.ЛОМОНОСОВА (МБС ИФ МГУ)

Личный фонд Т.А.Бауэр. Письма с фронта, 1942 г.

Личный фонд М.Т.Белявского. Дневники. Письма с фронта, 1941-1945 г.

Личный фонд Л.Н.Беселева. Письма с фронта, 1941 г.

Личный фонд Г.Н.Бибикова. Письма с фронта, 1942 г.

Личный фонд Ю.С.Герша. Фронтальные стихи.

Личный фонд П.И.Горбачевского. Письма с фронта, 1941-1942 г.

Личный фонд М.Л.Дивинского. Письма с фронта, 1942-1943 г.

Личный фонд Н.Б.Зубкова. Фронтальные стихи.

Личный фонд С.И.Казиницкого. Письма с фронта, 1945 г.

Личный фонд Ю.И.Каминского. Письма с фронта, 1942 г.

Личный фонд И.П.Кора. Письма с фронта, 1941-1945 г.

Личный фонд Б.М.Ляндберга. Письма с фронта, стихи, 1941 г.

Личный фонд Т.А.Логуновой. Дневники, документы. 1941-1945 г.

Личный фонд П.М.Марьяничева. Письма с фронта, 1943 г.

Личный фонд А.М.Сонина. Письма с фронта, 1943 г.

Личный фонд Л.Б.Розенберга. Письма с фронта, 1942 г.

Личный фонд Е.В.Хесина. Письма с фронта, 1941-1942 г.

Личный фонд Е.В.Хесин-Лурье. Письма с фронта, 1941 г.
Личный фонд В.И.Шихаева. Письма с фронта, 1941-1942 г.
Личный фонд В.С.Эйсымонта. Письма с фронта, 1942 г.
Личный фонд И.Г.Яшунского. Письма с фронта, 1941 г.

ЛИЧНЫЕ АРХИВЫ ВЕТЕРАНОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Личный архив Л.Н.Пушкарева. Письма с фронта. 1941-1945 гг.

Личный архив С.Л.Сенявского. Документы. Письма с фронта. Дневники. Воспоминания. 1941-1945 гг.

Личный архив Ю.П.Шарапова. Переписка с Н.Н.Решетниковой. 1942-1945 гг.

Личный архив А.М.Щетинина. Дневник стрелка-радиста Г.Т.Мироненко. 1941-1944 гг.

Личный архив М.В.Штапкиной. Записи фронтовых песен.

ЛИЧНЫЙ АРХИВ АВТОРА

Переписка с ветеранами Великой Отечественной войны.

Записи воспоминаний, материалы «глубокого интервью» ветеранов Великой Отечественной войны (на магнитных носителях и в текстовой расшифровке).

Записи воспоминаний, материалы «глубокого интервью» ветеранов Афганской войны (на магнитных носителях и в текстовой расшифровке).

Материалы авторских историко-социологических исследований (программы, методики, материалы анкетирования и опроса).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
<i>К истории изучения проблемы</i>	<i>5</i>
<i>Цели и задачи исследования</i>	<i>13</i>
<i>Источниковая база исследования</i>	<i>17</i>
<i>Методология и методика исследования</i>	<i>23</i>
Часть I. ВОЙНЫ РОССИИ В XX СТОЛЕТИИ И ПСИХОЛОГИЯ ИХ УЧАСТНИКОВ	
Глава 1. Россия в войнах XX века: социальный и историко-психологический ракурс	33
<i>Война как общественное явление.</i>	
<i>Краткая характеристика российских войн в XX веке</i>	<i>33</i>
<i>Война как историко-психологическое явление.</i>	
<i>Мировые войны - феномен XX века</i>	<i>44</i>
<i>Образ войны как феномен общественного сознания</i>	<i>48</i>
Глава 2. Человек в экстремальных условиях войны	54
<i>Война как пограничная ситуация</i>	<i>54</i>
<i>Героический порыв и паника на войне</i>	<i>59</i>
<i>Психология боя и солдатский фатализм</i>	<i>66</i>
Глава 3. Психология военного быта	74
<i>Понятие и структура фронтового быта</i>	<i>74</i>
<i>Фронтовой быт глазами участников войн XX века</i>	<i>84</i>
Глава 4. Проблема выхода из войны	91
<i>Психология комбатантов и посттравматический синдром</i>	<i>91</i>
<i>Большие проблемы «малой» войны: «афганский синдром»</i>	<i>98</i>
Часть II. РОССИЙСКАЯ АРМИЯ В ВОЙНАХ XX ВЕКА: ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ	
Глава 1. Рядовой и командный состав армии: особенности психологии	107
<i>Военная иерархия и социально-групповая психология</i>	<i>107</i>
<i>Корпоративность офицерского корпуса.</i>	
<i>Судьба комсостава в межвоенный период</i>	<i>111</i>
<i>Взаимоотношения рядового и командного состава в боевой обстановке</i>	<i>116</i>

Глава 2. Военно-профессиональные категории на войне	126
<i>Профессиональная военная психология и ее особенности</i>	126
<i>Взаимоотношения родов войск: взаимодействие и соперничество .</i>	135
Глава 3. Социальные и демографические характеристики военнослужащих	142
<i>Особенности возрастной структуры и психологии</i>	142
<i>Социальное происхождение и образовательный уровень</i>	151
<i>Национально-психологический аспект</i>	156
Глава 4. Женщины на войне – феномен XX века	160
<i>Дореволюционная ситуация: исключение из правил</i>	160
<i>Советская эпоха: от равноправия в мирной жизни к равенству на войне</i>	164
<i>Афганский опыт и современность: эволюция феномена</i>	168
Глава 5. Фронтное поколение Великой Отечественной	171
<i>Феномен фронтного поколения</i>	171
<i>Условия формирования и динамика психологии фронтовиков в ходе войны</i>	174
<i>Поколение победителей в первые послевоенные годы</i>	184
Часть III. ПСИХОЛОГИЯ И ИДЕОЛОГИЯ ВОЙНЫ: ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМОСВЯЗЕЙ	
Глава 1. Идеологический фактор в войнах XX века	193
<i>Официальная мотивация войн и ее восприятие массовым сознанием</i>	193
<i>Морально-психологическое состояние войск и идеология</i>	209
Глава 2. Символы и мифы войны	214
<i>Героические символы как феномен общественного сознания</i>	214
<i>Героические символы Великой Отечественной: реальность и мифология войны</i>	223
Глава 3. Религиозность и атеизм на войне	238
<i>Вера и атеизм на войне как социально-психологическая проблема</i>	238
<i>Солдатские суеверия как форма бытовой религиозности</i>	242

Часть IV. ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА

В ВОЙНАХ XX ВЕКА

	251
Глава 1. Проблема «свой-чужой» в условиях войны и типология образа врага	257
	257
Глава 2. Образ врага в сознании участников мировых войн	
<i>Образ врага в сознании участников Первой мировой войны</i>	263
<i>Образ врага в сознании участников Великой Отечественной войны</i>	276
<i>Общее и особенное в формировании образа врага в двух мировых войнах</i>	280
	280
Глава 3. Образ врага в локальных и мировых войнах	305
<i>Япония как противник России в войнах XX века</i>	311
<i>Финны во Второй мировой войне</i>	318
<i>Исламское общество Афганистана глазами воинов-«афганцев» .</i>	330
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
ПРИМЕЧАНИЯ	
ПРИЛОЖЕНИЯ	357
Историко-социологический и историко-психологический инст- рументарий	357
<i>Анкета Г.Е.Шумкова к участникам русско-японской войны.....</i>	360
<i>Вопросы к офицерам и генералам Русской армии - участникам русско-японской войны</i>	361
<i>Результаты опроса о душевных переживаниях на войне участ- ников Первой мировой войны</i>	362
<i>Вопросы К.М.Симонова к ветеранам Великой Отечественной</i>	364
<i>Клиническое интервью Р.Скерфилд и А.Бланк к участникам боевых действий</i>	366
<i>Вопросы анкеты Ю.Н.Шведова к участникам Афганской войны</i>	
<i>Анкета ИРИ РАН и РГГУ к участникам Афганской войны</i>	367
<i>Вопросы для интервью с участниками вооруженных конфликтов XX века</i>	369
	370
Словарь афганских слов и военных терминов	374
Таблицы	378
Именной указатель	
Список архивных фондов	

**Елена Спартаковна
СЕНЯВСКАЯ**

**ПСИХОЛОГИЯ ВОЙНЫ В XX ВЕКЕ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РОССИИ**

Отпечатано с готового оригинал-макета

ЛР № 030457 от 14.12.1992. Подписано в печать 20.10.99.
Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 30,96. Уч.-изд.л. 30,92. Тираж 1500 экз. Заказ № 1252.

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
129256, Москва, ул. В.Пика, д. 4, корп. 1. Тел. 181-01-71 (дирекция);
Тел. / Факс 181-34-57 (отдел реализации)

ППП типография «Наука»
121009, Москва, Шубинский пер., 6